ФАНТАСТИКА 2006

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

ИННА ЖИВЕТЬЕВА

ЛЕОНИД КАГАНОВ

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

Г. Л. ОЛДИ

ЮЛИЯ ОСТАПЕНКО

СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ

И ДРУГИЕ...

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ

ФАНТАСТИКА 2006

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ

ФАНТАСТИКА 2006

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ХРАНИТЕЛЬ

МОСКВА 2006

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Ф22

Серия «Звездный лабиринт» основана в 1997 году

Составитель Н.А. Науменко

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Подписано в печать 26. 07.06 Формат 84x108 $^1/_{32}$.
Усл. печ. л. 30,24. Тираж 15000 экз. Заказ № 4168 Э.

Фантастика 2006. Вып. 2. [сб.] -- М.:АСТ:АСТ МОСКВА:
Ф22 ХРАНИТЕЛЬ, 2006. -- 574, [2] с. – (Звездный лабиринт)

ISBN 5-17-037615-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-3469-7 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 5-9762-0688-3 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

Поклонники отечественной фантастики!

Перед вами — одиннадцатый выпуск популярного альманаха «Фантастика», с неизменным успехом выходящего уже шесть лет!

Новые рассказы, повести и статьи Сергея Лукьяненко и Евгения Лукина, Леонида Каганова и Юлии Остапенко, Сергея Чекмаева — и творческого дуэта Г.Л. Олди!

Все это — и многое, многое другое — в новом сборнике «Фантастика».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© ООО «Издательство АСТ», 2006

ФАНТАСТИКА, ФАНТАСТЫ, ФАНТАСНЯ

Вместо предисловия

Круглые даты так и взывают к классике, особенно литературные. Поскольку наша Фантастика как есть литература и таковой пребудет всегда, причем литература поистине народная и даже всенародная, обратимся к... К Некрасову, отчего бы и нет? Народнее некуда.

Итак...

«Десять лет, как вы на воле...»

Не из самых известных цитата, посему позволю себе напомнить:

Сын с отцом косили в поле,
Дед траву сушил...

Увы, полтора века — не шутка, комментарии требуются. Иначе нынешний читатель, к иному, неклассическому языку привыкший, законно поинтересуется: от чего именно «косили» сын с отцом на упомянутом поле? А уж какую «траву» сушил дед, сразу поймут, без подсказок. Нет, не глумлюсь я, ни над Николаем Алексеевичем, ни над современными «юношами бледными со взорами горящими». Не глумлюсь, проблему ставлю. Иначе и огород городить ни к чему, достаточно напомнить — и поздравить.

© А. Шмалько, 2006.

Десять лет, как вы на воле...

Десять лет великому Книжному Буму 1996-го. Десять лет современной русской (русскоязычной, ненужное зачеркнуть) Фантастике. Две полные пятилетки все мы, великие и не очень, создавали ее, строили, от фундамента до конька-дракона на крыше. Тем, кто примкнул к нам только сейчас, позволю заметить: не всегда было легко.

Построили. Новая Фантастика, рожденная в середине бурных 90-х, — ЕСТЬ.

Но прежде чем отпустить всех в буфет и самому туда проследовать, ибо повод и в самом деле имеется, да еще какой, давайте для начала дослушаем Некрасова.

Сын с отцом косили в поле,
Дед траву сушил.
«Десять лет, как вы на воле,
Что же, братцы, хорошо ли?» —
Я у них спросил.

На этот несложный вопрос так и хочется дать столь же простой ответ:

«Кому как».

1

Чего мы хотели десять лет назад?

Фэньё, меряющее всех по себе, охотно проорет, ответить не позволив: «Денег они хотели, денег! Бабла рубить немерено!»

Не будем ханжить. Хотели, конечно. Времена стояли непростые, гонорар, даже самый условный, смешной по нынешним масштабам, казался манной небесной. Только того не понимает фэньё, что предвидеть Великий Бум было трудно, почти невозможно. Надеяться, что рукопись, набитая на машинке «Олимпия», или (редкий случай) самиздатовский томик на желтой бумаге принесут в ближайшем будущем бочку варенья и корзину печенья, мог только самый закоренелый

оптимист. Поэтому зарабатывали иначе, и если надеялись, то вовсе не на доход от написанного ночами, в свободное от работы и «халтуры» время. Пусть похихикают нынешние циники, но Фантастика жила энтузиазмом — и энтузиастами.

Смешно, правда?

Поэтому не о «бабле» мечталось, а о самом простом, но, увы, недоступном — чтобы печатали. Просто печатали. Нас.

Зачем напоминаю? Нет, не ради медали «Пережившему 90-е», а для доказательности следующего тезиса: «в стол» писалась не пресловутая «конъюнктура». Хватало и ее — переводы, литературные записи кинофильмов (помните?), редактура, наконец. Но «в стол» — это для себя, это, извините, с претензией. Не на «нетленку» (от подобного и тогда тошнило), не на место в «боллитре» — на право стать писателем. Не «автором», как ныне модно выражаться, не «сочинителем», именно писателем, создающим Литературу.

Отсюда и мечта, претензия, требование: издайте и признайте! Нас — и нашу Фантастику.

И грянул Великий Бум...

Можно вспомнить те упоительные месяцы, первые томики с глянцевыми чертями на обложке, первые гонорары (да! да! да!), и автографы, тоже первые. Прямо из старого романса: «Ах, как кружится голова, как голова кружится!».

Можно вспомнить. А можно и о другом подумать.

Книжный Бум если и был чудом, то вполне закономерным. Позже поясняли: издатели наконец-то поняли, что спрос будет не только на книги авторов с иноземными фамилиями, но и на своих, отечественных. Детективщики пример подали, мы — за ними устремились. Верно, но только в самом общем плане. Конкретной причиной стало то, что начали ловить «пиратов», издающих иностранцев «безвозмездно, то есть даром». Столь любимая всеми «халява» заканчивалась, и люди, умеющие считать деньги, рассудили здраво. А не попробовать ли своих? Договора заключать проще, платить меньше. Взяли — и попробовали.

Эта проза вот к чему. В прежние годы примат имела идеология, под нее Фантастику равняли, иногда самым прокрустовым способом. Теперь речь пошла о деньгах. А капитал, как справедливо выразился Карл Маркс, стремится не просто к прибыли, а к прибыли наибольшей. В этом и был великий соблазн Великого Бума. Нам сказали: печатать будем, но и вы должны понимать. Читатели — это «народ», а «народу» изыски, извините, противопоказаны. Кто с «народом», у того и тиражи будут гуще.

Никого не виню (издательства без дохода не выживут), лишь поясняю. Нас предупредили, не обязательно вербально, но уж намеком, точно. Кто услышал, кто нет.

С тем и родилась современная Фантастика. Прожила десять лет и сейчас здравствует. «Строили, строили, наконец, построили». Но что именно? То, о чем мечтали, чего хотели? Тот Дом, Фэн-Дом, который думали возводить для себя и будущих поколений?

Один наш коллега-критик припечатал современную фантастику выражением «Серая чума», позаимствованным у некоего молодого автора. Автор обиделся — не для того книгу писал. Поэтому «чумой» именовать не станем, но и Фантастикой большую часть нынешней «продукции» назвать трудно. Не Фантастика — фантасня. «Глянцевая дешевка», «литература, писанная дебилами — и для дебилов».

Не ругаюсь — цитирую. И то в смягченном виде.

Как же дошли мы до жизни такой?

2

«Читатель ждет уж рифмы «розы» (А.С. Пушкин). Раньше, мол, и вода была мокрее, и солнце светило ярче, и писатели творили не только за-ради упомянутых бочки и корзины. А вот ныне молодежь пошла!..

Нет, не дождетесь! Во-первых, молодежь не сама пошла, ей пути указали. А во-вторых, давайте-ка лучше по порядку.

Для начала несколько очевидных, часто повторяемых истин, но с поправками:

1. Фантастика, несмотря ни на что, жива. Не умерла и не похоронена, что бы там ни каркали всякие черные вороны.

Верно? Да. Только не совсем та Фантастика, о которой мечталось десять лет назад. Или даже совсем не та.

2. Незачем ругать литературный «поток», в нем всегда плохих книг на порядок больше, чем хороших.

Правда? Правда, конечно. Но плохая книга тоже разная. Одно дело, неважнецкая фантастика, иное — откровенная фантасня, где нет ничего: ни языка, ни сюжета, ни идеи, ни собственно фантастики, только килобайты с претензией и синтаксическими ошибками. Если сравнить плохую фантастическую книгу даже 1980-х (!) с нынешним «осадком», сравнение не в нашу пользу.

3. Уровень литературы меряют не по плохим, а по хорошим авторам. Такие авторы у нас есть, причем их немало.

Это так. Только в последние годы слишком часто эти хорошие авторы пишут книги, скажем очень мягко, явно уступающие их возможностям.

4. Несмотря на все трудности, мы доказали, что Фантастика — Литература.

Доказали — но больше для самих себя. Дело не в «боллитре», не в официальных критиках и уже набивших оскомину «толстых» журналах. По большому счету никому все они не нужны, без нас околеют. А вот потеря огромного числа потенциальных читателей — тех, кто всегда читал Фантастику, прежде всего образованной молодежи, это уже серьезно. Самое же обидное — уход читателей-ветеранов. Сколько раз приходилось слышать, будто Фантастика кончилась на Стругацких. Не всегда такие слова — поза или результат незнакомства с предметом. Иногда, увы, выстраданная позиция.

Желающие могут подтвердить (или опровергнуть, их право) вышеперечисленные константы имеющимися фактами, прежде всего объективными: тиражами. Большая литература —

большие тиражи. Съешьте свою шляпу, господа эстеты, но это так.

Слышу, слышу вой фэнья из виртуальной подворотни: по гонорариям тоскует, мало, мало ему! Фэнью не понять, что возможность быть услышанным для нормального человека не менее ценна, чем «бабло». Понимает? Тогда это не фэньё, извиняюсь. Но и с гонорариями проблема. Наипростейшие расчеты показывают, что читателей у нас, у Фантастики, могло быть значительно больше. Если не в десять раз, то в пять-шесть, уж точно.

Итак, в славном 1996-м Фантастика воскресла только лишь затем, чтобы докатиться до фантасни? И все эти десять лет — лишь затянувшаяся история грехопадения?

И опять-таки нет. Если бы все было так просто!

Две пятилетки «новой» Фантастики — два разных этапа ее жизни. Очень, очень разных.

Вспомним!

Первые годы — подъем. Не только чисто количественный, не только урожайный на яркие имена. Формировалось новое отношение к Фантастике, не только изнутри, у верных читателей, но «со стороны». Показателем стало появление целого ряда серьезных литературоведческих работ, справочников, даже энциклопедий. Фантастикой начала интересоваться не только «тусовка», но и настоящие ученые — исследователи литературы. Защищались диссертации, на ряде кафедр истории литературы появилась соответствующая специализация.

Мало? Можно добавить: произведения некоторых наших коллег были включены в школьные списки литературы для внеклассного чтения, по ним писались доклады и рефераты. Их не боялись рекомендовать детям.

Нами перестали пугать детей, задумайтесь, коллеги!

Показателем вполне могли считаться и участившиеся вопли ненавистников Фантастики. Тон проклятий и анафем был таков, что и без эксперта понятно: «эстеты» нас начали бо-

яться. «Боллитра», «дети капитана гранта», почувствовали настоящих конкурентов.

Можно и возразить — это лишь внешний шум, эхо, отражение в кривом зеркале. О книгах бы побольше! Охотно. К концу первой нашей «пятилетки» книги по Фантастике начали приобретать цивилизованный вид. Качественная бумага, качественная обложка, неплохие иллюстрации. Не у всех, не везде, но тенденция была очевидна.

И это не важно? Нет, важно, и очень. Отношение к нашему главному «продукту», к книге и есть отношение к писателям, к Фантастике.

Нас начал уважать работодатель.

Сами книги были разные, и авторы разные, но курс, взятый в год Великого Бума, казался верным и безошибочным. Вслед за поколением-1996 в литературу вступали следующие, от Олега Дивова до «стирателей», жить становилось все лучше, все веселее...

А между тем... Самое время указать на супостатов, что подобное злодею из «Пятнадцатилетнего капитана», подложили под компас железный груз...

Супостатов не было. А если и выискивать их, то исключительно в зеркале.

3

Можно, конечно, кивнуть на Время. И не без некоторых оснований.

Книги зависят от читателя. Никакая башня не из какой кости не оградит творца от читательских ожиданий. Не обязательны пожелания редактора, и бессвязные реплики в Сети («ацтой!») тоже не нужны. Писатели знают, чувствуют, понимают. Иное дело, какова их готовность к компромиссу с Хроносом. И к какому именно компромиссу.

Но сначала о читателях. Фантасты привыкли писать для тех, кто «ищет странное». Таков был читатель и век, и полве-

ка, и четверть века назад. Образованная молодежь — и те, кто остался молодым в душе. Таких и звала за собой Фантастика — хоть на планету Зеленого Солнца, хоть в парк Юрского периода.

Мы привыкли, но времена быстро менялись. Поколения, выросшие в 90-е, имели уже иные приоритеты. Я не о единицах, я о массе, об общей тенденции. Наука, с которой Фантастика была когда-то неразлучна, стала неинтересна, «приключения мысли» — откровенно скучны. Взамен предлагалась уже опробованная западная модель — фантастика как развлекательное чтиво для домохозяек, бейсболистов и прочих «даунов» из даун-таунов. Антураж ваш (фантастический) — идеи наши («даунские»).

Это и стало неприметной вначале составляющей Бума-1996. Увы, капитал стремится именно к наибольшей прибыли. Искателей «странного» мало, домохозяек и бейсболистов и откровенного «ацтоя» — на порядок больше. Опыт уже имелся, в голодные годы не один из нас был вынужден кропать книжки «на потребу».

Голод кончился, соблазн остался. Поколение «ацтоя» было готово платить.

И что было делать? «Встать бы этаким гремящим скандалистом» (В. В. Маяковский), рубануть: не будем писать макулатуру для дебилов, не продадим родную Фантастику! И что? Одни не продали — другие бы нашлись. И свято место пустым не бывает, а уж денежное!..

К сожалению, нашлись — и одни, и другие, и даже третьи...

Не только в деньгах, конечно, дело, они лишь голозадому фэнью солнце застят. Не бедствовали мы уже, перебились бы как-то. Проблема в том, что аккурат к концу первой нашей «пятилетки» все, и постарше, и молодые, уж высказались сполна. «Стол» опустел. Запас не только рукописей, но даже идей, с которыми мы вступили в Фантастику, по сути, исчерпался. И эпоха сменилась, не станешь же вечно ругать ком-

мунизм и ВТО! А что взамен, о чем-то писать-то? Проблема, тема, подход? С идеалами декохт, с идеями — тоже...

И пошел народ на вольные хлеба.

Не хочется ругаться. Праздник все-таки, юбилей. К стихам тянет, к одам, к элегиям.

Что ж, можно и так.

Когда наш бренный прах да на погост снесут,
Явиться должно будет всем на Страшный суд,
Груз книжек волоча, придем в чертог Небесный,
Чтоб за дела свои ответ держать нелестный.
И вопросит бесстрастный Судия:
«Не ты ль, фантаст, был мудрым, как змея,
Талантом и уменьем одарен,
Учителями славными взращен,
Не от души, но только для дохода,
Не стал кропать ли «чтиво» для «народа»?
Воззрев, что твой доход презренно мал,
Не променял ли свой талант на сериал?
Ответь, не ты ль Лже-Конану отец,
«Икс-файлов» краденых неведомый творец?
Свой грех сокрыв под чуждою личиной,
Не ты ли стал грядущих бед причиной?
Твой путь — для нежной юности указ,
Писателям младым ты дал наказ,
Не словом, но грехом. Стыда не зная,
Рванула за тобой лихая стая.
И вот забыт ненужный идеал,
Не Аполлон царит, увы — Ваал.
Но не вини богов или эпоху,
Ты выбрал сам из «хорошо» и «плохо».

Если же прозой... А зачем прозой, и так невесело. В первую нашу «пятилетку» невидимая, но такая ощутимая «планка» Фантастики поднималась вверх. Можно спорить, что считать вершиной — «Эфиопа» Штерна, «Опоздавших к лету» Лазарчука или «Черного Баламута» Олди. Не так важно, главное — вершины были. Они и сейчас есть, но «планка» уже сбита, и сбита давно. Кто больше виновен: Век-Ацтой, пришедший на смену Веку-Волкодаву? Принцы Фантастики,

обменявшие первородство на чечевичную похлебку литературной «попсы»? Воспитанная сперва на мексиканской, а после и на отечественной тележвачке публика? Желающие могут ответить сами. Только мало будет их, желающих. Зачем печалиться, если все не так плохо? Праздник, карнавал, фейерверк, веселые личины со ртами до ушей.

После дефолта, когда по новой Фантастике впервые как следует ударили, когда отсеялись слабые, в ходу была фраза про «два взвода». Именно столько оставалось «отцов и детей» Великого Бума. Два взвода держали фронт. Ныне этот героизм ни к чему. Более сотни новых авторов ежегодно, оцените! Сила, никаких патронов не хватит. Молодежь — не задушишь, не убьешь.

Поэтому не станем горевать. Порадуемся.

4

Быстро идет время. Еще совсем недавно «стиратели», вышедшие на старт под салют Миллениума, позиционировали себя как новое, молодое поколение, готовое сменить «стариков». Теперь они сами в «стариках», наши почтенные отцы безразмерных сериалов. На сцене племя младое, незнакомое, та самая сотня в год. Лемминги, взглядом не окинуть!

Наша милая фантасня! Не «Серая чума», нет, нет. Так — серенькая чумка, щенячья хворь.

...Серенькая сотня.

Но веселые, жизнью довольные. Авторы! Не писатели, такое слово, повторюсь, ныне не в чести. Авторы и даже «аффтары».

Смена!

Чему рад, автор? Спросим? Спросим, конечно.

Авто-о-ор! А вот и автор.

Рифмовать я не умею,
Падежов не очень знаю,
И словов не слишком много,
Но всю правду расскажу.

Как-то раз в девятом классе,
Посмотрев кино про эльфов,
Книжку я решил писать.
Гениальная идея —
Школьник к эльфам в мир попал,
С Черным магом там сразился
И весь мир, конечно, спас.
Я разбил клавиатуру,
Дважды «мышь» пришлось менять,
Но роман написан классно,
Только плохо с запятыми
И не знаю падежов.
Ничего, в Сети ребята,
Прочитали, помогли,
Запятушки насовали,
Помогли и с падежов,
Говорят: «Рулез форевер,
Аффтар ты, пеши исчо!»
Я теперь — известен всюду,
Я теперь — почти Уланов,
Я теперь — почти Панов.
Буду я писать про эльфов.
И — не надо падежов!

Не думайте, что я эльфов обижаю. Космодесантниками замените, легче станет? И не ругайте «аффтара», посочувствуйте лучше. Демократическая школа, демократическое ТВ, реклама на каждом углу, «гамезы» вместо книжек. Не он такую жизнь построил. А Фантастика? Для нашего «аффтара» она — не Уэллс и не Ефремов, не Шекли и не Стругацкие.

Даже не Олди, не Лазарчук, не Дивов.

Фантастика для него — это «глянцевый поток». Книжки, а чаще целые сериалы про эльфов, про космодесант, про спецназовца в дебрях Времени. Именно такая фантасня на лотках лежит, именно к ней рука юная тянется. Язык простенький, сюжетец понятненький, герой деревянненький. Просто, доступно, не надорвешься, за вечер осилишь.

«Планка» сбита. И виноват не «аффтар». Он — лишь производное, результат, можно сказать, сын полка. Нашего полка, коллеги!

Никому не икается? Очень рад, если так.

Возразить можно, нужно даже. Нечего со своим допотопным уставом к нашей славной творческой молодежи соваться. Безликость, отсутствие свежих идей, никакой язык, ни сюжета, ни героев? Ну и что? Им нравится, понимаете, ИМ, смене нашей, лупоглазой и ушастой. Строили, строили, Фэн-Дом построили. Для кого? Да для них же, для «аффтаров»! Они туда и вселились — юркие, молоденькие, хоть без падежов, зато с книжками. Незачем их поправлять, и указывать незачем, глянь, тиражи какие!

Тиражи, говорите? Вот с этого и начнем.

Тиражи сейчас, коли грубо считать, в два раза меньше, чем в стартовом 1996-м. Если точнее, раза в два с половиной, на самой «коммерческой» грани. К этому мы и пришли за десять лет. Авторов зато много, выбор имеется? В 1996-м тоже более чем сотня напечаталась, но не таким цыплячьим образом.

Книги не просто малотиражные, но и откровенно одноразовые. Редко ли приходится слышать: мол, разок прочитать можно, но уж никак не два? Одноразовая книга — та, что на полку не поставишь — она не только по авторитету бедной Фантастики удар. Автору не слаще — ни в жизнь не переиздадут, значит, следующую фантасню-однодневку кропать придется, головы не поднимая.

Слышишь, «аффтар»? Времени своего не жалко? А бабла? Твое ведь, не чужое.

Это итог номер раз.

Книги стали выглядеть приличнее. Но не слишком. Все равно глянец, все равно — черти на обложке. Недалеко ушли. А ведь встречают-то по одежке! Сколько можно в мини-юбках и семейных трусах щеголять?

Два!

За последнюю «пятилетку», как раз когда молодая озимь поднималась, ни нового «Эфиопа», ни новых «Опоздавших к лету» никто не издал. Были книги плохие, средние были, хорошие, совсем хорошие. Но прорыва нет, на месте топчемся, старое пережевываем.

Три, стало быть.

Нас почти уже не ругают, так, поплевывают свысока. Зато уж плюют, кому не лень: и выродки из «боллитры», и свои же, братцы-ренегатцы. Жаль, ответить почти нечем. В таких спорах не хуком левой реагировать следует — книгами. А вот с этим напряженка. Даже из дюжины «рваных грелок» и прочей бракованной резины хороший роман не сошьешь. Не тот материал.

Четыре!

У нас так и не выросли свои, настоящие критики и литературоведы. Два-три человека погоды не сделают, литература же без критиков — как бомбардировочная эскадрилья без прикрытия. И где отвечать? Журналы-то появляются, но дальше пеленок растут с трудом. Да, конечно, «Если», «Реальность фантастики», еще этот, который приложение-прицеп. Честь и слава издателям и редакторам, но сравните хоть со Штатами, хоть с Британией. Сравнили?

Пять, значит.

Желающие без труда список дополнят. Пока речь шла про буквы на бумаге, а ведь есть еще люди, наш Фэн-Дом, Фэн-Дом, Вселенная фантастов, многолетний приют и оплот. Есть? Это у Фантастики был Фэн-Дом, Фантасне иное полагается — Фан-тусня. Но не стоит об этой субстанции в праздник, и вообще не стоит. Испачкаешься еще...

Посему — итог. Какой?

Жить стало лучше, жить стало веселее (писатель Ст., не Столярова имею в виду).

Обхохочешься!

5

Теперь самое время предложить рецепт. Как бы из хорошего еще лучшее сотворить? То ли писателей заменить, читателей на месте оставив, то ли наоборот, то ли всех — и сразу?

Хлоркой посыпать — и кол забить.

Только не поможет. Не из спор с планеты Ы фантасня выросла — из нашей славной Фантастики, из нас вами, из наших книг. Посему...

Может, вновь к классике вернемся, совета спросим? Вот, скажем, к Денису Ивановичу Фонвизину обратился как-то некий родитель, чье чадо ну никак учиться не хотело. А тот возьми и напиши «Недоросля». Прочитало чадо, почесало затылок... И волшебным образом обернулось Алексеем Николаевичем Олениным, будущим президентом Императорской Академии художеств, умнейшим и ученейшим человеком своего времени.

Только кого сейчас проймешь «Недорослем»? Не «аффтара» же!

Или все-таки?

Нет, не будем больше о грустном. Праздник ведь, юбилей. Стройные ряды фантастов, стеллажи, полные книг, радостные улыбки, бароны, драконы, космодесантники, спецназовцы в Машине времени, пятая книга сериала, двадцатая, и все без падежов, без падежов...

И читатели. И писатели. И критики. И художники, издатели, библиографы, фэны. Те, благодаря кому все еще жива Фантастика. Фантастика — не фантасня!

На них, честно говоря, вся надежда.

6

Ну а что с нашими фермерами, с которых все и началось? *«Десять лет, как вы на воле...»* И они на воле, и мы. Сравним?

«Заживили поясницы», —
Отвечал отец.
«Кабы больше нам землицы, —
Молвил молодец, —
Я работал бы прилежно
И поменьше пил».

Пока все сходится, все, как и в нашем варианте. А что же дедушка, который по траве спец?

«Неуежно, да улежно», —
Дедушка решил...

Перевожу: не сытно, да покойно. И у нас, в нашей родной фантасне, где-то очень похоже. И в самом деле, чего волноваться-то?

С праздником, друзья!

Андрей Шмалько

ПРОСТО ФАНТАСТИКА!

Алексей Корепанов

ПРОЛОГ

«— ...и вот, накануне Дня космонавтики, я чуть ли не совершенно случайно узнаю, что, оказывается, в нашем городе уже несколько лет живет человек, не раз побывавший, так сказать, по ту сторону небес. Человек, который провел на Луне в общей сложности три года. Я правильно подсчитал, Александр Николаевич?

— Чуть больше. Тринадцать вахт, каждая по три месяца...

— Итого тридцать девять. Да, три года и три месяца, сплошные тройки. А «три», как известно, хорошее число. Кто-то из участников космической программы «Аполлон», находясь на Луне, декламировал: «Как-то шел я по Луне, дело было в декабре...» То же самое можете сказать и вы, Александр Николаевич...

— Нет, то же самое не могу. Как раз в декабре я на Луне никогда не бывал. Вахта начиналась в январе, три месяца там — три месяца здесь, потом опять три месяца там.

— Понятно. Значит, дело было в январе. Или где-то летом. Собственно, не столь важно, в каком именно месяце было дело. Главное — было. Вы знаете, я чуть ли не ежедневно проезжаю мимо офиса фирмы «Палитра», но мне, конечно же, никогда и в голову не приходило, что один из учредителей этой фирмы — бывший космонавт...

© А. Корепанов, 2006.

— Если точнее, космоинженер-технолог.

— Ну да, космоинженер-технолог лунной базы «Новая-два». Но почему никто в нашем городе об этом не знает? Согласитесь, на свете не так уж много космоинженеров-технологов лунной базы «Новая-два»!

— Почему никто не знает? Жена знает. Кое-кто из приятелей. Вот и вы тоже каким-то образом узнали. А появится интервью в вашей газете — еще кто-нибудь узнает. Вы говорите, почему не рассказывал каждому встречному-поперечному? А зачем афишировать-то? Я ведь не Гагарин, не Армстронг. Что такое в наши дни космонавт? Это же не футболист и не кинозвезда. Через космос прошли уже даже не сотни, на тысячи счет идет. На той же базе «Новая-два» вместе со мной работали еще шестьдесят человек. Ничего выдающегося, как бы сверхъестественного, в нашей профессии уже давным-давно нет.

— Да, Александр Николаевич, скромность, несомненно, украшает человека, но согласитесь: тянуть электрокабели в какой-нибудь деревушке Ивановке и тянуть электрокабели в лунном Море Спокойствия — это, как говорили когда-то в Одессе, две большие разницы.

— Ну, не такие уж и большие. Разве что скафандр с подогревом да воздух почище, из баллонов, без химии, и комаров со слепнями нет, и ходить гораздо легче, потому как сила тяжести поменьше.

— Вас послушать, Александр Николаевич, так у вас там не работа была, а сплошной курорт! Южный берег Крыма, то бишь Моря Спокойствия. А чем вы конкретно занимались? Что такое космоинженер-технолог?

— Обычный электрик. Плюс слесарь, плюс сантехник, плюс электронщик и еще десятка два профессий. В общем, обычная работа, никакой экзотики. Только не Луна над головой, а Земля.

— А бывали какие-то нештатные ситуации?

— Понимаю, вам чего-нибудь интересного хочется, гибели «Титаника», извержения Везувия, на худой конец на-

шествия космических тараканов... Но придется вас огорчить: лично я ни в какие экстраординарные ситуации не попадал. Приходилось, конечно, устранять всякие неполадки — но это опять же обычная работа. Вы же не пишете в своей газете о том, как электрик кондоминиума устраняет короткое замыкание или там лампочку меняет. Все мои нештатные, как вы говорите, ситуации примерно такого же плана. Без крови, без нарушений связи, без пробитых баллонов с дышалкой. И метеориты мне на голову, увы, не падали, и, слава Богу, не приходилось никого спасать — ну, там, кто-нибудь в трещину провалился, или заблудился, или был ранен инопланетянами...

— М-да... Трудно вас разговорить, Александр Николаевич...

— Да нет, разговорить меня легко, если есть о чем говорить. А тут — обычная работа. Согласно должностным инструкциям. Профилактика, профилактика и еще раз профилактика. А если неполадок на моих вахтах было мало — значит работал я нормально. Да, понимаю, пресное получается интервью, а что поделать? Вы ведь журналист, профессионал, акробат, так сказать, пера, если цитировать классиков...

— И шакал ротационных машин...

— Ну да, именно, так вам и карты в руки. Добавьте красок поярче, распишите поцветистее...

— Поразвесистее... Изюминка нужна, Александр Николаевич. Неужели за тринадцать — тринадцать! — вахт так-таки ничего и не было? Лики ангелов в небесах, как на «Салюте» или «Мире», не помню... Статуэтка Великого Бога Марсиан, найденная в колее от лендера... Наскальный рисунок летающей тарелки из созвездия Скорпиона... Обрывок газеты «Искра» за тысяча девятьсот пятый год на дне глубокой расщелины... Я утрирую, конечно, но вы меня понимаете?

— Понимаю, чего ж тут не понять. Я же говорю: вам интересного хочется... Н-ну, ладно... Будет вам интересное. Еще кофе?

— Нет, благодарю. Меня после кофе всегда на сигарету тянет.

— Так курите на здоровье, я потом проветрю. Пепел можно прямо на блюдце.

— Спасибо. Итак, как-то шли вы по Луне...

— Да... Вообще ходить по Луне мне нравилось. Точнее, прыгать, как кенгуру. Помню, как это было в первый раз... Знаете, что меня тогда поразило? Такие же ощущения я испытывал в детстве, во сне. То есть мне не раз снилось, что я вот так вот прыгаю — отталкиваюсь обеими ногами и плавно лечу. Только в тех снах это происходило не на Луне, а на Земле. Знаю, многие летают во сне, я тоже летал — но еще и прыгал.

— И ваши сны воплотились в реальности...

— Да, в этом мне повезло.

— Итак, прыгали вы по Луне — и что там с вами произошло?

— Нет, в тот раз я не прыгал, а ехал на лендере. На третью подстанцию, это четыре километра от базы. Опять же обычная плановая профилактика. Прибыл на место, связался с диспетчером, отметился. Прихватил тестеры — и в блиндаж.

— В блиндаж?

— Ну да, так мы подстанции называем.

— Профессиональный жаргон...

— Ага, «лунная феня». Что такое подстанция? Подземное, то бишь подлунное помещение, бункер с аппаратурой. В общем, зашел я туда, загерметизировался, местную дышалку врубил — и погнал тест за тестом, по программе. Стандартная процедура, с ней и школьник справится. Только легкий звон стоит: «дзынъ... дзынь...» — порядок, прочесываю дальше. Собственно, дублирую электронный контроль, но тут уж, как говорится, лучше перебдеть...

— Ну да, случай с Ивичем мы все хорошо помним.

— Хотя и нет там его вины... Так вот, звенит-позванивает — и вдруг сквозь этот звон: «Мяу!» У меня за спиной. Роняю тестер, оборачиваюсь — и мороз по коже. В двух метрах от меня сидит на полу мой Барсик и смотрит на меня желтыми

глазищами. Словно есть требует. Тоже стандартная процедура, он всегда так делает.

— Постойте! Какой Барсик?

— А тот, что вас в прихожей встречал.

— То есть ваш кот... на Луне?

— Именно. Именно мой кот. Который должен был не на подстанции лунной мяукать, а сидеть вот здесь, дома, на Земле. Этакая пушистая черная галлюцинация с усищами и двумя золотыми медалями на полфизиономии.

— Какими медалями?

— Ну, глазами, это я образно, как у вашей пишущей братии принято. Метафорически.

— Черная галлюцинация с медалями... Действительно, интересно. Весьма. И что же вы?

— Наклонился, взял эту галлюцинацию на руки. Мурлычет галлюцинация, как трактор. И никакого сомнения, что это именно мой Барсик. Он у нас однажды какую-то заразу где-то подхватил — чесался постоянно, раздирал себе башкенцию когтями до крови. Носили его в кошачью поликлинику на уколы, а дома таблетками пичкали — и выздоровел Барсик. Только три проплешинки между ушами остались — точь-в-точь прямоугольный треугольник, хоть пифагорову теорему доказывай. Сидит он у меня на руках, мурлычет и Пифагором своим светит. Я его глажу, а в голове, сами понимаете, каша совершеннейшая. Это же бред абсолютнейший — откуда Барсику взяться здесь, в лунном блиндаже? Я же с ним дома попрощался месяц назад, и на космодром с собой не брал, и в челноке не замечал. И на Луне до этого не встречал. В общем, полнейший абсурд...

— Не думали, что с вами что-то не в порядке? В смысле, по медицинской части.

— Конечно, думал. В первую очередь. Вообще много чего думал. Решения нас учили принимать быстро, но тут, признаюсь, сплоховал. Стою, глажу его, еще, по-моему, и бормочу что-то типа: «Барсик, откуда?» — перебираю варианты,

но никакие объяснения, сами понимаете, в голову не приходят. Но, видать, какие-то шарики все же вертелись, потому что усадил я его на приборную панель — а он и разлегся, словно дома возле телевизора, — подцепил ногтем синюю самоклейку с этой самой панели, узкую такую полоску, резанул универсалкой — и налепил коту на лапу, как капитанскую повязку. А он хоть бы хны — лежит себе и в ус не дует.

— Окольцевали...

— Ну да, вроде того. Нанес маркировку. Зачем — объяснить бы не смог, решение на уровне подсознания... Потом все-таки зажмурился, потряс головой — думаю, вдруг поможет?

— И, разумеется, помогло?

— Да как сказать... Когда открыл глаза, кота уже не было...

— ...а когда вы вернулись с вахты на Землю и вошли сюда, в свой дом, навстречу вам из комнаты выбежал ваш кот — разумеется, с синей капитанской повязке на лапе... хотя нет, ваша жена скорее всего давно сняла эту самоклейку. Я угадал с финалом вашей милой истории о телепортации?

— Не совсем. Насчет моего возвращения вы все правильно сказали, Барсик меня действительно выскочил встречать и никакой самоклейки у него не было. Только жена ее не снимала.

— Значит, все-таки привиделся вам кот в блиндаже?

— Самоклейка у него позже появилась, я уже вторую неделю дома был. Вернулся он как-то с прогулки — а на правой передней лапе моя синяя повязка. Я ее снял, рассмотрел...

— Александр Николаевич, извините, конечно... Понимаю, я вас сам спровоцировал...

— То есть вы думаете, что я морочу вам голову. Рассказываю байки. Барон Мюнхаузен на пенсии. Что ж, на вашем месте я думал бы точно так же. Вот она, эта самоклейка, я ее с тех пор здесь, в ящике стола, храню. Времени на размышления у меня было предостаточно... Возьмите посмотрите, обыкновенная самоклейка.

— Да, действительно, самая обыкновенная. Никаких, понимаете, следов лунной пыли.

— После того случая я, конечно, на базе никому ничего не сказал — реакция была бы понятно какая. Вернулся на Землю, а на следующую вахту взял этот кусочек с собой. Вновь побывал в том третьем блиндаже. Барсика там в этот раз не обнаружил, а панель на месте, и полоски пленки на ней не хватает. Приложил я свой кусок — подходит... Нет-нет, подождите, не перебивайте, лучше кофе допейте и еще закурите. Я немного про Барсика расскажу. Тип он своенравный, гуляет когда захочет и приходит тоже когда захочет. Сам к нам заявился — возвращаюсь как-то домой, а он на крыльце лежит. Не котенок, вполне взрослый кот. Было это семь лет назад. Увидел меня, начал мурлыкать — я его и взял. Жена не возражала... Так и живем втроем, сын раз в год приезжает, не чаще, у него свои дела... Жене я про случай в блиндаже все-таки рассказал — она, разумеется, предложила завязывать с этой работой. Что, собственно, я вскоре и сделал; стажа для пенсии было более чем достаточно. А потом и еще одному человеку рассказал, старому другу по колледжу. Мы с ним постоянно визитами обменивались, он в Подмосковье жил, работал в какой-то оборонной конторе. И вот он-то крутить пальцем у виска не стал, а очень даже заинтересовался. Похоже, определились какие-то точки соприкосновения... Как и что конкретно он собирался делать — не знаю, но — собирался... Только не успел... От меня улетел, а до Москвы не добрался... Помните, «боинг» гробанулся в Быково, Марфа разбилась, возвращалась с гастролей? Вот и он тем самым рейсом летел... Да вы курите, курите, не стесняйтесь.

— Точки соприкосновения... То есть это подмосковное учреждение, где ваш друг... Н-ничего не понимаю... Александр Сергеевич...

— Николаевич.

— Ох, простите, Николаевич... Александр Николаевич, вы можете объяснить?

— Могу. Да вы уже и сами сказали: телепортация. Телепортация плюс перемещение во времени. Кот Барсик в роли уэллсовского Путешественника.

— То есть он мгновенно перенесся отсюда на Луну, а оттуда — вновь сюда, но уже в будущее?

— Нет, не совсем так. Барсик отсюда попал не просто на Луну, а в прошлое, когда я был в третьем блиндаже. А потом вернулся.

— Уф-ф, что-то я никак... что-то не соображу...

— И не надо. Я над этим долго мозги сушил, варианты могут быть разные. Варианты разные, а инвариант один, суть одна: мой черный котяра Барсик может мгновенно перемещаться как в пространстве — или вне нашего пространства, — так и во времени. Может быть, никакой это вовсе и не кот, а какое-то неведомое существо. Из Туманности Андромеды. Инопланетный кот, сбежал с летающей тарелки.

— Так-так-так... И вы никому ничего?.. Это ведь даже не сенсация, Александр Николаевич, это нечто большее. Гораздо большее!

— А факты? Где факты, доказательства? Эта вот самоклейка да мой рассказ. Курам на смех, а не факты. Детские сказочки.

— Не сказочки, Александр Николаевич! Что же вы молчали-то? Ну, ничего, тираж у нас приличный, бомба та еще будет... Но как, как он это сделал? Покажите мне его!

— Думаю, что главное — не как он это сделал. Или делает. Хотя, конечно, и это тоже. Зачем он это делает — вот в чем вопрос. А насчет того чтобы показать... До вечера вряд ли получится. Я в окно видел, он в сад направился, там искать бесполезно, я пробовал. Не отзывается и не показывается. Может, его там и вовсе нет. Но к вечеру обязательно возвращается — ужин, как говорится, по расписанию, это святое.

— Ладно, сейчас главное — материал в завтрашний номер. Я текст вам через час-полтора сброшу, глянете...

— А зачем? Вы ведь там ничего присочинять не будете?

— Да куда ж там присочинять! Тут и без присочинений... Тогда я помчался. Но это не последняя наша встреча, Александр Николаевич! Не возражаете?

— А с чего бы мне возражать?»

Корреспондент «Популярной газеты» ошибся. Его встреча в канун Дня космонавтики с бывшим космоинженером-технологом Александром Николаевичем Ермоленко оказалась именно последней. Покинув дом Ермоленко, он поспешил в редакцию, обрабатывать материал, и, перебегая через дорогу к остановке с уже готовой вот-вот отъехать «маршруткой», попал под колеса несущейся на всех парах «пантеры-супер».

Ермоленко узнал об этом трагическом происшествии не сразу. Не найдя в «Популярной газете» обещанного интервью, он пожал плечами и подумал о том, что журналисты не только акробаты пера, но и весьма необязательные люди.

Однако мутным облачком вплыло в его душу какое-то неприятное беспокойство, и не только не собиралось развеиваться, но, напротив, грозило сгуститься в грозовую тучу — и сгущалось с каждым новым днем. Охваченный этим беспокойством, он позвонил в редакцию «Популярной газеты» и узнал о случившемся.

Отложив мобильник, экс-космоинженер-технолог на ватных ногах походил по комнате и опустился в кресло у окна — словно отработавший свое бустер космического челнока, запущенного на Луну...

Конечно, такой оборот мог быть простым совпадением, мало ли на свете совпадений... Вынимаешь наугад карту из колоды — пиковая дама. Тасуешь колоду, вынимаешь еще раз — опять она... А если это не простые игральные карты, а те, таинственные, что зовутся Таро, и не банальная пиковая дама лезет в руку, а карта с названием «Смерть»?..

Одна карта — в подмосковном Быково. Вторая — здесь, в сотне метров от этой комнаты, на дороге...

«Что же это получается? — растерянно думал Ермоленко. — Кто поверил — тот погиб? И кто поверит — погибнет? Почему? Зачем?.. Кому-то не хочется, чтобы о том случае стало известно... Кому?..»

Он поднял голову и наткнулся на взгляд прищуренных глаз. Барсик в позе Сфинкса лежал на широком письменном столе, на стопке газет.

«Демоны принимают облик черных котов, — вспомнилось ему. — Кто ты, котяра? Что вы задумали?.. Это только начало?.. А дальше?..»

Он встал, медленно подошел к столу под немигающим взглядом желтых глаз. Взял кота на руки. Тот молчал и только неторопливо выпускал и прятал коготки... нет, не коготки — когти. Острые когтищи. И каждое из трех белых пятнышек-проплешин на его голове казались выжженной цифрой. Цифрой шесть.

Три шестерки.

У Ермоленко ни с того ни с сего заныло сердце, а кот вдруг коротко и хрипло мяукнул, выпрыгнул из его рук и бросился вон из комнаты...

Михаил Борисов

ИНТУИЦИЯ

— ...И ладно бы на этом всё закончилось, так нет же! Шеф, я ничего не имею против дисциплины, я и сам вижу, что на берегу ребята малость распустились. Можно было прижать хвосты одному-другому — и всё бы наладилось само собой. Но он добрался до Шука, и теперь даже я не знаю, что творится за тридцать третьим шпангоутом. Там остался один зелёный молодняк, который перловку от гречки не отличает.

Капитан выслушал всё это и вопросительно посмотрел на механика. Механик только пожал плечами, невозмутимо прихлёбывая кофе из флотской кружки. Погоны у него на рубашке всегда сминались посредине и складывались домиком, когда он пожимал плечами. Капитан побарабанил пальцами по столу:

— Тамме, я хочу слышать твоё мнение.

Механик опять пожал плечами, зачем-то почесал за ухом и неспешно, растягивая слова, произнёс:

— Ну, если не считать проблем у Джока... По приборам всё в норме, общий ресурс девяносто шесть процентов. Вспомогательные обменники заменили, магистрали чистые, от нечего делать оружейники так откалибровали системы, что можно теннисные мячики на Плутоне сбивать. Вроде бы можно давать нагрузку... Но как-то непривычно, шеф. Ко-

© М. Борисов, 2006.

нечно, через недельку-другую у Джока всё наладится... но, если помнишь, так мы не стартовали оч-чень давно. — Погоны снова встали домиком, когда он повторил: — Как-то непривычно.

Капитан повернулся к Джоку.

— Что скажешь?

— А что я ещё могу сказать? — Джок наигранно возмутился. — Мы с тобой ходим вместе не один год и всякое видели, но с этим лейтенантом стало очень трудно. Даже не знаю, что делать без Шука. Может быть, кто-нибудь из ребят возьмётся за эту работу, если разгерметизировать два-три контейнера с жёлтыми этикетками...

Капитан нахмурился.

— Ещё немного — и я решу, что вы сговорились. Джок, не стоит даже пытаться меня шантажировать, не то я велю ремонтникам подправить кое-что в переборке сразу за восьмым отсеком по правому борту. Да-да, не делай невинные глаза, мы с тобой знаем, о чём идёт речь. Дай вам волю — вы строевым шагом пойдёте по верхней палубе... Значит, так. Через четыре с половиной часа — в двадцать ноль-ноль по среднесолнечному — мы отдаём швартовы. Я должен знать всё о состоянии «Независимого», и мне совсем не интересно, как вы этого добьётесь.

— Шеф, где же я возьму за четыре часа...

— Четыре с половиной, Джок. На соседнем пирсе, — капитан кивнул в сторону экрана, который занимал одну из стен каюты, — ошвартован «Дерзкий», и что-то мне подсказывает, что у тебя там есть связи, старый ты пройдоха. У тебя есть вакансия. Можешь предложить место в надстройке и повышенный рацион сроком на месяц, но не больше — слышишь меня? К моменту выхода на орбиту я должен быть уверен, что в реакторном и во второй башне всё в порядке. С лейтенантом я сейчас поговорю. Кок разгерметизирует один контейнер из НЗ, на большее не рассчитывай. Тамме, помоги этому наглецу, если что.

— Хорошо, кэп. Что-нибудь ещё? — Механик поднялся, поставил кружку на стол. — Мы давно готовы, ждём только Джока.

— Знаю.

— Володина позвать?

— Не надо, я сам.

— Хорошо. — Тамме Нуорссулайнен махнул рукой Джоку и перешагнул комингс. Пневмоприводы переборки тихонько зашипели, задраивая люк.

Капитан встал, разминая руками затёкшую поясницу, и подошёл к экрану. На экране (капитан привык говорить «за окном», настолько чёткой была картинка) поблёскивал необжитый пока Фобос, суетились челноки снабжения на соседних пирсах. Возле «Независимого» движения не было, флагман давно был готов к выходу. Капитан медлил.

Ему здесь нравилось. Было много света: отражёнными лучами светился Марс, в свою очередь, отбрасывая розовый блик на Фобос, поблёскивали традиционно серые плиты брони на кораблях. Мигали габаритами челноки, россыпью огней сияла база. После черноты обычного космоса глаза отдыхали.

Сзади послышался осторожный шорох. Капитан обернулся:

— Джок, бездельник, ты ещё здесь? Учти, ни одной секунды больше не дам.

— Иду, иду, не ворчи.

Капитан прикоснулся к боковой панели. На экране возникло лицо старпома — сейчас была его вахта.

— Да, шеф?

— Привет, Чак. Попроси, пожалуйста, лейтенанта Володина заглянуть ко мне.

— Момент, шеф. Что-нибудь ещё?

Капитан явственно слышал ожидание в вопросе, который ему уже задавал механик.

— Нет, ничего. Спасибо.

— До связи.

— До связи.

Капитан не успел вернуться в кресло, как над люком вспыхнул огонёк вызова, и молодой срывающийся голос произнёс в переговорное:

— Лейтенант Володин прибыл, сэр.

— Входи, сынок. — Капитан открыл люк, и юный лейтенант, держа фуражку под мышкой, несмело шагнул внутрь. — Одно из двух — или ты ждал под дверью, или твоей физической форме можно позавидовать. В любом случае от кофе ты не откажешься, правда?

— Да, сэр. То есть нет, сэр. — Лейтенант растерялся окончательно: старик не каждый день вызывает к себе, хотя ещё никто не видел, чтоб он кого-то распекал. Каюту капитана Володин видел только один раз, второпях, сразу по прибытии из академии, и теперь осторожно косился на кусок оплавленной брони, висевший в рамке над койкой.

Капитан подвёл его к креслу, где до этого сидел механик, и насильно усадил, нажимая рукой на плечо.

Лейтенант присел на краешек, ухитряясь даже сидя сохранять положение «смирно». Капитан вздохнул, устраиваясь напротив.

— Когда-нибудь наступит день, и ты займёшь эту каюту, сынок. Или похожую на другом корабле, не важно. Если ты не мечтаешь об этом, то флот в тебе ошибся. Прежде чем ты наделаешь глупостей, я хочу рассказать тебе кое о чём, чего наверняка не преподают в академии. Видишь ли, есть такая штука — интуиция. На флоте говорят, что я старик с причудами...

— Сэр? — Лейтенант порозовел, как девушка.

— Ладно, ладно. — Капитан махнул рукой. — Мне лучше знать, что обо мне говорят. А что, кстати, — он немного помедлил, — возню вокруг Реи ещё помнит кто-нибудь?

— Если позволите, сэр. — Лейтенант едва не вскочил, только жест капитана удержал его на месте. — Бросок вашей эскадры на Рею считается образцом современной стратегии,

сэр. Его преподают на выпускном курсе. Вице-адмирал Доничелли, когда распределял выпускников по кораблям, сказал, что мне очень повезло, что я попал на «Независимый»... Я тоже так считаю. Сэр. — И он опять покраснел.

— Спасибо, сынок. Значит, Донни дослужился до вице? Я его помню ещё молоденьким... Представляешь, он всегда сам готовил пиццу ко дню рождения на весь экипаж. Страшно смущался, если видел недоеденный кусок — переживал по поводу своих кулинарных талантов. А на Рее держался молодцом, ему тогда крепко досталось... Так о чём я? Ну да, интуиция.

Представь себе, сынок, с тех времён, когда парусники ходили по морям одной-единственной планеты, мало что изменилось. Мы вышли в Систему, мы построили замечательные корабли, но мало что изменилось... Появилось огромное количество самых умных приборов, но ни один из них, оказывается, не в состоянии заменить интуицию. Никто не может объяснить, почему иногда щекочет вот здесь. — Капитан похлопал себя по загривку. — А ты должен кожей чувствовать, с какой стороны кораблю грозит опасность, иначе грош тебе цена в Поясе. Твоя интуиция должна уметь проскальзывать в самые потаённые закоулки самого дальнего отсека, ощущать магистрали, как собственные нервы, и даже чувствовать запахи. (Капитан поморщился, стесняясь цветастых выражений.) Она должна сновать по всему кораблю, и случайно проскочивший в реакторном отсеке нейтрон должен встревожить тебя раньше, чем об этом оповестят приборы. Как ты думаешь, почему мы не выходим в космос, хотя вся эскадра четырнадцать часов дожидается флагмана на орбите? Потому что моя интуиция пока не даёт мне нажать на кнопку стартёра, хотя приборы показывают полную готовность механизмов. Команда привыкла к моим чудачествам, а я привык доверять интуиции — и «Независимый» не отдаст швартовы, пока я не буду уверен в готовности корабля или пока меня не выгонят на пенсию. Если хочешь стать хоро-

шим офицером, привыкай полагаться на ощущения. К сожалению, человек не настолько чувствителен — но если тебе интересно, могу поделиться некоторыми мыслями.

Капитан взял кружку, глотнул кофе. В горле пересохло — подолгу говорить он не привык.

— У корабля тоже есть интуиция. В конце концов это в некотором роде живой организм, разве нет? Внутри этого организма постоянно что-то происходит, это тоже осталось со времён парусников. Начав кампанию за гигиену на корабле (надо отметить, весьма похвальную), ты поневоле затронул... как бы это проще сказать... одну из систем жизнеобеспечения. Интуицию. Ты, конечно, отлично учился в академии и даже знаешь, что это такое. — Капитан показал на панель в стене каюты, еле видную сквозь полупрозрачный бронепластик. Рядом располагался датчик сетчатки глаза.

— Да, сэр. Конечно, сэр. Это аварийный выключатель силовой установки.

— Так вот. Если когда-нибудь, когда ты будешь командовать собственным кораблём, ты увидишь, что корабельная интуиция драпает по аппарелям на берег или прячется по спасательным шлюпкам, поджав хвост, единственным возможным выходом для тебя будет нажать эту чёртову кнопку, заглушить реактор и немедленно эвакуировать команду. В тот момент я очень не хотел бы оказаться на твоём месте, сынок. Хочешь знать, как выглядит интуиция на самом деле? Джок, я уверен, что ты всё равно подслушиваешь. Будь любезен, покажись, пожалуйста.

Лейтенант, остолбенев, наблюдал, как отодвинулась решётка вентиляционной шахты под койкой, и здоровенная серая крыса в ошейнике выползла и уселась у ног капитана. Вид у неё был потрясающе наглый.

Капитан продолжал:

— Вот тебе живая интуиция «Независимого». Это существо — как и его сородичи, что прячутся между переборками, — лучше нас чувствует неладное, хотя и не может объяснить

почему. Джок знает на корабле такие закоулки, до которых мы с тобой в жизни не доберёмся. Иногда он просто невыносим, бывает, что и у меня руки чешутся накормить его ядом, хотя чаще ему достаётся сыр. Он предпочитает «старый голландский», хотя не отказывается и от нескольких венерианских сортов — «гротта», «десомо» и ещё какой-то с севера. Не представляю, как он может есть эту гадость. Я ничего не забыл, Джок?

— Всё верно, шеф. — Лейтенант дважды моргнул, услышав вполне разборчивую речь.

— Поверь старику, сынок. Капитан может спать спокойно только тогда, когда убедится, что самая никчемная крыса из самого тёмного закоулка сыта, довольна и никуда не собирается бежать. Кстати, на Рее они всё время были с нами — верно, Джок?

Крыса лениво повернула морду к Володину, пару раз втянула воздух, шевеля усами, и — хотите верьте, хотите нет — лейтенанту показалось, что она ему подмигнула.

Андрей Павлухин

ТЕЛЕДРАЙВ

Мы заключили пари в четверг.

— Я убью тебя, — сказал он.

— Нет. Я тебя, — возразил я.

Трансгималайская платформа сбрасывала паломников в снега Шамбалы — десятки фигур, словно метеоритный дождь. В панорамную плоскость вписался упитанный, тепло одетый европеец. Замер, приветливо помахал рукой и провалился в пасть каньона. Паломники падали в медленном студне низкой гравитации; их глаза записывали ландшафты.

— Рериховцы.

Я перевел взгляд на собеседника.

— Долбаные рериховцы.

— Ты об *этих*?

— А о ком еще?

Ливень паломников.

Платформа испражняется. Почему-то в голову лезет Мэри Поппинс. Вот она спускается с неба, увлекаемая ветром перемен, над ней раскрыт старомодный зонт...

Моя трубка забормотала мантру.

Неверин фыркнул.

Откинув крышку, я тронул сенсор со значком телефона. Справа, как по волшебству, материализовался букмекер.

© А. Павлухин, 2006.

— Итак, вы решили убить друг друга. — Букмекер был одет в выгоревшие штаны цвета хаки и потрепанную футболку с изображением Уго Чавеса, волосы прятались под растаманской шапочкой. Вдобавок парень ходил босиком. — Правильно?

— Да, — сказал Неверин.

В руках говнюка возникла электронная записная книжка.

— Когда начнете?

— Завтра, — решил я. — В полдень.

— Чудно. — Пальцы букмекера пробежались по клавиатуре. — Ставки уже принимаются. Неверин против Николюса. Три к одному, соответственно. Процент стандартный. Расчет не зависит от конечного результата.

— То есть, — уточнил я, — не имеет значения, кто умрет?

— Вы оба заработаете.

Букмекер вновь погрузился в вычисления.

— Простите, — мне не давал покоя один вопрос, — тогда какой в этом смысл?

— Смысл, — глубокомысленно заметил нежданный персонаж, — всегда есть.

С этими словами он захлопнул книжку.

— Договора на ваших ящиках. — Он убрал книжку в карман на левой штанине, достал свою трубу и набрал чей-то номер. — Удачи.

В следующую секунду его не стало.

— А что, если я достану ствол и грохну тебя? — На Неверина снизошло озарение. — Сейчас.

— Так не интересно.

Мы провели остаток дня, гуляя по платформе и созерцая горы. Затем я переместился домой.

В моей голове поселились ви-джеи.

Улыбчивая девушка с прямыми, зачесанными на пробор волосами, ежесекундно меняющими цвет, и парень в оранжевой футболке с голографическим, живущим собственной жизнью глазом. Футболка рекламировала клинику лазерной

хирургии. Ви-джеи со вкусом и знанием дела издевались над хитами. Отстой-парад.

— Следующий, не побоюсь этого слова, шедевр, — вдохновенно вещал парень, — судя по всему, выполз из клоаки Луд Гхолейна, о чем свидетельствует изысканный, в духе Мэрлина Мэнсона, видеоряд...

Мой имплант вылавливал каналы с удаленного ретранслятора, парящего над пригородами Минска, затем прогонял через зрительный и слуховой нервы.

Я иду по улице и вижу две картинки. В окружающий мир, по уши засыпанный снегом и залитый неоном, вписано окно с транслируемым клипом. Я могу уменьшить его до квадратика величиной с ноготь. Либо развернуть по максимуму.

Сейчас окно занимает четверть доступного пространства.

ПАНТЕК — МОБИЛЬНЫЕ ТЕЛЕСИСТЕМЫ.

Пульсирующее полотнище распростерлось над бульваром. Кривые пальцы деревьев, казалось, раздирают брюхо рекламе.

10.44.

Время в левом нижнем углу реальности.

Я иду по мостовой, зима замораживает мысли. Редкие прохожие то появляются, то исчезают.

Мир без границ.

— Сценаристы, очевидно, ярые поклонники японского Чебурашки...

По пересекающей бульвар подвесной магнитке прошелестела механическая гусеница. Мерцающая, полупрозрачная фигура сноубордиста разорвала *пантековское небо*, заложила призрачный вираж и скрылась в витрине магазина спорттоваров.

Я прошел мимо газетного киоска.

Внизу, на пределе обзора, бегущая строка предлагала *скачать* проститутку. Выделенные красным цифры телефонного номера.

Вот ведь какое дело — одно нечаянное изобретение способно все перевернуть. Захудалый «Пантек» выкупил за гроши патент безвестного молдавского ученого, доработал проект и стал мировым монополистом в области мобильной связи. Телефон превратился в *средство передвижения*. Мгновенная телепортация в любую точку планеты. Конечно, если тот, кому звонишь — абонент «пантековской» сети. И если он не заблокировал порт.

Кроме того, ментальный слепок личности пользователя сохраняется в анналах сети.

При переносе твое тело разбирается на атомы и заново собирается в пункте назначения.

Ты пользуешься услугами бодискульпторов и омолаживаешься за копеечную абонентскую плату. Ты вспоминаешь лазерных хирургов, технологию для маргиналов, и тебе смешно.

Ты умираешь — и возрождаешься.

Фактическое бессмертие.

Настигая мечту, теряешь смысл. Старая — до банальности — истина. В обществе, где нельзя умереть, дозволено все. Вот только убийство сделалось скучным. «Пантек» стирал личность преступника в матрице, и тот лишался будущего. А его жертва жила и здравствовала. Казнь без срока давности... Небывалый расцвет экстремальных видов спорта захлестнул человечество. Трейсеры, райдеры, бэйс-джамперы — их численность стремительно росла. Различные гонки и бои без правил сделались жестче, зрелищнее. Земля окончательно глобализировалась, ведь любая война при таком раскладе абсурдна. Побежденная армия возрождается, и конфликт растягивается до бесконечности. О каких таможне и границе может идти речь, если ты звонишь другу и за считанные доли секунды переносишься из Беларуси в Канаду? Понятие «контрабанда» — уже анахронизм. Наряду с «гражданством» и «визой».

«Пантек» взорвал цивилизацию.

Безумие длилось около десяти лет. Потоки эмигрантов, горячечный бред на полях сражений, маньяки, кончающие суицидом, распадающиеся государства и анархические территории... Позже в недрах ООН сформировался Мировой Совет. Ситуация, как писали газеты, стабилизировалась. Безусловной международной валютой признали евро. Все успокоились...

Ну, почти все.

Католическая и православная церкви резко осудили ложный «сатанинский дар» и объявили о начале очередного Армагеддона. Мусульманские фундаменталисты развернули джихад, но убитые неверные вновь оживали. В конце концов иерархи большинства конфессий пересмотрели свое отношение к трубкам и объявили их «благословением свыше». По новой версии Господь ниспослал манну небесную в виде эффекта Добрушевского-Шредера, дабы верующие одумались и исцелились. А «пантековская» сеть якобы существовала всегда и являлась не чем иным, как раем.

Земля вступила в золотую эпоху.

И вот здесь начинается моя история. Фишка, дамы и господа, в том, что Эдем оказался с гнильцой. На самом его дне, в иле обреченности, копошились те, кто не мог себе позволить трубку. Целая страта *смертных*. Именно они пользовались Магниткой, ездили на машинах и в автобусах, летали самолетами Аэрофлота. Они ходили пешком по ледяным каньонам мегаполисов — не ради прогулки, а в силу жестокой необходимости. К ним примкнули *неприкаянные* — фанатики, отказавшиеся от услуг «Пантека» по непонятным причинам. Некоторые из них носили допотопные телефоны, подключенные к издыхающим полулегальным сетям.

Мне исполнилось тридцать, и я получил откровение. Жить в абсолютно безопасном, *карманном*, мире — скучно. Невыносимо.

Я занялся паркуром, прыгал по крышам, лазил по балконам и гаражам, заброшенным цехам фабрик и террасам дол-

гостроев. Ломал руки, ноги и ребра. Даже участвовал в Уличном Чемпионате...

Скука не отступила.

Тогда я примкнул к Команде Полосатого Бандерлога. Знаете, в старину, в эру примитивных компьютеров, дети сбивались в кланы, рубились в шутеры за деньги и пиво, искренне радовались нарисованной крови. Мы заключали пари. Убивали друг друга. По-настоящему. Команда на Команду. Тотальный геноцид... Понимаете, закон карает убийц. Но разрешает дуэли, если вы заполните кипу документов.

Поединки Команд привлекли к себе внимание стада.

Так появились букмекеры.

Впрочем, они никуда не пропадали. Зарабатывали на всякой ерунде, вроде гладиаторских боев или гонок на выживание.

У нас был особый шарм. Не тупое месилово, не замкнутая трасса без альтернативы.

Поле битвы, не ограниченное ничем. Многолетняя, изнурительная схватка, тактическая головоломка, где ты одновременно охотник и жертва. Тебя могут завалить в метро, магазине, дома, на дружеской вечеринке, в Казани или Парамарибо. Везде и всегда. Единственная цель игры — уничтожение отряда противника.

Как на мониторе.

Я дважды нажал кнопку электрического звонка. Скрипнула деревянная рама на лестничном пролете. За дверью раздались шаги.

— Кто?

— Посмотри на экран.

Мохнатая Рученька обитал недалеко от Комаровки, на втором этаже неприметного кирпичного дома. Кракер упорно маскировался под *донного* лоха, не имеющего даже примитивной охранной системы. Глазок, «деревянная» дверь и синтезированный звук поворачиваемого в замке ключа до-

полняли иллюзию. Официально в квартире «прописан» пенсионер Борисенко Виталий Петрович, ветеран сирийской войны. Рученька скрывался за этим муляжом от налогов и призыва на трехмесячные курсы Биржи Общественно-Полезного Труда. Сотрудники Биржи тщетно искали несуществующую общагу мифического универа в надежде припахать кракера к управлению дистанционной снегоуборочной машиной.

Рученька специализировался на ломе мобильных телефонов. Он работал с Бандерлогами, Движением Че, Стальными Крысами и даже, говорят, с Помпезными Мертвецами.

Я знаю лишь то, что он мой друг.

И сейчас откроет гребаную дверь.

— Вы к Петровичу? Так он того... На прошлой неделе...

Синтезатор имитировал голос престарелой супруги ветерана, ударницы Третьей Пятилетки Марфы Агасферовны (не грузитесь, имена и легенды он сам придумывает).

— Мох, кончай дурить. Дело есть.

Дверь растаяла, обнажив свою истинную наносущность.

— Ползи.

Я шагнул за порог.

И оказался в полутемном коридоре, который упирался в туалет. За моей спиной боты вновь сплели титанокевларовую преграду.

10.56.

Пожимаю протянутую руку.

— Чего тебе?

Кракер — мускулистый, невероятно красивый (сегодня) эльф с белой гривой собранных в пучок волос и заостренными ушами — едва ли не упирался головой в потолок. Только лука с колчаном стрел не хватает... Рученька был одет во все черное.

— Вырядился.

— Сам такой.

Мы переместились в комнату.

Вас, конечно, удивляет, что я не попал к другу обычным путем. Объяснение простое. Кракер заблокировал на своей трубе функцию перекачки. Назовите это странностью, если угодно. Мохнатая Рученька путешествует только классическими способами. Если ему надо в Африку — он садится в самолет. К орбитальным поселениям его доставит шаттл или космический лифт. Но никак не волновой пакет.

Однако мой друг вечен.

Как и семьдесят пять процентов населения Земли.

— ...редкостный образчик мозгового кала...

Я свернул ви-джеев и запихнул их на периферию зрения.

— Наслышан о твоей разборке с Неверином. — Рученька опустился в кресло-вертушку. — Сеть кипит.

— Я поэтому и пришел.

— Ты хочешь раскурочить его пароль. — Он не спрашивал. Утверждал.

— Нет, — качаю головой. — Не совсем. Ты пробьешь все контакты, записанные в памяти его трубы.

— Память зашита семизначным кодом.

— Ты получишь долю со ставок.

Глаза кракера округлились.

— Серьезно?

— Вполне. Это схватка на принцип, а не на деньги.

Эльфийское лицо расплылось в улыбке.

Стол выдвинул плоский, девятнадцатидюймовый монитор, сенсорную клавиатуру и перчатки.

Поначалу мы пользовались дуэльными пистолетами. Вы все видели эти пушки, они реагируют на ДНК определенного человека. Или группы людей. Таким образом случайные прохожие остаются в безопасности — при наведении на незаданную мишень механизм заклинивает. Вероятность *случайного* убийства ничтожна. Идеал для новичков.

Очень скоро мы освоились.

Запомните: профессионалы вооружены интерактивными стволами. С дорогими нанодвижковыми пулями на ментальном контроле.

Я предпочитаю ножи и вживленные шипы. Иными словами — ближний бой, физический контакт.

Неверин питает слабость к ловушкам. Расставляет и развешивает всякую энергополимерную гадость по твоему маршруту. Тут уж приходится радикально менять привычки...

Мы столкнулись четырнадцать лет назад.

Не встретились, а именно столкнулись.

Бандерлоги выкосили Безумных Шляпников, и дольше всех тогда продержался Неверин. Валили его всей командой, половину ребят потеряли. Впоследствии он дрался с Че, Церберами, Красным Сантой и Партизанским Формированием имени Фридриха Энгельса.

Но неизменно — против нас.

Слишком поздно я воткнул, что это личное. Просто я не нравлюсь ему. И наоборот.

Так мы встретились над Шамбалой.

Чтобы заключить пари.

Полдень.

Я перемещаюсь из обшарпанного подъезда в морозный февраль. Тусклое солнце висит над крышами домов.

Звоню.

Меня протаскивает через спутник, прокачивает сквозь эфир и выбрасывает в зону абонента. Разумеется, я всего этого не чувствую. Просто Минск разваливается паззлом и заново собирается в виде окна мансарды с громоздящимся до самого горизонта Копенгагеном. В кресле-качалке — ошалевшая тетя Неверина. В дальнем углу — проем люка и фрагмент металлической лестницы.

— Где он? — активирую лингвистический имплант. — Ваш племянник здесь?

На вид ей около сорока. Впрочем, в наше время судить трудно. Ей может быть и сто двадцать и восемнадцать.

— Кто вы? Незаконное...

Огибаю тетушку Маргарет, иду к лестнице. На обследование фешенебельной двухэтажной квартиры затрачиваю три минуты. Никого. Ловушек тоже нет.

Прыгаю.

В Северную Корею, к бывшей девушке Неверина. Она толком еще не проснулась, у нее жестокая ломка, и ей не до меня. Убогая комнатушка, почти никакой мебели, бамбуковые жалюзи на окне. Воняет блевотиной и испорченными продуктами.

Дальше.

Юридическая контора в центре Мехико, смуглый адвокат поднимает голову, отрываясь от разложенных на столе документов. В офис проникают автомобильные гудки и выкрики на испанском.

— У нас назначена встреча?

— Извините. Я ошибся номером.

Поднимаюсь и выхожу в длинный, тянущийся на сотню метров в обе стороны коридор. Ни души.

Посещения...

Вас интересует, почему я сразу не связался с противником? Почему не закончил наш спор одним махом, ведь это лучше, чем тупо скитаться по номерам из его записной книжки.

Ну, это же классика.

Ты материализуешься в заброшенной лачуге, рядом на полу валяется трубка, на тебя реагируют датчики движения, и все взрывается. В твои последние мгновения внедрено голосовое сообщение: «Адиос, Бандерлог»...

Со мной так бывало.

Много раз.

Он позвонил сам.

Я замер посреди вестибюля гостиницы, в которой Неверин останавливался в позапрошлом году. Бионическая баш-

ня «Лотос-4», Куала-Лумпур. Запах ландышей, эйсид-джазовый фон.

— Привет.

— Ты где?

— Шутишь.

— Как всегда.

— Знаешь, Валдис, мне надоела игра.

— Ты о чем? — Пока я разговариваю, Рученька в подключке отслеживает сигнал. На меня сейчас работает дюжина кракеров — молодых волков киберпространства.

— Эта беготня... — Неверин сделал паузу. — Охота на лис. Кстати, не пытайтесь меня выщемить, я разговариваю с терминала. Через *нет*. У меня предложение.

Озадачил.

— Незачем растягивать пьесу. Ставки уже поднялись до небес.

Я не выдерживаю:

— Наш спор иного рода.

— Ты прав. Давай встретимся на нейтральной территории. Я вышлю адрес.

Мимо промчалась кабина скоростного лифта.

— И там будет полно ловушек, — сказал я.

— Естественно.

— И каждый сектор пристрелян.

— Да.

— У меня нет шансов.

— Да.

По глади искусственного пруда за стеклянной дверью гостиницы прокатилась рябь.

— Согласен.

Вспучившийся в центре салона земной шар, циклоны, ползущие по его лику, схематичные изображения снегопада, дождя и солнца над отдельными континентами.

Прогноз погоды.

Синоптики, колдующие над виртуальными моделями...

До Владивостока я добрался, сев на «конкорд». Там, в хмуром предштормовом городе, вызвал такси и поехал к железнодорожному вокзалу. Купил билет на Магнитку и полчаса мчался сквозь ночь, пока механический голос не объявил нужную станцию.

Пешком.

Через поле, заросшее жухлой травой, что выстилалась под порывами ветра. Несмотря на климатические эксперименты, зима здесь была холодной. Только смахивала на осень.

Останавливаюсь.

В километре от меня высится черная громада законсервированного завода.

Звезды выныривают из просветов туч.

Выключаю ви-джеев.

Перехожу на инфракрасное зрение.

Чучело, мой биологический двойник, движется по цеху. Бессловесная тварь, сконструированная наноботами, не отягощена разумом. Ловушки обрушивают на нее лавины огня, поливают плазмой и кислотой, режут мономолекулярными нитями и давят силовыми полями. Но чучело, подобно Фениксу, восстает из пепла.

Ветер гудит в металлических балках, внутреннее пространство цеха озарено всполохами.

Я в боевом режиме.

Пули Неверина летят медленно, слишком медленно, я легко уклоняюсь от них, это не проблема для моей перестроенной нервной системы и модернизированных мышц...

Мы сходимся в клинче.

Пальцы на руках вытягиваются клинками, рубят воздух и плоть, из коленных чашечек показываются шипы...

Он не уступает мне в скорости. Наносит удары парными вибротесаками, я вижу их ослепительные дуги, вижу оранжево-зеленое пятно его тела...

Всаживаю пальцы ему в бок.

Он отсекает мне руку.

Я слышу, как хрустят его ребра.

Он сносит мне голову.

Там больше не живут ви-джеи.

Сейчас, спустя неделю, я вспоминаю ту драку. Анализирую тактические ошибки. Прокручиваю запись, скачанную из сети.

Мне кажется, я не совсем человек.

Во мне почти нет человеческого. Жить невыносимо скучно, настоящее растянуто унылыми днями. Даже в *крови* нет радости.

Тогда, на заводе под Владивостоком, мы умерли оба.

Мне все равно. За прозрачной пеленой паломники сыплются на Шамбалу. Тает деструктивная ухмылка букмекера.

Скачиваю проститутку.

2006

Карина Шаинян

МОЙРА-СПОРТ

Тополевая сережка мохнатой гусеницей скользнула по лицу, оставив пушинку на самом кончике потного носа. Вцепившись в ветви покрепче, Грэг оглушительно чихнул, и в этот момент раздался звонок. Грэг скосил глаза: сквозь ткань нагрудного кармана подмигивал оранжевый огонек официального вызова. Чертыхнувшись, Грэг пристроился в развилке двух толстых веток и вытащил телефон.

— Наши доблестные постовые всегда на посту! Не страшны сержанту штормы, не пугают бури, — весело завопили в трубку, и Грэг выругался. — Не бухти, не бухти, я по делу звоню. Ну и штормит сегодня! У нас, представляешь...

— Я на дереве сижу, — хмуро перебил Грэг.

— Ну извини, — хихикнул Вик. — Я вот чего... Рита Лонки — твоя однофамилица?

— Сестра.

— Ох ты ж... Девятый случай инфокомы. Пострадавшая — Рита Лонки, доставлена в седьмую. Она у тебя что, тоже... Эй?

— Да, — медленно ответил Грэг. В зад врезалась ветка, и от налипшего на лицо пуха снова свербило в носу. Лонки оглядел сверху ряд опрятных коттеджей, ровный асфальт улицы, бетонный куб седьмой городской больницы через дорогу, серебристую иглу вероятностного генератора, высящую-

© К. Шаинян, 2006.

ся над центром города. Однажды в детстве Грэг довел сестру до слез, хвастаясь экскурсией на башню: теоретически вход туда свободный, а на практике — пускают только горожан с идеальным психопрофилем, слишком велика опасность помех. Грэг оказался единственным в классе... Рита тогда несколько дней дулась на Грэга, мучаясь от зависти и любопытства: увидеть генератор ей не светило, несмотря на все сеансы коррекции.

На аккуратном газончике под тополем старуха в невообразимых розовых шортах вглядывалась в густую листву. Вялые губы шевелились. «Кис-кис-кис, Мусенька», — услышал Грэг, очнувшись, и, вывернув шею, посмотрел наверх.

— Грэг! — квакнуло в трубке, и он вздрогнул, чуть не выпустив ветку.

— Я как раз напротив седьмой. Сейчас зайду. Спасибо, что позвонил.

— Ничего, может, обойдется, — ответил Вик. — Ну, штормит! — с неуместным восторгом добавил он и отключился.

Стерев с лица пух, Грэг полез дальше — туда, где в ветвях чернела толстая кошка. «Кис-кис, Мусенька», — слащаво прохрипел он и протянул руку. Проклятая кошка шарахнулась и зашипела. Уперевшись спиной в развилку, Грэг резко выбросил руку и тут же зашипел не хуже Мусеньки — по щеке прошлись острые когти. Кошка заорала, извиваясь. Внизу причитала старушка, и Грэг, держа зверюгу за шкирку, начал торопливо спускаться.

— Будьте осторожны сегодня, — ответил он на сбивчивый поток благодарностей, — слушайте прогноз — сегодня вероятностный фон нестабилен, какие-то неполадки в Кольце, всякое может случиться. — Лицо старушки сделалось испуганным, и Грэг успокаивающе добавил: — Не волнуйтесь, скоро все починят. Просто хорошенько присматривайте за Мусенькой.

Старушка кивнула и хитровато улыбнулась, обирая с кошки тополиный пух. Грэг смотрел, как сухие темные пальцы

ловко скручивают невесомые пушинки, и тонкая шелковистая нить подрагивает на еле заметном ветру. Задохнувшись, он вдруг увидел сотни оттенков травы, и бархат кошачьей шкурки, почувствовал, как горят царапины на щеке — Грэг провел по ним пальцами, кровь была горячая и липкая, и мышцы еще не остыли после работы — живые, гибкие мышцы, полные радостной готовности к движению. Он с наслаждением повел плечами и вдруг вспомнил про сестру — как она лежит на больничной койке неподвижной куклой и только веки дрожат от суматошных движений закрытых глаз.

От хорошенькой регистраторши исходили волны молчаливого неодобрения: не уследил, не остановил, а еще брат...

— Мы редко виделись, — выдавил Грэг. Он мялся, искательно заглядывая в окошечко. Хотелось оправдаться, рассказать, что уследить за Риткой — все равно что унести воду в пригоршне...

«Зайцезуб! Зайцезуб!» — Ритка подпрыгивает у забора, разделяющего участки, голосок дрожит от отчаянного восторга от восторга, сетчатая тень на руке, коленка расцарапана веткой ежевики. Сосед с каменным лицом идет к крыльцу, просматривая на ходу газету. Грэг подходит быстро и тихо — и сестра с визгом удирает, потирая попу. «Извините», — бормочет он соседу. Холодная улыбка в ответ. Длинная фигура на пороге. «У меня безупречный психопрофиль и большой вес в городском совете, и я не позволю вашей дочери... буду вынужден обратиться в центр коррекции...» «Отцепись от него, Рита, наш сосед — та еще сволочь», — говорит отец, и мама, перехватив изумленный взгляд Грэга, прикладывает палец к губам. Как может быть сволочью человек с идеальным психопрофилем? Это Ритка — сволочь, одни неприятности от нее... «Мама, она опять...» — «Идеальный полицейский растет». — Грэг гордо улыбается в ответ, но лицо у мамы почему-то растерянное и чуть обиженное. Грэг делал вид, что

не замечает этого. Он знал, что родителям с Риткой не справиться — что же, будущий инспектор Лонки за ней присмотрит. Он старший. Он знает, что правильно, а что нет.

«Я старался», — беззвучно сказал Грэг, но светлые глаза регистраторши уже ушли в сторону, она зашелестела бумагами, сосредоточенно сжав губы. Налетел лучащийся профессиональным сочувствием врач: не теряйте надежды... заболевание новое, малоизученное, но уже многое понятно, мы найдем способ.

— Выпейте это, вам станет легче. — Врач протянул желтую таблетку, и Грэг послушно взял ее. — Можете ответить на несколько вопросов? Мы нашли у Риты...

В ладонь легла тонкая цепочка, и от кулона стало холодно пальцам. Веретено и ножницы, серебристый знак принадлежности.

— Вы не знали?

— Мы редко виделись, — повторил Грэг.

— Да, мы посмотрели психопрофиль, Рита — сложная девочка... Понимаю, понимаю. А вы сами? — Взгляд врача настороженно скользнул по расцарапанной щеке. Грэг возмущенно мотнул головой. — Ну что вы, я на всякий случай спрашиваю. У нас накопилась статистика: инфокома поражает только тех, кто ходит за Кольцо, этих сумасшедших спортсменов. — Лицо врача дернулось, разрушая профессиональную маску. — Скучно им, видите ли, в Кольце! И вот молодой идиот прется в Старый город искать случайностей на свою задницу, а там, между прочим, фон не просто повышен, а больше в разы, потому что Кольцо работает по принципу вытеснения... Как это раньше говорили — кирпич на голову, да? А теперь еще и эта зараза — перегрузка мозга неизвестной этиологии — и готово, кома! Девять случаев за последние два месяца, а сколько осталось за Кольцом?

Грэг, припомнив статистику пропавших без вести, хмуро кивнул — много.

— Совсем юная девочка, — вздохнул врач, — ей бы еще... — Он спохватился, похлопал Грэга по плечу: — Не теряйте надежды. Родителям сами сообщите?

Грэг снова кивнул, и врач с озабоченным лицом скрылся в белизне коридора.

Черный кофе без сахара — Ритка любила кофе, любила кататься на роликах, любила штормовые предупреждения и неполадки в Кольце, не любила, когда ее учили жить. Скучала по романтике случайностей — слишком много читала, впечатлительность художницы, мечты... Терпеть не могла, когда ей напоминали о будущем — она должна была стать дизайнером, причем хорошим, это известно было с первого класса, но характер у нее был... Грэг поморщился. Мерзкий был характер у сестрицы. Сплошные проблемы.

Каждый раз, когда по их тихой улице проезжала машина корректоров, в глазах родителей мелькал страх. Угрозы соседа были лишними: Рита и так ходила на психокоррекцию — несколько сеансов в неделю, много лет подряд, лечение шло туго, речь шла уже о выселении, но как-то обошлось. «Давайте уедем», — просила Ритка. Тихие разговоры в родительской спальне — Грэг подслушивал, обмирая от ужаса и отчаяния. Кем он станет в Старом городе? Кем станет Рита? Никто не скажет — там все зависит от тысячи случайностей. Грэг косился на письменный стол — на лупе дрожит радужный отсвет, раскрытый учебник криминалистики заложен пакетиком с уликой, рядом фоторобот злодея, нарисованный сестрой, — и испуганно вздыхал.

Грэг знал, что никуда они не поедут, невозможно уехать за Кольцо, там одни психи и ничего нельзя узнать заранее, но этот шепот... «Из-за тебя мы не уезжаем», — шипела Рита, с ненавистью глядя на брата. «Из-за тебя нас могут выселить, — отвечал он и сжимал кулаки. — Я к психам ехать не хочу. Мне и тебя хватит, дура». Рита с придушенным визгом хватала его за волосы, и Грэг, вывернувшись и оставив прядь в костля-

вом кулачке, отвешивал ей подзатыльник. А потом она ревела, уткнувшись носом в его спину, и он, не глядя протянув руку за плечо, гладил ее тонкие волосы.

Может, Ритку вообще не долечили, подумал Грэг. Что он знает о ней? Интересно, когда она начала ходить за Кольцо? Ведь можно было остановить... Ты ее бросил, подумал он. Еле дождался совершеннолетия, вечно боясь, что тебя выкинут вместе с семьей, и сбежал. Но все равно сжимался от ужаса на ежегодных проверках, как только речь заходила о сестре. Хотя и знал прекрасно, что теперь ты для корректоров — сам по себе, и ее проблемы тебя не касаются. Всячески показывал: я не с ней. На всякий случай. Чтобы кто чего не подумал. Какой горький кофе...

— Можно? — Над столиком склонился парень — бледные глаза, тонкое нервное лицо, пара прыщей. Ворот разноцветной рубашки расстегнут чуть больше, чем принято, на смуглой груди поблескивает тонкая цепочка. Не дожидаясь ответа, он уселся напротив, побарабанил пальцами по белому пластику стола. Поправил цепочку — остро блеснули серебряные ножницы и веретено перед тем, как снова скрыться под тканью, и Грэг со скрипом сжал челюсти.

— Красиво, да? — рассеянно спросил парень. — Это Рита придумала... Ну, вы наверняка знаете.

— Нет, — медленно ответил Грэг, и юнец удивленно поднял брови. С улыбкой перегнулся через столик, тепло дохнув мятой и кофе.

— Я сразу понял, что вы наш человек, — сказал он, многозначительно глядя на Грэга.

— Я полицейский,— ответил Грэг. Царапины горели, как клеймо — чертова кошка, чертов верошторм, чертов день. Парень перестал улыбаться — теперь он смотрел на Грэга с опаской.

— Ходить за Кольцо не запрещено, — с вызовом сказал он.

— Надеюсь, это скоро исправят, — буркнул Грэг.

— И правильно! — с готовностью поддакнул парень. — Я сам завязал и Риту уговаривал. Страшное дело... — Его глаза тревожно забегали, пальцы снова барабанили по столу. — Я случайно увидел вас в больнице, — неуверенно сказал он.

— Случайно! — с горечью фыркнул Грэг.

— Вы же — брат Риты, да? — Лонки кивнул, и юнец глубоко втянул воздух, как перед прыжком в воду. — Хотите ей помочь? Я знаю врача...

— В седьмой отличные врачи, — настороженно ответил Грэг.

— Да, но они... Понимаете, я думал — вы тоже в игре. — Парень снова кивнул на царапины. — Наверное, не стоит... вы же не поедете?

— Куда не поеду?

— За Кольцо. — Он с размаху взъерошил волосы, махнул рукой. — Короче, есть такой Док. В Старом городе. Ритка к нему ходила перед тем как... Говорят, он помогает в игре, но это опасно. Ну вот... Зря я это сказал, — пробормотал юнец, глядя на изменившееся лицо полицейского.

Лонки залпом допил кофе. Хорошенькие дела творятся за Кольцом...

— Адрес давай, — прорычал он.

Радужная пленка Кольца чмокнула, смыкаясь за машиной, и Грэг судорожно вцепился в руль — главное, проскочить первую сотню метров, потом будет легче. Что-то влажно шмякнулось о лобовое стекло. Взмокнув от ужаса, Грэг увидел распластанную на стекле лягушку, шарахнулся от обретшей вдруг невесомость газеты и вслепую нажал на газ — машину занесло, перебросило через бордюр и выкинуло на побочную грунтовку. Содрав с физиономии газету, Грэг огляделся — дорога вела прочь от Кольца, и он решил не рисковать, пытаясь вернуться на шоссе. Через пару минут сбавил скорость — грунтовка превратилась в узкую улицу, застроенную многоквартирными кирпичными домами. Грэг

притормозил на перекрестке и почти не удивился, прочитав на указателе нужное название.

Улица превратилась в тихий пустынный бульвар, и Грэг вышел из машины, оглядываясь в поисках нужного дома. Табличек не было, но на чугунной скамье, скрытой в сирени, сидела женщина. Она вязала, тихо улыбаясь сама себе, что-то белое, шелковистое, и видно было, что сидит она здесь давно и по праву, и нет в ней ни капли нервозности, ни капли чужеродности, и ясно, что дорогу она покажет и, может быть, даже проводит. Хотелось бесконечно смотреть, как сплетается в узор нить — Лонки долго стоял, не решаясь нарушить ритм, загипнотизированный движениями спиц. Наконец, откашлявшись, он заговорил, и женщина, не прерывая движения спиц, кивнула — вот он как раз идет. Грэг неохотно отвернулся — по бульвару шагал высокий мужчина в потрепанной джинсовой куртке, с длинными неопрятными волосами. Как-то сразу стало понятно, что Док не поможет, и вообще не надо было сюда ехать, а надо было взять за шкирку давешнего юнца и отвести к шефу: в конце концов, вероятностный отдел в полиции существует именно для этого, а сержант Грэг Лонки — всего лишь постовой. Подвигов захотел, мрачно подумал Грэг, представляя, как он садится в машину и возвращается в Кольцо. «Наручники в багажнике валяются», — с досадой вспомнил он и шагнул навстречу Доку.

Они шли по Старому городу. Фонари отражались в мокром асфальте, пахло бензином, жареным мясом, металлом.

— Ох уж эти чистенькие детки из Нового города, — ухмылялся Док. — Такие домашние, такие неиспорченные. Бегают сюда искать случайностей, хвастаются, у кого красивее вышло... Отдадимся в руки судьбы, перестанем рубить ветви, ненавидим прямые... милые детишки, скучно им в Кольце. Да только привычки никуда не денешь — с детства все под контролем, все заранее известно, а тут... Вот и приходят ко мне. Все приходят рано или поздно. Сделай, говорят, Док, а

мы уж в долгу не останемся. Маленькая нейропрограммка, ничего незаконного, сержант Лонки, и не надейтесь, доблестный ловец хомячков... Штраф с красотки, не подобравшей последнюю какашку за любимым пуделем! Студент перенапрягся на экзаменах, выпил кружечку пива, заснул на лавке — благополучно доставлен домой! За сегодняшнюю кошку выпишут премию — опасное дело, сержант, вы герой!

Грэг задохнулся от злости, и Док рассмеялся, обнажая длинные желтоватые зубы.

— С этим делом вам не справиться, ко мне не подкопаешься: ваше Кольцо работает с вероятностями намного грубее, расчет и спрямление судеб поставлен на поток, ну а мы в Старом городе крутимся, как умеем.

Тротуар был узкий — они то и дело задевали друг друга локтями, и на Грэга каждый раз накатывало раздражение.

— Как это работает? — процедил он. Неизбежные вопросы, ничего не дающие ответы... «Все зря», — подумал Лонки.

— За счет вашего генератора, конечно, — Грэг попытался что-то сказать, но Док отмахнулся: — Бросьте, сержант, какое воровство, это же информация, а не энергия. Я полжизни на это потратил. Знать, к чему приведет выбор! Видеть все развилки, угадывать все случайности! Ехать ли в гости? Перейти дорогу сейчас или на следующем перекрестке? Отбивная или рагу? Теперь можно решить разумно... Я дорого беру, но оно того стоит. Хотите? Всего...

Док назвал сумму, и Грэг закашлялся, вылупив глаза.

— Откуда у Риты столько?

— Нашла, — хихикнул Док. — Споткнулась, упала на решетку водостока... Кажется, именно это они называют «красивой композицией».

Впереди мелькнула подозрительно знакомая яркая рубашка, и кто-то с тихим возгласом нырнул в переулок.

— А говорил, что завязал, — мрачно буркнул Грэг. Док иронически усмехнулся. Из переулка донеслась брезгливая брань.

— У нас на редкость меткие голуби, — прокомментировал Док. — Пока мальчик оттирается, мимо него пройдет одна знакомая девушка... В общем, он останется верен Рите. Впрочем, как и в любом другом случае — у парня на редкость прямая судьба, и моя программка его только разочаровала — такая чепуха за такие деньги. Впрочем, ему повезло больше, чем Рите.

Док подмигнул, и Грэгу захотелось ударить прямо по заячьим зубам.

— Девочка не справилась с потоком информации, — продолжал заливаться Док, — слишком много линий, слишком много развилок. Не повезло. Ей хватило сил добраться до Нового города, но не хватило ума решить там остаться — не понравилось... Впрочем, ей и раньше не нравилось, чтобы просчитать судьбу в Кольце, программа не нужна, любой кретин справится... Скорее всего девчонка решила рассчитать внешнюю ветку — и мозг не выдержал. Так и считает до сих пор... на койке.

Заморосил дождь, Грэг поднял воротник. Мелкая водяная пыль оседала на лице, и Лонки охватила безнадежность. Голос Дока жужжал, как навязчивая муха, — хотелось прихлопнуть ее, вернуться домой, лечь в чистую сухую постель и обо всем забыть.

— Вы должны ей помочь, — глухо сказал он. Обязательные слова, которые ничего не меняют. Лонки показался себе героем какого-то дурного детектива.

— Я бы с удовольствием, сержант, она мне нравилась, но сами подумайте — что я могу сделать? Это же мозг, а не груда железа. Понятия не имею, как она отключается. Зачем? Уберите руки, Лонки, откуда я мог знать? Мне жить на что-то надо? Я всех предупреждал... Это как антибиотик — на одного почти не действует, второго лечит, а у третьего оказывается аллергия — ну и... Заранее не узнаешь. Двадцать три человека, каждый пятый... А вон, кстати. — Док толкнул Грэга локтем, теперь уже специально: навстречу шел смуглый муж-

чина — живые черные глаза, готовое рассмеяться лицо... Увидев Грэга, он тревожно вскинул брови и отвернулся, торопясь пройти мимо.

— Вик?! — вскрикнул Грэг, оглядываясь, но прохожий не обернулся. — Что он здесь делает?

— Особое задание? Храбрый полицейский расследует тайны Старого города? — паясничал Док. Грэг болезненно поморщился. Судорожно мигал свет неисправного фонаря, метались оранжевые тени, и от этого Грэгу казалось, что асфальт под ногами плывет и покачивается.

— Сколько их всего?

— Посчитайте сами, Лонки, вы считать умеете? — Грэг нетерпеливо взмахнул рукой, и Док понимающе кивнул: — Ах, всего спортсменов? Да половина вашего города шляется сюда каждые выходные, а вторая половина — хотели бы, да боятся. С чего, думаете, у вас там постоянно штормит и до сих пор нужна полиция? Запретить? Ну-ну... Кто запрещать-то будет? Пара таких же слепых идиотов, как вы? Я знаю, что у вас идеальный психопрофиль. А вы знаете, что таких, как вы, на весь Новый город человек десять наберется? А остальные годами днем ходят на коррекцию, а вечером — сюда... И когда лечение признают неудачным и выкидывают за Кольцо, чтобы не генерировали помехи, облегченно вздыхают. А некоторые уезжают сами — но таких мало, очень мало.

Грэг снова вспомнил перешептывания родителей. Теплая полоска света из-под закрытой двери не дает заснуть. Грэг точно знает, что ничего не изменится, но тихие невнятные голоса тревожат, и хочется, чтобы в родительской спальне поскорее выключили лампу. А ведь Рита была права, вдруг понял он: только из-за него семья осталась в Кольце. Грустно усмехнулся: кажется, профили родителей были ненамного лучше Ритиного, раз они готовы были махнуть в безумный мир случайностей вместо того, чтобы поставить на место капризную дочку.

— Чаще все-таки выкидывают, — продолжал Док. — «Дестабилизирующий элемент»... — Он горько покачал головой. — Эти придурки из центра коррекции ошиблись. Случайность, понимаешь? Но у вас случайностей не бывает, и меня выкинули, как паршивого щенка...

— Постойте-ка, — наморщил лоб Грэг, — вы же...

«Зайцезуб! Зайцезуб!» — звонко кричит Рита, Грэг хватает ее за тонкую руку, шлепает, и сестра ударяется в рев. «Извините», — бормочет Грэг и, как всегда, получает в ответ вежливую, вымученную улыбку. Сосед медленно идет к крыльцу, просматривая вытащенную из ящика газету, — как всегда. Шорох шин, белая униформа корректоров, мелькают бланки в руках, посеревшая губа приподнимается над желтыми зубами: «Это случайность! Да послушайте же, это случайность!»

— Хорошая память, сержант, — зло ухмыльнулся Док, и Грэг в ужасе уставился на него.

— И ты столько лет... Она же ребенком была... как ты... — «Врезать и уйти». — Он сжал кулаки, качнувшись вперед.

— Совсем одурел! — рявкнул Док, и Грэг остановился, с ненавистью глядя на грязные мокрые патлы. — Я делал программу для себя, чтобы стало хоть немного легче... А потом уже понял, что на ней можно подзаработать — местным она не нужна, привыкли, а вот спортсмены покупают, не задумываясь. Побочные эффекты — подумаешь! В гробу я видел ваш Новый город! Роботы проклятые... Ладно, ладно, прошу прощения, угомонитесь, сержант. Лучше подумайте, зачем этот молодой человек отправил ко мне вас, а не пошел сам... Вот здесь можно переждать дождь. — Он увлек Грэга на лестницу, ведущую в подозрительный подвальчик. Мелькнула деревянная вывеска, и в нос ударил запах пива.

В кафе было накурено, шумно, тускло — лампочки в огромной чугунной люстре еле светили сквозь дым. Док решительно протолкнулся между столиками в центр зала, на се-

кунду заколебался, выбирая стул, решительно отодвинул в сторону меню.

— Отбивная? Мясо в горшочке? — хихикнул он, когда Грэг хмуро попросил у официантки пива. — Если бы вы знали, сержант, как мне надоело выбирать...

Челюсть Дока отвисла, тоскливый взгляд остановился за спиной Грэга. Обернувшись, Лонки с любопытством уставился на девицу в короткой юбке — ноги задраны на стол, сквозь сетчатые чулки просвечивают розовые ляжки. Почувствовав взгляд, девица посмотрела на Лонки из-под густой вороной челки, подмигнула, пошевелила скрещенными пальцами. Ухнуло сердце, и как будто издали донесся голос Дока:

— Ножницы, да.

Девица растянула длинные накрашенные губы в улыбке — шутка, сержант. Бледное лицо заволокло туманом, и сердце снова забилось спокойно.

— Надоело выбирать, — сказал Док. — Тебе, Лонки, этого не понять — вы там за Кольцом ничего не выбираете, все рассчитано и определено за вас. И здешним психам меня не понять — они выбирают сердцем. — Док залился невеселым смехом. — Делай что должно и будь что будет...

Грэг покачал головой:

— Это же хаос, бардак, невозможно так жить.

— Конечно, — согласился Док, — вот поэтому и построили Кольцо — такие, как ты, и для таких, как ты. Ритку твою жалко, шебутная была девчонка, — вздохнул Док и нетерпеливо посмотрел наверх. — А все-таки почему парень сам ко мне не пришел, а тебя послал, агнца прекраснодушного?

— Ну ты полегче, — возмутился Грэг. Док пожал плечами, снова взглянул наверх. — В общем, ничем не могу помочь, — сказал он, — а ты вот о чем подумай: ты уже вне Кольца несколько часов, и ничего страшного не случилось.

— Ну и что? — спросил Грэг.

— Да так, — ответил Док, — просто подумай на досуге. До свидания.

Грэг, швырнув на липкий от пива столик пару купюр, пошел к выходу. Он не обернулся, когда за спиной раздался тяжелый металлический грохот упавшей наконец люстры.

Кольцо с чавканьем впустило машину, но Грэг не почувствовал облегчения. Включил радио — как раз передавали прогноз. Будьте осторожны, верошторм продолжается, говорил диджей. В его голосе Грэг услышал плохо скрываемый восторг. Программа Дока работает от генератора, подумал он. Его пускают на башню, он один из немногих, кого пускают. Он был за Кольцом... да почти весь город был за Кольцом, и ничего страшного не случилось. Шепот родителей. Ритка с ненавистью смотрит на белую иглу генератора, глаза сверкают из-под челки, губы шевелятся, извергая ругань — Грэг дает ей подзатыльник. «Мама, она опять...» Толстые очки, исчерканный список в руках: «К сожалению, мы можем допустить на экскурсию только Грэга... э-э-э... Монки.» — «Лонки», — натужно поправляет Грэг, краснея, и одноклассники за спиной злорадно хихикают. «У вас есть сестра?» — «Мы почти не видимся, господин корректор». Рита лежит неподвижно, белые стены, белые простыни, белое лицо, мечутся под тонкими веками глаза, и закипает мозг, пытаясь все, все предусмотреть.

Машина бежала по гладкому шоссе мимо свежепокрашенных коттеджей, мимо тщательно подстриженных газончиков, и в просветах круглых крон мелькала серебристая игла башни. Грэг вдруг понял, что ему не нравятся круглые кроны. Он сердито нажал на газ, и деревья слились в зеленые полосы. Дорога прямая. Судьба прямая у Грэга Лонки, доблестного постового, храброго ловца хомяков отныне и до пенсии. Башня генератора изнутри: запах озона, люди в белых халатах, хрупкое переплетение деталей. Достаточно молотка. Восстанавливать будет некому... Грэга охватил ужас. Ни охраны, ни защитных кожухов — лишь бронированная дверь с кодовым замком, соединенным с базой данных. Да они там с ума по-

сходили, подумал Грэг, холодея. Стоит одному из избранных свихнуться — и кранты. Хаос, непредсказуемость, случайности... Достаточно удара молотка, — вертелась навязчивая мысль. Сержант Лонки вытащил телефон и набрал номер. Где-то в полицейском участке загорелся оранжевый огонек официального вызова.

— Да, Грэгги, — жизнерадостно закричал Вик, но в его голосе слышалась тревога. Полицейский, которого засекли гуляющим по Старому городу! Им обоим есть из-за чего волноваться. Грэг усмехнулся.

— Вик, я собираюсь сходить на экскурсию, посмотреть на генератор, — сказал он. — Как ты думаешь... Может быть, стоит взять с собой что-нибудь?

— Что взять? — обалдело спросил Вик, и Грэг с мучительной неловкостью подумал, что обознался тогда, на улице Старого города, но на всякий случай объяснил:

— Какой-нибудь сюрприз корректорам, а? — Вик недоуменно молчал, и Грэг почувствовал стыдливый страх. — Ладно, брось, — торопливо сказал он. — Я пошутил.

— Погоди, Лонки, — ответил Вик озадаченно и радостно. — Сюрприз для корректоров — это ты хорошо придумал. Это ты отлично придумал! Ну штормит, ну штормит! — с удивленным смешком пробормотал он, и трубка разразилась короткими гудками.

Только тебе теперь придется всю жизнь выбирать, подумал Грэг. Ничего, научусь, решил он, Рита мне поможет... Лонки сбавил скорость, с болезненной внимательностью рассматривая аккуратные ряды коттеджей. На крыльце одного из них сидели три женщины — их руки безвольно упали на колени, лица были печальны, но в глазах светились ожидание и надежда. На столе перед ними лежали легкая кучка пуха, веретено и ножницы. Сержант Лонки махнул им рукой, проезжая, и нахмурился, пытаясь вспомнить, куда он засунул монтировку.

Ирина Сереброва

ВЕСЬ МИР БУДЕТ ПЛАКАТЬ

— Ваш завтрак, Андрей Борис.

— Андрей Борисович, — поправил мужчина. Посмотрел на тарелку овсянки, задумчиво подцепил хрустящий тост и сказал: — Яичницу хочу. С помидорами. И пару сосисок.

— Во-первых, это не входит в стандартную комплектацию завтраков, — заметил «виртуальный друг». — А во-вторых, вы же сами заказали овсянку. Три дня назад.

— Во-первых, я не обязан есть стандарт-завтрак, тем более три дня подряд, — ядовито возразил мужчина. — А во-вторых, если тебе так важно, что я заказываю, хочу напомнить: по десять раз на дню я говорю, что меня зовут именно Андрей Борисович! Мое имя — Андрей, Борис — имя моего отца! Что за странный сбой в программе — дождетесь, доберусь до вас...

«Ви-друг» с укором молчал, страдальчески подняв брови. Мужчина наконец посмотрел на него внимательнее и фыркнул.

На «ви-друге» сегодня красовались узкие темно-красные брюки, свободный синий пиджак, салатового цвета рубаха и галстук, черный в яркий желтый цветочек.

— Синие джинсы, белая водолазка, гладить не надо, — распорядился Андрей, — и жду свою яичницу.

© И. Сереброва, 2006.

— Готово, — печально сказал «ви-друг», кивая на выехавшую из стенного шкафа стопку одежды. — Завтрак прибудет, как только оденетесь. И я должен сказать вам, Андрей Борис — хоть мне и неприятно это сообщать...

— Ну, ну? — подбодрил мужчина замолчавшего «ви-друга». Прожужжала старомодная «молния» джинсов, мягко зашелестел трикотаж водолазки.

— Вы ведете себя... неадекватно, — решился высказаться тот. — Будь я вашим воспитателем, оставил бы без десерта.

— По счастью, воспитателей у меня в детстве не было. И не смей высказываться относительно влияния семьи на личность. — Мужчина небрежно провел расческой по коротким темным волосам и повернулся к «ви-другу». Покачал головой. — Чучело ты, чучело. Да еще с моей физией... Что с завтраком?

Гримаса скорби исказила лицо «ви-друга» — унылую копию хозяина.

— Ваша яичница с помидорами и сосисками прибыла. Хочу сказать, что сегодня большинство населения начинает свой день с коктейля номер три. Но вы демонстрируете такое настроение, что я взял на себя смелость заменить тройку на другой, который снимет вашу нервозность.

Андрей двумя пальцами поднял инъектор, в котором перламутрово поблескивала голубая жидкость.

— Семерку, значит, для меня приготовил? Нервишки решил подлечить? Спасибо, спасибо, друг. А то, что я работать собирался, — ты помнишь?! — неожиданно рявкнул мужчина. — Захотел, чтоб я до вечера был тихий, мирный и ни на что не способный? Убрать эту гадость! Кубик кофеина для бодрости, и достаточно!

Инъектор с тихим чпоканьем, напоминающим звук поцелуя, всадил под кожу заряд кофеина. Андрей встряхнулся и, принимаясь за яичницу, велел:

— До обеда я закрыт для контактов, работаю. Подготовь сводку новостей. А теперь сгинь!

* * *

Стены лаборатории были затемнены, но лучи искусственного света в нескольких направлениях пронизывали рабочее место. В стороне медленно вращалась большая проекция человеческого мозга. Андрей перебирал голографическую молекулу, составляющие которой увеличивались до размера крупных бусин. Вынимал одни цветные шарики, добавлял новые радикалы, менял местами. Останавливаясь, щурил глаза, словно придирчивый ювелир. Время от времени коротко командовал:

— Запуск! — и наблюдал, как отделы проекции мозга мерцают разными красками.

Очередной приказ «Гипоталамус, зум сто!» прервал нудный голос «ви-друга»:

— Андрей Борис, это третье напоминание. Общее обеденное время скоро закончится.

— Ладно, ладно, — вздохнул мужчина, не отрываясь от своего занятия, — давай новости.

«Ви-друг» возник за плечом хозяина и, сверля взглядом его затылок, начал докладывать:

— Вчера на планете в транспортных и других авариях погибло триста двенадцать тысяч сто...

— Не надо общих, скажи личные новости. Если есть.

— Сумма очередной Нобелевской премии после вычета налогов составила два миллиона пятьсот двадцать тысяч тридцать три универсала, ваш счет пополнен.

— Так-так. — Андрей наконец оставил цветные цепочки, и его мягкое кресло развернулось. — Дали по категории химии? Только не надо формулировок зачитывать, — прервал он уже открывшего рот «ви-друга». — Лучше скажи, кто еще награжден.

— Ваша, э... сестра, Майя Борис. В категории искусства, за серию художественных работ.

— Пошли ей открытку из серии «Поздравляю». Только не сюжетную, с цветами что-нибудь. Еще?

— По другим номинациям премия не присуждалась.

Хозяин хрустнул суставами кистей, прикусил губу.

— А этот... в прошлом году по медицине получил премию, Август как-его-там? За исследование мутаций вируса гриппа — он в этом году что?

— Август Хельги погиб пять месяцев назад, несчастный случай в лаборатории, — развел руками «ви-друг». — Подробности нужны?

— К черту подробности, — махнул рукой Андрей. Посмотрел на проекцию мозга, на шарики молекул, отвернулся: желание работать пропало. Наверное, стоит прогуляться.

— Пообедаю в кафе «Привет», передай им заказ на ленч, — распорядился он уже от выхода.

В кафе полтора десятка человек приканчивали обед. Каждый за отдельным столиком (пустая супница одинаково отодвинута в сторону), каждый трудится над остатками паэльи. Даже вилки поднимаются как будто синхронно.

И одеты посетители одинаково — в узкие темно-красные брюки, свободные синие пиджаки, салатового цвета рубахи и галстук, черный в яркий желтый цветочек. Три женщин тоже неразличимы: черный в белую полоску офисный костюм с юбкой по колено и розовая блузка. Все одеваются в то, что показали с утра виртуальные двойники...

Проходя к столику, на котором загорелся световой индикатор, Андрей приметил на лацкане одной из женщин большую брошь.

— Хоть какая-то фантазия, — пробормотал он, садясь так, чтобы видеть лицо женщины. Та была немолода, лет на десять старше Андрея; на лбу и в уголках глаз залегли отчетливые морщины, а на шею свисали складки «второго подбородка». Аккуратно отправляя паэлью в большой узкогубый рот, женщина случайно подняла глаза на Андрея и, наткнувшись на его прямой взгляд, мгновенно отвернулась, опустив набрякшие веки.

— М-да, — сказал мужчина сам себе, — похоже, с этим мне делать нечего. Хотя...

С улицы донеслось приближающееся гудение. Посетители в едином порыве жадно повернулись к прозрачной стене кафе, многие привстали, горящими глазами глядя наружу. Андрей, как и все присутствующие, знал, что означает этот звук, но у него такие зрелища интереса не вызывали. Гудение перешло в рев и завершилось глухим ударом, за которым последовали звон, скрежет — и все смолкло.

Люди, сидевшие в глубине помещения, опускались на свои места — им ничего не было видно. Те, кто сидел у прозрачной стены, сейчас приникли к ней, повернув головы влево — надо полагать, аэромобиль грохнулся с неба именно там. Еще несколько погибших в завтрашний список. Андрей скользнул взглядом по подергивающимся кадыкам и непроизвольно облизывающимся губам зевак, поморщился и отвернулся.

Посетители один за другим торопливо допивали входящий в стандарт-ленч томатный сок и тянулись к выходу. Грузно поднялась и женщина, за которой следил Андрей. Мужчина вздохнул: офисный костюм не скрывал валиков жира на боках. Такое сложение восторга у него не вызывало.

Но если бы была уверенность, что она сможет выносить ребенка...

Прозрачные двери кафе разъехались в стороны, пропуская запыхавшуюся посетительницу. Она порывисто отбросила назад свесившийся на глаза темный локон и, лавируя между столиками, отправилась к соседнему с Андреевым. Мужчина встречал ее загоревшимся взором.

Вместо костюма на девушке были темные джинсы, облегающие стройные ноги, и светло-голубой джемпер, по которому плавали голограммы золотых рыбок.

Симпатичное лицо смахивает на Майино: темные глаза в пушистых ресницах, нос с горбинкой, сочные губы. Только у сестры волосы длиннее, резче скулы и глаза другого разреза.

Если все получится — а Андрей очень хотел, чтобы получилось! — то будет сохранен даже семейный фенотип.

— Опаздываете? — обратился он к соседке, стараясь, чтобы в голосе слышалась улыбка.

Девушка вздрогнула. Быстро, но внимательно осмотрела одежду соседа — брови сдвинулись, образовав складочку непонимания. Если сейчас развернется спиной, это будет означать «не хочу общаться».

Мужчина ждал, что победит: любопытство или настороженность. А девушка не только не отвернулась, но и, помедлив, ответила:

— Ничего, просто на работе обед сдвинули.

— Аврал? — поддержал беседу Андрей.

— Дедлайн, — уточнила девушка. — Я журналистка, у нас развлекательные статьи должны к середине обеда появиться.

— Чтобы люди могли отдохнуть перед продолжением работы?

— Точно! — от улыбки на ее щеках появились ямочки. Андрей лихорадочно подсчитывал шансы: журналистика всегда означала если даже не творческий, то уж точно более свободный взгляд на жизнь. Можно идти к цели медленно, день ото дня стараясь завоевать все больше доверия — или попытаться взять натиском...

— Скажите, а вы всегда обедаете в этом кафе? Кажется, я вас раньше не видел, а ведь рядом с вами и стандарт-ленч кажется вкуснее.

Девушка захлопала глазами, оценивая смысл сказанного. Комплиментами ее не баловали.

— Нет, обычно я ем в другом месте, но сегодня мой заказ не приняли, все места оказались заняты...

Это решило сомнения. Бегай за ней потом «в другое место»!

— Меня зовут Андрей. Андрей Борисович. Я биохимик.

— Ой! — Девушка отважилась всмотреться в его лицо. — Я о вас слышала. Ведь это вы получаете Нобелевскую пре-

мию последние... не помню сколько лет? Удивительно, что такие люди живут рядом с нами!

— Да, совсем рядом, — подтвердил мужчина. — Почему бы вам не взять у меня интервью?

— Прямо сейчас? — спросила девушка неуверенно.

— Почему нет? Журналист должен быть мобильным! — Андрей заговорил повелительным тоном, к которому обычно прибегали воспитатели. Родители в свое время позаботились выработать у детей интонации, которых принято слушаться. — Согласуйте с начальством и пойдем!

Девушка безропотно активировала комм. После занявшего пару минут разговора наконец представилась:

— Меня зовут Анна Далия, инфоканал «Досуг». Ваше предложение принимается.

Андрей тихо радовался. Гостья, которую обнимало самое уютное из его кресел, беседу вела вроде бы по делу. Но поза ее становилась все более свободной, а любопытный взгляд бегал по сторонам, изучая обстановку — и все чаще задерживался на большом портрете родителей. Наконец Анна Далия дозрела:

— А кто это?

— Мои родители, — отрекомендовал Андрей.

— Ваши... кто? — На ее лице отразилась улыбка недоверия.

— У меня были биологические отец и мать, — мягко пояснил хозяин. — Я их очень любил. К несчастью, они погибли в аварии. Давно.

На лице девушки сменялось множество выражений, чем-то напоминая мерцание красок в отделах головного мозга, которое Андрей привык наблюдать в лаборатории. Набрав воздух, Анна Далия осторожно спросила:

— Вы хотите сказать, что вы... натурал?

— Да. — Мужчина постарался, чтобы это прозвучало легко, несмотря на отвращение, кривящее губы гостьи.

— Я думала, натуралов давно уже не осталось, — выдавила она.

— В чем-то вы правы. Людей, рожденных женщиной, на планете осталось двое: я и моя сестра. Пары у нас нет.

— Вы ведь не сделаете мне ничего плохого? — Девушка сжалась в нервный комочек, расширенными глазами отслеживая каждое движение Андрея.

— О господи, — пробормотал тот, сглатывая горький комок в горле. — Конечно, не сделаю. Слухи о натуралах, которыми вас наверняка напичкали в интернате, сильно преувеличены. Вы можете уйти в любой момент, двери вас выпустят. Анна Далия, стойте! — выкрикнул мужчина, прибегнув к тону воспитателя.

Девушка, уже сделавшая несколько шагов к выходу, остановилась, не поворачиваясь к хозяину.

— Давайте просто закроем личную тему и вернемся к обычной беседе. Например, я могу показать вам одну из своих последних разработок.

Напряжение отпускало журналистку. Она посмотрела на Андрея, подняв бровь.

— Вы можете даже попробовать новый коктейль до того, как он поступит во всеобщее применение. Соглашайтесь! — ободряюще кивнул мужчина.

Девушка, подумав, вернулась в кресло.

— Давайте ваш инъектор, — протянул он руку.

— А что именно вы предлагаете? — еще подозрительно спросила гостья. — Негатива мне все-таки не хотелось бы.

— Новый коктейль — для глубокой релаксации, — усмехнулся Андрей. — По-моему, как раз то, что вам сейчас нужно.

Девушка уронила личный инъектор в подставленную ладонь, и мужчина, с трудом скрывая ликование, отправился в лабораторию за недавно синтезированным составом.

— Какой интересный оттенок, — протянула Анна Далия, рассматривая розово-красную жидкость в инъекторе. Гляну-

ла искоса на Андрея, занявшего стратегическое место в кресле вплотную к ее собственному, подняла рукав — и содержимое инъектора отправилось в кровь.

Девушка едва успела убрать инъектор в карман, как щеки ее порозовели, дыхание стало коротким и глубоким. Анна Далия запрокинула голову, прикрывая заблестевшие глаза.

Андрей подался вперед, положил руку на бедро девушки, чувствуя, как напрягаются мышцы под его ладонью. Анна дышала все чаще, потом тихо застонала, тело ее изогнулось дугой. Мужчина, пользуясь моментом, с наслаждением провел руками по ее груди, которая поднималась и опускалась под тонким джемпером, огладил раздвинутые бедра — сначала с внешней, затем, вкрадчивыми движениями — с внутренней стороны.

Девушку била крупная дрожь наслаждения. Волны напряжения и расслабления подчинили себе ее тело. Стоны делались все громче, ладони Андрея — все смелее...

— А-а-а! — наконец выкрикнула она и обмякла. Автоматика кресла, решив, что сидящая уснула, принялась баюкать обессиленное тело. Мужчина с сожалением убрал руки. Увы, сейчас девушка начнет приходить в себя.

Разнеженное лицо гостьи преображалось в плаксивую гримасу. Пролежав несколько минут, девушка открыла глаза и села.

— Какая гадость, — тихо сказала она.

— А мне показалось, что коктейль вам понравился. — Андрею с трудом, но удалось сохранить спокойный тон.

— Зачем вы меня трогали? Это гадость! — По щекам девушки потекли слезы. — Что, у натуралов так принято?

— Между прочим, эффекта, который дает этот коктейль, натуралы достигают самостоятельно, — мягко сказал Андрей. — Именно для этого люди друг друга и трогают.

— Люди вообще не трогают друг друга! Так делают только животные! Это грязно, и... и... противно! Я хочу уйти!

Анна Далия медленно, по шажку, подбиралась к дверям. Она не знает, отпущу я ее или нет, догадался Андрей. Он бессильно стукнул кулаком по креслу и отвернулся. Тихое шипение и движение воздуха подсказали, что двери выпустили гостью.

— А чего ты ожидал, братец? — неожиданно прозвучал насмешливый, чуть хрипловатый голос Майи. Сестра усмехалась с большого комм-экрана в углу. — Всё надеешься найти у одной из этих выхолощенных кукол хоть какое-нибудь понимание? Зря.

— И давно ты здесь? — поинтересовался мужчина.

— Вы о натуралах разговаривали. Ну, я не стала привлекать внимание — дай, думаю, посмотрю, чем дело кончится. Хотя, конечно, известно чем!

— Может быть, она подумает и решит, что ей понравилось, — безнадежно пробормотал Андрей. — Она даже одета была нестандартно.

Майя хмыкнула, щелчком пальцев вызвав «ви-подругу». Та появилась рядом с сестрой, одетая так же, как Анна Далия. Мужчина вздрогнул, снова пораженный сходством внешности девушек.

— Сегодняшняя мода для страты так называемых творческих работников. А ты, наверное, на клерков насмотрелся? — саркастически пояснила Майя.

Мрачное молчание брата не остановило ее выводов. Слова сыпались, словно крупинки соли на свежую ссадину:

— Ну, допустим даже, что ей понравилось. И что? Понимаешь ли, даже чтобы признать это, надо преодолеть давление культурной среды. Ее с инкубатора воспитывали в убеждении, что телесные контакты — удел животных. А что она, точнее все они, думают о способах размножения натуралов, я даже не представляю... У них изначально нет модели семейных отношений. Поэтому я решительно не понимаю, откуда у тебя столько оптимизма надеяться, что какая-нибудь из этих особ предоставит свое неприкосновенное тело для вынаши-

вания натурального ребенка! Даже из натуралок наша мама была последней, кто на это согласился...

— Хватит, — прервал хозяин распалившуюся сестру. — Чего ты хотела? Не просто так ведь меня вызвала.

Майя страдальчески поморщилась:

— Почему ты не придумаешь позитивный коктейль, который не будет давать отката? Я не хочу ни платить сутками депрессии за шесть часов позитива, ни крепко подсаживаться на коктейли. Работать под позитивом я не могу: вроде чего-то и делаешь, и хорошо кажется, а прихожу в себя — мазня мазней. Что за эффект такой?

— Нормальный эффект сопротивления природы, — пожал плечами Андрей. — Все имеет свою цену. Перехитрить природу невозможно, можно только взять что-то у нее вперед и потом уплатить. С процентами за кредит. «Золотой миллиард» пробирочного производства тоже недешево обходится: вон, только за сутки триста с чем-то тысяч погибших. Это при том, что естественная смерть — такая же редкость, как и натуралы!

— Ну, там, где не работает либидо, начинает действовать мортидо. — Сестра вяло махнула рукой и неожиданно сказала жалким голосом: — Можно к тебе? А то мне как-то совсем плохо.

Андрей посмотрел на ее дрожащий подбородок, на заблестевшие влагой глазищи и понял, что с мыслью поработать на ближайшие пару дней можно распроститься.

Ярко-желтый аэромобиль сестры, как обычно, пролетел перед гостиной, стену которой хозяин по такому случаю сделал прозрачной. Семейный ритуал предполагал, что Андрей и Майя помашут друг другу, прежде чем аэромобиль отправится на парковку.

Сестра вошла в помещение, как всегда, стремительно; светлая легкая одежда развевалась вокруг нее, словно крылья.

— Здравствуйте, Майя Борис, — скрипуче поприветствовал ее «ви-друг», материализуясь все в том же комическом наряде.

— Я тебе велел до завтра не появляться, — прицыкнул Андрей.

— Скоро время ужина, — ответил тот как бы в качестве пояснения.

— Я помню. А теперь исчезни! Надо что-то делать с этой программой, — посетовал хозяин, — я хочу, чтобы она слушалась меня, а не общих инструкций. Все никак не соберусь попытаться получить доступ к Главному серверу, чтоб отладить индивидуальные настройки...

Майя молча поставила на столик бутылку вина и растянулась все в том же мягком кресле.

— Ого! — поразился Андрей. Огладил прохладную бутылку, прочел этикетку: — Белое сухое, столовое. Неплохо. Хотя какое бы ни было, его с прошлого века не делают, все на химию перешли... Где взяла?

— Когда у Пиотровской муж погиб, я к ней приезжала. Посидели с ней, поговорили... Наутро она мне передала запасы из своего погреба. И еще кое-что, по мелочи. Вроде как наследницей сделала.

— Своих бы наследников завели, сейчас не приходилось бы думать, как род продолжить. — Старинный металлический штопор в руках Андрея вонзился в сердито заскрипевшую пробку.

— А зачем, братец? — Майя привстала в кресле. — Зачем тебе продолжать свой род? Наши семейные гены наверняка продолжают существовать, материала в свое время собрали достаточно, так что род в каком-то смысле продолжается. — Она механически отхлебнула из сунутого ей бокала с вином. — Мне Пиотровская так и сказала: зачем плодить натуралов в мире искусственного? Что могут сделать несколько человек, которых мир считает монстрами и позволяет делать что угодно, потому что так для всех проще? Натуралы ничего не мог-

ли изменить уже тогда, когда их оставалось несколько тысяч, так о чем говорить сейчас.

— Вам, женщинам, надо было поменьше думать и побольше рожать, — с досадой ответил Андрей. — Мир развивается, когда в нем есть натуралы.

— Какое тебе дело до этого мира, братец? — Майя со стуком поставила бокал на столик, расплескав бесценное вино. — Когда-нибудь мы умрем, а мир продолжит свое существование. Ты можешь выпрыгнуть из окна, или твоя лаборатория однажды взорвется, или рухнет аэромобиль, а мир запишет тебя в список жертв вчерашнего дня и заложит в инкубаторы на одну пробирку больше. И всё!

— Мир, между прочим, за твои художества ежегодно присуждает тебе Нобелевскую премию и еще десяток премий поменьше, — напомнил Андрей.

— А кому еще-то?! — пожала плечами Майя. — Больше ведь некому! Все эти куклы интересуются искусством только по обязанности. Школьники ходят на экскурсии в музеи и галереи, как ходили пятьдесят, сто и двести лет назад, потому что это заложено в программу. Они еще и сочинения пишут! Вот послушай — это победитель какого-то их конкурса, в Сети сочинение выложили... Сейчас...

Сестра вполголоса отдала комму несколько команд, и запинающийся детский голос произнес:

— Картины Майи Борис — это вершина современного искусства. В музее нам рассказали, что Майя Борис работает с разными техниками. Она умеет рисовать акварелью, разноцветным маслом и другими старыми красками, а не только на компьютере. На ее картинах нарисованы разные деревья, травы, цветы и воды. Только людей она почему-то не рисует. Хотя люди — это самое главное.

— Между прочим, этот ребенок в чем-то прав, — задумчиво сказал Андрей. — Почему ты не рисуешь людей, Майя?

— Потому что мне нравится писать настоящее. Хотя я не знаю, для кого это делаю. — Слезы покатились по щекам се-

стры. — А последний месяц я вообще не могу написать ничего хорошего! Обними меня, а, братец?

Андрей отставил опустевший бокал. Сел на подлокотник кресла рядом с сестрой и стал ласково гладить ее шелковистые волосы. Минут на десять в комнате повисло молчание, прерываемое только всхлипами уткнувшейся в грудь брата Майи.

— Знаешь, а полетели завтра в усадьбу Пиотровских? Вместе? — предложил Андрей. — Мне там с детства нравилось, да и ты говорила, что натура красивая. Поживем несколько дней, отдохнем, может, и напишешь что-нибудь.

Откуда-то из подмышки донеслось согласное бурчание.

Зеленые волны колыхали травяное море. Пропитанный солнцем воздух ласкал щеки, луговые ароматы кружили голову. Выпрыгнув из аэромобиля, Майя поглядела в голубую высь, где щебетали птицы, и, радостно засмеявшись, побежала на вершину холма. Раскинула руки, словно сама собиралась взлететь, ловила теплый ветер развевающейся одеждой и распущенными волосами.

Взбежала наверх и упала в траву. Когда Андрей поднялся — лежала на полянке терпко пахнущих желтых цветочков, подперев голову кулаками, и смотрела вдаль, где золотилась река, и голубая дымка на горизонте прятала переход от полей к небу.

— Хорошо-то как, а, братец? — не оборачиваясь, тихо сказала Майя. — И почему мы с тобой сразу не заняли их усадьбу? Я чувствую, что столько смогу здесь написать!

Андрей, понимая, что сестра совсем не ждет трезвых ответов типа «не надо торопиться занимать чужое гнездо после смерти хозяев», промолчал. Просто лег рядом, сминая приятно колкую траву, закрыл глаза и подставил лицо солнцу.

Разбудил его ощутимый тычок и веселый возглас:

— Ну, пошли уже, засоня!

Дом Пиотровских время берегло: сейчас, как и в XIX веке, над зданием цвета слоновой кости раскачивали ветвями дубы.

Ступив на песчаную дорожку, ведущую к дому, Андрей опять не удержался:

— И ведь такой огромный дом — на двоих! Сюда бы детей, да не парочку, а четверо-пятеро, как было бы...

И замер от неожиданности. На газоне — только сейчас отметил, что подстриженном! — под деревьями сидели дети. С десяток трех-четырехлетних малышей.

Сидели так смирно, словно росли здесь на грядке.

— Вот тебе и на!.. — растерянно сказала Майя.

— Слушаю вас! — произнес в стороне уверенный голос. К гостям, не торопясь, приближался пожилой мужчина с резкими чертами лица. Брат и сестра переглянулись.

— Что это такое?! — спросила Майя, тыча пальцем в малышей.

— Это дети, — приподнял брови мужчина. — Я их воспитатель.

— Я понимаю, что это дети, — преувеличенно терпеливо произнесла девушка. — Но что они здесь делают?

— Прямо сейчас — дышат свежим воздухом. А вообще нас послали сюда по перераспределению. Корпус нашего интерната нуждается в реставрации, и дети были направлены в пустующие здания. У нас есть направление администрации. Какие-то проблемы?

— Видите ли, это был дом наших друзей, — вежливо вступил в беседу Андрей. — Мы знали, что он свободен после их смерти, и рассчитывали пожить здесь некоторое время. Причем деньги за аренду уже сняты с нашего счета.

— Друзей? — переспросил воспитатель выразительно. — Интересно... Что же, пойдемте в дом, я свяжусь с администрацией и попробуем разрешить эту ситуацию. — Он развернулся и по-хозяйски зашагал к ведущим в холл ступеням.

— Эй, а дети? — растерянно крикнула Майя ему в спину. — За ними присмотреть?

— Не надо, — прозвучало уже от дверей. — Они хорошо воспитаны и никуда отсюда не денутся.

* * *

— Мне кажется, всё осталось, как было, — удивленно сказал Андрей. — Ну-ка...

Он быстро зашагал в глубь дома. Майя нагнала брата, когда перед ним разъехались двери кабинета.

— Здесь у Павла Александровича хранились модели корабликов, которые он сам в детстве склеил... Смотри, вот они! И все целы, а ведь они очень хрупкие... И еще что-то на полке лежит. Майя, это блокнот с бумажными страницами! И в нем записи.

— Это же раритет, откуда он здесь взялся? — удивился сестра.

— На обложке подписано «Пиотровский». Возьму-ка я его себе, почитаю на досуге, а то так и будет здесь лежать без толка... — Андрей сунул блокнот в карман, потом бережно извлек кораблик из-под стеклянного колпака. — Я всегда любил их рассматривать, но трогать Павел Александрович мне, кажется, до совершеннолетия не разрешал.

Андрей грустно рассмеялся, бережно водя пальцем по парусам, мачтам и реям.

— Не знаю, как быть, — прозвучал сзади твердый голос воспитателя, — с вашим пребыванием здесь вроде бы всё в порядке, но с нашим-то тоже!

Андрею отчего-то стало неприятно видеть этого человека в кабинете Пиотровского, и он вышел, увлекая воспитателя за собой. Поставить кораблик на место гость позабыл.

— Могу предложить выход, — заявила Майя. — В саду есть летний домик, его мы и займем. Думаю, он свободен?

— Да, это выход, — согласился воспитатель. — Я сообщу, чтобы вам произвели перерасчет аренды.

— Не стоит, мы можем себе это позволить, — махнула рукой девушка.

— Майя, ты уверена? — переспросил Андрей. — Сколько здесь детей?

— Две группы по двадцать человек, — проинформировал воспитатель. — И... еще шестеро. Но этих скоро не будет. Мы вас не побеспокоим.

— Не побеспокоите?! Я хорошо помню себя в детстве, — усмехнулся Андрей. — Майя, ты уверена? Сорок шесть сорванцов!

— Никакие они не сорванцы, — негромко сказала сестра. — Не путай нас с тобой и этих... детишек. Вот они играют в десяти шагах от тебя, ты их хотя бы слышишь?!

Андрей растерянно огляделся. Действительно, на ковре сидел еще десяток детей, которые с тихим сопением строили башни из кубиков. Каждый свою, по образцу, который стоял в паре метров от них. То и дело кто-нибудь ставил кубик неверно, и башня рассыпалась; ребенок без звука, с безразличным упорством начинал строить снова.

Воспитатель хлопнул в ладони:

— Все, дети, конец занятия. Встаем и разминаемся.

Малыши послушно встали, одинаковыми движениями затопали ногами и задвигали руками.

— Конец разминки, погуляйте по комнате.

Один из детей, опасливо косясь на воспитателя, приблизился к Андрею и робко указал пальцем на кораблик, который тот все еще вертел в руках.

— Извини, малыш, не могу тебе его дать, — сказал Андрей сочувственно.

Губы ребенка изогнулись концами вниз, и он снова, не говоря ни слова, ткнул пальцем в кораблик.

— Нельзя! — короткий окрик воспитателя заставил вздрогнуть самого Андрея, а ребенок раскинул руки и молча, лицом вниз, упал на пол.

— Что с ним?! — испугался гость.

— Это реакция аффекта на внутренний конфликт между приказом и желанием, — неприязненно глядя в лоб Андрею, пояснил воспитатель.

— Господи, да возьми ты этот кораблик, — затормошил Андрей лежащего навзничь ребенка. Тот поднял голову и неуверенно протянул ручонку, но воспитатель быстро перехватил модель:

— Нельзя потакать детским капризам, — сказал он сквозь зубы. — Ребенок должен учиться сам находить баланс между «хочу» и «можно». Кстати, молодой человек, разве ваш воспитатель не научил вас, что смотреть прямо в глаза — невежливо? Это животная привычка!

— У меня не было воспитателя. — Андрей не отвел уничижающего взгляда. — У меня, к счастью, были родители!

Лицо мужчины исказила брезгливая гримаса. Слова он подобрал не сразу:

— Что ж, это заметно. С моей точки зрения, вы являетесь прекрасной иллюстрацией тезиса «Воспитывать должны воспитатели, неспециалисты к воспитанию не способны». Столько дурных привычек, которые вы даже нисколько не стесняетесь демонстрировать, я вижу в первый раз!

— Да, у меня много дурных привычек, — парировал Андрей. — В том числе привычка к творчеству, к самостоятельности и инициативе, которых люди после вашего воспитания лишаются! Не давая детям развиваться в семье, вы убили и семью, и способность этого мира к развитию! Изобретатели закончились вместе с натуралами, остались одни исследователи, органически неспособные ни на что принципиально новое...

— Не вижу в этом ничего плохого, — отрезал воспитатель. — Натуралы столько всего натворили за тысячелетия неконтролируемого животного развития, что нам, Людям Индивидуальным, с этим еще разбираться и разбираться. Нам нужно не ваше сомнительное творчество, а мир, гармония и порядок!

— Андрей, — Майя, отбросив принцип «не прикасаться друг к другу на людях», потянула брата за руку, — пойдем

отсюда. Бессмысленно спорить по вопросу, который человечество проспорило еще сотню лет назад.

Тот захлопнул уже открывшийся для ответа рот, бросил короткий взгляд на ребенка, так и лежащего ничком на полу, выхватил у воспитателя кораблик и пошел прочь.

— Тут у Павла Александровича занятные вещи написаны. Я теперь знаю, как добраться до Главного сервера. Там, оказывается, стоит простейшая защита «от дурака», и всё. — Андрей лежал на траве, по-детски болтая ногами в воздухе. — Этим Людям Индивидуальным даже в голову не приходит, что можно попытаться что-то перепрограммировать на глобальном уровне... Май, ты меня слышишь?!

— Мгумм... — протянула Майя, стоящая перед этюдником. Под ее кистью среди темной зелени дубов вырисовывался угол здания цвета слоновой кости. — Прости, братец, я не здесь. Что-то срочное?

— Нет, потом расскажу. — Андрей встал и, потянувшись до хруста, пошел в бело-розовый летний домик. За спиной раздался голос сестры:

— Хм. А это еще кто такие?

Мимо их домика куда-то шагала группа людей. Шестеро, плюс вчерашний воспитатель во главе. Взгляд Андрея зацепился за винтовку, которую не слишком ловко нес один из мужчин.

— Похоже, они собираются в кого-то стрелять.

— Стрелять? Это интересно! — оживилась сестра. — Помоги этюдник донести, братец!

— Куда? — спросил Андрей.

— Ну как куда, за ними! Подожди, надо этот подрамник снять и чистый поставить...

Люди стояли на поляне и слушали воспитателя, который деловито прочертил перед ними линию.

— Один человек — одна жертва. Если кого-то подранили, нужно добить, стрелять по другим целям уже нельзя, — вы-

хватил Андрей последние слова. Он не глядя поставил этюдник где пришлось и обратился к группе:

— Что здесь происходит?

Скулы воспитателя отвердели, он промолчал. Но другие, подчиняясь властному тону, заговорили одновременно — что-то про охоту, про награду за заслуги. Андрей перевел взгляд в глубь поляны и оцепенел.

По поляне ползали на четвереньках малыши. Шестеро. Качали несоразмерно большими головами, пускали пузыри, смотрели на взрослых раскосыми глазами.

— Это же дети!!! — выкрикнул Андрей.

— Это дефективные, — разомкнул губы воспитатель. — Те, у кого слишком поздно обнаружился генетический сбой в развитии. Их оставили расти только для того, чтобы когда-нибудь особо наградить людей, отличившихся в своем деле. Это единственный смысл существования дефективных в обществе.

— Вы что, действительно собираетесь стрелять по детям?! — Андрей переводил взгляд с одного человека на другого. И видел только зрительский экстаз: подергивающиеся кадыки, облизывающиеся губы, на которых тают недоуменные улыбки.

— Не лезьте не в свое дело, — веско сказал воспитатель. — Вы получили все необходимые пояснения.

Кивнул мужчине с винтовкой:

— Начинайте.

Тот поднял оружие, начал неумело прицеливаться. И замер, сбитый с толку окриком Андрея:

— Нельзя!

— Начинайте, — повторил воспитатель.

— Нельзя! — снова выкрикнул Андрей. Винтовка ходила вверх-вниз в руках человека.

— Стреляйте, — велел воспитатель.

— Нельзя, — в унисон ему сказал Андрей.

Мужчина выронил винтовку и упал навзничь, раскинув руки. Один из детей в тишине заболботал что-то невнятное.

На поляну легкой походкой вплыла Майя, посмотрела с укором на стоящих недвижно мужчин. Присела рядом с упавшим, с натугой перевернула его на спину, похлопала по щекам. Приложила ухо к груди и сказала:

— Не бьется.

Переводя прямой взгляд с брата на воспитателя и обратно, пояснила:

— Наверное, ему слишком сильно хотелось убить. Но переступить через запрет он тоже не мог.

— Значит, одним меньше, — мрачно сказал воспитатель. — Кто там у нас второй, берите оружие!

— Нельзя, — ненавидяще глядя на воспитателя, простонал Андрей.

— Братец, — со вздохом шепнула ему Майя, — зачем ты мешаешь марионеткам, когда они хотят уничтожить сломавшихся марионеток? Это их личное дело, для них вполне естественное.

— Они не куклы, они живые существа!..

— Хорошо, — пожала плечами сестра, — можешь не считать их куклами. Но в любом случае ты уже убил нормального взамен неполноценного. Хочешь продолжить размен?

— По-твоему, мне надо уйти и не мешать? — спросил Андрей.

— Как хочешь, — странно улыбнулась Майя. — Уж я-то точно остаюсь.

Брат развернулся и побрел в сад. Когда сзади загремели выстрелы — обернулся, чтобы посмотреть, где Майя. Она стояла позади группы людей и рисовала. Вдохновенно летала рука с кистью, нашедшая наконец «настоящее».

Брызги красного на холсте было видно издалека.

— Что желаете на завтрак, Андрей Борисович?

«Ви-подруга», которая после получения доступа к Главному серверу сменила «ви-друга», была босая, в джинсовых шортах и миниатюрном топике. Смотрела кротко и лишних

замечаний не делала. Лицо у нее было в точности как у Анны Далии.

— Пиво с креветками. Очищенными. Впрочем, нет, я ведь поработать хотел... Чего уж там, давай кофе — как я люблю — и омлет с гренками.

— Подать в лабораторию?

— Да, заботливая ты моя.

«Ви-подруга» застенчиво улыбнулась, и Андрей в очередной раз пожалел, что ее нельзя шлепнуть по крепкой на взгляд попке. Впрочем, можно подумать, как сделать виртуальных друзей более осязаемыми. Как-нибудь потом...

Вернувшись из усадьбы Пиотровских, Андрей неделю глушил разум позитив-коктейлями. Потом еще неделю мучился эмоциональным «похмельем». Когда серая душнота депрессии начала развеиваться, к нему пробилась мысль.

Зачем тратить довольно большие в масштабах всего мира средства на ежедневное синтезирование гормональных коктейлей? Ведь можно смоделировать воздействие на нервные импульсы и получать тот же эффект прямыми сигналами в нервную систему. Создать микрочип, который подключается напрямую к мозгу, — дело техники.

Через новый чип эмоции, которые станут просто программами, можно будет транслировать на всех через Главный сервер. Возможность выбора все равно перешла в разряд невостребованных человечеством...

Андрей хотел, чтобы микрочип поступил во всеобщее применение до дня смерти родителей. Последних людей, которые не побоялись воспитать собственных детей.

И годовщина трагедии станет днем траура, когда весь мир будет плакать.

Юрий Максимов

ДВАДЦАТЬ МИНУТ

Тихо. Дело к шести. Сумрак в храме понемногу сгущается. Синие огоньки лампадок, кажется, проступают ярче перед высокими, тёмными иконами. От приоткрытых дверей с улицы тянет прохладой и сиренью.

Влад потянулся к включателю и зажёг настольную лампу. Вспыхнувший жёлтый круг выхватил стопки рыжих свечей, иконки и крестики с той стороны стола. Почесав подбородок с проступающим пушком, парень достал из кармана книгу и углубился в чтение.

«Начало колонизации Ио было положено в 2117 году совместной экспедицией...»

Влад зевнул и выдвинул ящик стола. Где-то у Вити здесь мятные ледяшки обретались. Так, листки для записок, коробка с мелочью, карандаши, поминальная тетрадь — нету, облом. Надо было спросить, когда сменял. Теперь уж Витя небось на полпути к дому. Ладно, всего полчаса осталось до закрытия. А потом — в сторожку, чай пить с пряниками. И — снова читать эту нудятину про спутники Юпитера. Послезавтра зачёт по «освоению».

Хорошо хоть народу нет. Вообще вечером, когда не служат, людей заходит мало. Так и сегодня. Только один пилот

© Ю. Максимов, 2006.

заглянул, из Космопорта, трёхкредитку на канун поставил; да ещё две тётки, проездом с Марса, — вон их свечки мерцают на золотистых подсвечниках перед Спасителем и Богородицей.

Влад уж было вернулся к конспекту, как дверь приоткрылась, и в храм протиснулся заросший серой шерстью гигант в бежевом халате. Цистерцианин. Сторож невольно нахмурился.

Гость, не оглянувшись на него, «покачивающейся» походкой прошёл к центру храма и встал аккурат под куполом. И смотрит неотрывно на лики святых в иконостасе. «Будто молится», — усмехнулся про себя Влад, но тут же отогнал эту мысль.

Видно, турист. Зашёл поглазеть. Обычно такие днём приходят. С ними Витя хорошо толкует. Глядит мечтательными голубыми глазами, бородищу свою рыжую теребит, то слушает, то говорит... Шутили, что одна пара ригелиан каждый год специально сюда прилетает, чтобы с ним поболтать. Да, Витя — мужик разговорчивый. А вот Влада такие вещи напрягают. Надо ж было припереться этой мохнатой зверюге за полчаса до закрытия!

«Впрочем, для туриста одет он странновато», — подумал Влад, разглядывая пришельца со спины. Цистерциан не часто встретишь даже здесь, в Космопорте, но несколько раз он их всё же видел. Всегда на них роскошная одежда из тонкой ткани, и всегда они подчёркнуто опрятны. А этот весь помятый, вон, уже испачкался где-то, шерсть какая-то... всклокоченная. «Только цистерцианских бомжей нам здесь не хватало. От своих отбою нет».

Двухметровый гость неторопливо развернулся и двинул к выходу.

Влад демонстративно уткнулся в книгу. «Пусть бы хоть прошёл побыстрее», — но внутри уже зрело досадное предчувствие, что нет, не пройдёт, полезет ещё разговаривать.

Так и случилось. Цистерцианин подобрался и встал по ту сторону стола. Кажется, с минуту он стоял молча, а Влад уп-

рямо продолжал «читать книгу». В конце концов он — сторож, а не продавец. Не ему лезть первым с разговорами.

Наконец сухой, явно непривыкший к человеческой речи, голос пробормотал:

— Извиняюсь.

Тут уж делать нечего, пришлось поднять голову. С невольной неприязнью Влад глянул в заросшее лицо пришельца. Чёрные глаза-пуговицы блестели совершенно бесстрастно. «Как у плюшевых игрушек».

— Щенник, — донеслось из-под серых усов.

— Чего? — сощурился Влад.

— Щенник, — повторил цистерцианин и добавил: — Ся.

— Священник? — внезапно догадался Влад.

— Ся щенник, — кивнул гость.

— Священника нет, — объяснил сторож. — Домой уехал. Завтра утром приходите на службу. Тогда будет священник.

— Утром поздно. — Цистерцианин шевельнул ушами. — Утром сутки кончатся.

Владу стало совсем муторно от этой галиматьи.

— Тогда послезавтра, — буркнул он. — А ещё лучше в воскресенье. В это или ещё когда-нибудь... Потом.

— Потом сложно, — сообщил пришелец. — Потом меня не будет.

«Понятное дело, рейс», — подумал Влад, но вслух ничего не сказал. И ещё подумал: «Чего бы тебе, милый, не пойти в своё капище, или как оно там у вас называется?»

Цистерцианин тем временем тоже о чём-то соображал.

— А других церковь здесь есть? — спросил он вдруг.

— Есть. — На секунду охватило желание отправить его в Скорбященку, чтобы отделаться поскорей, но Влад справился с искушением — жалко всё-таки. — Там сейчас тоже службы нет. Не положена сегодня служба. Нет священников.

Мохнатый гость снова замолчал. Чёрные, без зрачков, глаза невыразительно блестели бликами от лампы.

— Можно я посижу здесь?

Влад нахмурился и кинул взгляд на часы.

— Через двадцать минут церковь закроется. Двадцать минут можете посидеть.

— Спасибо.

Цистерцианин повернулся и всё той же «качающейся» походкой прошёл к левому окну. Там присел на лавку у кануна, молча созерцая, как перед распятием потрескивает трёхкридитка пилота, на квадратном столе для заупокойных свечек.

Влад попытался было вернуться к «началу колонизации Ио», но — куда там. Чтение уже не шло. То и дело приходилось поглядывать на застывшую перед окном фигуру, — а ну как сопрёт чего? Минут через пять цистерцианин поднялся. Тут уж Влад и не тешился надеждами, обречённо наблюдая, как двухметровая мохнатая туша снова приближается к столу.

— А ты не можешь... поговорить?

— В смысле?

— Как ся щенник, — объяснил пришелец и ткнул себе в грудь пальцем. — Дела плохие. Надо говорить. Чтоб не было.

— А, исповедь, — снова догадался Влад. — Нет, не могу. Только священник. А я здесь просто сторож.

— А ся щенник завтра?

— Да, завтра утром.

— Поздно, — констатировал собеседник.

«Надо же, про исповедь знает!» — вдруг дошло до Влада. Впрочем, он не шибко удивился. Многие инопланетяне почитают какие-нибудь церковные обряды. Ригелиане, например, всё время пытаются детей своих покрестить. Хотя имеют на это, видимо, какие-то свои причины, ведь и жизнь, и мораль их от христианства отстоят весьма далеко. А уж что творится на Богоявление! Тут и гаотрейды, и ялмезяне, и имкейцы приползают, в общем, всякой твари по паре. И все толкаются в километровых очередях за крещенской водой, а при самом разливе чуть не до драк дело доходит, так им всем отчего-то вода святая нужна. Хотя собственно верующих-то среди них — единицы...

— А чего ты... того... — Влад покрутил в воздухе пальцами, — к своим священникам не пойдёшь? Ну, цистерцианским?

— У нас нет. Жрецы у цистерциан. А я не такой. Я у вас здесь... — гость задвигал бровями, силясь подобрать слова, — в воде меня... ся щенник...

— Так ты крещёный? — с некоторым удивлением выговорил Влад. Ригелиане-то — известное дело, а вот про цистерциан он ещё такого не слышал.

— Крещённый, — повторил гость. — Отец меня. У вас. Другая церковь. Катон. Много зим назад. Солнце было яркое. Маленькие огоньки. Окна с лицами. Вода. Вибрация звука приятная. Ся щенник говорил со мной. — Пришелец прервался, а потом добавил: — Хороший был день.

— Понятно. — Влад покосился на часы. До шести осталось 12 минут. — Может, на Катоне когда будешь, там и поисповедуешься.

— Не успею. Утром сутки кончаются.

— А потом куда?

Цистерцианин наклонил голову.

— Хорошо бы... к Богу, — ответил он.

— Чего? — оторопел сторож.

— Завтра угасну я, — постарался объяснить пришелец. — Старики так решили. Виноват я. Плохое дело сделал. Сутки мне дали. Спасибо. Это ради отца. Хороший он у меня потому что был.

Влад захлопнул книгу.

— Погоди-ка, тебя что, завтра... убьют?

— Убьют.

Сторож ошалело заморгал на невозмутимого пришельца.

— Серьёзно?

— Сутки дали, — повторил цистерцианин. — Спасибо, не всем дают. Жену вот устроил. Дочку. Завещание. Долги отдал. Сюда пришёл поздно. Ся щенник нет. Я не знал, что нет. Надо было утром прийти. Не знал. — Он опять шевельнул ушами.

— Так что ж ты здесь? — Влад всё никак не мог поверить. — Тебе в полицию надо. Беги скорей, скажи, что тебя убить хотят!

— Старики у нас... как полиция.

— Да ты сюда, в земную!

— Нельзя так.

Влад уже и сам догадался, что нельзя. Цистерцианe сделают официальный запрос и его всё равно выдадут...

— Слушай, да ты же в Космопорте. Садись сейчас на любой звездолёт и дуй куда подальше!

— Нельзя так. Найдут.

— Можно улететь туда, где не найдут, — заверил Влад, силясь припомнить названия окраинных планет. Чего там Сухарь на «планетологии» втирал?..

— Можно, — согласился цистерцианин. — Но так нехорошо. Жену мою тогда. И дочку. Угаснут. Вместо меня. Разве лучше? Нехорошо так. Люблю я их. Я сам должен.

Они помолчали.

— К тому же искать когда. Сюда придут. Тебя спрашивать будут. Разве хорошо?

Влад представил допрос цистерциан и невольно поёжился.

— А может... ещё обойдётся, а? — предположил он. — Поговори со стариками своими. Скажи, мол, виноват, исправлюсь. Про дочку скажи. Может, простят они тебя?

Цистерцианин качнул головой по диагонали:

— Такого у нас не бывает. Старики... не как Бог. Я виноват. Они не простят. Спасибо им. Сутки дали. Другим не часто дают.

— Да что ж ты натворил-то такого?

— Виноват. Сильно виноват. Угасли три цистерцианина. Моя вина. Хотел вот говорить ся щенник. Ся щенник скажет, простит меня Бог или нет.

— Ты что же... убил их?

— Нет. Не я. Руда. Камень падал. Внизу они. Я виноват. Из-за меня.

— Несчастный случай, что ли?

— Так.

— Так объясни им, что ты не хотел. Что это случайно всё. Скажи, пусть по-другому накажут, убивать-то зачем?

— Они знают. Разницы мало. Три из-за меня. Плохое дело. Я виноват.

Цистерцианин замолчал. Влад тоже. Чего уж тут скажешь? Дичь какая-то. Витьке, что ли, позвонить, посоветоваться? Ан нет, тот ещё в дороге, а у него тариф экономный — в космосе не берёт.

«А может, гон это всё? — спохватился вдруг Влад. — Сколько уж раз, бывало, придёт тоже какой-нибудь страдалец, уж такие трели заплетёт, всю душу вывернет, а под конец отвесит: «Так у тебя, братишка, кредиток двести не найдётся, а? На дорогу?»

— Нет ся щенник, — снова забубнил пришелец. — Жаль. Утром надо было. Мы, цистерциане, такие. Главное всегда на потом оставляем. Так у нас принято. А потом иногда поздно бывает. Жаль. Пустая жизнь.

— Да погоди... может, Господь ещё управит всё. Знаешь, так часто случается: люди по одному решают, а Бог — совсем по-другому. И не выходит у людей ничего. Бог, Он ведь всё может. Он сильнее любых стариков.

— Ты лучше знаешь, — просто ответил пришелец.

Снова оба замолчали. Влад напряжённо соображал, что бы сделать. По хорошему-то отцу Глебу в первую очередь надо звонить. Да в отпуске настоятель, до четверга не вернётся. А отец Кирилл, что подменяет его, контактов не оставил... У него и на своём-то приходе забот выше крыши, а здесь он всего на неделю. Эх, угораздило же именно сейчас этой загвоздке приключиться!

— Можно мне... Маленький огонёк зажечь? — попросил цистерцианин.

— Чего?

Пришелец ткнул лапой в бурую горку свечей.

— А, это... Да бери, пожалуйста.

Мохнатый гость порылся в помятом халате и выташил кубик.

— Хватит столько?

— Бери-бери, всё в порядке, — махнул Влад.

Гость взял тоненькую двухкредитку и пошёл к алтарю. На столе остался рифлёный металлический кубик с переливающимися гранями. Влад настороженно покосился на диковинную оплату и решил не трогать — «мало ли, может, оно радиоактивное, или ещё чего».

Поразмыслив, он всё же вытащил из кармана телефон и принялся давить кнопки, глядя, как ползёт по экранчику Витин номер. Поднёс к уху. Пауза. «Абонент временно недоступен», — отчеканил механический голос. Ну да, ему ещё долго лететь... Эх... Влад запихал трубку обратно и сморщил лоб, глядя на чёрную обложку конспекта. «А может, всё совсем не так, как кажется? Мало ли что цистерциане под «угасанием» понимают? Даже на Земле есть народы, у которых «смерть» и «сон» одним словом называются. А уж инопланетяне эти... Поди их разбери».

Часы пикнули — без трёх минут шесть. Пора готовить церковь к закрытию. Влад поднялся, сунул книжку в карман пиджака, щёлкнул выключателем лампы. Двинулся вдоль правой стены, останавливаясь у каждой иконы и гася лампадки. Повернул возле аналоя. Задул две оплывшие свечки тёток с Марса. Выдернул и бросил в коробку у подсвечника.

Цистерцианин тем временем стоял как столб, у кануна, и глядел, как мерцает, чуть подрагивая, поставленная им свечка, а рядом — сократившаяся уже трёхкредитка. Влад приблизился, погасил свечку пилота. Цистерцианскую трогать не стал. «Пусть себе горит. Завтра только надо будет не забыть огарок выковырять, чтобы Марфа не ворчала».

— Кончились двадцать минут, — то ли спросил, то ли констатировал пришелец.

— Кончились, — кивнул Влад. — Пора закрываться.

На секунду стало боязно — а ну как не захочет эта громадина уходить? Что тогда?

Но нет, цистерцианин послушно повернулся и зашагал «вразвалочку» к дверям.

Влад перекрестился и кивнул в сторону сокрытого алой завесой алтаря.

Вышли они вместе. Щёлкнул замок. Молодой сторож подёргал на всякий случай за ручку, чтоб удостовериться. Всё в порядке.

На улице было тепло. Душистый аромат сирени. Сотни снующих аэрокаров на фоне огненного предзакатного неба. Вдалеке высились башни мегаэтажек, а справа — тонкие шпили Космопорта.

Цистерцианин стоял на ступенях, завороженно глядя на пышные кусты с белыми гроздьями цветов.

— Куда ты сейчас? — спросил Влад.

— Пойду. Богу говорить буду. Много надо сказать. Жена, дочка — одни остаются. Тяжело так. Надо ей новый муж. Новый отец. Пусть будет хороший.

— А это у вас обязательно? Ну, вдовам замуж выходить?

— Нет. Не обязательно. Но одной жене тяжело. И дочке. Люблю я их. Пусть новый будет муж. Так лучше. Лишь бы хороший.

Влад потупил взгляд. «Оставить его, что ли, в сторожке? Некуда ведь ему сейчас идти. Да нет, не выйдет. Олег Саныч если узнает — так потом задаст, что допрос цистерциан сказкой покажется».

Влад вздохнул.

— Слушай, а во сколько у тебя... сутки кончаются? Может, ещё успеешь утром со священником встретиться? Он сюда в 7 часов придёт!

— У меня — в 26 конов. — Цистерцианин задвигал бровями, а потом развёл лапы. — Не знаю, сколько по-вашему. Постараюсь прийти. Может, успею.

Они ещё немного постояли. Потом цистерцианин шагнул вниз. Обернулся:

— До свидания, — серые усы приветливо приподнялись, — брат. Спасибо. Что говорил со мной.

Влад протянул руку. Чуть помедлив, пришелец подал мохнатую лапу.

— Ну, с Богом, — пробормотал сторож.

Цистерцианин кивнул и спустился по лестнице на асфальт. Вышел за ворота. И побрёл, чуть покачиваясь, по дороге в город.

Влад постоял немного под сиренью, а затем свернул налево, в сторожку.

Включил свет в узкой комнатке. Подошёл к столу, вытащил книжку из кармана. Как-никак, а зачёт по «освоению» на носу. Подумав, набрал воды в пластмассовый чайник, щёлкнул кнопкой. Достал с полки пакет пряников.

«Жалко, имя у него забыл спросить. Чтоб хоть помолиться...» — Влад вздохнул и опустился на стул.

Так сидел он долго, слушая, как шипит вода в чайнике, и жевал пряник, да глядел в окно, где в густеющих сумерках всё чётче и веселее светились далёкие огни мегаэтажек.

НЕ ПРОСТО ФАНТАСТИКА?

Светлана Прокопчик

НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Кузьмину было плохо, стыдно и тоскливо. Еще он боялся. Он знал, что чем-то подобным должно кончиться. Лечащий врач сказал, что женщина не приходит в себя третьи сутки. Умрет.

Когда Кузьмин увидал ее впервые, у нее было кукольное личико. Выверенное, явно подправленное хорошим хирургом. А теперь оно высохло, левая щека ввалилась, а правая безобразно распухла. Кузьмин нагнулся, приподнял повязку. Из вздутого гнойника под скулой торчал зуб. Большой. Сантиметра четыре. Края прорванной щеки уже почернели.

Бывает, что зубы растут неправильно — тогда их удаляют. А некоторые женщины удаляют задние зубы, чтобы пухлые щеки казались впалыми. Такой вот у них идеал красоты. Настя тоже удалила. После инъекции иммортaлина все зубы выросли заново. Потом программа регенерации сбойнула, и зуб мудрости выпал, выдавленный «сменщиком». Настя пошла и вырвала его. Зря. Потому что следующий зуб полез вбок и останавливаться в росте не захотел.

А ведь сначала все было замечательно. Настя радовалась, что у нее исчез детский гастрит, что ей не нужно пользоваться кремами и декоративной косметикой — у нее замечательная юная кожа, упругая, бархатистая и свежая. Она восхища-

© С. Прокопчик, 2006.

лась своими обновленными грудями. А зачатки целлюлита на бедрах превратились в тугие мышцы. И все — без усилий.

Ее мозг стал таким же восприимчивым к новым знаниям, как было только до девятого класса. Настя всерьез засобиралась восстановиться в инязе, из которого ее отчислили после первого курса за неуспеваемость. В общем, жизнь ее наполнилась смыслом и счастьем.

А потом — этот зуб. Настя решила, что во всем виноват врач, занесший инфекцию при удалении строптивого костяного выростка. Записалась на прием к крутому стоматологу. У того волосы дыбом встали: в воспаленной ране явственно просматривался еще один зуб! Настоятельно советовал лечь на операцию. Настя не захотела уродовать лицо — вдруг придется резать щеку? И поехала в Турцию, надеясь, что как-нибудь само рассосется. Через двое суток вернулась: что за отдых, когда приходится прятать красную опухоль на лице под платком. В аэропорту потеряла сознание и больше в себя не приходила.

В дверь палаты кто-то заскребся. Кузьмин вздрогнул, вспомнил, что в коридоре его ожидает Витя, Настин мужик — бандит двухметрового роста. Невольно втянул голову в плечи. Сказать мужику было нечего. А ответа тот потребует.

Безумно захотелось курить. Прямо тут, в палате. Закурить и выпить. Стакан. Спирта. Как в фельдшерской юности. Правда, Кузьмин не стакан тогда выпил, как всем хвастался, а стаканчик — пластиковый, на пятьдесят граммов. Но доверху налитый. Выпил на спор. Залил в глотку, умело выдвинув корень языка, чтобы сразу в пищевод провалилось. А потом пошатнулся и по стеночке, по стеночке пополз спать на банкетку.

Вообще такое молодечество хорошо не заканчивается, слизистую сжечь можно как нечего делать. Кузьмину с утра было плохо. Ему посоветовали выпить стакан воды — чтоб опохмелиться. Старая шутка: если вечером пил спирт, то с утра принял стакан воды — и опять пьяный ходишь. Кузьмин послушался. Его вырвало кровью. С тех пор осторожничал.

Но сейчас хотелось повторить. С тоской Кузьмин вспомнил, что в тот раз спорил на сто граммов, а не пятьдесят. На два стаканчика. Пятнадцать лет прошло, и вдруг жалко стало того, недопитого спирта. Ох, выпить бы его здесь, да закурить... потом выйти из палаты, глядя мимо бандита Вити разъезжающимися глазами... а с утра не помнить ни его, ни изуродованную женщину.

Ему не жалко было ни Настю, ни Витю. Сами виноваты — захотели на халяву лекарство от старости получить. Лекарство, сделанное из чужой смерти, хотели — чтоб самим вечно молодыми оставаться. Кузьмин их честно предупредил — подождите, лучше пару мартышек мне купите, я на них опробую всесторонне. Не захотели. Насте приспичило лучше подруг выглядеть. А мужику ее шрамы от пуль своих коллег надоели. Да и могли ли они допустить, чтоб бессмертие обрели мартышки, а не они, цари природы? Вот и получили.

Кузьмин почти ненавидел эту пару идиотов с деньгами. Ненавидел за то, что именно они оплатили опыты, ненавидел за то, что подставились для первого эксперимента. Опыт пошел наперекосяк, и теперь Кузьмин боялся, что бандит в расстройстве застрелит его.

Собравшись с духом и сделав умное лицо, взялся за ручку двери. Насупившись, шагнул в коридор. Навстречу ему вскочил бледный и потный от волнения Витя. Кузьмин помахал рукой. Витя жеста не понял, но на всякий случай потрусил послушно за спиной, тяжело вздыхая. Бандит еще не знал, что Кузьмин не может решить проблему. И чем позже до него дойдет, что наука бессильна, тем лучше для Кузьмина.

Пару раз мужик издавал звуки, порываясь заговорить. Кузьмин обрывал его жестом и сильней сдвигал брови, мол, думаю, не мешай. Пока дошли до машины, у него заболели мышцы на лбу от постоянного напряжения.

— Вот что, — сказал Кузьмин деловито, устроившись в кожаном салоне «БМВ». — Есть на примете тихий кабак, где нет музыки и любопытных ушей? Вези туда.

Собственная идея насчет ресторана Кузьмину понравилась. Витя все равно пришибет, сука, так отчего бы предварительно не попить водки за его счет?

Витя проникся серьезностью момента. В кабаках он толк знал, несомненно, потому что привез в первоклассное заведение. Кузьмин почти утонул в глубоком мягком кресле, напротив угнездился Витя. Присел на самый краешек, подался вперед, преданно и с надеждой уставился на Кузьмина. Куртка его при этом распахнулась, и Кузьмин увидел краешек наплечной кобуры.

Чуть шелестя ботинками по ковру, подкрался официант.

— Коньяк, — сказал Кузьмин. — Бутылку.

— Какого? — шепнул официант. — Есть...

— Тебя что, учить надо, какой нужен коньяк?! — рявкнул несдержанный Витя. — Живо давай. И закуси мелкой притарань, что там полагается. Принес, и чтоб близко тут никто не шлялся! Когда надо, сам к стойке приду.

Официанта сдуло. Вернулся мгновенно, на подносе — бутылка, бокалы, мелкие тарелочки с чем-то, пепельница. Кузьмин даже не смотрел, что именно он приволок — наверняка самое дорогое. Фигня, все равно платить Вите. И сейчас, и впредь, и очень долго.

Потому что Кузьмин придумал, что делать.

Но сначала наплескал себе одному полный бокал. Выпил как воду, в три глотка. Полегчало.

— Значит, так, — очень веско произнес он, глядя Вите в точку между бровями. — Настя твоя — дура.

— Знаю, — понурился Витя. — Зато красивая.

— Была. Но тебе ее теперь тащить всю жизнь. Потому что если она проболтается...

— Понял, — кивнул Витя.

Кузьмину не понравилось его выражение лица.

— Убирать не смей, — предупредил он. — Хочешь, в монастырь засунь, или еще куда. Но если хоть один фрагмент ее тушки попадет на стол к патологоанатому...

Он сделал многозначительную паузу Витя хлопнул коньяка, поскреб в затылке.

— Ну понял я, ладно.

— Насте не надо было удалять зуб, — сказал Кузьмин и поморщился: фраза прозвучала слишком мягко, по-интеллигентски. — Она, идиотка, не въехала: регенерация — значит, регенерация. Значит, должны вырасти. И срать они хотели на то, что ей рожа собственная с полным набором зубов не нравится. Понимаешь?

Витя на всякий случай побледнел и подобрался.

— Она нарушила программу. А потом еще понесло ее в Турцию. Ну каждый дурак знает: если есть воспалительный процесс, на открытое солнце выходить запрещено! А эта овца поперлась загарчик обновлять, блин.

— Овца, — согласился Витя. В глазах появился опасливый огонек: — Док, а что будет, если меня свинцом нашпигуют?

Этого вопроса Кузьмин боялся. И надеялся, что если такое случится, то Витя не выживет. На самом деле никакой патологоанатом не понял бы, что там сотворили с организмом. Строго говоря, Кузьмин сам имел весьма смутное представление о том, какие внутренние изменения могут иметь место в человеческом теле. Мыши и собаки — это хорошо, но все-таки не то. Теория плюс пять минут практики, если можно так выразиться.

— А ты постарайся, чтоб не нашпиговали. — Кузьмин неприятно засмеялся. — Потому что грохнуть могут, а это ни тебе, ни мне ни к чему.

Витя замолчал. Кузьмин выпил. Захмелел.

— А Настя?

— Настю сегодня вечером перевезешь ко мне в лабораторию. Попробую я ее стимуляторами накачать. У нее, я так понял, все резервы ушли на зубные дела. У человека от природы есть небольшая способность к регенерации, так вот, иммортaлин эту естественную способность отключил.

Витя хлопал глазами. Кузьмин порол чушь.

— Это как с алкоголиками. У них тоже прием внутрь сбивает гормональный баланс.

— Так может, ей похмелиться надо? — воспрял Витя. — Ну, в смысле, что ей просто надо добавить иммортали́на?

— И где ж я его тебе возьму, а? Весь запас я на вас и израсходовал. А больше нету. И трупы на дороге не валяются.

Витя осклабился. Ну да, у людей его профессии трупы именно что валяются.

— Витя, — тихо, внятно сказал Кузьмин, — мне повезло один раз, я получил доступ к телу, которое, согласно завещанию, разнимали на органы. Я получил труп очень свежий, здорового человека, который не хотел умирать, который до последнего вздоха боролся за жизнь. К тому же именно с этим трупом никто не удивился бы, увидав, что некоторых частей не хватает. Если бы я приехал на два часа позже, было бы поздно изымать из него те части, которые мне нужны.

Кузьмин намеренно не называл органы. Это его тайна.

— Док, а от чего он помер?

— Какая разница?

— Ну, так...

— От инфаркта. Мужчина, сорок два года. Здоровый, как буйвол.

— А больные не подходят, да?

— Ну, смотря какие. Такие, которые уже смирились, — нет. Понимаешь, очень важен фактор жизнелюбия.

— А еще? Еще что важно? Ну там, пил-курил...

— Да нет, не играет роли. Лучше, конечно, без этого. — Кузьмин похлопал себя по карманам, сделал вид, что не может найти сигареты. Витя подсунул ему свои, дорогие. — Самоубийцы еще подходят.

— Так они ж... — удивился Витя. — Они ж по доброй воле, типа сами!

— Сами-то сами, а в приказном порядке. В смысле, сами себе приказывают умереть. И организм у них перед смертью борется. Даже у тех, кто снотворным травится. Но тут другая

тонкость: понимаешь, получить труп мало. Нужно еще изъять из него кое-что, и чтоб родственники потом не возмутились

— А они откуда узнают?! Шарить, что ль, у него внутри будут? И они в натуре знают, что там должно быть?! — Витя захохотал. — Бля буду, сколько раз было, что кого-то подрезал, ну, не насмерть, но один хрен не знаю досконально, что там у нас внутри!

— Знать и не надо. Достаточно видеть разрезы на теле в неположенных местах. Сам подумай: родственники тело обмывают, а на нем — дырки. Особенно замечательно, если они вскрытие запретили. А если и не запретили — тогда патологоанатом заметит, что кто-то труп резал до него. Мало того, еще и определит зачем.

— А договориться с ним — никак? В смысле, чтоб он сам во время вскрытия отлучился куда-нибудь, ты там пошуруешь, он потом обратно зашьет... Я бабла сколько надо отстегну, ты не думай. Ну, даже в долю возьмем. Типа он тебе нужные трупы отбирает, ты ему конвертик. Мы, эта, на конвейер дело поставим, нужным людям толкать станем.

— Забудь! — Кузьмин преисполнился праведным гневом. — Сдурел?! Кто-нибудь стуканет — и все! Нет уж, — сделал вид, что успокоился. — Настьку твою я стимуляторами на ноги поставлю. Рожа у нее останется перекошенная, это уж не обессудь, но жить будет.

Витя покачал головой:

— Хреново. Ну так что, когда ее к тебе перевезти?

— Сегодня, часам к восьми вечера. Ты меня домой подбрось, мне поспать надо.

— Ща, док, только водилу вызову, я ж сам на грудь уже принял. — Витя потянулся за мобилой.

Потом его телефоном завладел Кузьмин: вызвал ассистентку, распорядился приготовить для Насти единственную комнату-палату. Ассистентке Лене он доверял: некрасивая девочка искренне его любила, а Кузьмин изредка с ней спал, чтобы не чувствовала себя невостребованной. И чтобы не

предала. Ну и потому, что ему самому больше не с кем было спать.

До приезда шофера они успели допить бутылку и взять вторую. В машине Кузьмин добавил еще — из горла, чувствуя себя натуральным плебеем, который бескультурьем выражает презрение к аристократии. Правда, Кузьмин был воспитан получше Вити, так что презрение если и выражал, то к бандитским деньгам, на которые пил из горла дорогущий коньяк.

Поспать ему удалось всего три часа. Позвонил Витя, сказал, что тачка у подъезда, ждет, чтоб отвезти его в лабораторию, куда уже водворили бесчувственную Настю. Голос у Вити звенел, как у ребенка, приготовившего родителям сюрприз.

Кузьмину уже успела разонравиться идея, намеками сформулированная по пьяному делу. Совесть проснулась. Надо было ему не спать ложиться, а в аэропорт подрываться. Покупать билет черт знает куда на последние деньги... А потом? Всю жизнь скрываться. Всю жизнь в нищете. С женой он развелся, положим, но дочку иногда повидать хочется. Значит, во время какого-нибудь тайного визита он проколется, попадется на глаза мстительному Вите... это если тот в запале не сорвет зло на родных Кузьмина.

И все равно идея паршивая.

Хмурый Кузьмин выпил остатки коньяка. Руки перестали дрожать. Спустился вниз, сел в машину. По дороге снова задремал.

В лаборатории Витя распоряжался как хозяин, и похмельного Кузьмина это раздражало. Хотя если посудить, Витя и был здесь полным хозяином: на его деньги все куплено.

— Где она?

— Док, ты не сердись, — Витя сиял, — я все как ты сказал, сделал. Ленка Настю положила, все назначения, которые там врач написал, выполнила. А у меня к тебе дело есть...

Витя взял Кузьмина под локоть и повел в подвал. У врача засосало под ложечкой. Несмотря на то, что он сам подбросил бандиту идею.

В подвале на новеньком операционном столе лежал труп обнаженного мужчины лет сорока с колотой раной в груди, против сердца.

— Док, я проконсультировался с кем надо насчет оборудования. — Витя показал на стол. — Лампы сейчас распакуем, все дела. Если че надо еще, говори. А этот, — он ткнул пальцем в труп, — бомж. Я потом пацанам скажу, они его сожгут или прикопают где. Никто его искать не будет. Короче, мои проблемы, док.

— Когда?..

— Пятнадцать минут назад. Он еще живой тут был, когда я тебе звонил. Жить, сука, очень хотел, это я гарантирую. Мне люлей навалять пытался.

Кузьмин молчал, тупо глядя на тело.

Витя подтолкнул его в спину:

— Давай, док, приступай. Настьку спасать надо.

После трехнедельного зноя хлынул дождь. Кузьмин стоял у окна и смотрел на блестящую зеленую листву, на пузырившиеся лужи, на мокрые машины. В квартире было темно и сыро. Кузьмину хотелось выпить.

Глухо брякнул старый телефонный аппарат. Кузьмин отвернулся от окна, протянул руку. Его окатило волной ужаса — иррационального, липкого ужаса. Паническая атака, машинально отметил он, надо было все-таки похмелиться. Телефон настырно брякал, а Кузьмин глядел на него и покрывался липким потом. Трубку он так и не снял.

Когда аппарат замолк, Кузьмин побежал на кухню. Трясущимися руками потянулся за стаканом, потом — в холодильник. Проклятие, вчера допил все. Ну да, он же решил, что хватит пьянствовать. И не оставил ничего на утро.

Торопливо надевая ветровку, выскочил в коридор. Ноги попадали мимо туфель, Кузьмин ругался, вздрагивая от звуков собственного голоса. В конце концов выбрался на лестничную клетку. Уже в лифте вспомнил, что зонтик остался в прихожей, на вешалке.

На улице начинался библейский потоп. Кузьмин прыгал через лужи, втягивал голову в плечи, норовил двигаться под широкими древесными кронами, пытаясь сохранить хоть какой-то участок тела сухим. Потом плюнул и понесся через двор, по раскисшей тропинке, сокращая путь до магазина.

— Водки! — крикнул он продавщице, бросая на прилавок купюру.

Баба в синем халате с фирменной эмблемой, такой же безвкусной, как и ее макияж, шевелилась неторопливо. Кузьмин клацнул зубами: в магазине работал кондиционер, тянуло холодным воздухом. С волос на лбу стекла крупная капля, повисла на кончике носа. Кузьмин мотнул головой, капля улетела за прилавок. Баба в халате не обратила внимания.

Спрятав бутылку под ветровку, Кузьмин побежал обратно. На середине пути сообразил, что спешить некуда — то, что необходимо, у него с собой. Нырнул под хлипкую крышу детской песочницы. Скрутил пробку, запрокинул голову, вливая в горло жидкость. Через минуту огляделся. Ему стало смешно: взрослый мужик стоит, сгорбившись, посреди песочницы и нервно глушит водку.

Сигареты, которые он машинально сунул в карман вместе с бумажником, от дождя не пострадали. Кузьмин закурил, присел на мокрую деревяшку, ограждавшую песочек от рассыпания по всей площадке. Спина оказалась под дождем, но ему это было даже приятно. Он не холодный был, этот дождь.

Под мыском туфли валялась мумифицированная собачья какашка. Или кошачья. Нет, наверное, все-таки собачья — крупная. Кузьмин поддел ее и отбросил подальше. Отпил еще, уже не так жадно. Отпускало. В голове прояснилось, и мир перестал быть серым. Кузьмин почувствовал, как расправились легкие в груди, а сердце забилось ровными толчками.

Но домой идти не хотелось.

Кузьмин погрузился в размышления о природе паранойи. Не своей собственной, с ней-то было понятно, а паранойи вообще. Пытался рассуждать вслух, но быстро понял, что для

этого недостаточно пьян. Тогда он просто застыл, счастливо хлопая глазами и ни о чем не думая. Дождь поливал крышу песочницы, струи воды смывали с нее пыль, старую краску, березовые семена, трупики насекомых и низвергались Кузьмину за шиворот. А ему было хорошо и благостно. Он обожал весь мир.

В таком состоянии он и вернулся домой. Открывая дверь, слышал телефонный звонок. Не разуваясь, прошел в комнату, снял трубку.

— Док, это я, Витя, — напряженно сообщила трубка. — Ты спал, что ль? Я тебе никак дозвониться не мог, ты трубку не брал... Ладно, фигня, проехали. Тут один человек с тобой перетереть хочет. Ну, ты знаешь о чем. В общем, я у твоего дома, ща зайду.

Кузьмин расплылся в улыбке. Посмотрел вниз. Под ногами было мокро, с брюк натекло грязной воды. Осторожно переступил на чистый участок.

— А заходи, — весело сказал он трубке.

Почему-то трубка больше не захотела с ним говорить, издавала противные гудки. Кузьмин пожал плечами и бросил ею в спинку дивана. Трубка потащила за собой аппарат, который свалился на пол, прямо в грязную лужу, и разбился.

— Вот и помер! — провозгласил Кузьмин.

— Кто?! — ужаснулись от двери Витиным голосом.

— Телефон! — объяснил Кузьмин. — Он старенький был. Отмучился. Ничего, я его завтра похороню. Ты на поминки зайдешь? Ты ж его знал при жизни...

Витя горестно поджал губы. У интеля сорвало башню, вот что читалось на его низком безупречном — ни одной морщины! — лбу. Кузьмин расхохотался, хлопнул бандита по плечу.

— Не ссы, Витя!

Обошел, зачем-то потопал на лестничной площадке. Ему понравилось, как пружинит она под ногами. Попрыгал. Витя отобрал у него ключи и запер квартиру. Хотел отобрать еще и водку, но Кузьмин не дал.

Машина стояла у подъезда. В бандитском понимании у подъезда, то есть не на дороге, а прямо у ступенек. Изнутри распахнули заднюю дверцу. Кузьмин вольготно раскинулся на сиденье и сказал:

— Привет!

Настя кивнула, глядя на него с прищуром, исподлобья. Она теперь все больше молчала. И Витя возил ее с собой повсюду, потому что боялся оставить одну дома. Или же опасался показываться на люди без нее. Черт их разберет.

Кузьмин невоспитанно пялился на ее новое лицо. После второй инъекции Настя быстро выздоровела, зуб ей сточили, а щека затянулась. Но от кукольной лубочности не осталось ничего. И такая Настя Кузьмину нравилась куда больше. Наконец-то она стала по-настоящему красивой. Правда, черты лица у нее постоянно менялись, не сильно, но при каждой встрече обнаруживалось что-то новое, чего не было еще три дня назад. Наверное, Кузьмин переборщил с дозой препарата.

Витя не заикался о том, чтоб ее бросить. Две недели назад он обмолвился, что у Насти прорезались паранормальные способности. Она слышит мысли, прозревает будущее и видит призраков. Но не боится, потому что знает, как со всем этим управляться. Витя ее зауважал, но признался Кузьмину, что спать с ней больше не может.

Кузьмин хотел пошутить, рассказать анекдот — уж больно серьезной была Настя. А она молчала и глядела огромными темными глазами. И Кузьмин почувствовал, что неудержимо трезвеет. Чтобы остановить процесс, хлебнул водки, прихваченной из дома. Как вода. Допил бутылку. Протрезвел окончательно. Настя усмехнулась тонкими губами и отвернулась.

— Сука ты, — сказал ей Кузьмин. — Я тебе новую жизнь подарил, а ты меня вытрезвляешь без спросу.

Настя не удостоила его ответом.

— Она и это умеет, — деланно хохотнул Витя. — Прикинь, я теперь сколько угодно выжрать могу. Хоть литр. Как при-

ходит время за руль садиться, Настька только поглядит на меня так — и я трезвый, как стекло. Я тут с одним кренделем перетер, ну, проверить. Принял пол-литра и продуваться поехал. Ни фига. Кровь сдал на анализ. Посмотрели, а у меня в крови алкоголя столько, будто я лет пять пробку не нюхал. В общем, все по правде Настька делает. — Помолчал, вздохнул. — Только бабла жалко. Это что ж, покупаешь что повкусней, пьешь, а результата никакого. Как в унитаз вылил.

«Я создал чудовище, — думал Кузьмин. — Я, червь, вмешался в Божий промысел и создал кого? Чудовище. Она перестала быть человеком, и я не могу даже вообразить, кем она станет завтра. У нее все способности по желанию появляются. Этакая психическая регенерация. Захотела — и отрастила. Сначала хотела знать, что Витька о ней думает — и научилась читать мысли. Потом устала бояться завтрашнего дня — и обрела ясновидение. Не знаю, зачем ей призраки. Теперь она умеет отрезвлять. А что, если завтра ей захочется летать? Крылья отрастит? Большие такие, черные крылья нетопыря...»

Витя болтал безостановочно, компенсируя высокомерное молчание сверхчеловеческой самки рядом с собой. Кузьмин начинал догадываться, что история с Настиными зубами не была случайной. Точней, была она именно случайной. Какая-то уникальная реакция организма. Кузьмин испытывал иммортали на животных и на этой человеческой паре. Ни у кого никаких нежелательных последствий. Он потом, когда Настя поправилась, удалил у подопытной собаки два зуба. Ничего, выросли заново. Правильно выросли. Удалил половину кишечника — за месяц восстановился. Много еще чего делал. Ничего похожего на Настино осложнение.

Какой-то странный побочный эффект.

Витька всего лишь поздоровел и помолодел. А Настя лепила из себя, как из пластилина, что хотела. Кузьмин как-то намекнул Вите, мол, попробуй и ты. У Вити ничего не вышло, хотя пытался изо всех сил. Кузьмин полагал, что Настя еще тогда осознала новые возможности и училась владеть

собой. А по незнанию наделала ошибок, едва не умерев. Ему было интересно, справилась бы она без второй инъекции? Вполне возможно. Так или иначе, теперь ей ничего не грозит. Если тут кому и грозит, так это окружающим.

Машина летела сквозь усилившийся дождь по загородному шоссе. Витя притих, сосредоточился на управлении. Кузьмин следил за его отражением в зеркале заднего вида. Что-то с Витей происходило. Не такое, как с Настей. Будто бы Витя начал осознавать: Настя, еще недавно купленная им за длинные ноги куколка, Настя без комплексов и мозгов, — она умерла. А та девушка, которая застыла рядом с ним в машине, уже нечто другое. И это другое его пугало.

Кузьмину остро захотелось выйти из машины и окунуться в мокрый лес.

— Останови.

Настя произнесла это слово едва слышно, но таким тоном, что Витя ударил по тормозам как при аварии. Машина жалобно взвизгнула, зарылась носом в тонкий слой песка на обочине, дернула задом вверх, отчего Кузьмин чуть не вылетел на передние сиденья.

Он распахнул дверцу, шагнул наружу. Спустился в кювет. Шлепая по жидкой грязи, пер вперед — к бледно-зеленой поросли на больной опушке. Лужа в кювете оказалась неожиданно грубокой, выше колена, но Кузьмина это не остановило. Он хотел пообщаться с деревьями. Со скрюченными березами, с лысыми соснами, лишь на самой верхушке оперенными редкими пучками хвои. Ногу засосало, Кузьмин с матом ее выдернул, неприлично чвакнув туфлей. И стал карабкаться по противоположной стороне канавы, в глубине души радуясь, что вымарал брюки почти до паха.

Деревья были. Они ему не приснились. Как хорошо, подумал Кузьмин, что даже сосны, эти скоропалительно умирающие представители растительного мира, живут двести лет. И ведь не беспокоит их малый срок жизни. А могли бы придумать за эпохи своей, древесной цивилизации средство от

смерти. Слабые здесь гибнут от нехватки солнечного света, их тела гниют и идут в пищу выжившим. Все просто. А могло быть сложно. Сильные растения могли бы забирать не только перегной, но и саму несложившуюся жизнь собратьев, прибавляя несостоявшийся срок к своему. Но ведь не прибавляют. Другая у них, деревьев, этика. Не то, что у людей.

— Чего пришла? — грубо спросил Кузьмин.

— Ты подумал, что я красивая, — ответила Настя.

Он не слышал ее шагов. Почувствовал, что стоит за спиной, пожирая его лопатки пламенным взором. Не таким, какой бывает у сексуально озабоченных женщин. Настя уже не была женщиной. И хотела она чего-то другого.

Обернулся. Смерил взглядом. Подол ее длинной юбки был сухим, к изящным туфелькам не прилипло ни травинки, ни кусочка грязи. Будто она по воздуху прилетела, а не через ту же канаву перебиралась, что и Кузьмин. И почему его это нисколько не удивило? За пятнадцать минут, проведенных им вне машины, Настя еще немного изменилась. Лицо ее приобрело иконописные черты. Вот только в салоне не было заметно того, что вылезло наружу в зеленоватом отствете от живой листвы.

Лицо Насти принадлежало мертвецу.

Нет, самый придирчивый ценитель не отыскал бы в нем ни характерной восковой желтизны, ни мутной пленки на ярких глазах, ни общей стылости. Просто если раньше от Насти веяло генитальной живостью девочки для ночных утех, то сейчас она выставляла напоказ полное свое равнодушие к земным страстям. К страстям и к людям, им поддающимся. Вот это ее и отличало от нечеловеческих и таких людских икон — те жалеют и сочувствуют, а Настя презирала. Сверхчеловеку не подобает заботиться о червях. Сверхчеловек рождается червем, чтобы вылупиться бабочкой.

И если б все ограничивалось этим, Кузьмин не чувствовал бы себя такой сволочью. Но ведь бабочка вылупилась хищная. И для того чтобы летать, ей требовалась жизнь чер-

вей. Это их предназначение — служить топливом для моих устремлений, будто говорила бабочка. И ждала одобрения от Кузьмина.

— Дерьмо ты, — сказал ей Кузьмин. — Паразитка. Я тебя сделал, и я лучше знаю, чего стоит эта твоя сверхчеловечность. Ты ж загнешься без новых инъекций. А новая инъекция — это чужая загубленная жизнь. Можно сколько угодно говорить о древней возвышенной расе вампиров, об их культуре и знаниях, только не надо забывать: люди без них обойдутся, а вампиры без людей — хрен. И ты не лучше.

— Я не вампир, — возразила Настя. — Ты это знаешь.

Она смутилась как девочка перед любимым учителем. Смутилась непритворно, Кузьмин это почувствовал.

— Я просто не знаю, как сделать, чтобы мне больше не требовалась подпитка. Объясни. Хотя я не понимаю, о каких загубленных жизнях ты говоришь. Первая инъекция никого не убила. Вторая ни у кого не отбирала жизнь. Или ты хочешь сказать, что растительное существование того бомжа достойно считаться жизнью? Не-ет.

— А твое существование — не растительное?

— Нет. Я учусь. И скоро пойму, в чем мое предназначение.

— А у твоего Вити? Что такого полезного сделал человечеству бандит? — распалялся Кузьмин.

Настя улыбнулась:

— Вот ты сам все и понял. Ничего он не сделал. Хотя он помог мне стать мной. Я умею быть благодарной, в отличие от людей. Потому я не буду подталкивать его к смерти. Он останется жить. Но будет мне служить. Это ведь тоже — миссия.

Кузьмин остыл.

— На Земле несколько миллиардов людей, — спокойно говорила Настя. — Из них реальную пользу приносят едва ли десять миллионов. Остальные просто биомасса, котел, в котором варится бульон для ценных членов общества. И в котором же нарождаются новые люди. Такие, как я. И как ты.

Кузьмин прищурился. Настя впервые за недели, минувшие после ее возрождения, рассмеялась:

— Ты такой же, как я! Я знаю, я умею отличать тех, кого имморталин переродит. Ты — высший. Сделай себе инъекцию — и все поймешь.

Кузьмин молча повернулся и пошел обратно. К машине, в которой угрюмо курил Витя. Будущий слуга будущей сверхлюдины. Домашний любимец, которого будут бить хлыстиком за не вовремя поданные тапочки и поощрять колбаской за охрану драгоценного тела.

Шуршал дождь за окном. Шуршали шины по асфальту. Музыки, которую обожал Витя и которую терпеть не мог Кузьмин, не было. Ехали молча, хотя несказанных слов у всех накопилось много. Но каждый из троих уже понял: это не те слова, которые нужно произносить. Стоит им прозвучать — и даже иллюзии прежней жизни не останется. Лучше уж сделать вид, что ничего не понимаешь. Глядишь, удастся сойти с ума на пару недель позже.

Витя свернул на боковую двухполосную дорогу. Через минуту показались ворота. Витя пошарил в кармане, вынул брелок сигнализации, высунул его в приоткрытое окно. Ворота мягко распахнулись, пропуская автомобиль.

Судя по тому, что особняк отстоял от ограды минимум на полкилометра, его хозяин давно забыл, сколько у него банковских счетов. Кузьмин расстроился: надеялся, что удастся сыграть на жадности заказчика.

У подъезда Витя высадил Кузьмина и Настю. Сам остался в машине, как положено шоферу. Кузьмин искоса глянул на него: вряд ли Вите нравилось происходящее, но свое недовольство скрывать уже научился. Господи, ужаснулся Кузьмин, что ж с ним сделала эта сука?!

— Ничего, — ответила Настя. — Он понятливый. Наказывать не надо.

На заднем сиденье от промокших брюк Кузьмина осталось темное неопрятное пятно. Он усмехнулся, представив, какие глаза будут у лакея, когда долгожданный гость явится пред светлые очи хозяина в таком виде.

— Если посмеет вести себя неправильно, Николай его уволит, — сказала Настя. — Ты из нас, ты выше всех правил.

— Слушай, ты заманала уже мысли читать! — взорвался Кузьмин. — Заруби на своем пластилиновом носу: если я захочу с тобой поговорить — скажу вслух! Ясно?!

— Хорошо, я больше не буду, — быстро согласилась Настя.

Она оказалась права: ливрейный мужчина сделал вид, что Кузьмин в наглаженном смокинге. Открыл дверь, проводил до лестницы, дождался Настиного «Дальше мы сами» и исчез.

Кузьмин шагал по ступенькам и мягким коврам. Настя семенила чуть позади, как вышколенная секретарша. Кузьмин не договаривался об этой встрече. Мог бы по дороге выспросить у Вити, только зачем? Чтобы услышать именно то, чего он боялся больше всего?

Не страшно, если заказчик попросит дозу иморталина для себя одного. Не страшно, если он попросит обессмертить все его драгоценное семейство. Но ведь он предложит создать большой проект... Хуже всего, что именно так оно и будет. Потому что для Кузьмина это тупик, из которого нельзя выйти, даже откатившись назад.

За несколько шагов до гостеприимно приоткрытой двери кабинета Кузьмин знал уже все — что ему предложат, как, на каких условиях. И заказчики будут терпеть все выходки изобретателя, его хамство, его оскорбления — лишь бы уговорить на дикий в своей простоте замысел. А Кузьмин не сможет отказаться. Потому что он тоже человек.

— Здравствуйте!

Отрепетированная улыбка. Отрепетированные жесты. Множество мелочей, тут же, в первые мгновения дающие понять, кто перед тобой. Обрисовывающие характер — только не подлинный, разумеется, а той маски, которую хозяину особняка угодно носить в обществе. Кузьмин не вертел головой, не шарил глазами по стенам помещения. Не нужно. Деловито выбрал стул и уселся. Настя шагнула к двери, заперла ее изнутри и уселась рядом, сложив руки на коленях, как школьница-скромняжка.

— Николай. — Хозяин протянул руку, которую Кузьмин проигнорировал. Чего б не похамить, раз можно? — А вы — Анатолий Кузьмин, неприметный гений.

— Давайте без дешевой лести.

— Как скажете. Водку будете?

Тут Кузьмин сделал тактическую ошибку. Он бросил один быстрый взгляд в сторону Насти.

— Наслышан, — усмехнулся хозяин. — А мы попросим ее не вмешиваться в естественный процесс.

И полез в бар за бутылкой.

Не стоило бы Кузьмину с ним пить. Не стоило бы вести длинные беседы. Потому что хуже нет, когда замечаешь в своем враге человеческие черты. Так ему никто не мешал бы слегка ошибиться в дозировке... возможно, потом Кузьмина убьют... зато человечеству не угрожала бы сверхраса. А Кузьмин оказался слабым. Он купился на нарочитое равнодушие Николая к этикету: если двое мужчин хотят крепко выпить, то какой смысл в церемониях? Хозяин выставил на журнальный столик бокалы для виски и литровую бутылку нерусской водки. Пепельницу. Потом снял дорогой пиджак и уселся напротив Кузьмина.

Выпили. Закурили. Настя молчала, и Кузьмин забыл о ее присутствии. Николай изложил дело. Он готов платить за все, с тем, чтобы Кузьмин поставил производство иммортaлина на поток. В задачу изобретателя входило только изготовление препарата, остальное — поиск исходного материала, сбыт, юридические тонкости — брал на себя Николай.

— Не хочу, — просто сказал Кузьмин.

Он не стал объяснять, насколько мерзкой кажется ему затея. Не стал говорить, что не хочет принимать на себя кровь сотен людей. И так понятно. Как понятно и то, что Николай его уломает. Просто интересно стало, сколько этот живодер готов заплатить. А заплатить придется очень, очень много — чтобы Кузьмину не хотелось его убить.

Николай помолчал. Налил еще. Кузьмин опять с ним выпил.

— Твоя жена по тебе скучает, — негромко произнес Николай.

Кузьмин протрезвел. Почему-то именно этот, самый простой способ шантажа ему и в голову не приходил.

— У нее... у нее этот... как его... короче, есть кто-то... — бормотал он. Замолчал, поняв, что уже выдал себя с головой. Дернул воротник рубашки, будто ему стало душно. Дурацкий жест.

— Она его бросила, — улыбался Николай. — Красивая женщина. Судьба у нее непростая, жизнь с ней неласкова — а красоту и чуткое сердце твоя жена сохранила. И тебя она по-прежнему любит.

Хуже всего, что и Кузьмин ее любил. У него были женщины после развода. Только чего-то не хватало. А в последние дни, когда пил, былая любовь напоминала о себе острой болью.

— Ты что, говорил с ней?

— Да, — согласился Николай. — Сам. Я не мог поручить столь деликатное дело секретарю. С дочерью твоей познакомился. Она забавная, как все ее ровесницы. Еще не женщина, уже не ребенок. Прелесть, какая сообразительная. Ей теперь только образование приличное необходимо. И лучше бы ей учиться не у нас, а за границей, потому что дипломы, выданные нашими вузами, не во всех странах признаются. А еще лучше для твоей дочери было бы и школьное образование за границей закончить, чтобы не общаться здесь с людьми, мало достойными доверия.

Кузьмин помрачнел и нахмурился.

— Я имею в виду родителей ее друзей и одноклассников, — признал Николай. — Ужасные люди. А соседи? Соседи по дому, в котором живет твоя дочь, еще хуже. Алкоголики и наркоманы. Я бы не хотел, чтобы мой беззащитный ребенок рос в подобном окружении. Страшно подумать, что какой-нибудь негодяй с наклонностями педофила...

— Хватит! — крикнул Кузьмин. — Ты, мразь, угрожаешь мне жизнью моей дочери...

— Я? — удивился Николай. — Толя, это не я угрожаю, а жизнь. Ты почитай газеты, посмотри телевизор. Я же говорю о том и исключительно о том, что в твоей власти было бы уберечь своих женщин от возможных неприятностей. Ты мог бы купить им те условия, которых твои женщины — твои милые и красивые, твои любимые женщины — действительно достойны. Разве ты никогда не думал, что твоя жена, не говоря уже о дочери, заслуживает лучшего к себе отношения, чем то, которое ты можешь дать ей сейчас?

— Тварь.

— Нет. Я не тварь. Разве только в библейском смысле. Я понимаю, Толя, ты уязвлен. Мне тоже было бы неприятно слышать правду о себе. О том, что я не всемогущ и не могу обеспечить приятную жизнь даже тем, кого люблю больше всего. Но ведь положение легко исправить, не так ли? И не только исправить. Ты ведь можешь дать жене больше, чем благополучие. — Николай понизил голос. — Спроси у нее, хочет ли она жить молодой и красивой? Всегда?

Кузьмин зло расхохотался:

— Ты думаешь, я стану ей колоть иммортaлин?

— Почему нет?

— Потому что я не хочу ее изувечить. Потому что я не хочу, чтобы она превратилась в такое же дерьмо, как эта. — Кузьмин ткнул пальцем за спину, где сидела неподвижная Настя.

Николай помолчал, опустив глаза. Потом усмехнулся:

— Никогда не думал, что придется объяснять изобретателю, в чем суть его открытия. Толя, ты сам говорил Насте, что неприятная метаморфоза, едва не погубившая ее, всего лишь побочный эффект. Нормальные же люди получают обычное омоложение и увеличение срока жизни. Кстати, насколько значительно это увеличение?

— Не знаю. Только приблизительно, — проворчал Кузьмин. Увы, Николай был прав: обычному человеку иммортaлин лишь восстанавливал здоровье и продлевал молодость. И его жена наверняка не отказалась бы. А сам Кузьмин? От-

казался бы он видеть рядом с собой всегда юную девушку? Вместо медленно умирающей? — Лет на пятьдесят, наверное. Крысы жили в три раза дольше, собаки — в два. Да, человек лет пятьдесят лишних получит, вряд ли больше.

— То есть это не бессмертие?

— На данном этапе — нет.

— А как обстоят дела с репродуктивной функцией?

Кузьмину захотелось дать ему в лоб — за умный вид.

— Понятия не имею. Крысы плодились. У собак два помета щенков было, нормальные. А про людей — это ты Витька спроси, потому что у этой суки, по-моему, отшибло все.

— Пятьдесят лет — немного, конечно. Почти смехотворно на фоне исторического процесса. Но даже эти полвека, прожитых активно, могут изменить историю. — Николай прервался, пополнив стаканы. — Мне сорок пять. Моей жене — двадцать два. Сыну — год. И я не знаю, кем он вырастет. Он может перенять мое дело и продолжить его. А может угробить труд всей моей жизни. Я предпочел бы жить подольше, чтобы иметь возможность для маневра. Наша — я имею в виду всех бизнесменов, особенно в этой стране — беда в том, что природа отвела нам слишком мало времени. Наша жизнь слишком коротка, чтобы успеть что-то сделать. Мы стараемся успеть сегодня, потому что завтрашнего дня может не быть. И ни у кого из нас нет уверенности, что наши усилия не напрасны. Если бы у нас была гарантия, что мы проживем не двадцать лет, а сто двадцать, мы бы совершенно иначе относились и к себе, и к людям, и к стране. И к планете. Многие человеческие ошибки объясняются тем, что люди знают, как мало им отпущено. На наш век хватит, после нас хоть потоп. Вот будет ли так, если люди поймут: век окажется длинным?

— Особенно пригодится длинный век, если его обладателя упекут в тюрьму пожизненно, — хохотнул Кузьмин.

— Воровать не надо, тогда и не упекут, — назидательно ответил Николай. — И это понимание ляжет в основу будущей морали.

— Вот, значит, как... О стране печешься?

— Не самый плохой интерес. Хочу войти в историю как благодетель человечества.

Он не договаривал. И Кузьмин знал, что именно осталось несказанным. Телепатия к этому не имела никакого отношения. Обыкновенная тревожность похмельного человека, и без того излишне мнительного. Тревожность, заставляющая его замечать и сопоставлять малейшие детальки, складывая из них целую картину.

Не зря Настя выбрала именно Николая. Наверняка он «одной крови» с ней. И мечтает, что это обычным людям иммортaлин всего лишь немного продлевает жизнь. А их, избранных, он сделает бессмертными.

Кузьмин сам не знал, насколько их мечты беспочвенны. Если б знать наверняка, решение принять было бы проще. Нет, не принять — произнести роковые слова вслух. Потому что он все решил, еще когда пил водку в песочнице.

— А где ты возьмешь столько трупов? Займешься санитарной работой? Очистишь от бомжей мусорные свалки?

Николай пожал плечами:

— Зачем кого-то убивать? Толя, огромное количество людей в мире мечтают умереть сами. И умирают. Без посторонней помощи. Вот они и будут нашими трупами. Мы создадим для них специальный приют, назовем его, скажем, «Центр помощи самоубийцам». Люди с суицидальными мыслями будут приходить к нам сами. Кому-то из них помогут психологи, которые у нас действительно будут. Кто-то окажется безнадежным и умрет, невзирая на все наши усилия, направленные на его спасение... Согласись, это честно — отдать желающим только ту жизнь, от которой ее обладатель отказался добровольно? А на базе Центра можно оборудовать и серьезную исследовательскую лабораторию.

Кузьмин молчал несколько минут.

— Хорошо. Я согласен.

За спиной вздохнула Настя. Кузьмину захотелось взвыть.

* * *

Центнер тренированного человеческого мяса ползал у Настиных ног, размазывал слезы по бесформенному от плача лицу и молил о пощаде. Иногда мольбы из всхлипов переходили в вопли, и тогда Кузьмин морщился.

Нет, он не жалел Витю, которого Настя определила в сегодняшние кандидаты на заклание. В конце концов, думал Кузьмин, это их семейные проблемы. Когда-то Витя предназначил Насте роль сексуальной игрушки, потом Настя превратила его в домашнее животное. А теперь решила убить. Их дело. Но все-таки Кузьмин сказал:

— Ты ж обещала его не убивать.

— Я не обещала, — с достоинством ответила Настя. — Я сказала, что не вижу необходимости, потому что Витя сообразителен и может быть полезен. Но сейчас нужен иммортали́н, и эта потребность наивысшая. Витя сам должен понимать, что другой возможности так послужить мне не представится. Он понимает, поэтому поступит как надо. Но для иммортали́на очень важно, чтобы человек хотел жить и боролся до конца. Поэтому я позволила Вите побороться. В разумных пределах.

— Сука, — привычно бросил Кузьмин и стал готовить «комбайн».

Действительно, сука. А ведь вечер так чудесно начинался! Три предыдущих дня Кузьмин пахал как проклятый. Высшая Раса насчитывала более полутысячи особей, и всем им регулярно требовалась инъекция иммортали́на. Бессмертных паразитов, бывало, привозили в Центр пачками, по десять—пятнадцать экземпляров. За минувшую неделю доставили в общей сложности сто двадцать восемь. И все они визжали, извивались от чудовищной боли, в мучениях пытались отрастить крылья или рога полутораметровой длины. Кузьмин израсходовал все запасы иммортали́на, и, когда обнаружил, что заветный шкафчик пуст, возликовал: минимум неделя отдыха! Лекарства нету, лечить нечем, а кто заболеет — сам вино-

ват. Ничего, даже от полуторамесячной ломки, как выяснилось, паразиты не дохли, а помучиться им всем не вредно.

Во второй половине дня позвонил Николай — в истерике. Его драгоценная половина вырастила себе третью ногу и жабры и теперь не знает, что с этим богатством делать. И да, конечно, от боли и ужаса орет дурниной на весь дом.

Эх, прошли те времена, когда ломка начиналась с неконтролируемой смены зубов... После пятой-шестой дозы она наваливалась внезапно, скручивала судорогой, лепила из человеческого тела монстра в считанные часы...

Кузьмин спустился к пациентке, чтобы вколоть успокаивающее, и проблевался на пороге палаты: ничего омерзительнее не видел. А потом вышел и сказал Насте, игравшей в Центре роль девочки на подхвате:

— А иммортaлина нету! Кончился вчера.

Сказал с нескрываемым злорадством. Никаких репрессий он не боялся: Николай три года терпел его хамство, потерпит и дальше. Тем более что деваться ему после инъекции иммортaлина некуда.

— Короче, я пошел к себе, — сообщил он Насте намеренно громко, чтоб пациентка слышала его через открытую дверь. — И не буди меня. Все равно я ни хрена не могу сделать.

Насвистывая, поднялся на двадцать второй этаж высотки, отгроханной Николаем и задействованной под Центр. Кузьмин жил здесь уже почти три года и до сих пор не привык считать роскошную квартиру своим домом. Постоял на балконе, порадовался: любил он издеваться над Высшей Расой. Вынул из холодильника водку и чистый бокал, налил до половины.

С балкона открывался чудесный вид: лесопарковая зона, на севере — огни автострады, над морем темных крыш вздымались шпили высоток, такие праздничные и разноцветные... И звезды приветливо мигали сквозь густо замешанную на смоге атмосферу. Мимо с треском пролетел крупный мотылек, вернулся, чувствительно стукнулся в лоб Кузьмина и

унесся вниз. «Откуда берутся ночные бабочки на такой высоте?» — задумался Кузьмин и выпил.

Пил он много. Собственно, Кузьмин забыл, когда последний раз был трезвым. Из-за беспробудного пьянства не состоялось примирение с женой, на которое возлагал такие надежды Николай. Кузьмин тоже надеялся, но... Жена с ним развелась именно по этой причине. И никакие деньги не могли заставить ее изменить отношение к бутылке на столе перед мужем. Так что Кузьмин регулярно встречался с ней, отдавал деньги, иногда гулял с дочерью. Девочка не испытывала большого удовольствия от отца, которого в поддатом состоянии пробивало то на агрессию, то на сентиментальные всхлипы. В общем, расколотое зеркало склеить не получилось, а Кузьмин приобрел еще один повод для самооправдания. Еще бы, попробуй не запей, если собственная семья тобой брезгует!

Николай не пытался вправить Кузьмину мозги. Делал вид, что ему безразлично. Известно почему: большой босс мечтал присоединить Кузьмина к обществу Высшей Расы, а Кузьмин, в свою очередь, упирался. Решительным аргументом мог стать цирроз печени, излечимый всего одной инъекцией иммортали́на. Правда, Кузьмин давно решил, что лучше помрет от белой горячки, но Николай о том не ведал, потому исправно снабжал изобретателя спиртным.

А хранить стаканы в холодильнике Кузьмина научил знакомый бармен. Кузьмину понравилось.

Он успел как следует поддать и свалиться на кровать, когда снизу позвонила Настька:

— Док, есть свежий труп.

Труп был свежее некуда, то бишь он был еще жив. Витя горько плакал, надеясь разжалобить Настю. «Зря стараешься», — думал Кузьмин. Высшая Раса лишена практически всех свойственных человеку чувств. Поначалу они еще стараются возвысить душу, развить разум, сделать что-нибудь полезное... а потом их потребности сводятся к поискам кандида-

тов на самоубийство. Потому что существование бессмертных определяется одним-единственным фактором: страхом перед очередной ломкой.

Предусмотрительная Настька заставила Витю раздеться догола. Наверное, чтобы поменьше возни было с трупом. Его ж еще обмыть надо будет — и от крови, и от прочего... Услышав тоненький звоночек готового к работе «комбайна», Настя показала глазами на большой «разделочный» стол и приказала:

— Давай.

— З-зачем на стол? — ныл Витя.

— Чтоб доку удобней было.

Витя разрыдался и полез на стол. Мощное тело жалко подрагивало. Бывший бандит вытянулся на спине. Настя надела полиэтиленовый халат, подала жертве опасную бритву в лотке. Кузьмин быстро вышел в коридор, закурил. За спиной раздался душераздирающий вопль, потом второй. С грохотом упало что-то тяжелое, такое тяжелое, что пол ощутимо сотрясся. Кузьмин торопливо вынул из кармана прихваченный загодя «мерзавчик» с водкой, залпом выпил. Жадно затянулся сигаретой, прикурил от кончика следующую.

Когда Кузьмин вернулся, Настька взваливала на стол мертвого Витю. Ага, понял Кузьмин, вот что такое тяжелое упало! Наверное, Витя в судорогах скатился на пол. Настька поднимала его как штангу, на руках ее вздулись мышцы, она присела и была похожа на тяжелоатлета. Кузьмин засмотрелся, удовлетворенно кивнул, когда Настька от натуги пукнула: точно по законам жанра.

Иногда, будучи в расслабленном и склонном к отвлеченным размышлениям состоянии, Кузьмин гадал: отчего Настька постоянно меняет облик? Она будто маски меняла, и характер отрабатывала со смешной пунктуальностью. Приняв ангельский лик, Настя носила длинную юбку, с лица ее можно было икону писать, и ходила она, не касаясь грешной земли. Витьку убивала не просто Настя, а Настя в облике стро-

гой училки: строгий деловой костюм с юбкой ниже колена, затянутые в пучок на затылке волосы, ледяная холодность во взоре и аура тотального обвинения. А вот сейчас — нате вам, баба со штангой. Ноги расставила некрасиво, напыжилась, морда налилась кровью... Того и гляди, рекорд выжмет. Зачем ей чужие лица? Наверное, оттого, что своего отродясь не было. До инъекции Настька в меру ограниченных возможностей копировала лица с обложек глянцевых журналов. Красилась, одевалась, вела себя соответствующе. А после... после она не нуждалась в гриме. Она по одной лишь прихоти становилась другим человеком. Человеком ли? В том-то и дело, что никогда, ни разу в жизни Настя не старалась быть человеком, пусть и другим. Она была пустышкой, вешалкой — и осталась ею, но бессмертной.

И все они, паразиты, такие. Все до единого. Настоящий человек, осенило вдруг Кузьмина, проживает каждую минутку, от любой секунды берет все. Он такой, какой есть; а бессмертные паразиты — они всегда были кем-то, потому и трясутся, что помрут, так и не побывав собой.

А собой они не станут никогда. Потому что их самих никогда не было.

Настька ползала по полу с тряпкой, старательно оттирая Витину кровь. Ее деловой костюм обвис мешком и даже по цвету напоминал халат уборщицы. Кузьмин брезгливо огляделся: перед смертью Витя уделал все, даже на потолке виднелись красные точки. Конечно, бандит не виноват, а виновата его сучка, которой нравилось наблюдать за агонией. Кстати, это была общая слабость Высшей Расы. Кузьмин подозревал, что они испытывают оргазм от чужой насильственной смерти. Да и черт с ними. Но Настька могла бы, если уж невтерпеж, убить Витьку в другом месте, зачем же операционную пачкать!

— И стены ототри, — приказал он.

Через час он зашел в палату к супруге Николая. Ввел ей в вену еще теплый препарат. Женщина плакала, глядела на него тупыми глазами жертвы, не понимающей, за что ее мучают.

Кузьмин едва сдержался, чтоб не плюнуть в ее лицо, под действием иммортaлина вновь обретавшее узнаваемые черты.

К себе он вернулся перед самым рассветом. Зачем-то долго стоял в коридоре, мечтая, что пошлет к черту усталость и пойдет гулять в парк. Хотелось поглядеть на нормальных людей и на деревья. Но не пошел.

Распахнул дверь и замер на пороге.

На большом столе в гостиной стояли два наполненных до половины стакана и початая бутылка водки. По запотевшим бокам стаканов медленно сползали капельки конденсата.

А за столом сидел Витя. Голый и полупрозрачный.

— Ну, док, — произнес он вполне отчетливо, — вот я и тут. Давай помянем меня, что ли.

Кузьмин хлопнулся в обморок.

К постоянному Витиному обществу Кузьмин привык быстро. И даже находил в создавшемся положении плюсы. Собственно, верней было бы сказать — не находил минусов. Теперь у него под рукой всегда был собеседник и собутыльник. Агрессии Витя не проявлял, зато охотно вел бесконечные беседы о смысле жизни. Водку он себе наливал и даже вроде бы пил, только Кузьмин как-то произвел нехитрый подсчет и обнаружил, что призрак не употребил ни капли.

— А это иллюзия, — объяснил Витя. — Ты не думай, я только чтоб компанию поддержать. Так-то я вприглядку пью.

После смерти Витя резко поумнел. Он легко сопоставлял факты, делал верные выводы и прекрасно понимал Кузьмина. Иногда он спорил — неспешно, беззлобно и аргументированно. Порой к сугубо мужской компании присоединялась Настя. Сидела на стуле, скромно сложив руки на коленях, пока мужики обсуждали ее, не стесняясь в эпитетах и оскорблениях. Настя безропотно терпела. А когда она надоедала, Кузьмин выставлял ее за дверь. Витя явственно вздыхал — с облегчением. Смерть избавила его от иллюзий, и он признался, что несколько лет томился по своей однокласснице. Но так и погиб, не добившись успеха.

— Слушай, а ты долго так болтаться будешь? — интересовался Кузьмин чаще всего.

— Не знаю. Меня не принимают ни там, — Витя тыкал пальцем в потолок, — ни тут, — палец устремлялся в пол. — Наверное, это из-за иммортaлина. Что-то он в нас портит, что мы потеряны для загробной жизни. Я пока не пробовал на солнечный свет выйти. Боюсь, если честно. Вдруг я разложусь? На какой-нибудь синий туман и цветочный запах?

За прорезавшуюся поэтичность выпили. Кузьмин пытался расспросить призрака — а как оно, есть Бог или нет? Но Витя не знал. Он же так и не попал никуда.

Но Кузьмин почему-то в Бога поверил. Сильно. И осознал, каким же страшным грешником стал. Худшим, возможно, за всю историю человечества. Он вмешался в замысел Творца, испохабив самое совершенное из его творений, созданное по Образу и Подобию... Кузьмин думал, что и наказание ему полагается самое страшное.

Он стал носить крестик. И как-то собрался в церковь — ну, поставить свечку за упокой Витиной души. Случилось странное: Кузьмин не смог зайти в храм. Он шагал, чувствуя, как по мере приближения к дверям церкви у него тяжелеют ноги, и переставлять их — труд уже нечеловеческий. Один раз он сумел-таки заползти в ограду, прислонился к столбику. Стоял, глядел на двери, распахнутые для всех, кроме него. Плакал. Есть Бог на свете, отчего-то радостно думал Кузьмин, есть.

С того дня у него появился смысл в жизни. Смысл заключался в том, чтобы помочь Божьему гневу настичь грешника. Для реализации этого плана Кузьмин в грозу выбирался на крышу высотки Института и стоял там, запрокинув голову и ожидая, пока в него шарахнет молния. Он радостно скакал по крыше, подманивал грозовой фронт, предлагая себя в качестве лакомства. От шквала высотка ощутимо раскачивалась, Кузьмин ликовал. Общий шум пьянил, и порой казалось, что мир растворяется в грохочущих потоках воды. А потом гроза уходила, а разочарованный Кузьмин спускался в свою квар-

тиру на двадцать втором этаже и надирался в хлам. Бог опять не испепелил его. Но Кузьмин не роптал: может, наверху так и задумано, чтоб грешника посильней наказать.

— Да взял бы и повесился, — посоветовал Витя. — Чего уж проще.

Но Кузьмину хотелось другого. Пусть его Бог казнит. Так будет лучше для всех.

На его чудачества не обращали внимания. Высшая Раса обеспокоилась другой проблемой, насущной: иморталина вечно не хватало. Спустя некоторое время Кузьмин — в минуту просветления — обратил внимание, что ему привозят одинаковые трупы. Все они были молодыми женщинами с резаными ранами на шее. Кузьмин удивился, не может же быть такого, чтоб самоубийцы действовали по общему сценарию.

— А это Настька, — объяснил Витя. — У всех бессмертных в этот бизнес бабки вложены. А у нее что? Ничего. Вот она и работает. Носится по городу, заводит разговоры и гипнотизирует девчонок. Ну, ты видел, как она меня заставила горло себе расписать. Девчонки идут сюда как зомби, потому что Настька им внушает, что они с собой покончить хотят. Девчонки приезжают сюда и в отдельном кабинетике по шее себе — хряп! Вот и труп. Настька их даже бритвами снабжает, такая уж она сука.

Кроме того, у Николая начались трения с милицией. Кузьмин мало интересовался клиентами, но один явился на «прием» в форме. После того Кузьмин затребовал в регистратуре книгу «прихода» и выяснил: на Николая завели было дело, так он всю прокуратуру на иморталин посадил. Большинство сотрудников были обычными людьми, но двое — и прокурор в том числе — оказались особями Высшей Расы.

А потом к Кузьмину привезли попа. Молодого, рыжего, с хитрыми глазами. Кузьмин опешил, спросил:

— Батюшка, как же так? Ты ж верующий... Преисподней-то не боишься за такое?

Поп засмеялся с торжеством:

— А какая преисподняя, если я не умру?! Это пусть смертные людишки беспокоятся, а я буду жить вечно!

Он волновался, и от волнения губы его тряслись. Кузьмин ввел иглу в вену мерзавцу, по лопаткам повеяло холодом. А ну как прямо сейчас и обрушится на святотатцев Божий гнев? Не обрушился. Бес в поповской рясе причмокнул счастливо и покинул процедурную, даже не споткнувшись на пороге.

Нет Богу до нас никакого дела, понял Кузьмин. Может, и самого его нету. Врут попы, такие же, как этот. Они просто боятся сдохнуть, для того и выдумали сказочку про загробную жизнь... В тот же вечер Кузьмин, привычно подходя к церкви, не ощутил никакой тяжести в ногах. Зашел в храм, постоял, щурясь на огни свечей. Черные лики на иконах выглядели бессмысленной мазней, слезы рьяно крестящейся старухи казались наигранными... Кузьмин вышел и закурил прямо на крыльце. Он понял, почему ему, человеку с менталитетом нормального инженера, всегда было неуютно в церкви. Не мог он принять на веру теорию, в которой концы с концами не сходились. Шитая белыми нитками сказочка, а на все вопросы один ответ — «уверуй и поймешь». Да как можно уверовать в недостоверную легенду?! Понятно, что когда уверуешь, что угодно себе объяснишь. Самовнушение и сознательную слепоту еще никто не отменял. Мнение окружающих тоже со счетов не скинешь, ведь то, в чем убеждена толпа, как-то априори принимается за истину. Или за то, в чем есть ее зерно. Кузьмину было неприятно, что он в какой-то момент поддался массовой истерии.

Больше он не ходил мимо церкви. А во время грозы сидел в комнате, потягивая коктейль. Чудачества кончились.

— Зачем им поп? — спросил он у Витьки. — Я понимаю, менты. Я понимаю, депутаты. А попа-то зачем на иглу сажать?

— Да он полезней, чем все менты с депутатами. У него ж паства, — коротко ответил Витя. — Он ей что скажет, то они и сделают. Они ж все внушаемые, для того и в церковь ходят.

— Вот ведь подлец какой, — вздохнул Кузьмин.

А потом до него дошло. Он вскинулся и принялся названивать жене, ругая себя последними словами: сам же, идиот, в дни помрачения сознания уговорил ее перевести дочь из обычной школы в православную гимназию!

Он орал в трубку, требуя немедленно забрать документы дочери. Он не желал слышать, что на часах — десять вечера. Умный совет протрезветь довел его до бешенства. Наконец, он пригрозил не давать больше денег, и шантаж возымел действие: жена клятвенно пообещала наутро забрать дочь из гимназии.

— Как подумаю, что жирная рыжая сволочь может до моего ребенка добраться, так руки чешутся, — признался Кузьмин Вите.

— Ну и почеши их. Толку-то. Синяк у попа через пять минут пройдет, а у тебя пальцы еще неделю саднить будут. Кому хуже-то сделаешь? — Витя задумался. — Я вот что сообразил, док: ты говорил, что иморталин воздействует на центр регенерации. А где этот центр находится?

— В голове, — фыркнул Кузьмин. — Наверное.

— Во-от. Я тебе адресок один дам. Хороший. Тебе там, — Витя понизил голос, — ствол продадут. И научат, как с ним обращаться.

— Зачем? — оторопел Кузьмин.

— А затем, что такая пулька, если в голову угодишь, череп в ошметки превратит. Чуешь? Любой бессмертный скопытится. Интересно еще попробовать голову отрезать, ну, как в том фильме, помнишь? В общем, док, пушка тебе не помешает.

— Отберут, — флегматично повел плечом Кузьмин. — Настька же мысли читает, она меня на раз вычислит.

— Не вычислит. Я тоже... кое-чему научился, — скромно и загадочно улыбнулся Витя.

Кузьмину идея понравилась. Если Бога нет, он сам справится с паразитами.

Пистолет притягивал Кузьмина. Тяжелая вещь грела душу, ласкала руки и успокаивала сердце. С тех пор как появился пистолет, Кузьмину даже напиться не так хотелось.

На ночь он клал оружие под подушку. А с утра — да и в любое другое время суток — мог часами кривляться перед зеркалом. То есть это Витька так охарактеризовал его поведение. Самому Кузьмину казалось, что принимаемые позы выглядят пристойно и никак не карикатурно. Ну да, поди назови мужика карикатурой, если у него в руках — пушка сорок пятого калибра... Ни один дурак не назовет. А Витька — не столько дурак, сколько призрак, ему можно.

Витя обещания держал: о наличии у Кузьмина пистолета бессмертные не догадывались. Кузьмин даже проверял: стоял рядом с Настькой и усиленно думал про то, что у него есть ствол. Настька и ухом не повела. А потом Витя дал еще один ценный совет: надпилить пули. Кузьмин почувствовал себя как никогда защищенным.

Но теперь им завладела новая идея. Он гнал ее от себя, потом придумал оправдание: должен же он знать, действительно ли можно убить бессмертного? Бессмертные не люди, жалеть их нечего.

Кого убивать, Кузьмин придумал сразу. Надо было бы сучку Настю, но Кузьмин еще не забыл, что она женщина, а он — мужчина. Нет, баб он решил не трогать. В конце концов много ли вреда от Насти? Ну, ходит она по улицам, заманивает юных дур на тот свет. Не будь Николая с его деньгами и амбициями стать Отцом Нации бессмертных, Настины действия не приобрели бы такой размах. Но и на Николая у Кузьмина особого зла не было. А было — на попа. Тот гнал самоубийц партиями, да еще и хвастался.

Ждать пришлось три месяца — поп оказался крепким. Узнав, что проклятый обманщик находится в Центре, Кузьмин возликовал. Новость застала его в лаборатории, откуда до палат было три шага. Но Кузьмин придумал нехитрый повод подняться к себе.

Стоя, со всей торжественностью, он принял на грудь. Затем, убедившись, что руки не дрожат, вынул пистолет из тайничка, устроенного по совету Вити. С приятным лязгом пе-

редернул затвор, дослав патрон в ствол. Затянул покрепче ремень на джинсах и сунул пистолет за пояс сзади.

Поп страшно мучился. Он лежал на спине, по лицу текли крупные капли пота. Кричать пока еще не начал, но пальцы вздрагивали от коротких судорог. Заметив вошедшего Кузьмина, застонал.

Кузьмин обошел койку. Поп почуял неладное. Выгнулся, стараясь не упустить Кузьмина из виду. Тот растерялся: одно дело мечты, а другое — выстрелить в существо, слишком похожее на человека, которое к тому же пялится на тебя с мольбой.

Через минуту Кузьмин понял, что выстрелить не может. Водка выветрилась из головы, настроение стало паршивым. Он набрал в шприц разовую дозу иморталина, присел на край койки.

— Ну же, доктор, быстрей, — шептал поп. — Быстрей, не тяни жилы, не видишь — плохо мне... Ну давай, давай...

Кузьмин застыл. Поп не выдержал, взорвался воплем:

— Ну коли же, тварь паршивая!

И тут Кузьмин смог. Он завел левую руку — в правой был шприц — за спину, большим пальцем снял пистолет с предохранителя. И, сунув ствол под челюсть завизжавшего попа, нажал на спусковой крючок.

Он аккуратно блевал в раковину, когда прибежала Настя. За ней в палату влетела тетка с регистратуры. Увидела голову попа, размазанную неровным слоем по разным поверхностям, отпихнула Кузьмина и склонилась над раковиной.

...Потом на Кузьмина навалились все. То есть пистолет отбирала одна Настя, для такого случая принявшая образ спецназовца, а регистраторша просто визжала. На помощь Насте явились два охранника — тоже бессмертных. Совместными усилиями Кузьмина затолкали в комнату отдыха дежурной по этажу. Там Кузьмин принялся колотить мебель и весело орать, требуя водки и девочек.

Водки ему не дали. Настя насильно протрезвила его и проводила в кабинет Николая. Кузьмин был зол, мир вне-

запно потускнел и враждебность его проявилась в полной мере.

— Похмелиться дай, — хмуро сказал он Николаю вместо приветствия.

— Потом. Сначала поговорим.

— Не хочу.

Николай пропустил его слова мимо ушей.

— Толя, — начал он сухо, — три года назад ты сказал, что тебе нужна лаборатория для завершения исследований. Я дал тебе лабораторию. И где результаты? Нет результатов. Ты обещал найти средство для снятия побочных эффектов иммортали́на. И не сделал ничего. Ты измываешься над нами. Пьешь на наши деньги — и издеваешься над нами же.

— Не нравится — пошел к черту. Я на твои деньги клал с прибором. И никаких средств искать не собираюсь. А сделать со мной вы ничего не можете! — Кузьмин обидно расхохотался.

— Ошибаешься, — холодно ответил Николай. — Можем. Ты сегодня же, в моем присутствии, сделаешь инъекцию иммортали́на себе. И тогда ты вынужден будешь работать в полную силу.

— Хрен тебе, а не инъекцию. Я не хочу. Ну?!

Николай отвел глаза. И промолвил:

— Ну... не хочешь, так не хочешь. Можешь идти к себе.

Кузьмин не ожидал такого поворота. На всякий случай сказал Николаю еще пару гадостей — тот промолчал. Кузьмин пожал плечами и пошел хвастаться успехами Витьке.

Приятель радости не разделял. Крутил носом, сомневался:

— Толь, ты не знаешь этих сволочей. Придумают, как тебя прижать.

— А никак они меня не прижмут! Витя, я не могу найти это средство! Нет у меня образования для таких поисков, понимаешь? Пусть я буду трижды бессмертный — это ничего не решит! Я случайно нашел иммортали́н, но на большее меня не хватит! Ты, дурак, купился тогда, а Николаю некогда было

проверять мои дипломы, он лекарство от смерти получить хотел! Вы все на самом деле идиоты, поверили мне, идиоту еще большему...

Витя вздыхал и хмурился.

— Выпьем, — примиряюще сказал Кузьмин.

— Выпьем, — согласился Витя.

Чуть позже явился призрак попа — отношения выяснять. Кузьмин с бутылкой в обнимку спрятался в углу за креслом, покуда Витя чисто по понятиям вел переговоры со свежеубитым. В конце концов победил бандит. Он вытолкал попа на балкон, под лучи заходящего солнца. С тихим стоном призрак испарился.

— Хорошо, что я на себе эксперимент ставить не стал, — подвел итог Витя. — А то бы сам сгорел... Ладно, буду знать.

— А что, думаешь, он окончательно исчез?

Полчаса они посвятили беседе о судьбе призраков. Если ничего не исчезает никуда, и ничего не берется ниоткуда, то призрак попа, надо полагать, не исчез, а куда-то переместился. В иной мир. Но в какой? И каковы там условия? Витю тема живо интересовала. Кузьмина не очень, но отчего б не поговорить с хорошим человеком?

Почти в полночь Кузьмину позвонила Настя. Попросила сойти вниз. Кузьмину отчего-то не захотелось, на сердце устроилась какая-то тяжесть. Может, допился? Мотор барахлит... В лифте начало уши закладывать опять же.

И только в лаборатории он все понял. Там, у дальнего окна стояла на коленях его дочь. А в опасной близости от ее головы поигрывала пистолетом Настя. Девочка плакала, на скуле красовался синяк. Кузьмин опустил руки.

— Где сейф, знаешь, — с ненавистью произнесла Настя. — Коли иммортали́н. Себе и ей.

— Папа, она маму убила! — крикнула дочь.

Кузьмин привалился к стене. Как же так... Нет, это невозможно. Его семья, все, что у него было... Жены больше нет. И дочь под дулом пистолета... А на другой чаше весов —

человечество. Да плевать Кузьмину было на человечество! Он представил себе дочку, которую крючит и корежит ломкой. Даже не себя — эту девочку-подростка. Инъекция или пуля — разницы никакой. Жизнь для нее закончится.

— Ты хорошо устроился, — шипела Настя. — Мы погибаем от боли, а ты ставишь эксперименты... Правильно, зачем себя-то гробить? Себе ты инъекцию сделаешь, когда найдешь безопасное средство. Только фиг что у тебя выйдет. Будешь страдать, как все.

Кузьмин закрыл глаза. Прости, дочка, я подонок...

— Стреляй, — прошептал он.

— Что? — Настя не поверила своим ушам.

Воспользовавшись заминкой, девочка дернулась в сторону, успела встать на ноги и сделать несколько шагов к двери. Пуля настигла ее в центре зала. Кузьмин ошалело глядел на кровавые ошметки.

— Ну все, суки...

Медленно, сгорбившись, он повернулся и пошел к лифту.

Кузьмин встретил Николая трезвым. Шеф предприятия удивился спокойствию Кузьмина. А тот ровным тоном сказал:

— Николай, я всесторонне обдумал вчерашнее твое предложение. И пришел к выводу, что один не справлюсь. У меня серьезно пошатнулось здоровье, я нуждаюсь в отдыхе. Но чтобы ты не подозревал меня в нечистой игре, я придумал вот что. — Кузьмин раскрыл коробочку, показал компакт-диск. — Здесь все мои наработки на сегодняшний день. Вот, — он поставил рядом с диском ампулу, — доза иммортaлина для того врача, которого ты сочтешь нужным привлечь к работе. Вот, — он положил на стол ключи с карточкой, — ключи от сейфа. Иммортaлина там хватит на две инъекции каждому из Высшей Расы. Думаю, я вернусь раньше, но — сам понимаешь, запас карман не тянет.

У Николая тряслись руки, когда он сгребал выложенное Кузьминым богатство.

— Диск проверь, читается ли, — очень дружелюбно посоветовал Кузьмин.

Компьютера в кабинете не было. Он стоял в соседней комнате, у секретарши. Николай вылетел за дверь. За его спиной громко щелкнул замок. Николай насторожился, но не сильно. Он топал ногами от нетерпения, ожидая, пока машина считает данные с диска.

И осел на пол, когда из колонок полилась церковная музыка... Николай сорвался с места и побежал в лабораторию, проверять сейф.

На полке одиноко томились десять ампул. Всего десять. На почти семьсот человек.

— Толя! — заорал Николай, барабаня в запертую дверь кабинета. — Толя, падла, открой! Открой, чмо, хуже будет!

Он орал и плакал. На вопли прибежали сотрудники, взломали дверь.

Кузьмин повесился на верхней ручке огромного окна. Стеклопакеты были хорошие, вся фурнитура была сделана на совесть. И ручка выдержала вес взрослого мужика.

Его тело, неестественно длинное и нескладное, не доставало ногами до пола примерно полметра. А на искаженном лице застыла гримаса, и вываленный язык словно дразнил бессмертных — мол, скушали?

Скушали.

В роскошной ванной комнате перед огромным зеркалом топталось уроливое существо, отдаленно напоминавшее человека. Оно откликалось на имя Николай, помнило, что у него когда-то был бизнес, жена, а где-то есть ребенок. Сына забрала теща, когда началась война.

Николай был последним. Он успел припрятать уцелевшие ампулы с иммортaлином, но не сумел пресечь слухи. Его дом осадили боевики преданных соратников. Николай перехитрил всех. Один за другим гибли бывшие его единокровцы — умирали от пуль, сгорали заживо в своих комфортабель-

ных квартирах и автомобилях, тонули в болотах... Убить их было не так уж сложно. И никакая иммортали новая подпитка не спасала от гибели мозга.

Призраки их толпились в доме Николая, но вреда причинить не могли. Николай долго колебался, не отдать ли ампулы с чудесным лекарством на анализ, но так и не отдал. Ведь ради сохранения тайны надо было подколоть исследователя иммортали ном. А каждая порция — это месяц или два жизни Николая. Его собственной жизни.

— Мерзавец, — шептал Николай, поминая Кузьмина. — Мерзавец...

Да, ублюдок отомстил за своих баб. Заставил бессмертных убивать друг друга. Знал, сука, что Николай из страха и жадности ни с кем не поделится. Даже с женой.

Жену Николай застрелил и закопал в саду. Чтобы не канючила.

А когда война утихла, за Николаем пришли из прокуратуры. Он откупился, понимая, что придут еще и еще. Ну и наплевать, злобно думал он, все равно скоро сдохну.

Сдохнуть ему предстояло куда быстрей, чем он рассчитывал: десять ампул в сейфе вместо иммортали на содержали подкрашенную воду. Мерзавец Кузьмин подстраховался и на тот случай, если Николай окажется менее жадным.

Одна ампула. Только одна. И ломка в разгаре.

У существа по имени Николай тряслись руки. Он надпилил кончик, отломил его... В нос ударил резкий запах коньяка.

— Сука-а-а!!!

Николай заплакал. Он всхлипывал, утирая сопли перепончатой лапой, трясся чешуйчатым телом. Потом принес из кабинета пистолет. Смотрел на него сквозь пелену соленой влаги на глазах с вертикальными зрачками и бормотал:

— Проклятые трусы... Сраное человечество! Вы не хотите принять нас, смириться с нами... Да вы просто мясо для нас, и радуйтесь, что хоть на это годитесь... Думаете, вы сильней? Вас просто слишком много, и в этом все дело! Но скоро, по-

помните мое слово, вы вырежете девять десятых в очередной бессмысленной вашей войне — и вот тогда вы пожалеете, что уничтожили нас. Потому что без нас вы не сможете восстановить жизнь на Земле. Не будет никого, кто перенес бы и облучение, и болезни... Не будет никого, кто вас спасет... Так и подыхайте!!! Только запомните: открытое единожды уже не спрячешь. Пройдет пятьдесят лет, а то и меньше, и кто-нибудь снова отыщет это лекарство. Только уже без этих побочных эффектов. Мы все равно будем жить вечно, слышите вы?! Вечно!!!

Пуля выбила на кафельную плитку неестественно яркие брызги мозга.

Леонид Каганов

НУЛЬГОРОД

Если долго-долго смотреть на солнце, то на глаза навернутся слезы. И тут надо не жмуриться, а смотреть дальше, открыв их как можно шире. Солнце начнет переливаться, пока не превратится в черный диск с контуром резким, но неуловимо меняющимся — словно вращается в небе с дикой скоростью. Дальше глаза привыкнут, и диск вновь засветится теплым желтым светом, протянет во все стороны лучи, и вот тогда появится улыбка. Добрая-добрая, теплая-теплая, на весь солнечный диск. И эта улыбка говорит тебе: все в порядке, друг, теперь ты дома, теперь все будет хорошо. Здесь так сделано специально.

Я глядел вперед на поле. В этом мире даже очки не нужны — все резкое, правильное. До самого горизонта по полю тянулись изумрудно-зеленые холмы, поросшие гигантской ромашкой и клевером. Ни соринки, ни пылинки. Чистые яркие цвета, как в мультфильме. А над цветами — пестрые бабочки. Бабочек я не любил, но здесь они тоже особенные — чистые и тонкие, словно вырезанные из листа бумаги. Дизайн.

Я обернулся: здесь тоже сперва тянулись холмы, но чуть дальше виднелись коттеджи, коттеджи и снова коттеджи, постепенно переходящие в городские кварталы. И сам город

© Л. Каганов, 2006.

виднелся вдалеке — там уходят в небо столбы ажурных башен, льются из ниоткуда в никуда водопады, блестят радуги и теснятся от земли до облаков фантастические шаровидные постройки, зависшие в воздухе.

Странно — мода на воздушную архитектуру так крепко прижилась в постоянно меняющемся Нульгороде, что кварталы из шаров висят вот уже второй год. Засмотрелся я что-то.

— Ку-ку! — раздалось за спиной.

Обернулся. Передо мной стоял зеленый слоник и хихикал.

— Привет, слоник! — сказал я, присаживаясь на корточки.

Слоник потерся головой о мою коленку и снова заглянул в глаза.

— Давай поиграем в салочки! — сказал он. — Я совсем настоящий слоник!

— Нет, Витька, не настоящий ты слоник. — Я потрепал сына за ухом. — Во-первых, ты зеленый...

— Это чтоб в траве прятаться!

— Ну, что зеленый, это полбеды. Главная беда в том, что у настоящих слонов задние коленки...

— Что такое беда? — перебил слоник, моргая глазенками.

— Ну... — Я растерялся. — Беда это... Даже не знаю, как тебе объяснить. Ошибка? Да, наверное, ошибка. Так вот, ошибка твоя в том, что у слонов задние ноги сгибаются как у людей — вперед. А не как у лошадок. — Слоник заметно приуныл. — Далее: у слонов другая посадка головы. Помнишь, мы с тобой рисовали сначала скелет, затем мышцы, затем кожу? И форма туловища у слонов куда более сложная, а у тебя похоже на свинку-копилку...

Слоник обиженно хрюкнул, взмахнул хоботом и отвернулся.

— Не обижайся! — Я потрепал его по загривку. — Папа просто хочет, чтобы ты хорошо разбирался в дизайне животных.

— Может, в прятки? — предложил слоник.

Браслет на запястье пискнул.

— Витя, мне уже пора...

Слоник хрюкнул и уткнулся в мои колени. Контуры его таяли — слоник принимал форму конопатого мальчишки. Похожего на меня и на Ольгу. Мальчишка всхлипывал.

— Ну, Витюш, ну что ты? — огорчился я.

— Я не хочу, чтоб ты уходил! — прохныкал Витька, растирая кулачком глаза.

— Виктор! — Я поднял сына и посадил себе на колени. — Ты же большой мальчик, правильно? Ты же знаешь, что я не живу в Нульгороде. Правильно? А поэтому не могу оставаться с вами надолго. Ты знаешь, что у всех живых людей есть живое тело. Оно лежит в реальном мире. Оно не может превращаться в слоников и бабочек. Телу надо есть. Телу надо спать. Телу надо ходить в туалет и на работу.

— Что такое туалет?

— Это не имеет значения. Так вот, мое тело зовет меня домой. Завтра после работы я снова приду. И в выходные буду с тобой и мамой долго-долго. Ну, с перерывами...

— Я хочу... — начал Витька и снова всхлипнул. — Я хочу, чтобы ты жил здесь... Все папы живут здесь!

— Не все. Совсем не все. — Я снял Витьку с коленей и поставил его на траву.

Поднялся.

Браслет на руке снова тревожно пискнул.

— До завтра, Витюша... Пора мне. Слушайся маму, хорошо?

Витька ничего не ответил. И я, не оборачиваясь, зашагал к холму.

Навстречу из-за холма появилась Ольга — как всегда, попрощаться. Она снова чуть поменялась. Кажется, сделала себе бедра меньше. С каждым месяцем ее было все труднее узнать — не такой она была когда-то. Но — стала моложе и беззаботнее. Изменила прическу и фигуру. Честно говоря, мне больше нравилась ее полная талия, большая грудь и щечки с ямочками. Теперь Ольга была худой, груди почти не заметно, а щеки хоть и румяные, но впалые — почему-то

ей так нравилось больше. Так здесь модно. Но улыбка оставалась прежней — Олиной...

— Поссорились? — понимающе спросила она.

— Нет. Поиграли. Витька капризничает, не хочет, чтобы я уходил...

Ольга отвела взгляд.

— Ребенку трудно без отца, — произнесла она сухо и поджала губы. — Мне тоже тебя не хватает, Костя...

— Оля... — Я взял ее за руки. — Ну зачем ты это говоришь? Ты же знаешь, что я с работы первым делом бегу к вам! Всегда так было, даже когда не было этого проклятого Нульгорода...

— Проклятого?

— Божественного! Не важно! Всегда мужья приходили в свои семьи вечером, после работы!

— Да... — беззвучно сказала Ольга. — Почему ты всякий раз делаешь вид, будто забыл про разницу времени? Тебе так легче жить? Я напомню, Костя. Напомню. В Нульгороде время идет быстрее. И здесь мы ждем тебя с твоей работы целых две недели...

Браслет снова предательски пискнул. Ольга услышала и вздрогнула.

— Оля! Ну что ты меня терзаешь? Зачем? Оля, я живой человек, понимаешь? Извини! Да! Я пока живой! Мне и так тяжело! Я очень устаю! У меня тяжелая работа, весь день на ногах! На обычных человеческих ногах! Ты уже забыла, что ноги умеют уставать?

— В Нульгороде нужны дизайнеры... — медленно произнесла Оля, глядя в сторону. — Очень нужны. Ты смог бы работать по специальности. Это у вас там дизайнеры никому уже не нужны, а здесь... Здесь никто так не нужен, как профессиональный дизайнер!

Я взял ее за плечи и обнял.

— Оленька...

— Что, Костя? Что?

— Оленька... Ну как ты можешь? Зачем ты так меня? Я живу — там. Сюда я всегда успею. Верно?

— Костенька... — Ее плечи дернулись. — Ты знаешь, как я за тебя волнуюсь? Ты знаешь, как я боюсь за тебя? Каждый раз, когда ты уходишь, а я... — Она всхлипнула. — Мы ждем тебя с Витькой две недели... Две недели... Думаешь, он не понимает? Думаешь, он не волнуется вместе со мной?

— Да чего вы волнуетесь, глупые люди?!

— Мало ли что? Мало ли, что случится? Мало ли людей умерло вдалеке от терминала, не успев выйти в Нульгород? Кирпич внезапно упадет! Автомобиль собьет на шоссе! Мало ли!

— Да я уже не помню, когда последний раз видел живой автомобиль... — пошутил я и понял, что неудачно.

— У твоего мира нет будущего... — вдруг жестко сказала Ольга.

Непривычно резануло это «твоего мира». Но куда больше резануло другое.

— Что? — опешил я. — Как ты сказала? У моего — нет будущего?! У моего?! Нет будущего?!

— Да. И ты это знаешь сам.

— Оля... — Я взял ладонями ее лицо и повернул так, чтобы смотреть глаза в глаза. — Оля, ты с ума сошла? Если у реального мира нет будущего, то что станет с этим?!

— Что станет?

— Да вы здесь совсем уже с ума все посходили?! Вы совсем уже забыли, кто вы и где?! Кто будет вырабатывать вам энергию? Ремонтировать и создавать вычислительные блоки? Добывать кремний, в конце концов? Кремний для кристаллов всей этой проклятой электроники, когда она начнет под вами сыпаться в реальном мире?! Кто?!

— Роботы будут, — ответила Оля. — Управляемые дистанционно из Нульгорода. Ты отстал от жизни. Это новый проект, у нас только об этом и говорят по Теле.

— Оля! Вы забыли, что такое реальность! Что ты вообще говоришь такое? Ты действительно хочешь, чтобы роботы заменили всех живых людей на планете?

— Жизнь на планете опасна и не приспособлена для человеческого разума. Кто согласится там жить дальше, кроме чурок и упертых, вроде тебя? В реальности должны жить роботы.

— Да ты понимаешь, что ты сейчас говорить? — возмутился я. — Это же смерть! Смерть человека на планете!

— Костя, это — жизнь человека, — уверенно сказала Ольга. — И жизнь эта — здесь. А смерть человека бывает только в вашем мире. Страшная, и навсегда. Здесь смерти нет.

Браслет ожил снова, заверещал и больше не умолкал. Я нажал кнопку и вывалился из Нульгорода.

Попадание в реальность было, как всегда, неприятным. Кружилась голова, стучало в висках и слегка подташнивало. Давил переполненный мочевой пузырь и очень хотелось есть. Всегда меня это удивляло — вроде и тошнит, а есть все равно хочется. Я посидел еще немного с закрытыми глазами, подождал, пока утихнет круговерть в голове, и открыл глаза. Поднял руку, сорвал с головы шлем и положил на терминал, стараясь не перекрутить провода. Огляделся.

Серая неубранная комната в огромной пустой квартире. Нашей квартире. На девятом этаже полупустого каменного дома сталинских времен. Кровать. Терминал. На кухне холодильник. Что еще нужно?

Я встал, держась за стенку, и дошел до туалета. Зашел в ванную — горячей воды не было уже много месяцев, стало ясно, что она больше здесь не появится. Но сегодня и холодная была какой-то липкой и ржавой. Кое-как умывшись, я добрел до кухни. Лампочка тут не горела уже давно, руки не доходили заменить. Зато свет пока горел в холодильнике, если его открыть.

Но, уже взявшись за ручку, я вспомнил, что забыл купить какой-нибудь еды на вечер. Просто забыл. Я потянул ручку — холодильник оказался совершенно пуст. Забыл — и все тут. Черт побери, может, и правду говорят, будто от ежедневного входа-выхода портится мозг и память? Хотя нет, это ж не та

память, купить еды... Память — это воспоминания. Ухудшается ли она — никак не проверишь. Как проверить, все ли детские воспоминания ты сохранил, из тех, что помнились еще вчера? И даже спросить не у кого — кто здесь остался из друзей? Все в Нульгороде. А вот там у них с памятью хорошо. Все хорошо у них с памятью. Они же ничего не забывают, что хотят запомнить — все помнят. Мы для того здесь и работаем, чтобы у них не было недостатка ни в какой памяти...

Я вдруг понял, что сжимаю кулаки от злости. Но не потому, что я злой. Просто на меня всегда так действует голод.

Я посмотрел на часы — через шесть часов вставать на работу. Но есть хотелось дико. Сколько я уже не ел?

Скрипнув зубами, я стал напяливать штаны и куртку. В конце проспекта Юбилея вроде был круглосуточный продуктовый.

Моросил осенний дождь, и где-то тоскливо выла собака. Работающих фонарей на всем проспекте оказалось два. И то один агонизировал — то вспыхивая в полный накал, то срываясь в тусклый синий диапазон. Похоже, он делал это в такт завываниям собаки. Уж не знаю, что там с памятью, но я четко помнил то время, когда проспект Юбилея был живым — по тротуарам текли пешеходные толпы, на мостовых гудели долгие автомобильные пробки... Когда же это было? Всего каких-то лет пять назад. Сейчас в темноте проспект казался в три раза уже. Раньше по обеим сторонам тянулись стеклянные витрины магазинов, которые светили и днем, и ночью. Сейчас витрины скалились клыками битого стекла и хищно разевали черные пасти.

Лишь один магазин по-прежнему светился вдалеке приятным светом и, кажется, работал. По крайней мере оттуда долетала музыка, кажется фолк-рэп. Я сперва решил, что это круглосуточный продуктовый, и сразу что-то перевернулось в животе. Но когда подошел поближе, увидел светящуюся вывеску «Мир яда» и логотип: неоновую змею, обвивающую рюмку...

* * *

Собственно говоря, чего я ожидал здесь увидеть? Больше ничего не светилось на проспекте Юбилея. Давненько я здесь не был ночью. Месяца два. С работы — в гастроном. Домой — и в Нульгород. Из Нульгорода вывалился — поесть и спать, чтоб утром снова на работу. Я еще раз огляделся. Темнота. Уж если на Юбилея теперь ничего по ночам не работает, то что говорить про мелкие улочки?

Я заметил, что все еще задумчиво пялюсь на витрину, где в россыпях мишуры стояла на ребре гигантская бутафорская таблетка, усеянная маленькими лампочками. Таблетка искрилась — по ней ползали огненные змейки. Казалось, будто она может быть съедобна. Музыка вдруг разом смолкла.

— Подсказать что-нибудь? — раздался мягкий голос с неуловимым восточным акцентом.

Я обернулся и увидел продавца. Это был немолодой кавказец с благородным орлиным носом, седой головой и умными живыми глазами. Он стоял в дверях и задумчиво курил сигару.

— Что ищем? — повторил кавказец.

«Жратву!» — хотелось мне ответить, но я понял, что шутка выйдет мерзкой.

— Смотрю просто, — буркнул я себе под нос, собрался повернуться и уйти, но кавказец отступил в сторону и сделал рукой вольготный жест:

— Заходи, дорогой, посмотри все, что хочешь, зачем под дождем мерзнуть?

И я зашел. К сети салонов «Мир яда» я относился с естественной брезгливостью и никогда здесь не бывал. Теперь же убедился, что ничего и не потерял — все было так, как мне и представлялось: прилавок и полки, заставленные разноцветными коробками и флаконами. Я знал, что внутри каждой такой коробки лежит набор книжек, сертификатов, инструкций, подставочек и футляров, но все это нужно лишь для того,

чтобы спрятать в глубине пилюльку, потому что если продавать ее отдельно, будет неясно, за что платить такие деньги. Но пахло здесь не химией, а скорее сеном.

Я оглянулся на продавца — он все так же степенно курил в дверях, показывая, что он здесь со мной, и в то же время мне не мешает. Мы встретились взглядами. Я подумал, что он сейчас спросит меня, как в той идиотской рекламе: «Вы для себя или для тёщи?», и я тут же развернусь и уйду. Или скажет что-нибудь вроде: «Есть свежий цианистый калий, если вы покупаете две дозы, третью мы даем бесплатно». И я тоже уйду. Молча и гордо.

— Не туда смотришь, дорогой, — улыбнулся кавказец. — Там интереснее. Первый раз? Ты во-о-он туда посмотри, сейчас свет включу...

Слева вспыхнул свет, и стало ясно, что «Мир яда» куда больше, чем казалось снаружи. Прилавок громоздился только напротив входа, а в глубине оказался здоровый зал, который больше всего напоминал зоомагазин. Смутно вспоминалось, что когда-то давным-давно здесь, на Юбилея, был большой супермаркет. Это было много лет назад, когда терминалы стояли далеко не в каждой семье, а в вирт ходили лишь поиграть в индейцев и эльфов...

Сейчас в зале повсюду стояли кадки с растениями — от развесистых пальм до крохотных кактусов. Поблескивали ряды аквариумов и террариумов. Под потолком сушились пучки трав.

— Сильно, — похвалил я. — Это для красоты?

— Дары природы, — серьезно кивнул продавец. — Человек со вкусом, кто понимает толк в ядах, он выберет себе что нравится. Ну а кому поскорей да подешевле — тот и пилюлей обойдется... На, смотри, какая красота!

Кавказец вдруг шагнул к ближайшему террариуму, откинул крышку, засунул внутрь по локоть волосатую ручищу и выудил небольшую змейку с красной треугольной головой.

— Посмотри, какой, а? — Он повертел змейку со всех сторон и поцокал языком. — Двенадцать минут! Арлекин!

— А не цапнет? — нахмурился я, глядя, как легко он размахивает змейкой, словно шнурком. — А то мало ли, терминал не включится сразу или еще чего забарахлит, за двенадцать-то минут... И с концами!

— Не-е-е-е, — улыбнулся кавказец, — смотри, где сжимаю головку. На, хочешь подержать?

— Нет, спасибо.

— Не бойся, он не укусит, — снова улыбнулся кавказец. — Он сонный из холодильника. Я тебе расскажу, как надо... Ты его скотчем к коленке приматываешь как следует... скотч я специальный дам, обычный он порвет. Приматываешь в несколько слоев, садишься к терминалу. Он отогреется, проснется... а вылезти не может. Начнет юлить, потом ударит. Очень надежно. Отдам дешевле, чем сам беру. Спасибо скажешь. Марат плохого не посоветует!

— Какой же тебе смысл отдавать дешевле, чем сам брал? — усмехнулся я. — Небось, б/у змейка? Скотч отмотал — и снова на прилавок, да, Марат?

— Слушай, зачем ты такие слова мне говоришь? — обиделся Марат и спрятал красноголовый шнурок в террариум. — Знаешь, каких людей он бил? Замминистра информатики бил, штангиста Горькодуба бил, жену его бил. Актера Ведничего бил! Все в Нульгород переехали как по маслу, никто не приходил, не жаловался!

— А что, другие приходят? — прищурился я.

— Бывает, — степенно кивнул Марат. — Народ всякий попадается. Вот в понедельник пришла женщина, купила боб калаборийский три коробки. Я спрашиваю: тебе все три для взрослых? А она мне как заорет: да уж, я давно не девочка! Ладно, думаю, себе, мужу, отцу берет... Говорю на всякий случай: как пользоваться, знаешь? А она мне: да получше твоего знаю, учитель нашелся! Повернулась и ушла. Ну, думаю, знает, а если что — инструкция в коробке на русском... Я ж

понимаю, нервничает человек, дело серьезное, все нервничают, кричат, хамят...

— И чего? — заинтересовался я.

— Чего... — Марат усмехнулся. — Прибежала сегодня с утра, орала. В суд пойду, в суд пойду... Она все три коробки одна съела, думала, для верности. А теперь в суд. А это калаборийский боб! Его самого для суда использовали в Африке.

— Как это? — удивился я.

— А очень просто. Всех подозреваемых накормят дозой, по разным хижинам разведут и еще дозу каждому принесут, чтоб съел один. У кого совесть чистая — тот съест честно, как шаман приказал. А кто виноват, тот духов забоится и потихоньку выбросит.

— А смысл?

— А смысл, что от нормальной дозы смерть, а от большой — рвота и понос, и все вышло наружу. Вот она теперь денег с меня хочет — за кресло загаженное, за терминал заблеванный... В суд она пойдет. — Марат усмехнулся. — Уже и судов-то не осталось, все судьи в Нульгороде.

— Да, — сказал я, задумчиво разглядывая аквариум, где большая рыбина пучила тупые глаза и вытягивала здоровенные губищи словно для поцелуя. — А почему она этот боб выбрала?

— А кто ее знает, дуру... — Марат взмахнул рукой. — Слышала где-нибудь или подруга посоветовала. А так — яд как яд, ничего интересного. — Марат вдруг указал на аквариум с рыбиной. — И на рыбу-собаку тоже не смотри, не советую.

— Почему?

— Это фугу японская, дорогая, бестолковая — может ударить, а может и нет, это как повезет. Ее берут выпендриться перед друзьями... Если брать — надо брать надежную вещь.

— Цианистый калий? — спросил я.

Марат театрально всплеснул руками, словно призывал небеса в свидетели.

— Дорогой, как тебя по имени звать?

— Константин. Можно Костя.

— Послушай, Костя, ты умный человек, да?

— Ну, да... — пробормотал я.

— Сам головой подумай: цианистый калий быстрый яд, да? За терминал сесть не успеешь! Вообще не успеешь, понял? Никто им никогда не пользуется! А то ко мне приходят, книг старых начитались — цианистый калий, мышьяк, стрихнин просят...

— А стрихнин — тоже плохо?

— Костя, дорогой! Какой же это яд, стрихнин? Это чтоб мышцы подергались, допинг для спортсменов! Ты съешь смертельную дозу и судорогами терминал разобьешь раньше, чем эмигрируешь...

— А, это... — Я напряг память, вспоминая, какие яды знал. — А если снотворного много?

— Не полезно для головы, — поморщился Марат. — После такого ухода могут в Нульгороде проблемы быть.

— Ясно. А чем обычно пользуются?

— Это по-разному, — задумался Марат. — По сезону, по моде... То идут «Квик» американский покупать. — Марат ловко снял с полки ядовито-синюю коробку и протянул мне. — А прошлым летом все «Чашу Сократа» просили.

— А что лучше? — Я машинально повертел в руках коробку и положил на прилавок.

— «Квик» — простой, без вкуса, и противоядие у него в комплекте — ну, если не заладилось или раздумал. Покупатель часто требует противоядие, только зачем? Никто им не пользуется. Короче, для женщин — самое то. А «Чаша Сократа», — Марат словно из воздуха вынул пузырек с темной жидкостью, — это для мужчины. Модно, надежно. Дешево, потому что Россия производит... Видишь? — Он потряс пузырек и поднял его на просвет. — С мякотью! Все как положено. Этого лета урожай. Хотя, если деньги есть, лучше взять что-нибудь понадежнее.

— А «Чаша» ненадежно?

— Надежно, конечно... — Марат изогнул бровь. — Но поработаешь с мое — станешь пессимистом. Приходили люди, жаловались. Была у нас партия бракованная — лето холодное, не настоялась, не набрала цикута...

— На завод вернули?

— Не... — Марат нахмурился. — Хозяин положил в уценку и по два флакона продавал. Придумал для студентов акцию «приведи товарища — получи два по цене одного». А что надо оба и выпить — это уже мне им объяснять приходилось, когда уже купят. Хозяину плевать, он сам давно в Нульгороде живет, а у меня ж совесть есть, как людям в глаза смотреть? Но ничего, брали...

— А хозяин предпочел? — заинтересовался я.

— Он не ядом, ему в Швейцарии сердце ультразвуком останавливали. Только это между нами, — спохватился Марат и снова взмахнул пузырьком. — Или вот тоже бывает — месяц назад пришел дед один: вкус, говорит, противный у цикуты, он ее в горячий чай вылил... А цикута температуру не держит... Пришлось дать ему новый флакон, больше не приходил.

— А что тогда за радость в цикуте, если еще и вкус противный? — удивился я.

— А что за радость, если без вкуса? — изогнул бровь Марат. — Тогда зачем яд? Иди в центр эмиграции под токоразрядник...

— Вот у меня жена с сыном под токоразрядником ушли... — вспомнил я.

— Что ж так по-бедному? — удивился Марат.

— А какая разница, в конце концов? — разозлился я. — Спешили. Сын болел. Рак легких. Надо было быстрее...

— Сейчас-то как? — участливо спросил Марат.

— Да сейчас-то отлично. Витька скачет, в школу вот пошел недавно. Жена курсы окончила, дизайнером теперь рабо тает... Хотя там им и работать особенно не надо, сам знаешь.

Марат покрутил в руках пузырек, помолчал, а затем продолжил как ни в чем не бывало:

— Цикута — вкус жесткий, зато будет чего вспомнить. Это не химия, это природный продукт, экологически чистый.

— Ну уж! — Я фыркнул. — Нашел, чем хвалиться. Тут наоборот: химия для яда — самое то.

— Э, Костя, дорогой! — заулыбался Марат. — Послушай и запомни, что скажу: химия природу никогда не догонит по ядам! В природе миллион ядов! Куда ни выйдешь на природу — поле, лес, горы, море — оглянулся кругом — везде своя травка, гриб, лягушка ядовитая — выбирай! А по силе? Ты себе там целый завод построил, колбы, печи, центрифуги, химикат туда, химикат сюда, вари-мешай... А тут вот такой. — Марат сложил у меня перед носом шепотку из пальцев. — Вот такой микроб в консервной банке от духоты обкакался, и на тебе — бутулотоксин, самый сильный яд в мире!

— А у тебя есть бутулотоксин?

— Не... — Марат поморщился. — Трактор тоже сильный, а человеку в автомобиле удобно ехать. Бутулотоксин плохой, долгий... У меня нету. Под заказ могу достать. Но только если от десяти штук будешь брать, а то он дешевый, смысла нет живого человека беспокоить на базе.

— Да я вообще не собираюсь ничего брать... — вдруг опомнился я.

И сразу мне стало неудобно, что Марат на меня потратил столько времени, а я у него ничего не куплю. Но Марат отнесся спокойно:

— Конечно, дорогой! Подумай, походи, я тебе каталог дам, полистаешь дома... Важная покупка, один раз за всю жизнь делаешь!

— Ясно, — сказал я. — Но пока не собираюсь. Нет в планах. Не хочу!!!

— Главное, — Марат поднял палец, — не покупай яд где попало, впарят китайскую подделку, только деньги потеряешь... Они и толченое стекло, и метиловый спирт, все что

хочешь намешают, и немецкую этикетку налепят — не отличишь.

— Слушай, а вот ты сам такой умный, чего ты-то не в Нульгороде? — вдруг разозлился я.

— Еще месяца два поработаю, — серьезно сказал Марат. — Дела закрою, денег заработаю. Туда всегда успеется.

— А сам-то как будешь? — полюбопытствовал я.

Марат помолчал, словно раздумывал, доверять ли мне свою тайну.

— Кофе с толченым изумрудом. Вкус — ммм! В древности султанов и падишахов так били...

— Ладно, Марат, удачи. Мне пора.

Я подумал, что все-таки восточная психология для меня всегда останется загадкой. Сделал еще один шаг к двери, но неожиданно для самого себя обернулся:

— Послушай, а у тебя нет ничего поесть? Просто поесть? А? Еды забыл купить, а ни одного магазина...

Марат задумался.

— Так-то у меня здесь ничего нет... — произнес он слегка виновато. — Дома ем. Но... знаешь что? — Он вдруг снял с полки одну из самых больших коробок. — Вот такая штука есть: «Прощальный ужин». Там бутылка вина, ананас консервированный и всякие деликатесы. Вино — так себе, кислятина. Китай делает, не Кавказ, что ты от них хочешь. А остальное можно есть.

— Так оно же отравленное?! — обиделся я.

— Пилюли сами не глотай, брат, кто ж тебя заставляет? Пилюли выкинь, а остальное — нормальное. Я ел, жив, как видишь...

— Сколько стоит? — спросил я.

Черное ночное небо поплевывало холодным дождем, и я весь продрог, пока дошел до дома, прижимая коробку к груди. На двери подъезда висел свежий бумажный лист. Давно я не видел здесь объявлений А уж с хорошими новостями очень давно.

«Уважаемые жильцы! По техническим причинам после 20 октября в Северный район города прекращается подача электроэнергии. Убедительная просьба заблаговременно переселиться в свободные квартиры центрального округа города. Администрация Северного округа».

Я громко выругался, но, похоже, меня здесь никто уже не мог услышать. Ни одно окно не светилось — ни в моем доме, ни в соседних. 20 октября наступало послезавтра. А если глянуть на часы, то, считай, уже завтра.

Переезжать... Господи. Допустим, взять только самое необходимое. Одежду. Холодильник я там найду где-нибудь. Что еще? Перевезти терминал. Где-то надо брать машину. Где? Подыскивать новую квартиру. Это не трудно, но надо походить по домам, потолкать двери, повыбирать. Когда это я все успею до завтра?

Вынув мобильник, я набрал номер. Долго никто не подходил, затем трубку взяли.

— Николай Борисович? — сказал я. — Это Костя. Я завтра на работу не смогу выйти. У меня дом от электричества отключают, переезжать надо срочно.

В трубке помолчали.

— Костя, без тебя никак завтра. Рейд закрыть некому, сам знаешь, какое время сейчас, никого не осталось. А у нас по нижнему сектору нарушения сегментации идут. Ты вот чего... Переночуй в дежурке. Завтра пятница. А в выходные переедешь.

— Отпадает. — Я покачал головой, хотя мой собеседник, конечно, не мог этого видеть. — В дежурке терминала нет.

— Зачем тебе терминал ночью?

— Николай Борисович, у меня жена, сын...

— Ну, подождут денек! Каждый день туда-обратно вредно ходить, мозги сотрешь себе.

— Это у нас — денек! А у них наш денек — две недели! Значит, они меня месяц не увидят?

— Костя, не могу отпустить, — сухо произнес Николай Борисович. — Кто в смену выйдет? А ведь сегментация завалится — ищи потом свою жену и сына... Ты бы хоть раньше предупредил, хоть бы с Шухиным договорился, чтоб он подменил. Кто в смену пойдет?

— Николай Борисович! — заорал я. — Они меня ждут по две недели! Если я завтра не приду, и все выходные буду переезжать, то у них — два месяца пройдет!

— Что ж ты на меня орешь, Костя?! — сухо пробасил Николай Борисович. — Хочешь, вообще прекратим дежурства? Хочешь? А если полетит целый сегмент вычислителя, а с ним полетит твоя жена и ребенок — то и ладно, да? Кто виноват будет?

— Не полетит, — сказал я. — Они дублируются троекратно. И в Штатах резерв. А вы роботов пустите в смену! Хватит уже людей гонять!

— Каких роботов, Костя? — устало произнес Николай Борисович. — О чем ты?

— Проект новый! — рявкнул я. — В Нульгороде сейчас все только об этом и говорят! И по Теле показывают!

— Вы там совсем с ума сошли в своем Нульгороде? — безнадежно вздохнул Николай Борисович. — Какой проект? Какие роботы, Костя? Возьми себя в руки. Мне казалось, мы с тобой всегда ладили. Мне казалось, ты получаешь очень неплохую зарплату. Мало кто на земле получает такую.

— Да это не сложно, на земле вообще мало кто! — отрезал я и вдруг окончательно взорвался: — Плевать я хотел на вашу зарплату! А если я воспользуюсь своим конституционным правом на эмиграцию в Нульгород? Что вы будете делать? А?! Вот помру — и все! Не остановите!

— Костя, милый мой, а кто тогда вообще останется... — начал Николай Борисович, но я нажал отбой, а затем выключил телефон, чтобы он не смог перезвонить.

Когда я дико голоден, у меня нервы совсем ни к черту. Я знаю это, но ничего поделать не могу. Толкнул дверь и вошел

в подъезд. Пахло здесь омерзительно — похоже, опять кто-то недавно эмигрировал, не потрудившись даже из Нульгорода сообщить санитарной бригаде.

Еды в наборе оказалось мало. Жестянка маринованных устриц. Банка с ананасовыми шайбами. Фигурные сухари, призванные заменить свежий хлеб, сколько бы ни провалялась коробка на складах. Еще какая-то пищевая ерунда, которую я распаковал и проглотил раньше, чем успел рассмотреть. Уж не знаю, о чем думали создатели «Прощального ужина», но ничего особенного в нем не было. Ни прощания, ни ужина. Может, потому, что я умял его один всухомятку, а предполагалось — романтически, на двоих?

Запить было нечем. Вода в кране шла теперь совсем тоненькой струйкой и была откровенно ржавой — с бурыми крошками.

Пришлось открыть вино. Сто лет уже не пил вина. В шкафу дальней комнаты нашел бокалы. На каждом оказался толстенный слой пыли. Я поразмышлял, что будет чище — сдуть пыль и протереть рукавом или сходить вымыть в ржавой воде. Победила лень.

Встав с бокалом у окна, я долго смотрел на город. Город казался сегодня абсолютно вымершим — лишь вдалеке светились прожектора вокруг здания Университета. Там стояли вычислители Нульгорода, там тянулись ночные дежурства техников. Где-то там работал официальный центр эмиграции — терминал и шлем с токоразрядником. И дежурная медсестра. Круглосуточно. Конституционное право. Господи, неужели даже сейчас еще кому-то выгодно, чтоб люди уходили в Нульгород? Кому же? Кому, Господи? Или об этом уже просто никто не думает? А может, просто каким-то высшим силам понадобилась наша планета, и они устроили все тихо и бескровно, чтобы люди по своей воле переселились в вирт, а планета очистилась?

* * *

Вино кончилось быстро. Я распахнул окно и сел на подоконник, свесив ноги. Моросил все тот же дождь, где-то выла собака. Наверное все та же. Ну, люди-то понятно, а вот куда делись собаки? Вороны? Они-то не могли эмигрировать в Нульгород? Наверное просто ушли.

Ветер глухо выл в пустых комнатах. Похоже, было зябко, но лично я сейчас холода не чувствовал. Спать отчего-то тоже совсем не хотелось. Я оглядел комнату — нашу бывшую гостиную. И стал вспоминать, как мы жили здесь с Олей, Витькой и родителями. Как ходили играть в вирт. Как затем в Университе построили хороший пропускной канал и связали местный вирт с мировым Нульгородом. Нам это нравилось. Мы уходили туда при каждом удобном случае — на концерты звезд, на праздники, просто поиграть, отдохнуть. Тогда еще никто не собирался туда всерьез переселяться, кроме умирающих. Шли просто играть. Витька был маленький, подолгу оставался один, без нас. Может, поэтому он в конце концов и заболел?

Вспомнилось, как сначала проводили в Нульгород престарелых родителей. А когда врачи поставили Витьке диагноз, и Оля твердо сказала, что...

— Стоп! — одернул я себя и свои мысли. — Хватит! Стоп!

Этого показалось мало. Захотелось что-нибудь пнуть или ударить. Срочно.

Я вскочил с подоконника, подошел к столу и ударил по столешнице кулаком изо всех сил. Ударил, но боли не почувствовал.

Подпрыгнули пустые консервные банки и обертки.

Покатилась и упала на пол пустая бутылка.

Из развороченной коробки вылетела маленькая коробочка, обитая дешевым китайским бархатом, подпрыгнула и раскрылась.

Выкатились две пилюли.

Одна сразу упала куда-то на пол, а другая осталась на столешнице, матово поблескивая.

* * *

Обратно в реальность проваливаешься из любого места. А в Нульгород попадаешь всегда через ворота трансфера на центральной улице. И никогда точно не знаешь, в каком квартале окажешься. Само собой, в русском. Но в каком?

В Нульгороде был яркий день, по улицам гуляли нарядные толпы. Я знал, что мгновенно переноситься в пространстве смогу лишь потом, а пока взял флаер. И вскоре был уже в нашем коттедже. Витька бегал в саду — издалека доносился его топот в листве и радостный визг. А Оля смотрела Теле.

— Привет! — сказал я.

Она резко обернулась и вздрогнула.

— Костя? Ты? Что-то случилось?

— Все в порядке... — улыбнулся я и поглядел на часы. — Знаешь, Оль... Я... Я пришел, чтобы остаться!

Сперва она не поверила. А затем бросилась ко мне на шею и заплакала от счастья...

Следующие несколько часов мы просто занимались любовью — так, как не занимались уже давно. Наконец затрещал браслет. И мы вместе наблюдали, как загораются на нем огоньки опасности, как мелькают на экранчике цифры падающего пульса и давления... Наконец все закончилось. И ненужный больше браслет растаял в воздухе. Я стал полноправным гражданином Нульгорда — мог перемещаться в любую точку любой его страны, менять свою форму, качать информацию в сознание напрямую из общественных библиотек и многое-многое другое...

Взявшись за руки, мы вышли из коттеджа в сад. Витька играл с мальчишками. Я знал их — Толик и Петерс, дети наших соседей Кристофа и Жанны. Хотя узнать их в таком виде было нелегко. Посреди сада мальчишки выдумали себе зловещего вида замок — он показался мне чем-то неуловимо знакомым по архитектуре. Сами они зачем-то превратились в пятнистых дракончиков и теперь обстреливали замок из ро-

гаток. Интересно, откуда у детей Нульгорода дизайн рогатки? Ведь они могли выдумать себе любое, самое фантастическое оружие. Но они почему-то увлеченно стреляли именно из рогаток. Таких же, какие делал когда-то я сам, какие делал мой отец и дед. Такие же делали все наши человеческие предки на протяжении многих тысяч, а может, и миллионов лет, привязав звериную жилу к упругой рогатине. Для Витьки это были биологические предки. А вот для Толика и Петерса — лишь интеллектуальные, поскольку зачаты и рождены Толик с Петерсом уже в Нульгороде...

Камушки-снаряды, попадая в стены замка, ярко вспыхивали и оставляли большие черные дыры. И я вдруг понял, на что похож этот замок — на здание Университета. Тут явно был дизайн Витьки, ведь лишь он когда-то был в реальности и видел Университет. Хотя вряд ли знал в то время, что это такое...

Мне вдруг представилось, что какой-нибудь другой Витька — грязный, оборванный, голодный и дикий — беспризорничающий в реальности, в пустом городе на развалинах былой цивилизации, когда-нибудь станет точно так же стрелять из своей рогатки по неохраняемому более никем Университету. По Университету, по блокам вычислителя, по автоматическим электростанциям, кабелям связи... Стрелять из рогатки, резвясь и не понимая, что делает. И не зная ничего о Нульгороде. Но я отогнал от себя эту мысль и крепче сжал ладонь Ольги.

И Ольга радостно сжала мою в ответ.

— Господи, какое счастье! — шепнула она. — До сих пор не верится, что ты переехал к нам навечно!

— Да... — прошептал я и запрокинул голову.

Ведь если долго-долго смотреть на солнце в небе Нульгорода, то на его диске появится улыбка. Добрая-добрая. Теплая-теплая. Она скажет тебе: все в порядке, друг! Теперь ты дома, теперь все будет хорошо. Здесь так сделано специально. Такой дизайн.

октябрь 2005

Владимир Пирожников

КАИНОВ КОМПЛЕКС

И сказал Каин господу: наказание мое больше, нежели снести можно.

Бытие, 4, 13

1

Д-р Волин, д-р Зимменталь, д-р Мертон и другие специалисты, занятые в экспериментальной космической программе ЭРГАС, попросили меня принять участие в интересном, но весьма печальном деле — расследовании причин гибели пилота-испытателя Степана Корнева (он же — Стет Корн и Стив Корне на рабочем языке этого международного проекта). В ответ на мой недоуменный вопрос, зачем тут понадобился я, писатель, человек по определению далекий от каких-либо научных и технических проблем, мне сказали, что дилетантизм как раз и является тем ценным качеством, ради которого меня пригласили. Поскольку работа следственной комиссии столкнулась со значительными трудностями, нужен был свежий человек со стороны, который мог бы взглянуть на дело с совсем другой точки зрения. Кроме того, оказалось, что незадолго до смерти Корнев занес в память пер-

© В. Пирожников, 2006.

сонального компьютера фрагменты моей книги «Causa sui» («Причина самого себя») — куски лирико-философской эссеистики, пометки к которым позволяли сделать предположение об известном сходстве мироощущения между мной и Корневым. Это и навело ученых на мысль пригласить меня в качестве консультанта.

Мне были предложены энграммы — эмоциональные и интеллектуальные переживания, психические образы, которые возникали в сознании Корнева и записывались компьютером на мнемокристаллы в ходе его последнего полета. Эти кристаллы, представляющие собой в совокупности банк данных типа «черного ящика», удалось отыскать на месте катастрофы. Информация с кристаллов считывалась и расшифровывалась при помощи энграмматора — устройства, о существовании которого я даже не подозревал. Трудно поверить, однако энграмматор позволяет не только снимать с материальных носителей запись глубинных психических процессов, происходивших во внутреннем мире личности, но и проецировать их в сознание другого человека так, что возникает иллюзия полного слияния одного индивида с другим, своего рода вариант «переселения душ». И вообще, как оказалось, за тем рубежом, к которому сегодня подвела людей тончайшая компьютерная техника, открывается целый мир, огромное неизведанное пространство, которое точнее всего определить словом *психокосм,* — ибо в нем физический космос и сфера человеческой души становятся равновеликими и взаимосвязанными сторонами какого-то нового особого континуума. Я, видимо, стал одним из первых представителей гуманитарной области, который проник в этот психокосм, увидел и прочувствовал его.

Надо ли говорить, что впечатления мои были ошеломляющими? Когда я при помощи энграмматора погрузился во внутренний мир Стета Корнева, совершающего свой последний полет, я был потрясен необычностью его переживаний, их противоречивостью и трагизмом. Ощущение кризиса, же-

сточайшей душевной сумятицы усиливалось еще и тем, что кристаллы с энграммами, разбросанные взрывом по огромной площади в пустыне Мохаве, оказались перемешанными совершенно хаотично, часть их просто испарилась без следа, и запись душевной жизни Стета разрывали многочисленные провалы. Заполнить их и логически выстроить сохранившиеся куски в единый сюжет мог лишь человек с развитой интуицией, близкий Корневу по духу. Члены следственной комиссии надеялись, что я, пожалуй, как раз такой человек и способен, вероятно, внести ясность в некоторые существенные детали.

Сегодня, после продолжительной работы с энграммами, я вижу, что главной «деталью», которой было озабочено следствие, являлось подозрение о самоубийстве Стета. Мне чрезвычайно горько об этом говорить, но я признаю, что такое предположение имеет веские основания. И заключаются они в глубоко личных, интимных переживаниях, которые выпали на долю Корнева задолго до того, как он включился в эксперимент. Если это — тот вывод, который ждали от меня, то руководители программы могут быть удовлетворены: причины гибели пилота заключаются не в каких-либо технических просчетах, а в нем самом. Ну а поскольку никто не обязан отвечать за подсознательные устремления и тайные комплексы другого человека, то и моральную ответственность за смерть его никто нести не должен. Об этом я написал в своей пояснительной записке, которая наряду с мнениями других экспертов приложена к заключению комиссии.

Итак, все, казалось бы, закончилось. Однако я ощущаю настоятельную потребность взглянуть на происшедшее более широко. Я чувствую, что трагический конец Стета Корнева таит в себе какой-то особый, более глубокий, даже, если хотите, философский смысл, который мы обязаны уяснить. Вот почему, не будучи связанным никакими обязательствами перед руководителями эксперимента, я счел возможным высказаться о деле Стета публично, причем в иной, более сво-

бодной форме. То, что вы держите перед собой, конечно, уже не «пояснительная записка». Но это и не художественное произведение, написанное, что называется, «по мотивам», поскольку в нем нет ни капли вымысла. Это — совершенно точный документальный отчет. Просто литературный прием «потока сознания», на мой взгляд, лучше всего подходит для описания живых процессов человеческого психокосма.

А теперь — о деле. Степан Корнев участвовал в испытаниях космической техники нового поколения — так называемой эргатической автономной системы (ЭРГАС). Такая система включает в себя пилота и космический корабль, которым управляет компьютер. Может показаться, что в подобном сочетании нет ничего особенного. Поэтому, чтобы читатель почувствовал всю необычность эксперимента, попробую описать, как это выглядит. Представьте: в глубине корпуса корабля, в тесном полутемном отсеке, среди каких-то диковинных механизмов, приборов, кабелей и проводов, в самом средоточии невидимых силовых полей закручен большой толстый змеевик — электромагнитный индуктор, витки которого окружают полупрозрачный яйцевидный пузырь, наполненный густой, слабо мерцающей ферромагнитной жидкостью. В эту жидкость с головой погружен человек — странный живой головастик, похожий на огромного уродливого эмбриона. Тело его покрыто кроваво-красной изолирующей пленкой, а голова заключена в непропорционально крупный шишковатый шлем без единого отверстия. Пучки проводов, розовых и синих гофрированных трубок соединяют шлем со стенкой пузыря, и это еще более усиливает сходство человека с зародышем какого-то неведомого существа, созревающего в полужидком яйце, лишенном скорлупы.

Если присмотреться, в полумраке можно рассмотреть, что в «яйцо» (это квазибиотический стереотактор) погружены длинные тонкие иглы — инжекторы магнитного поля, создаваемого катушкой-змеевиком. Под воздействием направленных полей, возникающих вокруг игл, феррожидкость — это

коллоидный раствор, суспензия железа или кобальта в толуоле — меняет свою плотность. Вокруг одних полюсов она течет, растягивая оболочку, возле других загустевает, как желе, вблизи третьих отвердевает, как напряженный мускул. Изменения конфигурации, плотности, температуры этой универсальной искусственной среды и скорости ее перехода из одного фазового состояния в другое позволяют компьютеру, управляющему кораблем, вызывать у человека любые телесно-тактильные ощущения — от свободного парения в холодной пустоте до тяжелого плавания в волнах прибоя и полной неподвижности под грудой раскаленных камней. В подобной форме пилоту передаются все основные реакции корабля при взаимодействии его с пространством; все, что раньше изображалось цифрами и колебаниями стрелок на приборной доске, преобразуется в человеческие чувства. Даже решения компьютера, выполняющего навигационные и технические расчеты, возникают в мозгу пилота как его собственные решения, озарения и догадки, как волевые импульсы его собственной души.

Понятно, что при таком тесном слиянии с кораблем пилот уже не ощущает себя отдельной частью; в его сознании происходит отождествление своего тела с телом корабля, он видит и чувствует то же, что и корабль. Яхтсменам, планеристам, любителям виндсерфинга, дельтаплана и другим спортсменам, преодолевающим водную или воздушную среду с помощью устройства, управляемого только мускульной силой рук, ног, наклонами корпуса, знакомо подобное ощущение, когда кажется, что судно или летательный аппарат становится как бы продолжением тела, послушно откликающимся на малейшие движения, а его упрямая дрожь, броски в сторону, виражи и петли воспринимаются как выражение нрава некоего живого существа.

Насколько я могу судить, такое же чувство возникало и у Стета. Когда он, слившись с кораблем, стартовал с околоземной орбиты, ему казалось, что он ныряет в плотную прозрачную среду, нечто вроде горячего жидкого стекла, и плывет в

ней, стремясь скорее достичь разреженного, менее густого пространства. Тягучей обволакивающей средой было земное притяжение — так он воспринимал его вместе с кораблем, и чем дальше он уходил от Земли, тем слабее становились эти путы, тем явственнее нарастало ощущение легкости, плавание переходило в парение, полет, и в головокружительной бездне, пронизанной горячим солнечным ветром, перед Стетом разворачивалась и величественно колыхалась безмолвная цветовая симфония электромагнитного спектра, похожая на северное сияние, заполняющее всю видимую вселенную. В этом сиянии обычный оптический диапазон был лишь узкой тусклой щелью, не идущей ни в какое сравнение с тем, что открывалось благодаря чутким приборам корабля. Стету, конечно, и раньше приходилось видеть мир в инфракрасных или ультрафиолетовых лучах, но это была жалкая обесцвеченная схема; а тут, когда корабельные антенны становились его глазами, он видел все так, «как оно было на самом деле». Космос из черно-белого становился цветным: на фоне знакомых созвездий слабым мерцающим заревом струилось реликтовое излучение галактики, поверх него медленно набегали багровые тона теплового излучения солнца и планет, синим пламенем бушевали всплески радиоволн и яркими фиолетовыми молниями вспыхивали потоки рентгеновских квантов.

В начальной стадии испытаний Стет, кроме зрения, владел только осязанием. Но и этого было достаточно, чтобы пустота для него перестала существовать. Всюду в космосе он чувствовал присутствие материи: в кожу миллиардами раскаленных песчинок вонзались потоки корпускул, испускаемые солнечной короной, голову, плечи и грудь непрерывно бомбардировал дождь из отдельных блуждающих в пространстве молекул, а временами, словно на сухой проселочной дороге, его окутывало облако пыли, и тогда из мельчайших пор в обшивке корабля выделялась, подобно каплям пота, защитная полимерная эмульсия, которая обволакивала корпус влаж-

но блестящей пленкой, застывала, высыхала и в конце концов, съедаемая космической эрозией, отшелушивалась, как старый кожный эпителий...

Но самым ярким и чувственно-острым было погружение в атмосферу Земли. Именно тут, при встрече с Землей, Стетом овладевал комплекс ощущений и ассоциаций, оказавшийся потом роковым. Подобно молодому космическому богу. Стет налетал из холодных глубин — дерзкий огнедышащий демон в металлической чешуе, и, влекомый неведомой силой, падал ниц у ног своей невесты, убранной в белые одежды облаков. Одежды эти местами таяли, местами развевались, обнажая наготу возлюбленной, и солнце блистало на ее заснеженных плечах и во влажных зрачках океанов. Стет испускал мощный радиоимпульс, своего рода беззвучный ликующий вопль, от которого содрогались небеса; крик этот молнией падал вниз и, отразившись от тела подруги, тут же возвращался назад, чтобы сладостно растаять в антеннах радаров подобно поцелую, хранящему вкус и запах плоти, обласканной солнцем, водой и благоуханием цветов. Свет и тьма, ночь и день, заря юного утра и задумчивый багрец печального вечера, белозубая улыбка полярных снегов и серая вуаль печали вдоль линии терминатора — все это воспринималось Стетом как игра выражений любимого лица. И еще его волновали неровности: любые взгорья, припухлости, впадинки и холмы, хоть чем-то отличающиеся от нулевой отметки рельефа, с любовной тщательностью фиксировались им и вдохновенно исследовались в дотошном, радостно возбужденном сознании. Так небесный жених, сладко запутавшийся в белом газе брачных одежд невесты, в восторге осязает милые мелочи ее тела — рифтовую борозду позвоночника вдоль гибкой спины, вулканический конус груди, упруго сотрясаемый ударами бьющегося в глубине сердца, гладкие плоскогорья щек и влажно-пряную сельву подмышек...

Кто мог знать, что абсолютно мертвые, бесплотные, бесцветные и безвкусные импульсы, пробегающие по электрон-

ным цепям корабля, будучи преобразованными в живые чувства, возбудят столь яркие ассоциации, тронут столь отзывчивые струны человеческой души? И кто мог знать, что не утонченнейшая техника, над которой работали специалисты, а обыкновенное человеческое сердце, его потаенные уголки станут препятствием на пути эксперимента, столь же талантливого, сколь и святотатственного? В ходе предпринятой программы техника в принципе позволяла совершенствовать себя бесконечно; человек же оказался неспособным к таким беспредельным изменениям. Выяснилось, что для целей эксперимента он был менее подходящим материалом, ибо в нем имелось слишком много «лишнего». Нет, не технические трудности заставили прервать опыты с эргатическими кораблями, а слишком прочные человеческие свойства — исповедуемые людьми эстетика и мораль.

2

Стет лежал на освещенной стороне спутника, закрыв глаза, лежал ничком, вытянувшись, впитывая кожей солнечный ветер, потоки корпускул, которые слегка пощипывали тело, словно морская вода, высыхая, стягивала эпидерму кристалликами соли, и это указывало на то, что Стет был жив, уже существовал, хотя и не чувствовал всего тела, не ощущал отдельно рук, ног, пальцев, век, не знал, есть ли у него рот, губы, плечи и спина, тело его еще только формировалось, еще только обретало себя, мускулы медленно сокращались и натягивались, сердце начинало первый ритмический цикл, в нем уже пробудились клапаны магнитных помп, накачивавших жидкий висмут в систему теплоносителя, зарево излучения постепенно разгоралось, согревая изнутри стеллараторы и камеры с жидкофазным горючим, просыпался мозг, взбадривались тончайшие паутинки серебряных нейронов и синапсов, и неторопливо пульсировал, твердел и вновь размягчался раствор никелистого железа в толуоле — смесь, в кото-

рую он будет погружен еще несколько часов, пока не встретится с Литой, а пока Стет оживал, приходил в себя — или, наоборот, выходил из своего прежнего облика, чтобы когда-нибудь вернуться, — словом, он перетекал, трансформировался под воздействием неощутимых внешних сил из одной ипостаси в другую, но при этом понимал, что в любом случае свидание с Литой неотвратимо — то свидание, которого он ждал и вместе с тем страшился, ибо оно было неким рубежом, чертой, за нею начиналось неведомое, а он не мог и не хотел войти в соприкосновение с этим неведомым до той поры, пока, наконец, не будет полной уверенности в благополучном исходе, впрочем, сейчас эти опасения становились бессмысленными, ведь он о них никому не говорил, а программа между тем планомерно осуществлялась, готовился очередной эксперимент: старт с геостационарной орбиты, несколько витков вокруг Земли и посадка в пустыне Мохаве, ЭРГАС-5 — так это все официально именовалось, и изменить уже ничего было нельзя, потому что час назад в соответствии с планом Брокман и Климов молча ввели Стета в установленный на стартовой позиции экзоскелетон и оставили одного, а потом вернулись и двинулись дальше, это был странный путь, они не вошли, а скорее вползли, втиснулись в узкий лаз центрального перцептрона как воры, как чужаки, прячущиеся от хозяев, плыли в невесомости, натыкаясь на трубопроводы, стукаясь головами о низкие потолки и стенки, которые то оказывались суженными, словно глотка левиафана, то округло и гостеприимно раздвигались в стороны, будто делали приглашающий жест в глубь этого странного корабля, где, казалось, не было ничего человеческого, никакой привычной планировки, корабль словно бы строили не люди, а жители Сириуса, Стет никак не мог привыкнуть к его нутру, хотя провел здесь немало времени и хорошо знал, что экзоскелетон нельзя считать кораблем, это не транспортное средство и не орбитальная станция, то есть не космический челнок и не космическое жилье, а, скорее, «космическая

одежда», ибо экзоскелетон в сущности — просто огромный скафандр, оснащенный двигателями и способный к полету в атмосфере и вакууме, это совершенно особая аэрокосмическая машина, эргатический робот, который взаимодействует с пилотом в супервизорном режиме и только внешне напоминает некий околоземный корабль малого тоннажа, впрочем, и это сходство по мере работы конструкторов становится все более отдаленным, последняя модель эргатического экзоскелетона, ЭРГАС-5, на котором Стету предстояло лететь, если еще и казался кораблем, то каким-то необычным, неземным, он был не только странно мал даже для полетов по геоцентрическим орбитам, но и явно неудобен для передвижения и работы внутри него, поскольку не имел ни привычного деления на отсеки, ни стройно-симметричной упорядоченной компоновки, которая так радует глаз своей специфической красотой, казалось, хозяева корабля не имеют никакого понятия об эргономике интерьера и озабочены только функциональностью, это ощущалось и снаружи, где во всем, начиная от носового конуса, обеспечивающего ламинарное обтекание при полете в атмосфере, до кормовых дюз и закрылков, изменяющих вектор тяги, угадывался некий недоступный человеческому пониманию замысел, и единственной земной аналогией тут мог быть, пожалуй, только птеродактиль — древний летающий ящер с зубастой головой, короткой шеей и сильными треугольными крыльями, похожими на ласты, этот полузверь-полуптица непостижимым образом распластался теперь на стартовой площадке спутника и как бы дремал, а в его голове, в самом мозжечке, сотканном магнитными полями из жидкокристаллического желе, Стет постепенно проходил путь перерождения, процесс переселения душ, путь компьютерного метемпсихоза — или «метемпса», как они запросто говорили между собой, будто в такой операции не было ничего необычного, так, заурядная процедура по слиянию человека и машины в одно существо, в киборга, дело привычное, хотя и непростое, в результате

чего Стет теперь ждал момента, когда метемпс завершится и последние остатки того, что было Стетом, Стивом, Степаном Корневым исчезнут, растворятся в ячейках микропроцессоров, которые тут же задвинут эти жалкие рудименты в причитающиеся им отделы кристаллической памяти и заживут вместо них новой жизнью, поэмой селеновых и кремниевых транзисторов, нежно флуоресцирующей поэмой бериллиевого стекла, в прочной прозрачной оболочке которого он вкусит и радость инобытия, и его неизбежные муки, потому что стираемая сейчас слабая человеческая ипостась все равно останется неуничтожимой — он знал это по предыдущим полетам и, не надеясь более на волшебство метемпса, втайне от всех готовился прежде всего к борьбе с самим собой, с гибельно цепким подсознанием, которое, оказывается, стойко хранило следы того давнего юношеского безрассудства, все обстоятельства нелегального проникновения в заповедник и теперь коварно, в самый неподходящий миг подкидывало жадно сосущему мозгу разрозненные куски прошлого, рисуя их во всех мучительных подробностях, вплоть до мельчайших деталей, таких, как тропинка, протоптанная утром в росистой траве, или след зубов Литы на плече, который он обнаружил, когда вновь пристегивался ремнями к дельтаплану — нет, забыть этого он не мог, как ни старался, это гнездилось в нем прочно и глубоко, гораздо глубже, чем он предполагал, лежало тяжким тайным грузом в темных, скрытых от сознания углах памяти, и, когда проводимый эксперимент взбудораживал психику, этот груз обнажался, словно подводный камень, грозящий распороть днище корабля, но обнажался ненадолго, едва полет заканчивался, все опять погружалось в непроницаемую глубину, укрываемую плотными слоями повседневности, и оставалась только тоска, смутная тревога — неотчетливая и тупая, как головная боль при декомпрессии, ее можно было терпеть и даже порой забывать, но по мере приближения очередного полета она вновь оживала, свербила в душе пульсирующим воспаленным нервом и, наконец,

выливалась в откровенный страх, которого он больше всего стыдился и старался во что бы то ни стало подавить, это отнимало у него уйму сил в последние часы перед стартом, в такое время он был до предела напряжен, словно провод под током, но внешне совершенно спокоен, сосредоточен, самоуглублен, так что люди, готовившие его к заключению в экзоскелетон, те немногие, которым он мог бы довериться и рассказать все начистоту, считали подобное состояние естественным, они восхищались стойкостью, «толерантностью» его психики, говорили что-то еще, важное и неважное, шутили, хлопали Стета по плечу, в то время как он пребывал в жестоких тисках страха и тоскливого отчаяния, рожденного сознанием одиночества и абсолютной глухотой тех, кто плыл рядом с ним по трубообразному перцептрону к тесной камере стереотактора, и тех, кто как Волин, Зимменталь и Мертон с компанией уже ждали его возвращения и готовили энграмматор, предвкушая долгую и увлекательную расшифровку его криков, судорог, изнуряющей икоты, надсадного бормотания — словом, всего того, чем так богаты эти эргатические корабли-психушники с их супервизорным режимом и «огромными перспективами», к которым он имел неосторожность прикоснуться, и даже более, чем прикоснуться — просто-таки вляпаться, благодаря чему он полчаса назад стоял голый перед Брокманом, лицо которого за стеклом легкого скафандра выражало привычную сосредоточенность, а Климов в это время сверял температуру ферромагнитного аксона с показаниями эгометра, прицепленного к металлическому крючку на рукаве комбинезона, под которым был, конечно, металл, здесь вообще всюду был только металл, да еще, пожалуй, немного пластмассы, например, тепловая обшивка из графитопластика, пронизанная боро-углеродными волокнами, а так — полностью мертвая, абиотическая среда, потому что Славин и Мертон опасались биодеструкции полимеров, их влияния на ход эксперимента, где Стет должен быть единственным живым элементом, дабы не вводить в заблуждение

рецепторы корабля, словом, все было продумано, учтено, и только перед Стетом оставался тот же тайный проклятый вопрос, но копаться в нем Стет уже не мог, время шло, от него ждали работы, пора было начинать аускультацию, дотошное прослушивание внутренних органов, исследование их формы, качества, назначения, делать пробные вдохи-выдохи с помощью оксигенатора, заменившего слабые маломощные легкие, пора было проверить автожектор, который уже давно, с самого первого толчка, означавшего начало метемпса, исправно трудился синхронно с его маленьким человеческим сердцем, направляя теплоноситель по трубопроводам, пора было зафиксировать данные сфигмографа, регистрировавшего своими самописцами пульс плазмы, поступавшей в устройство тэта-пинча — длинную трубу, проходящую через весь перцептрон, который в этом необычном биомеханическом корабле играл роль спинного мозга, затем предстояло осмотреть и сам стереотактор, где подобно гусенице в коконе Стет лежал, окутанный жидкокристаллическим желе, но поскольку внутреннее зрение еще не появилось и Стет владел только осязанием, он не осмотрел, а лишь слегка ощупал себя с помощью вибромеханической перкуссии — несколько легких быстрых ударов вдоль тела, левый бок, правый бок, спина, плечи, голова слегка запрокинута, руки свободно парят, характерная для невесомости поза, только вокруг не воздух, а плотная полужидкая среда, что очень похоже на иммерсию, когда тело уже окуталось как следует тканью, наброшенной на бассейн с силиконовым маслом, огромным таким куском ткани, во много раз превышающим площадь бассейна, — словно некий неряшливо-щедрый великан решил накрыть обыкновенную человеческую миску своим платком, подравняв края и затолкав излишки ткани в жидкость, и вот в эти хаотически перекрученные многослойные складки брошен человек, тончайшая непроницаемая ткань, под которой текучая среда, обволакивает его со всех сторон по шею, поддерживает в искусственной невесомости, и человеку, прово-

дящему так день за днем в полной темноте, скоро начинает казаться бог весть что — например, что его нет или что его больше, чем привычный единственный экземпляр, словом, разные чудеса, зловещие и смешные, смотря как настроена психика, которая суматошно цепляется за свои жалкие рефлексы, легко задушенные многометровыми круговоротами иммерсионного стенда, и хорошо, что есть инфразрение, оно всегда появляется первым после осязания, остальные части спектра еще не восстановились из небытия, а инфрадиапазон уже ясен, прозрачен, чист, и если усилием воли включить параметрические усилители, то можно, наконец, обрести внешнюю инфра-Вселенную, вот они, мягкие, багрово-черные, как свернувшаяся кровь, теплые струи инфракрасного диапазона, словно венозные утолщения на старческих членах пространства, они пронизывают своими сплетениями еще почти не живой, но уже теплый мир, едва отделившийся от холода и тлена небытия, и в нем своим маленьким мутноватым солнцем, испускающим неторопливые длинные и сверхдлинные волны, сияет известный по учебникам космографии самый сильный инфракрасный объект земного неба, так называемый «объект Беклина-Нейгебауэра» — коллапсирующая протозвезда, гаснущей головешкой мерцающая в туманности Ориона, а вокруг полный мрак, костер уже прогорел, осталось только это слабо сияющее малиновое пятно, лишь оно указывает, где берег, и они плывут к нему в теплой воде, вздрагивая от внезапных прикосновений водорослей — особенно, помнится, пугалась Лита, ей эти касания представлялись чьими-то руками и пальцами, протянувшимися из кромешной тьмы, ведь луны не было, над заливом, узко охваченным высокими берегами и укрытым еще сверх того мрачной тенью старых елей, стояло только звездное августовское небо, видны были Пегас, Лира, Лебедь, Андромеда, Персей и больше ничего, сплошная тьма снизу и сверху, теплая вода, воздух душной предгрозовой ночи и небо в искорках звезд смешались, слились и соединились в виде замкнутой конеч-

ной вселенной, в центре которой они плыли через залив, подчинившись капризу Литы, плыли, но все равно как бы оставались на месте, Стет иногда подставлял Лите плечо, и она отдыхала, положив на него запрокинутую голову, отягощенную намокшими волосами, лежала на спине, слегка пошевеливая ногами, и Стет, поддерживая ее за талию, гулко падающим сердцем угадывал в текучей звездной тьме ее тело, без всякого перцептрона охватывал инстинктивным внутренним зрением гладкое плечо, ощущал длинные волосы, залепившие ему рот и опутавшие кольцами шею, а главное — он знал взгляд Литы, чувствовал, что он устремлен вверх, но как бы и одновременно вниз, что Лита прислушивается к себе, к нему, к ночи, и так же, как их догорающий костер, в ней где-то неясно и тревожно-стыдливо теплится не то мысль, не то желание, которое легко загасить, но легко и вздуть до обжигающего пламени, своею яростной обнаженностью оттесняющего ночь куда-то вовне, за границу обычного человеческого восприятия, в непознанные глубины неизвестного, где Стет пребывал уже минут сорок, но пребывал только частично, ощущая неизвестное лишь металлической бронированной кожей и инфракрасным зрением, а впереди его ждали еще почти пятьдесят октав электромагнитного спектра, которые должны были материализоваться одна за другой, породив в нем нечто невиданное — например, такой феномен, как слухозрение, а потом, может быть, и мучительный вкусотактильный эффект, о котором группе Славина еще ничего не известно — впрочем, так ли уж неизвестно? — Стет указывал в отчетах за последнюю серию полетов, что импульсно-доплеровская радиолокация поверхности Земли порождает значительные побочные эффекты, уровень субъективных возмущений настолько высок, что затрудняет ориентацию, но ведь им только это и подавай, запустив палец в неизвестное, им хочется расковырять как можно больше, вытащить на свет божий все тайны, в том числе и всю подноготную Стета, даже, например, тот беглый поцелуй в метре от берега — он все еще

не был виден, но угадывался по теплоте, струившейся от кустов, которые нависали над водой, и Лита держалась рукой за ветвь, легко вытягивая себя из воды до пояса, а Стет, стоя на неудобном, круто опускавшемся дне, касался щекой ее обнаженной груди, потом Лита взялась за ветвь черемухи другой рукой, подтянулась, в плечо Стета на миг уперлось ее колено, он напрягся, чтобы не упасть, Лита тихо смеялась где-то над ним, а потом что-то хрустнуло, затрещало, и Лита, испуганно охватывая его руками и ногами, заскользила вниз, голову Стета накрыли влажные волосы, перемешанные с листвой, мягкими созревшими ягодами, и сквозь черемуховый горьковато-вязкий дурман Стет почувствовал приближающиеся полуоткрытые губы, Лита все еще не нашла дна, и надо было в какой-то момент задержать ее погружение в воду, охватить руками, прижать к себе, но Стет лишь слегка придержал ее за локти, губы Литы скользнули по его губам и исчезли, а через миг исчезли и колени, сжимавшие его бока, и руки, упиравшиеся в плечи, так что Стет враз остался один, он парил в невесомости и был единственной каплей живого вещества, зароненной в эту тьму, в этот придуманный и созданный людьми искусственный мир, и кто знал, ему ли предстояло оживить пульсом и дыханием то, что его здесь окружало, или экзоскелетон с его тончайшей стереотаксической техникой должен был распространить на него свою власть, — но Брокман и Климов, видимо, знали ответ совершенно точно, потому что они не задумывались, а сосредоточенно и бережно готовили Стета к заключению в стереотактор, Климов контролировал ориентацию инжекторов, а Брокман понемногу выпускал из оранжевого баллона жидкокристаллический коллоид, который, выдавливаясь сюда, в невесомость, толстым прозрачно-янтарным червяком, напоминал нечто парфюмерно-кондитерское, то ли сладкий тягучий сироп, то ли зубную пасту гельной консистенции, предназначенную для какого-нибудь великана, впрочем, спирали и гибкие извивы желтоватого студня недолго сохраняли змееобразную форму, они

постепенно стягивались в клубок, смешивались и таяли в общей массе, так что вскоре посреди камеры выросло большое полупрозрачное яйцо, свободно висящее в магнитном поле, и вытянутые рыльца инжекторов, создающих это поле, походили на хоботки каких-то гигантских пчел, слетевшихся сосать жирно поблескивающую каплю, — это и был квазибиотический стереотактор, чуткое «чувствилище», составляющее главную часть сенсорной системы экзоскелетона, и Стету предстояло погрузиться в него с головой, для чего Климов тщательно обрызгал тело Стета ярко-красным аэрозолем, создав таким образом между кожей и тягучим желе защитную полимерную пленку, а потом надел ему на голову глухой уродливо-огромный шлем, вокруг которого в невесомости космато колыхались, подобно волосам дьявола, разноцветные провода, трубки, серебристо-стеклянные нити волоконной оптики, и все это должно было соединить Стета с мозгом и нервами корабля, с его тонко настроенными рецепторами, которые, чутко улавливая биополе Стета, внимательно осматривали и ощупывали гостя, тут же признавая за хозяина, но когда Стет голый влезал в тесное устье входного люка и выжидал положенные три минуты, необходимые для того, чтобы робот-корабль узнал его (шло исследование биотоков мозга, уровня электропотенциалов, кожно-гальванической реакции — словом, всего биофизического профиля, вплоть до дерматоглифики), ему чудилось, что здесь, в теплой мягкой норе палатки, которая продолжала медленно расти, расширяться, отпочковывая сбоку второй спальный модуль (Стет предназначал его для себя, а в центральном модуле должна была спать Лита), его изучали еще и внимательные, влажно мерцающие девичьи глаза, и, может быть, те слабые дуновения, которые порой мягко обволакивали его, исходя от Литы, растиравшейся в темноте полотенцем, должны были сообщить, передать ему нечто важное, что он обязан был понять, но, боясь ошибиться, он намеренно оставался глухим, озабоченным, слишком внимательно контролируя рост модуля,

между стенками которого бесшумно закачивался горячий воздух, и модуль рос как мыльный пузырь вместе со всем своим содержимым — пуховыми одеялами, тюфяками, подушками, легким креслом, столом, полочкой над овальным окном, все это, вздымаемое изнутри толчками сжатого воздуха, распрямлялось, напрягалось, выравнивалось, разглаживались складки, упруго натягивалась шелковистая обшивка, и стоило только разорвать прозрачную тонкую мембрану переходного клапана, чтобы попасть из прохладного и тесного программного модуля в уютный мягкий мирок постельного полотна, шелка, меха, бархата, где воздух хранил тепло дня, запах нагретых еловых лап, горьковатой коры, речной воды, созревших августовских трав, терпкого хвойного спирта, и где Брокману с Климовым нельзя было не только снять скафандры, но даже открыть шлемное стекло, потому что чуткие рецепторы экзоскелетона тут же зафиксировали бы ауру гостей, их биофизический профиль, занесли данные в компьютерную память, а этого допускать нельзя, корабль должен знать одного хозяина, вот почему спутники Стета оставались полностью автономными по отношению к экзоскелетону, их здесь как бы не было, и Стет мог только наблюдать, как они шевелят губами, переговариваясь по радио, будто совершают какой-то обряд, произносят по очереди заранее установленную партитуру заклинаний и магических формул, почти не взглядывая на него, а могли бы и посмотреть внимательнее, он в этом нуждался — тогда и даже сейчас, когда новое зрение уже работало, и в фасеточных глазах, десятками зорких точек разбросанных внутри корабля и снаружи, накапливался чувствительный зрительный пурпур, пульсировала диафрагма зрачков, настраиваясь на волны оптического диапазона, усложнялась и ветвилась вязь фотоэлементов, реагирующих на свет, сигналы летели в компьютер, который соединял их с волнами инфрадиапазона и компоновал картину, которую видел Стет: на фоне багровых разводов тепловой вселенной медленно проступали звезды — сначала самые холодные, крас-

ные, как Бетельгейзе, потом оранжевые, желтые, как Солнце и Капелла, зеленоватые, как Процион, белые, как Альтаир, и, наконец, самые горячие, бело-голубые, подобные Сириусу, ослепительные, как вольтова дуга, а сквозь них просвечивала гигантская рваная полоса Млечного Пути — будто кто-то небрежно провел по черноте, усыпанной блестками, неровной струей серебряного аэрозоля, и все это в микроскопически уменьшенном виде копировалось зеркально отполированной поверхностью закрылков, с которых сняли нагар, дробилось в призмах уголковых отражателей, служащих для лазерной коррекции орбиты, призрачным сиянием скапливалось в чашах параболических антенн, так что Стет мог легко убедиться в уникальной разрешающей способности своего зрения, однако, когда он, пытаясь увидеть Литу, весь, точно древний бог Индра, покрывался сотнями ищущих глаз, в них либо безжалостно било солнце, либо равнодушно глядела бездонная звездная чернота, либо с угрожающей близостью отпечатывались исцарапанные, испещренные пятнами керамзитовые плиты покрытия, чьи-то руки, перебирающие змеистые плети кабелей, чьи-то ноги, болтающиеся в невесомости, медленно плывущие по монорельсам тележки автокаддеров — они отползали в темные устья выходных тоннелей словно толстые серебряные жуки, накормившие изрыгнутой пищей неподвижную жирную матку, и тени их достигали уже середины стартовой площадки, потому что спутник медленно поворачивался, и, сильно скосив влево глаза, Стет мог видеть в темноте палатки (света они не зажигали) слабое мерцание, нежные светлые блики, складывавшиеся в упруго согнутую дугу — это Лита, встав на колени, наклонилась к постели и что-то делала там, сливаясь чернотой волос с темным фоном, а спина ее отражала едва уловимое сияние, лившееся из окна — может, это был зодиакальный свет множества светлячков, густые созвездия которых были разбросаны снаружи, а может, пепельный свет незаметно взошедшей луны, но, так или иначе, Стет видел этот неотчетливый блед-

ный силуэт совсем близко — он вставал, казалось, на расстоянии вытянутой руки, колебался и подрагивал над близким горизонтом, над сплетением радарных антенн, над куполами противометеоритной защиты и плоскостями солнечных батарей, которые тянулись вдоль низких строений спутника словно полотняные навесы над площадью в жаркий полдень, смотреть на этот блик можно было бесконечно, он притягивал, звал, но Стет усилием воли обязан был переключиться на внутренний регистр, ведь теперь он мог увидеть себя сам и осмотреть все как следует, гораздо лучше, чем Брокман и Климов, которые, например, не могли воспринимать магнитных полей, а он их и видел, и ощущал — пучки силовых линий ветвились красивыми симметричными параболами, образуя пересекающиеся лепестки, нет, это были даже не лепестки, а как бы плоские пружины, упруго выскочившие из множества старинных механических часов, это были застывшие фонтаны графически выраженной математики, где каждая линия являла собой целый класс сложнейших многоступенчатых уравнений, и хотя на самом деле никаких линий не существовало, просто таким уж рисовало мир компьютерное зрение Стета, все равно это давало представление о той недоступной человеческому глазу красоте, которая пронизывала мир с момента его возникновения и теперь вот милостиво включала в себя еще и неуклюжий, построенный людьми стереотактор — большое полупрозрачное яйцо, где под твердой оболочкой из бериллиевого стекла медленно пульсировала жидкокристаллическая магнитная плазма, а в ней Стет видел самого себя — слабо шевелящегося головастика, выкрашенного красным аэрозолем, что делало его особенно похожим на личинку, на эмбриона какого-то земноводного существа, вроде тритона или аксолотля, желтоватый студень обволакивал помещенное внутрь тело, размывал очертания, но при желании можно добавить резкости, дать больше строк в телевизионной развертке или вновь перейти с оптического диапазона на компьютерное считывание, картинка тогда сразу

становится четче, правда, уже не такой живой, она приобретает черты схематизма, чрезмерной детализации, изображение застывает в виде тщательно раскрашенной фрески и тут же покрывается как бы паутиной микроскопических трещин, раскалывается на тысячи мельчайших квадратиков, будто растрескался сухой слой синтетического клея, в сетке математических координат все видимое приобретает мозаичный характер, мир будто выложен мелкими цветными стеклышками по скрупулезно рассчитанному чертежу, но за это плоской двумерной искусственностью явственно ощущается тайна, огромная и сложная жизнь, бездна грядущего, где в пустоте незримого виртуального пространства клубятся картины будущего, видения предназначенных тебе потрясений и катастроф, там, далеко-далеко, в невообразимой глубине интуитивно ощущаемой перспективы маленьким тяжелым шариком катится навстречу тебе целая вселенная, раскаленный квазар страстей, клубок неистовых эмоций — яростных монологов, скорбных признаний и отчаянных молитв, это мир, который неотвратимо приближается и который надлежит принять и пережить, пронизать своей душой, охватить изнемогающим сознанием и прочувствовать больной совестью, потому что Зимменталь и Мертон думают, будто метемпс завершился, Стета больше нет, и они включили синхроноз, сами того не зная, ввели в действие способность совершенно им неведомую, то есть поступили как мальчишки, швыряющие камнями в лягушку и наблюдающие, дрыгнет ли она еще лапой, но лягушка недвижна, она только охватывает мир выпуклостью сферического глаза и как бы замыкает его в шар, где равноудаленным от центра оказывается не только пространство, но и время, и где настоящее не занимает своего обычного главенствующего положения, а сосуществует на равных, синхронно с прошлым и будущим — в этом, собственно, и заключается синхроноз, выматывающий душу субъективный эффект, неведомый руководителям эксперимента, которые почему-то уверены, что раз программа опытов не задевает коренных физических

свойств мироздания, то эти свойства остаются неизменными и в субъективном психологическом восприятии — да, конечно, физика определяет психику, но не до конца, ведь психика относительно свободна и сама влияет на физику, в немалой степени обуславливая структуру видимой нами вселенной — достаточно вспомнить Пуанкаре, который, задаваясь вопросом, почему пространство имеет три измерения, искал ответ в особенностях нашего восприятия и допускал, что существа иной природы имели бы в своей физике пространство иной размерности, — так трудно ли догадаться, что там, где человеческая психика получает, подобно лазеру, мощную компьютерную «накачку», ее относительная свобода переростает в ошеломляющий творческий произвол, сходный с наркотическим опьянением, только еще более сильный, и даже тут, в тщательно контролируемом извне мире эксперимента непокорный дух человеческий творит невесть что, словно пьяный бог, небрежно-размашистый демиург, он с легкостью разламывает привычный физический мир на куски и разбивает вдребезги о стену пустоты, монолит мрака, а потом подбирает нужные ему обломки, дышит на них жаром своего раскаленного нутра и мнет, мнет, вытягивая из бесформенных кусков оплывшей материи какие-то новые странные миры, фантастические фигуры, и пусть все это подробно протоколируется, фиксируется где-то скоростными самописцами и бесконечными рядами компьютерной математики — разве можно потом понять, что обозначает вот этот изгиб номограммы или вот эта часть уравнения, в лучшем случае расшифровщиков осенит, что лягушка тут дрыгнула лапкой, а почему, зачем и какие ощущения она при этом испытывала, какие картины видела перед собой — все это останется тайной, ни на одном языке, кроме, может быть, языка музыки и литературы, нельзя описать экзотический мир эксперимента, мир, в котором причинно-следственные связи, например, представлены почему-то не последовательно, а параллельно, из-за чего прошлое, которое ты однажды, казалось бы, навек и

окончательно пережил, — скажем, та ночь с Литой — вдруг опять оказывается настоящим, проступающим сквозь сиюминутно существующую обстановку, и одновременно — будущим, которое есть очередное повторение пройденного и которое накатывается издалека яростно бушующим квазаром, и потому, как бы ты ни старался, твоя вселенная, твой шар пространства-времени, в центр которого ты помещен, никогда не знает стабильности, ровного белого света подлинного «сейчас», он непрерывно переливается радужными оттенками времен, багровые отблески далекого затухающего прошлого вступают в контрапункт с голубыми зарницами будущего, а оно, переливаясь в настоящее, оказывается все тем же болезненно знакомым, разогретым до обжигающей остроты прошлым, белый свет сиюминутности непрерывно взрывается изнутри пятнами багрового и голубого, он как бы кипит цветными пузырями времени, поднимающимися из глубин сознания, и, чтобы не потонуть в этом хаосе, приглушить синхроноз, надо усилить избирательность в блоке ассоциаций, отсечь лишнее, сосредоточиться на главном, увидеть себя со стороны, лежащим на освещенной стороне спутника, на стартовой позиции номер девять, отметить, что зеленые и красные позиционные огни вокруг площадки уже не горят ровно, а мигают — верный признак того, что идет предстартовый отсчет времени, через минуту-другую — старт, и можно только догадываться, какой стремительный диалог ведет сейчас бортовой компьютер с автоматикой спутника и руководителями эксперимента, какими бурными потоками числовой, логической, зрительной информации обмениваются стороны, участвующие в последнем разговоре, какое каменное лицо у Мертона, сидящего перед дисплеем, как пыхтит и отирает лоб платком толстый Визенталь, ведущий проверку стартовой готовности, как нервно теребит бороду Славин — его время еще не пришло, но придет, как только закончится активный участок полета и корабль перейдет с автоматического на супервизорный режим — тогда Стет возьмет управле-

ние на себя, сольется с кораблем по-настоящему, до конца, станет не пассивным живым придатком, головастиком в пузыре, а центральным думающим и чувствующим органом, он заполнит собою весь корабль, пронизает своими нервами его отсеки, наденет корпус корабля на себя как перчатку, как кожу, в которой проживет несколько часов до самой посадки на Землю, и надо держаться за это, не поддаваться синхронозу и прочим зловещим штучкам, которые еще впереди, надо помнить, что ты — главная часть эргатической автономной системы, сокращенно ЭРГАС, куда входят пилот — живой человек и корабль — очувствленный аэрокосмический робот, поэтому стисни зубы и терпи, готовься действовать по программе, мобилизуй натренированную психику, не давай ей бушевать и расползаться, помни — если ты не возьмешь себя в руки, эксперимент опять полетит к черту, вся серия предыдущих опытов по посадке на Землю с геоцентрической орбиты окажется бессмысленной, а ведь во время этой серии Добров заработал психический криз, Бородин едва не погиб, внезапно погрузившись в апраксию, — неужели все это зря, нет, допустить такое невозможно, надо собраться, обуздать рефлексию, держаться что есть сил за этот миг отчетливого просветления и не пускать в сознание картину в багровых тонах, не видеть лягушку, которая сидит на дне ямы, судорожно дергает горлом, копит силы, чтобы вновь карабкаться наверх, а мальчишки азартно кидают в нее мелкими камнями, крупных у них нет, а то бы они давно ее убили, поэтому лягушка жива, дышит, упорно перебирает лапами по осыпающемуся склону, приближается к своим врагам, будто хочет им что-то сказать, но то и дело, вздрагивая от ударов, сползает вниз, и тут кто-то, находящийся в невообразимой дали, отчетливо и мерно произносит: «Пятнадцать», — неизвестно, что это значит, может, число камней или только прямых попаданий, скорее всего последнее, потому что одна передняя лапа у лягушки явно повреждена, неестественно вытянута и чиркает по асфальту, когда один из мальчишек несет

доставшуюся ему добычу домой, несет ее вниз головой, держа за длинные задние ноги, где под тонкой слабой кожицей ощущаются хрупкие хрящики, «двенадцать... одиннадцать...» — продолжает свой счет кто-то невидимый, а может, это сам мальчишка прикидывает вслух количество шагов, оставшихся до дома, вот звучит «десять», движение прерывается, и лягушка, вися неподвижно, видит перед собой глухие квадратные плиты керамзитового покрытия, защищающие внутренние помещения спутника от огня ракетных дюз, видит множество пятен, оставшихся от выхлопных газовых струй, несколько царапин, обнажающих под этой копотью чистый голубоватый керамзит, в этот момент издалека доносится долгожданное «девять», мальчишка стоит, задумавшись, перед домом, в голову ему внезапно пришла замечательная идея, надо ею обязательно воспользоваться: в стодвадцатиэтажном небоскребе, занимающем целый квартал, — десятки вертикальных и горизонтальных лифтов, обычных и скоростных, стоит набрать код, бросить в кабину лягушку, нажать кнопку «пуск» — и кабина помчится по намеченному маршруту, надо только составить его похитрее, сначала, допустим, пулей на девяносто девятый, потом сразу камнем вниз, на седьмой — «девять... восемь...» — мерно капает далекий счетовод — да, проезжаем девятый и восьмой, а на седьмом ждем, когда эта старая мымра, не позволяющая швырять хлопушки об асфальт, выйдет из квартиры, она всегда идет гулять в одно и то же время, и все будет, как надо: дверь лифта открывается, мымра входит в кабину, и на ногу ей прыгает пучеглазая бородавчатая квакша — здрасьте, я лягушка-путешественница, не падайте в обморок, — «семь... шесть...» — после этого кабина мчится горизонтально по тоннелю к выходу во внутренний двор, где обычно играют девчонки, встречает там новую жертву, а напоследок можно подняться в солярий, под его стеклянной крышей загорают девицы постарше, лежат совсем голые и шепчутся о своих амурных делах, но всегда настороже, посматривают по сторонам, и не дай бог, если заметят подгля-

дывающего мальчишку — защиплют, накрутят уши, отберут штаны и втолкнут обратно в лифт, разрисовав ягодицы помадой, тут надо делать все быстро, ты открываешь дверь только на миг, швыряешь лягушку в самую гущу голых тел и был таков, визга ты уже не слышишь — «пять...» — палец пробегает по кнопкам с номерами этажей, выбирая этапы будущего маршрута, кто-то равнодушно-механически, голосом автомата считает за твоей спиной: «четыре... три... два... один...» — и только тут, в последнюю секунду ты с отчаянием понимаешь, что опять провалился в дебри своей взбаламученной психики, что все это время шел предстартовый отсчет и сейчас будет пуск, который зашвырнет тебя еще куда-нибудь, потому что на активном участке полета, когда двигатели сотрясают корабль, в ясном сознании все равно не удержаться, слишком велик поток информации, пронизывающей мозг, надо зафиксироваться на чем-то стабильном, положительном, не на истерзанной лягушке, а хотя бы на девчонках, загорающих нагишом, надо увидеть залитый солнцем солярий, но нет, кто-то уже коротко сказал «пуск!», сорвалась последняя капля, и, пока она летит, можно успеть сгруппироваться, но вот она падает, разбивается, и ту же — взрыв, вспышка и удар, будто тебе влепили бейсбольной битой сразу по спине и по пяткам, миг перегрузки, обморочной дурноты, и вот ты уже летишь, кувыркаясь, как кукла, выброшенная из окна, внутренности, словно набитые мокрым песком, притискиваются изнутри то к одной, то к другой стороне тела, тяжелым комом подпирают горло, а в глазах, независимо от того, открыты они или закрыты, мельтешат куски звездного неба, мутное огненное пятно — выхлоп удаляющегося гиперлёта, тьма, приборная доска с тускло светящимися циферблатами, испуганное и вместе с тем обрадованное (выбросили не его!) лицо Элссона, вздрогнувшего, когда сработала катапульта, а потом уже ничего — только дым бустерного заряда, взорвавшегося креслом, и тьма, огненные круги в глазах, какие-то искры, роящиеся перед стеклом скафандра словно серебря-

ная мошкара, и сквозь них внизу — волнистая равнина облаков, будто пыль в погребе, в который ты падаешь, падаешь, уже ясно, что падаешь, а не взлетаешь, не ввинчиваешься в небеса, «в звезды врезываясь», земля где-то там, под облаками, и если радиовысотомер не врет, до нее еще почти девять тысяч метров, высоковато, ветер снесет черт-те куда, только бы не океан, впрочем, океан уже был, туда могли сбросить Элссона, а не его, ведь океан он прошел отлично — двое суток дрейфа в скафандре по волнам, никаких приборов и плавсредств из спасательного комплекта, контейнер за плечами так и остался невскрытым, ведь каждая целая пломба — десять очков, плюс ориентация на глазок, по солнцу, по звездам, по памяти, плюс использование подручных материалов — мачтой была выдвижная антенна, парусом — кусок парашюта, но самое главное — удалось точно сориентироваться, угадать, высчитать, что плюхнулся в Тихий где-то неподалеку от экватора, в районе Галапагосских островов, а ведь последнюю отметку они с Леонтьевым (тогда его сопровождал Леонтьев) прошли еще за сорок минут до катапультирования, где-то над Испанией или Марокко, так что попробуй, дознайся, куда тебя швырнули — то ли в Атлантику, то ли в Тихий, вода она везде вода, и вкус ее одинаков, но не везде есть течение Гумбольдта, которое в конце концов выносит тебя на берег острова Фернандина, и огромные морские ящерицы-игуаны тупо смотрят, как ты, обессиленный, выползаешь из скафандра, стаскиваешь пропотевшее, прилипшее к телу белье и сидишь голый, безучастный, отощавший из-за питания планктоном и солоноватой водой из микроопреснителя — единственного прибора, который ты позволил себе вынуть из спаскомплекта (минус пятьдесят очков), но сейчас это уже не имеет значения, потому что зачетные две тысячи баллов ты набрал еще ночью, когда тебя трепал шторм — средней силы и продолжительности, но все-таки верные сто пятьдесят очков по шкале препятствий, а может, и больше, Леонтьев скажет точно, он, Леонтьев, все это время был его анге-

лом-хранителем, он и сейчас, наверное, висит где-нибудь над головой, выведя гиперлёт на орбиту неподвижного спутника, ловит слабые сигналы радиоиндикатора и еще не знает, что антенна, посылающая эти сигналы, уже не качается на волнах, а воткнулась в камни, в сушу — в твердь, черт возьми! — что изматывающий путь остался позади и теперь начинается совсем другое, самое главное — определение координат, выбор стратегии и средств для ее осуществления, планирование маршрута, но как это сделать, если вокруг только белое и черное, глухая ночь, белый снег и черный лес, редкий такой ельник, звезд не видно, и мороз градусов двадцать, поэтому лучше захлопнуть стекло скафандра и лежать так, как лежал, не делать ни одного лишнего движения, беречь силы и думать, прикидывать, как выиграть в игре, которую сегодня предложили, и для начала установить, например, если не место, то хотя бы время, обыкновенное местное время — скажите, пожалуйста, который час? — жаль, не запомнил, когда и где в последний раз пересекали терминатор, вот Элссон, наверное, запомнил, бедный Элссон, он так волновался, все-таки первый тренировочный выброс, аварийное катапультирование — аутинг, если говорить на профессиональном жаргоне, впрочем, до профессионалов и ему, и Элссону еще далеко, второй курс школы космофлота, ну, подумаешь, покрутили на гиперлете вокруг Земли, а потом швырнули в заранее намеченную точку и выбирайся оттуда как хочешь, но ведь это Земля, а не Луна, и не Марс, и не раскаленный Меркурий, не Пояс Астероидов и не спутники Юпитера с их зловещими сюрпризами — словом, это не вольный космос, где ему, возможно, доведется работать, если он, конечно, не будет вот так рассеянно глазеть по сторонам, с первых минут посадки размазывать кашу по тарелке, вместо того, чтобы энергично думать и действовать, набирая очки, их ему надо пять тысяч — об этом и надо заботиться, а не перебирать в уме отвлеченную чепуху, он не новичок Элссон, которому еще простительно впиваться взглядом в приборную панель, мучительно вби-

рая информацию — всю, какая есть, и существенную, и несущественную, тогда как давно известно, что нельзя объять необъятное, и лучше смотреть на Землю в разрывах облаков или на звезды, потом легче сориентироваться: достаточно восстановить в памяти вид звездного неба в момент катапультирования — и вот уже ясно, в каком ты полушарии, там — Южный Крест, здесь — Большая Медведица, там — Центавр и Райская Птица, здесь — Кассиопея и Орион, а если принять во внимание время года — в северном сейчас зима, — то становится вероятным, что ты зарылся в снег где-нибудь в Сибири или Канаде, впрочем, это может быть и Скандинавия, и Аляска, и Урал, там увидим, до рассвета еще часа три-четыре, и лучше всего на это время забыться, расслабиться, подремать, лечь поудобнее, вот так, вытянуть ноги, приборная доска мягко переливается строчками букв, цифр, символов, они сообщают, что на борту все в порядке, гиперлёт заканчивает очередной виток, только почему-то над головой вдруг исчезает прозрачный купол из поликарбоната и кабину заливает густой красный свет, подскочивший в кресле Элссон тычет перчаткой в сигнал стартовой готовности, а потом уже ничего, просто срабатывает заряд катапульты — вспышка и удар, и вот ты уже летишь, кувыркаясь как кукла, выброшенная из окна, стремительно проваливаешься неизвестно куда, сквозь пространство и, наверное, даже время, пожалуй, именно сквозь время, потому что вдруг на полном ходу врезаешься в летний солнечный день, в мир тихого березово-лугового пестроцветья, наполненного запахом черемухи и гудением шмелей, над спиной оказывается плоскость дельтаплана, и ты медленно бесшумно планируешь, на миг застывая в точке разворота, словно большая задремавшая в полета птица, а потом вновь скользишь в плавном вираже над заповедником, над его лесистыми увалами, вершины которых напоминают хребты гигантских дремлющих зверей, над голубой ниткой извилистой реки, над неприступным одиночеством редких меловых утесов, над безлюдьем луговин, та-

инством глубоких оврагов, где хвойная зелень лесов уплотняется до непроницаемой малахитовой густоты, над желто-бурыми разводами болот, похожими на гладкие крышки драгоценных яшмовых шкатулок — над всей этой первозданной, недоступной, строго неприкосновенной страной, куда нельзя ни въезжать, ни входить, ни вторгаться вот так, по воздуху без специального разрешения, без инструктажа, без сдачи экзаменов на экологическую грамотность, а если уж тебя занесло сюда, то надо скорее покидать запретный район, пока не засек патруль, но как это сделать, если время, отведенное на работу мотора, уже истрачено, а на ручной тяге далеко не уйдешь, моторный дельтаплан — штука тяжелая, слушается с трудом, руки совсем одеревенели, скорость потеряна, высота неуклонно падает, но нечего и думать о запуске двигателя, попробуй, включи его хотя бы на минуту — по звуку тебя моментально засекут, тотчас вынырнет откуда-нибудь патруль на стремительных бесшумных птерокарах, остановит, сосчитает каждую минуту, которую ты провел на территории заповедника, вычислит, сколько литров драгоценного, озонированного, пронизанного целебными фитонцидами кислорода ты здесь сжег своим вонючим мотором и собственными засоренными легкими, сколько здоровья украл у легальных, дисциплинированных посетителей заповедника, и спорить, доказывать что-либо совершенно бесполезно, да, утром была гроза, шквалистый ветер, но вы обязаны знать прогноз и не соваться под грозовой фронт, да еще на границе охранной зоны, так что дело не в ветре, а в вашей собственной беспечности, и вообще, какой может быть разговор, когда на все существуют совершенно точные, строго выверенные нормативы, коэффициенты, расчетные формулы, и совсем нетрудно определить, какой вред вы нанесли многострадальной матушке-природе, которая и так задыхается в железобетонных джунглях цивилизации, в тисках перенаселенности и индустрии, а потому сообщите нам, пожалуйста, номер вашего потребительского абонемента, в целях компенсации

нанесенного ущерба вы временно переводитесь на ограниченный режим потребления, благодарю вас, центральный процессор жилого района даст необходимую команду, можете следовать дальше до границы заповедника, вы свободны, ха, свободен, а куда теперь спешить, если патрульный уже сообщил по радио код абонемента, и компьютер жилого массива немедленно урезал твою личную норму энерго-, водо- и воздухопотребления на двадцать—тридцать процентов, посадил тебя на ограниченный режим, а это значит — вода в квартире бежит еле живой струйкой, кондиционеры и воздушные фильтры в дверях и окнах работают вполсилы, простая яичница жарится чуть ли не час, вместо людей на экране телевизора какие-то бледные обесцвеченные тени, всюду копится пыль, мусор, грязь, гниют отходы, потому что диафрагма мусороприемника глотает только часть отбросов, остальное можешь сваливать по углам или нести на специальный приемный пункт, где у тебя примут излишки мусора, но за отдельную плату, и вся эта экологическая пытка минимум на полгода — нет, только не это, надо тянуть, тянуть из последних сил хотя бы вон до того поворота реки, там, кажется, граница, но сил уже нет, ты летишь все медленнее, а чем ниже скорость, тем быстрее падает высота, какой-нибудь случайный нисходящий поток — и зароешься носом в землю, а это уже не нарушение, это уже преступление, экологическая микрокатастрофа: истоптанная трава, дефект поверхностного слоя почвы, внесение ядовитых неразложимых остатков в виде индустриальной пыли, осевшей на одежде, обуви и полотнище дельтаплана, это, наконец, искажение структуры биополя, того невидимого энергетического баланса, который сложился в данной части заповедника, словом, за подобное варварство на ограниченный режим тебя уже не посадят, за такие дела полагается строгий режим или даже полная экологическая изоляция, когда твоя квартира на сто восьмом этаже правовертикального корпуса ВР (район 5-107, массив Юго-Запад) превращается в наглухо отделенный от остального мира отсек,

никакого сообщения с окружающей средой, никаких поступлений извне и никакого вывода веществ наружу, ты живешь только за счет систем регенерации, питаемых покупными энергоэлементами, ешь холодную консервированную пищу, в основном синтетикон, сухой или чуть размоченный, дышишь воздухом, который уже вдыхал, потребляешь воду, восстановленную из собственной мочи, и непрерывно борешься с отбросами, с отходами жизнедеятельности, наглядно убеждаясь, какое количество дряни ты обычно извергаешь из своего жилища за день, неделю, месяц, в общем, что и говорить — доходчивая, эффективная педагогика, ты уже проклял день, когда оказался над заповедником, угодил в нисходящий воздушный поток и пробороздил своим дельтапланом, коленями и ботинками край веселой ромашковой лужайки, растоптал несколько невзрачных голубеньких цветов — не то васильков, не то колокольчиков, посбивал головки ромашек, наступил на гнездо шмелей, в общем, как тебе объяснили, грохнулся, словно камень с небес, этакий летающий булыжник, тупой аэролит, превращающий все живое в мертвое крошево, пыль, труху, грязь, и теперь эта грязь мстит тебе, душит, все больше заполняя квартиру, ты не в силах от нее избавиться, мусор приходится копить, и если жидкие отходы еще можно перерабатывать в системе оборотного водоснабжения, то твердые девать совершенно некуда, приходится набивать ими пластиковые мешки, которые громоздятся рядами и постепенно вытесняют тебя из одной комнаты, из другой, однако и это еще не самое страшное, самое изнурительное — борьба с разложением, ибо через несколько часов крепко завязанные мешки начинают вспучиваться, надуваться, распухать, словно незахороненные трупы, по ночам, когда ты пытаешься уснуть, они подозрительно шевелятся, туго натягиваются, расправляют складки, вздыхают и сдавленно урчат как распираемый газами кишечник, и однажды под утро, когда ты едва забылся в тяжелой смутной полудреме, с оглушительным треском лопается первый мешок, затем, обдавая тебя отвра-

тительным букетом скопившихся газов, взрывается второй, и ты понимаешь, что превратил свою квартиру в минный погреб, в склад биологических бомб, ты чувствуешь себя преступником, жалким убийцей-новичком, который по неопытности затащил в дом расчлененное тело жертвы и теперь сам же должен погибнуть здесь, заразившись трупным ядом, выхода нет, потому что, стоило лишь подумать об этом, опасения немедленно переходят в явь, ты ощущаешь, что яд уже проник в кровь, пропитывает сосуды, сердце, печень, отравляет мозг, все признаки налицо — мучительная дрожь, пронзающий тело нервный озноб, ты неистово трясешься и дергаешься, словно живая кукла, брошенная на оголенный электрический провод, сознание мутится, меркнет, погружается во тьму, но изредка ярко вспыхивает, подавляя дрожь, и тогда по органам чувств, особенно по глазам и кожным рецепторам ударяет какая-то иная реальность, что-то пестрое, живое, горячее, золотисто-бело-синее, нагретое солнцем, а потом снова провал во мрак, судороги, бешеная икота, брюшная диафрагма трепещет, словно кожа барабана, на котором выбивают дробь, и опять краткий миг солнечной передышки, дуновение теплого ветра, что-то гладкое, округлое, темно-золотистое, будто дюна чистейшего пляжного песка, и тут же — ослепительно белое, нежное, похожее на высыхающую морскую пену, а дальше густая синь, неподвижно застывшие волны — как бы складки мягкой махровой ткани, но разобрать ничего невозможно, опять все погружается в мучительный кошмар тьмы, надо вытереть пот со лба, но рук нет, они, начиная с кончиков пальцев, искрят, распадаются, испаряются под воздействием невидимого пламени, которое движется, словно огонь бикфордова шнура, поднимается уже до локтей, оставляя после себя пустоту, таким же холодным пламенем вспыхивают вдруг ноги, они растворяются в пустоте еще быстрее, вытесняемая огнем влага бурно выделяется из тела, заливает глаза, но это не пот, а мозговая жидкость, это сам закипевший мозг просачивается густыми едкими капля-

ми сквозь поры лица, еще миг — и потекут глаза, губы расползутся, обнажая стиснутые зубы, и сквозь лицевые кости оголившегося черепа прорвется надсадный хриплый крик, жуткий вой, мертвый свист, ибо от тебя уже осталась только сухая, обглоданная пустотой костяная конструкция — часть позвоночника с двумя-тремя ребрами и череп, насаженный на шейные позвонки, ветер завывает в пустых глазницах, ты — легкий, бестелесный, беспомощный — неудержимо падаешь вниз, приближаясь ко дну воздушного океана, где твердые каменные зубцы и острые пики скал готовы встретить тебя, раздробить на сотни осколков, странно, что ты еще можешь соображать, словно во сне, ты ясно и бестрепетно понимаешь: единственный спасительный шанс — акромегалия, стремительный рост уцелевших частей, моментальное саморазвертывание, саморазвитие их до нужной формы, до приобретения устойчивых аэродинамических качеств, и тут не надо размышлять, следует просто довериться интуиции, отдаться во власть генетической памяти, живые клетки, сохранившиеся в костном мозге, способны проводить миллионы операций в секунду, нужная программа будет мгновенно найдена и запущена в процессор — вот, так оно и есть, первая команда уже прошла, полет стабилизируется, грубое вторжение в атмосферу мягко переходит в планирование по касательной к внешнему радиационному поясу Земли, Стет ощущает это прояснившимся сознанием, он понимает, переводя дух: то, что представлялось ему фантастической акромегалией, было просто изменением геометрии крыла, корабль превратился в космический самолет, в ракетоплан, зачатки крыльев дали рост могучим треугольным плоскостям, которые, получив дополнительные сегменты, приобрели сверхкритический профиль, необходимый для полета на гиперзвуковой скорости в верхних слоях атмосферы, теперь корабль-акромегал будет переходить на торможение, но сначала нужно сделать поворот, развернуться кормой вперед, чтобы вектор тяги работал в сторону, противоположную трассе спуска, для

этого должны включиться малые маневровые двигатели, размещенные под носовым обтекателем, Стет ощущает, как они, плавно поворачиваясь в карданных подвесах, находят нужный угол для истечения реактивной струи — сперва она должна ударить прямо по курсу, а потом все больше вбок, отклоняя нос корабля в сторону, ну что ж, несмотря на стойкий синхроноз, полет пока проходит нормально, в заданном режиме, активный участок пути скоро закончится, горючее маневровых двигателей уже готово впрыснуться в форсунки, но Стет не спешит, у него еще есть время, пользуясь тем, что кошмары отступили, он погружается в себя и проводит быструю проверку, осмотр и контроль всех систем — пусть беглый, но все-таки успокаивающий, он скользит внутренним взглядом по трубопроводам ходовой части, фиксирует пульс плазмы, поступающей из реактора, пробегает по микросхемам системы ориентации, проверяет температуру и давление в баке, куда закачан монометилгидразин — основное горючее для маневровых двигателей, затем прислушивается к баку с четырехокисью азота, используемой в качестве окислителя, — все в порядке, можно включать зажигание, Стет собран, напряжен, ему хочется предугадать, что ждет его впереди, скорее всего новые испытания, ведь во время разворота двигатели работают короткими импульсами, поэтому возможны рывки, а ему они, вероятно, будут казаться толчками извне или даже резкими ударами, в прошлый раз было именно так, он чувствовал себя мишенью, по которой ведут стрельбу, он был тогда игрушечным самолетиком в компьютерном аттракционе «Меткие стрелки», за ним, поливая его огнем из пулеметов, гнались два вертолета «суперкобра», их вели Эдди из Торонто и Хельмут из Дортмунда, они охраняли военную базу, а ему надо было ее разбомбить, и он это сделал, удачно уходя от огня «суперкобр», взлетно-посадочная полоса уже зияла воронками, два ангара пылали, но тут Эдди выпустил по нему сразу пять ракет «воздух-воздух», накрыл его залпом, рискнув разом израсходовать весь боекомплект, чувствовалось, что

Эдди здорово набил руку на компьютерных играх, реакция у него была отличная, он вообще выделялся среди ребят-участников встречи — там, в Хьюстоне, штат Техас, во время экскурсий по Космическому центру имени Джонсона, Стет потом познакомился с ним поближе, узнал, что Эдди живет с отцом в Канаде и в свои тринадцать лет уже пилотирует спортивный самолет, они подружились, переписывались по электронной почте, практикуясь в языках — русском и английском, на другой год Эдди с группой сверстников приезжал в Москву, гостил в клубе юных космонавтов, Стет показал ему свой дельтаплан, а Эдди сказал, что уже совершил один прыжок с парашютом, и Стет обещал, что догонит его, ведь он тоже твердо решил стать пилотом космических линий, и впрямь — через четыре года они встретились там же, в Хьюстоне, попали на один курс школы космофлота, жили в одном студгородке, часто работали вместе на тренажерах, и однажды Эдди рассказал, что летом выпросил у отца, который работает в Управлении охраны лесов, патрульный птерокар, но полетать на нем почти не пришлось, поскольку началась гроза, а во время грозы сверхчуткие локаторы и сонары, эти глаза и уши птерокара, безнадежно слепнут и глохнут, так что тут не до охраны, самому бы не стать нарушителем, Эдди сбился с пути, его едва не занесло на территорию заповедника — вот была бы неприятность, страшно подумать, да, Эдди, тебе повезло, сказал тогда Стет, и они забыли об этом разговоре, но фраза «локаторы и сонары патруля во время грозы бессильны» непроизвольно отложилась в памяти, впрочем, даже не в памяти, а где-то в подсознании, ведь он никогда планомерно не обдумывал свой криминальный рейд, все получилось само собой, его вела какая-то подспудная злая сила, раздражение, скопившееся внутри, тоска по глотку чистого воздуха, ощущение дождевого червя, засыхающего в накаленной солнцем банке — солнце тогда жгло беспощадно, воздух был горяч, сух и предельно вреден, почти ядовит, концентрация тяжелых металлов, особенно ртути и свинца,

достигла в нем угрожающего уровня, сообщения об экологической обстановке, передаваемые несколько раз в день, звучали как донесения с театра военных действий, где враг применил отравляющие вещества, город задыхался, на улицу рекомендовалось без надобности не выходить, держать плотно закрытыми двери и окна, в центре уже несколько дней можно было появляться только в маске с фильтром, возле автоматов, торгующих кислородом, возле скверов и парков, накрытых стеклянными колпаками, выстраивались громадные очереди желающих вдохнуть полной грудью, но это не помогало, природа уже давно отвернулась от города, она была равнодушна, словно мать, демонстративно не замечающая преступника-сына, а город, как хулиганствующий подросток, решивший накуриться до одури, продолжал себя отравлять, в полдень, в час пик, над асфальтом колыхалось горячее синевато-серое марево — едкая смесь пыли и выхлопных газов, город чадил, как раскаленная сковорода, на которой пригорело масло, все ждали грозы, ветра, хотя бы слабенького дуновения, но стоял полный штиль, атмосфера будто оцепенела в тяжелом наркотическом отупении, и только взмыв на дельтаплане метров на пятьсот, можно было ощутить слабый ток воздуха, почувствовать живительную прохладу, свежесть, которая, впрочем, и тут осквернялась выхлопами моторов, ведь не один ты такой умный, все хотят дышать и лезут в небеса на дельтапланах, птерокарах, флайботах, на всем, что способно летать, поэтому прочь от города — туда, где под открытым небом, в естественном грунте еще живут деревья и трава, где есть насекомые, звери, рыбы и птицы, где ощутим аромат цветов, там, в охранной зоне заповедника, можно полетать и надышаться вдоволь, сюда не каждый доберется, от города слишком далеко, правда, настоящая нетронутая природа не здесь, а гораздо дальше, на заповедной территории, но туда, за тщательно охраняемую границу, можно проникнуть только по особому разрешению, которое выдается лишь в одном случае — как награда за экономию природных ресурсов, ибо

претендовать на посещение заповедника, на эту высочайшую милость ты вправе лишь тогда, когда компьютер жилого района, ведущий учет индивидуального энерго-, водо- и воздухопотребления, покажет, что ты в истекшем году не только уложился в строго рассчитанные биологические нормы, но хотя бы в малой степени снизил их, применяя широко пропагандируемый режим умеренности, и вот, когда известно, сколько воды, воздуха, солнечного тепла и света ты сохранил, тебе дается право потребить их в естественном, кристально чистом виде на территории заповедника, все, что ты сэкономил, пересчитывается в драгоценные часы пребывания здесь — дыши, живи, радуйся, что еще сохранились на захламленной, отравленной Земле такие вот уголки простого первобытного счастья, но помни, что в назначенный срок придется вернуться обратно, снова погрузиться в удушливый городской чад, запереться в квартире и в очередной раз заняться настройкой воздушных и водяных фильтров, скрупулезной регулировкой дозаторов, чтобы опять по капле, по грамму добывать себе на будущий год право подышать день-другой свежим запахом трав, право искупаться в реке, не покрываясь защитной полимерной эмульсией, право подставить свое обнаженное тело солнцу — да мало ли, что еще можно придумать, какие радости отыскать в безлюдных лесах и лугах заповедника, стоит лишь попасть туда, но боже мой, как это трудно, особенно когда ты юн, нетерпелив, нерасчетлив, когда умеренность, восхваляемая на всех углах, кажется невыносимо пошлой и скучной, а грозовая туча, охватившая горизонт, представляется таким простым, таким заманчивым решением всех проблем, что ты не в силах бороться с мгновенно возникшим искушением и, чуть поколебавшись, решительно включаешь форсаж, дельтаплан резко устремляется вверх, набирая высоту, ускорение вдавливает тебя в спинку сиденья, краешком сознания, его периферийной частью, еще не замутненной синхронозом, ты понимаешь, что включились маневровые двигатели, экзоскелетон начал разворот,

и надо удержаться хотя бы вот в таком шатком равновесии настоящего и прошлого, не дать волне минувшего полностью заслонить собой реальность, пусть все смешается самым странным, невероятным образом — важно знать, что эти причуды взбаламученной психики содержат не только воспоминания о былом или фантазии о будущем, но и трезвые элементы настоящего, которое свершается в действительности, происходит наяву, по заранее намеченной программе, и достаточно немного напрячь волю, чтобы убедиться: корабль уже миновал верхнюю границу стратосферы, он ушел от мрака мертвой пустоты, от холодного кипения электромагнитных полей, смертельных всплесков радиации, он покинул мир небытия и начал погружаться в мир живой — тот, который, постоянно напоминая о себе, рисовался взбудораженной памятью, грезился в мучительно-сладких снах синхроноза, и теперь, как чувствовал Стет, должно было прийти самое главное, самое прекрасное и ужасное, чего он боялся и ждал, должно было в очередной раз повториться потрясение того давнего-давнего летнего дня, когда он под прикрытием грозы проник в заповедник, намереваясь пройти по короткой дуге над его окраиной, спланировать с высоты втихомолку, с выключенным мотором, на попутном воздушном потоке, как мальчишка, тайно прицепившийся к заднему борту грузовика, и ему сначала везло, он вдоволь надышался послегрозовой свежестью заповедника, паря над его безмолвием и безлюдьем, он окунулся в нетронутый, девственно-чистый мир лугов, холмов, лесов и речек, но вдруг обнаружил, что заблудился, что слишком далеко углубился в заповедную территорию и обратно без мотора уже не выбраться, однако включить двигатель — значило обнаружить себя, и поэтому он тянул, тянул сколько мог туда, где, как ему казалось, проходила граница, пока нисходящий поток не швырнул его вниз, к подножию лесистого увала, здесь он едва не врезался в острые пики елей, дельтаплан, рыская в стороны, угрожающе снижался, Стет с трудом выровнял его, в отчаянии выхватил

бинокль, огляделся — и наткнулся взглядом на лежащую внизу девушку: она загорала в уединении на берегу речного залива, уверенная, что ее никто не увидит, лежала совсем обнаженная, закрыв глаза и закинув руки за голову — маленькое светлое пятно среди густой малахитовой зелени, сверху ее фигурка походила на оброненный кем-то ломтик хлеба, теплого белого хлеба, подрумяненного жаром и покрытого золотистой корочкой, а родинки на плече и груди были как зернышки мака, случайно попавшие в замес, — да, вот так, пройдя раз и другой над поляной, Стет бесстыдно рассмотрел ее в бинокль, потом, конечно, ему было неловко, но это потом, когда они познакомились, а тогда, из последних сил удерживая дельтаплан в воздухе, Стет любовался ею и думал лишь о том, как бы ее не напугать, ведь девушка была его последним шансом на спасение, он решил ей довериться и, бесшумно проносясь над нею в последний раз, успел крикнуть «эй!», прежде чем врезался в кусты на дальнем конце поляны — резкий рывок, переворот через голову, удар о землю и больше ничего, только тьма с какими-то редкими серебряными искорками и медленное, глубокое покачивание, размашистое и мощное, будто все пространство уложено в гигантские качели, заключено в тяжелый, циклопически массивный маятник, амплитуда которого все уменьшается, плавные размахи все быстрее сокращаются, переходят в легкое частое порхание, в трепет, мелкую нервную дрожь, и Стет знал: стоит ему сейчас вздохнуть, пошевелиться, даже просто открыть глаза — эксперимент ЭРГАС, ставший для него психологической западней, беспощадной компьютерной ловушкой, снова зашвырнет его в ту роковую минуту, когда он тайно парил над Литой, возвратит в тот бесконечно длящийся миг, который стал для него наказанием, кошмаром, бедой, стал тяжким лабиринтом, куда он проваливался каждый раз, совершая полеты, и повтор этот неотвратим, бесполезно оттягивать начало очередной сладкой казни, ибо компьютерный алгоритм, по воле случая сложившийся в полетном режиме экзоскеле-

тона, все равно будет пройден от начала до конца, ведь от себя не уйдешь, и сколько ни уверяй себя, что идет обычное зондирование, оптическое сканирование земной поверхности, перед глазами все равно будет Лита — Лита обнаженная, Лита на траве, увиденная однажды в многократном приближении через бинокль на плавном, медленном вираже дельтаплана: океан, став синей махровой простыней, проплывает внизу, поворачиваясь справа налево, взгляд цепляется за мелкий сор островов — это лепестки, травинки, листики, случайно занесенные сюда ветром, постепенно смещаясь, они уходят и исчезают за границей кадра, и вот в поле зрения вдвигается продолговатый светло-бронзовый полуостров локтя, потом предплечье с двумя полустершимися кратерами оспинок, за ним все обозримое пространство постепенно занимает пустынный континент плеча, далеко на востоке ограниченный коротким хребтом ключицы, а если сделать поворот на девяносто градусов к югу, то после недолгого скольжения над возвышенностью груди по глазам внезапно ударяет ослепительно белая, будто заснеженная, полоска ее вершины, увенчанная заостренным розовым пиком, но все это лишь увертюра, пролог к драме, которая неизбежно разыграется в ближайшие минуты, Стет помнит, как это бывало в ходе предыдущих полетов: когда маневровые двигатели, отработав расчетное время, отключатся, ему придется взять управление на себя и впервые прямо, с близкого расстояния глянуть в лицо Земли, и вот тут начнется самое трудное, потому что перед ним будет лицо Литы, будут ее ошеломленные, испуганные, готовые заплакать глаза, которые, впрочем, тут же просияют, едва он приподнимет голову, потом, путаясь в ремнях и пряжках, она освободит его от дельтаплана, и он окажется все на той же синей махровой простыне, проглотит какие-то таблетки из санпакета, который выдается каждому легальному посетителю заповедника, ему станет лучше, и они начнут говорить, и он узнает, что ее зовут Лита, то есть Аэлита — да, вот так, смешно и вычурно, правда? — ну почему же, по-моему,

красиво и романтично, — нет, не спорьте, мои родители не учли, что эдакое имечко придется носить девушке земной, то есть абсолютно несвободной и приниженной, вот какой! — а в чем приниженность? — да хотя бы в том, что жизнь ее, как и у всех, заранее рассчитана, дозирована этими тупыми компьютерами, ограничена буквально во всем, вплоть до последней капли воды, последнего глотка воздуха, вплоть до того, что в специально обозначенный период — не раньше и не позже — ей, видите ли, «можно» будет родить ребенка, вот и укладывайся в отведенные сроки со своими «романтическими» притязаниями, и как это, если вдуматься, гадко, обидно, унизительно, в общем, хочется иногда взбунтоваться, показать им всем язык, крикнуть: да, мы вот такие — некрасивые, неправильные, грязные! — и выкинуть что-нибудь такое... такое... ну вот как это сделали вы на вашем дельтаплане, взяли и прилетели сюда, не побоялись патруля, вы смелый, но до вечера вам надо все-таки спрятаться, можно надуть палатку, давайте я помогу вам встать, что, голова кружится? — и Стет опять чувствует на лице ее руку, опять, приподнимаясь, он обнимет ее за талию, на ней будет только коротенькая белая туника, скорее даже маечка — единственное, что она успела накинуть, когда он свалился с небес, она поведет его в тень, и он благодарно, по дружески поцелует ее в плечо, а потом они обсудят, как ему отсюда незаметно выбраться, и чем она сможет ему помочь, и будет тихий, задумчивый вечер, стремительные зигзаги стрекоз над гладью воды, редкие всплески рыбы, костер, который они разведут в строго определенном месте и возле которого проговорят до поздних сумерек, до ночи, Стет расскажет о себе, о своем противозаконном рейде, признается, что разглядывал ее с высоты, и наступит долгая пауза, после чего Лита, неподвижно глядя на огонь, скажет: этого не надо было говорить, и снова повиснет молчание, а потом она встанет и, даже не выйдя из круга света, вдруг сбросит с себя майку-тунику и шагнет к воде, стройно белея в темноте как слегка оплавленная свеча,

готовая вновь загореться, и Стет, не зная, как поступить, замешкается, потом тоже пустится вплавь и найдет ее только на середине залива, где она будет лежать на спине, задумчиво глядя в небо, и он, поддерживая ее снизу, начнет показывать ей звезды, называть созвездия — вот Лира, Андромеда, Персей, а вот Пегас, Лебедь, Кассиопея, и волосы ее будут опутывать его шею, и обломится черемуховая ветвь, когда они станут выбираться на берег, и из травы, усеянной холодными искрами светлячков, уютным темным бугром поднимется купол надувной палатки, в тесноте которой они невольно коснутся друг друга, и это будет совсем иначе, не так легко и просто, как в реке, и Стет несколько демонстративно решит устроить для себя отдельный модуль, но, когда воздух из невидимого баллона уже почти надует дополнительную полость, смежный спальный мешок, панель дистанционного управления выскользнет у него из рук, Стет попытается нашарить ее в темноте, и тут с тихим смиренным вздохом уже надутый верх палатки опустится им на головы — кто-то из них заденет переключатель, легкая шелковистая ткань, словно пузырящийся купол парашюта разом заполнит, окутает и запутает все вокруг, и только отдаленное слабое движение, приглушенный хитроватый смешок укажут Стету, куда следует пробираться, и начнутся шаловливые поиски, возникнет такая обычная и такая волнующая игра, в ходе которой он будет ловить то ускользающую маленькую ступню, то отчаянно упирающуюся руку, будет натыкаться на воинственно выставленные локти, колени, какие-то другие негостеприимные углы, пока, наконец, раззадоренный и запыхавшийся, не отыщет Литу в немыслимо закрученных складках, и тут, долго освобождаясь от бесконечных тенет ткани, вдруг разом откроет ее нагое, разгоряченное игрой тело и с ходу, не разбирая, начнет наугад целовать все подряд, а она будет непрерывно и медленно куда-то передвигаться, скользить, поворачиваться, обтекать его, как река у опор моста, тело ее будет разделяться, изгибаться, смыкаться и размыкаться вокруг его рук, плеч, бедер, и придет миг, когда не останется ничего,

кроме этих касаний, все более плотных, горячих, длительных, переходящих в невозможное запредельное единство, когда тела падают навстречу друг другу и сливаются словно веки, зажмуренные при ярком свете, когда с беспощадной нежностью, отнимая дыхание и останавливая сердца, мир накрывает тяжелая, мягкая, всеохватная волна ликующей плоти, которая с простодушной жадностью и наивным бесстыдством творит предначертанное богами волшебство: легкими перстами ласк, запретными движениями и прикосновениями, пронизывающими насквозь, она магически расслабляет, разматывает туго стянутые узлы нервов и, вытягивая их в напряженные, чутко вибрирующие струны, уносится с ними в бесконечность, и там, упоенно открыв все закрытое и тронув все нетронутое, познав все укромные уголки, она замыкается сама на себя, переполняя собою мироздание, в шатком равновесии вздымается над ним, балансирует, свешивается куда-то вниз, в бездну, содрогается, хватая воздух ртом, и в момент, когда вселенная опрокидывается, теряя точку опоры, обреченно и восторженно извергается в нее всем своим перенапряженным нутром, выплескивается разом и до конца, осушается как лопнувший сосуд, обнажается до самого дна и даже больше — в мучительно-сладких изломах освобождения она как бы выворачивается наизнанку, стремительно теряя ощущения, мысли, переживания, только что терзавшие изнемогающую душу, но в тот миг, когда, казалось бы, воцаряется абсолютная пустота, маятник бытия проскакивает эту бесплотную, мертвую нулевую точку и с ходу углубляется в новую телесность, погружается, все более тяжелея и замедляясь, в вязкое тесто иной реальности, и там, где маятник на мгновение замирает, там, на сизифовой вершине, с которой предстоит вновь скатиться, приходит ясность: экзоскелетон вошел в плотные слои атмосферы, он все это время снижался по расчетной траектории — до тех пор, пока, наконец, не пришло время последнего и самого главного действия: предстояло завершить эксперимент, произведя посадку в заданном районе пустыни Мохаве...

3

Мне трудно изложить здесь историю Стета столь же полновесно и ярко, как я воспринял ее с помощью энграмматора. Рука профессионального писателя в данном случае ничем не отличается от потуг дилетанта, и мне остается лишь уповать на фантазию и творческие способности читателя. Они должны помочь ему домыслить картину происшедшего, которую я, видимо, в дальнейшем буду излагать весьма бледно и схематично. Оставив прихотливые художественные изыски, я перехожу на будничный язык делового письма и хочу привести выдержку из одного старого документа. Это цитата из доклада доктора Л. Проктора, видного специалиста в области нейрофизиологии и нейрохимии. Свой доклад он прочитал на IV симпозиуме Американского астронавтического общества (Вашингтон, округ Колумбия, март 1966 года).

Вот что говорил Проктор: «После 2001 года астронавт станет превращаться в человека, сделанного на заказ как по своим физическим, так и психическим свойствам. Мы научимся генетическим путем воздействовать на физическое и психическое развитие наших кандидатов в астронавты, а также повышать их способности в решении таких двигательных и психологических задач, которые в настоящее время находятся за пределами нормальных человеческих возможностей... В условиях, когда один человек осуществляет такое управление поведением себе подобного, совершенно необходимы какие-то новые концепции человеческих взаимоотношений. Сегодня у большинства из нас не слишком большую симпатию вызывают «богоподобные» личности. Но я искренне надеюсь, что в течение последующих 35 лет нам удастся установить некое адекватное соотношение между техникой и философией, что позволит воспользоваться открывающимися перед нами возможностями управления «качеством» человека при помощи новых мощных средств».

Сегодня, когда прошло уже не тридцать пять лет, а почти втрое больше, можно констатировать, что прогноз Проктора

великолепным образом оправдался — но только в первой его части. Мы действительно научились изменять физиологию и психику человека в самых широких пределах. Однако гармоничные, бесконфликтные отношения между техникой управления и моралью по-прежнему остаются мечтой. У нас не появилось никакой новой философии, способной оправдать нас тогда, когда наши опыты по модификации человеческого поведения оказываются кощунственными. Нам нечего сказать себе, когда обнаруживается, что мы проиграли, и мы вынуждены нести на своей совести это проклятие как дьяволову печать, как дань, которую мы платим космосу, как злую кару, которая выпала нам за дерзкое проникновение в обиталище богов.

Проще всего сказать: давайте прекратим такие двусмысленные, антигуманные опыты. Но это совершенно нереально. Вторгшись в природу — например, в космос, — мы не можем повернуть назад, нам все равно придется его осваивать, ибо ресурсов Земли сегодня катастрофически не хватает. Нам так или иначе придется приспосабливаться к космосу, к его жестоким и в прямом смысле нечеловеческим требованиям. При этом, очевидно, мы должны быть готовы к тому, чтобы чем-то пожертвовать. Ибо космос никто не придумывал и не создавал специально для нас, это абсолютно чуждый и враждебный нам мир, в котором привычные категории и формы человеческого бытия либо полностью обессмысливаются, либо приобретают иной, нередко зловещий характер.

Приведу пример. Всем нам знакома скука — обыкновенная житейская скука, когда голова становится тяжелой, взгляд пустым, и зевать хочется. Но знаете ли вы, что такое скука вселенская, точнее — космическая? Это совершенно иная, гораздо более страшная вещь. Она обволакивает сознание, гасит мозг и, опустошая душу, выкачивает из нее, как вакуумный насос, все мысли, чувства, желания. Человека охватывает вялость, сонная заторможенность. Затем наступает полное оцепенение — «эмоциональный ступор», как говорят

психиатры. Такое состояние может продолжаться довольно долго, но в конце концов оно обязательно заканчивается взрывом. Его невозможно описать, это нечто невообразимое. Скажу так: в некий критический момент душа человека лопается, словно пустая стеклянная колба, и, осыпаясь внутрь тела, вонзается в нервы тысячами острых осколков, из-за чего возникают невыносимые фантомные ощущения — боли в совершенно здоровых внутренних органах, беспричинное удушье, бешеная многочасовая икота и изнурительно яркие зрительно-слуховые галлюцинации. Если в это время человеку не помочь, у него стремительно развивается болезненный симптомокомплекс, который в психиатрии называется «синдромом гибели мира»: кажется, что вселенная распадается, безобразно упрощается и погружается в хаос, что мироздание рушится, разваливается на куски, разлетается вдребезги. Человека охватывает ужас, он полностью теряет ориентацию в окружающем и впоследствии, если остается жив, весьма смутно вспоминает о том, что происходило. Говорят, некоторые, не пережив «гибели мира», сходят с ума...

Мне, к счастью, не довелось испытать подобных потрясений — даже в относительно облегченном виде с помощью энграмматора. Коварная «космическая скука» тоже обошла меня стороной. Зато Степан Корнев, работая в скоростном флоте, где, как известно, весь летный персонал состоит из пилотов-одиночек, с лихвой вкусил прелести вселенской скуки. Предвижу недоуменный вопрос: как можно заскучать на борту скоростного импульсного корабля, разгоняемого взрывами ядерных зарядов? Ведь тут один старт чего стоит! Действительно, разгон и торможение такого корабля — зрелище феерическое. Но сам пилот свой корабль со стороны не видит. А кроме того, не все знают, что наряду с космической романтикой существует еще и космическая бухгалтерия, по расчетам которой такая дорогая затея, как полет импульсного корабля, должна по возможности скорее окупаться и приносить прибыль. Поэтому на скоростных трассах все, что

нельзя занести в графу «полезный груз», сведено к жесткому минимуму. Логика здесь та же, что и на земных авиалиниях: ничего лишнего, час-полтора можно потерпеть без курева, кино и горячих бифштексов. Так что изнутри полет импульсника вовсе не похож на рейс гоночного автомобиля, за стеклами которого проносятся страны и города. Все выглядит гораздо более прозаично. И если продолжать сравнение с автомобилем, то надо представить, что он равномерно и прямолинейно несется непроглядной ночью по однообразной и ровной, как стол, пустыне. Ни зги не видно, никакого ощущения скорости нет и словом перекинуться не с кем. Добавьте к этому тот факт, что рейс с околоземной орбиты к Марсу, называемый «скоростным», длится в среднем девяносто суток, а к Юпитеру — более года; добавьте одиночество, отсутствие развлечений, тесноту единственного обитаемого отсека, угнетающее однообразие циркадного ритма: сон — первый — второй — третий прием пищи — сон, и вы поймете, на что больше всего похож скоростной рейс. На заключение в одиночной камере, не правда ли? Так стоит ли удивляться, что именно на скоростных кораблях были впервые опробованы средства модификации человеческой психики, и Стет охотно принял участие в этих опытах в качестве добровольца?

Доктор Волин, один из руководителей этой международной научной программы, прочитал мне целую лекцию, разъясняя, каким именно образом модифицировалось сознание пилотов-участников эксперимента:

— Как известно, — сказал он, — биохимическая или электрическая стимуляция некоторых участков головного мозга — гипоталамуса, ретикулярной формации, лимбической системы — позволяет вызывать у человека любые психические состояния. Это дает возможность управлять сознанием в весьма широком диапазоне: от одного крайнего состояния — гибернации, когда человек погружается в глубокий сон, сопровождаемый предельным замедлением всех физиологических процессов, до другого крайнего состояния — сверхмобильности,

когда скорость умственных и двигательных реакций приближает человека к компьютеру или роботу интеллектного типа. Впрочем, крайности, как всегда, оказались излишними. Опыты, в которых участвовал Корнев, показали, что гибернация неудобна и даже опасна при внезапном возникновении экстремальных ситуаций, поскольку на выведение человека из сна требуется довольно длительное время. Ну а что касается сверхмобильности, то она требует от человека слишком больших эмоциональных и физических затрат и попросту невыгодна. В самом деле, зачем превращать человека, имеющего весьма небольшой психоэнергетический ресурс, в довольно средний компьютер, если на борту уже есть другой, гораздо более надежный и мощный? В итоге многочисленных экспериментов было установлено, что самым удобным является некий промежуточный режим, при котором на начальной и завершающей стадии полета пилот находится в естественном психическом состоянии, а большую часть пути — почти девяносто процентов времени — пребывает в состоянии дисассоциации. Вы знаете, что это такое?

Волину не пришлось объяснять мне, что такое дисассоциация. Дело в том, что однажды я сам наблюдал, как выглядят люди, у которых прервана ассоциативная деятельность мозга. Несколько лет назад, когда я находился на лунной базе в кратере Архимед, туда поступило странное сообщение с базы Ландсберг, расположенной в Океане Бурь. Коллеги ставили нас в известность, что неподалеку от Архимеда в Море Дождей совершит вынужденную посадку орбитальный модуль ОРМ-403 с тремя космонавтами на борту. База Ландсберг предупреждала, что экипаж орбитера на вызовы по радио не отвечает, и связь поддерживается только с бортовой автоматикой. Нас просили как можно скорее доставить людей в комфортабельное помещение, но больше никаких мер до прибытия специалистов не предпринимать.

Всех, кто присутствовал при разговоре, это, конечно, озадачило. А главного врача базы Архимед, темпераментного Мерано, просто-таки возмутило.

— Алло, база Ландсберг! — закричал он в микрофон. — Мы правильно вас поняли? Медицинской помощи оказывать не надо?!

Нам показалось, что на другом конце радиорелейной линии возникло легкое замешательство. Потом был ответ:

— Люди в модуле здоровы.

— Но ведь у них — вынужденная посадка! — наступал Мерано, которому чудилось в странной просьбе недоверие к его компетенции. — Они не выходят на связь!

— Мы располагаем данными телеметрии. Экипаж модуля чувствует себя нормально.

— Почему тогда они не управляют полетом? Почему молчат?

— Проводится эксперимент по модификации психики, — кратко ответила база Ландсберг.

Вместе с другими любопытными я присутствовал при моменте, когда людей с орбитера доставили на базу Архимед. Я видел, как их медленно вели по коридору. Картина была неприятная и пугающая. Распухшие, отечные лица, слезящиеся бессмысленные глаза, распущенные мокрые губы... Казалось, эти люди — здоровые, сильные парни — либо совершенно пьяны, либо впали в слабоумие. На них были неряшливо расстегнутые, перепачканные едой комбинезоны, и у каждого из-за ворота свисала тонкая трубка, из которой в слабом поле тяготения Луны дымчато сеялись какие-то темные точки — будто клубилась мошкара. Когда кто-нибудь задевал эти точки, они лопались, и становилось ясно, что это кровь.

Я прислушался к тому, что говорил Мерано. Работа ему все-таки нашлась: в наушниках и с микрофонами на шее Мерано передавал базе Ландсберг:

— Давление и пульс в норме... Реакция зрачков отсутствует... Тонус мускулатуры снижен... В легочной артерии — катетер Свана-Ганца с термистором... Психическое состояние — дисассоциация с переходом в апраксию...

Прибывших поместили в госпитальный отсек. Через несколько часов за ними прилетела группа специалистов базы

Ландсберг и забрала их с собой. Мерано освободился, и все, кто был не на вахте, обступили его. Выяснилось, что люди с модуля — добровольцы-испытатели, участвующие в экспериментах по управлению психикой космонавтов. В ходе полета у них была искусственно вызвана дисассоциация. Это состояние, как пояснил Мерано, занимает промежуточное положение между гибернацией и ясным сознанием — что-то вроде сна, в который бывают погружены лунатики. При дисассоциации наступает почти полное отключение человека от окружающих условий. Дисассоциированный мозг не связывает поступающие извне сигналы друг с другом, в результате чего они не складываются в угнетающе однообразный ритм — главный фактор скуки. При этом человек сохраняет способность совершать некоторые простые операции, может, например, принимать пищу, выполнять несложные гигиенические процедуры. Теоретически такое состояние может длиться месяцами. В опыте с ОРМ-403, однако, дисассоциация почему-то превзошла ожидаемый уровень и вылилась в полный распад функций — апраксию. В этом состоянии человек еще может взять пищу в рот, но не знает, как ее проглотить.

Таковы издержки приобщения человека к той коварной враждебной природе, который простирается вне Земли. И как бы мы ни стремились, нам не избежать здесь самых разнообразных тупиков и ловушек, то и дело встающих на нашем пути. Мы не в силах предвидеть последствия своих действий, потому что в кривом зеркале неизведанного любые человеческие поступки могут быть искажены самым невероятным образом. Конечно, мы имеем право уповать на победу. Но наша обязанность состоит в том, чтобы быть готовыми к поражению. Мы должны ясно представлять себе, что мир, окружающий нас, не вникает в наши намерения. Поэтому заслужить его благосклонность, заранее застраховать себя от катастроф попросту невозможно. Мы одинаково рискуем, делая добро или зло. Мы можем добиваться и благородных, и низменных целей — мироздания это не касается. До поры до

времени оно снисходительно-равнодушно позволяет нам вести себя как угодно. Однако едва мы, как заигравшиеся дети, переступаем некую незримую черту, на нас тотчас обрушивается неожиданная и жестокая кара. Этот механизм тяжелого возмездия, несоизмеримого с поступком, я бы назвал «эффектом финиковой косточки».

4

Некий человек, пересекая пустыню, утомился и решил отдохнуть. Он сел и начал есть хлеб с финиками. Но едва он проглотил первый финик и выбросил косточку, как земля задрожала, ударил гром и перед человеком возник ужасный демон. «Я убью тебя, — сказал он путнику, — потому что финиковая косточка попала в грудь моему сыну и он тотчас умер!».

Эта древняя восточная притча хорошо иллюстрирует тот известный факт, что мы далеко не всегда способны понимать действительное значение собственных поступков. Порой мы думаем, что просто выбрасываем финиковую косточку, а на самом деле совершаем преступление. Вполне заурядные, обыденные действия, речи и даже только помыслы могут пробуждать неумолимых демонов возмездия, которые внезапно являются и казнят нас по совершенно ничтожным, казалось бы, поводам. И это, наверное, справедливо. Ибо как иначе мы могли бы увидеть подлинный масштаб своих дел? Как могли бы познать истинное значение целей, которых наметили добиваться, и идей, которые решили исповедовать?

Все это в полной мере относится к истории Степана Корнева. Вывод, к которому пришла следственная комиссия, сводится к трем словам: «Корнева погубил синхроноз». Когда я попросил доктора Зимменталя прокомментировать это заключение, он сказал:

— Вам хочется понять, в чем заключалась причина катастрофы? Попробую объяснить. Вдумаемся: что такое мозг? Это аппарат быстрого и глубокого отображения внешней сре-

ды во внутренних структурах организма. Говоря популярно, мозг — это своего рода «троянский конь», с помощью которого внешняя среда проникает в самые сокровенные части живого существа и оттуда, принимая вид его собственных внутренних импульсов, направляет всю деятельность организма. Чем более развит мозг, тем более развит существующий на его основе интеллект. Но это одновременно означает усиление зависимости интеллекта от все более отдаленных — в пространстве и времени — событий в среде обитания. Порой это может привести к весьма драматичным и даже трагическим последствиям — как это, к сожалению, и произошло со Стетом. Когда события прошлого ощущаются и переживаются столь же остро и отчетливо, как и события сиюминутные, когда прошлое присутствует в сознании человека наравне с настоящим, синхронно с ним — возникает болезненный психологический эффект, который Стет весьма точно назвал синхронозом. Это что касается отношений со временем. Но существует еще проблема пространства... Если исследования будут продолжены, то, полагаю, весьма скоро нам предстоит столкнуться с таким феноменом, как шизотопия — субъективным эффектом «расщепления места», когда человеку может казаться, что он в данный момент находится не в одном, а сразу в двух, трех, пяти и так далее местах.

Слова Зимменталя заставили меня взглянуть на проблему в ином, максимально широком масштабе. Не знаю, как насчет «шизотопии», но я уверен: уже то, что выпало на долю Стета, заставляет задуматься не только о конкретной научно-практической проблеме, но и о самых главных, кардинальных способах развития нашей цивилизации. В истории Корнева мне видится некий глобальный общефилософский подтекст, игнорировать который мы не имеем права. Смысл его удобнее всего, пожалуй, сформулировать в библейских категориях, взяв за основу историю Каина, изложенную в Книге Бытия. Перечитаем стих второй, который гласит: «И был Авель пастырь овец; а Каин был земледелец». То есть если

Авель довольствовался очень мягким, почти незаметным вмешательством в природу мироздания, то Каин был радикальным преобразователем, революционером — он совершил нечто такое, что до него никто не делал: разрезал плугом грудь матери-земли, чтобы вырастить хлеб. И не потому ли Господь столь осторожно отнесся к достижениям Каина, не приняв от него даров? Ведь и впрямь от такого радикала всегда можно было ожидать чего угодно. И весьма скоро опасения Создателя наихудшим образом подтвердились: Каин убил Авеля. Но вот что интересно: обвинения Каину выдвигаются Господом не от самого себя, верховного судии, а от... земли: «И ныне проклят ты от земли... Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле». Чем же обусловлено земное проклятие Каину? Видимо, тем, что земля, как говорит Господь, «отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей» и была этим осквернена.

Итак, вспоров плугом грудь земли и бросив в нее зерно, Каин стал героем-первопроходцем, основателем земледелия. Но, вскрыв ножом грудь Авеля и пролив на землю кровь, он оказался преступником. Точно так же мы, вторгаясь в неизведанное, не можем знать, какая участь нас ожидает. Окажемся мы героями или преступниками — это решаем не мы, а последующая история и живущие в ней потомки. Однако путь, который мы при этом можем использовать, всегда остается одним и тем же: чтобы двигаться вперед, нам не остается ничего другого, как постоянно нарушать каноны, переступать через запреты и преступать привычные нормы — словом, нести на себе каинову печать, которой изначально помечена наша цивилизация. Мы можем скорбеть, возмущаться и бунтовать, но нам никогда не преодолеть этот каинов комплекс, в силу которого и отдельные люди, и большие группы людей, называемые, допустим, социальными движениями, политическими партиями, научными и художественными школами, могут вдруг из героев стать преступниками, и наоборот — те,

кто считался преступниками и предателями, могут быть оправданы и превратиться в героев.

Заканчивая свои размышления, хочу подвести итог истории Стета Корнева, в судьбе которого самым роковым образом тоже отразился каинов комплекс. Я уже упоминал, что довольно значительная часть мнемокристаллов, на которые записывались его переживания в ходе последнего полета, была уничтожена в результате катастрофы. Впоследствии, однако, на месте крушения корабля в пустыне Мохаве в результате долгих и тщательных поисков удалось собрать некоторые дополнительные, хотя и разрозненные части мнемозаписи. Не все из них поддаются достаточно внятному истолкованию, но мне для моих целей обобщать весь материал и не нужно. Я хочу остановить внимание членов следственной комиссии лишь на одном фрагменте — это несколько десятков минут, предшествующих последнему, в полном смысле гибельному решению Стета.

Излагаю данный фрагмент так, как я его понял и почувствовал в восприятии через энграмматор. Начало записи отсутствует.

«...монотонное шуршание радиоэфира, приглушенный фон магнитной бури, отчасти похожий на шум дождя, когда раскачиваемые ветром ветви деревьев изредка скребут и шаркают по окнам дома, когда погружаешься в дремотное оцепенение, в ленивое и смутное бытие между сном и явью, и звуки, приходящие извне, кажутся уже не шумами и треками, а чем-то иным, почти осмысленным — особенно когда они в некий момент вдруг складываются в человеческую речь, в медленный неразборчивый монолог, прерываемый вздохами, всхлипами, стонами, как бы выражающими что-то интимное — и с того момента, когда Стет услышал его, он уже не мог оставаться собранным и спокойным, он знал, что голос был несомненно женским, и Стет изо всех сил вслушивался в него, но не мог понять ни слова, отчетливой была только интонация, казалось, дыхание женщины, ее восклицания

и тихий смех заполняют собой всю вселенную, что где-то рядом огромные нежные губы ласкают и целуют такой же гигантский чуткий микрофон, взволнованно шепчут в него какие-то милые глупости — и оставалось только дожидаться короткого периода, когда голос отдалялся, тонул в шумах, и тогда Стет пытался собраться с мыслями, осознать, сон это или явь, но скоро откуда-то из глубин мироздания с воем, свистом и треском на него вновь неотвратимо надвигался громадный ласкающий рот — горячий, мягкий, воркующий, безжалостно целующий прямо в изнемогающую, жалко трепещущую поверхность обнаженного мозга, и оставалось только исчезнуть, раствориться, умереть...»

Агония корабля длилась чуть дольше. Бортовой компьютер успел зафиксировать, как раздирающее душу противоречие двух стремлений, которые испытывал пилот — остановиться и продолжить, отдалиться и приблизиться, — внезапно выразилось в таком неистовом запредельном диссонансе, что из него неотвратимо родилась смертельная гармония одного-единственного решения. Словно ядерная цепная реакция — желание не чувствовать, не существовать, зародившись в нескольких клетках мозга, неудержимо хлынуло и затопило сознание, а затем потрясло взрывной волной все тело, превратив его в ослепительный огненный шар, который тут же распался, опалив пустыню далеко вокруг от места предполагаемой посадки. Взрыв произошел на высоте нескольких километров, обломки разметало по значительной площади, так что люди, изучавшие потом причины катастрофы, очень долго не могли понять, почему тончайшее органическое слияние человека и корабля образовало столь неустойчивую взрывчатую смесь, которую они опрометчиво и неточно называли киборгом.

2004 г.

СОВСЕМ НЕ ФАНТАСТИКА!

Сергей Туманов

СОЗДАТЕЛЬ ИГРУШЕК

Утро начиналось как обычно, а кончилось большим кошмаром.

Шестиклассник Харитонов проснулся от назойливого гудения в стоваттных колонках, продрал глаза, нашарил на тумбочке очки, водрузил их на нос и огляделся.

Было еще темно. На стенах ползали синие сполохи от хранителя экрана. Веселыми огонечками мигала оптическая мышка.

Харитонов повалился обратно на подушку, припоминая, что за сон ему сегодня снился. Снился ему, как и все последние дни, славный город Сан-Фиерро, длинная вереница угнанных автомобилей и негры в зеленых футболках.

Гудение в колонках нарастало, перешло в пронзительный визг и разом стихло.

Будильная программа откашлялась и сказала гнусавым голосом:

— Тук-тук!

И тогда Харитонов вспомнил, что сегодня суббота, родители слиняли на дачу и будут только в понедельник. И еще он вспомнил, что компьютерное «тук-тук» означает, что кто-то пришел и теперь ломится в двери, а значит, надо встать, выйти в коридор и спросить «кто там?» И если никто не отве-

© С. Туманов, 2006.

тит, значит, ломятся хулиганы и можно спокойно лечь и спать до полудня.

— Тук-тук! Мать вашу! — глотая гласные и согласные снова возопили динамики. — Тут пришли к тебе, Хакер. Открывай!

Харитонову нравилось, когда его называли Хакером, даже если это делала безмозглая программа.

Он встал, проковылял по квартире, зажигая попутно свет во всех комнатах, подошел к входной двери и сонно поинтересовался:

— Кто?

— Я это, я! — сказала дверь голосом Вована. — Харя, открой!

— Чего приперся? — обиженно спросил Харитонов. Если звонкое «Хакер» ему нравилось, то оставшуюся с незапамятных детсадовских времен «Харю» он активно не переносил.

— Дело есть на тыщу килобаксов. Открывай.

Харитонов вздохнул и принялся отпирать многочисленные замки.

Вован ввалился в прихожую, как всегда большой и шумный.

— Ну все, Харя! Я до тебя добрался. Снимай стеклышки, бить буду!

Харитонов зевнул.

— Что случилось?

Вован прошелся по коридору, не снимая грязные боты, хрипло дыша и заглядывая в комнаты.

— Предков нет?

— Не-а. На даче.

— Здорово. Тогда у тебя отсижусь.

Только сейчас Харитонов заметил огромный фингал на физиономии приятеля. Черная футболка с надписью «Пошли все в...» была порвана в нескольких местах и покрыта маслянистыми разводами..

— Кто это тебя?

Вован подскочил к нему и сгреб за ворот майки.

— Кто?! Ты! Из-за тебя все! Ты что мне вчера продал, водолаз недоделанный?

Харитонов сглотнул.

— Чип. Хороший. Очень хороший и очень дорогой.

— Хороший, — кривляясь, передразнил Вован. — Ничего он не стоит, этот твой чип. Одни проблемы. Ты мне чего обещал?

— Ну... многое.

Вован отпустил Харитонова, показал растопыренную пятерню и стал загибать толстые, как сардельки, пальцы:

— Что водить научусь, и машины буду угонять — обещал?

Харитонов кивнул.

— Что менты на это внимания не будут обращать — обещал?

— Ну...

— Что хозяева, которых я буду выкидывать из салонов, побегают, поорут и успокоятся — обещал?

— Ну да. А что, чип не сработал?

Вован покрутил головой, хрустя бычьей шеей.

— Сработал. Я тебе сейчас тоже так сработаю... У тебя чего пожрать есть? Я голодный как зверь.

Харитонов кивнул в сторону кухни, прошел вслед за яростно жестикулирующим Вованом, сел на табуретку и стал смотреть, как опустошается холодильник.

— Так вот, — продолжил Вован, засовывая в рот куски копченого мяса. — Машины, это, конечно, респект. Я за вчерашний день столько тачек угнал — закачаешься. Половину разбил, половину бросил. В общем, классно повеселился. Постовые на меня смотрели как на пустое место. Бедные хозяева сперва, конечно, бежали следом, но потом забывали, что у них были машины.

— Ну? Тогда что?

— А то, что не все хозяева забывали, Харя! Ты, Харя, забыл мне сказать, что на бандюганов это твое правило не распространяется! На Ленинском я выкинул из «майбаха» какого-то заморыша. И всю ночь за мной гонялись какие-то отморозки, прострелили шины, набили морду, узнали где я

живу, и теперь свора каких-то мордоворотов пасется у моего дома и поджидает, когда я приду объясняться.

Харитонов потупился.

— Ну да, это я как-то не учел... Недоделал. Прости, Вов.

— Прости?! — взвился Вован. — Что значит прости? Меня чуть не убили. Сейчас они перекрыли все входы и выходы, я даже не знаю, как домой попаду. Кстати, они вроде даже до твоего дома меня проследили. Выглянь-ка, посмотри.

Харитонов подошел к окну и осторожно посмотрел вниз.

Светало. Длинные тени от домов тянулись через весь двор, падали на припаркованные машины и запутывались у чахлых зеленых насаждений возле магазина. Рядом с детской площадкой особняком стоял огромный черный внедорожник с тонированными стеклами, возле которого прохаживались трое темных личностей самого бандитского вида. Одна из личностей вдруг подняла голову и глянула на окна. Харитонов отшатнулся.

— Да, дела... Вовка, я даже не знаю, что делать.

— Зато я знаю. — Вован смачно откусил половину яблока. — Сейчас я пойду к этим мафиози и скажу, что во всем виноват ты. Скажу, что, мол, есть у нас в классе один компьютерный гений-недоучка. Он такие штуки, скажу, делает — обалдеете. У вас, скажу, господа бандиты, с его изобретениями такая жизнь кайфовая начнется, вы столько банков безнаказанно ограбите, и ничто вам за это не будет. Вот так.

— Погоди, Вов...

— Они знаешь, что с тобой сделают? Они тебя посадят в какой-нибудь погреб, и ты будешь на них пахать всю жизнь. Бесплатно. Так что готовься. Твоя жизнь, Харитонов, скоро сделает крутой поворот.

Харитонов в замешательстве снял очки.

— Может, еще можно что-то поправить?

— Ну, ты же у нас гений. Вот и думай. Только быстрее. Я домой хочу. Предки наверняка волнуются.

Харитонов сел, положив подбородок на стол.

— Слушай! — Вован хлопнул его по плечу. — А ты над невидимостью не думал? Ну, знаешь, как в бродилках, выбрал скилл — и тебя не видно? А? Наверняка думал. Раз уж можешь реальную житуху в виртуальность превращать...

— Нет, не думал. Не дошел. Да и зачем она тебе? Она не поможет. Если ты им сказал, где живешь...

— Да нет, я им только дом сказал, а номер квартиры нет. Вырвался, убежал, выкинул какого-то мужика из «тойоты»... Мне бы только до дома добраться, а там папашка что-нибудь придумает.

Харитонов встал.

— Есть у меня одна идея. Только вчера новый чип закончил. Может помочь.

— Ну и как она работает? — Вован скосил глаза, пытаясь увидеть металлическую блямбу, присосавшуюся к виску.

Харитонов убрал руки от чипа, закончив настройку.

— А ты еще не понял?

— А я должен понять?

Харитонов взял фонарик и посветил в глаза приятеля. Вован заморгал.

— Ты что, ничего нового не видишь?

— Я должен что-то видеть?

— Так. Ясно. — Харитонов схватил со стола клавиатуру и со всего маху треснул ею Вована по голове. Клавиатура с треском развалилась. Клавиши, как кости, рассыпались по полу.

— Ты идиот!

— Извини. Иногда приходится действовать кустарными методами... А сейчас видишь?

Вован, потирая голову, вгляделся. Его маленькие глазки расширились от удивления.

— Кру-уто... — протянул он. — Это, типа, что? Панель управления?

— Что-то вроде. — Харитонов стянул с рук медицинские перчатки. — Главное меню, как в игрушках. Кнопка «Save»

записывает определенный момент твоей жизни. Кнопка «Load» к нему возвращает.

Вован поводил руками в воздухе, словно пытаясь нажать что-то невидимое.

— А как ими пользоваться?

— Не так. Они проектируются на роговицу глаз. Просто подумай, что нажимаешь. Кнопка и сработает.

Вован напрягся, сморщив лоб.

— Нажал.

— А теперь встань, отойди в сторону и нажми «Load».

Вован, пошатываясь, слез с кресла, подковылял к окну. И медленно растаял в воздухе.

Спустя секунду возник снова в кресле, судорожно вцепившись в подлокотники и выпучив глаза.

— Кру-уто! Это я, типа, записался и перезагрузился?

— Вот именно. Это своего рода путешествие во времени. Только в одну сторону. Правда, слот в единичном экземпляре. Человеческих мозгов не хватает, чтобы хранить сразу несколько точек возврата. Так что, все равно будь осторожен.

Вован с сомнением глянул на Харитонова.

— А как это мне сейчас поможет?

Тот в замешательстве снял очки.

— Ну, как это... Ведь ты же домой хотел попасть? А пути перекрыли. Вот и пытайся. Один раз не получится, снова попробуешь. Кстати, если будут стрелять, в критической ситуации система тебя сам выкинет в точку записи. Не боись, некоторое время, конечно, помучаешься, но ведь непроходимых уровней не бывает.

Сомнение в глазах Вована переросло в недоверие.

— Я думал, ты мне что-нибудь более действенное предложишь.

Харитонов развел руками.

Вован снова уставился в пространство.

— А кнопка «Option» — это что?

— Опции. Там много всего. Настройки яркости, гаммы, звука. Ну и так далее. Потом разберешься. Кстати, там

еще другие кнопки могут появляться. В зависимости от ситуации.

Вован встал.

— Ну, раз у тебя больше ничего нет...

Харитонов виновато смотрел на приятеля.

— Вечером позвони. Может, еще что придумаю...

Вован хмыкнул, шагнул к двери. И остановился.

Над тумбочкой у выхода висел странный агрегат, медленно вращаясь в воздухе. Внушительный ребристый ствол переливался металлическим блеском. Вован протянул руку.

— А это что?..

— Эй, он недоработан, — дернулся Харитонов.

— Это именно то, что я думаю?

— Недоработан, говорю! — Харитонов попытался заслонить тумбочку своим тщедушным телом. — Я его еще не испытывал.

Вован, не церемонясь, отодвинул приятеля в сторону и сгреб добычу обеими руками.

— Вот мы его и испытаем. В полевых условиях.

— ...save...

Дверь с грохотом распахнулась, и в облаке поднявшейся пыли обрисовалась фигура пухлого пацана в рваной черной футболке, шортах, кедах и с шотганом наперевес.

— Ого, — протянул Корявый, лениво сплюнув. — Наш клиент.

Ахмет медленно отстранился от нагревшегося бока «Экспедишена» и сунул руку в карман.

— Эй, мальчонка, ходи сюда!

Воздух распорола синяя вспышка. Ахмет сполз по колесу джипа, оставляя на резине красные разводы.

Увидев такой расклад, Корявый обалдел. Он бы, наверное, еще долго стоял в ступоре, пытаясь шевелить простыми бандитскими мозгами. Но очередная синяя вспышка не дала ему много времени.

Вован потрусил к джипу, радостно оглядываясь. Забрался на водительское место, снялся с ручника...

— Тук-тук, парнишка, — раздалось сзади вместе с сухим щелчком предохранителя. Что-то холодное ткнулось в затылок. — Мы тебя долго ждали.

...load...

Трое значит, подумал Вован, осторожно приоткрывая дверь. Один из мафиозо, тот, что сидел на капоте, был как на ладони. В этот раз Вован решил не рисковать и снял беспечного бандита, не выходя на улицу. Зато другие два тут же слетели в близлежащие заросли. По стене и железной двери с визгом ударила автоматная очередь.

— Ну и дурак я... — пробормотал Вован и снова нажал кнопку.

...load...

Наверное, дверь была хоть и железная, но непрочная. Потому как обалдевший от неожиданности Корявый вдруг увидел, как она с оглушительным грохотом слетает с петель и вываливается наружу, подняв тучи пыли, а из этой пыли выбегает орущий маленький пузан с какой-то штукой наперевес. Корявый даже не успел понять, что он увидел. Так же как не успели это понять Ахмет и дрыхнущий в машине Слепень, который даже глаза не успел открыть.

Вован, отдуваясь, выволок из салона труп третьего бандита, влез на водительское кресло и завел двигатель.

...save...

Дом находился через два квартала отсюда, в районе новостроек. Этот короткий путь Вован преодолел за пару минут, с наслаждением давя на газ и чувствуя, как огромный сарай заносит на поворотах. Несколько поваленных фонарных столбов только добавляли пикантности.

За последним поворотом Вована встретила баррикада из трех нагруженных под завязку самосвалов.

Затормозить он не успел.

...load...

В этот раз он выбрал другой путь. Более долгий. Ехал медленно и осторожно, объезжая кучи строительного мусора и выбоины на дороге.

Когда вдали показались веселенькие зелено-голубые стены родной девятиэтажки, по капоту застучали пули, лобовое стекло рассыпалось в пыль, и наступила полная темнота.

...load...

— Шеф, прием, — захрипела транковая рация. Егудин тронул клавишу ответа.

— Что у тебя?

— Шеф! Этот малолетний положил трех наших и угнал машину. Даже разговаривать не стал. Просто положил, отморозок. Делать что?

— Оставайся на месте.

Начальник службы безопасности банка «Лабеан» Виктор Егудин вздохнул и пригладил седую шевелюру. С таким он еще не встречался. Достал рацию и тихо сказал:

— Всем. Готовность номер один. Объект скоро будет здесь. Действовать по варианту «А».

Что означало стрельбу на поражение. А что еще прикажете делать с отморозками?

И тут на площадку перед домом вылетел угнанный «Экспедишн», разметал выстроившиеся у подъездов малолитражки и, сопровождаемый стрекотом очередей, понесся по тротуару.

— Вариант «А», придурки! — проревел Егудин.

Взбесившийся джип занесло на повороте. И тут кто-то все-таки догадался. Широкий дымный след протянулся от детской площадки к джипу, и под его днищем вспух огненный шар.

Вован сидел в машине и напряженно думал. Прорваться сквозь заслоны бандюганов оказалось совсем не просто. Все пути были перекрыты, во всех кустах сидели вооруженные

до зубов головорезы, которым, видимо, приказали в живых его не оставлять.

От нечего делать он залез в меню «опций» и стал баловаться, двигая туда-сюда ползунки яркости и гаммы. Мир вокруг становился то темнее, то светлее, то ярким и насыщенным до боли в глазах, то черно-белым. Ползунков в «опциях» было много, штук двадцать, и Вован не сразу заметил в самом низу короткий отрезок с надписями «юзер», «медиум», «хард» и «киллер».

Ползунок стоял напротив «киллера».

Вован расплылся в улыбке. И перевел стрелку на «юзер».

Егудин стоял у входа на детскую площадку, водил рукой по верхушкам колосящихся сорняков и глупо улыбался. Какая-то мелкая птичка вспорхнула с ветки. Егудин проводил ее взглядом и зажмурился от удовольствия.

Рядом затормозила машина. Большая и красивая.

— Здрасте, — вежливо сказал вылезший из машины мальчик.

— Здравствуй, мальчик, — улыбаясь, сказал Егудин. — Как дела?

— Хорошо, — сказал мальчик и тоже улыбнулся.

Какой добрый мальчик, подумал Егудин, глядя ему вслед.

Мальчик прошел мимо толпящихся во дворе идиотов в черных кожаных куртках. Идиоты его не заметили. Кто-то из них глубокомысленно разглядывал небо, кто-то вертел в руках странные маслянисто поблескивающие штуковины и пускал слюни.

Мальчик напоследок оглянулся и юркнул в подъезд.

Вован влетел в квартиру и, не разуваясь, помчался в родительскую спальню.

— Папка! Папка! Спасай!

Его отец, толстый и внушительный генеральный директор градообразующего предприятия, вышел из комнаты, улыбаясь.

— Привет, сын.

— Пап, ты не представляешь! Меня хотят убить! Какие-то головорезы, их тут сотни! Ты...

— Кушать будешь?

— Да какое кушать?! Меня убить хотят!

— А ты уроки сделал? — все улыбался папа.

Вован отшатнулся, глядя в пустоту добрых папиных глаз.

— Привет, сын, — сказал папа. — Кушать будешь?

Вован спиной отступил к своей комнате. Нашарил ручку двери, боком зашел внутрь. И, не спуская с папы глаз, закрыл дверь.

— А ты уроки сделал? — послышалось из коридора.

— Слушай, водолаз! — свирепо прохрипел Вован в телефонную трубку. — Ты что с моим отцом сделал, а? Он же сейчас как идиот! Даже на эту твою опцию «сложность игры» не реагирует! Полный дебил. Хоть на «юзере», хоть на «киллере».

— Так он же не действующее лицо. Действующее лицо — ты, бандиты. Ну, я, как создатель игрушки. А все остальные — энписи, что-то вроде мебели. Ходят по кругу, знают три фразы. А зачем им больше? Это будет сложно.

— Слушай, создатель! Я до тебя сейчас доберусь, мама родная не поможет!

— Нереально, Вовик. Я же создатель. Это мой мир. Так что...

Вован бросил трубку.

Подошел к столу. Медленно взял тяжелую, сделанную на заказ, металлическую клавиатуру. И, зажмурившись, со всей силы треснул себя по лбу.

Сергей Чекмаев

СПАМЕЛЛА

1

— Памела? — переспросил он.

— Спамелла, — поправила она.

— Дурацкий ник.

— А мне нравится.

Спамелла стояла на фоне заката — юная, обнаженная по пояс, с тяжелым лазерным карабином на плече — и смотрела в виртуальную даль. Ремень винтовки лениво покачивался, изредка прикрывая правую грудь.

Он поймал себя на том, что засмотрелся. Недовольно хмыкнул и повторил:

— Дурацкий ник.

— Да пошел ты... — Спамелла смерила его оценивающим взглядом. На нем красовалась ковбойская шляпа, кожаная куртка с бахромой и черные тупоносые казаки. — Сам-то ты кто? Неуловимый Джо?

— Я Последний Изгой, — ответил он с вызовом.

— Красивый ник. — Спамелла улыбнулась.

— Дура. — Он сплюнул. — Это не ник, это — судьба.

— Вот и познакомились... — Груди Спамеллы колыхнулись.

Они помолчали.

© С. Чекмаев, 2006.

— Черствый ты, — неожиданно сказала она. — Нет, чтобы подарить девушке немного любви и тепла.

— А-а?.. — Короткое мгновение Последний Изгой боролся с искушением, потом сдался: — Ну, это... давай.

Спамелла закинула винтовку за спину и прижалась к нему.

— Изгой, у тебя ширинки нет.

— Как нет? — Он поискал: ширинки действительно не было.

— Программная ошибка, — догадалась Спамелла. — Ты, наверное, со стандартным набором в Игру вошел...

— Да я как-то не подумал... Что будем делать?

— У тебя нож есть?

Нож был. Спамелла умело и быстро вспорола брюки, Изгой не успел даже испугаться.

— Было классно, — услышал он чуть позже. — Ты такой... такой...

— Да ладно... — не поверил Изгой.

— Правда, — сказала она. — Пошли, что ли?

2

Солнце село. Спамелла и Последний Изгой шли по темным улицам заброшенного города строго на запад. Они почти не прятались. Ориентировались на перекрестках, где светились огромные плакаты, рекламирующие сигареты, выпивку и прочие радости реальной жизни. Прищурив левый глаз, можно было разглядеть игровые опции — компас, часы, количество противников и приблизительное расстояние до них.

Противники были далеко. Лишь однажды прямо на них выскочил небритый крепыш в драном камуфляже. Последний Изгой по-ковбойски выпалил с бедра. Игрок схватился за подстреленное плечо, упал на колени и попытался отползти за угол. Спамелла добила его в самый последний момент.

— Быстро стреляешь, — заметила она. — Только пушки твои не очень, такими с одного раза не убьешь. Ну, понятно, стандартный набор...

— А что, — удивленно спросил Изгой, — можно было чего-нибудь помощнее взять? Я в меню не заметил...

— Вот я и говорю — стандарт, то есть самое простое оружие в Игре, зато подходящее по антуражу. В расширенных опциях можно хоть ракетомет выбрать.

— Да ну? — не поверил Изгой.

— Запросто. Только что бы ты с ним делал, попав на какой-нибудь водный уровень или в мир фэнтези? Первые пять минут, понятное дело, был бы там круче всех, а потом — что? Заряды не вечные, а новых взять неоткуда.

Последний Изгой внимательно рассмотрел свои пистолеты, засунул за пояс.

— А это, — он кивнул на винтовку в руках Спамеллы, — откуда?

— Это надо заработать. Ты в Игре часто бываешь?

— В этой, — Последний Изгой выдержал паузу, — в первый раз.

— Надо же! Новичок, значит. — Она улыбнулась. — А я в Игре уже восемь месяцев. И знаешь... Мне нравится быть в паре с новичками.

— Почему?

— Так, — сказала Спамелла.

Изгою ответ не понравился.

— И часто ты побеждаешь?

— Всегда.

— Что?

— У меня в Игре свои интересы.

Она подошла к убитому игроку.

— Зачем он тебе? — спросил Изгой.

— Смотрю, может, у него найдется чего-нибудь полезное... — Она перевернула труп на бок. — А!

Разжав цепкие, еще теплые пальцы, Спамелла выдернула из руки крепыша гауссовку. Указатель зарядов стоял на нуле.

— Проклятие!

— Ну что?.. Нашла?

— Гауссовка. Мощная штука и бьет далеко, только зарядов нет.

— Возьмем с собой, — предложил он. — Пригодится. Может, заряды найдем.

— Не найдем. — Спамелла отшвырнула оружие в сторону. — Пушка дорогая и редкая. Кто с ней ходит, тот играет не меньше года. Ни мне, ни тем более тебе с таким не тягаться. Не знаю, почему этот подставился, обычно старожила так просто не возьмешь.

В карманах крепыша ничего полезного не нашлось — несколько стреляных обойм и такой же нож, как у Изгоя, только в пятнах засохшей крови.

— Ничего. — Спамелла брезгливо отряхнула руки, поднялась с колен. — Пошли?

Через час они вышли на площадь, заваленную искореженными автомобилями. Автомобилей было штук сто, а может, двести. Недавно здесь стреляли, на стенах и на асфальте чернели выжженные полосы.

Последний Изгой присвистнул:

— Это что — автокатастрофа века?

— Скорее, свалка, для антуража. Не ищи логику — ее здесь нет, на то она и Игра. — Спамелла огляделась. — Пройдем справа, там завал вроде не такой высокий.

— Ты знаешь этот уровень?

— Нет, конфигурация всегда меняется.

— Хочешь сказать, в прошлый раз улицы были другие?

— Не то слово. В прошлый раз была космическая станция-зоопарк, в позапрошлый — архипелаг, заселенный дикарями...

— А сейчас?

— Взгляни сценарий. Главное меню, опция «Брифинг».

Изгой прищурился.

— Город Зомби... Ага, это мертвецы такие синюшные. И где они?

— Отсиживаются в подвалах или еще где-нибудь. Думаю, вылезут позже.

— Мертвяки? Они же тормоза! Пока подойдут — всех перестреляем. — Изгой лихо прокрутил на пальцах лазерные пистолеты, хмыкнул. — Чушь собачья.

— Чушь, — согласилась Спамелла. — Это на любителя.

— Ну, хорошо. — Изгой весело смотрел на нее. — А куда мы вообще идем?

— Все время на запад. Победит тот, кто найдет Золотой Шар.

— Что за Золотой Шар? — спросил он. — Как выглядит?

— Блестящий и круглый. — Спамелла первая полезла через завал, винтовка смачно хлопнула ребристым стволом по упругой попе.

— Однако, как тут все прорисовано, — сказал Последний Изгой.

— Если повезет, и ты найдешь микроскоп, — донесся приглушенный голос Спамеллы, — то сможешь разглядеть даже молекулы.

— Да ты что...

3

В первый раз их обстреляли около двух ночи. Били издалека, причем не особенно прицельно. Плазменный шнур сжег покосившуюся афишную тумбу за спиной. Спамелла и Последний Изгой моментально залегли и ползком убрались с опасного места.

— Уф, — сказал он шепотом, — серьезный парень.

— А ты что думал? Не боись, мы ему не нужны.

— То есть?

— Это просто приманка. Для особо жадных. Плазмоган — самая мощная пушка в Игре, только тяжелая очень. С ней особо не побегаешь. Вот и сидит стрелок где-нибудь на чердаке — к люку газовая граната привязана — и палит в белый свет, ждет, пока со всех сторон к нему сбегутся желающие поиметь плазмоган. Тогда начнется потеха.

Действительно, плазменный шнур больше не жарил асфальт, а минут через двадцать откуда-то с севера донеслись звуки ожесточенной перестрелки.

Спамелла прищурилась на ближайший плакат: число противников с каждой секундой уменьшалось.

— Видишь?

Изгой кивнул.

— Ладно пошли, пока они там заняты. Только в полный рост не поднимайся.

Далекая перестрелка затихла не скоро, Последний Изгой и Спамелла успели пройти не меньше двух кварталов. Изгой все время нервно оглядывался.

— Это еще что! — Спамелла прислонила винтовку к стене, присела на корточки. — Самое веселье будет, когда зомби полезут...

Лазерный заряд, посланный откуда-то сверху, сбил Последнего Изгоя с ног. Он ударился о мостовую и покатился в сторону. Спамелла уже стреляла, перебегала с места на место, снова стреляла. Лазерные плюхи с шипением врезались в асфальт рядом с ней.

Очухавшись, Изгой пару раз пальнул наугад в темноту, попытался прицелиться, но в этот момент Спамелла неожиданно опустила винтовку.

— Попала. — Она прищурила глаз. — Точно, одним меньше. Как ты?

Он поднялся.

— Уровень здоровья: 80%.

— Хорошо отделался. Давай в тот подъезд.

В подъезде сразу же вспыхнул свет.

— Четвертый этаж. — Спамелла на ходу перезаряжала винтовку. — Бежим!

Нужная дверь была закрыта. Изгой со всей силы саданул по ней сапогом и, выставив перед собой пистолеты, ворвался в квартиру.

Противник лежал возле окна, навалившись животом на остатки рамы. В его груди зияла сквозная дырка величиной с кулак.

— Готов. — Изгой обернулся к Спамелле. — Лихо ты его.

Она нагнулась, рассматривая лицо.

— Какие люди!

— Ты его знаешь?

— Еще бы. Король-Пожарник!

— Ну и ник!

— Не хуже твоего.

Изгой хмыкнул.

— И ты с ним тоже?.. Ну... немного любви и тепла?

— Может, и так. Мы были в паре, три месяца назад. Скучный он. Скучный и ленивый...

Он сплюнул.

— А почему мы его прозевали?

— Он где-то раздобыл хут.

— Что?

— Хут, шапка-неведимка... — Она указала на валяющуюся под ногами фуражку. — Когда ты в ней, радар тебя не показывает...

Вдруг Спамелла схватила Последнего Изгоя за руку:

— Смотри!

Мускулистый торс Короля-Пожарника обхватывала крепкая на вид цепочка. Другой конец был прикован к батарее.

— Делаем ноги! — шепнула она. — Быстро!.. — и тут на лестничной площадке загремели шаги.

— Бросайте оружие! Руки за голову! — Голос был молодой, женский. — И без шуток! Если что — пустим газ.

— Влипли. — Спамелла швырнула в дверной проем винтовку.

— Влипли. — согласился Изгой, и следом полетели его пистолеты.

Противниц было две — белобрысые, коротко стриженные девушки-подростки, похожие друг на друга, как близнецы.

Различались только надписи на майках: у первой крупно было написано «Дискотека Люфт», снизу — номер лицензии на разрешенные наркотики, у второй — «Фабрика мягкой игрушки Саливана». Дискотека сразу же пнула Последнего Изгоя в пах и, пока он скулил и катался по полу, отцепила цепочку с трупа и приковала Изгоя к батарее. Потом протянула винтовку:

— Увидишь кого-нибудь из окна — стреляй. Ну... И без глупостей!

Он взял оружие. Мягкая Игрушка сорвала с Изгоя ковбойскую шляпу и натянула ему на макушку хут. Последний Изгой исчез.

Спамелле залепили скотчем ресницы, чтобы не смогла закрыть глаза, войти в опции и сбежать из Игры. Чтобы не рыпалась, Мягкая Игрушка саданула ее прикладом в живот.

— Как зовут? — Ноготки Дискотеки впились в шею.

— Спамелла.

Она все еще хватала ртом воздух после удара, ответ прозвучал глухо.

Дискотека влепила ей пощечину.

— Четче, стерва!

— Спаа-меел-лаа.

Мягкая Игрушка ухмыльнулась.

— Смотри сюда, Спаа-меел-лаа. — «Дискотека» вытащила из воздуха яркий проспект, ткнула его Спамелле в подбородок. — Это бланк годовой подписки на «Монитор Супер». 12 номеров журнала всего за 24 бакса. Плюс бесплатный DVD в каждом номере. Вариант первый: ты подписываешь бланк, получаешь в качестве прощального подарка свою винтовку, без зарядов, правда, и спокойно уматываешь за Золотым Шаром. Вариант второй: ты отказываешься, тогда мы вывешиваем тебя в окно, чтобы каждый желающий смог потренироваться в стрельбе. Или сунем головой в унитаз и долго спускаем воду. Ну?

— Отличный журнал! — Голос у Спамеллы был сдавленный, но звучал уверенно. — Давно хотела подписаться, веришь? Только вот незадача: я неграмотная.

— Это твои проблемы. — На этот раз когти Дискотеки нацелились в глаза. — Мне нет никакого дела до того, будешь ты его читать или изведешь на подстилки для кошачьего туалета. Купи, а потом делай что хочешь! Ну? Что выбираешь?

Тут Последний Изгой наконец-то оценил преимущество своей невидимости. Осторожно, чтобы не звякнула цепочка, он прицелился в голову Дискотеки и спустил курок. С глухим стуком на пол вывалился пустой магазин, предупредительно пискнул индикатор перезарядки. Противницы подстраховались, и винтовка оказалась незаряженной. В следующее мгновение Мягкая Игрушка сбила с Последнего Изгоя хут и согнула неудачливого стрелка пинком в грудь. Дискотека тоже оказалась рядом и сцепленными в замок руками ударила Последнего Изгоя по затылку. Он рухнул на пол, уровень жизни снизился до 40%.

Наверняка его бы долго били, а потом заставили подписаться на два, а то и три годовых комплекта столь необходимого в реальной жизни журнала «Монитор Супер», но тут вмешалась забытая на время Спамелла. Пнув Мягкую Игрушку в коленную чашечку, она толкнула противницу в сторону. Игрушка взвыла и повалилась на пол. Дискотека едва успела обернуться на звук, как Спамелла вцепилась зубами ей в ухо и откусила. Дискотека взвизгнула и, зажав кровоточащую рану, упала на колени. Пришедший в себя Изгой наставил на нее пистолет.

Спамелла наклонилась к Мягкой Игрушке и выплюнула ухо. С подбородка на голую грудь стекала кровь.

— Иди сюда, — сказала она. — Я тебе нос откушу.

Мягкая Игрушка охнула, прищурилась и вышла из Игры.

4

Они залепили Дискотеке ресницы, связали за спиной руки и погнали перед собой по ночной улице. Незадачливая противница громко стонала.

— Зачем она нам? — Последний Изгой вертел в руках пистолеты. — Выстрел в затылок — и одним противником меньше.

— Пригодится еще... — Спамелла заглянула в опции. — Золотой Шар совсем рядом — километра два, не больше. С каждым шагом вокруг будет становиться все больше желающих урвать у нас победу. Пусть поработает приманкой. Сам видел, как это действует.

Изгой ощупал набухающий желвак на затылке и спросил:

— Много врагов осталось?

— Да не так чтобы очень. Перебили друг друга. Наш друг с плазмоганом постарался.

У Последнего Изгоя сразу же поднялось настроение. Он сунул пистолеты в карманы и поймал Спамеллу за податливое бедро. Она улыбнулась.

Тут земля у них под ногами дрогнула и ушла в сторону.

Последний Изгой рухнул лицом на асфальт, разодрал щеку. Перекатиться не успел — Спамелла упала сверху.

— Что это было? Землетрясение? — Он сидел на тротуаре и размазывал по лицу кровь и грязь. От его уровня жизни осталось 3%.

— Я же предупреждала. — Спамелла уже стояла на ногах и целилась куда-то в темноту. — Зомби.

— Где? — Он вскочил и сразу увидел.

Из канализационных люков, из подворотен, просто из темных углов медленно растекался нескончаемый поток. Зомби были классические, словно из фильмов Джорджа Ромеро: драные, не первой свежести мертвяки шли, выставив перед собой руки, натыкались друг на друга, иногда падали, поднимались и снова шли вперед. Среди них почти не было стариков или детей — только крепкие молодые мужчины и женщины.

Спамелла выстрелила. Обезглавленное тело беззвучно рухнуло на мостовую. Остальных это не остановило, толпа продолжала целенаправленное движение. Последний Изгой оглянулся, пытаясь обнаружить путь к отступлению, но позади, из полумрака тоже медленно надвигались раскачивающиеся тени. Он выстрелил раз, другой — безрезультатно.

— В голову целься, — крикнула Спамелла и уложила второго зомби, — иначе их не возьмешь.

Последний Изгой в ответ меткими выстрелами свалил сразу двух зомби. Пистолеты плясали у него в руках. Развернувшись на каблуках, Изгой срезал еще одного, подобравшегося слишком близко. Остро завоняло жженым мясом.

— Неплохо, — оценила Спамелла, выцеливая новую жертву.

— Уходить надо! — крикнул в ответ Изгой. — Их слишком много! На всех зарядов не хватит.

Спамелла согласно кивнула, прострелила гортань еще одному зомби и огляделась.

Слева обнаружился узкий переулок, но его вот-вот должны были перекрыть нападающие. И тут впереди отчаянно завизжала Дискотека. Вскочив с тротуара, она заметалась по улице — мертвяки, смешавшись, двинулись на нее. Изгой и Спамелла на время получили передышку.

— Бежим, — крикнул Последний Изгой. — Ну!

Спамелла прицелилась и разнесла голову еще одному зомби.

— Бежим.

Минуты полторы они неслись по параллельной улице, наткнулись на чьи-то обглоданные останки и снова свернули, потом еще и еще. Откуда-то со стороны время от времени доносились скупые выстрелы, кто-то еще сражался с мертвецами. Потом прекратились и они.

Последний Изгой и Спамелла остались в Игре одни.

— Главное, не терять ориентир, — выдохнула она. — Нам все время на запад.

— Они что каннибалы? — Последний Изгой стрелял с двух рук по надвигающимся теням практически без остановки.

Мертвецы валились с ног десятками, но на их место тут же вставали новые.

— Ага.

— А почему ожили? Ты читала сценарий?

— Пустое дело, — сказала она. — Я же говорила — не ищи логику, в Игре ее нет.

— Так уж и нет?

— Целься лучше, стреляй чаще, повезет — останешься живым. — Она перезарядила винтовку. — Вот и вся логика... Вообще-то все мертвяки — это когда-то погибшие игроки. Сколько раз погиб — столько твоих копий сейчас в Игре... Черт, заряды кончаются!

Мертвяки были везде. Сколько ни стреляй — меньше их не становилось. У Спамеллы кончились заряды, она прикрывала Последнему Изгою спину, отбиваясь прикладом винтовки. Изгой скупо расстреливал обойму за обоймой, экономя заряды. Один пистолет у него уже опустел. Наконец их зажали возле большого дома. Двери подъездов оказались закрыты, но на первом этаже ярко светились витрины виртуальных магазинов. Спамелла потянула Последнего Изгоя к ближайшему. Они вбежали внутрь, захлопнули дверь перед самым носом у переднего зомби. Изгой подтащил тяжелую тумбу, забаррикадировал дверь. Мертвяки, наткнувшись на неожиданную преграду, остановились.

Изгой огляделся. Магазин был оружейным. Винтовки, пистолеты, базуки, гранаты на любой вкус. Так же имелась аптечка, повышающая уровень жизни.

— А продавца нет, — сказал Последний Изгой. — Похоже, что весь товар наш.

Улыбаясь, он открыл аптечку и выругался. Коробочка с красным крестом оказалась пуста.

— Все немного сложнее. — Спамелла забралась на прилавок, села, поджав коленки к подбородку. — Хочешь что-нибудь взять — закажи товар в магазине. Для реала. Тренажер какой-нибудь, овощерезку, надувную кровать... Вирту-

альные изделия идут как бесплатный бонус. Суешь кредитную карточку в кассовый аппарат, адрес пишешь в товарной книге. Во-он там, — она указала пальцем куда-то на стену, — висит прайс-лист.

Изгой пробежал глазами строчки. Чтобы получить аптечку, следовало сделать заказ на 45 баксов, винтовку — на 100. Даже дополнительные обоймы стоили по 20—25 долларов. Дороже всего ценилась базука.

— Базука — 250 баксов! Однако, тут расценки... — скривился Последний Изгой.

— Мы в двух шагах от Шара, — сказала Спамелла, — потому и цены подскочили. Если помнишь, подписка на журнал стоила всего 24.

— Это что такая форма заработка?

— Ну да, — кивнула Спамелла. — Девчонки на подписке делают до сорока процентов. Чем больше продадут, тем больше получат. Вот и изгаляются.

— Значит, придется что-то купить, у меня всего 3%, — напомнил Изгой. Аптечку он все еще держал в руках.

— Да погоди ты. — Спамелла соскочила с прилавка и притянула Последнего Изгоя к себе. — У меня уровень жизни — 82%, отделалась царапинами. Я тебе сейчас половину скачаю. Только не дергайся, — и она впилась в его губы.

Они стояли долго, минут двадцать, потом она отстранилась.

— Надо идти.

Он нехотя отпустил ее плечи. Его уровень жизни был 50%, ее 35%.

— Думаешь, прорвемся? — Изгой кивнул на мертвяков, подпирающих стеклянную дверь. Не меньше полусотни зомби бесцельно бродили вокруг.

— Прорвемся, — кивнула Спамелла. — Вышибем витрину и уйдем.

— Тогда посторонись. — Он с натугой сорвал кассовый аппарат и швырнул его в стекло. Зомби шарахнулись в стороны.

5

Последний Изгой сидел возле Золотого Шара и смотрел в утреннее небо. Спамелла стояла в двух шагах — на плече корка засохшей крови, красивую грудь портили царапины и содранная кожа. Ее винтовка валялась на земле. Сражаться было не с кем — до цели дошли только они. Зомби сгинули, противников, как показывало табло, больше не осталось.

Золотой Шар они нашли в здании какого-то управления, заваленного стопками совершенно чистой бумаги, и выкатили во двор.

— Виртуальный Клондайк, — усмехнулся Изгой. — Забрать бы с собой.

— Это вряд ли... — Спамелла пожала плечами. — Просто по почте придут карточки, подтверждающие, что мы прошли Игру. Красивые такие, голографические. Потом пара-тройка виртуальных супермаркетов наградят дисконтными картами, может, еще предложат куда-нибудь съездить со скидкой. В Египет, например, или на Кипр. Ты когда-нибудь был на Кипре?..

— И все? — удивился он.

— А ты что хотел? «Мерседес»? — Она улыбнулась. — Играй в лотерею!

— Ну, все-таки... — сказал он. — Что дальше?

— Да ничего. Надо приложить ладонь к Золотому Шару, назвать свой ник — и ты победитель.

— Конец Игре? — спросил Последний Изгой.

— Ну да. Что еще?

— Слушай, — сказал он, — а что, если нам прежде это... ну... немного любви и тепла?

Спамелла решительно шагнула вперед, прижалась к нему бедром.

— Почему бы и нет? — Она улыбнулась. — Только, Изгой... понимаешь, я тоже немного подрабатываю. Первый раз — это было так, в качестве рекламы, а сейчас... — В ее

руке появилась пачка синих бумажек; развернув их веером, она попыталась прикрыть грудь. — Купишь десять лотерейных билетов по пять баксов, а? Разыгрываются два «мерседеса» и кругосветка...

Спамелла не договорила. Луч лазера снес ей голову — тело упало к ногам Последнего Изгоя, лотерейные билеты, подхваченные ветром, полетели прочь. Он отшвырнул в сторону последний, теперь уже ненужный пистолет, достал из кармана звезду шерифа и, приложив ее к Золотому Шару, зафиксировал факт уничтожения несанкционированного спама на четырнадцатом подуровне Игры. В конце месяца можно было ждать премиальных.

Юрий Манов

МОЛОКО ЗА ВРЕДНОСТЬ ДЛЯ ФАРАОНА

Иногда сущность происходящего осознаешь несколько позже, чем того хотелось бы.

Из размышлений мышки в мышеловке

— Ну что ты грузишься, как Виндоза после апгрейда, не боись, Влад, начинать всегда трудно! — заверил меня Юра Белкин, дружески похлопал по плечу и, сунув под мышку папку с бумагами, отбыл, аккуратно прикрыв за собой дверь. Я остался в гордом одиночестве. Вот так всегда, Белкин пошел «бумажками» заниматься, а я — один на один с клиентами. И если часы над столом не врут, до прибытия первого осталось не больше получаса. Страшно-то как!

Да, сегодня первый день работы нашего ООО со звучным названием «ВОБЛЯ». Вобля, между прочим, это не то, что вы подумали, а река в Московской области, и там даже указатель есть, если ехать по рязанской трассе. Это Белкин придумал, уж больно его это название порадовало. Белкин, он вообще названия прикольные любит. К примеру, одного знакомого главу райадминистрации он надоумил назвать местную футбольную команду «Герострат». Самый прикол был в том, что основу этой команды составляют... хлопцы из добровольной пожарной дружины местного химкомбината (по

© Ю. Манов, 2006.

крайней мере именно по ведомостям пожарных они получают там зарплату). Как только футболисты «Герострата» вышли на поле, и комментатор объявил новое название команды, немногочисленные зрители матча хором заржали. А после игры рассказали своим знакомым. С тех пор посещаемость на играх этой команды постоянно растет, несмотря на откровенно говенную игру «добровольных пожарников».

А нового владельца нашего «Океана» Белкин научил переименовать магазин в «Ихтиандр», горячо убедив, что «Океан» — это банально. На витрине там теперь живой хвостатый мужик в серебристом трико на фоне водорослей, рыб, осьминогов и прочих морепродуктов. И когда включается световая реклама, мужик этот начинает шевелить хвостом и трубить в раковину, как в кино «Человек-амфибия», к великой радости местной детворы. Правда, есть там одно «Но», большой рекламный щит перед магазином обещает, что покупатель может приобрести деликатесы из всего, что выставлено на витрине. Странно, и почему никто до сих пор не заказал филе жареного «Ихтиандра», он ведь тоже на витрине фигурирует.

В общем, Белкин придумывает, остальные расхлебывают. На этот раз расхлебывать придется мне, потому как именно на двери моей комнаты в общаге была прикреплена табличка:

ООО «ВОБЛЯ»
Срочная виртуальная психологическая помощь
Процедурный кабинет.
Ведущий специалист В.Ю. Мамичев

В.Ю. Мамичев, как вы поняли, это я. И именно мне придется оказывать срочную виртуальную психологическую помощь согражданам с помощью вот этого проапгрейдженного до предела «Пня» и двух шлем-масок для виртуалки. На мне был новенький белый халат (рукав которого я уже успел об-

лить кофе), для солидности Белкин заставил меня сменить кроссовки на ботинки и даже нацепить галстук. Идиотизм!

Почему я согласился на эту авантюру, ума не приложу. Ну подумаешь, снова остался без работы, разругавшись вдрызг с начальницей рекламного отдела Кристиной Максимовной, впервой, что ли? Да специалистов моего уровня в этом городишке еще поискать, и предложения работы вроде были. Но тут приперся Белкин, приволок пива и убедил, собака, мол, «хватит работать на дядю, пора поработать и на себя». И вот теперь сижу в своей общажной комнате, превращенной в «процедурный кабинет», и тихонько мандражирую в ожидании первого клиента. Самое ужасное было в том, что я совершенно не представлял себе, что значит эта самая «психологическая виртуальная помощь». Белкин что-то объяснял, рассказывал, какие «бешеные бабки рубят» в Штатах личные психотерапевты, но в суть я так и не врубился. Ладно, для первых клиентов Белкин оставил инструкции. Поглядим, как сработает, а там видно будет.

Правильно говорила моя бабуля, царство ей небесное: «Сколько обезьяна ни хитри, все равно жопа голая». Разумеется, в приличной компании бабуля изъяснялась более нормативно, заменяя «жопу» «голым задом», но смысл поговорки от этого не менялся, разве немного терялось экспрессии. Так вот, эта народная мудрость, без сомнения, относится к моему приятелю Белкину и тому жизненному пути, что он для себя выбрал. Хитрит, сволочь даже там, где особой необходимости в этом нет. Вот и в «Суперцивилизации XXL» он решил схитрить и по большому блату где-то раздобыл коды и пароли для этой игрушки. Что и говорить, коды были хорошие, один давал сразу миллион золотом в казну, второй позволял быть в курсе всех самых перспективных разработок в научных лабораториях Игроков — соседей, третий разрешал коренным образом менять ландшафт и в пять минут сносить горные хребты, вырывая на их месте рукотворные озера. Про

его армию я уже не говорю, в гвардии Белкина Рэмбо в сержантах мыкался, изводя всех просьбами направить его в Вест-Пойнт, да что там Рэмбо, Терминатор два года капитанских погон дожидался.

Три недели Белкин ходил гоголем, свысока посматривая на нас, Игроков, честным трудом в поту соленом зарабатывающих деньги в казну и не знающих, как свести концы с концами из-за постоянных бюджетных дефицитов. Видели бы вы, чего за это время он успел натворить. Он меня как-то запустил в свою карту (хотя это правилами и запрещено, но разве Белкин мог удержаться, чтобы не похвалиться?). В своей столице он собрал все семь древних чудес света и заложил фундамент девяти новых, стены домов у него были сплошь из мрамора, а народ проживал в праздности и отрывался в постоянных увеселительных мероприятиях. От скромности Белкин никогда не страдал, а потому своих статуй, увенчанных золотыми венками, он наставил где только можно, разве что не в нужниках.

Честно говоря, я Белкину завидовал. Нет, не статуям, а совершенству созданного им мира. Я не спеша бродил по улицам Белкинтауна и приветливо кивал улыбающимся людям, красивым и здоровым без исключения. Ни преступности, ни загазованности, присущих большим городам, жратва бесплатно, одежда тоже, предметы роскоши — по себестоимости. Тут и там здоровенные афиши: концерты и спектакли, вход свободный. Я разок забрел случайно в какой-то амфитеатр, там на сцене уже лабал «Nazaret», а «Led Zeppelin» в классическом составе настраивал аппаратуру за кулисами. Ну как тут не позавидуешь, конечно, будь у меня такие деньжищи, я бы и не такого сотворил...

Потом наступила расплата. Коды кодами, но оказалось, что деньги Белкин получил не так просто, а в кредит, и теперь Создатель намекал, что пора бы Игроку Великому Белку вернуть долг, с процентами, разумеется. А также заплатить за приобретенные у других Игроков патенты на изобретения.

и расплатиться со строительными компаниями за снос гор и рытье на их местах рукотворных озер. Белкин загрустил, прикинул свой баланс и объявил себя банкротом. Но при этом из Игры не вышел, а распродал оружие контрабандой, распустил армию и объявил нейтралитет. А своим соседям по карте он предложил использовать его страну, как виртуальную Швейцарию — мировой курорт, банк и огромную киностудию в одном флаконе. Соседи Белкина побаивались, тем более они как раз начали грызться между собой, потому предложение его с радостью приняли.

Лишившись перспективы завоевать когда-либо мир, Белкин к Игре несколько охладел, а потом придумал использовать ее в своих корыстных интересах. Благо, что с помощью полулицензионной программы и нехитрых манипуляций в «Суперцивилизацию XXL» можно было ввести любого героя, хоть Жириновского с предвыборного плаката, хоть Шандыбина, крашеного зеленкой под Шрека, хоть черта лысого с манерами джентльмена и дипломом МГУ. Так и появилась «ВОБЛЯ».

В дверь робко постучались, я постарался придать себе солидный вид и громко сказал: «Войдите». Первый клиент оказался невысоким мужчиной с большими залысинами, с потрепанным портфелем в руках. Он остановился на пороге и робко огляделся. В общем-то за интерьер «кабинета» я был совершенно спокоен. Мы решили не скупиться, Белкин достал заначку, выбил где-то кредит, и «кабинет» мы отремонтировали под «евро»: с навесными потолками, утыканными галогенками, с идеально ровными чуть голубоватыми стенами, с жалюзи того же цвета. Все соседи по общаге приходили к нам посмотреть, как на экскурсию. В углу стояла неизвестно для каких целей купленная ширма (Белкин в каком-то кино видел). Добавьте к этому удивительно удобное кресло, которое Белкин спер с прежнего места работы, и мой комп, корпус которого я оттирал водкой часа три, если не больше.

Несколько портил общий вид старый холодильник «Смоленск» довольно обшарпанного вида, но я решительно отказался с ним расставаться. Он — мой ровесник и ни разу не ломался за долгие годы службы, пусть уж постоит в уголке, заслужил. Правда, хитрый Белкин заклеил его самоклеющейся пленкой под сталь, раздобыл где-то панель кодового замка от сейфа и приклеил его «суперцементом» к дверце холодильника. Честное слово, получилось классно, словно сейф в углу стоит, только гремит он сильно, особо когда включается...

Судя по всему, интерьер клиента впечатлил, и я немного успокоился.

— Садитесь, — указал я на чудовищное кресло. — Давайте ваше направление.

Клиент робко положил на стол бумажку, и я прочитал «диагноз». Белкин своими каракулями уведомлял, что Кручина Василий Петрович находится в глубокой депрессии и нуждается в «глубоком погружении». Ну конечно, я бы удивился, если бы у человека с такой фамилией не было депрессии. Тут же был и «рецепт» — рекомендуется диск №19.

Девятнадцать, так девятнадцать, мне не один ли хрен! Я крутанул пластиковый диско-кляссер, нашел искомое и сунул болвань в СиДюк. Машинка загудела, и я уже хотел предложить Кручине Василию Петровичу надеть шлем-маску, когда вспомнил инструкции Белкина. И то правда, кто будет платить большие деньги, если все будет так просто. Не-е-ет, лечение, а тем более платное — вещь сугубо сурьезная! Тут клиента нужно убедить, что свои деньги он потратил не впустую.

— Так какие у вас проблемы, уважаемый Василий Петрович? — спросил я проникновенно.

— Понимаете, — начал Кручина, нервно царапая свой портфель. — Я уже говорил докто-ру... Я боюсь, понимаете, я боюсь, что меня уволят. Я уже двадцать лет работаю на макаронной фабрике, руковожу цехом и дело свое знаю в совер-

шенстве. Но сейчас появилось так много наглых молодых людей. Вы извините, молодой человек, я вовсе не вас имею в виду. Просто... Я работаю не покладая рук, а они такие наглые...

— Так вы хотите...

— Я хочу, чтобы они тоже работали, чтобы поняли, что значит тяжкий труд, понимаете? И имели к нему уважение.

— Вы имеете в виду конкретные личности? — поинтересовался я.

— Да, я вот принес фотографии, как мне сказал доктор. Качество не очень, вы уж извините, это с новогоднего банкета...

Доктор? Это значит Белкин себя в доктора возвел. Я не удержался и хмыкнул, но тут же вновь принял серьезный вид, взял фотографии, рассмотрел: обычный новогодний стол с неприменным оливье под наряженной елкой в заводском клубе, красномордые сотрудники без пиджаков, с ослабленными галстуками. Видимо, застолье снято в самом разгаре. Впрочем, возможно, красные рожи — следствие неважной проявки или неотрегулированной вспышки..

Я уложил фотографии в сканер и начал их потихоньку чистить, Кручина терпеливо ждал, не переставая теребить кожу своего портфеля. Особо я не старался, если чистить фотки по нормальному, то тут часа три надо. Некоторые физиономии «вытянуть» так и не удалось, больно уж смазанные. Ну ладно, попробуем как есть.

— Вы прямо мастер! — восхитился Кручина, увидев результаты моей работы на мониторе. Я польщенно улыбнулся и скинул фотки в программу.

— Итак, — сказал я, уже абсолютно успокоившись, — вы хотите, чтобы они, ваши молодые коллеги, работали, а вы ими руководили?

Кручина кивнул.

— И какой же вид работы вы выбрали, физический, интеллектуальный?

— Физический, конечно! — занервничал Кручина. — Другого они не поймут.

— Хорошо, есть следующие варианты тяжкого физического труда и невыносимых условий жизни: вбивание бревен лиственницы в болота строящегося Санкт-Петербурга, детский труд на текстильных мануфактурах Англии восемнадцатого века, лесоповал и золотой карьер на Колыме в системе ГУЛАГа, завод «ЗИЛ» — конвейер, с проживанием в общаге «лимиты», хлопковые плантации Флориды. За небольшую доплату, — я сделал многозначительную паузу, вспомнив наставления Белкина, — есть еще одна довольно эффективная импортная программа.

— Какая? — шевельнул губами Кручина.

— Строительство египетских пирамид! — сказал я гордо. — Каменоломни, адский труд на жаре, надсмотрщики с кнутами, перетаскивание блоков, водружение их на солидную высоту.

— Пирамиды! — решительно сказал Кручина. — Не переживайте, я заплачу, сколько надо.

— В какой роли хотите выступать? Царский писец, строительный прораб, надсмотрщик?

— Надсмотрщик! — не колеблясь, заявил клиент.

Я понимающе кивнул. Нет, Белкин, конечно, сволочь, но профессионал! Диск №19 — как раз его запись с его первой стройки Чуда Света, и именно в роли надсмотрщика.

— Что ж, располагайтесь в кресле удобнее, поставьте сюда ваш портфельчик и не стесняйтесь, откиньтесь на спинку, держитесь свободнее. Сейчас вы наденете этот шлем-маску и перенесетесь в Древний Египет на строительство пирамиды Хефрена...

— А почему не Хеопса? — удивился Кручина, порадовав меня эрудицией.

— Не все сразу, — успокоил я. — Сразу Хеопса — это слишком круто, надо постепенно. Я же говорил, что лекарство, то есть программа, очень сильное...

Кручина спорить не стал и послушно дал нацепить себе на лицо маску. Я проверил программу, убедился, что все в норме и нажал «Enter». Комп довольно загудел, и я быстро натянул вторую маску.

Горячий ветер тут же обнял мое тело, швырнул в лицо горстью мелкой пыли. Я допил воду в чаше до дна, тут же пот обильно выступил по всей коже.

— Напрасно вы, уважаемый, на воду налегаете, — лениво сказал мне старший писец, откидываясь на папирусную циновку. — В такую жарищу вода все равно через пот выйдет. Вы лучше арбузика отведайте. В этом году они, хвала Осирису, на удивление сочные.

Я не стал спорить и принял из рук чернокожего раба большой красный ломоть. Действительно, очень сочно, сахарная мякоть аж тает на языке.

— Судя по цвету кожи, вы не местный, а я ведь тоже с севера, — улыбаясь, сказал писец, — с самого побережья. Первое время думал, что не выдержу такой жары, а сейчас ничего, привык...

Он протер лысину белым платком и взял с медного подноса большой папирусный свиток.

— Отчет о ходе работ сейчас посмотрите или вечером, во дворце?

— Вечером, — отмахнулся я. — От этой жары у меня голова пухнет, какой уж тут отчет. Я приехал сказать, что Великий фараон Хуфу недоволен, почему так медленно идут работы?

— Великий фараон Хуфу, да осветит Осирис каждый шаг его по земле, всегда недоволен ходом работ. А у мудрого жреца Имхотепа всегда есть объективные причины для объяснения задержек: то камень не вовремя подвезли, то рабов маловато, то мастера бастуют из-за скудного жалованья, то Нил разлился не по графику. Так было всегда, при моем деде, при моем отце, при мне, всегда... — повторил жрец и махнул ру-

кой в сторону пустыни, над которой уже поднимались стены циклопического строения.

— Кстати, — сказал я, — как там та партия рабов, что я пригнал?

Писец пожал плечами:

— Как все, привыкают понемногу, вон они как раз у северной стены блок тянут.

— Пойду посмотрю, — сказал я и, смыв арбузный сок с рук в чаше с водой, направился к пирамиде. Писец дружески мне улыбнулся, но из-под навеса не вышел, наоборот, дал знак неграм с опахалами, чтобы не шланговали и махали побойчее. Что поделаешь, северный человек, плохо жару переносит. А жара здесь о-го-го!

Кручина был собран и деловит. В белоснежной набедренной повязке в довольно дорогом черном парике конского волоса он поигрывал кнутом с рукояткой, отделанной серебром, и громко командовал:

— И ррраз, и ррраз! Юлин, не отлынивай, всей грудью на упряжь налегай. Это тебе не секретарш по приемным за титьки тискать! И ррраз! И еще рраз! Барычев, а ты что?! Я тебе покажу «ноги стер»! Как по служебной командировке на футбол в Италию летать, так ноги у тебя не болят, а как поработать... Я тебя сейчас быстро вылечу!

Молодые коллеги Кручины разом налегли на упряжь, деревянные полозья, обильно смазанные жиром, заскрипели по камню, и огромный блок из песчаника сдвинулся на полшага.

— Плохо, ребята, очень плохо! — укоризненно сказал Кручина. Громко свистнул кнут, кто-то ойкнул.

Я понял, что с программой все в порядке и снял маску.

Кручина, откинувшись в кресле, беззвучно шевелил губами, то и дело вздрагивал и размахивал руками, видимо, кого-то сек. Я отодвинул ширму, чтобы надсмотрщик-энтузиаст ненароком ее не зацепил, и вышел в коридор покурить. Там меня настигла Клипса — наша общеобщажная кошка и

затянула старую песнь о вечном голоде. Я развел руками и сообщил кошке, что у самого в животе урчит, но пообещал поделиться с ней обедом, если повезет. Кошка зыркнула по мне своими желтыми глазищами, но, видимо, поверила обещанию и двинулась по длинной щели общажного коридора, гордо подняв хвост.

До конца сеанса оставалось еще полчаса. Я пересчитал наличные, что звенели в кармане, и решил, что в продмаг с таким убожеством идти стыдно.

Кручина неподвижно сидел в кресле, лицо его было покрыто потом. Я тоже нервничал: наступал самый решающий момент моей деятельности — взимание денег за процедуру. Я долго просил Белкина избавить меня от приема наличных, но тот намекнул, во сколько нам обойдется кассир, и пришлось ради будущего финансового благополучия нашего ООО согласиться.

Стараясь не выдать волнения, я вписал на разграфленный листок циферки, подытожил сумму и протянул его Кручине. Тот тупо в бумажку посмотрел, наконец, сообразил, что она означает, молча вытащил из кармана пиджака потрепанный бумажник и выложил на стол несколько купюр.

— Сдачи не надо, — сказал Кручина, направляясь к двери.

— Но постойте, — запротестовал я, — так же нельзя, у меня отчетность...

Но догонять его я не стал. Все равно сдачи у меня не было. Я прикинул в уме и сообразил, что щедрый инженер Кручина «на чай» мне оставили 45 рублей. Однако! Сначала я хотел было весь гонорар положить в специальную жестяную коробочку из-под чая со слониками, но в животе урчало, до визита следующего клиента оставалось больше получаса, и я решил все-таки сбегать в магазин.

Клиент заявился на десять минут раньше, вошел без стука, дверь распахнул мощным пинком ноги. От неожиданности я едва не подавился бутербродом с колбасой и опять плес-

нул себе кофе на рукав, теперь уже на левый. Клипса тоже чуть не поперхнулась сосиской, отпрыгнула боком и злобно зашипела на пришельца. Крупный бритый молодой человек с соответственной цепью на могучей шее оглядел кабинет и уставился на меня в упор.

— Я на прием. Ты, что ли, этот псих виртуалый? — спросил он по-хозяйски.

Я не стал спорить (с набитым ртом это было трудно), накрыл свой убогий обед салфеткой и отодвинул на край стола. Рукой указал гостю на кресло и, наконец с трудом проглотив пищу, сказал:

— Вы извините, но до сеанса еще десять минут, и я не ожидал, что...

— Да ладно, ладно, че уж там, жри! Че, не понимаю, что ли, — сказал клиент, по-хозяйски располагаясь в кресле. — Я, бывалочи, и сам в зоне... Стоишь так на перекличке, а в кишках оркестр духовой. Дождешься отбоя и в одну харю бачок картошки с салом и буханкой хлеба смолотишь. Так-то! Ладно, братан, время — деньги! Мне надо троих уродов замочить.

Я вздрогнул и едва не выронил из рук тот самый диск №19.

— Не, ну не вправду, но чтоб как по-настоящему. Мне тут твой «лепила» сказал, что есть такая возможность. Да ты не ссы, они — чисто уроды, никто за них не встанет, в натуре.

— Можно ваше направление? — пролепетал я.

— А, бумажку эту? На, держи!

Видимо, во время общения с этим клиентом у Белкина тоже дрожали руки, его и без того трудночитаемые каракули в этот раз были совершенно ужасны. Но я все-таки разобрал: «Яков ...(отчества я так и не расшифровал) Палкин, острое чувство... какой-то неприязни, рекомендуется глубокое погружение для... (чего-то нечитаемого) и снятия стресса. Рекомендуется диск №47».

— Фотографии объектов у вас имеются? — поинтересовался я, наблюдая, как Клипса, встав на задние лапы, пытается стянуть салфетку с моего обеда. Странно, обычно эта

интеллигентная кошка крысятничеством не грешит, не иначе как аура клиента на нее так подействовала.

— Вот, братан, эти уроды. Фас, в профиль, в кругу семьи! Достали! Если их сегодня не замочу, все, хана мне, сотворю че-то страшное! Аж сам за себя боюсь! Только ты это, обеспечь, чтобы все взаправду...

Я рассмотрел глянцевые карточки. Да, люди в нашем городе известные, в принципе чего-то подобного я и ожидал: местный олигарх, поднявшийся на дружбе с бандитами и торговле цветными металлами, зампрокурора, известный тем, что отказался от взятки в полмиллиона баксов (это в нашем захолустье-то!), и еще один криминальный авторитет, его портрет я видел недавно в местной программе «Набат» в рубрике «Розыск». Видимо, именно эти трое начисто отравляли жизнь моему клиенту.

— Тут вот досье на них, нужно? — спросил он, вынимая из кейса три толстых пачки.

— Смотря что вы желаете... с ними сделать? — проникновенно спросил я и неожиданно для себя добавил: — В натуре?

— Как что?! — удивился моей непонятливости Яша. — Я хочу их «замочить» лично, вот этими самыми руками.

— Значит, переговоры вы с ними вести не будете?

— Какие переговоры?! Это же беспредельщики! С ними по-людски нельзя, в натуре! А этот прокурор, он вообще чокнутый. Сам живет в своей малосемейке на оклад и остальной путевый народ хочет на нары отправить. Не, боле никаких базаров, в расход уродов!

— Тогда их досье мне вовсе не обязательно, — сказал я, мельком пролистывая бумаги. — Каким образом вы хотите их... «замочить»?

— Ты это... кино про крестного отца видел? Ну, когда Майкл в ресторане этого турка и мента продажного завалил. Мне вот что-то наподобие.

— Какое оружие предпочитаете? — спросил я, вызывая мышкой на экран арсенал. Яша внимательно посмотрел на длинный ряд вооружений, уважительно хмыкнул...

— И это все у тебя есть? Уважаю! Слушай, а можно тот пулемет, что был в машине у Брюса Уиллиса в «Шакале»?

— Можно, конечно, — сказал я, вызывая на экран искомое. — Но вы его в руках не удержите, он очень тяжелый.

Бугай с сомнением посмотрел на свои ручищи:

— А тот, что у Шварца в «Хищнике», с шестью стволами?

— Можно, но в сортире за бачком его спрятать вряд ли удастся.

— Тогда валяй мой!

— Что «мой»? — не понял я.

— Вот этот, — и Яков выложил на стол тяжелый «ТТ». В принципе он меня не особо удивил, что я, «ТоТошек» не видел? Я кивнул головой, врубил сканер и начал чистить фотографии будущих покойников. Работы было немного, качество фотографий было просто отличным.

Вообще-то Яша обещал, что стрелять будет прицельно, но я на всякий случай натянул под жилетку бармена бронежилет. В зеркале в таком виде я выглядел очень смешно, но мне было далеко не до смеха. Как-то не по себе мне было. Я перевернул пластинку, поставил опять что-то итальянское и снова принялся тереть бокалы. В принципе — успокаивает, но не могу сказать, чтобы очень.

Эта троица вела себя слишком беспечно: бандит жрал, быстро работая мощными челюстями, олигарх ловко разделывался с устрицами, щедро поливая их лимонным соком, прокурор почти не ел, тарелка с чем-то молочным перед ним (я все-таки просмотрел мельком досье и узнал, что зампрокурора давно страдает язвой) оставалась нетронутой. Олигарх резвился, рассказывая какой-то смешной случай из своей жизни (если мне не изменяет память, что-то подобное я читал в местной «Вечерке» в рубрике «Это было взаправду», скачанной из интернета), бандит продолжал жрать, прокурор хмурился, посматривая на пустой стул Яши. Тот отпросился по малой нужде и что-то давно не возвращался. И хотя его обыскали самым тщательным образом...

В этот момент он и в вошел в зал. Палкин был наряжен в шикарный смокинг, в руках его было по большому черному пистолету (второй ствол он уже в последний момент заказал, пришлось вводить в программу за отдельную плату). Яша остановился, широко расставил ноги и медленно поднял обе руки. Едва раздался грохот, я нырнул под стойку и зажал уши.

— Все, братан, — услышал я, когда грохот стих. — Давай выводи меня отсюда, пока менты не наехали.

Вдали действительно заревела полицейская сирена. Я осторожно выглянул из-за стойки: вся троица лежала у перевернутого стола в живописных позах в лужах крови, кто-то тихонько стонал. Яша довольно улыбнулся, показал мне большой палец руки и сделал контрольные выстрелы. Мне же было не до смеха, я почувствовал, как к горлу подкатила тошнота, и немедленно снял маску.

— Ну, братан, спасибо, порадовал! — не глядя на протянутую бумажку со счетом, Яша бросил на стол стодолларовую купюру с визиткой и, громко цокая подкованными каблуками, пошел к двери. — Будут проблемы с «крышей» — звони!

Я разглядел визитку с золотыми буковками, а Яша-то, оказывается, предприниматель и меценат к тому же...

Белкин быстро щелкал по клавишам калькулятора, то и дело посматривая на купюры, заработанные мною сегодня за день. А заработал я немало: после обеда приходила еще пышнотелая дама лет тридцати, ей очень хотелось потанцевать танго с Томом Крузом и непременно в Кремлевском зале с двуглавыми орлами на стенах. Последним явился мужчина лет сорока пяти. Об его заказе и говорить не хочется. Ну и что с того, что дядька с детства влюблен в Мэрилин Монро? Мы-то здесь при чем? Пусть тешит свою похоть как-нибудь по-другому, некрофил проклятый, здесь у нас — не порносалон! О чем я и заявил Белкину решительно.

Белкин особо не спорил, он прямо-таки сиял от счастья, подсчитывая, сколько чистой прибыли принесет нам этот кабинет при разумном использовании.

— Прикинь, — потирал он руки, — затрат-то практически никаких, а чистая прибыль о-го-го! Если так дело и дальше пойдет, мы с тобой такие «бабки» зашибем!..

Я почему-то его радости не разделял. Признаться, сегодняшний день вымотал меня просто абсолютно! Один этот Яша Карлеоне чего стоит!

— Это нас зашибут, и меня в первую очередь, — пробурчал я. — Ты что, не понял, кто этот Палкин и кого он сегодня «замочил»?

— Ну и что? Это же виртуально, Влад, мало ли кого в компьютере убивают! Вот ты сам говорил, что давно мечтаешь убить ту страшную польскую девочку из рекламы про «Блендамед», но ведь не берешь дробовик и не едешь в Варшаву скорым поездом...

Я спорить не стал, действительно, возникали у меня порой такие непреодолимые желания. Причем не просто убить, а каким-нибудь садистским способом, бензопилой или еще чем. Такие вот странные ассоциации вызывает у меня некоторая реклама на отечественном TV. И будь у меня такая возможность, то первым делом я убил бы эту белобрысую польку с квадратными зубами, которая уверяет, что после «Блендамеда» по зубам даже можно постучать. И тут же стучит по своим ужасным огромным резцам. Ну я бы ей настучал!

Второй жертвой стал бы тот придурок, что вламывается в квартиры мирных граждан со своим долбаным «Тайдом» и все угрожает: «Тогда мы идем к вам». Для него я приготовил бы дробовик с хорошим зарядом картечи. Или все-таки лучше непривитый ротвейлер без намордника? Вот представляете, он грозится: «Тогда мы идем к вам», заходит в ваш подъезд, а вы потихоньку выпускаете пса. Только оператора жалко, ротвейлеры, они жуть какие злобные, одним придурком вряд ли ограничится. Нет, придется все-таки брать дробовик. Так, потом я расправился бы с тетей Асей и Инессой Михайловной. Ну с ними все просто — засунуть в стиральную машинку, обильно полить гелем, отбеливателем, забросать этими

пластиковыми роллерами и включить барабан на полную мощность. Получится гель для стирки с отбеливателем в одном флаконе. А вот что делать со студентками — дегенератками из «АктивиА», с «растишкой-пидорашкой»? Как поступить с тем ужасным мальчиком, что постоянно канючит: «Побольше масла»? Поверьте, я люблю детей, но должна быть и мера. Да мало ли еще дебильной рекламы на нашем TV, так что работы непочатый край...

Следующий рабочий день начался с сюрприза. Почему-то вместо жены директора чулочно-носочной фабрики, имевшей какие-то проблемы с мужем, у дверей кабинета топтался господин Кручина. И не один, а с какой-то суровой дамой в очках. Я начал лихорадочно вспоминать, что учил меня делать Белкин в этой ситуации. Во-первых, никакого возврата денег, во-вторых... Вот насчет того, что деньги возврату не подлежат, я помнил, а про «во-вторых» все совершенно вылетело из головы.

Но Кручина, судя по всему, и не собирался требовать деньги обратно. Увидев меня, он робко заскулил и, сбиваясь, заговорил:

— Уважаемый, мы, конечно, без направления, но я, мы... мы хотели бы... нельзя ли в качестве исключения?..

Я оглянулся, не видят ли соседи, и открыл дверь, пропуская визитеров вперед. Настроение резко улучшилось, одно дело, когда приходят с претензиями на услугу, совсем другое, когда благодарят, да еще приводят новых клиентов.

— Это Марисеменна с планового отдела, — сообщил Кручина робко. — У Марисеменны такие же проблемы, что и у меня. Можно ли ей... тоже помочь? Ну, вы меня понимаете?

Я понимал. Тетку, наверное, сокращают. Знаю я такие конторы. На одном заводе целый расчетно-плановый отдел из двух дюжин теток с сейфами, калькуляторами, печатными машинками и кипятильниками заменили одной девочкой — студенткой экономического техникума с компьютером. Ник-

то и не заметил, разве что путаницы в бумагах стало гораздо меньше.

Я глянул на часы. Судя по всему, супруга чулочно-носочного магната уже не придет. Ладно, не люблю, когда техника простаивает.

— Что бы вы хотели? — начал я привычно.

— То же, что и мне, — заторопился Кручина, — только нельзя ли вот этих людей в упряжку? Не переживайте, у меня есть сбережения, я заплачу...

Я вновь оказался в жаркой долине Гиза. Широкий Нил солидно нес свои воды на север, на середине реки покачивались на волнах четыре большие папирусные лодки, груженные блоками из песчаника. На берегу громко и грязно ругались по-древнеегипетски рыбаки.

Марисеменна в черном парике царского писца с приклеенной фальшивой бородкой сидела под навесом, два дюжих нубийца широкими опахалами нагоняли на нее прохладу. Марисеменна была сурова, в пыли перед ней на коленях обреченно стояли двое мужчин, фотографии которых я только что отсканировал. Если я правильно понял — владелец и управляющий макаронной фабрикой. Они искренне раскаивались в воровстве и обливались горькими слезами, но тщетно...

— Великий фараон Хуфу, да благословит Бог Солнца Ра каждую минуту, прожитую им в этом мире, — выговаривала Марисеменна сурово, — для того и поставил меня на эту должность, чтобы воры и мздоимцы вроде вас не смогли помешать ему, любимцу Осириса, Птаха и Бастет возвести величайшее в истории строение! Именно из-за таких, как вы, величественный пирамидальный комплекс получился таким несуразным...

Вот дела! Простая тетка из планового отдела решила загадку, над которой бились самые башковитые египтологи веками, и даже тысячелетиями. Так вот почему комплекс пирамид в Гизе выглядит так странно. Просто великий фараон

решил выяснить, сколько воруют в его славном царстве. Материалов выделили на три одинаковые пирамиды, но уже вторая получилась чуть поменьше, а третья и вовсе какая-то ущербная. Остальное просто украли. Получается, приписки начались, как только появилась письменность...

Марисеменна сделала знак, бронзовокожие воины подхватили ворюг под локотки и разложили их на специальных козлах. Свистнул кнут, и багровые полоски украсили бледные, но упитанные ягодицы мздоимцев.

Марисеменна благодарила меня со слезами на глазах. Честно говоря, у меня был соблазн присвоить деньги, выложенные ею за сеанс психологической помощи, но, вспомнив об исполосованных кнутами ягодицах нарушителей строгой финансовой отчетности, я вздохнул и положил купюры в чайную коробочку.

Я ее почувствовал по запаху. Честное слово, за секунду до того, как дверь распахнулась, я почувствовал тонкий, но удивительно изысканный запах духов. Видимо, очень дорогих, потому что когда она вошла, запах не усилился, а остался таким же тонким, еле уловимым, но удивительно манящим. Я глянул на нее и загрустил. Так бывает обычно, когда видишь прекрасную даму и понимаешь, что между вами пропасть огромных размеров, перешагнуть которую вам не суждено никогда! Целый американский каньон, даже шире!

Она была великолепна: большие чувствительные глаза, обрамленные пушистыми ресницами, чуть вздернутый носик, густые каштановые волосы, уложенные немного небрежно — по последней моде. Одета она была в узкие брючки, короткую ковбойскую курточку, обута в мягкие замшевые сапожки. Все — удивительно стильное и, по всей видимости, очень дорогое.

Войдя, она мягко улыбнулась, стянула с правой руки мягкую перчатку и протянула мне узкую ладонь:

— Галина. Галина Стеклова, будем знакомы. Я к вам по направлению...

В направлении кроме имени клиентки значилась зашифрованная запись. Она означала, что надо раскрыть журнал и прочитать нечто конфиденциальное, чего клиент знать не должен. Я раскрыл журнал и прочитал белкинские каракули: «Влад, по-моему, у этой Галины не все дома. Будь с ней повежливее и попробуй разобраться, чего ей все-таки нужно. Я целый час пялился на ее сиськи, но так ничего и не понял».

Задача усложнялась. Грудь у клиентки была действительно что надо. Я отвел глаза, захлопнул журнал, всем своим видом изобразил жгучую заинтересованность:

— Так какие у нас проблемы?

В принципе я ожидал чего-то большего. Клиентка возжелала чего-либо романтического с мужчиной, уверенно глядевшего с цветной фотографии. Почему-то мне показалось, что это лицо я где-то видел. Легко сказать «романтическое». А что это означает в наше циничное время? Один мой приятель, помешанный на оружии, во время поездки в Москву поволок свою невесту в музей Советской Армии, ну там, где танки во дворе и баллистическая ракета перед входом. Так вот, она (невеста, а не ракета) вполне серьезно заявила, что поездка была «жутко романтична», потому что они целовались на броне лучшего танка Второй мировой. Вот пойми этих женщин.

— Так что бы вам подошло? — спросил я. — Свидание на пляже в Майами-Бич при полной луне, случайное знакомство и прогулка по Парижу, карнавал в Рио? А может быть... бал?

— Бал? О, это было бы просто прекрасно!

Отлично, диск «11-94» — «Война и мир», первая серия.

Вот незадача, я выглядел белой вороной. Точнее, черной вороной в стае белых. На балу я оказался единственным мужчиной, одетым в штатский костюм. На мне был черный фрак, короткие коричневые панталоны, белые чулки до колен. На ногах лакированные туфли с серебряными пряжками. Я глянул на себя в большое настенное зеркало — совершенно умо-

рительный вид! Остальные щеголяли в военных и чиновничьих мундирах, шитых золотом, причем военные здесь явно превалировали. Ладно, сойдет на первый раз, моя роль здесь чисто наблюдательная, только бы не объявили белый танец, а то пригласит какая-нибудь мадам, и оконфузишься прямо на паркете.

Я бочком протиснулся за спины весело гомонящей компании гусаров и по пути взял бокал шампанского с подноса, который чинно нес старичок в парике с буклями и ливрее. Видимо, пенсии он так и не заработал, что поделаешь, жестокий век, жестокие сердца. Или это из другой оперы?

— Что грустны так, поручик? — услышал я краем уха обрывок разговора.

— Да вдрызг проигрался вчера в штосс у мсье Давыдова. Да еще занял под честное слово и снова проиграл-с. Через неделю обещал отдать, а денег из имения не шлют, заложить нечего, теперь вот думаю, пулю себе в лоб пустить, или жениться на какой-нибудь деревенской дурочке за приданое.

— Женитесь, Ржевский, женитесь. Пулю в лоб всегда успеете. Только выбирайте побогаче, вон их сколько на выданье.

— Я и смотрю. А кто эта прекрасная дама в голубом платье? — спросил красавец-усач, названный Ржевским.

— Где?

— Да вон там, рядом с испуганным подростком в белом, что озирается по сторонам, словно потерялась.

— А, это дочь князя Ростова Наталия, приехала из деревни с маман.

— Да Наташку я знаю, — с досадой сказал гусар, — что за наяда рядом с ней? Просто дива, фемина, вакханка! А фигура! А грудь! А глаза! Клянусь, не хуже, чем у моей кобылы! Эх, жаль денег нет, и в полк отзывают, а то у прозектора Бурмина жена с пехотным капитаном сбежала — квартира на Невском свободна. Я бы с этой чаровницей...

— Ну вот, поручик, опять вы пошлите. А на дворянском собрании обещали...

— А что я?! — заволновался Ржевский. — Подумаешь, и помечтать нельзя-с! Ну вот, пока с вами препирался, бабу увели.

Я быстро глянул в сторону танцующих пар. Галина была просто великолепна: в атласном голубом платье, подчеркивающем ее идеальный стан, с незабудками в странной на наш взгляд прическе с локонами и завитками. Молодой корнет в парадном мундире лейб-гвардии встал прямо перед ней и учтиво поклонился. Галина сделала глубокий книксен и, сложив веер, протянула корнету руку. Стоявшая рядом Ростова глянула на корнета, побледнела и едва не грохнулась в обморок. Но ее успел кто-то поддержать, кажется, штандартенфюрер СС Штирлиц, только почему-то в белом мундире. Грянул вальс, и они закружились в танце. Прекрасная, просто прекрасная пара! Корнет, которого я сканировал и чистил полчаса, получился, как живой.

— А кто этот безусый гвардеец? — сурово спросил Ржевский. — Наверное, еще один паркетный шаркун? Что-то я его под Аустерлицем не видел.

— Осторожней, поручик. Этот корнет Стеклов кладет пулю в пятак-с с двадцати шагов, я сам видел... — заявил кто-то из гусар.

— Милостивый государь! Вы что, хотите напугать Ржевского?! Потрудитесь объясниться...

По всему, назревала ссора. Я допил шампанское и тихонько скользнул за колонну, где и снял маску.

Галина молча выложила деньги из изящной сумочки, сдачу словно не заметила, но и уходить не торопилась. Она полулежала в кресле и задумчиво теребила в руках белый платочек с кружевами.

— Скажите, а могу я купить у вас целый день?

— В смысле? — не понял я.

— Я хочу провести весь день с этим человеком в вашем виртуальном мире.

— Извините, — развел я руками, — но вряд ли это возможно. Представляете, какую программу надо написать на целый день виртуальной действительности: пейзажи, интерьеры, характеры героев, диалоги...

— Ничего писать не надо, все есть здесь, — и она выложила на стол несколько компакт-дисков, — здесь и интерьеры, и характеры, и остальное. И насчет целого дня я, наверное, погорячилась. Пусть будет обычный семейный вечер где-нибудь с семи да часу ночи. Я вам буду очень благодарна...

Она ушла, а слабый, нежный запах духов продолжал щекотать мои ноздри. Счастливчик все-таки этот корнет, как она на него влюбленно смотрела-то. Везет же некоторым... Я просмотрел программу и примерный сценарий, что оставила таинственная Галина, и жутко удивился. Я ожидал какой угодно экзотики, но не этого! Вечер буднего дня, муж приезжает домой в жутко расстроенных чувствах, он очень устал, провел шесть уроков физики и астрономии в средней школе, остался на четыре часа «продленки» с самыми отпетыми двоечниками, а по дороге домой выяснилось, что проездной остался в учительской, и его оштрафовали контролеры. Он очень переживает из-за пропавших впустую денег, а жена его утешает и кормит вкусным ужином при свечах. А потом они вместе смотрят фигурное катание по телевизору, обсуждая планы, как поедут в выходные покататься на лыжах, и уже в постели Галина ласково шепчет мужу, чтобы он отныне был с ней поосторожней, потому что «скоро их будет трое». Растроганный муж нежно целует Галине руки, животик, и они засыпают, обнявшись, со счастливыми улыбками на устах. Мило и очень целомудренно.

Смущало одно: бедный учитель физики жил с неработающей супругой в шикарных апартаментах с зимним садом, (я даже сбился, подсчитывая точно количество комнат и прочих помещений), ужинали они черепаховым супом и парной телятиной с черносливом под икорку и шампанское, везде в

доме были свежие розы. Ничего себе, обычный вечер семьи российского интеллигента...

Но желание клиента для нас закон, хочет клиент простого семейного счастья под икорку — на здоровье. Икорка за счет заказчика.

Ну этот старикашка меня достал! Он то и дело вынимал из своего портфеля какие-то диски, дискеты, дожидался, пока я все скачаю в программу, прятал диски обратно и снова недовольно шмыгал носом. Если бы не просьба Белкина отнестись к этому клиенту повнимательнее, хрен бы я дал так «машину» засирать. Неизвестно еще, что там у него на дисках, может, вирус какой убийственный. Но Белкин давал гарантию, они с этим старичком вроде по части египтологии сошлись, и я смирился, тем более время-то сеанса уже пошло и счетчик щелкал. Наконец программа пискнула, что готова к запуску. Старик потребовал, чтобы я закрыл его ширмочкой и оставил в одиночестве. Вот старая сволочь!

В коридоре я встретил соседку Сечкину из 18-й комнаты. И в каком виде! Она была затянута в длинное золотистое облегающее платье, которое очень шло к фигуре, но совершенно не гармонировало со здоровенным фонарем под правым глазом. Сечкина как раз переживала очередной бурный роман со своим новым «хахалем» с лесоторговой биржи (платье — его презент, фонарь — тоже).

— Владик, — спросила она проникновенно, прикрывая замазанный крем-пудрой фонарь платочком, — а это правда, что в твоем компутере можно Клеопатрой побыть всего за сто рублей за час?

Сечкину я не любил, но ссориться с ней совершенно не хотелось. Дело в том, что наш «процедурный кабинет» функционировал в этой общаге на несколько птичьих правах, а она была еще той стервой и запросто могла «стукнуть» в какой-нибудь фискальный или карательный государственный орган. Жди потом проблем.

Я кивнул, затушил бычок в баночке из-под зеленого горошка и сообщил, что для дорогих соседей эта процедура — бесплатно! Сечкина радостно улыбнулась и поскакала в свою комнату.

Старик был хитер, но мы тоже не лыком шиты. Он забрал с собой все свои диски и настоял, чтобы я стер программу из памяти, но не догадался, что мой мудрый «Пень» запишет все на секретный виртуальный диск, доступ к которому имел только я. Интересно, и что такого новенького старичок-боровичок надыбал по части египтологии. Ужель новые комнаты в Великой пирамиде нашел? Честно говоря, меня просто разбирало от любопытства: я тщательно запер дверь изнутри, улегся в кресло и надел маску.

О нет, только не это, они опять воют! Нет, я этого не вынесу! Что у них, других дел, что ли, нет, чем ползать перед нами на коленях и выть? И так все три недели, что мы торчим на этой дикой планете. От их воя аж башка пухнет, тем более когда все вопросы приходится одному решать. Командору Пта хорошо, его убило во время аварийной посадки. Лежит теперь в своем саркофаге и ждет, когда мы доставим его тело на родной Сириус и реинкарнируем для новой жизни. А нам вкалывать! Впрочем, второму пилоту Сфи они вообще житья не дают. Его тело во время посадки расплющило силовым блоком в лепешку, только одна голова и осталась. Думали его тоже в саркофаг положить, а он ни в какую, мол, скучно будет ему в этой коробке болтаться, полет-то неизвестно на сколько лет затянется. Вот и приспособили мы его голову к телу местного животного, кажется, лев называется. И ничего, прижилась голова. С тех пор как появится Сфи, так они за ним ползком, и воют, воют... Это у них молитвой называется, они, видите ли, принимают нас за Богов, сошедших с небес. Ага, Богов! Видели бы они, как наш корабль позорно брякнулся на это плато, небось сразу засомневались бы в ра-

зумности сынов неба. Нет, ну надо было так траекторию рассчитать? Весь силовой блок вдребезги! И как теперь отсюда выбираться? Хорошо, что ребята с Альфы вовремя подоспели, помогают кой-чего по ремонту, да и не так скучно, а вчера и техничка с Луны — естественного спутника этой планетки прилетела. Так и торчат наши корабли бок о бок на этом плато у этой реки. Надо же, вода! Столько воды в естественном виде! И все для этих дикарей! Счастливчики! Если бы они так не выли, то вполне сносный народ, даже, я сказал бы, добродушный. Жаль, что придется с этой стартовой площадкой в скором времени распрощаться, командор говорит, что после нашей аварии с Сириуса пришел приказ космодром перенести на другой материк.

А вот и Сфи вернулся. Привет, Сфи, как дела, где так долго пропадал? Позировал? Что, они в честь тебя решили статую из скалы вырубить? Ну и слава Сириусу! Может быть, делом займутся — выть перестанут.

Я скинул маску и стер пот с лица. Да, трудно быть богом... Но и Боги имеют право на отдых. Часы показывали 18.00, и я с сознанием выполненного долга вырубил машину и вышел из «кабинета»...

Я почти не удивился, когда увидел в коридоре Кручину во главе целой делегации. Спорим, это его коллеги? Не будете спорить? А зря! Я бы проспорил, Кручина привел с собой друзей и домочадцев в количестве шести штук.

— Владислав, — не дал мне рта раскрыть начинающий надсмотрщик-кнутобоец, — я понимаю, что рабочий день закончен, но нельзя ли в качестве исключения? Хотя бы полчасика каждому, поймите, это для нас очень важно! Я заплачу...

Слаб человек, потому что волей Всевышнего урожден имеющим слабости. Я сгреб деньги в карман, не пересчитывая, и запустил жаждущих в кабинет.

— А нельзя ли сегодня побыть фараоном? — шепотом спросил меня Кручина. Я молча показал ему фигу, вставил

в комп уже испытанный и проверенный диск №19 и начал запускать в программу парами. Благо, что шлем-масок у меня две.

Вот ведь как устроена сущность человеческая, ведь умом понимаю, что с Галиной мне никогда, ничего не светит, а все равно перед ее визитом тщательно побрился, рубашку белую натянул, галстук новый. Даже вазочку среди барахла домашнего выкопал, на «Смоленск» ее водрузил и розочку свежекупленную в нее воткнул.

Галина была, как и ожидалось, великолепна. Строгий черный костюм был ей очень к лицу, да и запах поменялся, теперь аромат был не сладковатым, как во время прошлого визита и на балу, а скорее чуть терпким. Она отказалась от кофе, умело забралась в кресло и как-то замешкалась, заметив, что я тоже собираюсь надеть маску.

— А зачем это, Владислав? — тихо спросила она.

— Как зачем, во время процедуры я должен проследить, запустилась ли программа, все ли идет нормально, и только убедившись...

— Спасибо, Владислав, но не нужно.

— Но как же, ведь это шесть часов непрерывного «виртуала», вдруг сбой какой, или еще что...

— Я уверена, что все пойдет нормально, — мягко улыбнулась Галина. — Так что не утруждайтесь, — и она глазами указала мне на дверь.

Я не стал спорить и вышел. Подумаешь, мне же лучше, в соседней комнате у меня телевизор, бутылочка текилы с лимоном и очень удобная тахта. Но, честно говоря, я обиделся, выгнать меня из моего же кабинета! А впрочем, у них, богатых, свои причуды.

Я содрал с себя галстук, швырнул его в шкаф, переоделся в спортивный костюм и дал себе слово больше никогда не делать клиентам поблажки. Никогда и никому! Для психиат-

ра (а я неожиданно стал себя таковым считать) все пациенты равны.

Когда будильник слабо звякнул, намекнув, что уже час ночи, и время психотерапевтического сеанса вышло, я решительно встал с тахты, воткнул ноги в енотов — забавные мягкие тапки с полосатыми хвостами, вышел в коридор и толкнул дверь своего «кабинета». Сейчас я войду и сообщу, что сеанс закончен, что такое исключение я делаю в первый и последний раз, и отныне все процедуры только по направлению «врача», то есть доктора Белкина.

Галина была уже без маски. Она полулежала в кресле, скрестив ножки, в руке у нее дымилась сигарета, а по щекам катились слезы.

— Что-нибудь не так? — спросил я, сразу потеряв всю решительность и застыдившись старого потрепанного «Адидаса».

— Нет, — тихо ответила она. — Все так, как и должно было быть...

Галина встала, положила деньги на стол, подошла ко мне и неожиданно провела рукой по моей щеке. Ладонь у нее была мягкая и теплая.

— Спасибо, Владик, — сказала она на прощание.

Ночью я спал неспокойно, мне снилась Галина верхом на белой лошади в малиновой амазонке. Она неслась во весь опор, но ее нагонял поручик Ржевский на гнедой кобыле в яблоках. Судя по цвету, яблоки были сорта «Антоновка». Поручик был почему-то обнажен, из одежды на нем был только кивер, он размахивал саблей и заразительно смеялся.

Вот уже полчаса соседка Сечкина не могла выбрать. Она хотела быть то Клеопатрой — царицей Египта, то Джейн Эйр, то рабыней Изаурой, то еще какой-то теткой из «Санта Барбары». Опасливо поглядывая на монитор компьютера, она перебирала книжки в мягких обложках, что приволокла с собой. Кажется, там было еще что-то про Анжелику и простую Марию. Я, наконец, потерял терпение и нацепил шлем-мас-

ку Сечкиной на голову. Писать программы для каких-то там марий мне совершенно не хотелось, а вот Клеопатра у меня уже была на болванке №21.

Четверо смуглых рабов осторожно поставили шикарный палантин на мраморный пол и разбежались в стороны. Из-за полупрозрачной шитой золотом ткани появилась изящная ручка и откинула покрывало. Я с удовлетворением отметил, что Сечкина догадалась-таки постричь ногти, прежде чем покрыть их золотым лаком. Она ступила на мраморный пол и приняла живописную позу, чтобы украдкой достать шпаргалку и громко по ней прочитать:

— Кто из вас готов отдать жизнь за ночь любви со своей царицей?

Легионеры, выстроенные в две шеренги, мялись, перемигивались, ухмыляясь, и толкали друг друга локтями. Наконец один из них, низенький коротышка с левого фланга вышел вперед. Клеопатра, то есть Сечкина, его осмотрела, как мне показалось, с некоторой долей разочарования. Тут же с правого фланга чуть ли не силой вытолкнули здоровенного легионера — германца. По всему, этот парень понравился Сечкиной куда больше (я давно заметил, что моя соседка неравнодушна к высоким мужчинам).

— Пойдем к моему ложу, счастливый избранник Богов, — с пафосом сказала Сечкина. — И пусть твоя последняя ночь жизни станет самой прекрасной.

Я облегченно вздохнул. Хоть я и стоял во второй шеренге в красном мундире центуриона, опасения, что Сечкина выберет меня все же были. Теперь можно расслабиться...

— Что, правда, его того? — спросил я стоявшего рядом чернокожего легионера.

— Чего «того»?

— Ну, убьют утром?

Легионер посмотрел на меня, как на опасного сумасшедшего.

— Новенький? Тогда понятно. Если всех убивать — служить некому будет. В Рим переведут, в гвардию к Августу. Он

Клеопатриных «избранников» привечает назло Антонию, целую когорту уже из них набрал.

— А чего ж так желающих мало?

— А ну ее, Клепу эту! — зевнул негр, почесываясь под матрикой — нагрудной пластиной. — Баб, что ли, в Александрии мало? Да и в гвардии у Августа уставщина, то учения, то маневры, то парады. Лучше уж здесь. Так что приходится жребий тянуть...

Тут же он вытянулся «смирно» и заорал что было сил вслед удаляющейся в царские покои фараонше Сечкиной:

— Да здравствует царица Клеопатра!

Сечкина осталась сеансом довольна. По крайней мере по коридору общаги она прошла царственной походкой, как настоящая фараонша по мозаичным плитам роскошного дворца.

— Следователь областной прокуратуры Панов. Отдел «Р», — представился нежданный визитер, сунул мне под нос «корочки» и цепким взглядом осмотрел кабинет. Мне сразу стало как-то нехорошо. Нет, никакой вины я за собой не чувствовал, но синдром «Красной шапочки» сработал: «Был бы человек, а статья найдется». И тем более, что это за отдел такой «Р»?

— Чем могу помочь нашим доблестным правоохранительным органам, — сказал я по возможности бодро.

— Можете, можете помочь, — заверил следователь, доставая какие-то протокольные листы и выкладывая на стол несколько фотографий. — Я из отдела виртуальных расследований. Вам известен вот этот человек?

Еще бы мне не узнать Яшу Палкина, не знаю, как его по отчеству.

— Да, — проговорил я удивленно. — Но я не понимаю, чем могу вам...

— Да все ты понимаешь! — неожиданно перешел следователь на «ты». — Давай, парень, не будем тянуть кота за хвост, цепляй на меня шлем и включай свою машинку.

— Но врачебная тайна... — попробовал я неуверенно возразить.

Следак выразительно на меня посмотрел, и я быстро вставил диск в щель.

Я снова оказался за стойкой бара в итальянском ресторане. Панов ползал на коленях меж недвижимых тел и собирал гильзы в пакетики. Каждую — в отдельный. Потом он сделал несколько снимков допотопной камерой с магниевой вспышкой.

— Ладно, можете уносить, — скомандовал он санитарам, и те суетливо начали грузить мертвые тела на носилки. — И не надо так спешить, эти ребята уже никуда не торопятся...

На полу остались только лужи загустевшей крови и очерченные мелом силуэты. Около одного из них молитвенно воздевал клешни к потолку недоеденный омар. Чтобы успокоиться, я снова тер салфеткой бокалы. Помогало слабо.

— Значит, ничего не видел, ничего не слышал? — спросил Панов, подходя к бару и укладывая широкополую шляпу на стойку.

Я пожал плечами и сказал с итальянским акцентом:

— Я уже все рассказал, синьор комиссар: синьоры сидели, кушали лазанью, омаров, устрицы, пили вино, потом начали стрелять. Я испугался, крикнул «Мама миа» и спрятался за стойкой.

Заметив направление взгляда следователя, я нацедил из бутылки с длинным горлышком в узкий бокал и подвинул его в сторону Панова:

— Напиток беллисимо, синьор!

— За счет заведения? — ухмыльнулся коп и опрокинул янтарную жидкость в себя.

Панов собрал свои бумажки, уложил их в папку, а ту спрятал в дипломат.

— Ладно, Владислав Мамичев, будем считать, что наше первое знакомство состоялось. Будем работать. Кстати, а что

ты налил мне там, за стойкой, — спросил он, уже направляясь к двери, — что-нибудь итальянское?

— Бренди, ирландский, — ответил я...

Мы сидели в «Корсаре», Белкин молча слушал, меланхолично пережевывая сушеного кальмара. Я закончил свой скорбный рассказ и попросил у официантки Надюхи еще кружку пенного.

— Вот что, Влад, ты, пожалуй, прав, — наконец сказал Белкин. — Не надо было нам с этим Яшей связываться...

Вот так новость, Белкин говорит «не надо было нам», можно подумать, это я бритого Палкина за свой комп силой тащил.

— Давай, чтобы больше никаких криминалов, лучше уж дамочкам несчастным помогать или страдальцам типа твоего Кручины. Кстати, как там твоя таинственная Галина? Шикарная телка, согласись. Но ты с ней поосторожнее, я тут случайно узнал, у нее муж тоже из «крутых». И вот еще держи, новая программка, запускаешь и вносишь любые коррективы в характер персонажа. Можно запросто Терминатору сделать характер Белоснежки и наоборот.

Я представил себе Белоснежку, «мочащую» гномов из шестиствольного пулемета, и усмехнулся.

Следующая неделя прошла более или менее спокойно. Следователь Панов больше не появлялся, Яша Палкин тоже, как выяснилось, он был в бегах. Дважды приходил Кручина, и я все-таки дал ему пофараонствовать. Видимо, сеансы нашей психологической помощи пошли ему на пользу, он держался все увереннее, а во время последнего визита долго стоял у вешалки, дожидаясь, пока я приму у него шляпу и пальто. Щас, разбежался. А в основном приходил обычный народ с обычными проблемами. Особенно мне понравился тихий псих из обладминистрации, который мечтал повторить полет Юрия Гагарина. А мне что, жалко? Едва натянув маску,

он тут же заорал: «Поехали!» Впрочем, говорят, он и на работе только этим и занимается, что орет. А потом появилась Галина. Она была в джинсах, пушистом белом свитере и пахло от нее по-новому, если мне не изменяет нюх — свежей фиалкой. Единственное, что удивило в ее облике, — большие черные очки. Неожиданно она попросила у меня кофе и расплакалась...

Мы разговорились, оказалось, тот таинственный мужчина, что фигурировал в каждом ее виртуальном мечтании, не какой-то киногерой, а законный супруг Галины, преуспевающий бизнесмен, теневой владелец системы игорных и увеселительных заведений, и мастер спорта по боксу к тому же.

— Знаешь, Владик, — рассказывала Галина, помешивая ложечкой в чашке, — я влюбилась в него с первого взгляда. Красивый, уверенный в себе, умный, спортсмен. Когда мы познакомились в институте, он не был богат, даже наоборот. Но мне очень нравилось, что он сильный, что окружающие боятся глядеть ему прямо в глаза. Да, тогда мне это нравилось... А как он ухаживал! Цветы каждый день, все клумбы и палисадники в округе оборвал, а как весело отдыхали на природе, с палатками, с байдарками. А какая свадьба у нас была, весь курс собрался! Но потом начались эти «крысиные гонки»: бизнес, деньги, партнеры, конкуренты и опять деньги. Сережу как подменили. Стал грубым, раздражительным, дома не ночует. Или приедет злой, как зверь, ревнует, даже дерется. От рубашек то духами чужими пахнет, то порохом. Я все бы отдала, чтобы Сергей снова стал тем Сережей, что разгружал вагоны, чтобы купить мне букет роз на день рождения.

Она сняла очки и вытерла платочком глаза. Под обоими глазами желтели характерные круги. Видимо, Сереже не очень понравилось, что его супруга задержалась неделю назад допоздна.

Чтобы не искушать судьбу, в этот вечер мы ограничились двухчасовым «выездом на природу». Я «загрузил» им палатку, спальники, большую байдарку, даже бадминтон на вся-

кий случай. В довершение ко всему применил ту самую белкинскую программу, изменяющую характер, убрав Сергею агрессивность и деловую жесткость до минимума, но подняв за счет этого обаяние и чуткость. Галина осталась очень довольна.

Странная система: когда играешь в игрушки на работе — все идет в кайф. И то, что в любой момент в офис может войти начальник и устроить тебе разнос за «нецелевое использование офисной техники да еще в рабочее время», даже как-то азарту способствует. Но когда «играть» в компьютерную игрушку становится твоей работой... Честное слово, за время работы нашего ООО я ни разу не играл в «Суперцивилизацию XXL». Разве что один раз решил, когда решил окончательно решить все вопросы с телерекламой.

Она оказалась достойным соперником, эта ужасная польская девочка с квадратными передними зубами из рекламы про «Блендамед». Если бы она успела прыгнуть в колодец и уйти в подвал на второй уровень, мне бы пришлось попотеть. Но и так мой бронежилет дымился от ужасных зеленых сгустков, что вылетали из тюбиков с «Блендамедом» — ее основного оружия. А ее квадратные зубы! Всего один укус, а левой руки я почти не чувствовал. Но я все-таки сумел загнать ее в тупик и теперь...

Я осторожно пробирался по коридору, из-за двери с надписью «Ватерклозет» доносились стоны и характерные звуки. Это певица Валерия опять испытывала проблемы с тяжестью в желудке. Видимо, «БиоАктивиа» ей помогала слабо. Но это еще что... На предыдущем уровне я случайно попал в комнату, где артист Пуговкин, обожравшись «Золотого конька», окаянствовал с дюжиной полуголых девиц. Чего он там только не вытворял!

В глубине коридора мелькнула тень, я мгновенно присел, зеленый сгусток шлепнулся в стальную стену у моего уха и

зашипел, вступая в реакцию с металлом. Я зловеще улыбнулся: все, боеприпасы у нее кончились, пришло время мести. Я аккуратно отложил свой шестиствольник и вызвал из меню бензопилу. Сейчас эта сволочь ответит мне за все! За постоянные издевательства «рекламщиков» над бедным телезрителем, за то, что каждый божий день против своей воли приходится смотреть на эти ненавистные слащавые физиономии!

Я вышел из укрытия. Она сидела в углу, подобрав под себя ноги, и, кажется, плакала. Нет, меня не разжалобить! Пришел час расплаты! Как палач в «Трех мушкетерах», я высоко поднял обе руки, бензопила взревела и... Что такое? Почему руки не слушаются меня? Всего и делов-то, что опустить на эту тварь полотно с остро наточенной, бешено вращающейся цепью, порубить ее в мелкий фарш. Но девочка глянула на меня своими заплаканными глазищами, и... я не смог. Тряпка! Безвольная баба! Размазня! Но я не смог причинить вреда беспомощному ребенку. Ну подумаешь, страшненькая. Зато натуральная блондинка! А вдруг как вырастет, вставит себе нормальные зубы и похорошеет. Станет, как Барбара Брыльска и снимется в каком-нибудь хорошем фильме у Рязанова.

Я опустил руку на пояс, вытащил из подсумка большой «Чупа-чупс» с сюрпризом» и протянул его девочке. Она испуганно на меня глянула сквозь слезы, но конфету взяла и даже прошептала что-то вроде: «Дженкую, пане».

Бросив пилу, я развернулся и пошел в сторону портала. Зря я это сделал. Сзади раздалось зловещее детское «ха-ха-ха», и в мою спину, не защищенную броней, ударила шипящая струя «Блендамеда». Очень больно, ужасно больно! Уже падая на бетонный пол, я услышал тихий щелчок и мощный взрыв — сработал «сюрприз» из «Чупа-чупса». Посыпались какие-то ошметки. Последнее, что увидели мои глаза, уже застилаемые кровавой пеленой, был вырванный с корнем передней зуб, начищенный «Блендамедом». Я умер отмщенным...

* * *

Ну, Кручина, ну козел!

Я лежал в кресле с ног до головы покрытый холодным потом. И черт меня дернул проверить, чем там фараон Василий Петрович занимается? Едва я надел маску, вселившись в младшего писца, и глянул на великого фараона, как на меня налетели полдюжины бронзовокожих воинов и заломили ласты за спину. Оказывается, я совершил тяжкий грех, взглянув в лицо Солнцеподобного, вкушавшего сгущенное молоко священной коровы. Сто палок по филейным частям оказалось лишь прелюдией к основному наказанию. Меня должны были бросить в бассейн с голодными нильскими крокодилами. Я уже видел эти хищные пасти, эти глаза, смотрящие на меня с явным гастрономическим интересом. Спасло лишь то, что согласно традиции, приговоренному позволялось перед смертью вознести хвалу Богу мертвых Тоту. И я успел сорвать маску за секунду до того, как тело несчастного писца было разорвано в клочья. Причем один крокодил даже подавился от жадности большой берцовой костью. Бррр, аж мурашки по всему телу!

Я недобро посмотрел на Кручину, блаженствующего в кресле. Значит, такие порядки вы установили в вверенном вам государстве? А мне заливал, что мечтает о мире гармонии и братства. Хорошее братство получается с публичными телесными наказаниями, про крокодилов я уже не говорю.

Попа болела, я подошел к зеркалу и, спустив штаны, рассмотрел свои филейные части. Никаких следов! Но я же хорошо помню, как эти мордовороты лупцевали меня по пятой точке. Ну, хорошо, господин Кручина, к следующему сеансу я приготовлю вам небольшой государственный переворот, и уверяю, сотней палок по заднице вы не отделаетесь. Зато бесплатно! Подарок от фирмы, как постоянному клиенту.

Он вошел, не поздоровавшись, уселся в кресло и уставился на меня в упор. Нехороший взгляд, жесткий, беспощадный. Разумеется, я его узнал, Сергей Стеклов собственной персо-

ной в дорогущем черном пальто, с бриллиантовой заколкой на галстуке. Что-то я не припоминаю, когда записывал его на прием.

— Рассказывай, — бросил он сухо.

— Не имею честь быть представленным, — ответил я, прикидывая, успею ли в случае чего дотянуться до костыля, что оставил тот самый хромой автогонщик, мечтавший выиграть хоть один Гран-при в Монако. Тоже мне, Шумахер. Три сеанса пришлось для него провести. Но Гран-при он все-таки выиграл и на радостях аж про костыль свой забыл, ускакал домой на своих двоих. И вот теперь его костыль может очень даже пригодиться — биться с мастером спорта по боксу врукопашную мне представлялось делом совершенно нереальным.

— Сергей Стеклов, — наконец-то соизволил он представиться. — Слышал такого? Сейчас ты расскажешь мне все, что знаешь про Галю. Галину Стеклову.

— Вы в этом уверены? — спросил я. — А как насчет врачебной тайны?

— Какая врачебная тайна? Ты что, рехнулся? Галя — моя жена, и я хочу знать обо всем, что она тут делала ночью неделю назад и вообще, что она тут делает. И ты мне все расскажешь сейчас, или поедешь со мной в одно интересное место...

Тон Сергея мне совершенно не понравился, и я почему-то сразу поверил, что, если упрусь рогом, действительно придется ехать туда, где мне будет не совсем комфортно.

— Хорошо, — согласился я. — Видите ли, Сергей... Николаевич, ваша жена Галина считает, что в вашей совместной жизни настал некоторый критический период, и обратилась к специалисту. Тот порекомендовал несколько сеансов психотерапевтической помощи и...

— Ты что, ублюдок, — Стеклов сгреб меня за халат на груди, — хочешь сказать, что моя Галя психичка? Да я тебя...

Не знаю, что было бы дальше, скорее всего ничего хорошего, потому как он запсиховал, и рука у него тяжелая — это я определили по мощной хватке. Но в кармане у Сережи в этот момент затренькал телефон.

Стеклов с сожалением меня отпустил и приложил мобилу к уху.

— А, ты как раз вовремя, — сказал он в трубку, со зловещей улыбкой посматривая на меня. — Давай-ка, Галя, приезжай к этому психодоктору. Надеюсь, адрес тебе напоминать не надо. Вот и поговорим втроем о наших семейных проблемах. Что, попробовать самому? Хорошо, ты давай подъезжай, а мы посмотрим.

Оказывается, этот Кручина — еще цветочки. Новый фараон — солнцеподобный Серега Стеклов оказался куда круче. Уже на моих глазах трое несчастных отправились в бассейн с зубастыми тварями. Очередная жертва тихо дрожала у подножия трона, я узнал того самого старшего писца со строительства пирамиды в Гизе.

— Значит, вот уже 20 лет вы строите пирамиду, а конца строительства и не видно? И если завтра мой отец Ра призовет меня на небо, вы положите мое божественное тело в недостроенную гробницу? — сурово спросил фараон.

— Что ты, небоподобный, твоя тайная гробница давно готова, и клянусь, ей нет равных, и ее никогда не найдет ни один из смертных! Но пирамида, она ведь огромна, шесть миллионов тонн! На ее возведение требуется время.

— Я уже дал времени достаточно, мое терпение иссякло! — Фараон хлопнул в ладоши и два охранника поволокли причитающего жреца к бассейну. Опять крокодилы! Господи, но что их всех так тянет на крокодилов? Правда, эти зверюги были совсем не похожи на тех, что у Кручины. Эти были явно зажратые, один из них безразлично поглядел на писца и отвернулся. Приговоренный истошно визжал, но как мне показалось — больше от страха, — крокодилы его не трогали. Один недовольно подвинулся, мол, чего орать, ложись рядом, отдыхай.

— Главного смотрителя дворцовых крокодилов к фараону, — прогремело под сводами дворца.

Вот бы никогда не подумал, что бронзовокожий человек может так побледнеть. Но смотритель был совершенно бледен, он уже в дверях упал на карачки и в таком виде подполз к трону, чтобы лобызнуть фараона в большой палец ноги.

— Смотритель, — сказал Серега Стеклов сурово, — почему мои крокодилы обленились и перестали карать государственных преступников?

— Они не обленились, о сын Солнца, они... объелись, — пролепетал смотритель.

— Ты посмел мне перечить? — удивился фараон. — Эй, стража, бросьте-ка его... Нет, сначала привезите новых крокодилов, а этих пустите на щиты для моей гвардии. И выньте-ка этого идиота из бассейна, я совсем забыл, что он один знает, где находится моя тайная гробница...

Мокрый старший писец сидел перед троном и тихо смеялся.

Фараон нахмурился:

— Он что, с ума сошел?

Придворный медик резво выбежал из толпы у трона и быстро осмотрел писца, заглянув ему в глаза, пощупав пульс.

— Вы, как всегда, правы, любимец Осириса. Он совершенно свихнулся.

Стеклов нахмурился еще больше:

— Так кто же укажет дорогу к моей тайной гробнице?

Под сводами дворцового зала нависла зловещая тишина.

— Уберите эту падаль и попробуйте выбить из него про дорогу к гробнице! — приказал фараон. — И где свежие крокодилы, я теряю терпение!

Я резонно посчитал, что далее оставаться в дворцовой зале опасно, резко вскочил и подхватил хихикающего писца под мышки, очень надеясь, что фараон меня не узнает. Но он узнал и поманил меня пальцем... Выражение лица Стеклова мне совершенно не понравилось...

Спасла меня Галина, умело стянувшая шлем-маску с головы своего супруга. Она приехала на такси и была, как всегда, прекрасна.

* * *

Терпеть не могу семейных разборок, а уж присутствовать при них и подавно. Они орали друг на друга так, что вся общага затихла. Даже полуглухая бабушка Анюта со второго этажа убавила громкость своего вечноорущего «Рубина» еще брежневской эпохи. Интересуется! Я в суть семейной драмы не вникал, соображая, как бы мне потихоньку проскользнуть в коридор и оставить «милующихся голубков» наедине. Но из обрывков воплей я все-таки понял, что суть взаимных претензий сводилась к следующему: Галина упрекала Сергея, что он ее разлюбил, и теперь любит только деньги, Сергей, в свою очередь, упрекал Галину, что той, кроме денег и тряпок, на них покупаемых, от него ничего вообще не нужно. Дружная семейка, ничего не скажешь, и такая общность взглядов. Их бы в «Окна» к Нагиеву, и меня в качестве сюрприза из секретной комнаты.

Наконец они утихомирились, видимо, наорались. Как я понял, Галина решила объяснить Сергею, каким она хочет видеть его в жизни. С моей помощью, естественно. Как вы поняли, отказаться я не рискнул.

Я решил не искушать судьбу и поставил уже проверенную программу, ту самую, где Галина встречала с работы своего оштрафованного за безбилетный проезд мужа. Правда, я еще раз поработал над эмоциями Сергея, привычно прибавив добродушия за счет агрессивности. Стекловы одновременно надели маски.

Поначалу все шло хорошо, Сергей даже хохотнул пару раз и показал кому-то в воздух большой палец руки. Надеюсь, что мне. Потом он посуровел. В дверь несколько раз заглядывали крепкие молодые люди, как я понял — личные телохранители Стеклова, но я прикладывал палец к губам и кивал на их шефа, безмятежно балдеющего в виртуальном мире, мол, не мешайте. Вдруг он вскочил. И хотя витой шнур

шлем-маски был довольно длинным, блок компьютера опасно накренился.

— И ты хочешь, чтобы я всю жизнь был таким вот тюхой, лохом, как в этом чертовом ящике?! Да ты, Галька, сдурела!!! — заорал он, не снимая маски, и со всей дури врезал мощным кулаком... по корпусу «Пня».

Поверьте, когда из системного блока посыпались искры и повалил дым, я чуть сам со страху под стол не залез. Но мне помогли, дверь тут же слетела с петель (хотя ее никто не закрывал) и пара молодчиков, ворвавшись из коридора, навалилась на меня всей массой. В боку моем что-то хрустнуло, стало очень больно.

Эпилог

Вот лежу в больнице, в отделении травматологии. Мне досталась койка у окна (больные от этого места обычно отказываются, говорят, что там сквозняк и запросто можно подхватить пневмонию, а мне нравится), а потому я самым наглым образом нарушаю установленный порядок и курю в форточку. На тумбочке около меня большая ваза с фруктами и сладостями, и сама тумбочка забита всякими деликатесами, которыми я охотно делюсь с остальными больными. Это не Белкин, Белкин приносит мне только пиво, иногда рыбу и сушеного кальмара в пакетиках, все остальное — Стекловы. Они навещают меня ежедневно, балуют, и Галина просто цветет от счастья. И причина тому есть — ее Сергей стал именно таким, как она мечтала. Видимо, в тот момент, когда он шарахнул по системному блоку, произошло КЗ, и виртуальный характер Сережи написался на его подкорку. Теперь он весел, добродушен, часто улыбается. Говорят, что и в бизнесе у него дела неожиданно пошли в гору, хотя его партнеры, удивленные такими переменами в способах решения проблем, первое время впали в панику и начали переводить деньги в офшорные зоны. Теперь ничего, успокоились. Вот и славно!

Галина, прощаясь, непременно целует меня в щечку, и Серега (так он сам попросил себя называть) не ревнует, даже улыбается поощряющее. Наверное, мы с ним подружимся.

Травма у меня не особо серьезная: трещина в ноге, три сломанных ребра, пара ссадин и шишек, но шишки и ссадины уже прошли. Ничего, жить можно, а вот с виртуальной помощью населению пока придется завязать. Что очень огорчило Белкина, у которого от клиентов отбоя нет, и Кручину, он тоже навестил меня в больнице во главе делегации коллег, друзей и домочадцев, принес сгущенки. Говорит, что работа у меня вредная, так что это — молоко за вредность.

Да, и еще, чуть не забыл. Белкин на денек забирал меня из больницы домой, чтобы подсчитать ущерб, нанесенный Сергеем Стекловым и его бравыми охранниками. Ущерб обещали без базаров компенсировать. Так я не удержался и врубил-таки «Суперцивилизацию XXL», вдруг как пойдет. И игрушка пошла! Я тут же надел маску и... Знаете, кого я встретил в Белкинтауне в первую очередь? Сергея Стеклова, но в его агрессивной ипостаси. Видимо, так же, как характер настоящего Стеклова изменился на виртуальный: мягкий и веселый, так же и компьютерный Сергей стал злым и агрессивным. Он гнался за мной три квартала, громко ругаясь и грозясь «превратить в котлету». Я его угрозам почему-то верил, а потому бежал изо всех сил...

Скрыться я смог, только спрятавшись за дверьми какого-то притона (оказывается, в Белкинтауне все-таки притоны есть). И угадайте, кто стоял там за рулеткой? Яша Палкин на пару со следователем Пановым, и о ноги последнего терлась общажная кошка Клипса. Но это совсем другая история...

Сергей Слюсаренко

ВАМ — ВЗЛЁТ!

— Да вот у Анны можно остановиться. У неё дочка в городе уже второй год и хата большая. — Водитель махнул рукой в направлении тусклого фонаря.

Иван сначала постучал по калитке и прокричал:

— Хозяйка-а! Есть тут кто-нибудь?

Казалось, ещё секунду назад дом был полон звуков, сквозь закрытые ставни пробивался наружу свет, но громкий вопрос словно все заморозил. Дом затаился, прислушиваясь к неожиданному гостю. Тишину нарушил женский голос:

— Иду-иду!

Дверь распахнулась, и на пороге появилась хозяйка. Было ей около сорока. Слегка располневшая, с добрыми глазами, в халате и резиновых сапогах.

— Анна? Меня зовут Иван. Мне сказали, что у вас можно остановиться на пару дней.

— Ой, неожиданно как-то, и мужик мой... Нету его сейчас.

Хозяйка, очевидно, не привыкшая к постояльцам, сомневалась, но отказывать было неудобно. Да и принять гостя тоже приятно.

— Ну... вы не стойте, заходите. — Анна приняла решение. — Не на улице же ночевать.

© С. Слюсаренко, 2006.

Она даже попыталась подхватить сумку, но Иван не позволил. Ещё чего не хватало!

Хозяйство Анны было нехитрым. Добротный дом, покрытый, на удивление, не жестью, а почерневшей от дождей дранкой, стоял посреди подворья. Слева размещался дощатый хлев. Небольшое корыто во дворе свидетельствовало о наличии птицы. В глубине притулился сарайчик, наверное, курятник. Ещё дальше, за домом — огород; в сумерках не разберешь, но скорее всего весь засажен картошкой. Двор почти полностью лысый, утоптанный, только вдоль забора оставалась узкая полоска травы и невысокого бурьяна. В общем, обычное деревенское хозяйство средней полосы.

— Хорошо у вас тут, — скорее для того, чтобы сделать приятное хозяйке, произнес Иван.

— Да обычно у нас тут, — улыбнулась Анна. — А вы к нам как, по делу?

— Говорят, рыбалка здесь, на Птичи, знатная, вот на пару дней хочу остановиться.

— А муж что, на работе? — поинтересовался Иван. — Конец недели, пора уже и отдыхать.

Анна неожиданно смутилась и сообщила, что муж по делам пошел к соседу и обещался скоро быть, но как всегда проторчит дотемна, так что ждать не следует, а Иван может устроиться в комнатке дочки.

Комната Ивану понравилась. Скромная железная кровать, открытки с портретами киноактеров, пришпиленные кнопками к белой стене, самодельный коврик. И восхитительный запах сушеных трав, пучками подвешенных над дверной притолокой.

— Дочка книжек начиталась — и вот, пришлось отгородить ей отдельную комнатку, — с гордостью в голосе за себя и за дочь рассказывала Анна. — Мол, ей нужна независимость.

Иван сел на край кровати и, сбросив любимую штормовку, хранимую ещё со студенческих времен, стал разбирать багаж. Надо сказать, что рыбак из него был никакой, рыбу он

ловил последний раз лет в десять. И собрался он в эту авантюрную поездку скорее по наитию. Проехался по городским, пышущим чванством и дилетантством магазинам «Охота-Рыболовство», купил несколько китайских удилищ, каких-то крючков от «Дяди Вани», блесен, грузил, складной стульчик, поплавки, фляжку для коньяка и поехал. Сейчас он смотрел на весь свой скарб скорее с легким раздражением, чем с желанием отправиться на промысел.

Его размышления прервал стук в дверь.

— Ваня, я ужин собрала, Петр ещё все равно не пришел, стынет, давайте начнем без него.

— Да я не голоден, — не совсем уверенно ответил Иван.

— Знаю я вас, городских! — Анна искренне рассмеялась. — Такое, как вы там у себя в городе едите, так вообще...

Отказываться было неудобно, да и есть хотелось. Иван выудил из сумки бутылку «Московской» и, слегка стесняясь, пошел на зов Анны.

— Вот тут у меня, ну, чтобы знакомство отметить, — продемонстрировал он бутылку.

Хозяйка настороженно взглянула на спиртное.

— Это что же, из города привезли? — спросила она.

— А что, не с пустыми же руками ехать, — хохотнул Иван. — В центральном гастрономе брал.

На столе парился чугунок с картошкой, стояло несколько банок с разными соленьями-квашеньями. Чувствовалось, что гостю рады и ужин хозяйка приготовила праздничный. Сев напротив Ивана, Анна прислонила к столу рядом с собой метлу с длинной прочной ручкой, которую перед этим держала в руках. Выпив по маленькой, закусив острыми, снежно-хрустящими огурцами, оба на время сосредоточились только на еде. Кроме картошки, было и тонко нарезанное сало, и удивительный, по-особому запеченный творог, и хитро, по-местному приготовленное мясо. Звяканье посуды, запахи пищи заполнили всю комнату. Иван уже начал было наливать по следующей, но тихий скрип отвлек его.

Скрипела дверь, ведущая скорее всего в чулан, прямо за спиной у Анны. Она, не оглядываясь, положила руку на черенок метлы. Дверь резко захлопнулась.

— Кошка, — упредила Анна возможный вопрос, — шкодит там, дверьми хлопает.

— Так муж твой что? — Ивану захотелось перевести разговор на что-нибудь другое. — Совсем у соседа пропал?

— Да куда он денется. — Анна не особо беспокоилась об отсутствующем супруге. — Пятница же. Дела!

Уже сквозь сон Иван услыхал сердитое куриное квохтанье, громкий разговор.

— Ты, ирод, опять сюда! — возмущалась Анна.

Голос хозяйки заглушило истерическое кудахтанье, к которому присоединилось мычание — судя по всему, мужа Анны. Ему вторила корова в хлеву и другие звуки скотного двора. Но шум не помешал Ивану заснуть еще крепче.

Утро пришло в комнату с шумом деревни и солнцем, бившим прямо в окно. Иван, нежась в постели, пытался понять, то ли ставни не закрыли с вечера, то ли уже открыли, чтобы вставал... Вспомнив главную цель своей поездки, он собрался с силами и окончательно проснулся. Быстро одевшись и прихватив снасти, на цыпочках вышел в прихожую. С хозяйской половины раздавался храп — там ещё спали. «Ну и хорошо», — подумал Иван. Ему не хотелось беспокоить добрую хозяйку. Она бы точно начала его кормить завтраком.

Так же тихо он прикрыл за собой входную дверь. Во дворе ему бросилась в глаза куча крупных перьев. «Они что, ночью гусей резали?» — пронеслась в голове мысль.

Иван примерно представлял, где находится река, он заметил ее ещё вчера, трясясь в кабине «МАЗа». Дойдя до колодца на краю деревни, он пошел наперерез через луг, о чем, впрочем, сразу пожалел: утренняя роса вмиг промочила кеды. Иван с грустью вспомнил о кирзовых сапогах, опрометчиво оставленных дома.

Луг оканчивался полосой деревьев, скрывавших речку. Берег был совершенно плоский, поросший травой. Река как будто вырезала свое русло в газоне. Иван начал раскладывать стульчик, чтобы устроиться поудобней, но тут он услыхал странный протяжный звук. Казалось, что в листве наклонившейся над рекой ольхи сидел и гудел большой зверь. Скорее жалобно, чем злобно. Иван понимал, что хищников крупнее лисы в округе не водится, а кабан или лось, которых, по рассказам, было здесь полным-полно, никак не смогли бы забраться на дерево. Так что пошел на звук без всякого страха.

На толстой ветке сидел мужик в одних штанах и шляпе с обвисшими полями. Пальцами ног он судорожно пытался обхватить ветку. По-орлиному. Незнакомец совершенно очумело озирался вокруг и скорбно гудел. Взгляд у него был замутненный, и вообще весь его вид говорил о том, что вчера он крепко набрался, от чего с утра и страдает. Под деревом валялась куча перьев.

— Эй, дядя! — окликнул Иван страждущего. — У вас тут что, День Птиц вчера проводился?

Мужик попытался остановить блуждающий взгляд на Иване. Но не смог. Только перестал гудеть. Но сразу же начал икать. Ему действительно было тяжко. Собрав последние силы, он прогундел:

— Ты кто?

При этом на мгновение потерял равновесие и только благодаря невероятным усилиям удержался на ветке, вцепившись в ствол.

— Че, служивый, худо?

— У... худо, — признался сиделец.

Иван, проявив сострадание, вытащил из заднего кармана джинсов свою новую фляжку, ещё полную. Не желая её отдавать человеку на дереве, порылся в сумке, добыл пластиковый стаканчик и плеснул туда коньяка. Мужик, не отрываясь, следил за этими манипуляциями, все ещё не веря свалившемуся на него счастью.

Коньяк подействовал незамедлительно. Мужик выдохнул и уже вполне осознанно осмотрелся.

— Ну что, дядя, так и будем сидеть, как скворечник? — поинтересовался Иван.

— Говорил я им! Высота нужна! — заявил вдруг спасенный. Это, наверное, была очень важная для него мысль. Он так ею увлекся, что опять ушел в недоступное Ивану состояние и остекленел.

— Эй ты, дромадер, — Иван не смог придумать женский род от слова «дриада», — кому говорил? Ну что, так и будешь сидеть тут?

Мужик, собравшись, хрипло изрек, не открывая глаз:

— Лучше тебе не знать. Убьют...

На этом запас активной жизненной силы иссяк, и мужик, как мешок, свалился с ветки на землю.

Иван кинулся к нему с нехорошим предчувствием. Действительно, упасть с такой высоты и не свернуть шею было непросто. Но тело упавшего не было бездыханным. Оно храпело во сне.

— Петр, — представился муж Анны, протягивая Ивану мягкую широкую ладонь. — Так что, на рыбалку к нам?

— Я вот уже и пытался сегодня, да как-то не клевало, — смущенно проговорил Иван.

— Конечно, тут места непростые, — с философскими нотками в голосе проговорил Петр, — не каждому дано рыбку поймать в нашей речке. Да ты не стой на пороге. Анна! Давай на стол!

Иван чувствовал себя слегка неловко после неудачной рыбалки. Он надеялся принести свежей рыбы к столу, да вот не сложилось...

Анна возникла и в мгновение ока накрыла на стол. Даже вчерашняя пол-литра недопитая появилась, приведя Петра в восторженно-веселое состояние. Борщ шел под водку восхитительно...

* * *

— Вот, Иван, ты человек образованный, скажи, — Петр внезапно переменил тему, — вот если, к примеру, к базе НАТО подлететь на бреющем полете. Заметят?

Иван поперхнулся от неожиданности.

— Ну, смотря какая база. Обычно там всякие локаторы, охрана, — вяло ответил он.

Казалось, что его ответ обрадовал Петра.

— А! Вот я и говорю! Локаторы эти же — они же самолеты или там ракеты видят. Железные! А если не самолет?

— Кому говоришь? — не понял Иван.

— Ну... — замялся Петр, — это мы так, с мужиками спорили. Так если не самолет, а, например, живое создание, то не заметят?

— Ну, от птиц базы не охраняют, — улыбнулся Иван. — Разве только чтобы в турбину самолета не попали.

— А что, затянуть может? — обеспокоился хозяин. — Это подумать надо.

— Да что за мысли у тебя? — Иван не понимал, откуда в селе такие милитаристские настроения. — Ты что, кур своих на базу натравить хочешь? Да и где тут база?

— Ну, тут нету, а под Киевом и построить могут, слыхал, что там творится? А теща моя там до сих пор живет! О ней думаю! Старенькая она.

После обеда Петр сообщил, что сейчас он отлучится, но вернется вечером специально, чтобы успеть с Иваном на вечерний клев.

— Мужики тоже пойдут, — многозначительно добавил он.

Иван, благодушный после сытного обеда, молча кивнул.

Через минуту раздался грохот. Залапанные пустые рюмки на столе забренчали, да и все вокруг, казалось, мелко завибрировало.

— Анна, это что? — Иван кинулся в прихожую, где мгновение назад хозяйка гремела ведром.

— Да успокойся, — вяло махнула рукой Анна, — мужик мой, он же на бульдозере работает. Вон, завел, поехал что-то там ровнять. Угомона на него в субботу нету.

— Видать, заработает? — попытался Иван сгладить неловкость своего испуга. — Работа внеурочная...

— Какие там деньги, — вздохнула Анна. — Тут он... Да ладно. Приедет к вечеру.

Казалось, Анна хотела ещё то-то сказать, но молча вышла во двор.

После обеденной водки Ивану захотелось поговорить.

— А вы что, вчера гуся резали? — догнал он Анну. — Вон, куча перьев тут была.

— Не резали никого, — неожиданно резко ответила она, — показалось тебе. С кур нападало. Ладно, дела у меня...

Было очевидно, что продолжать разговор она не собирается. Насыпала зерна курам, накормила свинью и ушла на огород.

— Мы сначала донки поставим, в ночь оно сработает, — излагал план действий Петр, примостив на плече тяжелые весла. — Ну а потом костерчик разведем. Ухи наварим. Мы с мужиками как соберемся на рыбу, так до утра, бывает, сидим. Места-то знатные!

Прямо на пологом берегу речки просмоленным брюхом кверху лежала лодка. Не ахти какая, так — плоскодонка.

— Ну, ты пока наливай, — Петр, казалось, видел сквозь плотную ткань Ивановой сумки, — а я пока тут весла поставлю.

Выпили за успех и чтобы клевало.

Донки Петр снарядил ловко и с почти профессиональной сноровкой закидывал, низко наклонившись над почерневшей к вечеру водой.

Возвратившись на берег, Иван увидел, что там, у брошенной сумки, их уже ожидали три мужика. Один из них, самый старший, несмотря на разгар лета, был в ношеном ватнике, каракулевой серой кепке, кирзовых сапогах и выбивающих-

ся из ансамбля почти новых джинсах. Старшего звали Мокей Александрович. Именно так он представился, протянув сухонькую ладошку Ивану.

— А это Стас и Вася, — махнул рукой в сторону остальных прибывших, представив их как не самых важных участников вечерней рыбалки.

Были эти двое совершенно безликими.

Звоночек на удочке, оказалось, врал. Никакой поклевки не было. Иван решил на минутку задержаться у воды, сполоснуть лицо и прийти в себя. Бессмысленная болтовня у костра почему-то раздражала и сбивала с того благодушного настроения, которое не покидало его со вчерашнего вечера. Когда костер с сидящими мужиками показался из-за густого прибрежного куста, Иван почувствовал какое-то изменение в сидящих вокруг огня местных. Казалось, они приблизили головы друг к другу и шептались о чем-то так, чтобы никто другой не услыхал. Хрустнувшая под ногой ветка вспугнула мужиков, и они резко подались на свои места. Повисла неприятная пауза.

— Чего затаились, аксакалы? — решил Иван разорвать молчание. — Что замыслили?

— На то и разум человеку дан, чтобы мыслить, — с неожиданными нотками проповедника в голосе сообщил Мокей Александрович.

— Вот скажи, Иван, ты человек городской, вы там все знаете, — включился в разговор Петр. — Вот вы там как считаете, конец света будет?

Иван никак не ожидал такого вопроса. Хотя к местным парадоксам пора уже было привыкнуть.

— Чего это вас всех на философию потянуло? — хохотнул он. — С чего вдруг конец света? Как мне кажется, так уже давно наступил. Куда же хуже?

— Вот мы тут думаем, что когда совсем конец наступит, — вмешался то ли Стас, то ли Вася, — то знак должен быть! Знамение! Чтобы спастись могли, например...

— А что без меня? — прервал его голос из темноты. — Чего вдруг собрались, и без меня?

В круг света от костра вступила странная личность. Высокий худой мужчина, несмотря на лето одетый в длинный пыльник неместного покроя. Ивану показалось, что рубашки под пыльником не было.

— А, Буккер! Мы думали, ты уже не придешь! — Мокей Александрович вскочил и стал пожимать руку пришедшему. — Как же можно посидеть без Буккера? Ты принес?

— Это что за букер? — Иван явно не ожидал такого буквосочетания здесь, в глуши. — Впрямь лауреат?

— Да нет, нашенский, — шепнул ему на ухо Вася. Или Стас.

— Стал бы я с пустыми руками, — похлопал себя по карману пыльника Буккер. — А это кто? — не особо вежливо кивнул он в сторону приезжего.

— Иван, — представился тот сухо; недоверчивость Буккера ему не понравилась.

— Буккер, — с ударением на «е» произнес новичок. — Зоотехник.

— Вот посмотри, Иван, как Буккер, так сразу зоотехник. — Мокей почему-то рассердился. — Нет, чтобы по-простому, так все с вывертом! Вот такие народ наш и спаивают!

— А что Буккер, что Буккер? — Зоотехник возмутился, хотя без особого энтузиазма.

— А то! — Мокей Александрович воздел десницу к небу. — Русский народ евреи спаивают!

— А при чем тут я? — Буккер состроил невинное лицо.

— Все евреи Буккеры! Банда одна прямо. — Мокей в свете костра и сам выглядел, как Моисей в пустыне — борода, морщины.

— Я не Буккер, а БуккЕр! Мои предки Москву брали с Наполеоном. Я француз.

— БуккЕр! Хер ты, а не БуккЕр! Да ты хоть вавилонянином назовись! Сути не меняет! — было не понятно, куда клонит Мокей. — Раз принес, наливай!

Ивану показалось, что словесная перепалка была отрепетирована сотни раз. Никто, кроме него, на препирательства и внимания не обратил. Однако на слово «наливай» реакция последовала классическая.

Один Буккер отреагировал странно.

— Я бы налил, но вот товарища вашего знаю мало. Поговорить надо, познакомиться поближе...

— Ну, нальешь — и поговорим, — от выпитого Иван постепенно терял способность фиксировать взгляд. — Кто же говорит по трезвяни?

— Ты тут мне на Ивана не наезжай, не наезжай! — Петр по праву друга решил защитить гостя. — Он там, в городе, вон как терпит! Ему это вон как нужно! Или надо. Он, может, и нам поможет! Ты не смотри, что он не здешний! Наливай!

Иван не стал дожидаться и достал из сумки последнюю пол-литру.

— Только, чур, рыбу проверить надо! — Он все же хотел придерживаться своего плана. Рыболовецкого.

Казалось, все только и ждали его слов.

Дойти до речки оказалось не просто. Сказывалась нетвердость походки. Вася, тот вообще заснул на ходу и упал. Наибольшую пользу принес Мокей. Он осторожно вошел в воду и стал что-то нашаривать на дне. При этом он вытягивал вперед подбородок, стараясь не намочить бороду.

— Ты че, Мокей? Чешисся? — спросил Петр, пытаясь тем временем вставить весла в уключины. — Или так просто?

— Раки тут, раки! — Мокей произнес это так, что у Ивана перед глазами сразу возникла пенная кружка пива и остро пахнущий лавровым листом таз, полный красных, лоснящихся от самодовольства раков.

— Петя, на хрен рыбу, давай раков наберем! В городе они ж на вес золота!

— Ну, раков так раков. — Петр был готов на все.

Возня с ловлей раков заняла минут пятнадцать. В корнях под водой действительно была прорва живности. А выпитое

накануне в значительной степени притупляло боль в пальцах, страдавших от рачьих клешней.

Всех удивил закемаривший Вася. Пока рыбаки хлюпались вдоль берега, он, непонятно где найдя силы, проснулся и пошел проверять удочки. А там уже трепыхалось несколько карасей, которых он сразу же пустил на уху. В итоге, когда рубашка, использованная как мешок для отловленных членистоногих, наполнилась и слегка протрезвевшие рыбаки устремились к костру, их встретил божественный запах ухи.

— Ну, Василий, ну ты прям гигант! — Петр похлопал по плечу Васю. Или Стаса. Кто их разберет.

Загремели алюминиевые миски. Иван, как ни напрягался, не мог вспомнить, откуда они тут взялись. Уху споро поделили, разлили последнюю бутылку Ивана и пустили по кругу стеклянную перечницу. Буккер, пока все перчили уху, невнятно бурчал и прочищал горло, словно готовился произнести тост. К Ивану перечница пришла последней. Как водится, после первого же движения крышка и хорошая жменя черного перца упали прямо в миску. Иван сделал вид, что так и надо.

Уху хлебали быстро и вкусно. В какой-то момент Ивану показалось, что спиртное совсем выветрилось и теперь можно нормально порыбачить. Но эти мысли сразу же перебил Стас:

— Буккер! Хватит душу томить! Пора!

— Что пора, что пора? — Буккер нервно закричал. — Ты своим «пора» неподготовленного человека совсем угробишь.

Но тут Мокей повел себя совсем неадекватно. С воплем «А итить его в пропеллер!» он рванул на себе фуфайку вместе с рубашкой, оголив тощую грудь. Голый бледный живот резко контрастировал с загорелым лицом.

— Наливай, Буккер, нашу! Сегодня, чую, точно выйдет.

Буккер молча достал из необъятного кармана пыльника здоровенную бутылку с мутной жидкостью. В свете костра бутылка флуоресцировала ярко-голубым светом. «Какой бе-

зумный антистокс», — пронеслось в затуманенной голове Ивана.

Буккер плеснул в стакан Мокею.

— А что, он один будет? — Ивану показалось несправедливым, что налили только Мокею Александровичу. Пусть он и старший.

— Не замай, паря!!! — Мокей сделал рукой жест, долженствующий показать, что все порядке. — И до тебя дойдет очередь!

Дед опрокинул стакан жидкости и заколдобился. По ребристому торсу Мокея пробежала пульсирующая дрожь, он закатил глаза и резко выпрямился. С легким хлопком за его спиной раскрылись гигантские отблескивающие белым крылья.

— Бля-а-а-а! — завыл Мокей и побежал в темноту.

— Не хватит разбега, — спокойный голос Петра был почти не слышен в Мокеевых воплях. — Ой, не хватит. Стар он, мышца не та.

Мокея было хорошо видно при свете костра. Он бежал, спотыкаясь в луговой траве. Взвившиеся было за спиной крылья стали опускаться ниже и ниже, до тех пор, пока крайние маховые перья не чиркнули траву. Так крылья буревестника чиркают поверхность моря, когда тот куражится в полете. Но здесь вышло совсем по-другому. Так и не разогнавшись, Мокей стал заплетаться ногами и через несколько шагов упал ничком.

— Да не дергайся. — Вася остановил вскочившего Ивана. — Спит человек. Проверено.

— Ну вы, блин, даете, — только и смог выговорить Иван. — Что за хрень тут у вас творится?

— А дай я! Сегодня запросто!!! — истерично закричал Буккеру Петр.

Буккер слегка нетвердой рукой налил и Петру. Тот уже было поднес стакан зелья ко рту, но тут Вася истошно завопил:

— Рубаху сыми, а то крылья обломаешь, как Сидор тогда!

Предупреждение сработало. Петр, не выпуская стакана, одной рукой расстегнул рубаху, успевшую высохнуть после раков, сбросил её на землю — и уж тогда хлебнул.

Несмотря на меньшие по сравнению с Мокеем годы, Петр оказался послабее. Крякнув, он секунду прислушивался к ощущениями, а потом, все ещё держа стакан в руке и не меняя позы, упал носом вниз. Хорошо хоть мимо костра. На неподвижном теле развернулись такие же, как у Мокея, серебристо-белые крылья.

— Ну что же за напасть, — Буккер всхлипнул, — так никогда мы и не взлетим? Говорил Зосима — с дерева надо.

«Зосима, это, наверное, тот, утренний, ольховый», — подумал Иван.

— А что потом с крыльями? — задал он дурацкий вопрос Буккеру.

— Как что? Знамо дело, рассасываются, — сообщил тот, наливая очередной стакан. — Как протрезвеешь, так и рассасываются.

— А если на лету? — появился у Ивана новый логичный вопрос.

— Так, наверное, в лепешку, — мрачно предрек Вася. — Только все равно не взлетим! Сволочь ты, Буккер! Народ искушаешь!

— Будешь? — Буккер предложил налитый стакан Ивану.

— Без парашюта — нет! — нетвердым языком твердо отказался Иван.

Упоминание парашюта внезапно пробудило Петра ото сна. Он приподнял голову, обвел невидящим взглядом пространство вокруг и изрек:

— Где мой парашют, сволочи? — и опять затих.

— Ну и народ кругом! Не зря вам наши Москву сожгли. Пьянь сплошная, как с вами светлое потом строить? — Буккер спрятал в карман бутыль, скинул пыльник и, оттопырив мизинец, поднес стакан ко рту, франтовато отставив при этом локоть. — За наше будущее!!!

Буккер, как оказалось, был крепче всех. Он почти спокойно поставил стакан на землю возле костра и, повернувшись лицом к реке, произнес:

— Над рекой взлетать надо: тут и уклон, и если что — на воду мягче.

С уже знакомым шуршанием развернулись восхитительные крылья, и Буккер, слегка клонясь влево и забирая при движении в ту же сторону, побежал к речке. Через несколько шагов его крылья распрямились и, приняв на себя воздушный поток, гордо изогнулись.

— Красиво у него всегда, прям альбатрос, — объяснил Стас.

Буккер добежал уже почти до самой воды, однако в воздух не поднялся. Сделав несколько шагов по поверхности реки, он с шумом и плеском ушел в воду, громко шлепая крыльями.

— Ну вот, и это как всегда. Прямо гусь какой-то. — Стас, тяжело вздохнув, пошел к реке вытаскивать Буккера.

— Да ну вас. — Ивану все происходящее стало казаться безумным сном. Он сгреб Петра, водрузил себе на плечо и, подхватив сумку, затопал в сторону жилья.

— Давай его в чулан! — Анна ничуть не удивилась крылатому супругу. — А то проснется, опять к курам полезет.

— Зачем же к курам? — удивился Иван.

— Дурь его туда тянет! — зло ответила Анна. — Технику полета, говорит, изучать. Тоже, птиц нашел! Эх, ну почему ту тарелку дурацкую сюда принесло?! За что мне муки такие? Поворник, гостя не постеснялся.

— А что за тарелка? — Иван вдруг понял, что пока он тащил Петра домой, почти весь хмель выветрился.

— Так по весне было, — начала рассказывать Анна, убедившись, что супруг её лежит на кровати и не пытается убежать. Или улететь. — Зависло прямо над полем, где свеклу сахарную сеяли. Часа два висело, светило вниз таким светом, странным, в пупырышках.

— Как спеклы? — удивился Иван.

— Ну, я ж и говорю, там где свеклу сеяли. — Анна явно была незнакома со всякими терминами из лазерной физики. — Мы уже и в город звонили, чтобы ученых прислали. Никто не приехал. Потом свекла странная выросла. В клеточку. За месяц!

— Как в клеточку? — не понял Иван.

— А вот так! — Хозяйка вышла на секунду и вернулась с корнеплодом в руках. На вид он был обычный.

— И что тут в клеточку? — не понял Иван.

— А вот что! — Анна ловко рубанула ножом, лежавшим на столе, располосовав свеклу на две половинки. Внутри та была действительно в клеточку. Как шахматная доска.

— И что делать с ней — никто не знал, — вздохнула Анна. — Собрали, в кучу свалили, ну, чтобы кто хочет брал. А Буккер взял и почти всю уволок. И стал самогон гнать... Ну, вот и пошло... Сначала всю неделю перьями сорили. Теперь уже сил поубавилось, по выходным только куролесят.

— Так летать что, так и не вышло?

— Да какой летать!!! Эта гадость работать начинает, когда уже на ногах не стоят. Ироды! — Анна сердито посмотрела на дверь, из-за которой раздавался храп мужа. — Нажрался, скотина, а мне утром перья убирать! И толку-то от них — никакого! Хоть бы пух был, а то так, одни маховые. И ничто ведь паразитов не останавливает! От этой гадости на утро даже башка не болит.

— Пробовала? — Иван вдруг представил Анну с крыльями. И покраснел.

— Парамоновна пробовала, — вздохнула женщина, глядя куда-то вдаль.

— Взлетела? — Иван все надеялся.

— Ага, как же. Чуть не утонула! — Анна встрепенулась, как будто очнулась от воспоминаний.

— Чего вдруг тонула?

— Так не крылья у нее выросли, не крылья. За что бабам участь такая?

* * *

Наутро голова у Ивана болела. Он сидел на лавочке у стены дома и безучастно наблюдал за хозяйской живностью. А Петр бегал по двору свежий, как огурчик.

— Слышь, Ваня, пойдем покажу, что я приготовил! — кипел он энтузиазмом.

— А? — Иван никак не мог разделить активности Петра и мечтал сейчас только об одном — полежать в тенечке, на берегу речки. Идти и смотреть, что там сделал Петр, не хотелось. — Может, завтра?

— Ой, слушай, а я и не подумал! Тебе же после вчерашнего худо! Ах, я старый дурак! Жди!

Петр исчез из поля зрения. Вернулся минут через двадцать.

— Вот что хорошо — пиво всегда купить можно! Все-таки жить стало лучше, — радостно сообщил он, демонстрируя двухлитровую бутылку пива.

— Хреново жить. — Ивану было нерадостно. — И пить с утра — тоже хреново.

— Так пиво ведь! Это же не пить! — удивился хозяин.

— Да что ты человека мучаешь! — вмешалась в разговор Анна. — Сейчас я ему сыворотки принесу, это не твое пиво мерзкое.

— С каких пор пиво мерзкое? — совсем расстроился Петр.

Анна ушла в дом и через мгновение вернулась с большой алюминиевой кружкой, наполненной мутноватой жидкостью. Иван, не сколько от желания поправить здоровье, а просто чтобы не обижать хозяйку, выпил не слишком аппетитно пахнущее снадобье.

— Сыворотка наутро — лучшее средство, — сообщила Анна, наблюдая за реакцией.

— Точно, — согласился Иван.

Сам же при этом подумал, что, наверное, пиво пошло бы легче.

— Ну, поправляйся, — сказала хозяйка и ушла в дом.

Оттуда немедленно раздался крик — Анна ругмя ругала Петра, который, ирод, опять взялся за свое, да ещё и тащит из дому дочкино приданое.

Резко открылась входная дверь, и на крыльцо, как побитая собака, выскочил Петр.

— Вот жена моя — женщина, конечно, хорошая, хозяйственная... — стал он объяснять Ивану, — но вот нет в ней полета души. Простыни ей жалко на парашют. А муж разобьется — не жалко? Так что, пойдем покажу?

— Ну, пойдем. Ты только объясни. Я вчера на дереве мужика видел, — вспомнил Иван. — Ну, вы говорили, что это Зосима взлететь собирался.

— А, ну да, Зосима, Зосима! — Петр сразу понял, о ком речь. — Он вчера не пришел, его баба в сарае заперла.

— Так вот, Зосима, он сидел на дереве и очень головой маялся. А Анна говорит, не бывает бодуна от вашей летной воды.

— Летная вода, говоришь? — Петр улыбнулся. — Это хорошо назвал! А Зосима-то на дерево залез, говорит, сейчас взлечу, сейчас взлечу. А стакан-то и пролил, пока лез! Все расплескал. Думал, на дереве хлопнет, а ему так никто и не смог поднести. Ну, его там и сморило. А на утро тяжко, конечно. Так что? Пойдем?

— Ну пойдем, пойдем, — согласился Иван, — покажешь, что там и как.

Петр, оказалось, взял в дорогу пиво, и, выйдя за ворота, они немедленно поправили здоровье. Ивану не хотелось делать это при Анне. Пиво помогло не в пример лучше, чем гадкая сыворотка.

Позднее утро в селе было полно пасторальных звуков. Даже тарахтение мотора вдалеке казалось естественным и вполне экологически чистым. Метров через сто улица резко расширялась. Слева был небольшой пруд, вырытый, наверное, для того, чтобы в нем могли плескаться гуси. Что они и

делали. У пруда на аккуратно сложенных бревнах сидели вчерашние мужики и щурились на уже высокое солнце.

— Здорово земляки, — поприветствовал Мокей Александрович. — Куда путь держите?

— Я вот полосу свою хочу показать, — объяснил Петр. — Иван-то человек знающий, может, подскажет чего.

— Да толку от твоей полосы, тут другое надо, — сказал Мокей.

Иван слушал их и ничего не понимал.

— Я с вами пойду, — заключил Мокей. — Мне кое-что обсудить надо.

Путь к таинственной «полосе» Петра продолжили почти вчерашним составом. Кроме Мокея, присоединились Вася-Стас и древесный сиделец Зосима. Судя по всему, с утра жена позволила ему выйти в свет.

Первым молчание прервал Зосима.

— Вот, говорят, в городе можно купить такую фляжечку — сама из нержавейки и в карман задний хорошо вмещается. — Он явно лукавил. Видать, и фляжечка, и коньяк запали в душу.

— А тебе зачем? — спросил Вася.

— На дерево удобно с такой лазить, — пояснил Зосима, — не прольешь!

— Выкинь дурь из головы, — строго сказал Мокей. — Не выйдет.

— А что не выйдет? — от обиды Зосима даже остановился. — Что не выйдет?

— Не выйдет у тебя! — Мокей был неумолим. — С дерева слетать птенца мать сызмальства учит! Ты же, как прыгнешь, даже на крыло стать не сможешь! Тут с разбегу надо, и учиться. Сначала просто прыгнуть, потом уж и помахать крылом. Воздух почувствовать надо! Это же не по улице шляться — это же шестой океан!

Мокей Александрович был, похоже, местным философом и знатоком.

— Так вот я и говорю! Полоса нужна! — оживился Петр.

— Да какая полоса? — не выдержал Иван.

— А вот какая, — Петр дождался момента, — взлетная!

Он сделал горделивый жест рукой. Прямо за околицей начиналась, уходя вправо, желтая, тщательно выровненная дорожка. Иван понял, что именно её Петр выглаживал бульдозером в свободное время.

— Красиво. И ровно как! — похвалил Иван. Несмотря на то, что творение рук, а вернее, экскаватора Петра мало походило на взлетную полосу аэродрома.

— Толку, что ровно! — Мокей с недоверием относился к этой затее. — А бетон где? Ты что, по песку бежать будешь? Завязнешь! Ну и глиссаду надо.

— Где ты только слов таких набрался, — обиделся Петр.

— Я служил в войсках наземной авиации! — Мокей гордо воздел бороду. — Понимаю кое-что.

— Наверное, в наземных службах авиации? — переспросил Иван.

— В авиации! Остальное не важно, — отрезал Мокей. — Я думаю, что нету толку от нее. Как ты тут групповой взлет сделаешь? Узкая и опять же ноги вязнут.

— Вот дался ему групповой взлет, — разозлился Стас. — Все уши продудел.

— А иначе не выйдет. — Видно, Мокей хорошо продумал свою идею. — Если мы за руки вместе возьмемся — не упадем! И друг дружку поддержим. Вот сегодня и попробуем. Полянку надо подыскать только.

— С дерева надо, с дерева, — вмешался Зосима. — Не хочу я с вами, как баран, в стаде бегать.

Зосима был глубокий индивидуалист.

— Не надо от коллектива отрываться! — Петр попытался убедить Зосиму. — Вон гуси или там журавли. Птица благородная, гордая, а косяком летит, и хищник ей не страшен. И красота-то какая!

Казалось, Петр уже видит, как летит с мужиками гордым журавлиным строем.

— Эх, жизнь какая начнётся! — Петр не мог остановить свои мечтания. — Найдем бетону, зальем полосу. Я ее шире сделаю. Все же в руках человеческих! А как все к полету станут способны, это же как здорово будет! Мы секрет чужим не отдадим. Село наше поднимем, потом и страну. Это ж если только одни удобрения раскидывать — и то какая экономия!

Иван представил разбрасывание удобрений (вышло пикантно) и громко рассмеялся.

— А что смешного, что смешного? — обиделся Петр. — Я вот ещё читал, что можно погоду менять, если порошок какой-то сыпать на облака. Не слыхал, там, в городе, порошок такой купить можно?

— Что-то слыхал, могу узнать, — решил Иван не обижать нового приятеля.

— У нас же кактусы расти будут! Мы текилу будем делать. Я видел как-то в городе — она раз в двадцать водки дороже. А, говорят, воняет хуже сивухи. И соляру в город продавать будем!

— А соляра откуда? — не понял Иван.

— Так экономить будем — сеять тоже с лёту! А что сэкономим с посевной — продать можно! Какая жизнь будет...

— Ты как пацан прямо, — прервал Мокей. — Жизнь мечтами не построишь. Работать надо.

— Ну так вечером и начнем! — вмешались Вася со Стасом. — Только надо, чтобы Буккер не жлобился, а отогнал побольше. А то принесет на три глотка.

— Мужики, — вдруг вспомнил Иван, — а вот если женщины летной воды хлебнут? С ними что бывает?

— Лучше тебе не знать. — Зосима мрачно сморкнулся, зажав пальцем ноздрю. — В общем, непотребство одно. И не будут они пить больше.

— Тренироваться надо! До седьмого пота! — внезапно заявил Вася. — Вот вечером сегодня начну. Разбег нужно с разгоном, воздух взять чтобы.

— Это правильно! — Мокей ободрил. — Вечером сегодня!

Иван, вернувшись в дом, подумал было, что надо все-таки на рыбалку сходить, и даже начал перекладывать снасти, но его сморил сон.

Снилась ему полная гадость: какие-то мужики в ступах, налетающие на базу НАТО и кидающие в перепуганных натовских солдат сухими удобрениями. И ещё приснилось, как Зосима, оставляя за собой дымный хвост, спикировал на колонну вражеских танков. И ещё приснилось, что Анна, сбросив с себя последнее, выпила стакан летной воды и у нее стал вырастать... Тут Иван с криком проснулся.

— Чего орешь? — в дверь просунулась голова Петра. — Пойдем, вечерний клев сейчас самый.

Иван вдруг понял, что чувствует себя прекрасно, и даже гнусный сон улетучился, не оставив тревоги.

Костер у реки, на котором вчера варили уху и раков, еще хранил тепло. На забытых донках трепыхалась рыба. Рыбалка удалась, даже и не начавшись. Несколько карасей и здоровенного леща сразу же пустили на уху.

— Давай по маленькой. — Петр продемонстрировал невесть откуда взявшуюся литровую бутылку водки. — Ты не думай, это хороший продукт. В сельпо брал.

— Так тренироваться же собирались. — Ивану совсем не хотелось повторять вчерашнее пьянство. — Будем вести здоровый образ жизни.

— О! За здоровье и выпьем. — Петра было трудно сбить с толку.

Он ловко свернул крышку и отточенным движением плеснул водку в стаканы. Иван так и не уследил, откуда эти стаканы взялись. Он никак не мог привыкнуть к такой постоянной оснащенности.

— Нельзя тренироваться на сухую, — убедительно произнес Петр. — Ну, поехали!

Водка пошла хорошо. Смачно захрустев луком и сунув в уху деревянную ложку — помешать, Петр продолжил:

— Как же тренироваться без водки? Ведь ты же по трезвяни никогда летать не будешь. Вот и нужно, чтобы душа имела такую же свободу и тогда, когда тренируешься.

— А что нас не дождались? — с хрустом ломаемых веток из кустов вылезли старые приятели. Было видно, что они уже начали готовиться к тренировке.

— Тут лавровый лист нужно. — Зосима уже пробовал уху. — Кто же уху без лаврушки варит? Вы там в городе совсем от природы оторвались. Лавр, как говорили древние греки, всему голова!

«Что-то они тут все не в меру начитанные», — подумал Иван. Но спорить не стал.

Лавровый лист нашелся во внутреннем кармане Мокеева ватника.

— Давайте сначала выпьем за единение города и нашей провинции. — Мокей начал загибать сложный тост. — За смычку, как говорили древние.

— Ага, Лавр и говорил, — мрачно пошутил Иван.

— Какой такой лавр? — не понял Мокей.

— Берия.

— А он тут при чем? Мы за нас пьем! За наше светлое будущее!

Выпили сначала за будущее. Потом, вспомнив, что надо тренироваться, за «Динамо-Киев» и за «Спартак-чемпион». Уха шла на ура и быстро закончилась. Мокей было собрался за раками, но ему напомнили о тренировке. При этом Зосима заявил, что он тренироваться будет только в своем, только ему одному открывшемся летном мастерстве. Поддерживая за ноги, его запихали на ветку ивы, склонившейся к реке недалеко от костра. Потом стали тренироваться подносить стакан водки, привязанный к удочке. Но водку в него не налили, заменив её речной водой. Зосима этого не знал и, когда на третий раз сумел ухватить стакан, очень обиделся. Даже уйти хотел. Для восстановления мира Ивану пришлось подарить фляжку, в которой ещё оставался коньяк. Зосима даже

прослезился от такого подарка и обещал всегда, пролетая над домом Ивана, делать круг почета. Потом искали ручку и бумагу, чтобы записать адрес для Зосимы. Нашли у Мокея в кармане. За это и выпили. Иван все время ловил себя на мысли, что голова пока достаточно ясная.

— О! Мужики! — вдруг встрепенулся он. — А как свекла эта, в клеточку, кончится, что будет?

— Ну ты совсем! Кто же все убирает! Мы на семена оставили, Буккер потом собрал и все как надо хранит! Мы раз в неделю проверяем! Что же мы, враги себе? — Стас не скрывал иронии — с городского что возьмешь? — Так, мужики, а тренироваться? Не только же Зосиме опыт копить!

Тренировать решили умение держать строй в косяке. Как ни пытался Иван объяснить, что лучше учиться разбегаться или там с дерева соскакивать, его не слышали.

Мокей построил всех на манер тевтонской свиньи и сам стал во главе.

— А чего ты впереди? Чего ты? — возмущался Зосима, сидя на своей иве. — Тебя кто выбирал?

— Я опытный. Доведу до цели! — сообщил Мокей. — А там могут вожака и застрелить! Мне не страшно, я пожил!

— Мужики, да кто стрелять будет? — Иван не понял такого пессимизма.

— Враги! — лаконично объяснил Мокей.

— Иван, ты командовать будешь! — Мокей отдал последний приказ перед началом движения.

— А что командовать? — Иван не понял. — Гуси-гуси, га-га-га?

— Нет! Ты по-настоящему! — Мокей не оценил шутки. — На старт, внимание...

— Ну, ладно. — Иван вдруг почувствовал, что включается в эту безумную игру. — От винта!!!

— О! — крякнул Петр. — Это по-нашему.

— Вам — взлет! — вспомнил Иван цитату из детской книжки. — Ручку вперед до упора. По газам...

Строй мужиков начал движение. Сначала он развалился, но под строгим окриком Мокея все вернулись на места. Вася со Стасом даже руки развели, изображая крылья. Мелко перебирая ногами, косяк мужиков двигался по поляне.

— К повороту! — заорал Иван, видя, что сейчас они влетят в кусты.

Поворот не получился. Когда Мокея вытащили из кустов, Иван решил провести инструктаж. Каждому был объяснен его маневр. Опять пошла команда на взлет, опять замахали руками Вася со Стасом, и теперь уже перед кустом был сделан изящный вираж. Стас, левый крайний, стал делать шажки совсем уже мелкие, Петр, стоящий за спиной Мокея, потянул его на себя за левое плечо, а Вася стал шагать шире. Косяк развернулся, лишь слегка коснувшись куста. И то — нарочно.

— У, мужики, получилось, — раздался с дерева голос Зосимы.

— Так, — заявил Иван, — ты будешь у нас башней.

— Какой такой башней? — Зосима собрался опять обидеться.

— Диспетчерской! Будешь полет контролировать.

— Так бы и сразу! — Зосима успокоился и тайком приложился к фляжке.

Решили отметить первый организованный маневр.

— Ты не поверишь, Ваня, — Петр начал произносить тост, — я теперь себя почти в небе почувствовал. Вот что значит, когда человек нужный есть!

Потом опять попытались построиться в косяк, но как-то не сложилось. Зосима предложил допить водку до прихода Буккера, чтобы потом сразу взять и полететь. Никто не возражал.

В какое-то мгновение Иван вдруг почувствовал, что засыпает. А потом уже и перестал чувствовать.

Судя по головной боли, вчера Буккер так ничего и не налил. Собрав последние силы, Иван разлепил глаза и понял, что лег не раздеваясь. Тяжело шаркая ногами, он вышел в

прихожую. Дверь в хозяйскую комнату была открыта. Там хлопотала Анна.

— Доброе утро, что-то я вчера как-то... — начал было Иван.

— Да дело такое, с этими паразитами и не так наберешься. Ну, хоть гадость эту не пили. Вон Петра с утра как колдобило.

— Кстати, а где он?

— Так на работе, понедельник же.

— Как понедельник? — ужаснулся Иван.

Он наскоро простился с Анной, попытался всучить деньги за постой и пошел к шоссе, где его и подобрал мчавшийся с карьера «МАЗ». Всю дорогу Иван держал в руках корнеплод. Ту самую свеклу — попросил напоследок у Анны. На память.

Вечером дома, уже вполне придя в себя, он разрезал свеклу пополам. И вправду — как шахматная доска. Резанув ещё раз, наискосок, Иван получил на новом срезе такой же строгий рисунок. Свекла демонстрировала топологические парадоксы. Впрочем, через месяц она засохла и потеряла всякий вид.

Где-то в октябре Иван проезжал по делам недалеко от мест своей странной рыбалки. Не выдержав, он попросил водителя остановиться на излучине Птичи, недалеко от деревни.

Все вокруг утопало в осенних буйных красках. Где-то в вышине, еле различимый, курлыкал косяк пьяных мужиков...

Неаполь, апрель 2005

С благодарностью Е. Харитонову и Л. Одинцовой

ФАНТАСТИКА?

Юлия Остапенко

ЗНАЕТ ГОЛАЯ ВЕТЛА

Когда лёд проломился и я камнем пошла ко дну, мир исчез. Не было больше мира, только чёрный холод, хлынувший в горло. Я билась, извивалась, а когда удавалось вынырнуть — кричала, но я была одна. Вода тащила меня вниз, я колотила ногами в прозрачную крышку своего ледяного гроба и знала, что я одна, что меня бросили здесь умирать. Я цеплялась пальцами за бритвенно-острую кромку льдины и снова срывалась со скользких от крови краёв. Когда я выбралась, все мои спутники были мертвы. Я отползла к берегу, рухнула наземь и ткнулась мокрым лицом в снег, и уже тогда чувствовала, знала, что выжила только я. Нас всех обрекли на смерть, и пришла она оттуда, откуда мы ждать её не могли. Никому прежде не удавалось сделать с нами такое. Никто прежде на это не осмеливался. Никто прежде не понимал, что это возможно.

Почти возможно. Ведь я всё ещё жива, хотя ты и не знаешь об этом. Но я жива.

И я тебя найду.

— Садись! Ну же!

Девчонка смотрела на него в нерешительности, мялась и то прятала взгляд, то нерешительно косилась на молодого,

© Ю. Остапенко, 2006.

сильного, красивого мужчину, который протягивал ей руку ладонью вверх. Мужчина смотрел на девчонку и улыбался, открыто и ясно. Он был счастлив, и ему хотелось любить весь мир и помогать каждому встречному, а это редкое качество, и он уже привык к тому, что сперва его помощь принимали с подозрением. Это так странно, удивлялся мужчина про себя, неужели и мой народ столь непривычен к чужой доброте, к бескорыстию? Неужели и того, и другого они видят так мало, что и поверить-то недосуг?

— Садись!

Девочка вздохнула и уцепилась в его запястье. Мужчина широко улыбнулся и, подхватив её, одним махом усадил в седло за своей спиной. Малышка пошатнулась и испуганно вцепилась в его плечи, тесно прижавшись грудью к широкой спине воина.

— Высоко, — прошептала она и зажмурилась. Мужчина расхохотался.

— Привыкнешь, — заверил он и пустил коня шагом. Девчонка задрожала: впервые небось едет верхом, да и, правду сказать, жеребец у воина был рослый и резвый, тут и у опытного наездника дух захватит. Эх, пустить бы его теперь вскач, чтоб только щебень из-под копыт да ветер в лицо и чтоб вёрсты свистели мимо, будто мгновения... чтоб всё ближе, ближе, ближе к ней, и ни одного вздоха больше даром не терять. Видят боги, он уже столько их потерял.

Но он был не один: за его спиной сидела маленькая оборванная бродяжка, заблудившаяся в незнакомых краях, и теперь он за неё отвечал.

— Не страшно одной по миру бродить?

— Страшно, — сказала девочка. — А что остаётся-то?

У неё был гладкий выговор, белые руки и тонкие черты лица. Нищая, но не крестьянка.

— Откуда ты сама?

— Не знаю, — сказала девочка. — А ты?

— Из далёких земель, — ответил мужчина, мечтательно глядя на горизонт. — Из края тысячи озёр и сотни морей...

— Где вечная весна? — фыркнула девочка.

— Вечной весны нигде не бывает, малышка. В моей земле бывают и зимы, и бури. Но всё равно это лучший край на всём белом свете.

— Что же ты уехал оттуда, если там так хорошо? Ах, погоди, я дура... вам же, прекрасным рыцарям, положено бродить по свету в поисках дракона, который согласится уделить вам внимание.

Её тон ему не нравился. Но мужчина был счастлив, а счастливые люди милосердны.

— Зря ты так говоришь, девочка. Я не прекрасный рыцарь, моё положение в моей стране таково, что я не могу позволить себе разъезжать по миру в поисках случайной славы. У меня множество других дел.

— Стало быть, с важной миссией путешествуете, — уважительно сказала девочка, и воин не сразу понял, что она издевается.

— Откуда ты такая? — обернувшись к ней, поинтересовался он. — Вижу, что пронырлива и неглупа, как же оказалась в лохмотьях посреди дороги?

— Тебя ждала, — сказала девочка и ткнулась лицом ему в спину.

Мужчина рассмеялся.

— Что ж, может статься, что и так. Я как увидел тебя, так душа во мне запела, поверишь ли?

— Запела? — переспросила девочка.

Мужчина рассеянно взъерошил ей волосы.

— Коли и впрямь судьба мне на этот раз улыбнётся, то ты мне счастье принесёшь, — задумчиво проговорил он. — Ты седьмая моя попутчица... в этот раз.

— В этот? — повторила девочка и, не дожидаясь ответа, переспросила: — Так куда же ты едешь?

Воин улыбнулся мечтательно. Прежде он никому на этот вопрос не отвечал, но эта девочка действительно была седьмая, а ещё он был счастлив, и счастлив отчасти потому, что она была седьмой.

— Много лет назад, девочка, когда тебя ещё и на свете не было, прекраснейшая женщина всех миров подарила мне свою любовь. Ещё много лет она дарила мне силы и веру, которые я, неблагодарный, передаривал народу своей земли, ибо их было слишком много для меня одного. А потом она умерла. Я видел её смерть и не сумел её спасти. — Лицо воина померкло, но улыбка так и не сошла с губ. — И потом ещё многие годы терзался слабостью и безверием, которые отдавал народу своей земли, потому что их было слишком много для меня одного. Ты слушаешь?

— Слушаю и ничего не понимаю, — отозвалась девочка. — Чему ты улыбаешься?

— Слушаешь, так слушай до конца. Год назад я узнал, что моя любимая жива. И я всегда знал это, потому что так и не нашёл её тела, хоть меня и уверяли, что это ничего не означает. Но это означало силу и веру, от которых я отказался... которых прогнал от себя, как надоедливых бесполезных собачонок.

— Это было жестоко, — тихо сказала девочка.

— Конечно, умница моя, конечно. Я вообще очень жестокий человек.

— Ты?!

— Да, я. Очень, — сказал мужчина и улыбнулся. — Но она всё меняет. Она всё может исправить. И едва узнав, что она жива, я отправился на её поиски. Сердце звало меня за море, будто именно там я найду её след, и я велел снарядить корабль, готовясь отправиться тотчас же. Корабль снарядили, но в ночь перед отплытием поднялся шторм, равного которому не упомнят даже самые глубокие старики. Мой корабль разбило в щепки о прибрежные скалы. И я понял, что моей возлюбленной нет за морем.

— Так ты не поехал за ней?

— Нет. В тот раз нет. В другой раз я снарядился для пешего путешествия, но в ночь перед отбытием ко мне пришёл мой друг, ближе которого у меня не было и не будет. Он ничего не знал о моих намерениях, иначе бы не стал препятствовать, но он не знал и пришёл ко мне с бедой. Я не мог оставить его одного и остался, чтобы помочь.

— И снова не поехал к ней, — медленно проговорила девочка.

Конь фыркнул, будто разделяя её удивление. Воин смотрел на солнце не щурясь.

— Не поехал. В третий раз я собрался в путь, но тут примчался гонец, сообщивший, что враг подошёл к границам моей страны. И если не смог я оставить для поисков своего друга, то мог ли оставить мой народ? И я снова остался, пока враг не был разбит, и поклялся себе, что выступлю в путь в день окончательной победы. Но пока я сражался, наступило лето, засушливее которого не упомнят самые глубокие старики. Посевы гибли, леса пылали, реки и озёра пересохли, и мой народ умирал от голода, жажды и эпидемий. Я не мог покинуть их в столь тяжкий час. И я остался в четвёртый раз. Когда пришла осень, я попросил благословения у своего народа и, получив его, наконец отправился в путь. Но едва я выехал за ворота города, ко мне подошла женщина и попросила милостыни. Я ненавидел себя за бесконечные отсрочки и горел желанием рвануться вперёд, поэтому грубо велел ей, чтоб она пошла прочь.

— Ты так сказал? — ахнула девочка. Мужчина запнулся, смущённая улыбка скользнула по его губам. Он бросил виноватый взгляд через плечо.

— Я очень торопился.

— Я не о том, я... но меня ведь ты взял с собой!

— Слушай, маленькая, — усмехнулся воин и продолжал: — Эта женщина оказалась великой пророчицей. Я узнал её, но слишком поздно. Она упрекнула меня в себялюбии и про-

кляла мой путь, а также всё, что ждёт меня в конце пути. И я не мог идти дальше, ведь пусть бы даже я не побоялся проклятия сам, но я не мог обрушить его на голову моей любимой. Поэтому я снова вернулся... и это было страшной ошибкой, потому что путь мой кончился в дверях моего дома, едва начавшись, и на пороге меня ждала моя мать. Проклятие пророчицы обрушилось на неё, и когда на следующий день я вновь собрался в путь, мать моя слегла. И я остался снова, чтобы проводить её в путь... так, как она всегда провожала меня во все мои пути.

— Так что же, теперь это уже седьмой раз?

— Седьмой. И на этот раз ничто не стало меня останавливать. Даже напротив, — сказал мужчина и снова улыбнулся. — Семь — счастливое число, верно? Никогда не верил в приметы, но... гляди-ка, я еду уже семь месяцев, и удача улыбается мне в дороге. Семь раз встречался мне перекрёсток, на котором росла одинокая ветла, и все семь раз ветви её были обращены в одну строну, указывая мне путь. Шесть раз встречал я людей, требовавших моей помощи, и ни разу не отказал.

— Шесть? — переспросила девочка.

— Ты седьмая, — кивнул мужчина и снова взъерошил ей волосы. Она высвободила голову из-под его ладони, хотя и не сразу.

— И это что-то значит, так?

— Наверное, малышка. Наверное. Сама посуди, разве всё это спроста? Моя любимая уже близко, я чую это. Как думаешь?

Он не ждал ответа и вздрогнул, когда услышал его:

— Может и так, но только с чего ты взял, что она тебя ждёт?

— Что? — Воин резко натянул повод и развернулся к ней так порывисто, что девочка испуганно вцепилась в его пояс, боясь свалиться с седла. — Что ты такое говоришь?

— Ну... — Девчонка замялась, нервно тряхнула головой, сбрасывая с глаз грязные волосы. — Ведь много лет прошло,

так? Ты думал, она мертва, и она, наверное, знала, что ты так думаешь. Так отчего же не дала тебе знать?

— Она не могла! — протестующе сказал мужчина. — Или думала, что я не захочу её видеть...

— Отчего же, если ты так её любил?

— Она не... — Воин умолк, не договорив. Тёплое блаженство в его сияющем лице потускнело, поблекло. Он никогда не думал о том, о чём она только что сказала. Потом он сжал зубы и решительно ответил: — Об этом я её и спрошу, когда найду. Совсем скоро уже.

— Да, — согласилась девочка, — совсем скоро.

Должно быть, она хотела его подбодрить, но он уже не мог смотреть на солнце не щурясь. Небо было безоблачно, и прямые лучи били по глазам. Дорога впереди была пряма и чиста, но он вдруг подумал, что не знает, кто ждёт его на другом её конце.

— Зачем ты мне только встретилась, — сказал мужчина.

— Я седьмая, — засмеялась девочка и вжалась лицом в его спину. Её тонкие ручки крепко обхватывали его за пояс, и внезапно воин с удивлением вспомнил, что она не просилась к нему в седло: он просто увидел её посреди дроги и взял, так, будто имел право решать за неё... или как будто она была ему нужна.

Разговаривать расхотелось, и остаток пути они проделали в молчании. Девочка дремала, тесно прижавшись к всаднику, а тот был по-прежнему счастлив, если только не думал о том, что она ему сказала.

Наутро, с рассветом, дорога привела их к его любимой.

— Вот, возьми. Ну возьми же, смотри, какая красивая. — Она уговаривала и уговаривала, но мальчик не глядел на неё, он вообще никуда не глядел, и его здесь не было. Просто его здесь не было.

Женщина села, положила раскрашенную игрушку на стол дрожащими пальцами. Ей было страшно. Она никогда рань-

ше не видела мальчика таким. Он был замкнут и нелюдим и не произнёс ни слова с тех пор, как она нашла его в лесу, неподалёку от своего домика. При том мальчик не был немым: иногда он смеялся, а временами шептал что-то во сне, но наяву всегда молчал, только улыбался ласково, и ей так нравилось молчать вместе с ним. Она шила ему одежду и делала игрушки, и всякий раз он радовался подарку, а женщина радовалась вместе с ним, и когда он благодарно обхватывал её шею маленькими ручонками, счастливее и спокойнее ее не было никого в целом мире. Им было так хорошо вдвоём.

А сейчас она снова осталась одна. Мальчика не было здесь. Он ушёл, только тело его осталось, беспомощное и равнодушное, по привычке, должно быть. Женщина знала, что это означает. Она нашла его в лесу, и теперь лес собирался забрать его назад. Она не роптала, ведь ей просто повезло, что она так долго владела тем, чего не заслужила, но теперь пришло время отдавать долг. Она отнесла мальчика в постель, бережно подоткнула одеяло, а потом вышла за порог и стояла на ветру, зябко обхватив плечи руками, и смотрела на дорогу, ведущую к её домику через лес. Раньше здесь не было этой дороги, она появилась только вчера утром, и весь день на ней отмирала и таяла трава, а по краям вырастала ветла, кренясь ветвями в сторону дома.

Когда на дороге появился всадник, женщина не шелохнулась, хотя более всего на свете ей хотелось с криком сорваться с места, кинуться в дом, заколотить двери и ставни изнутри и, обхватив своего мальчика горячими ладонями, тесно прижать к себе. Но она только стояла и смотрела на мужчину, которого когда-то так любила, смотрела, как он приближается, как соскакивает наземь и бежит к ней, и кричит, и зовёт её по имени. Смотрела и думала, что недооценила его упрямство и его жестокость.

Но потом она заметила, что он приехал не один, и, увидев девочку, неуклюже сидевшую в седле, поняла, что стоило

бы ей и впрямь умереть много лет назад, лишь бы не дожить до этого мгновения.

— Это ты, о боги, это ты, наконец-то, милая моя, это ты, это правда ты! — Он кричал и целовал её губы, волосы, веки, и был настолько захвачен своим счастьем, что даже не чувствовал, до чего она неподвижна под его ласками. Он очнулся, только когда она отстранилась и сделала шаг назад. Её ладонь лежала на его груди, не отталкивая, но и не позволяя подойти ближе.

— Я знала, что ты придёшь за мной, — сказала женщина. — Ты никогда бы меня не отпустил.

— Отпустил? Что? Что ты? Зачем ты...

— Здравствуй, — сказала она девочке, неловко слезшей с коня и стоявшей в десяти шагах от них, не решаясь подойти.

— Здравствуй, — ответила та.

Мужчина обернулся, взглянул на одну, потом на другую. Ты так ничего и не понял, захотела сказать его любимая, но не сказала. Ты так ничего и не понял, ты никогда не понимал.

— Вы знакомы? Что случилось тогда? Ты всё это время была здесь? Почему ты не дала мне знать?

Вопросы сыпались один за другим, и он не дожидался ответа ни на один из них, и это тоже было так на него похоже.

Женщина взяла его за руку и сказала:

— Пойдём. Заберёшь его.

— Что... — но она уже вела его за собой в дом, где в постели, глядя в пустоту, лежал мальчик, которого сейчас не было. Женщина остановилась, выпустила руку человека, которого когда-то так любила, бережно взяла мальчика на руки и вложила его бессильное тельце в руки мужчины. Тот изумлённо уставился на ребёнка, но мальчик, лишь почувствовав прикосновение больших мужских рук, вздрогнул, вскинулся и со счастливым смехом бросился мужчине на шею. Женщина вздохнула. Он снова был здесь. Пусть уже и не для неё.

— Забери его, — сказала она, — он твой.

— Мой сын? — Лицо мужчины озарилось счастливой улыбкой.

— Нет. Не сын. Но он твой. Ты должен забрать его... отсюда.

— Забрать его? — непонимающе спросил воин, даже не заметив муки в её словах. — О чём ты говоришь? Я приехал забрать ТЕБЯ!

— Не сомневаюсь, — резко сказала женщина. — Только я не поеду с тобой.

Долю мгновения он понимал — или она только надеялась, что так, ведь понимать-то он как раз и не умел... в этом было всё дело. Потом на его скулах заходили желваки.

— Так ты... ты не исчезла. Ты... ты УШЛА.

— Ушла, — просто отозвалась она. — Но я знала, что ты не позволишь мне. Ты должен был думать, что я мертва, чтобы оставить меня в покое.

Если бы не мальчик в его руках, он ударил бы её. Женщина видела это явно, да попросту знала: он ведь и прежде делал это не раз. Кулаками, и словами, и взглядами, и мыслями — и отсутствием всего этого, когда забывал, что она есть на свете. Но стоило ей притвориться, будто на свете её больше нет — и он уже не мог о ней забыть.

Потом он кричал.

— Проклятие, да ты знаешь, что я пережил из-за тебя? Пятьдесят человек десять дней перерывали всё это проклятое озеро! Двое утонули сами, пытаясь найти твоё тело! Я казнил стражников, выпустивших тебя из замка в тот день! И смотрителя озера тоже! Город неделю постился в знак траура по тебе, а ведь стояла зима!

Он кричал, но ребёнок в его руках задремал, будто не слыша этого крика. Женщина смотрела на мальчика и думала, что это правильно. И тот, кого она когда-то так любила, прав. Она поступила дурно. Она думала лишь о себе. Лишь о том, что не может так жить. Но и не жить она не могла. А иначе

позволила бы тогда чёрной воде утянуть себя под лёд... и не был ли бы этот выбор правильным?

— Уходи, — сказала она. — Ты нашёл меня, я жива, я дурная женщина и не стою тебя. Уходи. Найди себе хорошую жену. И его... забери.

Мужчина встал на колени, и его плечи затряслись. Женщина наклонилась и поцеловала его в темя.

— Уходи.

— Я был так несправедлив к тебе... я так тебя...

— Пожалуйста. Просто уходи.

И он ушёл, бережно прижав к себе спящего ребёнка, а она стояла на пороге и смотрела ему вслед.

Он ушёл, а ты стояла на пороге и смотрела ему вслед. Он искупил свою вину перед тобой тем, что, пока тебя не нашёл, не мог обрести покоя, а ты искупила свою вину перед ним — тем, что отдала ему свой. Вы наконец-то были квиты. Но как жаль, что покой у вас — лишь один на двоих.

И я у вас тоже на двоих одна, только ему-то я не нужна. Он не знает меня. Он даже и теперь не захотел меня слушать, когда я встретилась ему на дороге.

— Ты бросила меня, — сказала я. — Ты всех нас бросила там в воде...

— Я жить хотела, — устало ответила ты. — Просто жить. Без страха, без вины, без боли, без горечи...

— И ты решила всех нас пустить на дно. Уничтожить одним ударом. Ты от нас хотела сбежать, а не от него.

— Прости меня.

Я смеюсь.

— Разве ты жалеешь о сделанном?

— Жалею. Когда вас не осталось... всех вас... я не думала, что пустота будет так страшна.

— Но у тебя ведь был покой.

— Был, — ответила ты и отвернулась.

Я подошла к тебе и взяла за руку. И твои пальцы, твои холодные пальцы, цеплявшиеся за лёд, сжались вокруг моей руки.

— Ты останешься? — спросила ты шепотом.

— Конечно, останусь. Я так долго искала тебя... искала его, чтобы он меня тебе вернул. И теперь я останусь с тобой. Прости.

— Не проси прощения. Коль уж нет ничего другого, пусть будешь хотя бы ты.

Ты улыбнулась и провела ладонью по моим волосам.

— Я помню тебя другой. Твоя кожа... и волосы стали светлыми.

— Погоди-ка, дай отмыться — засверкаю! — рассмеялась я, и ты улыбнулась в ответ. Ты удивлена. Прежде я не позволяла тебе улыбаться. Но мы изменились обе, и теперь, возможно, сможем ужиться, раз большего нам не дано.

— Нам будет вместе не так уж плохо, — сказала я мягко, и ты улыбнулась снова.

— Главное, что вместе хорошо будет им, — ответила ты.

И мы смотрели, как по дороге, на глазах зарастающей травой, среди тающих в тумане вётел, уезжает тот, кого ты любила, увозя твой покой — стояли и смотрели, взявшись за руки: ты и я, твоя печаль.

Инна Живетьева

Л-РЕЙ

— Псы пойдут впереди тебя, вынюхивая проклятых и ставя печать. Псова отметина продержится только одно новолуние, не успеешь снять — так никто и никогда не сможет, и Псы больше не почуют. Твоя судьба отныне — дорога, из города в город, новолуние за новолунием.

Перед тобой откроются все ворота и границы. Ты больше не подданный короля, у тебя нет рода, и твое имя скоро забудут. Отныне ты — л-рей.

Конь ступил на осклизшие бревна моста, и сырой вечерний воздух прошили звуки охотничьих рогов.

Толстый барон выпихнул вперед дочь с караваем на расшитом полотенце. Хлеб неаппетитной грудой лежал на тарелке. Дева простуженно шмыгала носом и кокетливо переступала сапогами, точно собиралась пуститься в пляс. Остальные встречающие слились в темную неподвижную массу. В свете множества факелов поблескивали алебарды стражи.

Л-рей спешился, передал поводья Крею и неторопливо пошел к барону. Звуки его шагов — единственное, что было сейчас слышно. Барон чуть дернул головой, словно хотел оглянуться, но не решился. Дочь снова пристукнула каблука-

© И. Живетьева, 2006.

ми сапог; с приближением л-рея на ее лицо наползала забавная смесь разочарования и обиды.

Матвей почти перешел мост, когда за спиной послышались стук копыт и шаги — Крей сдвинулся с места и повел за собой лошадей. Л-рей встал перед бароном, не потрудившись поздороваться хотя бы кивком головы. Если толстяк желает сказать приветственную речь — его право.

Барон, в отличие от соседа, оказался умен. Матвей уже и не помнил название города, в котором они были в прошлое новолуние. Зато тамошний градоначальник не скоро забудет дерзкого мальчишку-л-рея. Сам виноват: незачем было нарушать традицию, еще бы карнавал в честь его приезда устроил!

— Сколько? — перебил Матвей барона.

Толстяк заморгал недоуменно.

— Сколько? — холодно повторил л-рей.

— Семь, — подсказал кто-то догадливый из-за спины барона.

Матвей на мгновение опустил ресницы.

— Умыться. Ужин для него. — Л-рей небрежно махнул за спину, показывая на застывшего Крея. — А потом всех собрать в одном зале. Кстати, вы, барон, там будете не нужны.

— А вы поужинаете с нами? — пропела приставленная к караваю дочь.

Л-рей прошелся холодным взглядом: вылезла-таки, дура, вон папаша побагровел, того и гляди удар хватит.

— Нет, сударыня. Ненавижу давиться блевотиной. — Матвей еще бы добавил, но в животе отдалось резью — семь.

Снова противно взвыли рожки.

Улицы Матвей не рассматривал. Небольшие города в Лесской провинции похожи один на другой: крепостные ворота из толстых досок; широкая улица, ведущая на рыночную площадь, а через нее — к ратуше. Дальше дорога упрется в холм, на котором возвышается замок барона.

И в разговоры за спиной Матвей не вслушивался. Как обычно, пытаются договориться с Креем; седой старик с осан-

кой воина выглядит солиднее, чем мальчишка, пусть и л-рей. И не так страшен — подумал он, презрительно изогнув губы. Их тут же свело судорогой: семь. Семь! Постарались Псы, вынюхали.

Барон тащился следом, не веря, что мальчишка посмеет выставить его в собственном доме. Но л-рей даже не повернул голову в его сторону, а Крей, переступив порог, аккуратно оттеснил хозяина и прикрыл дверь.

Семеро жались к стене. Шестеро в затасканной одежде, со следами кандалов на запястьях и щиколотках. Понятно, Псы вынюхали проклятия давно, и до приезда л-рея мальчишек на всякий случай держали в подвалах замка. А вот этого, совсем малыша, явно нашли недавно и всего день или два как привезли сюда.

Крей строил мальчишек в шеренгу, молча хватал за плечо и толкал на середину зала. Не грубо, но так равнодушно, точно поленья. И каждый, кого касалась ладонь старика, обмякал и покорно становился в строй. Опускались безвольно плечи, повисали руки. Только глаза продолжали жить: кто смотрел испуганно, кто с надеждой, а кто-то и вовсе отворачивался.

Матвей вгляделся в осунувшиеся лица и внутренне скривился: крут барон, кабы не страх, придушили бы пленников, и готово. Да и л-рея вежливо выставили бы за ворота. Вот только с тех пор, как вымер Кураль, таких смельчаков не находится. Знали же там, что Псы чуют запах, но не могут разглядеть сути. Знали, что большинство проклятий переходит на убийц и их семьи, а все равно додумались сжечь дом, в котором побывали Псы. И трех новолуний не прошло, как город вымер. С тех пор стали осторожны: в подвал, в кандалы да голодом морить — это пожалуйста, но до приезда л-рея дожить должны.

Матвей остановился напротив первого, самого старшего. Уже и не мальчишка, парень; старается смотреть нагло, но

страх все равно прорывается судорожными подрагиваниями губ. Вытащили из сытой жизни, да в подвалы бароновы — несладко, видно, пришлось. Л-рей вгляделся в Псовую печать и чуть не выругался от отчаяния: ну что же плохо все так сразу?! Оборотень. Через пару лет начнет перекидываться. С десяток жертв, и односельчане выследят. Все знают: это одно из тех немногих проклятий, что не передаётся. Парня засмолят в бочке и сожгут. Только так можно убить оборотня. А как больно снимать такое проклятие! Кости выворачивает, резь во всем теле, точно тебя сминают и запихивают в шкуру зверя; выть хочется и кусаться, сам себя не помнишь. Парень точно что понял, и страх в его глазах плеснулся в открытую.

Л-рей шагнул к следующему. Проклятие-удача? Бывает такое: всегда везет, во всех азартных играх, во всех спорах. Хорошо, да только стоит с кем сыграть, и партнеру больше никогда не повезет. Даже если споткнется на крылечке из трех ступеней — все одно упадет и сломает шею. Зато такое проклятие снимать не очень больно.

Дальше привычный, попадающийся чуть ли не в каждом городе «черный глаз». Смешно — чаще всего встречается у мальчишек со светлыми радужками. Вон как у этого — голубые, неестественно яркие на похудевшем грязном лице. Повезло стражникам, что парень в силу не вошел. А то бы последние дни доживали, хворями мучились.

Четвертый смотрит в пол. Погодник. Пойдет такой полем, глянет на наливающиеся колосья, переведет тревожный взгляд на небо: «Кабы града не было». И готово — дня не пройдет, как хлынут с неба ледяные катышки, ломая и вбивая в землю колосья, хлестанет по взлелеянным огородам. А что такое деревня без урожая? Голодной смерти на поживу.

Что ж это за невезение такое! Хоть плачь! Ну как тут выбирать будешь? Хоть бы один попался, проклятый без зла другим. Нет, пожалуйста: вечное здоровье и долгая жизнь. Для мальчишки-то благо, а вот с кем словом перемолвится да

взглядом столкнется — тем беда. Сил на долгую жизнь много нужно, а откуда они возьмутся, если своих не хватает? Вот и начнут лет через десять сначала родные, а потом и соседи умирать. Интересно, если сказать барону, что будет? Проклятие-то переходит, а кому не хочется жить долго? Или все-таки пожалеет свою дуру-дочку?

С надеждой вгляделся в шестого. Нет, ну что за город такой?! Вампир, самый обыкновенный. Наверное, уже сейчас следит жадными глазами за тем, как колют по морозу бычков и дымящаяся кровь прожигает в снегу багрово-красные лунки. У Матвея самого точно рот кровью наполнился, еле сдержался, чтобы не сплюнуть. А ведь это пустяки по сравнению с тем, как такое проклятие снимается.

Последний, тот самый малыш, привезенный из дома. Л-рей, чтобы не наклоняться, приподнял его лицо за подбородок. Мальчишка зажмурился и часто задышал. Стена качнулась перед глазами Матвея, ворот камзола сдавил горло и как камнем ударило по затылку.

Крей подхватил качнувшегося л-рея, заглянул тревожно в лицо. Матвей отстранился и быстро, стараясь не оглянуться на малыша, пошел к двери. Створка чуть не треснула барона по лбу.

— Я должен подумать. Приготовьте комнату без окон. Поставьте туда лавку и веревки покрепче принесите. — Л-рей не вдумался в произносимое, сколько уж раз звучали эти слова.

— А может, их снова заковать?

Матвей зло усмехнулся:

— Веревки для меня. Крей... — но старик и так уже шагнул к барону. — Да, и принесите колоду карт. Любую, — добавил, опережая вопрос.

На самом деле карты не так уж и нужны. Просто Матвею удобнее размышлять, тасуя колоду. Можно возить свою, но каждый раз, натыкаясь в сумке, вспоминать такие часы? Ну уж нет! Л-рею и так не мешало бы поменьше помнить.

Искусно расписанные карты веером легли на покрытый расшитой скатертью стол. Семь — остальные Матвей сложил аккуратной стопочкой и отодвинул на край стола. Семь, из которых нужно выбрать пятерых. Или двоих, это уж как посмотреть. Кто? Оборотень? Удачник? Черный глаз? Погодник? Высасывающий силы или высасывающий кровь? Или...

Оплывали свечи в громоздком уродливом подсвечнике. Тени угодливо ложились под карты, подсвечивая траурным черным движения л-рея. Семь карт. Семь проклятых. Клади хоть веером, хоть в ряд, хоть разбрасывай. Семь — на двоих больше, чем может Матвей.

Семь.

Шесть и еще один.

Матвей отшвырнул карты — они ударили в стену, рассыпались по полу. Три года. Уже три года! Сколько осталось? Пять? Семь? Сколько?

...Стояла жара, и мать скорбно вздыхала, глядя на поникшие растения в огороде. Матвей, черный от пыли, чистил дровяной сарай. Хотелось на реку, бултыхнуться, так, чтобы только ноздри торчали, и не вылезать до вечера. Ну и пусть Гусинка почти пересохла и вода противно-теплая. Все лучше, чем возиться по хозяйству на таком солнцепеке. Но с матерью не поспоришь, у нее специально хворостина припасена. И когда по воротам застучали кулаки, Матвей с удовольствием отвлекся от дела.

Хлипкий засов не выдержал раньше, чем мать добежала до ограды. Всадники въехали во двор, как к себе домой, цыкнули на брехливого, но незлого пса и добросовестно подлаивавшего щенка. Мать замерла на мгновение со стиснутыми у горла руками, а потом рванулась к Матвею, толкнула его себе за спину. Приехавшие были в сером, и у каждого на груди щерилась вышитая собака. У Матвея ослабли колени: кто же из мальчишек не слушал в ночном страшные байки о Псах, вынюхивающих проклятых?

Всадники с любопытством глянули на них, спешились, но почему-то не стали хватать Матвея и тащить со двора. Стояли кругом и смотрели. Пока не въехали еще двое: седой старик и худущий, изможденный парень. На груди парня под жарким полуденным солнцем сверкал медальон л-рея. Старик неторопливо пересек двор, схватил Матвея за руку и вытолкнул на середину. Мать не осмелилась возразить, только длинно всхлипнула. Л-рей — он единственный не спешился, только обмяк, точно вот-вот рухнет с коня, — вгляделся в мальчишку. Матвею захотелось сжаться в комок, сделаться меньше щенка Мухты.

— Да, Крей, это он. — Голос у л-рея был такой будничный, точно он спрашивал дорогу до соседней деревни...

Тот л-рей выдержал еще только одно новолуние. Матвей тогда единственный раз в жизни увидел со стороны, как снимается проклятие. И понял, зачем Крей туго притягивал парня веревками к лавке: тот так бился от боли, что мог покалечиться. Матвей глянул на старика:

— Меня вы тоже так будете, да? — Он ненавидел Крея в ту минуту. Старик посмотрел круглыми, как у птицы, глазами и смолчал.

Матвей и сейчас иногда его ненавидит — короткими, яркими вспышками. Крей переносит их молча и потом не вспоминает. Это хорошо, потому что никого, кроме старика, все эти годы у л-рея не было. Крей терпеливо учил маленького крестьянина письму и счету, истории и географии, этикету и фехтованию. Мальчик бунтовал — зачем, если л-рей вне титулов! Но спорить с Креем все равно что резать ножом воду. Через год Матвея никто не отличил бы от отпрыска знатного семейства.

Он пододвинул к себе колоду, еще раз отсчитал семь карт. Никто не помешает, просиди хоть до полуночи. И никто не посоветует: бессмысленно, проклятие можно снять, только когда сам принял решение. Матвей отделил одну карту и положил на край стола.

На этот раз барона за дверью не оказалось. Зато Крей терпеливо ждал в промозглом коридоре, закутавшись в плащ и прислонившись к стене.

— Пусть позовут того, последнего.

Малыш робко переминался на пороге. А он не из крестьян — определил Матвей, разглядев кружевной ворот рубашки. Светлые волосы вздыбились на затылке хохолком, на щеках — разводы от слез. Но сейчас глаза сухие, внимательные.

— Сядь.

Сам л-рей продолжал стоять у стола, постукивая пальцами по колоде карт. Мальчик не забился в угол кресла, как ожидал Матвей, а аккуратно сел на край, выпрямил спину и вскинул подбородок. Не дерзко, но так, что л-рей укрепился во мнении: точно не из простолюдинов. Может, потому и выторговали сыну право дожидаться дома, а не в подвале.

— Что ты знаешь о л-реях? — Матвей уже научился говорить так, что фразы звучали как удары кнута.

Но мальчишка, как видно, справился со своим страхом и ответил спокойно:

— Что л-рей может быть только один. Он ездит по свету и спасает от проклятий. Его боятся, потому что он может перевесить проклятие на другого. И что, если убить л-рея — или приказать убить, или причинить ему зло, — то все снятые им проклятия падут на убийцу. Я прав, л-рей?

Да, это не тот крестьянин, который за наглостью прятал страх. Умеет дерзить так, что не придерешься.

Матвей язвительно улыбнулся: ну конечно, перевесить проклятие на другого. А умен был тот, первый л-рей, который придумал эту байку. Иначе жизнь была бы слишком сложной. Матвей порой ловил злые взгляды, так хищник смотрит на дичь, которую нельзя схватить. С явной прикидкой: вот бы такого себе, да чтобы глаз поднять не смел, слушался беспрекословно.

— Прав. — Матвей взял карты, развернул веером шесть ярких картинок. Мальчик, не отрываясь, смотрел на его руки. — А ты знаешь, что л-рей не всегда освобождает всех? Знаешь, — удовлетворенно кивнул, заметив в глазах пленника тревогу. — Я должен выбрать из вас пятерых. Только пятерых в одно новолуние, пока держится печать. Остальных — никогда. — Карты с треском прошли между пальцами. — Понял, ты?! Думаешь, пять — это мало? Смотри на меня! Чего морду воротишь? Мало? А по мне — так сильно много!

Мальчишка сглотнул, но голову не опустил. Злость у л-рея неожиданно прошла. В общем-то разве пацан виноват? Не больше, чем сам Матвей. Он аккуратно сложил карты в колоду.

— Тебя как зовут-то?

— Иволга, — купился тот на дружеский тон.

— Как?!

— Ой, ну то есть Ивон, но меня все зовут Иволга. Я пою хорошо. Я даже в ратуше пел.

Матвей ярко представил, как это было: свет из витражных окон расцвечивает белую праздничную рубашку, хохолок на затылке приглажен, новые башмаки еле слышно поскрипываю, когда маленький певец переминается с ноги на ногу. Хотя нет, этот наверняка чувствовал себя уверенно, чувствуется порода.

— Значит, Иволга. — Матвей сел, столкнул локтем колоду со стола. — А знаешь ли ты, Иволга, что л-рей — это не дар, а проклятие? Единственное проклятие, которое не может снять сам л-рей. Снять и жить, просто жить. — Он не справился с тоской, прорвавшейся в голосе, и замолчал. Иволга глянул из-под упавших на лицо светлых волос. — Иногда кажется, что все бессмысленно. Все равно не сможешь освободить всех. Ни один л-рей не снимет все проклятия. Не сможет. Да и не успеет. Знаешь, сколько живут л-реи? Лет до двадцати. А потом или сходят с ума, или умирают от припадка.

Вариантов нет. Понимаешь, за каждое снятое проклятие расплачиваешься такой болью...

В широко раскрытых глазах Иволги плескалось сочувствие. Рассыпанные по полу карты смутно виднелись в полумраке.

— Есть такая легенда, — снова заговорил Матвей. — Что рождаются — очень редко, намного реже, чем л-реи, — о-реи. О-рей, единственный в мире, кто может снять одно-единственное проклятие.

Иволга смотрел на умолкшего Матвея, ожидая продолжения. И вдруг побледнел, сравнялся цветом с кружевами воротника.

— Догадливый мальчик.

Фитилек свечи зачадил. Л-рей смотрел на огонек так внимательно, словно это была последняя свеча. Пламя дрогнуло и выпрямилось.

— О-рей — самое большое искушение, которое существует. — Матвей стиснул кулаки так, что ногти впились в ладонь. Его зазнобило. — А знаешь, что самое смешное? Я могу снять это проклятие! Я могу снять! — Он захохотал, но испугался, что смех перейдет в слезы, и резко замолчал. — Могу снять, а могу заставить освободить меня. Могу, не сомневайся. Способы есть разные. — Матвей оскалил в усмешке зубы. — А могу продолжать тянуть свою лямку. Просто оставить одним из тех, кого не трону — и все.

Иволга опустил голову, но Матвей успел заметить мелькнувшую в глазах надежду. Задумчиво посмотрел на светлый хохолок, торчащий на затылке.

— Ты... Это все равно что поставить чашку с водой перед умирающим от жажды и запретить пить. Всю жизнь, сколько там осталось, пока не умру, — при этих словах Иволга вскинулся и Матвей усмехнулся. — Нет, я не собираюсь пускать слюни в приюте для сумасшедших! Всю жизнь я буду помнить, что ты есть. Что можно развернуть коня... — Матвей подался вперед, смял скатерть и заговорил, захлебываясь словами: —

Я всегда знал, что нет у меня другой судьбы, нет! А тут ты! И все можно изменить. Никогда больше, никогда! Ты... Это же пытка похуже новолуния!

Иволга отшатнулся, вжался в спинку кресла. Но л-рей уже справился с собой, осторожными, медленными движениями расправил скатерть. Отвернулся, глянул в темноту за окном. Тоненький серпик месяца просматривался в разрывах туч.

— Говорят, если л-рей уходит раньше срока — ну, погибает от несчастного случая, например, — в те несколько лет, пока не найдется новый, появляется невиданно много проклятых.

Матвей оттянул ворот камзола. Кто бы мог подумать, что Крей умеет так красочно рассказывать. Точно не дед его или прадед, а сам все видел: города, полные мертвецов, и леса, отвоеванные оборотнями. Чума и мор. Шесть лет без л-рея. «Время проклятых».

— Вот интересно, а если заставить о-рея?.. А, Иволга?

В глазах мальчишки плеснулся страх — за себя или за других, Матвей не понял. Да и не хотел вглядываться.

— Молчишь. И молчи. Это право л-рея — решать.

Снова качнулось пламя на догорающей свече.

Крей разрезал веревки, покачал головой, глядя на запястья. Матвею и смотреть не нужно — знакомая тягучая боль подсказывала, что стер. Может, попробовать в следующий раз кожей обвязать? Но тогда веревки скользят. Облизнул губы, поморщился от вкуса крови.

— Я сейчас передохну немного, а потом хочу переговорить с бароном. Уже рассвело?

Крей кивнул:

— Он все равно не спит.

Матвей сполз с лавки, скорчился в углу комнаты. Боль толчками покидала тело. Хорошо, что есть Крей. Не хочется, чтобы кто-нибудь еще видел л-рея в таком жалком состоянии.

Горячий лоб уткнулся в колени. Под воспаленными веками плясали разноцветные отблески, точно яркий солнечный свет падал сквозь витражное стекло. Матвей зажмурился плотнее, и в бархатной тьме мелькнул огонек догорающей свечи.

Барон действительно не ложился: глаза покраснели, и он все время давился зевотой. Ужин, плавно перетекший в завтрак, давно остыл, и суп подернулся пленкой застывшего жира. Матвей торопливо отвел глаза: как обычно, наутро при виде еды подташнивало. Садиться л-рей не стал, вынудив и барона вылезти из-за стола. Боится, это хорошо.

— Вы знаете, что я снял только пять проклятий.

Хозяин города закивал и впился в л-рея взглядом. Сильно боится.

— И вы уже знаете, кто не побывал в той комнате. — Матвей зло усмехнулся про себя. Еще бы не знать, отследили обязательно! — Тот парень, ну, самый старший, — оборотень.

Барон сморгнул, на мгновение отвел взгляд в сторону. Матвей кашлянул, прочищая горло от противного комка: не успеет л-рей со спутником выехать за ворота, как начнут смолить бочку. Надо хоть раз остаться, устало подумал он, допить свою чашу до дна. Но только не в этом городе.

— Кстати, барон, бочка должна быть только одна. — Толстяк снова скользнул взглядом в сторону. — Я потратил много сил, чтобы освободить пятерых, и мне будет очень жаль, если мои старания окажутся напрасными. Очень жаль, — привычно выделил Матвей голосом. — Псы знают многое, барон. Не забывайте об этом.

Ненависть все-таки прорвалась, взгляд градоначальника воткнулся в л-рея раскаленными гвоздями. Матвей устало приподнял бровь: ну, что скажете? Нет, все-таки барон не глуп.

— А второй?

...Все время чудятся витражи. Даже в отблесках зари за окном.

— Второй?.. Не бойтесь, его проклятие не передается. Но я советую сделать так, чтобы ему не было больно.

— Да-да, — закивал толстяк. — Тем более его отец не последний человек в нашем городе. Жаль, очень жаль, что вы ничего не смогли. Единственный сын. Родители так гордились, когда он пел в ратуше.

На севере Лесской провинции дождей не было, и укатанная телегами дорога без помех ложилась под копыта лошадей. Ветер не принесет тучи, это хорошо.

— Как ты меня называешь про себя? Ну, когда думаешь. — Голос спутника перебил мысли Крея.

— Л-рей. — Он не помедлил ни секунды: что именно ответить и говорить ли правду.

— Меня зовут Матвей, — медленно произнес мальчик. — Матвей. Понял, ты?! — выкрикнул с ненавистью. Ударил в бока неповинную лошадь, погнал вперед.

Мальчишка пока держится, но пора делать привал. Солнце уже наполнило реку закатным багрянцем, скоро стемнеет. По тракту впереди деревня, а л-рей ни за что не согласится там остановиться. Приступ корежит тело болью, прожигает нервы огнем, рождает в лихорадочном пламени бреда ужасные картины — от крика невозможно удержаться. Мальчик просил затыкать ему рот кляпом, но Крей ни разу этого не сделал. Валь говорил, что от кляпа только хуже.

Л-рей сердито оглянулся:

— Ну чего? Чего уставился? Ты же прекрасно знаешь, что до темноты я продержусь.

Крей посмотрел равнодушными глазами на багряную реку, степь и кружившего высоко в небе орла. Матвей вымещает страх перед неизбежным, это понятно.

— Хотя можно подумать, тебя это волнует! Тебя вообще ничего не колышет! Привык, да? Какой я у тебя по счету? Или сбился уже? Скольких ты уже пережил?!

Про это Валь тоже говорил: как обидно знать, что жизни тебе отмерено много меньше, чем остальным. Меньше, потому что разве безумие можно назвать жизнью?

Крей поправил седые волосы под капюшоном. Да, он старик. Л-рей даже не представляет, сколько уже живет его спутник. И как долго ощущает себя стариком: откуда мальчишке знать, что Крей поседел в неполные девятнадцать лет.

...Они остановились на опушке, и только птицы да привычные лошади слышали безумные крики. Приступ ломал Валя до утра, и Крей чуть не плакал. Опоздали, Валь тянул слишком долго.

На рассвете тело обмякло, безумие ушло из глаз, и только кровь пузырилась на прокушенных губах. Валь с тоской глянул на розовеющее небо: он знал, что такой длинный приступ — первый признак надвигающегося безумия. Неизбежного, как таяние снега весной, как смена ночи и дня. Даже если л-рей не увидит больше ни одного проклятого, его судьба уже определена.

Крей отлучился только за хворостом, ненадолго. Но когда вернулся к затухающему костру, Валь висел на старой сосенке, почти касаясь ногами земли.

После похорон — тайных, Валь не хотел бы, чтобы его могилой пугали суеверных, — Крей мог вернуться домой. Или присмотреть деревеньку, жениться и никогда не вспоминать путешествие с л-реем. Но он заправил седые волосы под капюшон и поехал в сторону Еванова. К вечеру его догнали Псы, пристроились след в след.

Валь оставил точное указание, где искать нового л-рея. Он слишком хорошо знал Крея, все-таки шесть лет не расставались ни на один день.

С того зимнего вечера, когда Псы вытащили зареванного пацаненка из подвала школы и приволокли в замок. Даже не дали обуться, и он переступал босыми ногами на холодном мраморном полу, ежась от страха. Рядом так же дрожали еще четверо, а вдоль строя шел л-рей: тринадцатилетний мальчишка с усталыми глазами. Парень, стоявший рядом, затряс головой: нет, я не проклятый, это ошибка! Но не посмел двинуться с места.

Крей втянул голову в плечи, когда л-рей встал напротив, пристально глянул холодными глазами цвета дорожной пыли. А потом его лицо словно присыпали той же пылью, таким серым оно стало. Губы шевельнулись, но вряд ли кто еще услышал произнесенное.

Испуганного Крея заперли в комнате — богатой, заставленной дорогой мебелью, такую мальчишка видел только в доме школьного попечителя, куда ходил на правах первого ученика. Он промаялся всю ночь. В животе ледяным ежом ворочался страх и не давал уснуть. А под утро в комнату вошел л-рей, бухнулся без сил в кресло, опустил на колени руки с опухшими запястьями. На бескровном лице жили только глаза, и они смотрели на Крея так, словно тот отпиливал л-рею ногу. Крей замахал ресницами, и уже был готов пустить слезу, когда л-рей заговорил. Нет, тогда уже — Валь, он назвал свое имя в тот момент, когда окончательно все решил:

— Я не хочу тебя заставлять, хотя имею такую возможность. Я знаю, каково это, когда насильно увозят из дома. Но если бы ты поехал со мной... если бы я знал, что в любой момент могу скинуть с себя проклятие, мне было бы легче. Как будто я не обречен на все это, а сам, добровольно выбрал. Понимаешь?

Крей замотал головой. Валь выдохнул с сожалением:

— Да, ты еще маленький.

Он сказал так, хотя был разве что на полгода-год старше. Крей оскорбленно засопел. Дурачок, разве он понимал тогда, что для л-рея год — что обычному пацану три. Наверное, только в неполных двенадцать можно принимать решение из желания доказать, что уже все понимаешь и вовсе не так глуп.

А если мальчишки долго путешествуют вместе, они становятся или врагами, или друзьями...

— Ты — восьмой, — еле слышно шевельнул губами Крей.

Восьмой, которого он мог освободить. Седьмой, который об этом не знал. Крей никому не расскажет: не все, как Валь, способны принимать свою судьбу. Промолчит и сейчас, и когда будет сопровождать нового л-рея, и следующего — о-рей живет очень долго.

Багрово-красное солнце коснулось горизонта. Крей привстал на стременах, вглядываясь в небольшую рощицу у излучины. Пора делать привал.

Виктор Ночкин

КОНСЕРВЫ

Странный сон... Очень странный. Вообще Алька постоянно видела сны — цветные, яркие, — но ночные видения забывались мгновенно, стоило открыть глаза. Сегодняшний сон стал исключением — возможно, потому, что Алька заснула в кресле. Старое кресло, очень удобное, обитое кожей. Бабушкино. Алька в детстве любила мечтать, забравшись на упругое кожаное сиденье — тогда кресло превращалось то в заколдованный замок, то в пиратский корабль, то в звездолет... А вчера задремала перед телевизором, да так и провела всю ночь в бабушкином кресле. И вот — сон.

Темнота, клубящийся сумрак... Голос. Алька прекрасно понимала, что спит и что наречие, на котором изъяснялся невидимый собеседник, ей незнакомо. Тем не менее в память врезался хриплый каркающий голос — словно скрежет немытой посуды в раковине, когда откроешь воду, и груда тарелок задребезжит под струей... Кто-то твердил одни и те же незнакомые слова, а перед глазами монотонно колыхались серые разводы, сходились и расходились тени, что-то влажно ворочалось под серой, непрерывно движущейся пеленой. Словно звери бегут куда-то в тумане, влекут Альку за собой... и она бежит... летит... Она струится сквозь мглу, она мчится, окруженная невидимыми в тумане тенями зверей. А потом

© В. Ночкин, 2006.

словно туман разошелся — Алька увидела море. Мутные зеленые волны перекатывались внизу — Алька летела. Бормотание стихло. Ниже. Ниже. Хорошо различимы серые барашки пены, рябь, которой покрываются волны под порывами ветерка... Еще ниже — полет ускорился, ветер стал сильнее... кажется, протяни руку — и коснешься рифленой поверхности. Впереди показалась серая вытянутая тень. Корабль. Необычный. Давешний каркающий голос произнес знакомую тираду... Море скрылось, Альку понесло вверх, на миг перед глазами метнулось небо, застланное серыми рваными тучами... что-то дернулось в районе диафрагмы, даже дыхание прервалось. Алька проснулась. Подобрала под себя ноги и принялась тереть кулаками глаза. Хрипло дребезжал будильник, пора вставать. Наконец, после долгой череды неудачных поисков заработка, повезло, редактор «Загадок мира» подкинула работенку.

Алька отпихнула скомканный плед, нащупала растоптанные шлепанцы и, зевая, поплелась на кухню — заварить кофе. И что за странный сегодня был сон... Звери, море... Небо. Странный сон — и почему-то запомнился.

По дороге включила компьютер — пусть пока грузится — и отыскала на столе, под грудами рекламных проспектов и старых газет, сигареты. Пачка оказалась пустой. Вот невезуха... Хотелось побыстрее сесть за перевод, а придется сперва сбегать вниз, к киоску... Но что за странный сон...

Франкский неф заметно уступал в скорости. Эдвин Золотая Борода приложил широкую ладонь козырьком ко лбу, прикинул расстояние, отделяющее драккар от добычи, и рявкнул:

— Убрать весла!

Под широким парусом в вертикальную полоску викинги настигнут неуклюжий неф до наступления темноты и без весел, а силы гребцам лучше поберечь до рукопашной.

— А что, Эдвин, никак, твоя удача к тебе вернулась? — прокаркал старый Эгиль Заговоренный. — Так долго ты искал добычи, а нынче — неф, набитый золотом?

Конунг смерил воина хмурым взглядом — другой бы уже заработал в зубы за дерзкие слова, но седой ветеран пользовался неприкосновенностью... Поэтому Эдвин ограничился тем, что буркнул сквозь зубы:

— Моя удача всегда при мне — понял, старик?

— Нет, Эдвин... — Эгилю пришла охота поболтать, возможно, старик слегка волновался перед дракой. Все знали, что он отправился с Золотой Бородой в дальний поход, намереваясь погибнуть в бою. — Нет. Разве ты хоть раз спрятал клад? Нет, ты тратил все, как простой викинг. А ты — вождь! Ты — конунг! Ты, Эдвин, должен был позаботиться, чтобы удача всегда была с тобою, чтобы никто не мог лишить тебя милости Одина.

— Что-то ты разговорчив нынче, старик... Однако удача со мной, и это франкское корыто — свидетельство моим словам. — И громче, обращаясь ко всем: — Эй, готовьтесь, мужи добрые!

— Да, — не унимался Эгиль, — нынче мне охота поговорить. Я знаю, что сегодня асы будут милостивы ко мне и призовут в чертоги Валгаллы. Я хочу напоследок дать тебе совет, мой последний совет. Этим вечером я буду пировать с асами, и никто не станет досаждать конунгу старческим бормотанием, хе-хе... Послушаешь ли ты меня?

— Ну, говори... Да побыстрее...

Плюх-плих-тук! — две стрелы, не долетев, шлепнулись в волны, третья — слабая, излетная — стукнулась в борт. Еще немного — и стрелы трусливых франков смогут причинить вред.

— После, старик! После битвы я послушаю тебя, Эгиль! К бою, мужи!

— Но...

— Я сказал — после! Торир, Йорд, на нос, Влад, бери лук!

Влад Богомаз полез на мачту, прихватив лук и колчан. Сопляк, прибившийся к дружине на востоке, не мог тягаться с добрыми воинами в рукопашной, но луком владел неплохо. Уже давно повелось, что в драке его место было на мачте, чтоб не путался под ногами, а когда и помочь мог вовремя пущенной стрелой...

— Но, Эдвин...

— После, я сказал! — Золотая Борода нахлобучил шлем и, потрясая секирой, побежал на нос.

Голова змея, украшающая бак драккара, ритмично приподнималась к серому небосводу и проваливалась к серому морю, взметались брызги.

Франки убрали парус, их корабль лег в дрейф, медленно разворачиваясь, чтобы оборотиться к викингам высокой баковой надстройкой. Там вдоль леера выстраивались латники, и низкое солнце играло на начищенных до блеска бляхах и пряжках амуниции...

Суда сблизились настолько, что франки уже пускали стрелы прицельно. Выругался вполголоса Торир, стальной наконечник срезал ему мочку левого уха.

— Держи щит повыше! — буркнул Эдвин.

Рядом звучно прочистил горло Эгиль, но — Один милостив — не стал заводить ворчания насчет удачи. Одна за другой две стрелы ткнулись в щит конунга, неприятно дернув руку.

— Влад!.. — Эдвин хотел было прикрикнуть на нерадивого юнца, но тот и сам сообразил — один из франков с воем свалился на палубу, остальные торопливо принялись поднимать щиты. Их предводитель, бестолково размахивая мечом, отдавал команды...

Еще один латник, присев, схватился за простреленную ногу. Распоряжавшийся на нефе воин в кольчуге указал клинком на мачту, франки подняли луки повыше, намереваясь разделаться со стрелком северян. Викинги только этого и ждали — Торир и Йорд, привстав, завертели крюками, соседи

прикрывали их, сдвинув щиты. Франки спохватились, да поздно — стальные зубья впились в борт нефа, сильные руки разом потянули веревки, разворачивая более легкий драккар бортом к борту франкского судна... Начальник франков, размахивая мечом, кинулся с бака вниз по лестнице, чтобы встретить северян, лезущих через борт. Латники толкались за его спиной. Влад снова показался из-за мачты и натянул лук, выцеливая противника.

Издав боевой клич, Эдвин метнул топор и прыгнул на палубу нефа. Конунг страшно ревел, потрясая мечом, а рыжая борода металась по широкой груди, словно язык адского пламени...

«...Да, следует посмотреть правде в глаза — нас стало слишком много. Как ни банально это прозвучит — нас стало слишком много и удачи не хватает на всех. Если отталкиваться от постулируемого Герриком закона стохастического распределения, придется признать — количество, условно говоря, везения является константой и с ростом населения планеты вероятность счастливого случая, рассчитываемая для каждого отдельного индивидуума, непрерывно уменьшается. Статистика неумолима — опросы, проводимые рядом авторитетных институтов, зафиксировали рост жалоб на невезение; количество выигрышей в лотереи остается прежним, но средняя сумма призов сократилась за неполные шесть лет на одиннадцать процентов, в том числе за семь месяцев текущего года — на два процента. Последний миллионный джек-пот в Гала-лотто был выигран более пяти лет назад, в Экспресс-Ц — четыре года восемь месяцев назад, по менее популярным розыгрышам статистика не велась, но с учетом того, что сумма выигрышей там всегда меньше на порядок, комментарии полагаю излишними. Одновременно с этим зафиксирован абсолютно пропорциональный рост числа самоубийств и психических расстройств на почве того, что мы можем, условно говоря, поставить в зависимость от стохас-

тического распределения совпадений и удач. Я говорю о неразделенном половом влечении, разочаровании спортивных болельщиков, неудачах в азартных играх и тому подобном.

Единственным островком счастья в море всеобщего разочарования выглядит Скандинавия. Норвегия, Швеция, Дания выпадают из общей печальной статистики. Упомянутые джекпоты были выиграны выходцами из Скандинавии. Шведы, норвежцы и датчане примерно в 1,4 раза чаще срывают банки в казино, нежели среднестатистический землянин.

Суеверия объясняют это невероятное везение древними кладами викингов, зарытыми либо утопленными в болотах Скандинавии. Викинги, или, как их именовали в Западной Европе, норманны, приписывали кладам невероятные свойства — якобы человек, утопивший клад, консервировал собственную удачу, ибо удача считалась связанной с золотом и серебром, добытыми в походе, а в силу того, что безнадежно потерянный клад не мог отыскать никто — удача навеки закреплялась за «владельцем». Кстати, «владелец» — в данном случае понятие условное, он тоже не мог, как правило, добраться до собственного клада. В настоящее время обнаружено, по приблизительной оценке, около шестидесяти тысяч викингских кладов. К сожалению, далеко не все случаи зафиксированы, и это неприятное обстоятельство несколько уменьшает точность проведенной нашим институтом экспертизы, но я берусь утверждать — обладатели древних кладов не более удачливы, чем среднестатистический обыватель, во всяком случае, расхождение не превышает трех-четырех процентов... В любом случае о соотношении 1:1,4 говорить не приходится.

Тем не менее раздутые слухи о «законсервированной удаче викингов» привели к распространению странных суеверий. Мои исследования неопровержимо доказывают — преуспевание экономики скандинавских стран банально объясняется притоком финансов из-за рубежа. Обеспеченные искатели легкой удачи арендуют болота и пустоши, проводят само-

стоятельные раскопки, надеясь отыскать викингские сокровища. Арендная плата, взимаемая скандинавами с легковерных, и является истинной причиной...» Алька зевнула и потянулась. Какой бред... Но зато текст более или менее однородный, минимум жаргона и терминология привычная... Вся эта наукообразная дребедень кочует из статьи в статью... За перевод с итальянского платят копейки, но здесь и работы немного. Вторая статья будет сложнее...

Первого латника Эдвин свалил молодецким ударом, второго оттолкнул щитом — пискнув по-крысиному, франк перелетел через борт и свалился в зеленую воду. Взметнулись тяжелые маслянистые брызги. Перед конунгом мелькнуло перекошенное от ужаса лицо, не латник — матрос. О такого Золотая Борода пожалел кровянить добрую сталь и просто ткнул в трусливую харю рукоятью. Матрос исчез.

Конунг снова взревел, потрясая мечом — ему хотелось настоящего боя. Слева Торир и Эгиль теснили троих франков, справа... Справа блеснула кольчуга — вожак франков пробился к конунгу. Смачно ухнув, Золотая Борода рубанул сплеча — сталь столкнулась со сталью. В этот раз конунгу, кажется, достался достойный противник. Франк в кольчуге и шлеме, украшенном белыми перьями, ростом был на голову выше Эдвина, хотя и поуже в плечах. Но и силой его франкские боги не обделили. Редко кому удавалось сдержать удар конунга — а этот даже не покачнулся. Золотая Борода снова замахнулся мечом — но вместо того чтобы попытаться найти уязвимое место в доспехах противника, ему пришлось парировать выпад франкского меча — противник был, пожалуй, и попроворнее викинга. Эдвин унял горячий боевой азарт и отступил на шаг, принимая на щит следующий удар соперника. Щит дрогнул, лезвие меча глубоко врезалось в дерево, полетели щепки... А франк уже заносил клинок. Обменявшись ударами еще дважды, Золотая Борода был вынужден отступить на шаг. Спустя минуту — снова. Нога почувство-

вала мягкое, и конунг прянул в сторону, опасаясь споткнуться. Сталь франкского меча просвистела перед самым носом... Эдвин, завопив, с разворота толкнул соперника щитом — удар угодил франку в плечо и тот наконец-то потерял равновесие и, в свою очередь, был вынужден отступить. Правда, щит викинга, надломленный ударами вражеского клинка, подозрительно хрустнул. Эдвин швырнул тяжелый щит в лицо франку и, ухватив меч обеими руками, с воем бросился на ошеломленного врага. Краем глаза конунг успел заметить, что мягкое тело на палубе, о которое он едва не споткнулся, принадлежало Эгилю...

Теперь, когда конунг рубил сплеча, двумя руками — уже франку пришлось попятиться. Но воин не растерялся и теперь старался уклониться от выпадов конунга, выжидая момент для контратаки. Наконец ему это удалось — избежав конунгова меча, франк нанес хитрый удар наискось, слева вниз. Эдвин сперва не почувствовал боли — только словно холодом обожгло ногу повыше колена... Холодна франкская сталь... А потом горячая кровь — его, Эдвина, кровь заструилась по ноге. И пришла боль. Теперь конунг завопил в другой тональности... Франк промедлил мгновение, а Эдвин, разъярившийся от боли, ринулся на него, занося меч над головой. Удар! Поднятое для защиты оружие франка отлетело в сторону, шлем, череп и клинок конунгова меча развалились одновременно. Закованный в латы воин рухнул навзничь — так, что, кажется, палуба нефа дрогнула под ногами. А Эдвин остался стоять, с некоторой, пожалуй, растерянностью глядя на зажатый в руке обломок меча и морщась от боли в ноге. Вдруг конунг почувствовал одновременно чужеродную тяжесть на спине и острую боль в плече. И злобный писк над ухом. Золотая Борода крутанулся на месте, не понимая, что происходит, тяжесть не исчезла, а боль стала резче... Потянулся левой рукой — пальцы скользнули по проклепанной коже, тщедушная фигурка повисла на конунговой шее, вцепилась мертвой хваткой... Эдвин крутился на месте, пытаясь

сбросить коварного врага, но тот лишь глубже вонзал кинжал. Еще раз... и еще... Никогда Эдвин не испытывал страха в бою, а вот теперь — значит, это и есть страх? Так вот каков он, страх?

Вдруг враг дернулся, хватка ослабла... и худосочный франк сполз на палубу — пронзенный стрелой. Эдвин глянул на мачту драккара — нет, пусто. Богомаз уже стоял на палубе, сжимая лук. Спас, значит, сопляк, своего конунга... Золотая Борода покосился на убитого противника — мальчишка. Не иначе оруженосец сраженного франкского начальника... А бой тем временем был окончен — удача снова сопутствовала доблестным сынам Севера.

— Эдви-ин... Эдви-ин... — донесся слабый хриплый голос.

— Жив, старик? — Конунг склонился над распростертым на палубе Эгилем. — А я уж думал, ты с валькириями пируешь...

— Я вижу... валькирию... Она не манит меня к себе... пока еще... — слабым голосом ответил умирающий, — а тебя... не вижу, Эдвин... Подойди поближе... Я должен... О, валькирия...

— Я здесь, старик, я здесь. А хороша ли валькирия? Черные кудри? Меч в руке? Она влечет тебя в чертоги Асгарда?

— Нет, конунг... Она сидит в странной комнате и не глядит на меня. У нее светлые волосы, совсем короткие... Короче, чем у мальчишки. Она не глядит на меня... Она не видит меня. Но я вижу ее... а тебя не вижу, Эдвин...

— Я здесь, Эгиль, здесь.

— Эдвин, я ухожу. Я должен сказать тебе, я должен...

— Я слушаю, старик, говори.

— Ты должен... спрятать клад... Иначе... Я вижу... удачу... Твоя удача... покидает... Она уйдет от тебя, конунг. Скорей... Клад... Пообещай мне, сын... Я любил тебя, как сына... Потому что мы... с твоей матерью... Эдвин...

— Что?

— Зарой клад, сынок... Удержи удачу... Но нет, не удержишь...

— Что, Эгиль? Что?..

* * *

«...что и является истинной причиной. Государства Скандинавии, осуществляя так называемую земельную программу Эриксона, обеспечивают высокий уровень потребления. Экономическая стабильность, надежные социальные гарантии, царящее в обществе приподнятое настроение, уверенность в собственном преуспеянии, вера в удачу, завещанную потомкам викингов, — вот что формирует образ сегодняшнего скандинава, оптимиста, удачливого игрока, неизменно веселого и доброжелательного... О позитивном мышлении и преимуществах оптимистично настроенного индивидуума уже написаны горы литературы...» Алька зевнула и, не прекращая набирать перевод левой рукой, правой потянулась в сторону — где-то там среди хлама, более или менее равномерно покрывающего стол, притаились чашка кофе и сигарета. Кофе или сигарета? На кого бог пошлет? «...Достаточно рассмотреть хотя бы ставшие классикой работы Гансона и Перковича — сорокапроцентное превышение скандинавами среднего уровня «удачливости» в казино — практически полностью укладывается в их расчеты...» Бог послал на пепельницу. Алька осторожно нащупала сигарету и поднесла ко рту... «Желающие могут обратиться также к...» Сигарета, оказывается, уже потухла. Алька наконец оторвала взгляд от укрепленного на стойке итальянского журнала и печально воззрилась на стройный столбик пепла, в который обратилась сигаретина. Не выдержав, должно быть, трагического Алькиного взгляда, пепел отвалился от фильтра и спикировал на стол, переворачиваясь в полете и разваливаясь на неопрятные хлопья. Часть выгоревшего табака попала в чашку с остатками кофе... Оказывается, чашка стояла гораздо ближе пепельницы — надо же, не повезло. Теперь и кофе испорчен. Впрочем, он все равно успел остыть. Точно по теории — невезение за невезением... Как будто не с той ноги встала. Да еще этот странный сон...

Алька привычно дунула вверх, оттопырив нижнюю губу — сдуть несуществующую челку. Короткая стрижка была практичней, но привычка сдувать нависающую прядь осталась. Ладно, закончим перевод, а потом заварим кофе. Итак, что там дальше? «...фундаментальным трудам Уилкинсона, где неопровержимо...»

Звонок издал визгливую трель — и кого это принесла нелегкая? Так и не закончив абзац (теория невезения опять одержала верх!), Алька нащупала тапочки, встала и поплелась открывать.

Нелегкая принесла Толика. Когда-то учились в одном классе, даже сидели за партой целый месяц... ссорились каждый день... Теперь тщедушный второгодник и неуч превратился в жизнерадостного преуспевающего щекастого владельца торговой фирмы. Толик изредка забегал «вспомнить молодость» — поболтать с человеком, не имеющим отношения к его бизнесу. Альке он мог жаловаться на конкурентов, выбалтывая какие-то важные, наверное, подробности...

— Привет, Алевтина!

— Алла... — Этот обмен любезностями являлся привычным ритуалом. — Заходи, сейчас кофе сварю.

— Ага. — Толик вручил хозяйке большую пеструю коробку конфет и посторонился в тесном коридорчике, пропуская Альку на кухню. — О, новая прическа?

— Ну, так получилось. Случайно. Просто не повезло, тонер рассыпался, пришлось обкорнать.

— На голову? Тонер рассыпался?

— Говорю же — не повезло...

— Бросайте эту падаль за борт! — Эдвин пнул мертвого матроса-франка. — Мы устроим Эгилю достойное погребение!

— И Йорду с Ормом Черным, — буркнул Торир.

— Что?

— Погребение, говорю. Эгилю, Йорду и Орму Черному.

— А, ну да, разумеется. И Йорду с Ормом. А потом мы повернем домой. На Север.

— А может, лучше поищем здесь франков? — предложил Орм Рыжий. — Теперь удача только начала поворачиваться к нам...

— Удача?! — рявкнул конунг, резко оборачиваясь к конопатому викингу. Заныло исколотое плечо... Проклятый франкский мальчишка... — Теперь ты будешь бормотать об удаче? Заговоренный перед смертью сказал, что я должен зарыть клад в Норвегии, только тогда удача будет с нами. Понял?

— Кла-ад... — протянул Орм. — Прежде ты всегда раздавал на пиру...

— Добычи хватит на всех! — отрезал Золотая Борода. — Этот неф вез богатый товар! А пир будет, и дары будут — не сомневайся. Или я должен сказать тебе складную вису о щедрости вождей, чтобы ты успокоился?.. А я обещал Эгилю, что исполню его последнюю волю. Может, ты думаешь, что можно ослушаться совета воина, который, говоря со мною, уже видел не меня, а валькирию?

— Заговоренный нынче крепко помог мне в драке, — поддержал конунга Торир, — можно сказать, что и спас. Так он видел валькирию?

— Ага, говорил, что видит ее, но слышит только меня. И велел зарыть клад. А тебя он, говоришь, спас?

— Точно. Худое дело — ослушаться совета человека, который видел валькирию. Не сможет Эгиль спокойно пировать в Асгарде, если мы ослушаемся. Слышишь, Орм?

— А я что? Я ж только о нашем обычае... А если Эгиль видел валькирию... И еще спас тебя нынче...

— Так и будет! Как сказал старик — так и будет! — Конунг энергично рубанул ладонью воздух и едва удержался, чтобы не взвыть во весь голос от боли в плече.

А ведь выходит, что Влад Богомаз тоже нынче спас его... Надо будет дать сопляку двойную долю из взятого на франкском нефе... Но тогда могут спросить — за что? Придется

объяснять, что франкский крысеныш едва не прикончил Эдвина Золотая Борода? Нет. Уж лучше удавить Влада, чтоб не болтал. Авось, никто больше не успел приметить...

Конунг поймал на себе странный взгляд Богомаза и поспешно отвернулся.

— А чем это ты тут занимаешься? — Толик, нацепив очки, склонился сперва к рукописи, потом — к монитору. — Уже перевела? «Если отталкиваться от постулируемого Герриком закона стохастического распределения...» Хрень какая-то. Алька, это что?

— Я сейчас!

Алька привычно разлила кофе по чашкам, привычно поморщилась, когда несколько капелек кипятка пролились на ногу — опять не везет, — и, привычно подхватив поднос, направилась в комнату.

— Ой, а ты в очках? Давно это с тобой?

— Да вот, понимаешь, непруха какая... По пьяни с деревом поцеловался... Сотрясение мозга и еще какая-то хрень... Так вроде вижу нормально, а когда читать...

— Что, так вот просто шел и — в дерево?

— Почему — шел? — удивление Толика было искренним. — Ехал. На «вольво», как обычно. И знал же, дурень, сам знал, что пьяный — ехал сорок, не больше... А вот асфальт мокрый, разлила там масло какая-то тварь, что ли... В общем, не повезло. Такая хрень.

— «Аннушка уже разлила масло»?

— Тебе шутки... А у меня — одно к одному, просто черная полоса какая-то... Давай поднос... Так над чем это ты корпишь? Что за итальяшка?

— А, подделывается под научную статью... Грациани какой-то. На самом деле — джинса, скрытая реклама. Наверняка турфирмы проплатили... Ой, я ж не сохранилась! Что ты делаешь?

— Извини, я нечаянно... Вот хрень... Аль, прости.

— Да ничего, только один абзац и пропал. Давай я его добью — пока еще не забыла, о чем речь. Откроешь пока свои конфеты?

Под стрекот клавиш Толик, смущенно сопя, зашуршал упаковкой. Наконец сухой стук умолк.

— Сохранилась? Так что за статья-то?

— Ну, понимаешь, речь о том, что количество удачи в мире ограничено, а население растет...

— И на всех не хватает?

— Ну да. А ты тоже об этом слышал?

— Слышал... Я думал, анекдот такой. Так что итальянец-то?

— А итальянец говорит, что «законсервированное счастье норманнов» — это выдумки. Есть легенда, что викинги зарывали свои клады, чтобы сохранить удачу. А кто найдет — тот унаследует удачу. Консервы счастья, понимаешь?

Толик, уткнувшись в чашку, промычал что-то утвердительное.

— Вот... — Алька тоже отхлебнула. — А Грациани утверждает: это выдумки, и вместо того, чтобы арендовать землю в Норвегии и искать клад, лучше съездить в Италию. Прикосновение к древнему мрамору, дыхание тысячелетий и все такое прочее... Но подает в форме научной статьи, поэтому и обратились за переводом ко мне.

— А... Реклама... Слушай, так это враки — насчет консервов?.. Жалко. Мне бы маленько фарта не повредило, а то такая хрень... Дела паршиво идут... Валерчик, который «Эверест лимитед», закупил у корейцев железо по дешевке. Я хотел его теснить, у меня французское б/у, а он, гад, хоть и корейское, зато свежак... Новое, блин, поколение.

Алька вежливо покивала и сдула несуществующую прядь.

— Так что, враки? — снова спросил Толик. — Мне кладик не помешал бы... Непруха такая, понимаешь... Ну, так все достало...

— А если не враки? Ты что, в Швецию поедешь?

— А чего?

— Грациани пишет, что цены растут, уже свыше шестисот тысяч евро за квадратный километр. Потянешь?

Толик хрюкнул в чашку:

— Разве что пару метров. Как раз на могилку.

— На могилку не выйдет. Это аренда на три месяца. При условии сохранности ландшафта.

— Аренда... А в Италию дешевле? К древнему мрамору? Я уже готов хоть во что поверить... Такая, понимаешь, непруха... Такая хрень... Может, в Италию?

— Ну, в Италию... Если не на известный курорт, так и вовсе дешево выйдет. Хочешь, я тебе подыщу что-то по проспектам? Съездишь, развеешься. Может, глаза подлечишь?.. Ой, слушай, мне тут такое чудное название недавно попалось — Фортунатопопьюла.

— Ух ты, фортуна? Это как счастливая популяция? Счастливые люди? Счастливый народ?

— Ну, типа того. — Алька отставила чашку и отважно полезла в груду рекламных проспектов, сваленных за монитором. Послышалось шуршание листов, Алька звонко чихнула. — Вот гляди. Ты чего?

Толик глядел сквозь подругу, словно не замечая ее.

— Ты чего, Толь?

— А? — Одноклассник начал приходить в себя. — Фортунатопопьюла... Знакомое название... Слу-уша-ай, точно-о... Я когда к глазному ходил, встретил Одеколоныча. Помнишь Одеколоныча?

— Эдуарда Галактионовича, историка? Помню, конечно. Так что?

— Ну, вспомнили детство золотое, перетерли с ним, то да сё... Потом в «Пальму».

— Ты пил с Одеколонычем? — Алька от избытка чувств уронила проспект с Фортунатопопьюлой, левую руку прижала к щеке жестом удивления, правой едва успела подхватить нечаянно сбитую со стола чашку.

— А чего? — Толик пожал плечами. — Я угощал. Когда Одеколоныч еще так похавает, а мне ненапряжно... Так он мне книжицу всучил. Такая хрень, у Одеколоныча нашего книжица вышла — и там про Фортунатопопьюлу эту тоже есть. Сейчас я в тачке возьму, погоди.

Толик энергично направился к двери, но по дороге споткнулся о стопку итальянских журналов — сослепу, должно быть, — и выругался. Потом махнул рукой:

— Погоди, не собирай. Я сам. Вот вернусь и сложу эту хрень, пока ты Одеколонычеву книгу будешь читать.

Через несколько минут Толик возвратился и гордо протянул Альке тоненькую книжку в темно-зеленом переплете:

— Такая хрень. Саги, ошибочно приписываемые Снорри Стурлусону.

— Толь, — Алька по привычке дунула, оттопырив нижнюю губу, — ты чего? Ты откуда про Стурлусона знаешь?

— А чего? Я ж не дебил, мне Одеколоныч все доходчиво развел. Да ты читай! Там про конунга Золотая Борода такая хрень есть, вот там. А я пока журнальчики твои соберу. Их по номерам или как?

— Что?.. — Алька уже принялась листать книгу. — А... Лучше по номерам. Хотя, вообще, пофиг. Слушай, интересно как! Он тут все с перекрестными ссылками, авторы саг были знакомы, или это вообще один и тот же...

— Ну а я чего? Одеколоныч сказал — труд всей жизни. Давай про Бороду.

«...Там же, у итальянских берегов, встретили корабль богатого франкского ярла и сражались с франками до тех пор, пока не перебили их всех. Эдвин Золотая Борода первым прыгнул на борт корабля франков и своей рукой зарубил ярла, а тот был ростом семь локтей и с ног до головы закован в стальные латы. Удар Эдвина был столь силен, что меч конунга разлетелся на три куска, а Эдвин прежде сразил этим мечом самое малое сорок человек и меч оставался цел. После этого

конунг взял себе меч убитого франка, а самого вышвырнул за борт. Следом за сраженным ярлом Золотая Борода бросил свой сломанный меч и сказал так:

— Я возьму твой меч, а тебе достанется мой, и будет то хорошая мена.

В этом бою погибли три викинга, все — добрые бонды и храбрые люди: Орм по прозвищу Черный, Торир и Эгиль Заговоренный. А Заговоренным прозвали Эгиля за то, что он был уже старик и с самой юности всяким летом отправлялся в викингский поход и возвращался неизменно целый, без единой царапины. Потому и пошел о нем такой слух, что он заговорен от стали. А в этот раз Эгиль объявил, что желает честной смерти от меча, ибо заждались его чернокудрые девы Валгаллы. И в самом деле, на корабле франков он встретил честную смерть. А перед тем как помереть, Эгиль просил валькирий подождать, пока он скажет последнее слово своему конунгу. И к умирающему позвали Эдвина Золотая Борода и Заговоренный сказал:

— Золото и серебро, что взял ты на этом франкском нефе, отвези в Норвегию и зарой клад, ибо так подобает славному воину. Ибо я уже вижу, что удача покидает тебя, и если ты не поторопишься сохранить ее — иссякнет вовсе.

Сказав это слово, Эгиль Заговоренный испустил дух, и одним добрым мужем стало больше в дружине Одина. Эдвин же Золотая Борода сказал так:

— Мы поступим по слову Заговоренного, ибо худое это дело — ослушаться мужа, глядящего в глаза валькирии.

Один из викингов, именем Орм Рыжий, принялся спорить и возражать. Тогда Эдвин сказал такую вису:

Раздающий кольца снова будет щедрым,
Ясень битвы скоро будет мной доволен,
Лишь земля Мидгарда дань мою получит.
И вождя удача больше не покинет.

Никто не осмелился спорить с конунгом и никто больше не советовал Эдвину ослушаться совета, данного Заговорен-

ным перед смертью. Викинги пристали к берегу в местности, называемой Льянца, справили тризну и устроили троим погибшим товарищам огненное погребение на франкском нефе. Меньшую часть золота и серебра Эдвин раздал дружине, а остальное собирался зарыть в Норвегии, чтобы сохранить удачу. Но пророчество Эгиля сбылось даже быстрее, чем можно было ожидать, ибо один из дружинников, Влад из Гардарики, сбежал на берегу в Льянце, прихватив золото. Иные говорят, что сперва конунг разгневался на этого Влада за какую-то пустяковую провинность и хотел убить, так что Влад скрылся, спасая жизнь, и украденное золото — достойная месть конунгу. Иные же утверждают, что Влад сбежал по своей воле. Однако с той поры удача оставила Эдвина Золотая Борода, он потерял корабль и на протяжении семи лет плавал под чужими парусами, в дружинах разных конунгов, получая раны в каждой схватке, не исключая и самых пустяковых драк».

— Все. — Алька дунула вверх. — А где про Фортунатопопьюлу?

Толик уже успел собрать все журналы и терпеливо ждал, пока Алька дочитает, сидя на стопке итальянской прессы.

— А ты сноску глянь.

— Какую сноску?

— А там где слова «в местности, называемой Льянца».

— А, да. Есть сноска: «сейчас город Фортунатопопьюла».

— Алевтина!

— Алла.

— Ладно. Слушай, Алька, поехали в Италию. Посмотрим, что там, в этой Фортунатопопьюле, может, этот беглый там клад и зарыл?

— С чего ты взял?

— Ну, как же... Как он там появился, Влад этот, так и город переименовали в Счастливый Народ. Точно! — Толик заговорил с жаром. — Они там теперь все счастливые, пото-

му что золото викинга им удачу приносит, поняла? Ну что, поехали?

— А если нет там клада?

— Ну так отдохнешь. При таких делах, как нынче, я скоро прогорю. Тогда и мне Италия не будет светить. Поехали, а? Пока я еще могу оплатить... Хоть отдохнем там напоследок, а?

— Толь, ты это брось. Ты меня не интересуешь как мужчина.

— А ты меня интересуешь, как переводчик. Поехали, Аль...

Алька подумала, дунула на несуществующую челку и неожиданно для себя самой согласилась.

Эдвин откинул тяжелый кожаный полог и заглянул в темное нутро странного шатра. Навстречу, из мрака, пахнуло смрадным спертым духом. Викинг кашлянул, хмыкнул и протиснулся внутрь. За спиной с шорохом опустился полог, стало совсем темно. Золотая Борода сморгнул — во мраке проступили некие неясные очертания. Странное впечатление — снаружи казалось, что шатер невелик, а теперь похоже, словно попал в другой мир, что можно шагать и шагать во мраке — и не будет конца-краю теплой вонючей темноте. Слева послышался шорох, викинг оглянулся и невольно ухватил меч — примерещилось, что притаился большой, черный, глаза угольками горят... Ан нет, и впрямь угольки — жаровня там у старухи. Толстые пальцы ослабили хватку на рукояти франкского меча, и тут же послышался голос ведьмы:

— С кем собрался воевать в моем доме, рыжебородый? Или напугался чего?

— Почем ты знаешь, что я рыжебородый? Здесь темно, как у Локи в заднице... — пробормотал викинг, пытаясь разглядеть старуху.

Хотя он провел в темноте уже несколько минут, глаза так и не приспособились.

— Почем я знаю? Хи-хи... Я могла бы рассказать тебе, что мудрые старые женщины вроде меня видят не только глаза-

ми, слышат не только ушами... и говорят не только то, что гостю приятно услышать...

Эдвин шумно сглотнул.

— ...Но я отвечу иначе, — продолжила ведьма, — мой дом старый. В стенах — прорехи. Я видела в дырку, как ты идешь по улице и озираешься, ищешь дом старой женщины.

— А?.. — начал было Золотая Борода.

— Не спрашивай, откуда я знаю, что искал дом старой женщины, — строго прервала ведьма. — Мой обычай таков, что я отвечаю трижды всякому, пришедшему с вопросом. Первый ответ ты получил, когда узнал, что стены моего дома — с дырками. Верно? Ты собирался узнать великий секрет, а услышал про дырки в стенах, а? Думай, что бы ты хотел узнать в самом деле. Думай о важном. Потом говори. Я знаю, что ты искал мой дом, потому что кроме мудрой ведьмы в этом поселке нет ничего, чтобы привлечь мужчину вроде тебя. Если явился сюда воин, значит — ко мне. Думай. Потом спрашивай.

— А какую плату ты берешь за свои ответы? — спросил Эдвин.

— Не беспокойся, ты ничего мне не отдашь из рук в руки. — Ведьма хихикнула. — И я даже не уверена, что ты будешь мне благодарен.

— Но ты скажешь мне правду, старуха?

— Конечно. Потому я и уверена, что ты не станешь меня благодарить. Люди, живущие в домах из мертвых деревьев, не хотят той правды, которую говорим им мы, живущие в домах из мертвых зверей...

Ведьма говорила о своем шатре, сшитом из шкур. В самом деле, прочие дома в поселке были обычные — из дерева.

— ...Но подумай и спрашивай, раз уж ты здесь. Я передам твой вопрос душам мертвых зверей моего дома, они помчатся по миру и спросят души других мертвых зверей, которые встретятся по пути... Вернутся и расскажут мне. Я отвечу на твой вопрос. Правду. Но ты живешь в доме из мертвых дере-

вьев, а души мертвых деревьев не умеют странствовать по свету, потому что не привыкли к этому при жизни. Так вот и ты, и все люди вроде тебя. Вы хотите знать о том, что рядом. Вы видите не дальше протянутой руки и думаете, что понимаете, о чем следует спросить мудрую старую женщину... Но если отойти подальше и поглядеть издали, все окажется не таким, как чудилось. Ты спросишь меня о том, что можно увидеть из дома мертвого дерева. Деревья стоят на месте. Я передам тебе рассказы странствующих душ мертвых зверей и ты, рыжебородый, узнаешь не то, что хотел знать, но это будет правда. Подумай и спрашивай.

Викинг послушно задумался. Начало разговора Эдвину не понравилось — слишком уверенно повела беседу старуха, поэтому он решил начать заново:

— Ты, стало быть, Финнка?

— Я же тебе сказала: спрашивай, подумавши, — проворчала старуха. — Или ты думаешь, что кроме меня кто-то здесь станет селиться в доме из убитых зверей?

Эдвин промолчал.

— Да, — снова заговорила старуха, — меня прозвали Финнкой, потому что я с юга... Так и быть, я не стану считать и этот вопрос. Что бы ты еще хотел узнать?

Теперь Золотая Борода задумался по-настоящему. Наконец спросил:

— Кто мой отец?

— Ты сомневаешься? Ты хочешь проверить Эльгу Финнку? — Теперь старушечий голос звучал удивленно. — Ты приехал издалека, потому что слышал обо мне и все равно хочешь проверить, знаю ли я тайны?

— Нет. Я спрашиваю, потому что хочу знать.

— У тебя рыжая борода, очень заметная... Откуда ты, воин?

— Из Дьорка.

— Ну так вспомни, у кого из мужчин в Дьорке такая же огненная борода. Наверняка их найдется немного.

— Ни одного.

Теперь пришел черед задуматься Финнке. Прошло несколько минут, прежде чем ведьма произнесла:

— Твой отец — тот мужчина, кого ты помнишь только седым, тот у кого нет близкой родни — потому что иначе ты бы знал его рыжих родичей. Теперь задавай третий вопрос.

В Фортунатопопьюлу добрались катером. Толик первым спрыгнул на причал и подал руку Альке. На лице галантного кавалера красовались большущие темные очки, скрывающие синяк.

Подхватив баулы, Толик велел:

— Аль, расспроси, где тут этот отель? «Фортуна» эта.

Потом осторожно потрогал свежий фингал:

— Ох... Чем это ты меня? Бутылкой?

— Да уж не «Арифметикой» для четвертого класса, прошли те времена.

— Да, хорошие времена прошли. Теперь счастье покинуло меня, я плаваю под чужими парусами и получаю фонари даже в самой пустяковой драке от лучшей подруги.

— Толя, мы же договаривались...

— Ну извини... Был неправ. Был пьян. Больше не повторится.

— Вот именно. Потому что если повторится, я всем расскажу, что ты знаменитый российский маньяк-садист и приехал сюда лечиться от импотенции. Ни одна итальянка к тебе и на пушечный выстрел не приблизится. Идем-ка туда, вон такси. У водителя все узнаем, да и подъедем, если далеко.

Полная итальянка в темном платье, восседающая за гостиничной стойкой, была поражена, когда Алька ей перевела, что требуются две комнаты. Как же так? Такой представительный синьор и такая стройная синьора... Ах, синьорита... Ах, разумеется, у нее найдутся две комнаты... Чтобы рядом, да, две прекрасные комнаты, ах, какие отличные комнаты, великолепный вид из окна, а уж перины такие мягкие, что

если синьор и синьора, то есть синьорита, то есть, разумеется, это не ее дело...

Здесь говорили на каком-то местном диалекте, но Альку понимали без проблем... тем не менее стрекотала итальянка непрерывно и сказала много лишних слов. Немного утешила ее просьба найти гида, знатока местных древностей и достопримечательностей — за отдельную плату, разумеется. Тетка пообещала к завтрашнему утру некоего Джузеппе Вера.

Толик, уловив, о чем идет речь, сделал скорбное лицо и заявил:

— А ведь один двухместный номер обошелся бы дешевле... Не бережешь ты моих денег, Алевтина...

— Алла!

— Ладно. А что ты ей сказала?

— Что ты — русский резидент, а я — твоя радистка. Поэтому нам требуются две комнаты. Для конспирации. Завтра с утра сюда пожалует для встречи с тобой видный местный коллаборационист.

— Это еще зачем?

— Родину предавать.

— Чего? Алевтина, что ты мелешь?

— Алла!!! Я гида на завтра наняла, понял? Знатока местных древностей, чтобы все показал. Понял?

Эдвин почесал в затылке. Хм... Третий вопрос... Дело предстояло деликатное... Наконец решился:

— У меня нет третьего вопроса. Я... хочу попросить тебя, Эльга Финнка.

— О чем?

— Помоги мне отомстить! Прокляни, призови самую страшную беду и пагубу на голову предателя!.. Так, чтоб он сдох!.. Чтоб он... Ты чего, старая?

Смех ведьмы походил на кудахтанье. Отсмеявшись, Финнка произнесла:

— Конечно. Проклятие. Ведьмы проклинают, ведьмы наводят порчу... А ты уверен, рыжебородый, что ты желаешь именно такой мести?

— Желаю-то я другого... своими бы руками... Да сбежал от меня сопляк, только и осталось, что это... вот...

— Проклятие?

— Проклятие. Пусть мается, пусть не знает покоя, пусть сгинет из Мидгарда, но и пусть не примут его ни в Валгаллу, ни в Хель! Пусть не сбудется его мечта, пусть боком выйдет ему похищенное у меня богатство! Пусть томится и мается до тех пор... пока... пока... Пока не явится к нему та самая валькирия, с которой говорил перед смертью Заговоренный!..

— Ну что ж. Я тебе помогу. Но помни, все выглядит иначе, если отойти подальше и поглядеть со стороны. Из другого дома или из другого дня... Деревья стоят на месте, звери мчатся по миру. Начнем... Думай о своем враге. Мертвые звери позовут его.

Послышался шорох, угли в жаровне вспыхнули ярче. Теперь только викинг разглядел собеседницу — старуха куталась в просторные одежды из черной ткани, потому и не видать ее было. Сейчас из вороха черного тряпья высунулась костлявая лапка, сжимающая плоский обломок кости. Ведьма принялась напевать вполголоса и водить костью над очагом. Круговые движения тощей руки, сжимающей желтую кость, завораживали, притягивали взгляд, не позволяли отвести глаз. Викинг смотрел на тлеющие угли и кружащуюся кость, слушал монотонный напев старой Финнки... и вспоминал Богомаза... Внезапно Эдвину почудилось, что мальчишка здесь, в шатре — притаился в темном углу под пологом и только ждет мига, чтоб броситься сзади... С хриплым возгласом Золотая Борода резко обернулся, выхватывая меч... и... замер. Лицо обдало ледяным ветром.

— Ага! Он был здесь! Враг! Молодой! Здесь! Привели звери! — взвыла старуха.

Она выпростала из-под тряпья вторую руку и принялась быстро-быстро черкать мелом по поверхности кости — черной, успевшей закоптиться. Эдвин замер, с удивлением следя за молниеносными движениями старухи. Минута — и испещренная рунами кость полетела в жаровню. Вспышка, снопы искр... Эдвин протер глаза — кости в очаге не было, угли снова поблекли... Черный ком тряпья — Эльга Финнка — осел и скособочился. Ведьма тихо пробормотала усталым голосом:

— Твоя воля свершилась, ступай...

— Свершилась... — эхом отозвался Золотая Борода.

— Но я была не одна, — неуверенно добавила Финнка. — Сегодня был Он.

— Он? Кто — он? Он, Влад?..

— Ты называешь его Локи, — чуть громче, с нажимом, произнесла ведьма. — У Него много имен и обличий... а для тебя Он — Локи. Однако твоя воля исполнена, а мне нужно отдохнуть. Ступай.

— А Влад? Он сдохнет?

— Он переживет и меня, и тебя. Не в этом мире, но... Переживет. В точности, как ты пожелал, рыжебородый. Пока не явится валькирия. Ступай. Теперь мне нужно побыть одной.

— Но плата... ты уверена?.. Что... э... не хочешь платы?

— Я же сказала — ты не передашь мне ничего из рук в руки. Ступай.

Эдвин подумал с минуту... и, обернувшись, зашарил по оленьим шкурам, отыскивая выход... Оказавшись снаружи, викинг привычно поправил пояс, чуть сдвинул назад ножны... пальцы наткнулись на обрезанный ремешок — кошелька с серебром не было. «Ничего из рук в руки» — как и обещала старуха.

Джузеппе Вера оказался тщедушным старичком в белом полотняном костюмчике, идеально выглаженном и украшенном алой розочкой в петлице. О викингах и зарытых кладах он не мог рассказать ровным счетом ничего. Правда, в по-

запрошлом веке здесь разбойничал знаменитый Монтольяцци... Как, синьоры не слышали о Монтольяцци?.. Хотя этот знаменитый человек разбойничал в местных горах недолго, два или три дня, а потом отправился на север... Как? Как вы говорите? Влад из Гардарики? Нет... Хотя... Здесь есть одно очень известное место, здесь — в Фортунатопопьюле. Пожарище, синьоры! Пожарище, на протяжении восьмисот лет не заросшее травой! Там сгорела мастерская мессира Уладо, Дьявольского Художника. Идемте, идемте, Джузеппе Вера расскажет вам по дороге о Дьявольском Художнике...

Итак, мессир Уладо. Никто не знает, как этот странный человек... и человек ли?.. Как этот странный синьор оказался на берегу. Однажды он словно вышел из моря и не имел при себе ничего, кроме короткого меча и тяжелого сундучка, привешенного за спину на манер этих рюкзаков, которые таскает нынче молодежь. Он сказал, что хочет учиться живописи и по совету жителей Фортунатопопьюлы отправился в Пизу. Или, может, в Венецию, кто ж теперь помнит? Три года пропадал мессир Уладо в дальних краях и наконец возвратился в Фортунатопопьюлу. Он учился у лучших мастеров, говорят, и превзошел их в мастерстве. Платил же мессир Уладо за уроки золотом и необычайно щедро... Идемте, синьоры, идемте, здесь уже совсем недалеко — вон за теми холмами. А потом Джузеппе сводит вас к развалинам римской крепости на горе Айкья... Так вот, мессир Уладо вернулся в Фортунатопопьюлу, купил пустующий дом в стороне от города и стал там писать картины. Ах, синьоры, что это были за картины! Если он изображал лес, то каждый листочек в его лесу как будто дрожал под легким ветерком, если он писал море, то волны набегали на берег, оставляя пенные следы и пестрые раковины... Если он рисовал восход в горах, то вы, глядя на полотно, видели собственными глазами, как солнце поднимается все выше и выше, а склоны окрашиваются розовым и золотым... Словом, мир на картинах мессира Уладо был живым. Одно лишь было не под силу художнику — изобразить живых

людей. Сколько бы ни пытался он изобразить людей, его талант, его счастье мастера неизменно изменяли ему. Однажды в Фортунатопопьюлу пожаловал сам святейший отец, чтобы заказать мессиру Уладо несколько картин... Да-да, даже Папа Римский не брезговал лично явиться к мастеру — сюда, в Фортунатопопьюлу. Так-то. И вот мессир Уладо задал вопрос Папе — почему так выходит, что ему не удается заселить собственный мир? Папа выслушал дерзкую речь и сказал:

— Твои слова — богохульство! Ибо в гордыне своей ты желаешь сравняться с самим Всевышним, создавшим мир и людей. Покайся и не смей произносить дерзких слов о созданном тобою мире. Есть лишь один Создатель.

Вот после этого, говорят, мессир Уладо и обратился к Нечистому, умоляя научить его искусству изображения людей... Еще говорят, что сам Сатана явился к мессиру Уладо и дал тому желаемое, но поставил условие, что едва нарисует мессир Уладо портрет, как тут же нарисованный им человек умрет. Обретя жизнь на холсте, в мире художника — умрет в нашем мире. Мессир Уладо не мог решиться погубить кого-либо, не мог он и не воспользоваться даром Нечистого, ибо был художником и имел мечту... Знаете ли вы, синьоры, что есть мечта художника?

Вот! Вот, синьоры, то самое место, где стояла мастерская мессира Уладо, прозванного Дьявольским Художником. Можете убедиться, что за минувшие века пепелище не заросло травою.

— Либо они сами регулярно здесь прополку устраивают, — хмыкнул Толик, оглядывая угольно-черный пустырь. — Надо же, и пылью, значит, не засыпало, землей там, камушками...

— Что говорит синьор? Что говорит синьор? — всполошился Джузеппе Вера, уловив скептические нотки в голосе приезжего.

— Не обращайте внимания, синьор Вера, — успокоила гида Алька. Ей история понравилась. — А что было дальше? Как этот Уладо выкрутился?

— Что значит «выкрутился»? В ту же самую ночь, когда Дьявол посетил мессира Уладо, мастерская сгорела... Но говорят, что случился пожар вслед за тем, как Дьявольский Художник изобразил самого себя.

— Автопортрет?

— Ну да! Он не пожелал отнять чьей-либо жизни, не мог и устоять перед соблазном испытать вновь обретенный дар... Он написал автопортрет, сгинул из нашего мира и живет теперь вечно на картине, как и было обещано Нечистым. На картине, в созданном его счастливой кистью мире!

— Автопортрет? — переспросил Толик, уловив знакомое слово. — Себя, значит, нарисовал, гуманист? Вот хрень!

Алька пожала печами и отошла в сторону. Ей показалось, словно кто-то позвал... но как-то непонятно, как будто из-под земли... Опустив глаза, девушка приметила странный предмет — черную пластинку, сливающуюся с угольным фоном. Нагнулась и подняла. Перевернула. Провела ладонью, стирая копоть и грязь. С нечеловечески талантливо исполненного портрета на Альку глядел мужчина в странной одежде.

— Здравствуй, валькирия. Я долго ждал тебя...

Человек на портрете подмигнул Альке.

НАКОНЕЦ-ТО, ФАНТАСТИКА!

Сергей Лукьяненко

НЕДОТЁПА

1

Если ты молод, здоров и богат — тебе непременно захочется быть еще и красивым.

Трикс, единственный и полноправный наследник со-герцога Рата Солье, подозрительно смотрел на свое отражение. Если бы зеркало было магическим, оно бы непременно занервничало. Да что там магические! Любые здравые зеркала, в которые регулярно смотрятся особы женского пола, при таком взгляде немедленно забывают, что их работа — всего лишь отражать реальность, никоим образом ее не приукрашивая.

Но это было старое, потускневшее зеркало, вот уже три поколения висевшее в спальне наследников мужского пола. Оно привыкло отражать высунутый язык, неодобрительную гримасу при виде свежего прыща и порезы от неумелого и преждевременного обращения с бритвой. Нельзя сказать, что молодые со-герцоги Солье не обращали внимания на свою внешность, о нет! Они обращали внимание на действительно важные детали: застегнуты ли все пуговицы на брюках, не слишком ли сильно оттопыривают карманы интересные, но не одобряемые взрослыми предметы, не торчат ли волосы слишком уж причудливо и хорошо ли замазан пудрой (вещью

© С. Лукьяненко, 2006.

совершенно незаменимой для наследников любого пола) свежий синяк. К тому времени, когда наследников начинали беспокоить более тонкие детали внешности, в их распоряжении оказывались другие апартаменты, с куда более опытными, на многое насмотревшимися зеркалами.

Триксу в каком-то смысле не повезло. Пренебрегая полезными детскими развлечениями своих предков, как то: охотой, фехтованием и общением с подданными, — он слишком усердно читал, слишком много общался с дворцовыми чародеями и слишком рано начал заглядываться на служанок.

Впрочем, со служанками ему тоже не посчастливилось. Всякая разумная герцогиня следит за тем, чтобы к четырнадцати годам ее сына окружали в меру симпатичные и разумные служанки, мечтающие вовсе не о морганатическом браке, а о небольшом денежном содержании или трактире в людном месте. Но герцогиня Солье — видимо, в силу той же забывчивости, что уже пятнадцать лет сохраняла ее саму в двадцатипятилетнем возрасте — никак не желала понимать, что ее сын уже вырос. На прошлый день рождения Трикс получил от матери совершенно замечательного коня — белого, в яблоках. Портило подарок лишь то, что конь был деревянным и на колесиках. Завтра, в день своего четырнадцатилетия, Трикс должен был получить «очень милые книжки». Полностью разделяя мнение, что книга — лучший подарок, Трикс все-таки не спешил радоваться. Он подозревал, что книги будут с картинками... и вовсе не такими, как в украденном из герцогской библиотеки монументальном фолианте «Ветвь дуба и цветок лотоса».

Так что служанки в замке были по большей части опытными, проверенными, нанятыми лично герцогиней пятнадцать лет назад. Но, в отличие от герцогини, их возраст упрямо стремился к сорока годам, что, по мнению Трикса, свидетельствовало о глубокой старости.

К счастью, у служанок бывают дочери...

Трикс смотрел в зеркало.

Так, начнем с самого начала. В смысле — с верха. Наверху были волосы — черные. Белокурые, на взгляд Трикса, были бы куда лучше. Даже в рыжих нашлась бы определенная оригинальность.

Но к волосам все-таки особых претензий не было.

Ниже волос начиналась голова, которую Трикс изучал особенно пристально. Нет, все по отдельности его вполне устраивало. Лоб и нос — в отца. Уши — в мать. Нормальные уши, не оттопыренные, не слишком острые, не слишком крупные. И рот Трикса вполне устраивал, во всяком случае — функциональностью. Подбородок (пока забудем про бороду) был не лучше и не хуже любого другого подбородка.

Триксу не нравился результат сложения всех этих, бесспорно достойных, компонентов. Результат можно было с равным успехом назвать отвратительным словом «отрок», еще более ужасным словом «мальчик», но никак не словосочетанием «молодой человек».

А еще результат выглядел очень мирным и добродушным. Может быть, виной были пухлые губы? Трикс попытался поджать их — отрок в зеркале из добродушного превратился в омерзительного. Такой Трикс вызывал немедленное желание сменить в стране форму правления, но никак не воплощал в себе мужество и отвагу древнего рода.

— Вот зараза... — сказал зеркалу Трикс.

Зеркало сделало вид, что оно здесь ни при чем.

Трикс развернулся и поплелся к двери. Предстоял еще один унылый день, наполненный обязательными для наследника трона заботами. Ко всему еще — приемный день. Сначала — присутствие при отцовских деловых переговорах. Это значит: торговцы, арендаторы, главы гильдий и мастерских. Все они желают заплатить поменьше, а получить побольше. Но того же хочется и со-герцогу Рату Солье, так что разговоры предстоят долгие и нудные.

Затем — собственный прием Трикса. Конечно, улаживать серьезные дела ему никто не позволит. Зато предстоит решать

подростковые проблемы. К примеру, ученики гильдии кузнецов устроили драку с учениками гильдии пекарей. Вы думаете, что в бою с мускулистыми молотобойцами пострадали невинные труженики скалки? Как бы не так! Подручные кузнеца большую часть времени стоят у наковален, сжимая в клещах куски раскаленного металла, или качают мехи — занятие, далеко не способствующее гармоничному развитию. А вот ученики пекарей заняты в основном тем, что таскают тяжеленные мешки с мукой или противни с готовой выпечкой. К тому же на питании учеников кузнецы вечно экономят, а вот учеников пекарей морить голодом невозможно...

Еще будут попавшиеся на мелких, недостойных внимания городской милиции проказах и кражах отроки, молящие о вспомоществовании сироты и несправедливо выпоротые родителями сыновья. Священный долг юного наследника — вникать в нужды народа...

Не глядя на суетящихся с утра служанок, Трикс прошел к тронному залу со-герцога. Внутренняя дверь полуоткрыта, внешняя, ведущая к городу, пока еще заперта. Отец уже здесь: он сидит на Половинчатом Троне — металлической конструкции хоть и удобной, но оставляющей странное впечатление половины огромного кресла. Кое-где Половинчатый Трон щетинился остриями клинков, кое-где топорщился шишками эфесов.

— Трикс, — кивнул отец с легкой теплотой во взгляде.

— Ваше сиятельство, — поклонился Трикс. Прошел к подобающей ему скамеечке слева от Половинчатого Трона — тоже металлической, тоже выкованной из вражеских мечей. Сел. Как обычно подумал о том, что враги заслуживали бы куда больше симпатии, сражайся они подушками или соломенными булавами.

Двое стражников открыли внешние двери. Иногда, для пышности, в тронном зале дежурил десяток солдат, но это случалось нечасто.

День начался.

Против всех ожиданий, первыми в очереди были не подданные Солье, а группа стражников соправителя — со-герцога Сатора Гриза. В форме, но, как и положено, без оружия и доспехов.

Трикс покосился на отца. Тот с любопытством смотрел на стражников.

— Ваше сиятельство... — Старший рыцарь преклонил колени. За ним — остальные.

— Встаньте, сир. — Со-герцог Рат Солье кивнул.

— Мы пришли принести свои извинения за события вчерашнего вечера и отдаться на милость вашего сиятельства... — не вставая с колен, начал рыцарь.

Трикс заскучал. Он слышал о вчерашней потасовке в какой-то пивной. Стражники со-герцога Солье и стражники со-герцога Гриза намяли друг другу бока. До крови, к счастью, дело не дошло. Значит, сейчас стражники Солье отдают себя на милость со-герцога Гриза...

Рутина. Когда власть поделена между двумя равноправными соправителями, подобные события не редкость.

— Я принимаю ваши извинения, — сказал со-герцог Солье. — Встаньте, сир. Надеюсь, что и со-герцог Гриз проявит такую же милость к моим подданным...

Рыцарь поднялся. Провел рукой по опоясывающему его камзол металлическому поясу — тот щелкнул, распрямляясь и превращаясь в узкий тонкий меч.

— Не думаю, — сказал рыцарь.

Дверной замок заржавел лет сто назад, а ключ к нему утеряли немногим позже. Сколько Трикс себя помнил, тюремные камеры пустовали: в караулке никто не дежурил, дверь в тюремный коридор была нараспашку, а решетчатые двери камер хоть и притворены, но не заперты. В детстве он пару раз заглядывал в подземелья, но не надолго. Не было в них ничего таинственного, и даже страшного не было. Только крошащиеся под ногой ржавые железные лестницы, изъеден-

ные ржавчиной крюки под факелы, проржавевшие двери и решетки. Сочащиеся сыростью каменные стены тоже были бы не прочь заржаветь, но камень на это не способен.

Еще три поколения назад со-герцоги Солье пришли к разумному выводу, что преступников гораздо проще передавать в руки городских властей, а не держать в собственных казематах. Это было и дешевле — отпадала нужда в содержании тюремщиков и палача, и полезнее для репутации — ведь соправитель никоим образом не отвечал за решения городского суда, и куда неприятнее для преступников — суд девяти анонимных заседателей почему-то всегда выносил более строгие приговоры чем один-единственный со-герцог.

Запереть замок никто и не пытался. Просто выбрали камеру, где решетчатая дверь оказалась покрепче — и молчаливый кузнец, раскалив в переносном горне железный прут, прикрутил им решетку к притолоке.

Самый надежный замок на свете тот, у которого нет ключа.

Трикс сидел в углу камеры, подложив под себя куртку. Одежду ему оставили, только зачем-то срезали все пуговицы и вынули из штанов ремень. Неужели, чтобы не покончил с собой? Какое-то время Трикс злорадно представлял, как оторвет у куртки рукава, совьет веревку и повесится на решетчатой двери. Сумел же его предок, Келен Солье, повеситься на одном-единственном носовом платке, которым были перевязаны его многочисленные раны!

Впрочем, с самого детства Трикса смущала фраза про один носовой платок, которым были перевязаны многочисленные раны. Да и не огорчатся враги, обнаружив юного со-герцога Трикса Солье, болтающимся на решетке, со сползшими мокрыми штанами и вывалившимся языком. Напротив — он им только поможет захватить трон. Лучше уж пусть будет казнь. Настоящая, с неправедным судом, на глазах у вероломного народа! Уж он найдет что сказать предателям! Как Диго Солье, чья речь на эшафоте растрогала даже палача... как Рена-

да Солье, попавшая в руки разбойников, но пламенной речью убедившая их бросить преступное ремесло и пойти работать в Стражу...

Трикс хмыкнул. Конечно, ему было только четырнадцать, он обожал исторические хроники, но настолько наивным все-таки не был. И Диго Солье был казнен, пусть даже палач рыдал, занося топор. И Ренада Солье уговаривала главаря разбойников три дня и три ночи, причем Триксу смутно казалось, что три ночи сыграли куда большую роль, чем три дня.

Легко грезить о героизме, переворачивая хрупкие желтые страницы древних хроник. Куда сложнее, когда в инструментах палача зажаты твои собственные, хрупкие и белые от ужаса, пальцы...

Конечно, пытки в герцогстве строго запрещены — за исключением особых случаев, строго оговоренных и регламентированных. Отречение от престола никак в их число не входило. Да и вообще, пытать ребенка (а по законам герцогства Трикс все еще считался несовершеннолетним) разрешено лишь в присутствии доктора, священника и «доброй женщины из народа», которые могут в любой момент остановить пытки.

Но в мире так много пыток, не оставляющих следов... Когда-то Трикс с замирающим сердцем прочитал почти половину «Руководства честного дознавателя» — и на этот счет не заблуждался.

Что захотят, то и сделают. Свергать со-герцога тоже было строжайше запрещено.

Трикс встал, прошелся по камере, пытаясь размять ноги. Штаны сползали, их приходилось поддерживать. Три на три шага, вот ужас какой! Неужели люди сидели в этих темницах годами? Невозможно!

Предательский голосок в душе прошептал: «А это ты еще узнаешь...».

Трикс замотал головой. Чушь, ерунда, бред! Либо с ним будут торговаться, требуя, чтобы он отказался от престола...

либо убьют. Оставлять наследника престола гнить в каменном мешке — верный путь к поражению. Во всех пьесах и балладах, где злодеи бросали юного наследника в темницу, это заканчивалось для них плохо. Верный слуга выпускал своего господина или тот прорывал тайный лаз из подземелья, потом наследник собирал славную армию и обрушивал на злодеев свой гнев...

Именно так — обрушивал гнев!

Трикс взмахнул рукой. Потом взялся за решетку, напрягся, пытаясь раздвинуть прутья. Он же маленький, худой, он проскользнет...

Да — маленький. А вдобавок еще и слабый. Прутья, пусть даже источенные временем, не поддались. Трикс только перемазался в сырой ржавчине, да едва не защемил голову между прутьями. То-то было бы веселья тюремщикам...

Как же получилось, что его отца предали?

Трикс несколько раз пнул решетку. Башмаки ему тоже оставили, но вынули шнурки. Решетка даже не заметила его усилий.

Трикс снова сел на каменный пол. Он не боялся — не в силу какой-то врожденной отваги, а просто потому, что все случилось слишком быстро и слишком нелепо. Еще, наверное, потому, что его никто ни разу не ударил. А ведь он даже достал меч, даже попытался пронзить набросившегося на него стражника...

Меч из рук выбили после первого же выпада. Кинжал Трикс не успел достать. Здоровенный стражник заломил ему руки за спину — очень аккуратно. Буркнул, что не надо дергаться, а то будет больно. Подоспели еще двое. Трикса вытащили из тронного зала во внутренние коридоры — отца, пытавшегося в одиночку отбиться от десятка нападавших, в этот момент теснили в угол.

Трикса быстро и тщательно обыскали, сняли ремень и вынули шнурки, срезали пуговицы, прощупали подкладку куртки и приволокли в подземелье. Ни одного грубого слова!

А здесь уже ждал кузнец — придворный кузнец со-герцога Солье! Мрачный, но вовсе не подавленный. И молотом своим, Трикс ничуть не сомневался, кузнец мог легко уложить всю троицу стражников — рядом с ним они перестали казаться такими уж здоровенными...

Кузнец раскалил прут и запер дверь. И ушел, оставив инструмент в коридоре, не оглядываясь на юного со-герцога и не слушая его возмущенных криков. И стражники ушли, оставив напротив клетки уже догорающий факел.

Трикс смущенно потер лоб. Кричал он зря. Какие-то неправильные были слова. В хрониках они очень даже хорошо смотрелись: и про то, что «триста лет твои предки верой и правдой служили моим предкам», и про «предательство высушит твое сердце», и про «истину», которая «всегда восторжествует»...

В сыром подземелье слова звучали смешно.

Почему-то казалось, что наверху, среди ярких гобеленов и цветных витражей, слова чувствовали бы себя увереннее...

Факел начал чадить. Трикс опустил голову на колени, сжался в комок. Рано или поздно за ним придут. Это все специально — чтобы сломить его дух. Так положено.

Вдали громыхнула дверь. Вторая. Трикс поднял голову, с надеждой вглядываясь в коридор, по которому плыл яркий свет фонаря. Может быть, стражники со-герцога Солье? Усыпили бдительность, навалились, перебили захватчиков...

К камере подошел плечистый мужчина в кольчуге. Сид Канг. Капитан стражи со-герцога Сатора Гриза. Или уже надо говорить — капитан стражи герцога Сатора Гриза?

Трикс молчал.

И капитан Сид молчал, разглядывая мальчика. Хороший солдат — так говорил о нем отец Трикса. Он не раз бывал во дворце со-герцога Солье, а однажды даже потратил целый день, пытаясь научить Трикса стрелять из арбалета. Попытка не удалась, но Сид лишь пожал плечами и проронил: «Не твое, тренируйся с мечом».

— Не плачешь? — спросил Сид. — Хорошо.

Трикс презрительно усмехнулся. Если этот предатель... хотя можно ли его называть предателем, ведь он верно служит Сатору Гризу?.. если этот солдафон ожидает, что юный со-герцог разревется, будто посаженный в чулан за кражу варенья поваренок, его ждет разочарование.

Сид повернулся, посмотрел на ящик с кузнечными инструментами. Подошел к ящику, наклонился — мягко зашелестела кольчуга из тончайших стальных звеньев. Выпрямился, уже взяв в руки огромные клещи. Примерился к пруту и покачал головой. Бережно, с уважением положил инструмент обратно в ящик. И взялся за прут обеими руками.

Трикс фыркнул. Какую бы подлость Сид ни задумал, голыми руками сталь не разогнуть.

Сид Канг нахмурился, будто что-то вспоминая. И произнес:

— Сила пришла, будто ветра порыв перед бурей...

Его ладони окутало бледное, едва заметное голубое сияние.

Заклинание!

Трикс вскочил.

Заклинание было слабеньким, то ли составленное неопытным магом, то ли проданное слишком многим людям. Сиду пришлось напрячься — вздыбились мускулы на руках, лицо побагровело. Но толстый железный прут неохотно выпрямился. Сид вытащил его, бросил наземь. Каменные плиты пола были покрыты таким слоем грязи, что вместо удара послышалось мягкое шлепанье. Свечение вокруг ладоней угасло.

Сид Канг открыл решетку. Посмотрел на Трикса. Сказал:

— Не бойся, юный со-герцог.

Это значит — отец мертв...

Трикс сглотнул вставший в горле комок. Отца он видел едва ли чаще, чем повара или конюха. И все же это был его отец.

— Твой отец погиб, — подтвердил Сид. — В бою. Как подобает. Тебя тоже убьют, со-герцог Трикс Солье.

— Убивай, — прошептал Трикс. Даже попытка сопротивления была бы глупостью. Сид Канг — хороший солдат. А он плохой наследник трона.

Сид покачал головой.

— Не нужно это, господин Трикс. Власть теперь у Сатора. Он бы тебя пощадил, его сын — против.

— Я не сомневался в своем возлюбленном кузене Дэрике, — сказал Трикс. Гордые слова сами лезли на язык и на этот раз звучали почти достойно. — Делай, что тебе приказали, солдат!

Капитан молча сбросил с плеч легкий плащ. Кинул Триксу.

— Надень это, господин Трикс. Зачем проливать лишнюю кровь. Я выведу тебя из дворца.

Трикс посмотрел на упавший к ногам плащ. Спросил:

— Что с моей матерью?

— Она повела себя достойно. Приняла яд и бросилась в окно. — Сид уважительно склонил голову. — Погибло всего пять человек, со-герцог. Не становись шестым.

Трикс молчал. Поступок матери его ничуть не удивил: она поступила так, как сказано в балладах и хрониках. Наверное, еще подошла к окну, выходящему на городскую площадь — чтобы больше народа увидело ее отважный поступок.

— Не хнычь, Трикс. — Тяжелая рука Сида опустилась ему на плечо. — Не ко времени.

Совсем рядом — на поясе Сида — были ножны с кинжалом. Только протянуть руку...

— И не глупи, — предупредил Сид.

Трикс нагнулся и поднял плащ.

— Пошли, — велел капитан.

— Найди мне веревку, — попросил Трикс Хотел потребовать, но получилась только просьба.

— Зачем? — не понял Сид.

— Штаны без ремня спадают. Я далеко не уйду.

Сид, не споря, отрезал от ящика с кузнечными инструментами широкий прочный ремень — и подал Гриксу.

* * *

Под плащом стало тепло. Трикс надвинул на глаза капюшон — так велел Сид — и смотрел только в пол. Они поднялись из подземелий какими-то узкими грязными коридорами, Трикс даже не смог их опознать, вышли во двор. Было тихо. Очень по-мирному тихо — в конюшне негромко ржали кони, из открытых окон кухни доносилось звяканье посуды, на башне часы пробили четверть первого. Трикс приподнял голову: кое-где в окнах горел свет. Даже стражники стояли там, где и должны были стоять — но теперь это были другие стражники.

— Только трое слуг дрались до конца? — спросил он.

— Двое, — ответил Сид. — Еще один упал на лестнице и сломал шею... Молчи. Спрячь лицо.

Они подошли к воротам. Сид крепко обхватил Трикса за плечи, прижал к себе. Громко спросил:

— Все спокойно?

— Совсем-совсем спокойно, капитан, — послышался быстрый южный говорок. — И в городе все тихонько. А вы...

Трикс напрягся. Сейчас капитан Сид убьет собственного стражника... так всегда и бывает.

— Мы с подругой прогуляемся, — ответил Сид, и они вышли за ворота.

Трикс не обиделся. В конце концов, великий князь Дилон бежал когда-то от своих врагов в женском платье, обрядив жену в мужской костюм, сына — в девичье платьице, а дочь — в доспехи. Ну что поделать, если враги всюду искали высокого тощего мужчину, толстую маленькую женщину, девицу на выданье и малыша трех-четырех лет? А княжество Дилон, и Трикс это признавал, куда больше и куда древнее со-герцогства Солье и Гриз.

Трикс напрягся совсем по другой причине. И даже попытался нащупать кинжал капитана Сида, после чего ощутил лезвие клинка у самого горла.

— Не глупи, — устало повторил капитан. — Идем к реке.

Больше Трикс ничего не пробовал. Они прошли по узкой тропинке вдоль крепостной стены, спустились с холма, на котором стоял дворец, и вышли к реке. Здесь была маленькая деревянная пристань, куда раз в день рыбаки приезжали продавать рыбу, длинные мостки, на которых полоскали белье, и больше ничего.

Очень удачное место, чтобы закончить свою жизнь.

— Сними плащ, — велел Сид.

Трикс снял плащ. Поколебался миг — не прыгнуть ли в воду?

Увы, он помнил, что у берега слишком мелко. Прежде чем он добежит до глубины и сможет нырнуть, кинжал Сида будет прочно сидеть у него в спине. Как назло, было полнолуние, а на небе — ни облачка.

— Три золотые монеты, — сказал Сид, протягивая ему маленький кошелек. — Хватит прожить два месяца. — Он помолчал и добавил: — Или месяц, но весело.

Капитан Сид Канг был хорошим солдатом и любил точность во всем.

Трикс смотрел на капитана и ждал. Под его взглядом Сид внезапно занервничал.

— Лодка у причала, — буркнул он. — Есть весла, мешок с едой. Плыви по течению. Завтра к вечеру будешь в Дилоне.

— Меня убьешь ты сам? — спросил Трикс. — Или твой подручный? — Он кивнул на рощицу, где в тени деревьев вполне мог скрываться десяток солдат с арбалетами.

Сид нахмурился:

— С чего ты это, со-герцог?

Трикс покосился на пристань — там и впрямь была лодка.

— Сатор Гриз поймет, что мне помогли бежать, — сказал он. — Тебя видели, когда ты выходил... с кем-то, прятавшим лицо под плащом. Если бы ты убил солдата, я бы тебе поверил. Но ты его пощадил. Значит, это все сговор. Меня убью и скажут, что я пытался бежать.

— Мелкое злобное ничтожество, — даже не рассердившись, произнес Сид. — Я тебя спасаю. Беги.

— Я не так глуп, — прошептал Трикс.

Ему хотелось бежать. Очень хотелось. Но он понимал, что стоит только повернуться к Сиду спиной...

— Оставь нас, Сид, — произнес кто-то, вышедший из-за деревьев. — Все в порядке.

Сид молча кивнул — и отступил в сторону.

Со-герцог Сатор Гриз подошел к Триксу.

Поджарый, смуглый со-герцог никак не выглядел на свои пятьдесят лет и был полной противоположностью отцу Трикса. На самом деле, будучи совсем малышом, Трикс частенько думал, что со-герцог Гриз выглядит куда лучше его отца. Благороднее. Величавее. И даже воинственнее — что совсем уж удивительно для потомка купцов.

— Ты ненавидишь меня, мальчик, и правильно, — сказал Сатор. — Но я и впрямь хотел бы сохранить тебе жизнь.

Трикс молчал.

— Если ты хочешь сказать, как меня ненавидишь, — продолжил Сатор, — то говори сейчас. И про то, как отомстишь, тоже говори. Я не рассержусь.

— Я ненавижу тебя, — сказал Трикс. — Я отомщу. Тебе и всему твоему роду. Это будет моя страна и мое королевство.

Сатор кивнул:

— Прекрасно. А теперь я объясню, почему отпускаю тебя. Если хочешь, конечно. Нет — садись в лодку и плыви. Никто тебя не тронет.

Трикс пожал плечами. Движение перешло в невольную дрожь: ночь была холодной, от реки тянуло сыростью не хуже, чем от каменных стен подземелья.

— Сид, верни мальчику плащ, — негромко приказал Сатор. — Он же совсем озяб! Так вот, Трикс, я вовсе не жажду крови. Если бы твои родители согласились отказаться от власти, остались бы живы. Но они не захотели. Я уважаю их выбор.

Трикс молча взял плащ и завернулся в него.

— Представляй ты реальную опасность, юный Солье, тебе тоже пришлось бы умереть, — продолжал Сатор. — Но ты мне полезнее живой. Знаешь чем? — Он выдержал паузу и продолжил: — Ты умный и гордый мальчик, который желает отомстить. Ты будешь скитаться по окрестным землям, рассказывать о своем благородном происхождении и призывать к отмщению. Надеюсь, что ты вырастешь... а вдруг, чем боги ни шутят, даже обзаведешься собственной дружиной или маленьким государством. Может быть, ты сумеешь собрать банду авантюристов? Или вдруг тебя поддержат наши честолюбивые соседи? Это прекрасно, мальчик. Я буду только рад.

— Дэрик! — внезапно понял Трикс.

— Правильно. — Сатор улыбнулся. — Мой возлюбленный сын и твой драгоценный кузен несколько... как бы это... расслаблен. Умен, талантлив, но легкомыслен. Передать ему герцогство, у которого нет врагов, значит, испортить будущего правителя. Ему нужен враг. Хороший, искренний, личный враг. Ты вполне годишься. Если он будет знать, что ты жив и жаждешь мести, это его дисциплинирует.

Трикс облизнул губы. Почему-то пересохло в горле, и живот свело холодом. Он спросил:

— А если... если я выплыву на середину реки и брошусь в воду?

— Ничего страшного, — со-герцог улыбнулся. — Дэрик ведь никогда не узнает этого доподлинно? Воображаемый враг тоже сгодится. Но я советую тебе выжить. Жизнь — величайший дар, не следует отказываться от него в минуту слабости. Поверь, ты еще найдешь немало причин, чтобы жить.

Со-герцог опустил руку в карман. Достал кошелек, протянул Триксу:

— Возьми. Это тебе от меня, за догадливость. Тут еще десяток золотых и пара безделушек с гербом вашего рода. Пригодится отстаивать свои права, верно?

Трикс не колебался. Протянул руку и взял кошелек.

— Понятливый парень, — кивнул Сатор. — Жалко, что ты родился в роду Солье. Плыви... и не беспокойся о погребении своих родителей. Все необходимые церемонии будут совершены завтра же. Их похоронят в вашем фамильном склепе.

— Обещаю, — сказал Трикс, — что и твое тело я прикажу похоронить в фамильном склепе. После этого дверь замуруют, там больше некого станет хоронить.

На какой-то миг губы со-герцога Гриза сжались. Потом он кивнул:

— Замечательно. Фраза, достойная летописей. А теперь — убирайся из герцогства Гриз!

Трикс греб, пока лодка не вышла на стрежень. Весной, когда часто шли дожди, или в жаркое лето, когда начинали таять ледники, реке случалось быть и полноводной, и бурной. Но это лето было просто сырым и холодным. Лодка слегка покачивалась на волне, берега неспешно проплывали мимо.

Трикс отпустил весла и достал оба кошелька. В том, что дал ему Сид Канг, не было золота. Там лежали три серебряные монеты. Даже самым хорошим солдатам нужны деньги. А вот в кошельке Сатора Гриза было десять золотых. Герцог недаром происходил из купеческого рода, он никогда не ошибался в счете и не мошенничал по мелочам.

Еще в кошельке лежала пуговица от рубашки с гербом Солье, простенькое золотое колечко, принадлежащее скорее всего кому-то из фрейлин, крошечная серебряная ложечка и два мелких рубина.

Трикс задумчиво разглядывал все, что досталось ему от фамильных сокровищ. Нет, он и не рассчитывал на перстень отца или Большую Печать. Но это... Любой мелкий воришка, улыбнись ему удача, мог за полдня уворовать куда больше «доказательств».

Ссыпав безделушки обратно в кошелек, Трикс лег на дно лодки. По крайней мере лодка не протекала — уже хорошо. Он жив и на свободе. Он доберется до княжества Дилон, отправится к правителю... кто же там ныне у власти... Джар Дилон умер два года назад, правит его дочь. Или регент, а дочь еще слишком мала?

Кажется, до сих пор регент. Трикс даже вспомнил его: высокий худой мужчина, желчный, с вечно недовольным лицом. Он приезжал в со-герцогство вскоре после смерти Джара, заключал какой-то договор... отец еще говорил, что регент пошел на уступки в давнем споре о пограничных землях.

Если Трикс запомнил регента, почему бы регенту не вспомнить Трикса?

Он пообещает ему вернуть обратно те пограничные земли. И даже отдать еще что-нибудь, принадлежавшее раньше со-герцогу Гризу. Триксу нужна армия, хотя бы небольшая. Когда он вступит на старые земли Солье, то снизит налоги, объявит прощение преступникам, назначит высокую плату солдатам — и вскоре его армия станет большой. Так всегда делается.

Сатор Гриз еще пожалеет...

Трикс уснул.

По всем законам летописей и баллад, ему должны были присниться счастливые родители, живые и здоровые, играющие с ним на зеленой лужайке. Или же — скорбные родители, преданные и мертвые, взывающие об отмщении. На худой конец сгодились бы видения грядущих битв и сражений, пылающего дворца со-герцога Гриза и ликующей толпы, приветствующей Трикса на троне.

Трикс спал крепко и без сновидений, как и положено здоровому, но смертельно уставшему подростку.

В исторических хрониках и трогательных балладах отпущенная на волю волн лодка благополучно плывет всю ночь. К восходу солнца течение осторожно прибивает лодку в те-

нистую заводь, где над рекой склоняются плакучие ивы, а на воде цветут кувшинки. В это же время к заводи приходит юная и красивая принцесса, чтобы обнаружить лодку, а в ней либо запеленутого в шелка младенца мужского пола (кстати, вы когда-нибудь пробовали пеленать младенца в шелка?) с таинственным амулетом на ручке, либо израненного воина в испачканных благородной кровью шелках (шелк является традиционным и почти обязательным атрибутом). Лишь в том случае, когда в лодке мирно спит младенец женского пола или одетая — да, да, вы догадались — в шелка принцесса, обнаружить лодку дозволяется мужчине благородного сословия.

На самом деле лодка, отпущенная на волю ночных волн посреди широкой реки, так и норовит перевернуться, налететь на топляк, разбиться о камни или сесть на мель. Также к ней может приблизиться другая лодка, с людьми весьма неблагородными, интересующимися лишь шелками, но никак не завернутыми в них младенцами: у самих по полу десяток ползает и есть просит.

Трикс об этом не подозревал. И проснувшись с первыми лучами солнца, совсем не удивился, обнаружив, что лодка мирно плывет по течению.

На самом деле, за ночь она дважды натыкалась на коряги, а один раз полчаса простояла на мели, откуда ее сняла волна от рыбацкого баркаса, так торопившегося исследовать содержимое лодки, что он налетел на камни и затонул.

Трикс поднялся и сбросил отсыревший насквозь плащ.

Шелк вообще очень непрактичный материал.

По обе стороны реки простирался мирный сельский пейзаж. Слева он состоял из полей низкой, едва-едва начинающей желтеть пшеницы, справа — из сочных зеленых лугов. Кое-где виднелись белые струйки дыма, подсказывающие, что этот край обитаем, но людей не было видно.

Трикс перегнулся через борт, придирчиво осмотрел воду и умылся. Потом, осмотрев воду еще более пристально и сложив руки ковшиком, напился. В городе он бы на это не ре-

шился, но здесь вода выглядела более чистой. Ну, или более разбавленной.

Вчерашний день теперь казался неожиданно далеким — как это всегда и бывает после совсем уж неожиданных и ужасных событий. Но Трикс не привык к неожиданностям и был только рад спасительному ощущению давности. По крайней мере плакать о родителях ему хотелось не в большей мере, чем об отважном со-герцоге Диго Солье. Если вдуматься, то мало кто из его предков умер в своей постели...

Трикс развернул полотняный мешочек с едой и осмотрел свои запасы. Немного вареной картошки, немного сушеной рыбы, кусок сыра, полкаравая хлеба и бутыль дешевого вина. Пренебрежения к подобной пище Трикс не испытывал, но и восторга она не вызвала.

Откупорив бутыль, Трикс выпил глоток кислого вина. Инстинкт подсказывал, что речную воду полезно запивать вином...

— Эй! — разнеслось над водой.

На берегу показалась маленькая фигурка, она отчаянно махала руками. Трикс привстал в опасно закачавшейся лодке, всмотрелся. Похоже, это был мальчик... скорее юноша, не старше его самого.

Убедившись, что внимание Трикса привлечено, парень прыгнул в воду и поплыл к лодке, забирая чуть наискось к течению. Трикс задумчиво огляделся и высвободил одно весло из уключины. Все-таки уроки общения с юными подданными не прошли даром.

Впрочем, причина спешки вскоре стала понятной. Вслед за юношей на берегу показалось несколько мужчин: судя по одежде и зажатым в руках подручным предметам — селяне. Преследователей сгубила крестьянская натура — они не неслись по хлебам во весь опор, а старались пробираться как можно осторожнее. Послышались причудливые проклятия — впрочем, не наполненные никакой силой. Да и откуда простым крестьянам знать высокое искусство магии?

Повинуясь взаимному сочувствию всех преследуемых и гонимых, Трикс снова вставил весло в уключину и принялся грести навстречу пловцу. Через несколько минут за борт ухватились две руки, следом вынырнула рыжая голова. Юноша шумно выдохнул и спросил:

— Гонятся?

— У них лодки нет, — ответил Трикс.

Юноша кивнул. Опасливо посмотрел на Трикса и спросил:

— Ты меня веслом не огреешь? А то я плавать не умею.

— Ты же сюда доплыл.

— Это я со страху.

Трикс молча протянул руку и, запрокинувшись на другой борт, втянул паренька в лодку. При внимательном взгляде на мальчишку подозрительность, бдительно оглядываясь, отступила. Это был именно паренек, хоть и высокий, но помладше Трикса и такой тощий, будто на нем ставили эксперименты по выведению новой породы мало едящих детей.

— За что они? — Трикс кивнул на берег.

— За правду, — гордо ответил мальчишка. Сел, стянул рубашку и принялся ее выжимать. С легким удивлением Трикс отметил, что одежда паренька кажется ему смутно знакомой... хотя и начисто лишенной пуговиц и гербов...

— Ты кто? — попробовал Трикс подступить с другой стороны.

Тот надел рубашку и попытался сесть ровнее:

— Знай же, славный юноша, что ты совершил благородный... э...

— Поступок? — подсказал Трикс.

— Поступок, — с радостью согласился собеседник. — Ты спас от неминуемой расправы и постыдного плена...

— «Летопись баронета Хью Невезучего»... — пробормотал себе под нос Трикс.

— ...наследника престола со-герцогов Солье, Трикса Солье.

Трикс задумчиво посмотрел на парня. Тот сглотнул и чуть неувереннее продолжил:

— И это тебе зачтется, и ты будешь отблагодарен, едва только я верну себе корону, земли, войско и богатства...

— Говоришь, плавать не умеешь? — спросил Трикс, перехватывая весло поудобнее.

— Не надо, — быстро сказал мальчик.

— Ты кто?

— Три... — и осекся. — Иен.

— Какой еще Иен?

— Так это у благородных фамилии. — Паренек пожал плечами. — А я просто Иен. Отец был садовник. Мать ему помогала. От горячки померли два года назад.

— Почему ты назвался Триксом? — не выдержав, заорал Трикс. — И откуда у тебя эта рубашка? Она... она дорогая!

— Ага. — Собеседник с удовольствием погладил ткань. — Это шелк, да?

— Это бархат, дурак! Ты откуда?

— Из приюта для перевоспитания сирот славных со-герцогов Солье и Гриза, — ничуть не смутившись, ответил Иен. — Светлая память со-герцогу Солье, хранят боги обе его души, земную и небесную...

Трикс вставил весло в уключину.

— Вчера утром, когда стражники со-герцога Солье напали на со-герцога Гриза, но были пленены, а со-герцог Солье с горя убился, — быстро затараторил мальчик, — у нас приют сгорел. С трех сторон заполыхал, еле выскочить успели. Наверное, злодеи какие-то подожгли. А потом приехал рыцарь со-герцога Гриза, сказал, что приюта больше не будет. Нам великодушно даровали одежду наследника Трикса, ему-то все равно уже без нужды. Мы с ребятами потолковали и решили, что пока тепло и лето, надо разбрестись, побродяжничать. А раз у нас одежка благородная, то почему бы не сказать, будто каждый из нас — наследник Трикс, лишенный злодеями трона и скрывающийся в бегах?

— Думаешь, тебе поверят? — завопил Трикс. — А ну, скажи, как звали... двоюродную тетушку со-герцога Рата Солье?

Мальчик наморщил лоб и отчеканил:

— Люнида Солье, год назад умерла от преклонных лет на морском побережье, дама была в молодости красивая, за что много страдала... Мы целый год генелогию учили.

— Генеалогию... — машинально поправил Трикс.

— Генеалогию. И Солье, и Гриза, и всех правителей сопредельных земель. Все, как у благородных.

— Ты все равно ничему не обучен, — пробормотал Трикс. — Только крестьянам и сможешь голову задурить. За столом вилку взять не сумеешь.

— Ха! — Иен гордо поднял голову. — Еще как сумею! Кстати, можно штаны выжать?

— Выжми, — глядя на натекшую на дно лодки лужу, разрешил Трикс.

— И малую рыбную, и большую мясную, и даже специальную фруктовую — сумею взять, — выкручивая за борт штаны, тоже казавшиеся Триксу подозрительно знакомыми, сказал Иен. — Нас знаешь как учили? Ого, как учили!

— Много в приюте было? — спросил Трикс.

— Шестьдесят три сироты. А еще две поварихи, дневной надзиратель...

— Подожди. И всем шестидесяти трем дали одежду... Трикса?

— Ага, — натягивая штаны, гордо сказал Иен. — Ох, и много же у него одежки было! Полсотни штанов!

— Даже побольше, — рассеянно сказал Трикс. — Понимаешь, они же крепкие, от отца еще, от дедушки, даже от прадедушки оставались...

— А мне от отца ничего не осталось. Все сожгли. Горячка. — Иен вздохнул. — А тебя как звать?

— Трикс, — мрачно ответил Трикс.

— Ага, — ухмыльнулся Иен. — Слушай, а ты похож! Я ведь не против, называйся тоже Триксом Солье! Только надо из

герцогства убраться, а то здесь народ такой... может и Гризу выдать. Пострадаем ни за что. — Он хихикнул. — А вот в сопредельных землях — лафа! Я думаю, раз мы на реке, надо в Дилон двигать. К регенту Хассу.

— Точно, Хасс, — пробормотал Трикс. — А я вспоминал...

— Он вместо дочки Дилона пока что правит, — пояснил Иен. — Княгини Тианы.

Триксу вспомнилось, как два года назад отец с удивлением рассказывал о великодушном решении со-герцога Гриза устроить в городе приют для сирот, пригреть там детей — ровесников Трикса и Дэрика — и даже дать им достойное воспитание, дабы в будущем они могли послужить при дворах со-герцогов.

Мать тогда проронила что-то о пользе благотворительности и даже вызвалась раз в год одаривать сирот кремовыми пирожными собственного изготовления.

Теперь внезапная щедрость Гриза стала понятной. Приют оказался блажью не в большей мере, чем позавчерашняя потасовка в пивной — случайностью.

Если по окрестным землям разбредется полсотни мальчишек, выдающих себя за наследника престола Трикса, то как настоящему Триксу доказать свою правоту? Уже через месяц слова «я наследник престола со-герцогов Солье» будут вызывать смех у самого захудалого барона. И в давние времена после дворцового переворота повсюду объявлялись убежавшие из темниц графы и герцоги, чудом спасшиеся наследники и наследницы, на худой конец — многочисленные бастарды. А уж от верных слуг, клянчащих подаяние, прохода не было.

Сейчас бы они тоже появились: со-герцоги и со-герцогини Солье, наследники Триксы, рыцари и слуги. Сатор Гриз всего лишь решил перестраховаться.

Если только регент Хасс не узнает его...

— Мы должны быть первыми в Дилоне, — сказал Трикс. — Регент должен меня вспомнить.

— Кого вспомнить? — спросил Иен.

— Меня. Трикса Солье.

Иен хмыкнул.

— Я Трикс Солье! — с напором повторил Трикс.

— Хорошо, хорошо. Ты Трикс. У тебя лодка, ты и Трикс, — согласился Иен. — Только зачем тебе к самому регенту?

— По деревням побираться безопаснее?

— Ну... по деревням тоже всякое бывает... — задумчиво сказал Иен. — Слушай, давай выберем какого-нибудь бедного, но благородного рыцаря. Или барона. В княжестве Дилон двенадцать баронов, первый барон — из рода Дилонов, второй барон — Вит Капеллан, третий — Лиандр, четвертый — Галан...

Иен затараторил подозрительно ритмично, и Трикс, у которого бароны вечно путались в голове, спросил:

— Это что, считалка какая-то?

— Ага, — кивнул Иен. — Чтобы легче было запомнить. В княжестве два герцогства и одно со-герцогство, три маркизата, двенадцать баронов ленных и четыре барона вольных, королевские земли с рыцарями-управителями... думаешь, легко всех перечислить? А не перечислишь — розги!

— А как ты запоминал королевских рыцарей? — мрачно спросил Трикс.

— Это у меня самое любимое. — Иен откашлялся и затянул: — Рыцарь Догоро живет на востоке, там, где лишь скалы стоят одиноко...

— Понял, — кивнул Трикс. — Только из тебя все равно Трикс не получится.

— Почему?

— Ты рыжий.

— Велика печаль? — искренне удивился Иен. — Думаешь, кто-то запоминал, какого цвета у него волосы?

Трикс печально подумал, что все порядочные герои хроник имели какие-нибудь замечательные приметы. У одного

барона была родинка в форме меча, а у одного герцога даже в форме короны. У маркиза Дакиса на левой ноге было шесть пальцев. На худой конец сгодился бы волшебный кинжал, перстень с печаткой, пиршественная чаша с гербом...

— Есть хочешь? — спросил Трикс.

Иен с готовностью кивнул.

— Тогда запомни: я настоящий Трикс Солье! А ты...

— Твой потерянный в младенчестве брат? — с надеждой спросил Иен.

— Нет!

— Тогда твой верный оруженосец?

— Оруженосец положен с четырнадцати лет, — поморщился Трикс.

— У настоящего Трикса, — ехидно заметил Иен, — сегодня день рождения. У нас должны были подать пирог с морковкой и яблоками... Оруженосец — на меньшее я не согласен!

— Становись на колени, — велел Трикс.

Иен послушно встал на дно лодки.

Трикс взял в руки весло и осторожно опустил на плечо Иена:

— Я, со-герцог Трикс Солье, правом, данным мне от рождения, беру тебя, Иен, в свои оруженосцы и жалую тебе рыцарское сословие. Отныне ты — Иен... Иен, рыцарь Весла. Гербом твоим будет серебряное весло на голубом фоне.

— Можно золотое? — спросил Иен.

— Золото на голубом — только для особ благородных кровей, — сказал Трикс.

— Серебряное — тоже ничего, — смирился Иен.

— Я, со-герцог Трикс Солье, — продолжал Трикс, — обязуюсь учить тебя и защищать, давать кров и стол... по возможности.

— Еще я должен получить какое-нибудь особое право, — напомнил Иен.

— И дарую тебе право сидеть ко мне спиной, — великодушно сказал Трикс. — А то тебе будет неудобно грести.

— Спасибо. А можно получить немного стола прямо сейчас?

2

Старая, но еще крепкая лодка плыла вниз по реке. Двое мальчишек беседовали.

— Если бы у нас был крючок и тонкая жила, поймали бы рыбу, — рассуждал вслух Иен. — Большую.

— И что с ней делать, с живой рыбой? — не понял Трикс.

— Как что? Веслом по башке, потом выпотрошить и съесть. Если посолить, то можно и сырую.

— У тебя нож есть?

— Нет... И соли нет.

— И крючка, и жилы тоже. Приплывем в Дилон, пойдем... а где в городе едят?

— Ты чего, совсем дурак? — удивился Иен. — В харчевнях, в тавернах, в трактирах. Есть еще едальные дворы — но там только для благородных.

— Я благородный!

— Ах, простите, забыл... — фыркнул Иен.

— Сколько у тебя денег? — спросил Трикс.

Иен с ответом не спешил, Триксу даже пришлось толкнуть его ногой.

— Три серебряные, — признался Иен. — Надолго хватит.

— У меня тоже три серебряные, — сказал Трикс. О кошельке, полученном от Гриза, он решил не упоминать. — Вам вместе с одеждой дали деньги?

— В карманах были... Даже карманы не проверили, олухи!

Трикс вздохнул. Герцог Гриз не мелочился.

— Рассказывай мне генеалогию со-герцогов Солье и Гриза, — сказал он.

— Ты же сам Солье, зачем тебе? — ехидно спросил Иен.

— Болван! Думаешь, я это все заучивал? На это герольды есть.

— В году семисот пятом к верховьям реки Дальняя у Серых гор пришел караван поселенцев из княжества Дилон. Караван вели богатый торговец Крон Гриз и капитан стражи Сел Солье. И хотя не было золота в Серых горах, но земли им полюбились, и основали они со-герцогство Солье и Гриз...

Трикс подумал, что со-герцогством новые земли стали без малого через полвека, когда правили уже сын Села Солье и дочь Крона Гриза. Король не раздает титулов каждому удачливому авантюристу — впрочем, будущие со-герцоги оказались достаточно умны, чтобы регулярно отсылать королю налог и дважды поддержать его войсками...

— Рассказывай дальше, — велел Трикс.

Конечно, он должен был все это знать и сам, не полагаясь на герольдов и летописцев. Знание родственников (а все благородные люди родня друг другу) не только дань вежливости, но и очень полезная вещь. Кого-то можно удачно уязвить, подав к пиршественному столу только рыбные блюда, кому-то вовремя польстить, припомнив один-единственный выигранный турнир. И Трикс все это учил, да, конечно же, учил! Слушал летописца, кивал, в нужный момент задавал вопросы и прекрасно мог повторить все услышанное... целый день мог повторить и даже на следующее утро. А потом будто вытряхивал из головы за ненадобностью, освобождая место для новой порции имен, дат и историй.

Трикс вздохнул:

— Повтори, что там про Третью Великую войну?

Замок показался к пяти часам пополудни. Трикс встал на носу лодки, поставил ладонь ко лбу козырьком, прикрываясь от яркого солнца. Не самый большой замок, стены высоки только со стороны берега, у воды совсем низкие, хотя и с множеством бойниц. Над главной башней реял флаг: две золотые рыбы на синем фоне.

— Чей замок? — ехидно спросил Иен.

— Барона Тора Галана, барона-рыбака, — ответил Трикс. Историю близких соседей он худо-бедно помнил. — Особым указом герцога Дилона Вразумляющего стены замка были срыты со стороны реки на три четверти. Дабы не были они выше, чем мачты кораблей герцога...

Иен обиженно засопел.

— Причалим, — решил Трикс. — Барон-рыбак добрый, это все говорят. Греби к берегу!

— Уже, — пробурчал Иен. — Я, между прочим, все руки стер!

— Рыцарю не только не должно перечить своему сюзерену, но даже и скорбным ликом показывать, что тяготит его служение... — Трикс оглядел свою одежду: пуговиц на куртке нет, штаны рваные. — Снимай штаны!

— Ты чего?

— Я должен выглядеть достойно, а твои штаны чище.

— А я с голым задом в замок пойду?

— Мои наденешь.

Пока мальчишки переодевались, лодку едва не пронесло мимо замка. Триксу пришлось взяться за весло. Вдвоем они кое-как выгребли к самому концу длинной деревянной пристани.

У берега было совсем жарко, текущая вода не освежала, а добавляла духоты. Стражники, сидящие под навесом из камыша, разглядывали мальчишек со скукой в глазах. Никто даже не пошевелился — ни поприветствовать, ни отогнать.

Трикс и Иен выбрались на влажные почерневшие доски. Иен принялся наматывать веревку на причальный столб.

— Эй! — Один из стражников, помоложе, поднялся и неохотно вышел из-под навеса. — Шантрапа! Две медных монеты!

Иен замер, покосился на Трикса.

— Какие еще монеты? — возмутился Трикс. — Указом Великого герцога берега реки на два шага от воды являются

его личной собственностью! И любой честный житель вправе причалить где угодно!

Стражник засмеялся:

— Ученые! Гляди, други, какая нынче мелюзга образованная!

— Порют мало... — лениво отозвались из-под навеса.

Стражник посерьезнел.

— Причалить — сколько угодно. Это ты прав, малец. А вот столб причальный — собственность барона Галана. Привязать к нему лодку стоит две монеты в день.

— Но вы можете отпустить лодку по течению бесплатно! — снисходительно добавил его товарищ.

Трикс молча полез в карман и достал серебряную монету.

Стражники замолкли.

— Сдачу, — велел Трикс.

— Это... — Стражник замялся. — Другой нет?

Трикс достал золотой.

Еще трое стражников вышли к лодке. В глазах у них появились и жадность, и опасение. Мальчишки-оборванцы, которые не боятся достать серебро при стражниках?

А вдруг они имеют на это право?

— Привяжи лодку, да покрепче! — швыряя серебряную монету под ноги стражнику, велел Трикс. — А ты, — он ткнул в первого попавшегося из его товарищей, — проводишь нас к благородному Тору Галану.

Теперь глаза стражников настороженно шарили по ребятам. До незадачливых охранников причала наконец-то дошло, что у Трикса благородный выговор, а одежда хоть и грязная, но из дорогих тканей.

— Просим прощения, — поднимая и протягивая обратно Триксу монету, сказал молодой стражник. Если вначале Триксу показалось, что он в группе на вторых ролях, то теперь стало ясно — напротив, старший караула. — Гостям барона, само собой, платить не надо. А как доложить-то вас?

— Трикс Солье, наследник со-герцога Солье, — отчеканил Трикс. — Со своим верным оруженосцем, Иеном, рыцарем Весла.

Глаза у стражника округлились. Видимо, слухи уже достигли владений Галана.

— Прощенья просим, — повторил он, — ваше со-сиятельство. Будет немедленно доложено.

— Эй, Хомяк, живо к господину барону!

Пузатый стражник поднялся и затрусил к замку, клацая бронзовым нагрудником летних доспехов. Остальные тоже встали навытяжку.

— Не угодно ли... — молодой стражник замялся, — освежиться? Пиво?

Трикс подумал, что с такими манерами парень в стражниках не засидится, а быстро дорастет до прислужника. И даже посмотрел на необожженный глиняный кувшин, соблазнительно стоящий в теньке под навесом. Но ответил достойно:

— Покуда скорбь о моих благородных родителях еще свежа, я не могу предаваться житейским радостям.

Судя по лицам стражников, слова произвели должное впечатление. Трикс переступил с ноги на ногу и задумался, как бы закрепить эффект. Возможно, поведать о своем героическом бегстве из плена? Но бегство не слишком-то героический поступок. К тому же не слишком ли много чести простым стражникам?

К счастью, замок Галана и впрямь был невелик. Пузатый стражник уже спешил обратно, смешно размахивая руками. Шагов за десять замедлил движение, чтобы отдышаться и торжественно объявил:

— Повелением его светлости, высокородного барона Галана...

Хотя Иен и стоял за спиной Трикса, как подобает приличному оруженосцу, но Трикс явственно почувствовал: его новый приятель готовится сигануть обратно в лодку.

— ...со-сиятельству Триксу и его оруженосцу Иену предложено гостеприимство и отдых в стенах замка!

Выдохнув, стражник добавил:

— Велено вас со всей любезностью препроводить в большую гостевую комнату и умыть с почестями. Барон будет ждать вас к ужину.

Кроме слова «препроводить» Триксу все понравилось. В хрониках и летописях слишком часто «препровождали» в тюрьму или на плаху.

Со всей любезностью, конечно.

Иен бодро прошел от стены с окном до стены с дверью и воскликнул:

— Ха! Восемь шагов! Какая же у них малая гостевая, если это большая?

— Малая — меньше, — разъяснил Трикс. — Это большая, не сомневайся. Мы тут три года назад на вечернюю попойку останавливались, когда к старому князю Дилону ездили.

— И все тут поместились? — удивился Иен.

— Почему — все? На кровати спали отец с матерью, мне на лавке у окна постелили.

Иен с сомнением посмотрел на лавку.

— Я же тогда меньше был, дубина, — сказал Трикс. — А у дверей спал капитан стражи... Вся челядь — в малой гостевой. Ну и прислуга во дворе и на конюшне...

В дверь постучали, но открыли, не дожидаясь разрешения. Вошел крепкий мужик в полинявшей ливрее цветов барона Галана: возвышенное желтое на благородном синем. Перед собой он держал здоровенную деревянную лохань, полную горячей воды. Следом суровая немолодая особа несла два полотенца и ковшик с куском травяного мыла.

Трикс приободрился. Все-таки подобающие почести ему оказывали.

Как только слуги вышли, Трикс разделся и бесцеремонно залез в лохань.

— А я? — обиделся Иен.

— Ты сегодня уже купался. Забыл? И вообще, оруженосец всегда моется после своего господина.

Иен засопел, пробормотал, что раз уж он сегодня купался, то ему бы и вымыться первому. И уселся у окна, разглядывая двор замка.

Трикс намылился, с особым удовольствием взбил пену на голове. Подумал, что обливать господина водой — дело оруженосца, но приказывать Иену ничего не стал, а сам взялся за ковшик. Все-таки оруженосец у него пока неопытный, низкого происхождения и потому от природы непочтителен.

Приведя себя в порядок, Трикс вытерся грубым, но чистым полотенцем, оделся. Сказал:

— Можешь помыться, мой верный оруженосец.

Иен нагнулся над лоханью, подозрительно посмотрел на покрытую грязной мыльной пеной воду. Сунул в воду палец, внимательно изучил и вытер о штаны:

— Я, наверное, мыться не буду. Я уже мылся сегодня. А два раза в день — это плохая примета.

— Как хочешь. — Трикс не стал спорить. Это даже хорошо, что оруженосец будет чумазее своего господина. — Когда начнется торжественный ужин в мою честь — встанешь за спиной, понял? Когда я подниму правую руку, подашь салфетку. Когда протяну тебе тарелку — можешь все доесть, прежде чем передать лакею. И не забывай подливать вино, понял?

— Понял, — грустно сказал Иен.

— Ты не бойся, — успокоил его Трикс. — Я съем половину, а остальное отдам тебе. А будешь подливать вино, допивай остатки из бокала. Я скажу, что это знак моей особой милости.

Иен повеселел.

Барон-рыбак совсем не изменился с тех пор, как Трикс с родителями гостил в его замке. Только пузо выросло еще больше, лицо стало багровее, нос покрыла красная сеточка жи-

лок. Галан восседал на позолоченном деревянном троне. Маленькую баронскую корону, золотой ободок с одним-единственным красным камнем, он только что снял и вытирал со лба пот.

Но взгляд барона остался цепким, умным, памятливым. Он мимолетно глянул в сторону остановившихся перед троном ребят — и Трикс понял, что его узнали.

Узнали, но промолчали.

Баронские чада с домочадцами, сидящие за накрытым к ужину небогатым столом, тоже молчали. И жена — тощая, носатая, с зачесанными в гладкий узел черными волосами. И двое младших детей — сын лет десяти и девочка лет семи. Старшие служили оруженосцами или пажами при домах соседних баронов, младших кормили няньки, к столу их не звали. И два младших брата барона — тоже толстые и пропитые, а по причине безземелья и безденежья к тому же еще и мрачные. И капитан баронской стражи — мужчина бравый, весь в шрамах, но в небогатых доспехах и с нервно дергающимся от старой раны правым веком.

Колдуна у барона-рыбака не было. Колдуны не любят селиться в нищих замках мелких баронов. А замок был беден — витражи в окнах потемнели и почти не пропускали свет, с трона кое-где отстали тонкие листочки сусального золота, ковры под ногами протерлись, в канделябрах горело по одной свече, да не восковой — сальной...

Тор Галан медлил. Облизнул губы. Покосился на жену. Поднял взгляд к закопченному потолку. Уставился на носки своих туфель.

Трикс ждал. Либо Галан решится признать беглого наследника, либо объявит самозванцем. Если не признает... ох, кончилось бы дело одними лишь плетями...

Барон-рыбак вдруг улыбнулся, просветлел — и сразу стало понятно, чем он заслужил прозвище «добрый барон».

— Трикс! Трикс Солье, мой мальчик! Ты жив!

Трикс облегченно выдохнул, только сейчас обнаружив, что у него вспотели ладони.

Барон, приподнявшись в кресле, пристально посмотрел на него:

— Кто твой спутник?

— Иен, верный оруженосец! — отчеканил Трикс.

— Достойный оруженосец! — одобрительно сказал барон. — Не бросить своего господина в беде — славный поступок, который украсил бы и зрелого мужа благородных кровей... Идите же ко мне, дети!

Трикс с Иеном приблизились к барону. Галан развел руки, обнял ребят и поцеловал каждого в макушку. От барона пахло вином, чесноком и псарней.

— Будем праздновать спасение благородного Трикса! — провозгласил барон. — Свечей! Вина! Еще цыпленка и тарелку!

Трикс победно посмотрел на Иена и подмигнул.

— Мы подумаем, как тебе помочь, — сказал Галан и потрепал Иена по щеке. — Ах, как вырос, шалопай! Узнаю, узнаю благородную кровь Солье...

— Ваша светлость! — возмущенно воскликнул Трикс. — Барон...

Крепкие пальцы барона нежно легли на его шею.

— Не благодари меня, верный оруженосец, — сказал барон, улыбаясь. — Я сделаю все, чтобы помочь твоему господину.

Иен растерянно посмотрел на Трикса. Пожал плечами.

— Скажи что-нибудь, Трикс! — Барон похлопал Иена по плечу, не спуская пальцев с шеи настоящего Трикса. — Не стесняйся!

— Я благодарен вашей светлости за обещание помощи... — пробормотал Иен. Покосился на Трикса. — Но...

— Вина благородному Триксу! — крикнул барон и встряхнул Иена.

Иен пискнул и замолчал. Трикс и сам онемел. Барон не мог спутать... он же поймал его взгляд...

— Потом! — жарко дохнул в ухо барон. — После ужина поговорим!

Он оттолкнул ребят к концу стола. Как во сне, Трикс встал за спиной Иена. Слуга всунул в руки Иена кубок с вином, поставил перед ним щербатую деревянную тарелку с поджаренным цыпленком. Иен оглянулся на Трикса и прошептал с паникой в голосе:

— Я не хотел! Я не виноват!

Но Трикс уже все понял. Мудрый Галан не доверяет даже своим людям и хочет укрыть его, Трикса, от удара наемного убийцы! Вот почему он велел Иену изображать своего господина, а Триксу — прислуживать за столом! Все, как в истории с Гранисом, рыцарем Петли и Палки, которому выпала честь быть оруженосцем Декарана Мудрого и принять за него мученическую смерть от четверки коней: чалого, вороного, пегого и буланого — после чего изображавший оруженосца Декаран отвез останки Граниса в свой родовой замок, там поведал вассалам о своем чудесном спасении, собрал новое войско и непременно отомстил бы за храброго оруженосца, если бы не эпидемия холеры...

— Бери! — прошептал Иен, протягивая ему полупустой бокал. — Цыпленка будешь?

Вырвавшись из раздумий, Трикс жадно глотнул кислого вина. Искоса огляделся. На них никто не обращал особого внимания, видимо, потому, что и сам Галан занимался другим делом — изучал пасть борзого щенка, принесенного с псарни. Барон улыбался: прикус ему нравился. А вот второго щенка Галан удостоил лишь одного взгляда и велел отдать лесничим. Барона не зря хвалили за доброту — многие велели бы утопить породистого пса, но не подарили бы слугам.

— Отломи ножку, — велел Трикс. — И хлеба. Белого!

Возможно, кто-то и заметил, что чудесно спасшийся юный со-герцог кормит своего оруженосца слишком уж хо-

рошими кусками. Но вслух ничего сказано не было, и Трикс смог утолить голод.

Один раз барон Галан произнес тост, но не за Трикса или его погибших родителей, а за справедливость! В утешение себе Трикс решил, что тост все-таки про его спасение, но после этого загрустил. Ужин тянулся долго, хотя после жареных цыплят ни одной перемены блюд не последовало — детей увели няньки, а взрослые пили вино. Трикс с Иеном будто застряли посередке между детьми и взрослыми: их никто от стола не гнал, но и вино наливать перестали. Лишь когда Иен не удержался и громко зевнул, барон обратил на них внимание.

— Наши юные гости устали, — торжественно объявил он. — Лигар, сопроводи их в большую гостевую комнату!

Капитан баронской стражи кивнул своему господину (видимо, на вечерней пьянке церемонии были не в ходу) и обернулся к мальчикам. Иен с облегчением вскочил со стула, а Трикс наконец-то смог размять ноги. Стоять на одном месте куда утомительнее, чем идти.

— Благодарю, ваша светлость! — От еды и вина Иен расхрабрился и теперь играл роль юного со-герцога куда увереннее. — Перед сном я буду молить Господа вознаградить вас за гостеприимство!

Трикс помрачнел, но смолчал.

А вот Лигар, идущий за подростками к двери, пробормотал себе под нос:

— Бойко сказано... для безродного сироты.

Трикс украдкой поглядел на Лигара. Они уже вышли из пиршественной залы и шли по темному коридору. Лунный свет, неохотно льющийся в узкие окна-бойницы, позволял не натыкаться на стены. По-хорошему, стоило бы захватить с собой свечу, но слуги барона, похоже, привыкли обходиться без подобной роскоши.

Под ногами влажно хрустел тростник, которым посыпали пол. На взгляд Трикса, тростник давно требовалось сме-

нить — ну какие с этим могут быть проблемы в замке, стоящем на берегу реки? Но барон то ли неумеренно экономил даже на осоке, то ли его совершенно не волновало, что там чавкает под сапогами: свежий зеленый тростник или мешанина из грязи и гнили.

— Вы меня узнали, сэр капитан стражи? — спросил Трикс.

— Я был помощником капитана в те дни, когда со-герцог Солье с семьей проезжал через замок, — велеречиво, но уклончиво ответил Лигар.

— Барон назвал меня оруженосцем для моей безопасности?

Лигар намотал изрезанное шрамами лицо:

— Быть может. Барон умен. Куда умнее, чем думают соседи...

Он замолчал, явно не желая вдаваться в подробности.

Уже у дверей гостевой комнаты Лигар добавил:

— И куда беднее. Пять лет нас преследуют сплошные неудачи. Шайки разбойников спускаются с гор и грабят караваны, которым барон обещал защиту. Два мага, выясняя свои отношения, заваливают серебряный рудник и выжигают драгоценную сандаловую рощу. Засуха, наводнение, королевские сборщики налогов... Но барон умен.

Он легонько подтолкнул мальчишек к двери. Дождался, когда они войдут и глухо стукнет задвинутый засов, и лишь после этого ушел.

Первым делом Трикс нашарил на столе подсвечник и коробок спичек — экономия барона не простиралась так далеко, чтобы оставить гостей в полной темноте. С третьей попытки — дешевые спички ломались, шипели, истлевали вонючим серным дымом, но не хотели гореть — зажег свечи. Мрачно посмотрев на Иена, спросил:

— Могу ли я сидеть в присутствии вашего сиятельства?

Иен занервничал и воскликнул:

— А я-то что? Разве я напрашивался? Это все барон!

— Наследник со-герцога — я, — еще раз напомнил Трикс. — Знаешь, почему барон тебя Триксом назвал? Чтобы наемные убийцы, если они затаились среди челяди, убили тебя, а мной пренебрегли.

— Не хочу, чтобы меня убили! — завопил Иен. — Пусть пренебрегают!

— Дурак, это же великая честь — погибнуть за своего господина!

— Я совершенно не честолюбив! — Иен на всякий случай отошел подальше от двери.

— Что поделать. — Трикс пожал плечами. Посмотрев на кровать, сказал: — Наверное, разумно будет спать на лавке. А ты ляжешь на кровати. Вдруг в стене есть потайное отверстие, через которое в постель могут запустить гадюку. Или в потолке дырка, через которую льют расплавленную смолу на голову гостя... Ты чего такой бледный?

В дверь стукнули, и Иен из бледного мгновенно стал красным. Зашептал:

— Не открывай, Трикс! Пожалуйста!

Трикс на цыпочках подошел к двери. Прислушался. Осторожно спросил:

— Кто там?

— Тор Галан, — ответил ему строгий голос. — Открывай, Трикс.

Трикс посмотрел на оруженосца, развел руками и отодвинул засов.

Это действительно был барон. С пятисвечным канделябром в одной руке и бутылью в другой, красномордый от выпитого за ужином, но на удивление бодрый. Войдя, он немедленно закрыл за собой дверь, вручил канделябр и бутылку Иену, после чего крепко обнял Трикса. Тот только пискнул в могучих лапищах барона. Через секунду барон отстранил мальчика от себя, всмотрелся в лицо. Удовлетворенно кивнул:

— Узнаю, узнаю породу... Я рад, что ты спасся, парень.

Трикс облегченно вздохнул. Бросил на Иена гордый взгляд и сказал:

— Родители погибли... Подлый со-герцог Гриз...

— Знаю, знаю... — Барон со вздохом присел за стол. Покосился на Иена, буркнул: — Чего встал, оруженосец? Налей вина господам!

Иен заметался в поисках чаш, а барон тем временем продолжил:

— Твой отец всегда был излишне романтичен, Трикс. Романтика — прекрасное качество, но только не в ущерб бдительности... А вот мать твоя меня удивила. Выпить яда, пронзить себя кинжалом и выброситься из окна! Что значит благородная кровь!

— Еще и кинжалом? — поразился Трикс. Иен, нашедший наконец-то две оловянные чаши, торопливо наливал в них вино.

— Ну, кинжалом она просто оцарапалась. — Галан поморщился. — Но все формальности Высокой Смерти соблюдены: три благородных способа использованы в должной последовательности. Уважаю. Я бы из окна не решился прыгнуть, высоты боюсь... Ну, Трикс, твое здоровье!

Они выпили вина, и даже Трикс с его невеликим опытом сразу почувствовал: содержимое этой бутылки гораздо лучше того, что наливали за общим столом.

— И что ты намерен делать, юноша? — Барон вытер усы, с любопытством поглядел на Трикса.

— Я собирался просить помощи у наместника Дилонов, — сказал Трикс. — В неизмеримой благодарности я бы подарил Дилонам пограничные земли, бывшие предметом давнего спора...

Галан покивал. Вскользь заметил:

— Это, видать, те, что сегодня днем подлый герцог Гриз вернул Дилонам? Сообщив при этом, что лишь упрямство

покойного соправителя мешало ему уладить пограничный спор раньше.

Трикс насупился. Потом упрямо мотнул головой:

— Я найду, что предложить Дилонам! Они благородные люди и воспротивятся произволу.

— Регент Хасс не слишком-то благороден. Жаден, умен, но не благороден. — Галан отпил еще вина. — А принцесса Тиана пока ничего не решает... впрочем, если планы регента выдать ее замуж за своего сына сбудутся, она никогда ничего не станет решать...

Барон достал из кармана камзола большое зеленое яблоко. Обтер об рукав, разломил на две части, одну половину вручил Триксу, сам захрустел второй.

— Что же мне делать? — спросил Трикс.

— А ничего, — ответил барон. — Никто из баронов не рискнет тебя поддержать. Хасс уже свое получил. До короля ты не доберешься. Да и не станет он лезть в мелкие свары через голову Хасса.

— Но вы же меня признали! — горько сказал Трикс. — Барон, все знают, что вы умный человек, и уважают ваши суждения.

— Да уж, не дурак, — согласился барон. — Яблочко кушай, Трикс. А то развезет с непривычки, вино у меня крепкое... Я признал не тебя, а твоего спутника. Ты из приюта, мальчик?

— Ага. — Иен тихонько подобрался к столу. — Я оруженосец, я не хотел себя выдавать за Трикса...

— А придется. — Барон выплюнул огрызок. И пояснил: — Поддерживать тебя, Трикс, мне слишком дорого выйдет. Если Гриз поймет, что я приютил у себя настоящего наследника, будет беда. Против его армии мне не выстоять, а ведь есть еще и наемные убийцы, наводящие порчу колдуны... говорят, и с нечистью Гриз якшается... Разумней всего приютить твоего друга и сделать вид, что я признал в нем настоящего Трикса.

— Зачем? — растерялся Трикс.

— Посуди сам. — Барон словно бы возмутился его непонятливостью. — Фальшивый Трикс не угрожает Гризу всерьез. Но если я постараюсь — станет ему занозой в заду. Так что он мне кой-чего кинет. Есть тут спорные заливные луга... — Барон махнул рукой. — Не важно. Что-нибудь я с этого получу. Полгода-год твой оруженосец будет у нас жить и как сыр в масле кататься.

— А потом? — испуганно спросил Иен.

— Не бойся. — Барон улыбнулся. — Когда Гриз пойдет на уступки, я публично признаю, что ты безродный бродяжка. Для виду тебя выдерут розгами, но я попрошу палача не слишком усердствовать. А как отлежишься — определю подмастерьем к хорошему человеку. Или на псарню пристрою. Ты собак любишь?

— Люблю, — просиял Иен.

— Вот и молодец, — добродушно кивнул барон. — Так, значит, и поступим.

— А я? — завопил Трикс.

— Действительно, как же ты. — Барон усмехнулся. — Трикс, поверь, будь у меня возможность тебе помочь — помог бы. Но не в моих силах. Поэтому...

Трикс в страхе ждал. Иен виновато пожал плечами, стоя за спиной Галана.

— Поэтому тебе дадут еды, ты снова сядешь в лодку и поплывешь, куда глаза глядят. А глядеть они у тебя будут в сторону Дилона. Это богатый город, где умный сирота всегда сумеет заработать на кусок хлеба. К тому же я снабжу тебя рекомендательным письмом. Дескать ты внебрачный отпрыск одного из моих родственников. Можно даже так понять, что ты мой племянник... Обучен грамоте и прочим полезным вещам... письмо уже пишут. С такой бумагой устроишься к любому купцу, поверь мне. Дальше уже все зависит от тебя. Поднакопишь деньжат, станешь младшим компаньоном, поплаваешь по морям, выстроишь дом, женишься на

дочке своего хозяина... советую сразу выбирать купца, у которого много маленьких симпатичных дочерей. Лет через двадцать—тридцать разбогатеешь так, что ко мне, старику, входить будешь без стука!

Уверенный голос барона оказал на Трикса какое-то завораживающее действие, будто барон знал толк в волшебстве. Открыв рот, Трикс смотрел на барона, и в голове его проносились какие-то смутные картины: ученичество в пропахшей пряностями лавке, ослепительное синее небо диких жарких стран, удачные сделки, двухэтажный каменный дом с садом и бассейном, молодая красавица жена и собственная карета...

— Я же отомстить хочу! — завопил Трикс. — Вернуть отцовский трон! Я не купец, а потомок воинов!

— Купец, воин — какая разница? — удивился Галан. — Мешком золота можно убить куда больше людей, чем копьем и мечом. Вон, Гриз ведь из торгового рода, а твоего папашу перехитрил!

— Я поклялся отомстить, — пробормотал Трикс.

— А я в молодости клялся жениться на Люниде Солье, — ухмыльнулся барон. — Ну и что? Сейчас тебя отведут на пристань и посадят в лодку. Вручат рекомендательное письмо. И в добрый путь!

Трикс молчал.

— Ты считаешь, что я поступаю несправедливо? — ласково спросил барон. — Наивный мальчишка! Я умен, добр и деликатен. Другие на моем месте утопили бы тебя в реке. А самые глупые, пожалуй, выдали бы Гризу.

— Почему самые глупые? — спросил Трикс.

— Не думаю я, что ты убежал. Скорее, Гриз отпустил тебя ради каких-то своих целей. — Барон прищурился. — Ну, ну... Не надо слез. Ты уже почти взрослый, и тебе не пристало канючить.

В дверь постучали. Иен, повинуясь жесту барона, открыл.

На пороге стояла жена барона, держа запечатанный сургучом свиток.

— Написала, — холодно сказала она, не глядя на детей. — Для какого надо было писать-то?

— Для Трикса, — весело сказал барон. — Ну, для настоящего. Который оруженосец... Идем, парень. Я сам посажу тебя в лодку.

— Вы мне даже переночевать не дадите? — возмутился Трикс. — А как же гостеприимство?

Барон вздохнул и покачал головой. Легонько хлопнул Трикса по затылку. Сказал Иену:

— Неблагодарный мальчишка, верно? Эй, не испытывай мое терпение. Идем!

— Можно мне проводить Трикса... то есть Иена? — внезапно спросил Иен.

Барон с любопытством посмотрел на мальчика. Взял со стола канделябр и сказал:

— А вот ты неглуп. И по-своему честен. Идем, конечно же.

Потрясенный и растерянный, Трикс плелся за бароном и бывшим оруженосцем по пустым темным коридорам. На душе было гадко. А вот барон, похоже, пребывал в хорошем настроении. Мурлыкал себе под нос какую-то песенку, в которой ему приходилось то и дело пропускать слова, заменяя их на «пам», «пам-пам» и «пам-пам-пам»:

Реталер, доблестный барон, решил собрать оброк
Своим вассалам, пам-пам-пам, поставил крайний срок.
И вот, почесывая пам, отправился он в путь,
Мечтая пам или копье куда-нибудь воткнуть...

Трикс мрачно подумал, что барон и впрямь деликатен: его отец, когда напивался с друзьями, распевал песенку о бароне Реталере иначе.

На пристани дежурили новые стражники, которые при появлении барона мгновенно удалились в замок. Видимо, все было условлено загодя. Барон с мальчишками подошел к лод-

ке, по-прежнему привязанной у причала. Ткнул пальцем в мешок, лежащий на дне лодки, коротко сказал:

— Еда.

— Спасибо, ваша светлость... — сказал Трикс сквозь зубы.

— Не злись. Вырастешь — оценишь мою доброту. — Барона, казалось, ничего не могло вывести из себя. — Держи свиток. И отправляйся в Дилон.

Трикс взял свиток и спрятал за пазуху. Смерил Иена негодующим взглядом, но говорить ничего не стал, спустился в лодку. Ночь была лунная, светлая, на небе ни облачка — хоть до утра плыви.

— Я отвяжу, — сказал Иен. — Это же моя обязанность, оруженосца.

От возмущения Трикс даже не нашелся что сказать своему коварному спутнику. А вот барон захохотал, хлопая себя по толстым ляжкам. Иен невозмутимо отвязал веревку, забросил в лодку, поднатужился и оттолкнул от причала.

— Ты... — Трикс только собрался выкрикнуть ему напоследок какую-нибудь особенную гадость, но Иен вдруг разбежался по скрипучим доскам и прыгнул в лодку, едва ее не опрокинув. Трикс схватился за борта и завопил: — Ты идиот! Утопишь!

— Греби, греби! — хватаясь за весла, зашептал Иен. — Руками греби!

Сообразив, что происходит, Трикс принялся грести. Теперь настал черед барона вопить с берега:

— Трикс! Иен! Чертов придурок! А ну плыви назад!

— Не могу, ваша светлость! — гребя изо всех сил и не оборачиваясь, выкрикнул Иен. — Я же дал клятву! Я оруженосец!

Барон несколько секунд хватал ртом воздух. Наконец он проревел:

— Куда катится мир? Дети — вы позор своих родителей!

— Ваша светлость, вы себе другого Трикса найдете! — крикнул Иен. — Нас много разбежалось, вот увидите, завтра еще один появится!

И он приналег на весла, больше не слушая проклятий, доносящихся с берега. К счастью, у Галана и впрямь было плохо с магией — проклятия все были старые, скучные, неработающие.

— Не станет гнаться, — уверенно сказал Иен, когда лодка вышла на стремнину. — Ночью опасно. Да и лодки у них все на берегу.

Трикс растерянно смотрел на оруженосца:

— Ты чего в лодку прыгнул?

— Хорошо, если через год барон и впрямь пристроит в подмастерья, — рассудительно сказал Иен. — А если решит утопить? Я таких весельчаков хорошо знаю. Он, когда хочет, то добрый, а когда не хочет, то очень даже злой. И вообще... Я же твой оруженосец.

— Иен... — Вся обида разом прошла. — Ты мне теперь не просто оруженосец! Ты мне друг... Нет! Ты мне будешь кровный брат! Как юный оруженосец Уолли славному рыцарю Ламу!

— Это как? — Иен посмотрел на Трикса с любопытством.

— А ты слышал «Балладу про юного Уолли и славного Лама»?

— Нет, — смутился Иен.

— Хорошая баллада, душевная. Я хотел про Уолли и Лама в хрониках почитать, но мне почему-то отец запретил, сказал — рано.

— Давай станем кровными братьями, — согласился Иен. — Только ножа нет. Надо было у барона со стола нож спереть.

— Завтра побратаемся, — решил Трикс. — Все равно спасибо! Кстати, а ты уверен, что в тебе нет благородной крови?

Иен засмущался и замотал головой:

— Я же говорил: у меня отец был садовник. Мать ему помогала.

— Всякое бывает, — задумчиво сказал Трикс. — Ну вот, человек живет-живет, а потом оказывается, что он незаконнорожденный сын герцога.

— Вряд ли... Я на папу похож, — ответил Иен. — Давай посмотрим, что нам дали.

— Я посмотрю, а ты греби, — решил Трикс.

Все-таки Иен пока оставался его оруженосцем, а не кровным братом, так что мог и поработать.

В мешке и впрямь была еда, пускай не слишком роскошная: две жареные курицы, два каравая хлеба, вареные овощи, бутыль с вином.

— Роскошно, — сказал Иен. — И самое главное — у нас письмо есть. Покажешь?

Трикс достал пергамент, дети развернули свиток и, вглядываясь в едва заметные буквы, стали читать.

Барон не обманул. Из витиеватого текста и впрямь следовало, что податель сего — четырнадцатилетний отпрыск знатного рода (ничего прямо не говорилось, но почему-то складывалось ощущение, будто речь идет о племяннике барона), что мальчик обучен грамоте и прочим полезным ремеслам. Печать была подлинная и едва-едва заметно светилась. Магическими печатями снабжал всех своих вассалов король, точнее — его чародеи. Подделать печать было не просто трудно, но еще и смертельно опасно.

— Роскошно, — повторил Иен. — Можно наниматься к любому купцу. Даже золотых дел мастер возьмет в ученики.

— Нет, к купцу наниматься не буду. — Трикс смотал свиток и спрятал в мешок. — Попробую убедить регента Хасса.

— Трикс, барон ведь правду сказал. — Иен поежился. — Не надо к регенту! Только хуже будет. Давай наймемся к купцам. Сначала ты, а потом и меня порекомендуешь. Выучимся, денег заработаем...

— А долг чести? — Трикс покачал головой. — Нет, Иен. К утру мы будем в Дилоне и сразу отправимся во дворец.

Иен помрачнел, но спорить не стал. Буркнул:

— Тебе решать... Знаешь что? Давай сейчас ты последишь за лодкой, чтобы к берегу не прибило. У меня глаза совсем слипаются. А как полночи пройдет — разбуди меня. Ты по-

спишь, чтобы свежим к регенту идти, а я буду до самого Дилона за лодкой приглядывать.

Трикс ненадолго задумался. Ему хотелось спать... но Иен поступил так благородно и мужественно, отказавшись от предложения барона... к тому же он прав, лучше поспать утром, чтобы перед регентом выглядеть более достойно.

— Спи, — согласился Трикс.

Иен улегся на дно лодки, подложив под голову мешок с продуктами, и мгновенно уснул. Трикс некоторое время сидел, редкими взмахами весел подправляя лодку. Изредка он оглядывался, но погони не было. То ли барон простил своеволие, то ли не захотел будить стражников и рассказывать им про свой промах.

Хорошо, когда рядом друг! Пусть даже из простого сословия. Сколь часто подлинное благородство... э... как там говорилось в хрониках Ордена ежедневной радости? Сколь часто подлинное благородство таится в невзрачном вместилище, словно древнее вино — в запыленной бутыли...

У рыцарей Ордена ежедневной радости почти все сравнения так или иначе сводились на вино. Ну, иногда еще на пиво. В сражениях Орден не очень прославился, зато оставил после себя множество нравоучительных баллад и хроник.

Иен зябко поежился во сне. Трикс вздохнул, снял плащ и укрыл своего оруженосца. Некоторое время благородный поступок грел его лучше любого плаща, потом Трикс изрядно закоченел. Человек более заурядного воспитания начал бы грести, чтобы согреться. Но Трикс, как и положено наследнику со-герцога, к черной работе питал врожденное отвращение. Поэтому он предпочел мерзнуть, пока горизонт не начал светлеть. Тогда Трикс снял с Иена плащ и разбудил оруженосца.

— Уже пора? — со вздохом спросил Иен, потягиваясь. — Ты чего дрожишь, замерз, что ли?

Трикс гордо промолчал, улегся на дно лодки и обнаружил, что это не слишком-то удобное место для сна. Первую

ночь он спал как убитый, сраженный своим горем, но вот сегодня... сегодня ему точно не уснуть, ведь невозможно уснуть на сырых холодных досках, которые больно врезаются в ребра!

Когда он проснулся, было совсем светло. Его разбудил плывущий в воздухе звон колоколов.

Трикс с трудом распрямился, сел на лавку и огляделся. Лодка была наполовину вытянута на берег и укрыта в высоких камышах. Вдали виднелись каменные башни.

Дилон! Великий город, где живет, по слухам, сто тысяч человек!

А где же Иен?

— Иен! — Трикс встал, разминая затекшие ноги. — Иен!

Тишина.

Куда девался оруженосец?

Трикс спрыгнул на берег и обнаружил перед собой небольшую глинистую площадку, на которой были старательно выцарапаны буквы. Чтобы надпись случайно не затоптали, она была огорожена несколькими сломанными и воткнутыми в глину камышами.

С нарастающим удивлением Трикс начал читать:

ИЗВЕНИ! ПЕРЕТЬ К ХАСУ ГЛУПО. ТЫ КАК ХОШЬ А Я КУПЦАМ НАЙМУС! ПОКА!

— Ну и как ты наймешься? — спросил вслух Трикс. Надпись ответить не могла, и Трикс растер ее ногой.

Потом оглянулся и посмотрел на мешок. Тот явно отощал.

— Мы же хотели побрататься, — сказал зачем-то Трикс, развязывая мешок.

Исчезла одна курица и один каравай.

Ну и свиток с печатью барона, конечно же.

Трикс порылся в карманах. Нет, денег у него Иен забирать не стал.

Вроде как даже и сердиться было не на что. Трикс же сам заявил, что рекомендательное письмо ему не нужно!

— Вот дурак, одно слово — неблагородный, — печально сказал Трикс. Ему подумалось, что хитрый и неблагородный Иен сумел за один день стать ему... ну, почти другом. Вначале стать, а потом перестать... — Когда верну себе трон, то прикажу тебя поймать и выпороть! — пригрозил Трикс шумящим на ветру камышам. С трудом оттолкнул завязшую в глине лодку, выгреб от берега. С надеждой посмотрел на заросший осокой, камышом и пушицей берег.

Нет, Иен не показался на берегу, полный раскаяния, умоляющий простить его бегство...

С тяжелым сердцем Трикс вывел лодку на стремнину. Великий город Дилон ждал его милей ниже по течению.

3

В Дилоне Трикс бывал дважды, но оба раза в детстве — лет десять назад (с тех времен запомнился только вкус разноцветной сахарной ваты и смуглый огнеглотатель, потешающий народ на какой-то площади) и четыре года назад (как ни странно, но опять запомнилось изобилие сладостей, а также капризная Тиана, которая от каждого заезжего мальчишки знатного рода требовала ее развлекать).

Но теперь-то Трикс был взрослым и серьезным человеком, со-герцогом в изгнании, который многое слышал и читал о главном городе княжества! Позволив течению медленно нести лодку вдоль обложенных шоколадными каменными плитами набережных, Трикс с достойным его положения интересом изучал раскинувшийся по обоим берегам город.

Устье реки, плавно расширяясь, текло среди меловых холмов, застывшей патокой спускавшихся к воде.

Правый берег был очень наряден. Купола храмов белыми сахарными головами поднимались среди яркой леденцовой россыпи крыш. Кое-где вонзались в небо башни магов, украшенные причудливыми барельефами, будто пирожное — кремовыми завитушками. Но больше всего взгляд приковы-

вал княжеский замок на вершине холма: могучие стены и пузатые оборонительные башни цвета жженого сахара, грозный могучий донжон из зеленовато-серого, будто фисташковая халва, камня...

Левый берег населяла беднота, и взгляду было почти не за что зацепиться — сплошная мешанина мелких коричневых домишек, будто великан раскрошил в ладонях козинаки и высыпал на склон...

Но удивительнее всего были мосты, под которыми проплывала лодка: на вид невесомые, полупрозрачные, будто мармелад, они были созданы великими магами сотни лет назад из упругого разноцветного стекла. Когда восходящее солнце просвечивало сквозь мосты, на мутные воды реки ложились огромные цветные блики — красные, синие, зеленые, лимонные...

Трикс почувствовал, что у него почему-то урчит желудок, хотя, отчалив от камышей, он успел слопать почти полкурицы. Хотелось чего-то сладкого. Интересно, с чем это могло быть связано? Неужели с тем, что великий князь Дилон, основатель города и могущественный маг, был по преданиям невероятный сладкоежка? Говорят, что умирая, он вселил свою душу в построенный им город...

Уже проплывая под последним, двенадцатым мостом, Трикс сообразил, что так можно и миновать столицу — еще немного, и вольно разлившаяся река вынесет его в эстуарий. Хорошо, если там подберут рыбаки, а то и не выгребешь против течения.

Он схватился за весла, и через четверть часа непривычной работы, наградившей его первыми в жизни мозолями (благородные потертости от рукояти меча и вульгарные потертости от тесных ботинок вряд ли стоит брать в расчет), нос лодки глухо стукнул об увешанный тростниковыми матами дебаркадер. Старая баржа, поставленная на прикол на самой окраине Дилона, была облюбована рыбаками. В ветхих по-

стройках, где когда-то хранили товары, перекупщики скупали и сортировали рыбу.

— Чего привез? — звонко выкрикнул мальчонка лет семивосьми, подбежав к лодке Трикса и приплясывая на месте от избытка энергии. Босые пятки отбивали сумасшедший столичный ритм. — Ага? Чего привез, чего привез?

— Себя, — буркнул Трикс, выбираясь на дебаркадер и захлестывая веревку о деревянный кнехт, выглядевший понадежнее прочих. Утратив к новоприбывшему всякий интерес, мальчишка кинулся обратно к перекупщикам.

— Эй! — Трикса внезапно осенило. — Стой!

— Ага? — Мальчишка немедленно вернулся. Был он темноволосый, загорелый дочерна, с облупившимися плечами, полуголый, в одних лишь штанах до колен: рваных, но зато выкрашенных в ярко-оранжевый цвет. Дилон славился дешевизной красок.

— Лодку хочу продать, — сказал Трикс.

— Ага. — Мальчишка бросил на лодку быстрый взгляд и кинулся вдоль дебаркадера, звонко выкрикивая: — Продается ялик, целый, сработан в со-герцогстве года два назад, сосна горная, просмолен хорошо, весла имеются, один золотой и две серебряные!

Трикс только почесал в затылке, с удивлением поглядывая на свой ялик. Вытащил мешок и стал ждать.

Сильно воняло рыбой. Мимо протащили щелястый деревянный ящик на жердях, в котором мокрой грудой лежало что-то шевелящееся, с широкими шипастыми щупальцами и шероховатой щетинистой шкурой. Из складок на Трикса смотрел свирепый сиреневый глаз.

Не прошло и пяти минут, как к Триксу подошел бородатый невысокий рыбак в грубой холщовой робе и светлой широкополой шляпе. Посмотрел на ялик. Присел, потрогал дерево. Спрыгнул и переступил по дну лодки, что-то проверяя. Спросил:

— Далеко украл?

Трикс подумал секунду и решил не спорить:

— Хозяева не явятся.

Рыбак сплюнул за борт и сказал:

— Золотой.

Но Трикс, преисполнившись внезапным доверием к оценке, данной мальчуганом, помотал головой:

— Золотой и две серебряные!

Рыбак выбрался на дебаркадер. С сомнением посмотрел на Трикса. Потом опустил руку в карман робы и достал пригоршню монет.

— Ладно, договорились... Серебром возьмешь?

— Возьму, — согласился Трикс.

— Ты уж извини, меди нет, — пробормотал рыбак, отсчитывая ему двенадцать полновесных монет. — Мальцу, понятно, серебром где попало сверкать не стоит...

Не успевший удивиться тому, что простой рыбак в столице может запросто достать из кармана двенадцать серебряных монет, Трикс даже не сразу осознал, что его назвали мальцом. Забросил на плечи мешок с остатками провианта, сгреб деньги и побрел к сходням.

— Ага! — Мальчишка в оранжевых штанах подбежал к нему и требовательно схватил за руку. — А мне?

Трикс не стал спорить и молча вручил ему серебряную монету.

— Ага... — с восторгом глядя на деньги, выдохнул тот. — Спасибо!

— Ты где попало серебром не сверкай, — сказал Трикс. — Живо голову свинтят.

— Ага, — кивнул мальчишка и мгновенно спрятал руку в карман. — Не буду сверкать. А ты в город? Ага?

— Ага-ага, — поднимаясь на берег, сказал Трикс. Тут набережная была не столь помпезна, как в центре, но тоже вымощена — жаль лишь, что плиты раскололись и частью утонули в грязи.

— Я с тобой могу чуточку пройти? — неожиданно спросил мальчишка, идя по сходням следом.

Трикс огляделся. И заметил — ибо наблюдательность входит в достоинства рыцаря и ей учатся с детства, — что на его юного спутника косятся несколько ребят постарше, снующих по дебаркадеру. На берегу тоже толкалась компания парней, помладше Трикса, но явно способных вытрясти у малыша серебряную монету.

— Можешь, — разрешил Трикс.

Некоторое время они шли молча. Справа тянулся плохо ухоженный берег, слева — унылые нежилые строения, откуда несло рыбными очистками.

— Следом идут, — уныло сказал мальчик, ускоряя шаги и стараясь идти впереди Трикса.

Трикс обернулся — и впрямь, отиравшаяся на берегу шпана двинулась за ними. Трикс насчитал шестерых.

— Иди спокойно, — решил Трикс. — Сейчас кто-нибудь появится, струсят.

— Ага. Уже появились, — грустно сказал мальчишка. — Сейчас грабить будут.

Впереди действительно возникли двое подростков, ровесников Трикса. Судя по всему — предводители идущей сзади компании.

Трикс поискал взглядом хоть кого-нибудь, кто мог бы прийти на помощь. Но рыбаки и перекупщики остались далеко позади.

Зато под ногами обнаружилась длинная крепкая жердь. Почти с такой же Трикс занимался под руководством капитана стражи, прежде чем ему впервые дали учебный меч. Трикс подобрал жердь, отер грязь о штаны, чтобы руки не скользили, и взял ее боевым хватом, который в учебниках носил красивое название «молодецкая забава»: двумя руками, сжимая кулаки один над другим на вертикально поставленной палке.

Один из подростков, ширококостный и крепкий (сразу видно — высоким не будет, но плечи разнесет о-го-го!), сплюнул себе под ноги и, сделав шаг навстречу, спросил:

— Что, мастер на палках драться?

— Да, — ответил Трикс как можно увереннее. На самом деле никаким мастером он не был, да и с шестом дрался последний раз года три назад. Эх, если бы меч! А еще лучше — меч и кольчугу!

— Грак, тащи мою палку, — велел подросток, приглаживая курчавые волосы. Его спутник живо метнулся к сараям. Трикс обернулся: идущие следом мальчишки остановились, выжидая. Похоже, ему предстояло драться один на один с главарем. Что ж, рыцарское благородство проникает даже в самые низкие души...

— Ага. Он на палках лучше всех в Рыбачьем, — шепнул Триксу его маленький спутник. — А ты умеешь, да?

Трикс мрачно смотрел, как Грак тащит своему дружку палку. Шикарная палка — длиной метра полтора, как и та, что Трикс подобрал в грязи, но явно из хорошего, прочного дерева, отполированная руками, с вмятинами по краям — на палке дрались часто и в охотку, но она так и не сломалась. А у Трикса была обычная буковая жердь...

— Умею, — сказал Трикс, чтобы подбодрить то ли мальчишку, то ли себя.

И вдруг на него накатило вдохновение. Учитель относился к палке с рыцарским презрением, но если ничего другого нет...

— Боевой шест — оружие простое и безыскусное, будто слово воина, — сказал Трикс. — Удары шеста — прямы и честны, нет в них подлости арбалетных болтов и коварства стального клинка. Дерево растет из земли и тянется к небу — так и шест выбивает у врага почву из-под ног и отправляет к небесам! Не дерево крепко — несгибаема воля! Шест — продолжение рук воина, удар — продолжение взгляда воина, победа — продолжение пути воина. Движения боя знакомы мне, как птице взмахи крыльев, а рыбе изгибы плавников!

— Ух ты! — выпалил мальчишка. — Ага! Всыпь ему! Он вечно у всех монеты отбирает! Ага!

Трикс с грустью подумал, что его пламенная речь, достойная хроник и учебников, пропала даром: надо было громче, громче говорить, может, и противник бы испугался! А так — только сопливый мальчишка в восторг пришел...

Но делать нечего — кудлатый предводитель шпаны с городских окраин уже взял шест и шел ему навстречу. Свою палку он держал иначе — параллельно земле, разведя руки довольно широко. Этот хват Трикс тоже помнил, назывался он «душа нараспашку», и применяли его только опытные бойцы...

В следующий миг кудлатый крутанул руки, будто выкручивая корабельный штурвал, его шест описал круг — и стремительно клюнул Трикса одним концом.

Руки у Трикса будто заработали сами по себе. Его шест взмыл навстречу вражескому, отбил отполированное ударами навершие, целящее в лицо Триксу — и заходил короткими злыми выпадами, слева и справа, сверху и снизу...

В глазах у кудлатого появился испуг. Он начал отступать, отбивая удары Трикса и больше не пытаясь атаковать. Но в Трикса вселился демон поединка. Шест в его руках порхал, и даже отбитые удары заставляли врага вскрикивать от боли в руках. А через несколько мгновений противник уже не успевал защищаться — один удар пришелся ему по колену, второй под дых, третий шел в горло, и не останови перепуганный Трикс в последнее мгновение руку, то легко сломал бы противнику шею или размолотил на кусочки челюсть.

— Сдаюсь! — завопил кудлатый, падая задницей в грязь и отбрасывая шест. — Сдаюсь, нельзя лежачего бить!

Трикс остановился. Настоящий рыцарь обязан проявлять благородство даже к врагам низкого происхождения.

— Чтоб никогда больше не смел заступать мне дорогу! — грозно сказал Трикс. — И если обидите этого... — он покосился на малыша, радостно подхватившего шест повержен-

ного противника, — этого невинного ребенка, то я вернусь и переломаю тебе руки и ноги.

— Какой он невинный ребенок! — возмутился кудлатый, одной рукой растирая колено, а другой держась за живот. — Он здесь не живет, а на пристань бегает! А рыбаки его бить не дают, говорят — совсем малёк. Так пусть идет к храмам, милостыню просит!

Трикс поднял шест.

— Хорошо, не будем трогать! — выкрикнул предводитель, быстро отползая и пытаясь встать. — Так бы и сказал, что смертельный бой знаешь!

Трикс с гордостью посмотрел на свою палку, забросил ее на плечо. Сказал наставительно:

— Меня учили драться лучшие мастера в северных горных монастырях.

— Я так и подумал. — Кудлатый поднялся, мрачно посмотрел на своих товарищей. — Нельзя так... при всех... Мне теперь придется каждому морду бить, чтобы не рыпались...

Не снисходя больше до разговора, Трикс и его сияющий от счастья спутник миновали незадачливых грабителей. На Трикса смотрели с уважением и страхом, видимо, поверженный предводитель и впрямь славился своим умением битвы на палках.

— Что ж ты сюда ходишь, если нельзя? — спросил Трикс.

Мальчишка засопел и не ответил. Впрочем, даже далекому ранее от житейских проблем Триксу было понятно — такие места, как рыбный рынок, где ловкий парень может чего-нибудь заработать благодаря острому глазу и ловко подвешенному языку, даже в Дилоне встречаются нечасто.

— Как тебя зовут? — спросил Трикс.

Спутник молчал.

Трикс повторил вопрос, чуть повысив голос.

Мальчишка вздохнул и сказал:

— Халанбери.

— Это в честь древнего героя, который сразил дракона в Серых горах? — вспомнил Трикс. — Ты что, из благородного рода?

— Ага, щас. — Мальчишка шмыгнул носом. — Папаша мой — менестрель, вот и назвал спьяну...

— А почему спьяну? Славное имя! Как там пелось... — Трикс наморщил лоб. — «И взмахнул мечом своим Халанбери, завыли в ущельях дикие звери, закричала женщина голосом человечьим, покатилась голова с белых плеч ее...». Слог архаичный, но герой-то настоящий!

— Ага... Знаешь, как с таким именем дразнят? — грустно сказал мальчик. Противным голоском воскликнул: — Ты уже сразил дракона, Халанбери? Или только тридцать его дочерей?

— Понятно, — пробормотал Трикс, впервые задумавшись о нелегкой судьбе людей, названных в честь героя. — А как же тебя зовут здесь?

— Ага.

— И почему я не удивился? — Триксу первый раз встретился человек, который предпочел насмешливое прозвище настоящему имени, не из-за неблагозвучности, а из-за героичности. — Не переживай. Если станешь рыцарем, тебе громкое имя пригодится.

— Зато если не стану, то всю жизнь будут смеяться. — Мальчик вздохнул. — Спасибо, что не смеялся... А дерешься ты ужас как сильно! Вот из тебя точно бы рыцарь получился!

Трикс с сомнением посмотрел на мальчишку. Спора нет, сражение вышло славное. Даже капитан бы его похвалил. Но, наверное, так получилось исключительно с перепугу...

Они тем временем миновали рыбные пристани и кварталы, где располагались сплошь одни склады. Потянулись кварталы алхимиков, издалека узнаваемые по запаху горелого и едкой вони эликсиров. Впрочем, и дома мастеров, выпытывающих у природы ее тайны, было нетрудно узнать. Все они строились на один, видимо, утвержденный в магистрате, ма-

нер: круглый дом венчала конусовидная крыша из толстых тяжелых бревен, выкрашенная в тревожный красный цвет и козырьком нависающая над стенами. Это делало дома похожими на исполинские ядовитые грибы, всем своим видом предупреждающие: не приближайтесь, опасно! Впечатление усиливал густой кустарник, растущий между домами и оставляющий лишь узкие тропки для прохода. Изгородей алхимики будто не признавали.

— Зачем такие крыши? — спросил Трикс. — Для красоты?

— Ага, — с удовлетворением сказал мальчишка. — Для красоты... Чтобы от взрывов по всему городу зараза не разлеталась. Крыша тяжелая, если алхимик взрывается, то она сверху — бух! И придавливает весь дом. Только не всегда помогает. В прошлом году одна крыша улетела и плюхнулась посередине реки. Рыба кверху брюхом всплыла до самого моря. В городе все ругались, грозили алхимиков выселить, ага! А те в ответ сказали, что перестанут делать краски, отраву и все такое прочее. С них штраф собрали да и оставили в покое...

Трикс опасливо глянул на здания-грибы и ускорил шаг. Квартал алхимиков был небольшой, он узкой полоской отделял рыбацкий и складской районы от остального города. Видимо, хоть торговцы рыбой и закрепились на правом, аристократическом берегу, но соседству с ними предпочли даже алхимиков с их опасным производством.

Впрочем, за кварталом алхимиков тянулась полоска зелени — узкий, но глубокий овраг, когда-то русло реки, а нынче — естественная разделительная полоса между чистыми и нечистыми обитателями правобережья. Через овраг был перекинут каменный мостик, а уже вслед за ним начинались жилые кварталы. Там набережная враз становилась многолюдной: спешили куда-то пешие, продирались мимо людей кареты, проскакал, предоставив остальным право разбегаться из-под копыт, конный.

Трикс уже начал понимать четкую систему обустройства Дилона — или, точнее, его правого берега. Узкий склон холмов у эстуария был занят рыбаками-складами-алхимиками, всем тем, что требовалось городу и приносило изрядный доход, но что не хотелось иметь перед своими глазами и носами остальным жителям. Дальше шли кварталы, не оскорбляющие ни взгляда, ни обоняния горожан; кварталы постепенно переходили в сады, парки и загородные усадьбы. Город, зажатый в узкой речной долине, медленно рос вверх по течению, заглатывая пригороды. И пока конца и края не было видно этому неспешному движению одного из самых больших и богатых городов королевства...

Дороги в городе, в его правобережье, тоже выглядели непривычно: широкие, на которых могли легко разъехаться две кареты, шли с холмов вниз, к воде. Их пересекали дороги поуже, тянущиеся параллельно реке. На пересечении дорог частенько имелись небольшие площади, порой с фонтаном или памятником посредине. Трикс, привыкший к тому, что сперва в городе строят дома, а уж потом задумываются, как между ними протиснуть улочку, на это геометрическое великолепие смотрел с подозрением. Насколько же суровым и неподкупным должен быть магистрат, чтобы поддерживать в городе столь суровый порядок! Нет, конечно, это куда удобнее, чем улицы, описывающие две-три петли и возвращающиеся обратно к тому месту, откуда начинались. Но слишком уж бессердечно. Попахивает тиранией.

Впрочем, на левом берегу все было куда привычнее. Даже через реку Трикс видел беспорядочную мешанину улиц, приобретающую хоть какую-то логику только перед мостами.

— Ну, пока! — Маленький обладатель слишком большого имени дернул его за рукав. — Пока, говорю! Ага?

Трикс растерянно посмотрел на мальчика. Во всех балладах и хрониках герой, прибывая в чужой город, немедленно выручал из беды какого-нибудь беспомощного местного

жителя: голодного ребенка, побиваемую камнями воровку, сумасшедшего прорицателя, дряхлого воина или загадочного чужеземца.

Все это служило залогом большой и крепкой дружбы. Благодарный ребенок знакомил героя с городом; воровка, умывшись, становилась неописуемой красавицей и влюблялась в спасителя; прорицатель выдавал несколько ценных предсказаний и начинал таскаться за героем, засыпая его советами; воин обучал секретным ударам; чужеземец оказывался принцем в изгнании и мастером боя на таких странных предметах, в которых никто в здравом уме не заподозрил бы оружия — к примеру, на кошачьих чучелах или мокрых вениках.

Как-то все шло неправильно...

— И куда ты направишься? — спросил Трикс.

— А? — Мальчишка даже чуть удивился. — Домой пойду. Я там вон живу... — Он махнул рукой вверх. Каменная дорога петляла между оврагами и домами алхимиков к вершине холма, где среди зеленых садов сверкали белизной и лазурью крыши богатых особняков.

— Ого, — настал черед Трикса удивляться. — Ты там живешь? А я думал — через реку...

Мальчишка переступил босыми ногами, кивнул:

— Нет, я наверху живу. Ага. У меня папа — садовник у магистра гильдии колесников.

— Ты же говорил, он менестрель, — напомнил Трикс.

— Ага. Был, пока голос не пропил, — кивнул мальчик. — Ну, пока! Ты дерешься как настоящий воин. Если будешь сражаться на арене, я на тебя поставлю все, сколько будет!

И он бодро припустил в гору, размахивая руками и не оглядываясь на Трикса.

Трикс вздохнул. То, что он сражается как воин, было приятной неожиданностью. Возникали всякие интересные планы.

А вот то, что вслед за оруженосцем его покинул даже мелкий беспутный мальчишка — это огорчало. Получалось, что никого Трикс особо не интересовал.

Он со страхом подумал, что коварный со-герцог Сатор Гриз был в чем-то прав.

Большие города очень любят юношей из провинции. Они готовы предложить им массу развлечений: игру в карты и кости; проворных, доброжелательных карманников; продавцов древних карт, любовных эликсиров и редких амулетов; грудастых, обильно припудренных женщин с усталыми взглядами; лошадиные скачки и тараканьи бега; поединки бойцовых василисков и схватки дрессированных крокодилов; замечательные уютные харчевни, где никто не спросит твой возраст, если ты решил заказать вина двойной или тройной перегонки.

Когда у юношей кончаются деньги (при встрече с карманниками это происходит очень быстро, в других случаях дело растягивается на несколько часов), они редко возвращаются домой. Обычно им хочется остаться в большом городе и взять реванш за неудачное знакомство.

И город щедро предоставляет им такую возможность. Юные искатели приключений начинают играть в карты и кости; тренируют пальцы и лезут в карманы к приезжим; рисуют древние карты и варят любовные эликсиры; оказываются на содержании некрасивых, старых, но богатых женщин; тренируют лошадей и ловят по мусорным ямам самых быстроногих тараканов; убирают навоз за василисками и объедки за крокодилами или выметают полы в харчевнях...

Трикс, не подозревая об уготованной ему судьбе, шел по набережной. Когда четырнадцать лет назад придворный астролог привычно врал Рату Солье, что первенец со-герцога родился под счастливой звездой, он и не предполагал, как его слова близки к истине. Вот и сейчас Трикс, чудом увернувшись от несущегося на полном скаку всадника, успел при-

жать к каменному парапету суетливую руку обаятельного молодого человека, приехавшего в столицу три месяца назад, тут же прогоревшего на скачках и освоившего новую профессию — совать руку в чужие карманы. Обаятельный молодой человек, которому неуклюжее движение Трикса стало в перелом мизинца, вытаращил глаза, побледнел и быстро двинулся куда подальше. У него не было никаких сомнений, что простоватый с виду паренек специально и очень расчетливо прижал его руку.

А между тем все дело было именно в удаче! Звезды, конечно, на человеческие дела никакого влияния не оказывают. Им, звездам, люди глубоко безразличны. Тем более что все люди рождаются с совершенно одинаковой удачей, вот только проявляется она в разных ситуациях.

Невезучий торговец, который каждый день клянет судьбу, мог бы стать успешным скульптором. Игрок в кости, которому не идет фарт, преуспел бы в выращивании тюльпанов. Землепашец, чьи посевы сжигает засуха, бьет град и пожирает жучок, легко победил бы в соревновании лучников, что проводится в славном городе Ангурине в самую дождливую, ветреную и безлунную зимнюю ночь.

Причина, по которой каждому человеку удача способствует лишь в определенных начинаниях, крайне занимательна. Если бы она стала широко известна, жизнь людей, несомненно, обратилась бы к лучшему!

К сожалению, двадцать лет занимавшийся этим вопросом Абуир, ученый из жаркого Самаршана, был феноменально неудачлив. Когда разгадка была уже близка, возбужденный ученый опрокинул масляный светильник, и пожар поглотил его лабораторию вместе с результатами исследований. Разочаровавшийся Абуир навсегда порвал с наукой, ушел в горы, прибился к лихим людям и уже через два года прославился от моря до моря как самый свирепый, везучий и бесшабашный разбойник.

Так что никто, включая самого Трикса, не знал, в чем кроется его удача и в какой миг она от него отвернется. Как ни печально, но неизвестным это останется и для нас...

Трикс шел по набережной, глазея на нарядные особняки. Чем дальше Трикс удалялся от рыбаков и алхимиков, тем роскошнее становились виды. Перед особняками появились уютные палисадники и зеленые лужайки, сами здания обросли балконами и террасами, подперлись колоннами, покрылись разноцветной глазурованной плиткой и резными деревянными панелями. Окна — сплошь застекленные, причем стекла прозрачные, чистые, без пузырьков и трещин. В маленьких парках, выходящих к реке, играли в траве малыши, за ними приглядывали суровые гувернантки в длинных платьях и с бумажными зонтиками от солнца. Повсюду сновали торговцы с лотками, заваленными сладостями, фруктами и закупоренными кувшинчиками с лимонной водой. Трикс, который и без всякого волшебства был сладкоежкой, купил большой комок арахисовой халвы, кувшинчик с водой и присел на парапете. Отщипывая липкую сладость, он задумчиво поглядывал на княжеский замок.

Идти к регенту прямо сейчас?

Или найти постоялый двор, отдохнуть, сходить в баню, купить чистую одежду — чтобы выглядеть достойно со-герцога в изгнании?

Сложный вопрос... Согласно хроникам, некоторые благородные люди в его положении не считали нужным наводить лишний лоск: так и шли — грязные, оборванные и окровавленные, чем подчеркивали серьезность своего положения. Но другие изгнанники предпочитали привести себя в порядок, чтобы показать: дух их не сломлен, а благородство неизменно...

Раздумья Трикса прервало появление двух молодых людей, явно из богемы, похожих друг на друга, будто братья. Юношам было лет по шестнадцать-семнадцать, одеты они были в штаны из зеленого вельвета, кружевные батистовые

рубахи и короткие курточки из коричневого бархата. Завитые белокурые локоны выбивались из-под шапочек, из которых торчало по три перышка: красное, синее и зеленое. У обоих в руках были папки, набитые бумажными листами, а из нагрудных карманов разноцветной гребенкой виднелись цветные карандаши. Даже Трикс без труда опознал в них подмастерьев из славной гильдии художников.

Мимолетно глянув на Трикса, юноши присели рядом и откупорили кувшинчики — то ли с водой, то ли с легким вином.

— Жаль, времени было мало, — огорченно сказал один из юношей. — Я только-только сумел палача набросать...

— Ничего, я самозванца рисовал, — похвалился второй, делая большой глоток. — Перерисуешь.

Утолив жажду, они раскрыли папки и стали разглядывать рисунки друг у друга. Любопытствуя, Трикс вытянул голову, вглядываясь в эскизы. Его движение заметили, но подмастерья оказались славные ребята и ругаться не стали. Напротив, развернули рисунки в его сторону.

— Здорово! — сказал Трикс, чувствуя, что обязан выступить в роли благодарного зрителя, и облизнул липкие от сладостей пальцы.

Впрочем, эскизы и впрямь оказались хороши. На одном листе быстрыми взмахами толстого угольного карандаша был набросан силуэт палача — голого по пояс, широкоплечего, в закрывающем лицо колпаке и с вьющимся змеей кнутом. Колпак и кончик кнута были небрежно выделены красными штрихами. Кого лупил палач, было непонятно.

На другом эскизе был изображен мальчишка-подросток, лежащий на животе, с исполосованной кнутом спиной. Жертва одновременно орала, ревела и гримасничала.

— Мне тоже нравится, — скромно сказал автор эскиза. — Жаль, пороли недолго, регент сегодня добрый.

— А что с ним сталось? — спросил Трикс, преисполняясь к выпоротому невольным сочувствием.

— Десять ударов кнута — и три года вразумительных работ. То ли на рисовые поля отправили, то ли подпаском на дальние выгоны. Я же говорю: регент добрый был.

— А за что его?

— Самозванец. — Подмастерье, нарисовавший палача, сплюнул за парапет. — Приперся сегодня с утра к дворцу и стал кричать, что он, со-герцог Трикс Солье, молит регента о защите и помощи.

— Так ему и надо, самозванцу! — свирепо сказал Трикс. — Регент его сразу раскусил, верно?

— Да регент к нему и не выходил. — Подмастерье засмеялся. — Все знают, малолетнего Трикса зарубили, когда он покушался на Дэрика Гриза. Сам Дэрик и зарубил. Так что регент сразу объявил: каждого, кто назовет себя чудом спасшимся Триксом Солье, пороть кнутом и отправлять на вразумительные работы. Говорят, таких хитрецов уже по всему королевству встречают...

Трикс молчал, не в силах произнести ни слова. Уши у него пылали. А подмастерье, не замечая его реакции, мечтательно произнес:

— Эх, жаль меня там не было... Говорят, со-герцогиня госпожа Реми Солье все законы Высокой Смерти соблюла! Облила себя светильным маслом, подожгла, потом кинжал в сердце воткнула, а вдобавок еще из окна башни выпрыгнула! Вот бы такое увидеть и нарисовать: как герцогиня, объятая свирепым пламенем и пронзенная острой сталью, с изменившимся лицом падает из окна! Я бы картину назвал «Пылающая аристократка». Нет, лучше «Смерть со-герцогини Солье, или Кто падает из окна»!

Бац!

Кулак Трикса ударил подмастерье в челюсть. Зубы у парня клацнули, он слетел с парапета и упал спиной на мостовую. Кувшинчик в его руке разлетелся, бледно-розовое, разведенное водой вино брызнуло во все стороны.

— Ты чего?! — закричал второй художник, отступая от Трикса на пару шагов. — Ума лишился?

Как правило, подмастерья рады подраться. Но эти двое оказались натурами слишком артистическими, способными любоваться поркой маленьких самозванцев или падением пронзенных и горящих герцогинь, но никак не опускаться до потасовки.

— Вот бы увидеть?! — кричал Трикс, бесстрашно наступая на двух парней, куда старше и крупнее его самого. — Вот бы увидеть, да?

— Псих... — держась за челюсть, пробормотал юный художник. — Я стражу позову!

— Я тебя вызываю на дуэль! — закричал Трикс, шаря рукой у пояса. Увы, у него не было ни меча, ни кинжала, так что со стороны его движения выглядели так, будто он пытается подтянуть сползающие штаны.

Видимо, эти нелепые движения придали подмастерьям храбрости. Небитый помог битому подняться. Тот сплюнул красным, пошатал пальцем зубы, после чего засучил кружевные обшлага и отважно двинулся к Триксу. Следом сделал шаг и его друг.

Но драки не вышло.

Из густеющей вокруг драчунов толпы вышел и встал между подмастерьями и Триксом седой кряжистый человек в моряцком бушлате. Один его глаз прикрывала аккуратная черная повязка, что делало мужчину похожим на старого пирата из детской книжки. К тому же он прихрамывал, на лице его было несколько давно заживших шрамов, а на поясе висел абордажный тесак, какой на суше позволялось носить лишь офицерам.

— Суши весла, юнги! — Мужчина смерил подмастерьев строгим взглядом, а Триксу погрозил пальцем. — Что за птичий базар?

Выглядел мужчина так живописно, что и Трикс, и подмастерья замерли.

— Этот... эта свинья... — подмастерье указал на Трикса, — ударил меня по зубам!

— Если свинья, то «ударила», будь последовательным. — Одноглазый поморщился. — А что скажешь ты, забияка?

— Он оскорбил ма... — Трикс запнулся. — Оскорбил согерцогиню Реми Солье!

— Ничего я ее не оскорблял! — возмутился подмастерье. — Храбрая тетка, я бы ее в героическом полотне отобразил!

Трикс опять рванулся вперед и был пойман твердой рукой одноглазого.

— Так! — сурово сказал мужчина. — Я вас выслушал и все понял. Слушайте мое решение!

Голос его был так убедителен, что никто даже не поинтересовался, как можно все понять из сумбурных объяснений и кто вообще дал право одноглазому моряку выносить какие бы то ни было решения.

— Ты. — Моряк выхватил свой тесак и свирепо указал им на побитого художника. — Ты неуважительно высказался об аристократке. За это и пострадал!

Молодой художник шмыгнул носом.

— Ты! — Теперь тесак указывал на Трикса. — Стремление заступиться за даму благородно, но за драку на улицах нашего славного города полагается наказание плетями! Дабы не утруждать правосудие, плети я тебе выдам лично, на палубе своего славного корабля «Асиопа»! Десять ударов плетью-девятихвосткой!

Толпа вокруг ахнула, и Трикс понял, что наказание его ждет суровое. Он попытался рвануться в сторону, но толпа радостно преградила ему дорогу, а одноглазый моряк крепко схватил его за шиворот и потащил за собой.

— Господин... э... господин моряк! — кричал вслед побитый подмастерье. — Не надо десять! Пять-шесть будет вполне достаточно!

Нельзя было не признать, что юноша проявил определенное благородство. Но Триксу сейчас было не до благостных

мыслей о великодушии, чьи ростки есть даже в богемных личностях. Он болтался в руках одноглазого моряка, едва успевая перебирать ногами, чтобы не упасть. Моряк тащил его по ведущей в гору улице, все дальше и дальше от реки. Несколько увязавшихся следом зевак отстали, когда моряк злобно зыркнул на них единственным глазом.

— Господин... — слегка кривя душой, воскликнул Трикс. На господина моряк никак не походил, но надо же было как-то к нему обращаться. — Могу ли я заплатить пеню...

— Три якоря тебе в глотку, бизань-мачту в седалище! — выругался моряк. — Неужели ты вздумал подкупить капитана Бамбура, грозу Лилового океана и ужас Хрустальных островов? Получишь еще два удара плетью!

Внезапно Трикс почувствовал легкое сомнение. Суровый моряк тащил его в гору, где очень проблематично было обнаружить палубу славного корабля «Асиопа» и грозную плеть-девятихвостку. Да и говорил моряк как-то уж больно... по-моряцки.

— Я сейчас стражу крикну, — негромко, но с угрозой произнес Трикс.

— Молчи, дурак! — понизив голос, ответил капитан Бамбура. — Сейчас...

Он втащил Трикса в переулок, такой узкий, что там не смогли бы разойтись два человека. Высокие, в три-четыре этажа дома заслоняли небо, оставляя лишь узкую полоску, на фоне которой трепетало развешенное на веревках мокрое белье. На окне второго этажа сидел черный кот и орал дурным голосом, требуя, чтобы его впустили.

— Не зевай! — Капитан Бамбура отпустил Трикса, подозрительно глянул налево-направо и открыл маленькую дверь в стене. Нырнул туда и позвал: — За мной!

Трикс заколебался.

— Трикс, быстрей... бушприт тебе в подмышку! — рявкнул моряк.

Услышав свое имя, Трикс вздрогнул. Секунду поколебался — а потом нырнул в дверь вслед за моряком.

* * *

Несколько секунд пришлось ждать, пока глаза привыкали к темноте. Трикс и капитан Бамбура оказались в крошечной комнатушке, заваленной пыльными тряпками. Свет едва-едва проникал сквозь ведущую в глубины здания дверь. Помимо света в дверь проникал запах жареного мяса и легкий ровный шум, какой издает толпа, пытающаяся не шуметь. Причем в шуме угадывались детские голоса... Богатое воображение Трикса сразу нарисовало ему невольничий рынок, на который пираты заманивают мальчиков и девочек — после чего ставят раскаленным железом клеймо и продают с аукциона.

Трикс снова с подозрением уставился на Бамбуру.

— Быстрее, молодой человек. — Моряк устремился к двери. — Я едва не опоздал!

Где-то за стенами грянул выстрел и раздался пронзительный женский визг. Трикс вздрогнул.

— Вот видите, со-герцог, у меня три минуты до выхода! — Бамбура снова ухватил Трикса за плечо, протащил через комнату. Коридор, в котором им навстречу пробежали (Трикс часто заморгал): три голых черных дикаря в набедренных повязках и с копьями, молодой парень, держащий вертел с куском жареного мяса, прелестная юная дева в белоснежном платье, почему-то измазанном на груди красной краской, и рыцарь в давно уже немодных цельных доспехах. Впрочем, для человека, несущего на себе сорок килограммов железа, рыцарь бежал подозрительно легко и бесшумно.

— Это что? — беспомощно воскликнул Трикс. Но капитан Бамбура уже впихнул его в крошечную, но зато ярко освещенную каморку. Основным предметом интерьера здесь служило большое, пусть и старое зеркало, на столике перед которым горел целый ряд свечей. Также на столике валялись пуховки, коробочки с пудрой и румянами, тени, тушь для ресниц и прочие вещи, которые Триксу доводилось видеть в будуаре у матери, но никак не в руках мужчины.

У столика стояло продавленное кресло, куда немедленно бухнулся капитан Бамбура. Вдоль стены тянулась узкая кушетка, на которой валялся и похрапывал тощий и высокий человек, в данный момент скрючившийся в три погибели.

— Требую объяснений! — не выдержал Трикс. — Кто вы такой?

Капитан Бамбура, бодро прохаживающийся по лицу пуховкой, вымазанной в пудре кирпично-красного цвета, оттянул черную повязку и посмотрел на Трикса обоими глазами. Скрытый повязкой глаз оказался ничуть не хуже своего доступного миру соседа. Другим движением капитан приподнял седую шевелюру, под которой обнаружились черные волосы. Сразу стало ясно, что Бамбуре лет тридцать, ну, может быть, тридцать пять. Уж никак не старше!

— Ты Трикс Солье, так?

Трикс вздохнул и кивнул.

— Помнишь, два года назад в зимние праздники заезжие актеры играли в замке со-герцога пьесу? «Заблуждения мудрости, или Многие печали маленького эльфа»?

Трикс смущенно кивнул. Пьесу он помнил, хотя, конечно, не слишком-то достойно почти взрослого человека смотреть детскую пьеску про эльфов и гоблинов. Отец так и вовсе над ним посмеивался. Но Триксу понравился и отважный эльфийский принц, сражающийся с королем гоблинов за свою украденную старшую сестру, и сама старшая сестра, и даже коварный король го...

— Вы! — завопил Трикс. — Вы король гоблинов!

Моряк Бамбура откашлялся. Он выглядел польщенным.

— Временами — да, молодой человек. Так вот, я себя чувствую обязанным. Наш театр был, прямо скажем, в бедственном положении. Щедрость вашей светлости... и покойной со-герцогини, конечно же... нас спасла.

Трикс покраснел. Он и впрямь уговорил мать хорошо наградить бродячих актеров.

— Мне очень понра... — начал Трикс.

Но тут в дверь застучали. Кажется, сапогами. Раздался рев:

— Бамбура! Почему не на сцене? Альби уже минуту как ищет тебя в трюме, зрители начинают смеяться!

Бамбура вскочил и с быстротой молнии выскочил в дверь. Трикс успел лишь заметить, что орал на грозного капитана маленький толстенький человечек в одеждах шута... слишком шутовских одеждах, чтобы их носил настоящий шут.

Дверь закрылась. Трикс задумчиво посмотрел в зеркало. Что ж, судьба ему все-таки улыбнулась. Пусть он не встретил положенных герою покровителей, но даже на подмостках театра можно перевести дух и поразмыслить, что делать.

Откуда-то (совсем близко) донеслись аплодисменты. Трикс вздохнул: посмотреть, что происходит на сцене, очень хотелось.

Тело на кушетке пошевелилось и, не поворачиваясь к Триксу, просипело:

— Поверните картинку на стене, молодой человек. За ней будет маленькая дырочка, в нее и смотрите.

Опасливо поглядывая на догадливого незнакомца, Трикс подошел к небольшой картине, висевшей на стене. Трикс, немного интересовавшийся живописью, взглянул на картину повнимательнее и решил, что она не стоит холста, на котором нарисована. Неведомый художник изобразил таинственно улыбающуюся женщину на фоне унылого пейзажа. Улыбка у женщины была такая вымученная, что складывалось ощущение, будто художник несколько часов не давал натурщице отлучиться по естественным надобностям. С чувством пропорции у живописца тоже не все было в порядке, а уж преобладание унылых коричнево-желто-зеленых тонов лишало картину всякой привлекательности.

Зато в дырочку, спрятанную за картиной, открывался замечательный вид. Дырочка была проверчена в противоположной от сцены стене где-то над головами зрителей. Далековато, но зато все видно.

И слышно.

— Киль тебе в фарватер! — закричал на сцене капитан Бамбура. — Как ты мог подумать, Альби, что я брошу тебя на растерзание туземцев?

— Гав, гав, гав! — жизнерадостно залаяла маленькая белая собачка, прыгая вокруг Бамбуры.

— Нет, Альби! — воскликнул Бамбура. — Мы не будем сражаться с туземцами, мы победим их хитростью! Скажите, друзья, куда ушли туземцы?

— Туда! — завопил зал тонкими голосами. Трикс всмотрелся в зрителей, потом вернул картину на место и спросил:

— Скажите, а вы играете только для детей?

— Мы не играем, а даем представления, — кисло отозвался человек с кушетки. — Нет, не только. Еще для их родителей и гувернанток.

— А я-то по этим крикам решил, что тут продают малолетних рабов, — признался Трикс.

— Нет, здесь малолетним рабовладельцам продают старых бедных актеров, — мрачно ответили с кушетки. — Если ты не против, юноша, я посплю еще четверть часа. Мой выход только в финале, и то меня проносят мертвого на носилках...

Трикс вздохнул и сел в кресло перед зеркалом.

Покосился на картинку.

Нет, все-таки в ней что-то есть...

4

— Какое удивительное коварство! — восхищенно сказал Бамбура. — Отпустить наследника свергнутого властителя, чтобы собственный сын боялся мести и не расслаблялся!

Трикс вздохнул. Честно говоря, он не был склонен радоваться коварству Сатора Гриза.

— Интрига, достойная пера Гила Гильена, — продолжал Бамбура. — Он бы написал трагедию. Как «Руста и Помпи-

лико»! Или трагикомедию. Как «Юлай и Юлайя»! Или комедию. Как «Клео и Кагана»!

— И назвал бы ее «Трикс и Гриз», — кислым тоном сказал актер, сыгравший в конце пьесы труп туземного короля. — Бамбик, успокойся. Гил Гильен все свои истории придумывал или воровал у коллег. Ничего реального он никогда не писал. Боялся, что какой-нибудь благородный господин разгневается и прикажет высечь его розгами.

Трикс не особо интересовался делами комедиантов, но все-таки кивнул. Эта версия показалась ему куда более реальной.

Спектакль закончился час назад, и с тех пор Трикс сидел в комнате с зеркалом и притираниями. Компанию ему составляли Бамбура — как уже понял Трикс, для простоты актеры звали друг друга на сцене настоящими именами — и тощий смуглый мужчина, игравший туземного короля. Звали его то ли Шараш, то ли Жараж, Трикс никак не мог уловить произношения и на всякий случай сам называл актера неразборчиво, гундося и пришепетывая, будто сраженный неожиданным насморком.

Бамбура вернулся сразу после торжественных похорон Шараша-Жаража, за которыми Трикс с любопытством наблюдал через дырочку в стене. Белую собачонку Альби отважный капитан держал под мышкой. Оба выглядели уставшими. Собачонка обнюхала Триксу ноги, тявкнула и побежала в угол, где стояла мисочка с водой. Пила она жадно, будто благородный рыцарь наутро после празднества, негодующе фыркала и разве что не ругалась вполголоса по-собачьи. Бамбура же, радостно напевая песню желтокожих рабов: «На волю, на волю, хотим мы на волю...», принялся разоблачаться. Скинул свои моряцкие одежды, оружие, сапоги, снял и повязку. Отвязал мешочки с тряпьем с плеч и бицепсов, распустил ремень, выпуская на волю тугой животик. Оставшись в пестром штопаном трико, какие носят акробаты и жонглеры, уселся за стол и добродушно подмигнул Триксу. Следом

вошел только что похороненный Шараш-Жараж с большим куском жареного мяса, источающим аппетитный запах.

— Очень удобно, — пояснил Бамбура. — В середине второго акта туземцы жарят на костре мясо. Ну, вроде как они поймали моего старшего помощника, тот все равно такой негодяй, что его детям не жалко... Потом рыцарь Кристан мечом, а невинная девица Глиона ором прогоняют туземцев, те убегают вместе с мясом — и мы его делим после спектакля на всех.

— А... это... — Трикс подозрительно уставился на кусок мяса.

— Ну что ты! — Бамбура замахал руками. — Что ты! Где бы мы каждый день брали такого колоритного негодяя на роль старшего помощника? Обычная говядина с рынка. Признаюсь, она немного пахла, но мы ее натерли уксусом и прожарили посильнее.

Успокоенный Трикс поел вместе с актерами (Альби требовательным лаем напомнил, что и ему полагается кусок). А потом рассказал свою историю, начиная с того утра, когда отправился к отцу в тронный зал...

— Ты не прав, Ш(ж)араж(ш)! — пылко произнес Бамбура. Трикс опять прислушался, но так и не разобрал имени смуглого. — Если мы придумаем пьесу, в которой расскажем историю бедного паренька, то зрители возмутятся несправедливостью! Народный ропот дойдет до князя, а то и до самого короля!

— Ну да, — кисло ответил Шараш-Жараж. — Только вначале ропот дойдет до Сатора Гриза. Тот пошлет одного-единственного асассина, который ночью перережет горло и Триксу, и всем нам.

— Тогда надо пьесу сочинить иносказательно! — Бамбура взмахнул рукой. — Так, чтобы узурпатор ничего не понял!

— И никто тогда не поймет... — дожевывая свой кусок мяса, сообщил Шараш-Жараж. — Я уж не говорю про то, что пьесу сочинить — это не шутка. Это уметь надо! Помнишь,

ты пробовал трагедию сочинить? Про девушку, которая отправилась проведать свою больную бабушку, как ее по дороге встретил разбойник и...

Шараш-Жараж покосился на Трикса и вдруг закашлялся, будто поперхнулся. А откашлявшись, закончил сухо и коротко:

— Ерунда ведь получилась. А ты хочешь о государственном перевороте рассказать, да еще так, чтобы зрители встали на сторону Трикса!

Бамбура неохотно кивнул. Потом произнес:

— И все-таки я отправлюсь к господину Майхелю. Скажу, что случайно встретил на улице своего двоюродного племянника и хочу пристроить его в труппу. Не откажет! Нам давно нужен юноша на детские роли!

— А юноша хочет? — полюбопытствовал Шараш-Жараж.

Трикс помрачнел, зато Бамбура от своей идеи пришел в восторг и возражений не слышал. Ободряюще похлопал Трикса по плечу, сказал:

— Сейчас. Подожди чуток.

Он вытер о грязную тряпичную салфетку жирные руки, подтянул сползшие штаны (если человек от природы скорее худ, то после еды ему приходится распускать ремень, если же человек скорее толст, то штаны приходится подтягивать на то место, где должна быть талия) и вышел из каморки.

— Бамбура — добрый человек, — задумчиво сказал Шараш-Жараж. — Однажды он подобрал собачку. С тех пор играет вместе с Альби. Хотя по сюжету у капитана был попугай...

— Господин... Жараш... — неуверенно начал Трикс.

— Что-то ты гугнявишь, будто наш добрый Бамбура. Меня зовут Ш-а-р-а-ж, — отчетливо выговорил комедиант. — Славное горское имя. Означает «любимец родителей»... Скажи, ты и впрямь хочешь пристать к нашей труппе и бродить по дорогам королевства, разыгрывая представления?

Трикс помедлил. Ему было стыдно отвечать честно.

— Ну, ну! — подбодрил Шараж.

— Не уверен, господин Шараж. Если бы и впрямь было можно сыграть пьесу так, чтобы злодеи были посрамлены, а справедливость восторжествовала...

— Нет. — Шараж покачал головой. — Не путай искусство комедианта с жизнью, юноша. Да, порой мы играем на сцене так, что в зале плачут и грубые каменщики, и суровые палачи, и гулящие девицы. Даже благородные господа, особенно если сядут смотреть представление с бутылочкой старого вина, могут пустить слезу. Но театр — отдельно, жизнь — отдельно. Мир не театр, люди не актеры. Останешься с нами — голодать не придется, веселье в жизни гарантировано, мир посмотришь. Но ты, я полагаю, хочешь иного...

— Я должен вернуть себе отцовский трон. Я обещал. — Трикс помялся, глядя на невозмутимого Шаража. — А точно ли не получится пылким словом барда и вдохновенной игрой лицедеев покарать злодеев?

— Не получится. — Шараж покачал головой. — Я мог бы рассказать тебе историю про одного мальчика-горца, который убежал из разоренного поселения, мечтая отомстить врагам. Маленький дикарь прибился к бродячей труппе, и молодой актер, сам немногим его старше, по доброте сердца покровительствовал мальчику, учил играть на сцене и говорить без акцента. Актеру всегда хотелось стать сочинителем, он даже написал пьесу про то, как маленький горец скитался по горам. Как он от медведя ушел, и как от стаи волков ушел, и как от бешеной лисицы ушел... как он могучего барса с помощью тяжелой дубины одолел... — Шараж задумчиво посмотрел на свои ладони, и Трикс вдруг заметил, что руки Шаража покрыты старыми, давно зажившими шрамами. — Ничего не получилось. Никто судьбой горца не проникся.

— Угу. — Трикс кивнул. — А что бы вы мне посоветовали? Ну, чтобы отомстить?

— Князь тебя слушать не станет. — Шараж покачал головой. С сомнением посмотрел на Трикса. — Ты умеешь сражаться?

— Да! — гордо сказал Трикс, вспомнив недавний поединок.

— Я могу дать тебе совет, мальчик. — Шараж помедлил. — Но он потребует от тебя тяжелого труда и долгих лет ожидания. Пять, десять, двадцать лет... не меньше.

Трикс помрачнел. Подобно любому юноше, он не любил строить такие долгие планы. Ну как можно загадывать на двадцать лет вперед, если тебе всего четырнадцать?

— Ну? — полюбопытствовал Шараж.

— Если другого выхода нет... — Трикс посмотрел актеру в глаза. — Научите меня!

Шараж кивнул. Кажется, он ждал именно этого слова: «научите».

— Не пытайся доказать свои права, это у тебя никогда не получится. Запомни, всегда законен тот владыка, что сидит на троне! В лучшем случае ты получишь плети и насмешки. В худшем — место в темнице или нож в спину.

— Что же мне тогда делать?

— Попробуй стать оруженосцем и выслужиться в рыцари. Заново получить дворянство — не за происхождение, а за собственную доблесть и подвиги. Если ты прославишься, то сможешь вызвать своего врага на поединок, будь он даже герцогом. Сталь решает проблемы не хуже, чем слово короля.

Трикс молчал. Нет, мысль о том, как он вызывает подлого Сатора на поединок и, обломав о него копье, рубит напополам мечом, была сладостной. А если потом еще призвать на благородное ристалище Дэрика и долго гонять вдоль ликующих трибун, охаживая могучей рыцарской дланью...

— Это трудно, — сказал Шараж. — Тебе придется стать воином. Настоящим могучим воином, таким, о котором слагают баллады.

— Баллады... — сказал Трикс. — Скажите, Шараж... а как вы сумели победить свирепого барса?

Шараж вздохнул:

— Как, как... Я же горец! Вначале я его огрел тяжелой острой палкой, а потом воткнул ее в горло и провернул два раза. Кровищи было — прямо скотобойня! А как он выл в ночной тиши!

Трикс сглотнул. Он предпочитал не задумываться, из чего получается колбаса и каким образом выглядит победа над свирепым хищником. Конечно, сыну и наследнику со-герцога доводилось ездить с отцом на охоту. Но там, как правило, зверя расстреливали из луков, после чего слуги куда-то уносили тушу, а через некоторое время готовили вкусный обед из свежатины...

— Вы герой, — сказал Трикс. — Спасибо большое. Я постараюсь стать настоящим воином.

Шараж задумчиво смотрел на закрывшуюся вслед за мальчиком дверь. Потом, печально улыбаясь, достал из-под своей койки пузатую бутыль с крепким вином и налил две полные чаши.

В этот момент и вернулся Бамбура — смущенный, но не теряющий оптимизма. Подхватил с пола Альби, радостно лизнувшего актера в нос.

— Майхель сегодня не в духе, — начал Бамбура прямо с порога. — Но ничего! День-другой, и он увидит, что в тебе есть прирожденная артистическая жилка... Трикс?

— Мальчик ушел, — сказал Шараж. — Мы поговорили, и я объяснил ему, что искусством мир не исправишь.

— Зачем? — возмутился Бамбура, опуская собачонку на пол. — И куда он теперь пойдет?

— Думаю, попытается стать рыцарем. — Шараж протянул другу чашу с вином. — Сомнительный выбор, в нем нет ни должного телосложения, ни той душевной простоты, с которой надо колотить живого человека по голове острым железом. Честно говоря, я понимаю, друг мой, почему ты ре-

шил пристроить мальчика в нашу труппу. Из него, возможно, получился бы неплохой правитель для мирного и богатого герцогства. Но интриговать, чтобы вернуть себе престол? Освоить торговое дело, разбогатеть до неприличия, разорить врага и купить свои бывшие владения? Стать закованной в железо горой мускулов и мечом проложить путь к трону? Пойти в асассины, бесшумной тенью прокрасться в спальню Сатора Гриза и забить узурпатора ночной вазой? Нет, это все не для него.

— Но ты посоветовал ему стать рыцарем! — возмутился Бамбура.

— Да, — кивнул Шараж. — Потому как вспомнил одного юного горца, который хотел отомстить, но так и не отомстил. И его друга, урожденного барона Лиандра, по малолетству лишенного престола и прибившегося к комедиантам...

Бамбура вздохнул и сел за стол. Взял чашу с вином, пригубил. Пробормотал:

— Ну и что с того? Виол — хороший правитель. Куда лучший, чем был бы я. В семь лет такую интригу закрутить! Увлечь десятилетнего брата искусством лицедейства и так ему голову заморочить, чтобы он сам, добровольно, убежал с бродячими комедиантами! Еще и одежду старшего брата нашли на берегу речки, и три свидетеля объявилось, чтобы официально и без канители признать наследника утопшим! И это все Виол организовал в семь лет! Настоящий талант!

— Талант... — без энтузиазма признал Шараж. — Наверное, таким и должен быть правитель, даже в детстве. Только этот мальчик, Трикс, не смирился. Пусть попробует победить.

— Но как? — воскликнул Бамбура.

— У него есть один путь. — Шараж усмехнулся. — Если я совсем еще не лишился ума... Но я ничего не сказал о нем Триксу. И давай мы тоже не будем об этом говорить!

Друзья молча сдвинули чаши и выпили вина.

Разумеется, любой нормальный человек стал бы допытываться, какой же выход Шараж увидел для Трикса и почему

не рассказал о нем мальчику. Но Бамбура, с десяти лет подвизавшийся при бродячем театре, свято верил в те законы, по которым живет сцена. И главный из них — никогда не забегай вперед, не мешай зрителю насладиться интригой.

Из уважения к прославленному на театральных подмостках капитану Бамбуре мы тоже не станем требовать объяснений — и даже сделаем вид, что не поняли, о чем вел речь Шараж.

В коридорах Трикс заплутал и внезапно для себя вышел в зрительный зал. Видно было, что представления здесь дают часто и для других целей помещение не используют: скамейки в зале были не сколочены кое-как из грубых досок на деревянных чурбанах, а гладко обструганы и снабжены спинками. На досках были выжжены номера, чтобы никто не путался, где ему сидеть, а это уж совсем особый шик.

Отдельно был выгорожен помост, на котором стояли мягкие кресла — для благородных господ, готовых заплатить двойную цену. Перед креслами имелись даже столики, чтобы во время еды подкрепиться прохладительным или согревающим.

С легким сожалением в душе Трикс пошел к выходу. Ему понравились и Бамбура, и Шараж; наверняка он рано или поздно нашел бы место в труппе, и никто бы его здесь не обидел. Но Шараж был прав — так не отомстить врагам. Тогда уж стоило принять грамоту от Тора Галана да заняться купеческим делом.

Дверь была открыта, и Трикс без проблем покинул зрительный зал. Сурового вида охранник в одеждах северного варвара-наемника, с боевым молотом на перевязи окинул Трикса подозрительным взглядом, но выйти не помешал. У Трикса зародилось подозрение, что это такой же северный варвар, как Бамбура — пиратский капитан, но проверять он не стал. Тем более что надежный метод проверки был только один: сказать варвару, что у того не было ни братьев, ни сес-

тер. Почему-то это считалось у северян самым большим оскорблением, после которого настоящий варвар обязан был убить обидчика.

Трикс посчитал, что истинное происхождение охранника его интересует не настолько сильно.

Он немного прошел по улице вверх, пока не оказался на маленькой площади с фонтаном в центре. Поросшая зеленым мхом каменная фигура в центре бассейна изображала девушку с кувшином, из которого текла вода. Из одежды на девушке был только мох, и Трикс, присев на каменный парапет, с некоторым смущением поглядывал на статую.

Стать рыцарем?

Благородное занятие, приличествующее даже высокородному правителю в изгнании. Опять же — многие баллады и летописи повествовали о том, как лишенные власти и изгнанные властители брали себе новое имя, становились рыцарями, достигали успеха — и после этого победоносно возвращались на трон. Так что совет Шаража никаких возражений у Трикса не вызывал.

Вот только время...

Трикс вздохнул, скептически оглядывая свои тощие руки. Он и меч-то хороший не удержит. Года два-три придется качаться, прежде чем он сумеет носить мало-мальски приличный доспех и размахивать хотя бы мечом-бастардом. Только в детских книжках, вроде «Красных демонят», подросток хватает оружие и без труда справляется со взрослым бойцом...

Трикс снова вздохнул.

Ну, допустим, он решился. Обидно, конечно, начинать путь с оруженосца, когда по всем законам и уложениям он уже рыцарь и может в рыцари посвящать. Более того, у него свой оруженосец есть... Вспомнив коварного Иена, Трикс досадливо взмахнул рукой. Ладно! Пойдет он в оруженосцы! Невелика хитрость: он обучен грамоте, знает рыцарский церемониал и турнирные правила. Такому оруженосцу всякий будет рад!

Вот только вначале надо найти рыцаря без оруженосца.

Трикс задумался. В со-герцогстве было немного настоящих рыцарей, все больше пожилые, оседлые, которые формально числились в страже одного из властителей, а на самом деле проводили время в отдыхе от былых ратных трудов. Оруженосцы у них были под стать самим рыцарям — немолодые, многие семейные, дорожащие своим местом и любящие порассказывать о славных ристаниях, которые им довелось повидать. «Тут под бароном убили третью лошадь, но я не растерялся и...»

Но были и странствующие рыцари, как не быть. Они скитались по королевству, то нанимаясь на время в приграничные гарнизоны, то помогая баронам или бургомистрам покончить с шайкой разбойников или выползшими из чащоб и пещер чудовищами (впрочем, большинство чудовищ, к сожалению, предпочитало не ползать, а бегать или летать). Встречались и прославленные рыцари, чьи титулы можно было произносить несколько минут: «Альдегор тан Сарт, ветеран битвы при Медлоке, потерявший глаз в сражении при Хугридах, победитель достославного сира Мортиса из Агуады, истребитель Парамейского серого болотного выползня, участник второй магической войны...». И так далее, пока рыцарь не махнет добродушно рукой: хватит, хватит, к чему эти титулы, мы все свои.

Попадались рыцари и вовсе ничем не прославившиеся: в сражении при Хугридах сохранили глаза, уши, руки и ноги, выползень вовремя доел деревню и утек в свое болото, от встречи с сиром Мортисом (да и с таном Сартом) удалось вовремя увернуться, во второй магической судьба забросила охранять обоз с провиантом и гулящими девками. Впрочем, и таких в народе уважали. Пойти к рыцарю в оруженосцы всегда считалось за большую удачу. Многие ребятишки из простонародья с детства размахивали палками, учили гербы и сложные правила благородного обхождения. Стоило в городе или селении объявиться рыцарю без оруженосца — как

вокруг начинала виться стайка подростков, надеясь, что именно им улыбнется удача. А рыцари без оруженосцев встречались частенько. То сбежит не в меру гордый паренек, получивший за нерасторопность затрещину тяжелой рыцарской рукой. То, пока рыцарь отважно сражается с каким-нибудь чудищем, а охраняющий поклажу оруженосец стоит в сторонке с открытым от восторга ртом, подкрадется к нему сзади вылупившийся из яйца отпрыск монстра, мелкий, но уже зубастый и голодный. Еще бывает так, что рыцарю нечем заплатить взнос за турнир и приходится скрепя сердце продавать оруженосца в услужение ближайшему ремесленнику. Разумеется, с твердым обещанием выкупить из призовых денег — но рыцарей много, а приз на турнире один...

Трикс нахмурился, вспоминая истории, которые доводилось слышать от таких вот лишенных оруженосцев рыцарей. Конечно, в родном замке, сидя рядом с отцом и твердо зная, что твоя судьба — быть рыцарем, а уж никак не оруженосцем, все это воспринималось совсем иначе. Ну, получил оруженосец по спине ножнами от меча — сам виноват, не уследил за похлебкой, оставил господина без ужина. Ну, наткнулся паренек на разбойников, по заданию рыцаря проверяя подозрительные кусты, так на то и оруженосец, чтобы рыцарь сломя голову в бой не совался.

А теперь получалось, что Триксу самому предстоит стать оруженосцем... со всеми возможными последствиями. Эта мысль не радовала. Трикс с сомнением посмотрел на здание театра, на огромную красочную вывеску над входом: «Толька севодня и вес месец! Утром — Альби и Бамбура на Хрустальных островах! Вечером — Пылкая страсть каралевы варваров!».

Наверное, Бамбура его в театр пристроит. Раз уж на вывесках его имя пишут. Но Шараж прав: тогда придется забыть о родителях, о троне, о мести...

Трикс встал. Перекинул поудобнее через плечо свой мешок. И двинулся вверх, к княжескому замку. Нет, не для того,

чтобы потребовать справедливости и получить плетей. Трикс уже начал потихоньку понимать, что при взгляде сверху справедливость и плети выглядят почти одинаково. Просто все странствующие рыцари, даже те, кого не слишком-то радушно привечают во дворце, все равно трутся в трактирах поблизости. Там ему и стоит поискать себе хозяина.

При мысли о том, что у него появится господин, Триксу стало совсем грустно. Но он все-таки не замедлил шаг.

Славный город Дилон предлагал своим жителям и гостям немалый выбор гастрономических удовольствий. Харчевни — для людей попроще и победнее, закусочные и кабаки — для тех, кому больше хотелось выпить, чем поесть, таверны — для любителей экзотической кухни, едальные дома — для совсем уж высокородной, богатой и пресыщенной публики.

Трикс, поразмыслив, сразу отбросил и харчевни с кабаками — рыцарь не станет есть среди простонародья или напиваться, и едальные дома — там можно было встретить разве что прославленного рыцаря, который вряд ли возьмет в оруженосцы первого попавшегося юнца. Попытавшись представить себя рыцарем — гордым, но не слишком денежным, Трикс понял, что ему нужно найти что-то приличное, но не помпезное; экзотическое, но не вычурное. В общем, достаточно редкий тип заведений.

Удача улыбнулась ему далеко не сразу. По мере того как Трикс приближался к княжескому замку, улицы становились все оживленнее, а лавочек и едальных заведений все прибавлялось и прибавлялось. Прямо на улицах торговали сладостями вразвес. Самой большой популярностью пользовался изюм, который продавали «кулаками» — покупатель засовывал руку в мешок, зажимал в кулаке сколько мог изюма — черного, желтого или оранжево-красного, — после чего доставал добычу. Конечно, человек с большой ладонью оказывался в более выгодном положении, но поскольку основными покупателями были мальчишки и молодые девицы —

торговцы не оставались внакладе. В лавках выставлялись ткани, причем не только лен, шерсть и конопля, которыми славились окрестные земли, но и привозные — шелк, хлопок, каменный сатин. В изобилии встречались и лавочки ювелиров, здесь на витринах ничего не выставляли, зазывая посетителей лишь гордой эмблемой цеха золотых дел мастеров — двумя переплетенными кольцами. И, конечно, как положено в любом торговом месте, все больше и больше попадалось разменных лавочек. Один или два охранника бдительно следили, чтобы никто не обидел менялу, чью принадлежность к профессии обозначали голые по локоть руки и значок гильдии из трех спаянных монеток — золотой, серебряной и медной.

Трикс следовал мимо торговых рядов с любопытством, но зорко выглядывая таверны, которые приглянулись бы рыцарям. Несколько раз ему казалось, что искомая цель найдена, но в таверне с многообещающим названием «Щит и меч» ни одного рыцаря не оказалось, все больше странные тихие люди в неприметных одеждах, которые, сидя за столиками поодиночке и не глядя друг на друга, медленно пили эль. Трикс потоптался у входа и смущенно покинул таверну. Потом его внимание привлекла пивная «Все спокойно», где среди посетителей было много людей в доспехах. Но доспехи при ближайшем рассмотрении оказались легкими кольчугами, а вместо мечей в перевязях болтались тяжелые дубинки из резинового дерева. Так что Трикс, не собиравшийся наниматься в городскую стражу, с сожалением покинул и это заведение.

И только ближе к вершине холма, почти под самыми стенами замка, Трикс увидел таверну с непритязательным названием «Чешуя и когти», у входа в которую неторопливо сгружались с коней два рыцаря.

Всем, от сопливого пастушонка до мудрого астролога (ведь он когда-то тоже был ребенком), известно, что доспехи у рыцарей бывают разные. И в полном доспехе, красивом и бле-

стящем, сделанном из прочного железного листа, рыцарь не только на дракона не пойдет — он и по городу фланировать не станет. Во-первых, лошадь, в отличие от доспеха, не железная. Во-вторых, даже под неярким солнышком рыцарь через полчаса перегреется и схватит удар. Тяжелые, полные доспехи — только для ристалищ. Запаковался — водрузили на коня — съехался — ударил — разоблачили и посадили остывать.

У рыцарей доспехи были полегче, но все-таки впечатляющие: шлемы с плюмажами, кирасы, стальные поножи, кольчужные наручи и перчатки. Двигались рыцари поэтому медленно и плавно. Оруженосцы, парни лет семнадцати-восемнадцати, подвели коней к дощатому помосту у входа в таверну. Рыцари осторожно переместились с лошадиных спин на помост и неуклюже затопали вниз по ступенькам. Помост скрипел и слегка раскачивался. Лошади уткнулись друг в друга мордами, будто жаловались на своих седоков.

Трикс с сомнением проследил, как рыцари зашли в таверну. Поколебавшись, подошел к оруженосцам, обтирающим коней чистыми тряпицами. Тяжелый запах конского пота свербил в носу. Оруженосцы покосились на Трикса.

Как бы к ним обратиться-то? Учитывая, что он нынче не со-герцог, а непонятно кто, собирающийся наняться в оруженосцы...

— Добрые юноши! — сказал Трикс неуверенно.

— Гуляй, сегодня не подаем, — тут же ответил один из оруженосцев.

Второй оказался доброжелательнее. Порылся в кармане, нашел мелкую медную монетку — и протянул Триксу со словами:

— Возьми, купишь себе хлеба.

— Не очень-то он голодный, смотри, какая ряшка, — энергично протирая лошадиный круп, пробурчал первый оруженосец. — Добрый ты...

— Сегодня три года с того проклятого дня, как я нанялся к сэру Хойру. — Оруженосец сплюнул под ноги. — Помолись за меня богам, малец.

— Да? — Трикс помрачнел. — Неужели служба оруженосца так тяжела?

— Смотря у кого, — буркнул оруженосец. — Если звезды к тебе благосклонны, то жить можно. А если твой хозяин напыщенный болван... — юноша опасливо оглянулся на дверь, — то будешь все на свете проклинать.

— Так он сам в оруженосцы метит, — хмыкнул неприветливый оруженосец. — Точно! Ты гляди, как напрягся-то!

Оруженосцы с любопытством уставились на мальчика.

— Не советуете? — спросил Трикс.

Видимо, слова его прозвучали искренне, потому что насмешек не последовало. Напротив, лица у парней подобрели.

— Ну, как сказать... — протянул неприветливый. — Если мечтаешь пойти по воинской части, прославиться, научиться владеть оружием, стать рыцарем, снискать себе славу и завоевать любовь прекрасных дам... То, конечно, не советую!

— Не получится?

— Может, и получится, — неохотно признал оруженосец. — Но тебе на самом-то деле придется чистить лошадей, точить мечи, полировать доспехи...

— Воровать курей у селян, — с тоской сказал оруженосец сэра Хойра. — Стоять на стреме, пока рыцарь заигрывает с чужой женушкой. Первому совать голову во всякие подозрительные дырки в скалах. Помогать проблеваться, когда коварные враги отравят его чрезмерным количеством вина.

— А такое часто бывает? — ужаснулся Трикс.

— С моим — так два-три раза на неделе, — мрачно ответил оруженосец сэра Хойра. — Хотя, конечно, прославиться и самому стать рыцарем можно!

И оба оруженосца замолчали, с любопытством глядя на Трикса.

— Здесь найдется доблестный рыцарь, которого не так часто спаивают враги и у которого случайно нет оруженосца? — спросил Трикс.

Парни переглянулись. Потом, как по команде, уставились на коновязь у таверны, где спокойно стояли рыцарские кони.

— Сэр Гламор без оруженосца, — сказал неприветливый. — У него оруженосец на переправе с лодки упал.

— Он что, плавать не умел? — удивился Трикс. — Умение плавать должно входить в список достоинств благородного человека!

— Ишь ты, умный... — усмехнулся оруженосец. — Умел. Только не в доспехах. А они как раз плыли к острову, где засели коварные браконьеры, засыпающие их дождем отравленных стрел.

— Еще сэр Паклус, — сказал оруженосец сэра Хойра. — Я вчера слышал, у него опять оруженосец накрылся. Как его звали-то?

— Да разве оруженосцев Паклуса упомнишь? — пожал плечами неприветливый. — Круглолицый такой, веселый, одевался ярко... А что, Паклус опять ходил мага воевать?

— Ходил, — ухмыльнулся оруженосец. — Когда уж самого прищучат?

— Доспехи у него заговоренные и амулет сильный...

— Зачем он ходил воевать с магом? — удивился Трикс. — И что за маг?

— У, маг еще тот! — Оруженосец сэра Хойра оживился. — Из старых, из магов Черной Переправы! Те, которые двадцать лет назад сражались во второй магической и выжили. А сэр Паклус — дурак.

— Не дурак, а человек с обостренной честью! — поправил его товарищ.

— А, это обычно одно и то же... Так вот, сэр Паклус как-то повздорил с одним магом. И объявил, что рано или поздно победит его в честном поединке. Только дело это непростое...

— И страдают в основном оруженосцы? — уточнил Трикс.

— Верно! — Парень хлопнул его по плечу. — Начинаешь соображать!

Трикс задумался. Потом спросил:

— И как мне их узнать — Гламора и Паклуса? Особенно Паклуса! Чтобы подойти не к нему.

— Умнеет на глазах! — восхитился оруженосец сэра Хойра. — Гламор — ярко-рыжий, веселый, все время хохочет и улыбается.

— А Паклус — маленький такой, кряжистый, бородатый, но лысый, — неприветливый оруженосец хмыкнул. — На гнома чуток похож... только ты это при нем не ляпни, убьет на месте!

Трикс кивнул.

— Спасибо большое. Я попробую.

Оруженосцы с любопытством смотрели, как Трикс храбро входил в таверну. Потом оруженосец сэра Хойра сказал:

— Ставлю три против одного — его не возьмут.

— Даже спорить не стану, — ответил товарищ.

— Ну и здоровее будет, — подытожил оруженосец сэра Хойра.

На этом оптимистическом пожелании они закончили свое участие в судьбе Трикса и снова занялись лошадьми.

В «Чешуе и когтях», в отличие от «Щита и меча», было шумно и весело. Звенели кольчуги, громыхали доспехи, громко переговаривались рыцари. Трикс насчитал десятка два — и молодых, и старых, покрытых ранами ветеранов и пышущих силой и здоровьем юнцов. Пахло полиролью для металла, седельной мазью и, конечно же, лошадьми. Некоторые рыцари были с оруженосцами, некоторые без. Большинство сидели компаниями, обсуждая какие-то свои, рыцарские, проблемы. До Трикса доносились отдельные реплики:

— ...тут я ему говорю: давай сразимся, как благородные люди...

— ...разве меч против секиры выстоит? Может, только двуручный...

— ...и сильным ударом поверг прославленного сэра Чобальда наземь...

Трикс с любопытством отметил, что в этом трактире не признавали простых и дешевых прямоугольных столов — только круглые. Видимо, чтобы благородные рыцари не спорили, чье место во главе стола.

Еще здесь не признавали скатертей, тарелок и столовых приборов. Ели с изрезанных ножами деревянных досок, благо пища большей частью была простая — вареное или жареное мясо с овощами и густой подливкой. Для еды использовали кинжалы — и широкие боевые, с зазубренными хищными лезвиями, и тонкие длинные мизерикорды. Похоже, в этом был какой-то особый рыцарский шик, потому что немногие оруженосцы, которые удостоились чести сидеть рядом с господами за столом, ели обычными вилками, пряча их после еды за отвороты сапог. Толстый усатый рыцарь, вгрызаясь в тушеную свинячью ногу и обильно запивая ее темным пивом, вещал товарищам:

— А я что вам говорил? Печеное колено дикого вепря — вот настоящая еда!

Трикс сглотнул слюну — его молодой, растущий организм был бы не против обедать два-три раза в день, не пренебрегая при этом завтраком и ужином. На него никто не обращал внимания, и он мог без помех поискать среди рыцарей сэра Гламора.

Впрочем, долго искать не пришлось. Гламор и впрямь был самым рыжим, самым шумным и самым веселым из собравшихся в трактире. Отполированный рыцарский шлем модной модели «Волчья пасть» стоял перед ним на столе, длинные рыжие кудри красиво лежали на стальном воротнике кольчуги. В данный момент Гламор, размахивая кружкой с остатками эля, рассказывал троим товарищам какую-то историю:

— Попали, значит, маг, рыцарь и вор на необитаемый остров, к дикарям-людоедам...

— Постой, — прервал его один из слушателей. — А с чего это вдруг рыцарь, маг и вор вместе путешествовали?

— Не важно! — отмахнулся Гламор. — Допустим, они искали сокровища. Рыцарь бился с врагами, маг поддерживал волшебством, а вор вскрывал замки и обезвреживал ловушки. Плыли на корабле, а тот потерпел крушение...

— Ну, если так... — с сомнением протянул скептически настроенный слушатель. — Тогда конечно... Только я бы еще в команду клирика взял. Раны залечивать, то да сё...

— И еще одного рыцаря и одного мага! — вставил второй слушатель. — Хорошая партия — она из шести человек состоит!

— Лучше не мага, а достойного барда! — вступил в разговор третий. — Опытный бард — он любого мага стоит!

— Бард — это голова, — согласился скептик. — Барду палец в рот не клади...

— Друзья! — Сэр Гламор возвысил голос. — Друзья мои! Мы рассматриваем гипа... гипотити... гипотетическую ситуацию! Ну, то есть на самом деле этого не было!

— И все равно лучше вшестером, — сказал скептик. — Даже гипотетически!

— Согласен. — Сэр Гламор не растерялся. — Их было шестеро. Но один маг, один рыцарь и один клирик потонули в бурных водах при кораблекрушении!

Наступила тишина. Потом все трое слушателей, лязгая железом, встали.

— Не чокаясь, — предупредил скептик. — Как звали-то нашего достойного брата?

Сэр Гламор крякнул и посмотрел в потолок. Потом на Трикса. Подмигнул ему. Сказал:

— Его звали сэр Например.

— Помянем благородного сэра Например... — Скептик одним махом выпил пиво. — Видимо, этот рыцарь был с далеких восточных рубежей?

— С них самых, — мрачно сказал сэр Гламор. — Итак, попали рыцарь, маг и вор на необитаемый остров к дикарям-людоедам. Те их схватили...

— Как это — схватили? — возмутился теперь уже другой рыцарь. — Без боя?

— После долгого и кровопролитного сражения! — быстро ответил Гламор. — Схватили и говорят: мы вас съедим. А отпустим только того, кто совершит три великих подвига: выпьет ведро забродившего кокосового сока, поцелует в глаз циклопа и удовлетворит в постели ненасытную туземную женщину.

— Какие странные обычаи... — задумчиво сказал скептик. — Я еще понимаю — женщину. Многие дикие племена заставляют пленников оставлять им потомство, поскольку это препятствует вырождению. Но зачем целовать в глаз циклопа? Это какой-то варварский религиозный культ?

— Да, и ведро забродившего сока — тоже странно! — вставил молчавший до сих пор рыцарь. — Туземцы и сами очень жадны до выпивки и не разбрасываются ценным продуктом.

Гламор махнул рукой и сел. Выпил пива. Сказал:

— Будем считать, что я закончил свой рассказ... Нет, все-таки зря некоторые пренебрегают толстой войлочной подкладкой в шлеме... Эй, мальчик, ты хотел что-то спросить?

Трикс робко подошел к столу. Честно говоря, сэр Гламор ему понравился. Нет, бесспорно, он тоже мог отпустить затрещину оруженосцу... но вот воровать у селян курицу вряд ли бы послал. Скорее, отправился бы на дело сам, посмеиваясь и похихикивая.

— Я имею честь лицезреть благородного сэра Гламора? — спросил Трикс.

Рыцарь усмехнулся:

— Достойное обращение заслуживает достойного ответа. Да, юноша. Я — сэр Гламор.

С некоторым усилием Трикс заставил себя опуститься на одно колено и произнес:

— Благородный сэр! Я смиренно молю вас оказать мне великую честь — принять на службу оруженосцем. Клянусь, что не опозорю ваше славное имя и буду сносить тяготы служения с достоинством и смирением!

— Хорошо сказано, — задумчиво сказал Гламор.

— Красиво излагает, — умиленно подтвердил тот рыцарь, что слушал сэра Гламора с наибольшим скепсисом. — Эх! Давненько не встречал такого речистого оруженосца. Жалко, что мой от горячки оправился, я бы сам его на службу взял.

Трикс терпеливо ждал.

Сэр Гламор вздохнул, протянул руку и потрепал Трикса по голове. Потом торжественно произнес:

— Я выслушал твои слова, юноша, и счел их красивыми по форме и достойными по содержанию. И будь к тому возможность, я взял бы тебя в оруженосцы и помог стать настоящим рыцарем. Но...

— Но? — растерянно спросил Трикс.

— Но ты не рыжий.

Трикс заморгал от удивления. Сэр Гламор снова вздохнул и пояснил:

— Славный юноша, знай же, что когда я стал рыцарем, то дал обет брать себе оруженосцев только из числа тех, кого природа наделила рыжим цветом волос. Ибо в детстве мне довелось испытывать насмешки товарищей из-за неблагородного оттенка моей шевелюры. Немало горести принесли мне нелепые простонародные поверья о том, что рыжие отлынивают от работы, склонны к убийству своих дедов и прочие глупости. Поэтому я привечаю рыжих мальчишек и по мере сил помогаю им устроиться в этом жестоком мире.

Трикс поднялся с колен. Развел руками. Сказал:

— Сэр Гламор, неужели нет никакого выхода?

— Нет, — печально ответил Гламор. — И это меня тоже огорчает. Но обет для рыцаря — нерушим.

Он похлопал Трикса по плечу тяжелой рыцарской дланью.

— Удачи тебе, юноша. Надеюсь, ты встретишь достойного господина, и однажды мы с тобой преломим копья на ристалище!

Сомневаться в словах Гламора не приходилось. Этот рыцарь был не из тех, кто способен преступить свой обет.

— И вам достойных подвигов, сэр рыцарь, — печально сказал Трикс.

Никогда он не думал, что благородный черный цвет волос («волосами в мамку пошел, цвет воронова крыла!» — говорила ему нянька, когда он был совсем маленьким) однажды его подведет. На глаза невольно навернулись слезы, и он поспешно отвернулся, чтобы сэр Гламор не заметил такой недостойной слабости. Ничего не видя перед собой, Трикс сделал пару шагов — и уткнулся в холодный металлический панцирь.

— Сядь, — сухо сказали ему.

Чья-то рука опустила его на крепкий деревянный стул, привыкший выносить тяжесть закованных в броню рыцарей. Другая рука пододвинула здоровенную кружку с пивом.

— Выпей, — шепнул незнакомец. — А то заметят, что плачешь — гоготать начнут. Рыцари, они как дети. Даже еще хуже. Всегда готовы высмеять чужую слабость... и поплакаться в жилетку.

Трикс глотнул пива — сладковатого и крепкого. Украдкой смахнул с ресниц слезы. И посмотрел на участливого собеседника.

Рядом с ним сидел кряжистый, невысокий — ростом с Трикса — рыцарь лет сорока—сорока пяти. Лысая голова сверкала не хуже надраенного шлема. Над огромной бородой поблескивали глубоко посаженные глазки. Взгляд их был на удивление умным и участливым.

— Сэр Паклус... — выдавил Трикс.

— А ты неплохо подготовился, сынок, — сказал сэр Паклус. — Твердо решил податься в оруженосцы?

— Ну... — запаниковал Трикс. — Я...

— Только не ко мне, — мрачно сказал Паклус. — Извини, парень, но служба у меня еще никому не приносила удачи. Позавчера вечером я потерял третьего.

— Мне очень жаль, сэр... — прошептал Трикс.

— Третьего за год, — уточнил Паклус. — Знаешь, мне надоело терять оруженосцев.

— А почему вы их теряете? — неожиданно для себя спросил Трикс.

— Потому что воюю с магом. — Паклус поморщился. — Мне пока везет, а мальчишкам — нет. Хватит с меня! Стыдно возвращаться в Дилон и смотреть в глаза матерям.

— Моя мать погибла, — неожиданно для себя сказал Трикс. — Даже если со мной что-то случится, вам не придется смотреть ей в глаза. А мне, чтобы отомстить, надо стать рыцарем. Помогите мне, сэр Паклус! Возьмите в оруженосцы!

Похожий на гнома рыцарь пытливо посмотрел на Трикса. Произнес:

— А ты, похоже, не из простой семьи...

Трикс промолчал.

— Не проси. — Паклус покачал головой. — Не надо. Я жду торговца, который должен принести мне могущественный артефакт, а после этого вновь отправлюсь к башне мага. Не хватало мне еще тащить с собой необученного мальчишку!

— Но ведь кто-то должен будет держать вашего коня, — сказал Трикс. — Или проверять, не притаились ли в кустах разбойники.

Сэр Паклус побагровел:

— Я не посылаю детей в бой вместо себя! Нет, нет и нет!

Трикс закусил губу. Ему вдруг вспомнился разговор с оруженосцами у таверны.

— Сэр Паклус, — тихо произнес Трикс. — Ведь вам ведомо, что это такое — честь. Помогите мне отстоять честь мое-

го рода! Я — Трикс Солье, наследник со-герцога Рата Солье, коварно преданного и убитого со-герцогом Сатором Гризом.

Сэр Паклус клацнул зубами и в немом удивлении уставился на Трикса. Потом поднялся (став при этом ненамного выше ростом) и достал из ножен двуручный меч.

Трикс сглотнул слюну и встал перед сэром Паклусом на колени.

А что, если сэр Паклус имеет какие-то свои обиды на род Солье? Ведь рыцарь не зря достает свой меч. Он может принять оруженосца на службу, а может и отрубить ему голову. Конечно, такое случается редко...

Сэр Паклус вытянул руку с мечом.

В таверне наступила тишина.

Трикс на всякий случай закрыл глаза.

5

Рыцари, помимо умных и глупых, вспыльчивых и рассудительных, добрых и не очень, делятся еще на две группы. Одна считает делом доблести ночевку под проливным дождем в кустах дикой колючки и кусок размокшего хлеба на завтрак. Другая полагает, что ничего ужасного не произойдет, если рыцарь заночует на постоялом дворе, поспит на кровати и позавтракает яичницей с ветчиной. Отличить их очень просто — от второй группы меньше пахнет и лицо у них более здорового цвета.

Сэр Паклус, на счастье Трикса, был не только рассудительным и добрым, но еще и склонным к комфорту. Поэтому ночевал рыцарь со своим новым оруженосцем в трактире на выезде из Дилона, не слишком роскошном, но все-таки чистеньком и с недавно вытравленными магией насекомыми.

— Это, парень, великая вещь, когда в кружке тараканов не находишь, а по ночам тебя клопы не грызут, — устраиваясь на единственной кровати, сказал Паклус. — А уж самое

плохое — когда тебя паразиты под кольчугой грызут и почесаться нельзя. Правда, боевой ярости способствует значительно, что есть — то есть.

— А как их выводили? — взбивая свой соломенный тюфяк, брошенный у дверей (чтобы коварный враг, войдя, запнулся об оруженосца и вынужден был потратить время, перерезая ему горло), спросил Трикс.

— Как-как... — Сэр Паклус почесал волосатый живот. Рыцарь вообще отличался изрядной волосатостью, что стало ясно, когда Трикс помог ему снять кольчугу и Паклус остался в одном исподнем. — Магией, конечно. Магия, парень, это великая сила!

— Я думал, вы магию ненавидите, — задумчиво сказал Трикс. — Ну... раз воюете...

— Магию? Ненавижу? — Паклус выпучил глаза. — Да ты, я вижу, совсем недотепа! Как можно магию ненавидеть? Она и в бою для рыцаря первый помощник, и в быту всем нужна. Кто землепашцам погоду предскажет? Маги! Кто монстров огненным дождем окатит или в лед вморозит? Маги! Раны кто вылечит, донесение через всю страну перешлет, обстановку посредством хрустального шара разведает? Маги, маги и еще раз маги! Все может магия.

— Тогда вы не любите магов? — предположил Трикс. Глаза у него уже слипались, но ему было интересно, а Паклус тоже был настроен поговорить. — Или мага? Вот того, которого мы воевать завтра едем...

— Я не люблю магов? — Паклус фыркнул. — Да если бы не маги — нас бы давно Самаршан завоевал. Или северные варвары. Или маги-витаманты, что после второй магической укрылись на Хрустальных островах.

— Тогда мага? — повторил Трикс.

— Радиона Щавеля? Я не люблю Радиона Щавеля? — Теперь Паклус возмутился по-настоящему. — Да будет тебе известно, непочтительный отрок, что во вторую магическую мы вместе с Радионом стояли насмерть у Черной Переправы! И

мой меч сдерживал натиск уживленных, пока Радион собирал силы для заклинаний. А потом еще много раз судьба посылала нам совместные подвиги!

— Тогда я ничего не понимаю, — признался Трикс. — Зачем же вы с ним воюете?

— Потому что полтора года назад мы поспорили за чашей доброго вина. — Паклус со вздохом опустил голову на гладко обструганный чурбанчик, заменявший на постоялом дворе подушку. — Радион заявил, что маг всегда сильнее рыцаря. И в честном бою рыцарю не победить мага. А я сказал, что смогу! С тех пор пытаюсь взять штурмом его башню. Но пока не получается.

Трикс молчал, переваривая услышанное.

— Та чаша с вином была большая... — задумчиво сказал Паклус. — И, кажется, не одна. Но клятва есть клятва!

Трикс подумал об оруженосцах, которые были оруженосцами. Но промолчал. Все-таки он сильно повзрослел за три последних дня.

— Оруженосцев вот только жалко, — вздохнул Паклус, будто прочитав его мысли. — Я-то и снаряжен получше, и сопротивление к магии имею...

Он вдруг осекся, будто сказал что-то лишнее. Но Трикс, который ничего не понял, молчал.

— Чтобы не было недоговорок! — внезапно сказал Паклус посуровевшим голосом. — Я на четверть гном. А все гномы сопротивляются магии, это у них врожденное. Ты что-нибудь имеешь против гномов?

— Я? — растерялся Трикс. — Ничего. Я в летописях читал, что нередко гномы и люди не воевали, а даже вместе сражались. Ну, против эльфов или если добыча ожидалась большая.

— Верно, — подобревшим голосом сказал Паклус. — Коли уж честно, то гномы меня своим не считают. У меня бабушка была гномом. Очень редкий социальный казус. А у гномов

род наследуется, как у людей, по отцовской линии, по материнской — у эльфов.

— Это, наверное, очень романтическая история, — сказал Трикс. — Ну, бабушка-гном. Да?

Паклус рывком сел на кровати. Схватил свечу, подошел к соломенному тюфяку. Склонился над Триксом, поднес свечу к его лицу и подозрительно всмотрелся. Не обнаружив и следа ухмылки, сконфуженно улыбнулся, потрепал Трикса по голове, загасил грубыми пальцами свечу и пробормотал:

— Спать уже пора, завтра рано в путь...

— Спокойной ночи, господин, — с некоторым усилием пролепетал перепуганный Трикс.

— Спокойной ночи, оруженосец. — В голосе Паклуса все еще слышалось смущение. Он грузно сел обратно на кровать. Поворочался, укладываясь. Потом сказал: — Ну... романтическая, согласен. Бабушку и дедушку во время кораблекрушения волны выкинули на необитаемый остров.

— И там были дикари? — спросил Трикс.

— Что? Какие еще дикари, остров же необитаемый! Никого там не было. Даже козочек. Дедушка пять лет держался, а на шестой год все-таки сделал бабушке предложение. Ну не железный он все-таки! А через год, как раз матушка моя тогда родилась, к острову пристал пиратский корабль — запасы воды пополнить. Дедушка с бабушкой его захватили и заставили головорезов отвезти их на материк. Бабулю свои бы уже не приняли, это у гномов строго... ну а дед — он человек чести был. Раз поженился, так поженился. Опять же дочку любил. До старости самолично ее брил!

Трикс молчал, ошарашенный этой эпической картиной.

— Очень скучаю по дедушке, — продолжал Паклус. — Умер он недавно.

— А бабушка? — решился спросить Трикс.

— Бабушке-то что? Она же гном. По-прежнему на кузне, с утра до вечера молотом машет. Доспехи мои она лично ковала! В них, кстати, тоже защитная сила от магии есть. Ба-

бушка у меня мастерица на все руки... — В голосе Паклуса прорезалась нежность. — Пивные кружки себе кует, заколки для бороды...

— У меня бабушка тоже... любила гладью вышивать, — рискнул вставить Трикс.

— И правильно, — одобрил Паклус. — Каким бы ты высокородным ни был, а умей что-то своими руками делать. Ну ладно... спи давай.

Глаза у Трикса уже совсем слипались, а язык едва ворочался. Он быстро и крепко заснул.

Паклус еще долго ворочался, разок вставал по нужде, а возвращаясь со двора с грубоватой симпатией посмотрел на съежившегося на тюфяке Трикса, после чего заботливо укрыл своим одеялом. Ночь была прохладной, с моря тянуло свежестью. Паклус же, как любой человек с примесью гномьей крови, холод переносил стоически.

Давно известно, что лучший способ узнать, процветает ли государство, проехать по его дорогам. Честолюбивый и жестокий правитель, разорив крестьян и обложив поборами горожан, может воздвигнуть столицу неописуемой красоты. Правитель ленивый и безвольный, попустительствуя простому люду, может позволить селам и городам расти и процветать, в то время как государство чахнет и гибнет. Но и у того, и у другого в самом большом запустении окажутся дороги, ибо только властитель, сочетающий в себе твердость и уступчивость, волю и терпение, способен накинуть на всю страну сеть дорог, что свяжет ее крепче солдатских алебард, общего языка или даже общей веры.

Дороги в королевстве были. И были они всякие. Но в княжестве Дилон, и этого никто бы не посмел отрицать, дороги содержались в порядке. Иногда земляные, иногда мощенные камнем или каменным деревом, с мостами и переправами в нужных местах, с придорожными трактирами, конюшнями и небольшими форпостами стражи. Конечно, в местах совсем

уж диких случались и разбойники, и бездорожье (никто не знает, что хуже и что приносит казне больше ущерба), но по большей части путешествовать по Дилону было приятно.

Трикс с огромным удовольствием восседал на смирном чалом жеребце, рыжем с белым хвостом. Жеребец был немолод и потому спокоен, но еще и не стар, так что после закованных в броню рыцарей нес мальчишку на спине легко, будто перышко. Когда Трикс временами поддавал ему шенкелей, конь удивленно поворачивал голову — словно забыв, что на нем восседает всадник. Скорее всего так оно и было. Конь Паклуса, каурый молодой жеребец, гордо вышагивал впереди, а чалый Трикса неспешно следовал за ним. Город Дилон остался позади, и рыцарь с оруженосцем ехали через бескрайние пшеничные поля.

— Сэр Паклус, а как вы собираетесь победить Радиона Щавеля? — спросил Трикс, когда ему наскучило любоваться пейзажами. Он по-прежнему был в своей одежонке, поскольку желтые штаны и оранжевую рубашку, оставшуюся от прежнего оруженосца, отказался надевать наотрез. Паклус и не настаивал, буркнув, что вкусы у мальчишки были странные: «Ты бы еще на его голубую шляпу посмотрел!».

— Амулет, — коротко ответил рыцарь. Он ехал с непокрытой головой, держа шлем на сгибе руки, а на голову для защиты от солнца приспособил белый платочек. — Тот, который вчера принес горбатый карлик. Если не врет, то четверть часа ни одна магическая атака Радиона меня не проймет.

— А меня? — поинтересовался Трикс. Ему показалась сомнительной сама суть состязания рыцаря и мага, раз уж рыцарь пользуется магическими амулетами. Но он благоразумно решил эту тему не трогать.

— Ты будешь держаться в стороне. — Паклус приставил ладонь к глазам, всматриваясь вдаль. — Ага... уже показалась. Значит, и он нас видит...

— Радион?

— Кто ж еще.

Всмотревшись, Трикс и впрямь заметил на горизонте верхушку башни. Как положено каждому уважающему себя магу, не состоящему на службе, Радион Щавель жил в собственной башне, где и занимался волшебством и чародейством.

Трикс нервно поежился. Ему почему-то представлялось, что ехать они будут долго... несколько дней...

— А в Дилон господин Щавель не выезжает?

— И в Дилон, и в Босгард — это городишко рядом с его башней. Он там вроде как чародеем подрабатывает... не на постоянной службе у магистрата, а так, по мере надобности.

— Может, стоило с ним в городе сразиться? — спросил Трикс. — А то в башне ему куда удобнее обороняться.

— Юноша, сколько же тебе говорить — это должен быть честный поединок! — вспылил Паклус. — Никаких нападений из-за угла. Никаких засад. Честный бой: приехал, вызвал на поединок, уехал.

Трикс снова вспомнил о тех оруженосцах, что уехать не смогли, и горько вздохнул.

— Будешь держаться в стороне, — повторил Паклус. — Ничего с тобой не случится... Ты хоть знаешь, что такое магия?

— Конечно. У отца был чародей на службе. Ну... слабенький, — признал Трикс. — Но колдовал понемножку.

— Да-да... — Паклус кивнул. — Забыл, что ты благородных кровей. А в чем суть магии, знаешь?

— Конечно. Суть магии — это власть над миром, выраженная в словесной форме. Слова, содержащие в себе волшебную силу, могут менять реальный мир — превращать ничто во что-то, одно в другое, а другое снова в ничто. В общем, что захочешь, то и могут сделать! — воодушевленно закончил Трикс. И тут же, осознав сказанное, снова помрачнел.

— Правильно, — согласился Паклус. — Так оно и есть. Но ты слишком уж не переживай — это все в теории. А на практике маги вовсе не всесильны!

Некоторое время они ехали молча.

— Хотя Щавель весьма близок к всемогуществу... — с неожиданной гордостью добавил Паклус. — Видишь, башня у него какая? Из слоновой кости! Как положено!

Башня, до которой оставалось не менее двух миль, и впрямь уже была хорошо видна. Трикс потрясенно уставился на молочно-белую иглу, вонзавшуюся в небо — высотой башня была в сотню локтей. Внизу башню подпирали могучие контрфорсы из черного камня. На всем протяжении ее украшала затейливая резьба; кроссы и краббы на фронтонах; балкончики, которые поддерживали статуи мускулистых мужиков; многочисленные розетты и аркатуры дырявили стены; окошечки с узорчатыми переплетами и дружелюбно распахнутыми, не менее узорчатыми ставнями; торчащие прямо из стен горгульи и прочие архитектурные излишества. Кроме слоновой кости в декоре использовался только хрусталь — он сверкал на окнах, и какой-то черный камень — им выделялись отдельные, видимо, представляющиеся магу самыми важными в композиции, элементы статуй.

Вверху башня расширялась, образуя жилую часть размером с солидный особняк в три этажа. Тоже затейливый, с башенками-вимпергами на углах и ажурной балюстрадой по краю крыши.

Почему-то Триксу подумалось, что на эту крышу должны регулярно приземляться ездовые драконы.

— Где же он взял столько слоновой кости? — потрясенно спросил Трикс. — Это же всех слонов в мире надо было истребить!

— Как где? Наколдовал!

— Разве это можно? Наш маг говорил, что наколдованные вещи прочностью настоящих не обладают, быстро рассыпаются в прах...

— Плохой у вас был маг, — сурово сказал Паклус. — У настоящего волшебника наколдованные предметы лучше, чем настоящие.

— А мне где нужно вас ожидать? — спросил Трикс. — Я не со страха, я так, для общего развития спрашиваю...

— Видишь рощицу? — Паклус протянул закованную в железо руку. — В ней и пересидишь. Щавель природу любит, деревья файерболами жечь не станет. Вон видишь, какой цветник развел вокруг башни. Сплошной розарий.

На взгляд Трикса, рощица была слишком уж близко к башне — от силы миля. Но все-таки укрытие... Да и природу маг любит...

— Спасибо большое, — сказал Трикс.

В молчании они доехали до рощицы, где и остановились. Паклус, подозрительно косясь на башню, достал из седельной сумы амулет — здоровенную пятиконечную звезду из рубиново-красного камня. Ловко прицепил ее на шлем, кивнул Триксу, и тот помог рыцарю закрепить шлем на доспехах.

— Древний и могущественный магический символ, — сказал Паклус озабоченным голосом. — Говорят, когда-то он оберегал целый народ. Мощней его разве что желтая шестиконечная звезда, но на такой сильный амулет нужно разрешение капитула магов.

— А как вы войдете в башню?

— Там дверь есть. Добраться бы до самой башни.

Паклус пробормотал что-то смахивающее на обращение к Хрогу, богу гномов. Вытянул из ножен меч, пришпорил коня. Тот, явно этим раздосадованный, с ходу пошел в бодрый аллюр. Вокруг башни не было ни лесов, ни полей, один лишь ровный зеленый луг, изобильно поросший алыми розами. Конь скакал по лугу легко, будто по ровной дороге.

Трикс спешился, накинул поводья на удобный кривой сук и, затаив дыхание, стал следить за Паклусом. Его конь меланхолично попробовал траву, счел ее невкусной и стал обнюхивать ухо Трикса. Мальчик на всякий случай отодвинулся. Обиженный таким недоверием конь принялся пастись.

Сэр Паклус, высоко воздев руку с мечом, скакал к башне. Ну, если честно, то не очень высоко воздел. Руки у Паклуса

были мускулистые, но короткие. Трикс поймал себя на мысли, что боевой молот или метательный топорик смотрелись бы в руках Паклуса куда уместнее.

Но у рыцарей не принято сражаться молотами.

Некоторое время ничего не происходило, и Трикс начал надеяться, что волшебника Щавеля нет дома. Может, колдует для магистрата Босгарда? Или вышел нарвать трав для магических зелий... щавеля для щей...

Однако его надежды не оправдались. Вершина башни вдруг засияла призрачным красным светом. В воздухе над башней появился прозрачный морок — огромное человеческое лицо. Очевидно, это и был маг Радион.

Он оказался упитанным, коротко стриженным человеком средних лет. Пожалуй, маг выглядел бы вполне мирно, если бы не сурово нахмуренные брови и полыхающие огненными протуберанцами глаза. Лицо медленно склонилось — Трикс с замиранием сердца понял, что это именно одно лишь лицо, что-то вроде повисшей в воздухе маски — и посмотрело на сэра Паклуса.

Рыцарь скакал к башне.

Маг нахмурился еще сильнее. Надул щеки. И дунул на Паклуса с высоты своей башни.

В одно мгновение разразилась буря. Трава на лугу полегла. Деревья над головой Трикса закачались и затрещали. Конь сэра Паклуса встал на дыбы, завертелся. Рыцарь попытался удержаться, но не смог, помешал воздетый к небу меч. Громыхающей грудой железа сэр Паклус рухнул на траву. Каурый, презрев воспетые в балладах доблести рыцарских коней, поскакал назад.

— Не работает амулет... — в ужасе выдохнул Трикс.

Однако он был не совсем прав. Лишившийся коня Паклус встал, помотал головой — и двинулся к башне. Ему бушующий ураган ничуть не мешал. Видимо, амулет защищал только самого человека, а не его лошадь.

Лицо мага помрачнело. Он перестал дуть. Прищурился. Из глаз вырвались ветвистые белые молнии и стали молотить по лугу. Одна из молний ударила прямо в шлем Паклуса. Посыпались разноцветные искры.

Но рыцарь упорно шел вперед. До Трикса долетели приглушенные расстоянием ругательства и обещания отдубасить заносчивого мага до полусмерти.

Маг задумался. Потом широко открыл рот — и заорал. Вопль был так громок и ужасающ, что его, пожалуй, могли услышать и в Дилоне. Трикс закрыл ладонями уши и закричал в ответ — ибо известно, что лучший способ не оглохнуть от громких звуков, это орать самому.

Но дело, оказывается, было не в крике. Изо рта мага, крутясь и вращаясь, вылетали какие-то смятые, спрессованные комки. Они падали на землю, разворачивались и превращались в омерзительных монстров. Были там и юркие твари, похожие на обезьян, и кряжистые минотавры, и высоченные рогатые демоны, и подпрыгивающие глазастые шары, похожие на комки сырого мяса. Похоже, на монстров действие амулета не распространялось — они радостно бросились на сэра Паклуса.

Впрочем, и рыцарь, казалось, был только рад их появлению. Первого же минотавра он рассек пополам, брошенный обезьяной огненный шар отбил мечом — да так ловко, что огонь испепелил ближайшему демону рога вместе с головой. Размахивая оружием и не подпуская к себе тварей, рыцарь продвигался к башне, оставляя за собой изрубленные страхолюдные туши и лужи разноцветной крови.

— Ура! Ура, да здравствует доблестный сэр Паклус! — закричал Трикс, прыгая на месте. Он внезапно перестал стесняться своего положения оруженосца, напротив, нашел в нем некоторые преимущества. Подвиг совершал Паклус, а он, Трикс, получит полное право говорить: «Когда мы с сэром Паклусом укрощали великого мага Радиона Щавеля...».

Но вот кричать был ошибкой. Это Трикс понял сразу, как только один из минотавров, приземлившийся довольно далеко от Паклуса, обернулся на крики и бодро затрусил по направлению к рощице.

Первым понял ситуацию чалый, который не зря прожил долгую жизнь под рыцарским седлом. Одним рывком конь сорвал поводья с ветки и поскакал через рощицу к своему каурому собрату, стоявшему на безопасном расстоянии у самой дороги. Триксу осталось лишь проводить его взглядом...

Тварь на бегу скалилась своей жуткой бычьей пастью. Вопреки природе (хотя чего хорошего можно подумать о природе при виде минотавра?) пасть была оснащена острыми хищными клыками. Поросшее грубой рыжей шерстью тело минотавра прикрывал грубый пластинчатый доспех. В руках, будто не полагаясь на свою силу и клыки, минотавр держал длинную алебарду.

Трикс завопил так пронзительно, что даже Паклус, почти добравшийся до башни, его услышал. Рыцарь повернулся, долю секунды колебался, а потом, рассыпая проклятия, кинулся на выручку оруженосцу. Мчался Паклус удивительно быстро для своих коротких ног, но никаких сомнений в исходе забега не оставалось. У минотавра было достаточно времени, чтобы нарубить из Трикса отбивных и слопать их. Может быть, даже слегка обжарив на костре.

Впрочем, вид минотавра наводил на мысли о том, что он согласен есть мальчиков и сырыми.

Первая мысль, которая ухитрилась заползти в голову к Триксу, была довольно разумной.

Умеют ли минотавры лазить по деревьям?

Однако беглый взгляд на ближайшие деревья повергТрикса в уныние. Самое высокое было в два человеческих роста. Минотавр смахнет его алебардой с верхушки.

Вторая мысль, как оно обычно и случается в критических ситуациях, была глупой.

Всем известно, что минотавр — наполовину человек, наполовину животное. И как всякое животное, он боится яркого огня, быстрой воды и уверенного человеческого взгляда...

Будь Трикс чуть менее напуган, он бы заметил, как минотавр на ходу перепрыгнул через дымящуюся воронку, оставшуюся в земле от попадания магической молнии, а потом, ничуть не озаботившись, пробежал босыми ногами по горящей траве.

Но от страха Трикс не видел ничего, кроме злобных, налитых кровью глазок, острых рогов, оскаленных клыков и спутанной рыжей шерсти на морде минотавра. Он выпрямился, пытаясь придать себе горделивую осанку (будь его рост чуть выше — это бы получилось), вперил взгляд в глаза минотавра и закричал изо всей силы (голос дал петуха, но зато вышло громко):

— Стой! Перед тобой человек!

Прозвучало это гордо, но минотавр, конечно же, не остановился. А то, что мальчишка стоял на месте и смотрел ему в глаза, его только разъярило. Он запрокинул голову, издал громкий рев и на бегу замолотил себя левой рукой по груди. Железный панцирь грохотал, покрываясь глубокими вмятинами. В правой руке минотавр по-прежнему сжимал алебарду.

Трикс уже ничего не соображал. Убегать было поздно, лезть на дерево — глупо, сражаться — просто смешно.

— На колени! — крикнул он. — Твоя ярость бессильна перед моей отвагой! Еще шаг — и ты сдохнешь в страшных муках! Твое сердце остановится, а дыхание прервется!

Минотавр остановился и удивленно уставился на Трикса. Чудовище и мальчика разделял от силы десяток шагов. Триксу показалось, что он чувствует зловонное дыхание монстра. Маленькие злые глазки подозрительно смотрели под ноги, будто ожидая увидеть там ловушку.

— Сделай лишь шаг — и ты умрешь, как безмозглый бык на бойне! — пригрозил Трикс. — Моли меня о пощаде, чудовищная тварь, порождение тьмы и хаоса!

Непонятно, что именно разозлило минотавра — сравнение с быком или фраза о тьме и хаосе, откуда он, собственно говоря, и происходил. Но чудовище вновь оскалилось, сделало шаг к Триксу...

И замерло.

На морде минотавра медленно появилось удивленное выражение. Он выпустил алебарду и принялся обеими руками сдирать с себя доспехи. Крепкие кожаные ремешки, которыми были связаны железные пластины, не выдержали и разорвались, доспехи чешуей осыпались под ноги. Монстр принялся скрести лапами по груди. Потом несколько раз сильно ударил себя кулаком где-то в районе сердца. Облегченно и шумно выдохнул. Отступил на шаг. С опаской уставился на Трикса.

Трикс с куда большим испугом глядел на минотавра.

Монстр обернулся и посмотрел на башню из слоновой кости, на лицо мага, которое плавало в воздухе и, казалось, всматривалось сейчас в их сторону.

— Вот только попробуй! — пригрозил Трикс. Взгляд его упал на валявшийся под ногами камень — гладкий, обточенный водой и ветром голыш размером с кулак. — Слышал о том, как великий воин Маргон Зеленозубый поразил циклопа одним метко пущенным камнем?

Трикс вытащил из штанов ремень, нагнулся, схватил голыш и вложил в петлю. Праща получилась не слишком серьезная, да и в балладу о Маргоне Трикс не сильно верил. Но все-таки...

— Хватит одного камня, чтобы разбить твой череп и расплескать вонючий мозг по окрестностям! — заявил Трикс. — Я сам порой ужасаюсь своих деяний! Никто не чувствует себя в безопасности рядом со мной, когда я беру в руки оружие! Не один зверь пал от моей руки!

Если быть более точным, то от руки Трикса пало два зверя — старый, подслеповатый олень, который на охоте налетел прямо на копье (мальчик потом полчаса проплакал в кустах бузины), и молодой, глупый кролик, сраженный именно из пращи. Белка, в которую он целился, благополучно ускакала.

Минотавр снова посмотрел на башню. Маг теперь явно следил за ними. И лицо его было очень хмурым. А еще к ним приближался Паклус, от которого уже отстали немногочисленные выжившие монстры.

На морде минотавра отразились одновременно отчаяние и злоба. Он снова занес алебарду и шагнул к Триксу.

Мальчик крутанул пращу и выпустил камень куда-то ориентировочно без малого примерно почти в сторону монстра.

Камень понесся по такой причудливой траектории, будто Трикс запустил из пращи сумасшедшую птицу, и с таким пронзительным визгом, словно эта птица была крайне недовольна его действиями. Описав дугу, камень попал прямо в лоб минотавру, между глазами, чуть повыше грозно раздувающихся ноздрей.

Голова минотавра разлетелась осколками костей и мелкой серой моросью. Не издав ни звука, поскольку издавать звуки ему теперь было нечем, минотавр рухнул на траву к ногам Трикса.

Воняло ужасно. Все окрест было покрыто липкой серой гадостью с потрясающе гадким запахом.

Разогнавшийся Паклус отчаянно попытался затормозить, но не успел. Он со всего размаха налетел на обезглавленного минотавра, выставил вперед руки с мечом — и так и упал, пронзив мохнатую тушу и пригвоздив ее к земле.

— Браво, браво! — раздалось за спиной Трикса. — Но совершенно излишне, друг мой.

Борясь с тошнотой, Трикс повернулся — и обнаружил стоящего рядом человека. Длинный серый плащ и круглая

черная шапочка, расписанная таинственными рунами, не оставляли сомнений, что это маг.

— Радион! — завопил Паклус, ворочаясь на теле минотавра и пытаясь вытащить меч. — Вот ты и попался! Сейчас... сейчас...

Он вдруг принюхался и сморщился от омерзения.

— Что это за вонь? Если ты решил отравить меня...

— О, вонь — это всего лишь последствия излишне красочного заклинания, — небрежно взмахнул рукой Радион. — Сейчас уберем... — Он поморщился и произнес: — Сладкий и чистый воздух, напоенный дыханием далеких цветочных лугов и снежных горных вершин, омыл поле кровопролитной сечи, унося смрад и зловоние...

В воздухе пахнуло свежестью. Вонь мгновенно улетучилась.

— Я вызываю тебя на поединок! — вытащил наконец-то свой меч Паклус. — Защищайся, самодовольный сноб!

— Сэр Паклус... — увещевающе начал Щавель. Лицо его было вовсе не столь грозным, как по-прежнему витающая над башней призрачная маска. — Сэр Паклус, возможно, мы оставим наш давний спор ввиду открывшихся обстоятельств...

— Ты сдаешься? — победно воскликнул Паклус.

Маг вздохнул, и Трикс понял, что сейчас все-таки произойдет смертоубийство.

— Стойте, господин! — в панике закричал он. — Стойте! Вы о чем спорили? Что вы сильнее мага? А господин Щавель говорил, что он сильнее рыцаря? Или вы говорили, что магу не победить рыцаря, а господин Щавель говорил, что рыцарю не победить мага?

— Ну? — потрясая мечом, произнес Паклус. — Не помню. Какая разница?

— Так ведь вы оба правы! — завопил Трикс. — Господин Щавель не смог вас победить — вы правы! И вы не смогли победить господина Щавеля — он прав! Вы же были друзьями! Зачем же вам враждовать до смерти?

Рыцарь задумчиво посмотрел на мага.

Маг широко улыбнулся.

— Ты злодейски умертвил шестнадцать моих оруженосцев! — возмущенно сказал Паклус. — Как я теперь могу с тобой примириться?

Услышав про шестнадцать оруженосцев, Трикс едва устоял на ногах.

— Да кто тебе сказал, что они мертвы? — возмутился Щавель. — Уж кто-кто, а ты должен знать, что я всегда выступал за гуманность в боевой магии!

Паклус крякнул. Покосился на уцелевших монстров, толпившихся на безопасном расстоянии и от скуки уже принявшихся задирать друг друга. Вложил меч в ножны.

— Ну, если ты мне докажешь, что они живы... — хмуро сказал Паклус. — Тогда... тогда... презренный негодяй...

— Здравствуй, боевой товарищ! — негромко сказал Щавель.

На глаза Паклуса навернулись слезы:

— Здравствуй, Радик!

Старые друзья шумно обнялись. Маг тоже вытер глаза широким рукавом плаща.

— Что минотавра своего обезглавил — спасибо, — сказал Паклус. — Это Трикс, мой новый оруженосец. Славный парнишка. Негоже такому гибнуть от лап монстра.

— Это не я, — усмехнулся Паклус. — Это он сам.

— Что он сам? Сам себе голову снес? — не понял Паклус.

— Нет. Это твой оруженосец сам убил минотавра. Камнем из пращи.

Сэр Паклус отстранился от мага, посмотрел на минотавра, потом на Трикса, на ремень в его руках. Захохотал:

— Что?! Камнем? Из пращи?

— Но ведь славный Маргон Зеленозубый поразил циклопа одним камнем! — воскликнул Трикс, до которого только стало доходить, что именно он сделал.

— Помню, помню, — кивнул Щавель с улыбкой. — Я присутствовал. Один камень, да! Из баллисты и попавший точно в глаз.

— Минотавра из пращи не убить, — твердо сказал Паклус. — Чудес не бывает!

— Почему же «не бывает»? — Радион Щавель покачал головой. — Ни один маг с тобой не согласится! А твой оруженосец — маг.

Он подошел к Триксу и одобрительно похлопал его по плечу.

— Должен признать, что для начинающего мага у тебя совсем неплохие заклинания.

Трикс сидел на корточках в маленьком саду, разбитом на крыше магической башни. Насчет того, что на крышу башни могли приземляться драконы, он угадал — между башенками был устроен здоровенный насест из толстых брусьев железного дерева, ценимого драконоводами за огнеупорность. Но помимо насеста нашлось на крыше место и для небольшого садика — росли там в основном цветы: ромашки, незабудки, колокольчики, хотя имелись и огурцы, помидоры и прочая зелень. Самая большая и красивая клумба была накрыта стеклом наподобие парника. Под стеклом протекал небольшой ручеек, весело струящийся по кругу — тут явно не обошлось без магии. На берегу ручейка стоял маленький красивый домик, а вокруг домика суетились крошечные, не больше пальца, человечки. Некоторые собирали грибы и орехи, другие купались в ручейке, а большинство просто валяло дурака. Наблюдателя они не замечали и явно радовались жизни.

— Я и подумал: что мне с ними делать? — рассказывал Радион Щавель. Помирившиеся маг и рыцарь стояли у драконьего насеста с полными чашами вина. — Отпустить? Ты обидишься, скажешь — всерьез с тобой не воюю. В ученики взять? Так у них ни малейших способностей к магии! Держать в качестве пленников? Так это впору приют для неза-

дачливых оруженосцев открывать. Да и побьют все зелья, магические книги картинками разрисуют... Дай-ка, думаю, уменьшу я их до размеров огурца и поселю у себя в саду. Пусть живут дружным коллективом, а там посмотрим.

— Нехорошо! — упрекнул Паклус. — Ребятки о подвигах мечтали, а ты их в каких-то коротышек обратил.

— Так подвигов им хватает, поверь. То землеройка нападет, то шмель залетит. Столько приключений, впору летопись сочинять... Знаешь что? Давай ты их всех вызволишь! Я им размер прежний верну. Все, что тут с ними было, они помнить станут смутно, как во сне. Головы-то нынче маленькие, много воспоминаний не удержится. А ты их всех в Дилон приведешь, скажешь — вызволил из плена у коварного Щавеля!

— Мне подачек не надо! — гордо сказал Паклус.

— Какая же это подачка? — удивился Щавель. — Ты и впрямь их вызволил! Что не так?

— Положено в бою... — неуверенно сказал рыцарь.

— У нас и был бой! А хочешь — стукни меня! Только, чур, не в полную силу!

— Ну... не знаю... — Рыцарь заколебался.

— Бери, бери! Тебе все равно оруженосец нужен!

— У меня есть! — насторожился Паклус.

— Трикс? Да с каких это пор маги оруженосцами служат?

Трикс искоса посмотрел на Щавеля и Паклуса, после чего продолжил наблюдать за человечками. Один, одетый наиболее ярко, был, очевидно, его предшественником...

— Трикс не маг! Он благородного происхождения и хочет стать рыцарем!

— Как я понял, он хочет отомстить обидчикам, — уточнил Щавель. — А магия, поверь мне, самая удобная штука для мести!

— Но-но!

— Наравне с профессией рыцаря, — быстро поправился Щавель. Ссориться снова он явно не хотел. — Паклус, друг

мой... Ты же знаешь, как важны маги на войне. И знаешь, как редко встречается у людей этот дар! Это только у эльфов все помаленьку подколдовывают...

— Не знаю, не знаю... — Паклус засопел.

Триксу даже стало приятно, что за него идет такой бурный торг.

— Ты идешь на эту жертву во имя всего королевства, Паклус!

— Да зачем королевству еще один маг? Время-то мирное!

— Это сейчас оно мирное. Должен тебе сказать, — Щавель понизил голос, — что обстановка в последнее время стала очень напряженной. Витаманты на Хрустальных островах оправились от поражения. Говорят, что путем жестоких экспериментов они научились делать магов из обычных людей. Конечно, маги это слабенькие, ничего выдающегося. Но их тысячи, Паклус! Десятки тысяч!

— Будет врать-то, — совсем по-мальчишески ответил Паклус. — Тысячи?

— Да!

Наступила тишина. Трикс тихонько постучал пальцем по стеклу, пытаясь привлечь внимание своих незадачливых предшественников. Человечки торопливо потянулись в дом. Похоже, решили, что это гремит гром.

— Трикс! — громко позвал Паклус.

Вскочив, Трикс подбежал к рыцарю.

— Слышал, о чем мы говорили? — спросил Паклус.

— Да, — признался Трикс.

— Тогда решай. Чего больше хочешь — со мной остаться или пойти к Радиону Щавелю в ученики?

Трикс заколебался. Рыцарь был явно огорчен таким поворотом дела. И ведь он бросился на помощь оруженосцу, когда был почти у самой башни...

— А могу я стать сразу и рыцарем, и магом? — попытался он схитрить.

— Можешь! — в унисон ответили Паклус и Щавель. Переглянулись. Потом Радион выразил общее мнение: — Только ты станешь никудышным рыцарем и плохим магом.

— У меня действительно есть способности к магии? — спросил Трикс.

— Ты знаешь, что такое магия? — вопросом ответил Радион.

— Искусство словами менять мир.

— Верно. А почему слова могут менять мир?

— Не знаю. — Трикс пожал плечами. — Это тайна, наверное... Нужны особые слова?

— Особые, — кивнул Щавель. — Дело в том, мальчик мой, что мир — это лишь представление людей о нем. Когда-то люди договорились считать, что небо — голубое, солнце — желтое, трава — красная...

— Радион, трава — зеленая, — негромко сказал Паклус. — Сколько можно тебе напоминать?

Маг смутился:

— Зеленая, конечно же. Я оговорился. Чтобы пример был нагляднее.

— Вино у нас в чашах какое? — напористо спросил Паклус.

Щавель вздохнул:

— Ну помню, помню! Хватит попрекать, у меня папенька цвета не различал, а я в него уродился! Кровь и вино — красные, трава и жабы — зеленые. «Что льется, то красно!»

— Это я ему такое напоминание придумал, — с гордостью сообщил Паклус. — Давай излагай дальше.

— Так вот. — Маг откашлялся. — Когда-то люди договорились, каким должен быть окружающий мир. И договорились, конечно же, с помощью слов. Придумали для всего на свете объяснение. Но слова-то могут быть разные. И сила в них осталась! Если ты подберешь правильные слова и скажешь что-то очень убедительно, то мир может тебе поверить. И измениться.

— Поэтому магу всегда нужен слушатель, — добавил Паклус. — Хотя бы тупой минотавр. Поэтому умные маги всегда ходят со спутниками. С учениками, к примеру.

— Хорошие маги, — сказал Радион таким тоном, что стало ясно: себя он относит к очень хорошим, — могут и сами себя уболтать. Но, конечно, с напарником проще. Чем простодушнее и доверчивее напарник — тем лучше действует магия.

Он искоса поглядел на Паклуса и торопливо отхлебнул вина, будто решил, что сболтнул лишнее. Но рыцарь ничего дурного не подумал.

— Какие слова в волшебстве верные, а какие — нет? — спросил Трикс.

— Правильный вопрос, — кивнул Щавель. — И как во всяком хорошем вопросе, в нем уже есть ответ. Верные слова — те, в которые верят! От которых захватывает дух и сладко замирает сердце!

— А почему придуманные слова слабеют?

— Еще один отличный вопрос! — оживился Щавель. — В тебе задатки великого мага! Да, единожды придуманное заклинание можно использовать много раз. Но от частого произношения оно как бы изнашивается, мир в твои слова верит все меньше и меньше, волшебство работает все слабее и слабее. А уж если его записать и начать раздавать кому попало, то через несколько месяцев самое могучее заклинание превратится в ничто! Поэтому маги свои заклинания берегут и без нужды не используют, чаще импровизируют, для мелких бытовых задач магией не пользуются.

— Решай, мальчик, — сказал Паклус. — Ты оруженосец славный, я бы из тебя сделал рыцаря. Но если решишь стать магом... — Он замолчал, потом грустно добавил: — Что ж, возможно, мы еще встретимся на поле брани в одном строю. И пока ты будешь сочинять свои красивые слова, я со своим верным мечом постараюсь прикрыть тебя от чудовищ.

Трикс подошел к рыцарю и крепко обнял его.

— Это значит, ты выбрал карьеру рыцаря, мальчик? — растроганно спросил Паклус.

Радион Щавель улыбнулся.

— Нет, сэр Паклус. С вашего позволения я пойду учиться магии у вашего друга, — ответил Трикс. — Спасибо вам большое. Я бы постарался стать достойным оруженосцем и рыцарем. Но, знаете, мне кажется, что магия — это мое.

Паклус кивнул. Печально сказал:

— Ты прав, Трикс. Удачи тебе.

Трикс повернулся к магу и спросил:

— Что мне делать, господин учитель?

Радион прищурился:

— Спустись на два этажа вниз, ученик. Там ты найдешь большую и грязную кухню. Постарайся за вечер сделать ее несколько чище. И помни, что волшебники не используют магию для презренных бытовых целей.

— Слушаюсь, — сказал Трикс, ничуть не удивившись.

Он бросил последний взгляд на игрушечный домик и пошел к лестнице. За его спиной Паклус шепотом сказал Радиону:

— Очень славный мальчик. Но все-таки учитывай, он немного недотепа.

— О да, — с удовольствием ответил маг. — Я вижу. Из таких и получаются самые лучшие волшебники.

И спускаясь на кухню, Трикс широко улыбался — как человек, наконец-то нашедший свое место в жизни.

ТАК ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ?

Андрей Шмалько

ФАНСТРИМ, или ЗАВТРАК В ФОНТЕНБЛО

А не пора ли нам, друзья, позавтракать в Фонтенбло? Особо роскошествовать не станем: салат «Герцог Арагонский», котлеты «Орли», кусочек торта «Онтроме», совсем маленький. Насчет вина я не спец, но не беда, мэтр подскажет. Чего-нибудь легенькое вроде шабли или кло-де-вужо. Посидим на веранде, покурим, дворцом полюбуемся — тем, где Бонапартий от престола отрекся. Никто не против?

Отчего я с гастрономии начал, не с фантастики? Три причины, друзья, имеются, целых три. Внимание слушателей, равно как читателей, следует привлечь, причем с первых же слов. Всем уже интересно, надеюсь? Это во-первых. Есть и во-вторых. Тупое фэнье на своих форумах уверено, что мы, фантасты, пишем исключительно ради денег, выражаясь их суржиком: «Кушать хоцца!» Оправдаем доверие? Представляете, мы котлеты «Орли» вкушаем — а фэнье «рваные грелки» жует. Лепота!

Есть и в-третьих. Дело в том, что некий литературный завтрак в Фонтенбло уже состоялся — и не без серьезных последствий. Нет, я не про несварение желудка, дела тут покруче будут. Некая литературная делегация, представляющая по их собственным словам «российский мейнстрим», прибыла в упомянутое Фонтенбло и было покормлена «на шару»

© А. Шмалько, 2006.

(если французистее — «на шаромыгу») галльскими коллегами. Выпили винца, котлетой зажевали. Тре бьен и мерси боку? Если бы! Представители иных писательских союзов, на завтрак не приглашенные, завопили на весь эфир: «Самозванцы! Не вы мейнстрим — это мы, мы мейнстрим! Нам котлету, нам!» И начался великий литературный гвалт, до сих пор Эхо бедное утихнуть не может.

Резонный вопрос: нам-то какое дело до этих шаромыг в драных подштанниках? Мы, фантасты, в подобной «шаре» не нуждаемся, грантов не выпрашиваем и завтракаем, как правило, за свой счет. Надо будет — самих французов накормим и напоим до поросячьего визга, впервой что ли? Все так, но есть в этой забавной истории некое смысловое ядро. Уловили, конечно? Да-да, именно: «мейнстрим». Тот самый.

1

Последние десять лет, с того самого счастливого года, когда русскоязычная фантастика начала возрождаться, нас пугают мейнстримом. Мол, чего там вы ни пишите, чего ни издавайте, все равно мейнстримом вам не стать. Хуже того! Выясняется, что страшный мейнстрим нас, фантастов, знать не желает и в упор не видит, и что мы, бедные, много теряем от этого. Тем более гордиться, что мы — фантасты — по сути, грех, потому как нечем. Робкие попытки возразить на тему «Мы тоже...» парируются железным: «Вы, так вас растак, фантасты, отгораживаетесь от Большой Литературы, что ведет к отупению, измельчанию и генетическим уродствам». Подразумевается, что есть некий великий Мейнстрим (он же упомянутая Большая Литература, он же «боллитра») — и литература второго сорта, «жанровая»: для подростков, недоумков и особо озабоченных. Жуткий призрак мейнстрима год за годом висит над безвинной Фантастикой, пугает, холодом могильным дышит. Не будет вам, фантасты, литературного признания, и литературного бессмертия не будет — и ничего

не будет, потому как мы, Великий Мейнстрим, все, а вы — никто и зовут вас никак. Фантастика — пфе! Фи!

Не знаю, как кому, а мне в ответ на такие откровения так и хочется совершить нечто весьма и весьма решительное, а потому предлагаю... Что именно? Разобраться как следует, конечно!

Мой любимый питерский писатель Ст. (я не Иосифа Виссарионовича имею в виду) предложил как-то по иному, правда, поводу, объявить войну — литературную. За что был, по слухам, энергично воспитан в темном коридоре, но мыслей своих не оставил. Так не пора ли и нам? Вот он, мейнстрим-супостат, всей нашей Фантастики враг смертный! Препояшем чресла, зарядим бластеры, посадим на коней арбалетчиков, наведем стрелы Перумова с разделяющими головачевками. И ка-а-ак!..

Стоп! Прежде чем «и ка-а-к...», давайте все-таки поглядим на нашего супостата. Для начала, где он? В Фонтенбло завтракает — или слезницы по начальству пишет, без завтрака оставшись? Какие именно шаромыжники, любители за чужой счет брюхо набить, сей страшный мейнстрим представляют? Только в России писательских Союзов с полдюжины, да еще в Украине есть, и в Белоруссии, и по иным вольно плывущим странам-айсбергам хватает. Кто вы, мистер Мейнстрим? Гюльчатай, открой личико!

2

Кого бы спросить? На первый взгляд все понятно. Что такое мейнстрим «вообще», давно уже определено. Вот, скажем, одна из дефиниций:

Мейнстрим — от английского словосочетания «главное, основное течение», означает, соответственно, основное течение культуры, рассчитанное на так называемую массовую аудиторию. Противопоставляется альтернативным течениям: анде-

граунду, авангарду и прочим. Категория не оценочная, а, так сказать, аудиторная. У мейнстрима аудитория большая и смешанная, у прочих течений — маленькая и избирательная, «на любителя».

Некий критик уточнил: тигр — это мейнстрим, гиена — альтернатива. Тигр нравится многим, гиена — лишь некоторым. А все тот же писатель Ст. как-то изрек: «Большая Литература — та, что издается большими тиражами». Кто бы спорил.

Итак, во всем мире мейнстрим — это то, что читают. Стивен Кинг — мейнстрим, и Сидни Шелдон — мейнстрим, и Крайтон — мейнстрим, и даже недовинченый Дэн Браун. Вот они, тигры! Значит, аналогии следуя, наши тигры — это Акунин, это Донцова, это Перумов, Семенова, Головачев, Белянин...

Стоп, стоп, тормозить пора. Отчего? Оттого, что «у нас», это не «у них», мы все родом из Страны Чудес, как бы она теперь ни называлась. Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью. Акунин и Перумов — мейнстрим? Не дождетесь!

Откроем, к примеру... Да хоть «Литературную газету»*, отчего бы и нет? Читаем:

«Может быть, мейнстрим — это тип письма, наиболее распространенный в данной национальной литературе в данную эпоху, наиболее востребованный читателем?»

Как вы уже догадались — зась! Это «у них», у нас же солнце восходит даже не на западе — на северо-северо-юге.

«При такой постановке вопроса мейнстримом оказываются массовые жанры, что не выдерживает проверки ретроспекцией».

---

* Дмитрий Кузьмин. В поисках мейнстрима. // «Литературная газета», 2001 — № 16 (5831) — 18—24 апреля 2001 г.

Ферштейн зи? Вот ужо придет мадам Ретроспекция, вот ужо рассудит. Массовый жанр?! Дави гадов, катком в асфальт впечатывай! Это, значит, изваяет какой-нибудь щелкоперишка книжку о том, как голодный студент старушку-процентщицу топором укокошил — и подобную развлекуху мейнстримом считать? Не дождетесь!

Ладно, не дождемся — до мадам Ретроспекции лет сто пройти должно. Значит, «наш» мейнстрим — это то, что выдержит проверку Временем? Мудро, что ни говори. Итак, вопрос откладывается до 2105 года? Все в Фонтенбло — дружно завтракать? Если бы! В нашей Стране Чудес мейнстрим — не то, что читают, не то, что и через сто лет читать станут, а то... Не догадались? То, чему НАЧАЛЬСТВО таковым быть велит!

«Существуют привилегированные литературные институции, которые определяют основы национальной литературы; мейнстрим — это тип письма, преимущественно отбираемый такими институциями. Для советской эпохи мейнстрим определялся «толстыми журналами». Ряд принципиально важных литературных явлений эпохи (в частности, проза братьев Стругацких) через «толстые журналы» не проходили и как часть мейнстрима не ощущались: мейнстрим — это не самые яркие явления, а типичные. Но — не всякие типичные: в советские годы была и типичная советская фантастика, и типичный советский детектив, но «толстые журналы» не наделяли эту типичность легитимностью».

Итак, во всем мире мейнстрим определяют миллионы читателей, у нас же «литературные институции», то есть фактически несколько человек. Теперь ясно? Но ведь это в советскую эпоху. А сейчас?

«И сегодня «толстые журналы» претендуют на сохранение той же роли».

И это не выдумка ностальгирующего по всесильному «начальству» критика из «Литературки». Не так давно некий редактор очень толстого журнала так и сказал: «Мы — журнал мейнстрима». Поверил бы, только в том же интервью выяснилось, что тираж оного журнала — 600 экземпляров. Нет, не тысяч — просто шестьсот. И хоть у нас Страна Чудес, все равно — не верю. Так и хочется сказать оному начальничку: «Мужик! У тебя не журнал мейнстрима, у тебя — стенгазета. Свободен!»

Кажется, это понимаю не один я. Все тот же ностальгирующий по начальственным «ЦУ» критик вздыхает:

«Очевидно и то, что слом эпох произошел, а следовательно, институции, канонизирующие тип письма в качестве мейнстрима, должны быть переназначены заново. Ежели отказать «толстым журналам» в таком назначении, какие институции займут их место?.. Предполагается, что право определять мейнстрим перехватили у журналов издательства».

Дальше — неинтересно. Заслуженный лакей долго и нудно размышляет, каким «институциям» (ну и словечко!) отдаться, какого барина слушать. Оставим его за этим приятным занятием да и подумаем, что из всего этого следует?

То, что с холуями и холопами от литературы нам не по пути? Конечно, да.

То, что без «институций» обойдемся, как весь мир обходится? Естественно.

Но не это главное. Главное же, на мой взгляд, то, что даже в недрах «боллитры» никакого общепризнанного мейнстрима нет — и пока не намечается. Из той же лакейской слышится вздох:

«У меня нет готового ответа на вопрос, где пролегает сегодня мейнстрим русской прозы. Вероятно, мы находимся

сейчас как раз в точке перелома, и еще несколько лет уйдет на борьбу различных литературных институций за право определять мейнстрим».

Здорово, правда? А пока институции дерутся за право «определять», смышленые авторы от Вячеслава Курицына до Андрея Василевского спешат объявить мейнстримом себя, любимого — и своих друзей за компанию. Авось проктит, авось поверят — и в Фонтенбло свозят. «Кушать хоцца!»

Что же выходит? А выходит, если критику поверить, что никакого страшного мейнстрима, супостата нашей Фантастики, Эдема, куда нас не пускают и не пустят, не существует и в помине. Нет его! Ну, вообще нет. По крайней мере, с точки зрения тех, кто в сей мейнстрим-Мальстрим очень стремится.

Мейнстрима, выходит, нет? А что есть? Кроме критиков-лакеев и кучки амбициозных и предельно голодных авторов-шаромыжников»?

3

Позвольте напомнить очевидное. В 1991 году распалась не только страна, но и монолит советской литературы. Не только по пресловутым «национальным квартирам», но и вообще распался: по Союзам, союзикам, группам и группкам. Поделили имущество, журналы, газеты, плюхами обменялись, по судам побегали. В результате же каждый «новодел» взял себе суверенитета в полную волю, что привело к возникновению нескольких конкурирующих и крайне слабо связанным между собой самостоятельных квазилитератур. Наиболее повезло конъюнктурщикам-«демократам», под шумок «прихватизировавшим» несколько наиболее популярных в прежние годы изданий. Именно к ним примкнула сервильная критика, имеющая выходы на ТВ и «большую прессу». Большинство этих «демократов» известны лишь словесным

эпатажем и прочей сорокинщиной. Зато удержанные ими, словно Зееловские высоты, позиции позволяли все последние годы уверять своих и чужих, что именно они и есть Великая Русская литература — и ездить на завтрак в Фонтенбло. Полдюжины писательских союзов, к кормушке не допущенных, регулярно поднимали и поднимают по этому поводу вой, но без особого успеха. Заодно и те, и другие чернят от души всех возможных конкурентов — и своих же, и детективистов, и нас, фантастов. Нас — с особой яростью, мы тиражами в 600 экземпляров не издаемся и милостыни не просим.

Вот и вся «боллитра» в естественном своем виде.

Так чего нам таких бояться? А главное, зачем нам в этот серпентарий стремиться? Своих склок не хватает, что ли?

Это «боллитра». А наша Фантастика?

Уже приходилось констатировать, что конгломерат, именуемый современной Фантастикой, сложился в середине 1990-х не как возрождение «старой доброй» НФ, пусть и на новом витке, а как сумма совершенно различных школ, групп и авторов, буквально выпихнутых из «боллитры» за непохожесть и яркость. Выпихнутых — куда? Прежде всего в «фантастические» серии нескольких издательств, решившихся печатать отечественную фантастику. В результате возникла не Новая НФ, а еще одна квазилитература, еще одно феодальное княжество со всеми соответствующими атрибутами. У нас, традиционно именующих себя фантастами, есть все: и детектив, и женский роман, и мистика, и альтернативная история, и свой эстетский авангард, и своя поэзия. Критика тоже есть — вкупе с литературоведением и библиографией. Чего нам пока не хватает, так это официальной «крыши» — собственного Литсоюза. И слава богу! Пусть это остается самой серьезной нашей нехваткой.

Итак, мы, именующие себя и именуемые всеми прочими гордым словом «фантаст», носим имя, верное лишь в историческом смысле. Наша Фантастика заняла «нишу» «старой доброй НФ». Но — не больше. Что у нас с этой «старой доб-

рой» общего, кроме ностальгических воспоминаний и нескольких мэтров-ветеранов? Скажем, фэнтези, чуть ли не самое массовое наше направление, в прежние годы вообще отсутствовало. И криптоистории не было, и мистики, и многого иного.

Обо всем этом приходилось говорить, но недавно сама жизнь предоставила очень серьезное доказательство данного тезиса. Если вы заметили, почти каждая из квазилитератур стремится обзавестись полным набором «жанров» (в дилетантском понимании этого термина), не в последнюю очередь — фантастикой. Скажем, фантастами стали Татьяна Толстая и Борис Акунин — авторы, которым подобное в прежние годы и в страшном сне бы не приснилось. Заодно всяческие нечистые на руку эстеты пытаются «отбить» наших авторов. И ван Зайчик уже, оказывается, не фантаст, и даже Андрей Лазарчук. Нужна, нужна фантастика — даже самым распоследним эстетам! А вот недавно фантастику стали выращивать... у нас, в недрах того, что мы Фантастикой и называем! Вспомните издательство «Фаэтон», раскручивающее научно-фантастические книги Татьяны Семеновой. Зачем нам создавать НФ — то, что в прежние годы и считалось фантастикой? Да потому, что у нас ее НЕ было! Теперь — есть, причем реакция очень многих наших почтенных авторов вполне мейнстримовская. Зачем, мол, нам фантастика? И без нее жили! И вообще, что это за «жанр»?

Так и вспоминается старый фантастический рассказ про страшных пришельцев, поймавших группу землян и усадивших их в клетку. Те, бедолаги, никак не могли пояснить, что они — не звери, а существа разумные. И только когда пленники поймали в клетке крысу и посадили в иную клетку, собственноручно сделанную, до инопланетян наконец дошло.

Только разумные существа могут держать кого-то в клетке. Только в недрах Не-Фантастики (в традиционном понимании термина) можно и нужно выращивать Фантастику, опять-таки в традиционном смысле этого слова.

Все сказанное, конечно, не значит, что мы — не Фантастика, иного имени нам и не требуется. А вот что действительно требуется, так это осознать, что между Фантастикой нынешней и тем, что так называли полвека назад, пресловутым «жанром» НФ, общего предельно мало. Сейчас нужно говорить не о «жанре», не о методе даже, а, еще раз повторюсь, о самостоятельной квазилитературе, одной из нескольких существующих. Есть литература демократического направления (союз Пулатова), есть патриотического (союз Ганичева), и есть Фантастика, то есть мы с вами.

Чем отличаемся мы от остальных айсбергов, осколков Советской литературы? Большим количеством читателей — раз. Меньшим количеством выходов на большую прессу и ТВ — два. А еще? А еще мы, в отличие от всех прочих, красивые, умные и дружные. Иных отличий, пожалуй, и нет.

И что из всего это следует? Пора в Фонтенбло?

4

Вообще-то ничто не мешает. Фантастика, детектив и женский роман, заклейменные тавром «жанра», если не процветают, то по крайней мере живут, не тужат. Отсюда все ужимки и прыжки деятелей «боллитры». Давеча вождь одного из карликовых литсоюзов на предложение принять в свои ряды фантастов в буквальном смысле слова возопил: «Только не фантастов! Только не фантастов!» Отчего так? Из-за презрения к «низкому жанру»? Так ведь даже не спросил, кто кандидат, чего издал, какого качества. Пора понять: нас отвергали и отвергают не по идейным соображениям, а исключительно как КОНКУРЕНТОВ. И мы должны относиться к «боллитре» аналогично. Это не паладины мейнстрима, не стражи духовности, даже не эстеты вполне определенной литературной ориентации, а исключительно КОНКУРЕНТЫ. Проигрывая в читательской любви, они обходят нас в холуйстве, за

что имеют право регулярно лобызать начальственные ботинки в обмен на вполне материальные блага. Вот и все.

Значит? Значит, никакой войны нет — и не будет. Не с кем спорить, некого в битве сражать. Надо просто делать свое дело. Отвечая же на призывы «не замыкаться» и не «вариться в собственном соку», охотно соглашусь: да, не следует. А следует, не прекращая работать, ясно видеть цели и перспективы. И одна из таких целей и есть тот самый мейнстрим.

Если редактор стенгазеты уверен, что он издает мейнстрим, то с куда большим основанием об этом могут заявить те, чьи тиражи в десятки раз больше. Такие авторы среди фантастов есть, не хватает им на первый взгляд лишь одного: прорыва пресловутой информационной блокады. Когда мы, фантасты, станем чаще появляться на ТВ и в «большой» прессе, количество неизбежно перейдет в качество. Как сие сделать? Это разговор отдельный, но перспективы, конечно, есть. К примеру, один писатель предложил коллегам-фантастам чаще выступать в «большой» прессе, писать рецензии, обзоры, статьи. И это можно. Годится и другое: попросту перекупить двух-трех журналистов и критиков из «боллитры», дабы осознали великую ценность фантастики и всем прочим с придыханием о том поведали. А что? Славили «Малую Землю», Бондарева и Айтматова новыми Толстыми провозглашали, пусть теперь на наше благо поработают. Противно, конечно, но к иному «боллитра» и не привыкла. Целоваться не станем — не положено с особами подобной профессии.

И все? Нет, друзья, не все. Пора, наконец, и о главном.

5

Критик из «Литературной газеты» при всем своем лакействе не слишком ошибается насчет мадам Ретроспекции. Большие тиражи, тьма читателей — все-таки еще не мейнстрим.

«При такой постановке вопроса мейнстримом оказываются массовые жанры, что не выдерживает проверки ретроспекцией: вряд ли кто будет утверждать, что в России 1860—1870-х гг. мейнстрим определяли Крестовский и граф Салиас».

Простим убогому выпад против «массовых жанров», а заодно против безвинного Крестовского. Бог с ним, с веком XIX! Но если исходить исключительно из уже помянутой аудиторной оценки, нынешний мейнстрим это даже не Донцова, а поваренная книга вкупе с телефонной, а то и вообще Уголовный кодекс. Дело, конечно, не только в тиражах. В чем еще? В читателях, само собой — однако в отношении не только количественном, но и качественном.

Позвольте вновь напомнить нечто общеизвестное.

Исторически сложилась так, что общество делилось и делится на две неравные части. Назывались они по-разному: аристократия и быдло, интеллигенция и народ, элита и пипл, но суть за последние два-три века не изменилась. «Две нации» — как-то сказал Дизраэли. Да, две нации, причем отличия между ними не только имущественные, но и чисто этнографические и, конечно же, культурные. Кому «Езда в остров любви», кому «Еруслан Лазаревич», кому Надсон, кому «Сыщик Путилин», кому Иосиф Бродский — кому Евгений Евтушенко. У каждой нации — свои кумиры, свои любимые писатели, свои приоритеты и ожидания. Нынешняя «боллитра», представляющая прежде всего литературу для эстетов, само собой, никогда не признает мейнстримом ту же Донцову. А для читателей Донцовой Сорокин, кумир снобов-извращенцев — тоже не мейнстрим, а... Скажем так, нечто иное.

А что же мейнстрим? А мейнстрим — это тот достаточно редкий случай, когда книгу читают и те, и другие, и аристократы, и быдло, и народ, и интеллигенты. Было такое? Пушкин, Толстой, братья Стругацкие... Было, конечно! Есть ли

сейчас? Рискну опровергнуть критика-лакея и предположить: есть. Кого из отечественных авторов сейчас читают «все»? Навскидку: Акунин, ван Зайчик, Веллер, Пелевин. Есть! Почему их читают? Потому что авторы вольно или невольно учитывают интересы и пожелания этих «всех»:

1. Текст хорошего качества, но без извращений и прочих выкрутасов.

2. Сюжет интересный и вполне понятный, но ни в коем случае не примитивный, желательно, с приятным философским привкусом.

3. Привлекаются приемы из иных «жанров»: детектива, фантастики, женского романа.

4. В основе же всего — старая, добрая «психологическая» проза. Самое интересное всегда — герои, их чувства, их мысли, их радости и печали.

Всего понемногу, качественное исполнение — и подавай на стол хоть в Фонтенбло. Впрочем, сравнение с кухней недостаточно. Лучше представить, что вы — где-нибудь у шоссе среди толпы не особо сытых беженцев. Всяких в толпе хватает: и работяг, и профессоров, и урок, и домохозяек. Вечер, всем грустно, всем холодно. А вы встаете и говорите этак уверенно: «Не грустите, друзья! Расскажу я вам сейчас одну очень интересную историю!»

Получится? Станут слушать? Значит, вы уже в мейнстриме. Вы — тигр!

6

Проверим наши выводы. Если наша Фантастика не «жанр», а литература (пусть и «квази»), один из вольных айсбергов, отколовшихся от сгинувшего монолита, значит, мы должны иметь в комплекте не только эстетов, детективистов, критиков и собственно фантастов, но и соответствующее деление: книги для «тех» — и книги для «этих». Заметно ли у нас деление на «две нации»?

Вопрос оставляю открытым. Желающие могут сами сравнить то, что печатается в «Полдне», с тем, что печатается в «Крылове», прикинуть, куда отнести Хаецкую, а куда Никитина, побродить по джунглям нашей фэнтези. Иное интересно: а как у нас с мейнстримом? С фанстримом* — уточним для ясности. Есть ли у нас книги, читаемые «всеми», есть ли авторы-тигры?

Думаю, да. Желающие могут сами назвать имена, их не так много, как хотелось, но они есть. Где-то раз в два года, а то и чаще, появляется книга с громким эхом: о ней говорят, спорят, читают, а после — регулярно переиздают. И каждый видит в ней свое: высоколобые — характеры героев и особенности языка, иные — навороченный сюжет с неожиданным финалом. В такой книге обязательно присутствует некая изюминка, своеобразное «ноу-хау», не позволяющая спутать ее с общим глянцевым «валом».

Впрочем, подробный анализ фанстрима — тоже особый разговор.

И что же из этого следует? Все в фанстрим? Даешь по Стивену Кингу в каждый квартал? Нет, конечно. Бессмысленно призывать братьев-фантастов писать так, а не этак. Бессмысленно — и не нужно. Но вот верно оценивать обстановку, видеть ориентиры, совсем неплохо. Нет смысла сразу готовить прыжок в «классику», творить пресловутую «нетленку». Но стремиться писать так, чтобы тебя читали если не «все» вообще, но (для начала) все — или очень многие из тех, кто любит фантастику, можно и нужно. Никто не отменяет и не отменит ни фэнтези, ни мистику, ни альтернативную историю, ни ту же НФ, однако почему бы не попытаться быть услышанным вне привычного круга своих читателей? Мейнстрим — не просто «основной поток», это скелет литературы, то, на чем держится все прочее. Сильный фанстрим — сильная Фантастика. И не иначе.

---

* Термин Олега Ладыженского.

Если получится — полдела сделано. Из фанстрима в мейнстрим дорога недолгая, услышали «наши», значит, и остальные услышат. Сами господа эстеты на коленях приползут, в свои стенгазеты потянут (и ведь тянут уже!). И пусть. Чем больше Фантастики, тем лучше. Одна книга, пятая, двадцать пятая... Тогда и настанет день, когда господам из «боллитры» останется либо к нам на поклон идти, дабы на содержание взяли — или самим писать лучше. Пусть выбирают!

А мы... А мы — в Фонтенбло. Тенистая веранда, вид на старинный дворец, белая скатерть. Поговорим о Фэн-Доме, о конвентах, о литературе, о том, как хорошо на свете живется. Первый тост, само собой, за Фантастику...

Ну что, согласны?

Евгений Лукин

ВРАНЬЁ, ВЕДУЩЕЕ К ПРАВДЕ

Теперь я вижу, что был прав в своих заблуждениях.

Великий Нгуен

Умру не забуду очаровательное обвинение, предъявленное заочно супругам Лукиным в те доисторические времена, когда публикация нашей повестушки в областной молодёжной газете была после первых двух выпусков остановлена распоряжением обкома КПСС. «А в чём дело? — с недоумением спросили у распорядившейся тётеньки. — Фантастика же...» «Так это они говорят, что фантастика! — в праведном гневе отвечала та. — А на самом деле?!»

Помнится, когда нам передали этот разговор, мы долго и нервно смеялись. Много чего с тех пор утекло, нет уже Любови Лукиной, второе тысячелетие сменилось третьим, а обвинение живёхонько. «Прости, конечно, — говорит мне собрат по клавиатуре, — но никакой ты к чёрту не фантаст». «А кто же я?» — спрашиваю заинтригованно. Собрат кривится и издаёт бессмысленное звукосочетание «мейнстрим».

Почему бессмысленное? Потому что в действительности никакого мейнстрима нет. По моим наблюдениям, он существует лишь в воспалённом воображении узников фантлага и

© Е. Лукин, 2006.

означает всё располагающееся вне жилой зоны. Можно, правда, возразить, что и окружающая нас реальность не более чем плод коллективного сочинительства, но об этом позже.

Не то чтобы я обиделся на собрата — скорее был озадачен, поскольку вспомнилось, как волгоградские прозаики (сплошь реалисты), утешить, наверное, желая, не раз сообщали вполголоса, интимно приобняв за плечи: «Ну мы-то понимаем, что никакой ты на самом деле не фантаст».

— А кто?

Один, помнится, напряг извилины и после долгой внутренней борьбы неуверенно выдавил:

— Сказочник...

Услышав такое, я ошалел настолько, что даже не засмеялся.

Впрочем, моего собеседника следует понять: термин «мистический реализм» (он же «новый реализм») используется пока одними литературоведами, да и то не всеми, а слово «фантастика» в приличном обществе опять перешло в разряд нецензурных. Недаром же, чуя, чем пахнет, лет десять назад несколько мастеров нашего цеха предприняли попытку отмежеваться, назвавшись турбореалистами.

Тоже красиво...

Так вот о мистическом реализме. Если в Америке и Англии, по словам критиков, сайнс-фикшн и фэнтези традиционно донашивают лохмотья «серьёзной» литературы, то у нас всё обстоит наоборот: нынешние модные писатели — зачастую результат утечки мозгов, так сказать, эмигранты жанра. А то и вовсе откровенные компилляторы, беззастенчиво обдирающие нас, грешных, выкраивая из обдирок собственные эпохальные произведения.

Что ж, бог в помощь. Хотелось бы только знать, чем в таком случае этот таинственный мистреализм принципиально отличается от фантастики? Кроме брэнда, конечно.

Задав подобный вопрос литературоведу, вы сможете насладиться стремительной сменой цвета лица и забвением сло-

ва «дискурс» (вообще, когда авторитет теряется до такой степени, что забывает феню и переходит на общепринятый язык, знайте, вы угодили в точку).

— Да как вообще можно сравнивать Булгакова и...

Если же вы будете упорны в своей бестактности, учёный муж (жена) нервно объяснит, что мистический реализм — это когда талантливо, а фантастика — это когда бездарно.

Такое ощущение, что господа филологи добросовестно прогуляли курс лекций по введению в литературоведение. Классификацией, напоминаю, занимается теория литературы, а качество того или иного произведения оценивает критика.

Впрочем, попытки подойти к проблеме с позиций теории, как выяснилось, также приводят к результатам вполне умопомрачительным. Так мне рассказали недавно, что московские литературоведы, с лёгкостью вычленив отличительные (типологические) признаки детектива и любовного романа, споткнулись на фантастике. Не нашлось у неё ярко выраженных отличительных признаков. И знаете, какое из этого проистекает заключение? Фантастики нет. Нету нас. Нетути.

Встречу в следующий раз собрата по клавиатуре — непременно покажу ему язык.

Год этак семидесятый. Лекция. Преподаватель пластает романтизм. Представители данного направления, сообщает он, отвергали обыденность, искали выхода в иной реальности, в иных временах. Мрачные реакционные романтики идеализировали прошлое, уходили в мистику. Прогрессивные верили в будущее. Был, правда, автор, стоящий особняком, его трудно отнести и к тем, и к другим. Эрнст Теодор Амадей Гофман. Явный романтик, но для реакционного слишком светел, а с другой стороны, и в грядущем ничего доброго не видел. Герой его обретает счастье в Атлантиде (не исключено, что сходит с ума).

Хорошо, что я тогда не задал вопрос: «Так, может, это фантастика?» Выволочка за неприличное слово наглецу-студиозусу была бы гарантирована.

А почему, собственно, неприличное? Открой энциклопедию, прочти: «Фантастика — форма отображения мира, при к-рой на основе реальных представлений создаётся логически несовместимая с ними («сверхъестественная», «чудесная») картина Вселенной».

Отменно сказано. Единственное сомнение: не подскажете ли, которое именно отображение мира считать, по нашим временам, соответствующим действительности? Ведь не исключено, что в будущем сегодняшняя публицистика не только покажется, но и окажется фантастикой. Как, скажем, случилось с публицистикой советской эпохи.

Белинский, однако, одиозного ныне термина не чурался:

«Портрет» есть неудачная попытка г. Гоголя в фантастическом роде. Здесь его талант падает, но он и в самом падении остаётся талантом»

И далее:

«Вообще надо сказать, фантастическое как-то не совсем даётся г. Гоголю, и мы вполне согласны с мнением г. Шевырёва, который говорит, что «ужасное не может быть подробно: призрак тогда страшен, когда в нём есть какая-то неопределённость; если же вы в призраке умеете разглядеть слизистую пирамиду, с какими-то челюстями вместо ног и языком вверху, тут уж не будет ничего страшного, и ужасное переходит просто в уродливое».

Поругивал, как видим, но хотя бы честно называл вещи своими именами. Нынешние белинские такого непотребства ни за что себе не позволят.

— «Божественная комедия», — отбивается низкими обиходными словами припёртый к стенке литературовед, — не имеет отношения к фантастике, потому что Ад, Чистилище и Рай считались реально существующими.

— Позвольте, любезнейший! Тогда к ней не имеет отношения и «Туманность Андромеды», поскольку светлое коммунистическое будущее тоже считалось неизбежной реальностью.

— Да, но Алигьери-то верил не в будущее, а в вечное!

— Не вижу принципиальной разницы. Оба верили в то, что не может быть подтверждено опытом.

— Простите, но «Туманность Андромеды» — научная фантастика. — Слово «научная» произносится с заметным отвращением.

— А у Данте не научная? Помнится, мироздание у него скрупулёзно выстроено по Птолемею...

— Да как вы вообще можете сравнивать Данте и...

Короче, смотри выше.

Зато если вдруг филолог очаруется невзначай творчеством какого-либо фантаста, тут и вовсе начинается диво дивное, сопровождаемое немыслимыми терминологическими кульбитами.

— Лем? Какой же это фантаст! Это философ...

— Брэдбери? Но он же лирик...

Прибавь мне бог ума и терпения — обязательно составил бы и опубликовал сборник «Верования и обряды литературоведов»

Раньше казалось, будто всё дело в слове «научная», пока не обнаружилось, что термин «фэнтези» вызывает у паразитов изящной словесности не меньшее омерзение. Мало того, даже непричастность к какому-либо из этих двух направлений (фэнтези и НФ) ни от чего не спасает. Знаю по собственному опыту. Несмотря на утешения писателей-почвенников и на попытки собрата по клавиатуре, так сказать, проверить каинову печать на контрафактность, погоняло «фантаст» прилипло ко мне намертво. Собственно, я не против. А за термин обидно. Что делать, стилистическая окраска имеет обыкновение со временем меняться. Ну кто из нынешней моло-

дёжи поверит, к примеру, что арготизм «попса» в юных розовых устах когда-то звучал гордо и ни в коем случае не презрительно? О слове «демократия» и вовсе умолчу...

Вот и с фантастикой та же история.

Одно утешение — Фёдор Михайлович Достоевский. Уважал, уважал классик гонимое ныне словцо:

«В России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический».

«Что может быть фантастичнее и неожиданнее действительности?»

Или такой, скажем, комплимент:

«Сердце имеет — фантаст».

И наконец, главная жемчужина:

«Реализм, ограничивающийся кончиком своего носа, опаснее самой безумной фантастичности, потому что слеп».

Предвижу вопль: да он же не о той фантастике говорил! Так и я не о той. Не о драконах, не о бластерах. Для нас с Белкой (Любовью Лукиной) все эти вытребеньки самостоятельной ценности никогда не имели. Мало того, не относясь к читателям, для которых антураж важнее сути, не видели мы подчас и принципиальной разницы между НФ и, допустим, производственным романом. В первом случае коллектив доблестно достигал субсветовых скоростей, во втором не менее доблестно выходил на заданные производственные мощности. Спрашивается, зачем гравилёт городить, когда можно обойтись прокатным станом!

Скорее нам казались фантастическими рассказы Шукшина, где роль зелёненького инопланетянина с рожками или чёртика с хвостиком исполнял откровенно выдуманный чудик или бывший зэк, тоже, как правило, сильно выдуманный. Стоило этим странным персонажам влезть в действие, как человеческие взаимоотношения начинали выворачиваться наизнанку, представая в самом невероятном и причудливом виде.

Фантастика для нас была не более чем ключиком к реальности. Иногда отмычкой. А то и вовсе ломиком. Фомкой.

То есть набором приёмов.

Возможно, этим и была вызвана та изумительная фраза разгневанной тётеньки из обкома.

То, что жизнь сама по себе достаточно фантастична, выяснилось гораздо позже. Достаточно сопоставить две обычно разобщаемые области нашего бытия — и вот вам фантасмагория в чистом виде. Бери и пользуйся.

Поясню на примере. В рассказике «Серые береты» нет исходного фантастического допущения. Я действительно ловил мышонка — и мышонок оказался умнее. По телевизору действительно показывали сюжет о мышах, участвовавших в Великой Отечественной. Мне оставалось лишь совместить два эти факта.

Если кто-то успел вообразить, что в данной статье я намерен осчастливить читателя анализом литературных направлений, пусть вздохнёт с облегчением. Отделять пшеницу от плевел бесполезно, ибо слово «фантастика» сейчас нецензурно во всех своих смысловых ипостасях.

Я даже не собираюсь защищать его от нападок.

И знаете, почему?

Потому что лучшая защита — это нападение.

Начнём с криминальной субкультуры литературоведов.

Её преступная сущность очевидна и легко доказуема. Настораживает уже тот факт, что литературоведение ничем не способно помочь автору. Эта лженаука не имеет ни малейшего отношения к процессу писанины и годится исключительно для разбора законченных произведений. Или, скажем, не законченных, но уже намертво прилипших к бумаге и утративших способность к развитию.

Знаменательно, что сами литературоведы опасаются иметь дело с живыми авторами, дабы тайное надувательство не стало явным. Примерно по той же причине большинство

натуралистов предпочитают быть неверующими — иначе им грозит полемика с Творцом. Как провозгласил однажды в припадке циничной откровенности мой знакомый, ныне завкафедрой литературы: «Выпьем за покойников, которые нас кормят!» Недаром же старик Некрасов при виде аналогичной сцены воскликнул в ужасе: «Это — пир гробовскрывателей! Дальше, дальше поскорей!»

Ещё в меньшей степени литературоведение необходимо простому читателю. Этот тезис я даже доказывать не намерен. Скажу только, что читающая публика для учёных мужей и жён — не менее досадная помеха, чем автор, поэтому всё, что публике по нраву, изучения, с их точки зрения, недостойно.

Итак, городская субкультура литературоведов криминальна уже тем, что никому не приносит пользы, кроме себя самой, то есть паразитирует на обществе и тщательно это скрывает.

Способ мошенничества отчасти напоминает приёмы цыганок: неустанно убеждать власти в том, что без точного подсчёта эпитетов в поэме Лермонтова «Монго» всё погибнет окончательно и безвозвратно, а запугав, тянуть потихоньку денежки из бюджета. Навар, разумеется, невелик, с прибылями от торговли оружием и наркотиками его сравнивать не приходится, но это и понятно, поскольку литературоведы в уголовной среде считаются чуть ли не самой захудалой преступной группировкой. Что-то среднее между толкователями снов на дому и «чёрными археологами».

Само собой, изложив просьбу раскошелиться в ясных доступных словах, на успех рассчитывать не стоит. Что казна, что предполагаемый спонсор — фраера порченые, их так просто не разведёшь. Поэтому проходимцами разработан условный язык, специальный жаргон, употребляемый с двумя целями: во-первых, уровень владения им свидетельствует о положении говорящего во внутренней иерархии, во-вторых, делает его речь совершенно непонятной для непосвящённых.

Последняя функция создаёт видимость глубины и производит на сильных мира сего неизгладимое впечатление. Услышав, что собеседник изучает «гендерную агональность национальных архетипов», сомлеет любой олигарх, ибо сам он столь крутой феней не изъяснялся даже на зоне.

Глядишь, грант подкинет.

Заметим походя, что упомянутый жаргон в последние годы тяготеет к расслоению. В то время как стоящие одной ногой в прошлом «мужики» продолжают ботать по-советски, демократически настроенные «пацаны», норовя обособиться, спешно изобретают и осваивают новую «филологическую музыку».

Подобно любой другой криминальной субкультуре литературоведение характеризуется следующими признаками: жесткая групповая стратификация, обязательность установленных норм и правил, в то же время наличие системы отдельных исключений для лиц, занимающих высшие ступени иерархии, наличие враждующих между собой группировок, психологическая изоляция некоторых членов сообщества, использование в речи арго (список признаков позаимствован из работы Ю. К. Александрова «Очерки криминальной субкультуры»).

Да и клички у них вполне уголовные: Доцент, Профессор.

Кстати, согласно неофициальным данным, именно преступная группировка литературоведов, контролировавшая в конце девятнадцатого столетия город Лондон, натравила британские власти на Оскара Уайльда, причём не за гомосоциализм, как принято считать, а за то, что в предисловии к «Портрету Дориана Грея» он разгласил их главную, пуще глаза оберегаемую тайну: «Всякое искусство совершенно бесполезно».

И это всё о криминальной субкультуре литературоведов.

Тэк-с. С одним обидчиком разделался играючи. С другим — сложнее. Как уже отмечалось в эссе «Взгляд со второй полки», чем сильнее закручиваются гайки властями, тем пре-

небрежительнее относится обыватель к моему ремеслу. А ведь ещё совсем недавно, в смутные времена, тихий был, пуганый, фантастику на всякий случай боязливо уважал: чёрт её знает, вдруг она тоже правда! Теперь же, видя признаки наступающего порядка (вот и поезда опаздывать стали, и продавщицы хамить), приободрился наш цыплёнок жареный, голосок подал, вспомнил, как клювик морщить.

— Привет фантастам! — развязно здоровается он со мной на улице.

Прижмёшь его в споре — тут же найдётся:

— Конечно! Ты же у нас фантаст...

А сам, между прочим, налетев на неожиданность, каждый раз ахает: «Фантастика!» — не понимая, что одним уже восклицанием этим лишает себя морального права упрекать одноимённое литературное направление за отрыв от жизни.

Предстоящая мне задача непроста: доказать — и не просто доказать, а объяснить на пальцах всем недоброхотам фантастики, что их «реальная жизнь» не меньший, а то и больший вымысел. Собственно, я уже высказывался на эту тему и не однажды, но, боюсь, выпады мои неизменно воспринимались в юмористическом ключе. Поэтому на сей раз я постараюсь подойти к делу по возможности серьёзно. Заранее прошу простить меня за чрезмерное увлечение подробностями, но, как говаривал один мой друг-газетчик, репортаж есть набор свидетельств, что ты был в данное время в данном месте.

Начнём, благословясь.

Севастополь. Пироговка. Акации с шипами, роскошными, как оленьи рога, двухэтажные дома из инкерманского камня. Мне одиннадцать лет. Пыльные сандалии, просторные синие трусы, оббитые ороговевшие коленки. В одном из дворов — налитый до краёв бассейн: круглый, метровой высоты. Зачем он там, сказать трудно. Видимо, на случай пожара. Для купания грязноват, а запускать кораблики — в самый раз.

Шагах в десяти от меня на бетонной (а может, кирпичной, но оштукатуренной) стенке бассейна, стоя на коленях, пытается достать прутиком свою парусную дощечку самый младший из нашей оравы — девятилетний Вовка Брехун. Кличка обидная и несправедливая. Плакса, ябеда, маменькин сынок, но почему Брехун? Уж кто горазд врать — так это я. Приехал из Оренбурга и пользуюсь этим вовсю: рассказываю взахлёб, как плавал по Уралу в прозрачной подводной лодке и ловил под землёй недобитых фашистов. Поди проверь! Однако разнузданное воображение ни у кого из пацанвы протеста не вызывает, поэтому прозвище у меня вполне уважительное — Аримбург (орфография выверена по надписи на асфальте).

И вот, силясь дотянуться прутиком до кораблика, Вовка Брехун внезапно теряет равновесие и летит торчмя головой в мутный желтоватый с прозеленью омут. Оторопь, затем восторг. Мальчишеский, злорадный. Ох, достанется сегодня Брехуну! Ему ж мамочка к бассейну близко подходить не разрешает...

Однако дальше происходит нечто странное. Вместо грязной и мокрой головы на поверхность выскакивает ступня в сандалии, потом другая — и они как-то вяло принимаются шлёпать по воде. Что он делает, дурак! Ему же достаточно нащупать ногами дно и встать. Глубина, повторяю, метр.

Почему я не бросаюсь на помощь? А чёрт его знает! То ли срабатывает родительский запрет на купание в бассейне, где «всякая зараза плавает», то ли боязнь проявить героизм без санкции старших. Кроме того, не следует забывать, что Брехун — наименее значительное лицо в нашей компании, которого как-то и спасать неловко. Впрочем, остальные ведут себя не лучше. Кричать, правда, кричим, но скорее ликующе, чем испуганно:

— Брехун тонет!..

Потом на бетонную стенку вспрыгивает рослый парень в светлых отутюженных брюках, белой рубашке, туфлях. Дол-

жно быть, за ним наблюдает его девушка, поскольку всё, что он делает дальше, красиво до невозможности. Чётко, как на соревнованиях по плаванию, он приседает, отведя руки назад, затем вонзается в воду «щучкой», хотя при его росте разумнее просто слезть в бассейн.

Чудом не вписавшись в дно, выпрямляется, весь мокрый, весь в какой-то дряни, и на руках его тряпично обвисает наш утопленник.

Нервы мои не выдерживают — и я со всех ног кидаюсь домой с потрясающей новостью: Брехун утонул!.. Ну, чуть не утонул!

Поступок опрометчивый: выслушав мой сбивчивый рассказ, наверняка оснащённый выдуманными по дороге душераздирающими подробностями, во двор мне вернуться не позволяют. А через некоторое время раздаётся звонок в дверь. На пороге — дворовые активисты: две вредные тётки («тёханки», как мы их называли) и не менее вредный мужичонка («дяхон»). Но, самое удивительное, сзади из-за их спин выглядывают оробело-сердитые лица пацанов.

Никакого свежего греха я за собой не ведаю, но раз пришли, значит, что-то натворил.

— Ваш сын, — торжествующе объявляет тёханка, — спихнул мальчика в бассейн...

Всё это настолько невероятно и несправедливо, что от обиды я ударяюсь в самый постыдный рёв, чем окончательно подтверждаю свою вину. Несколько дней меня не выпускают гулять, все попытки оправдания пресекаются решительнейшим образом. Действительно, нельзя же врать и выкручиваться столь нагло и бесстыдно! Свидетелей-то — полон двор.

Наконец срок заключения истекает, и мне позволяют выйти из дому. Первым делом нахожу пацанов.

— Сквора! Гусёк! Ну вы же видели, что я никого не толкал...

Слушайте, они меня чуть не побили.

— Кто не толкал? Ты не толкал? Я видел! Гусёк видел! Ты же по стенке шёл мимо Брехуна — и вот так двумя руками в спину его толканул...

Они не врали. Они были искренне возмущены моей неумелой попыткой заморочить им голову.

Испуганный, сбитый с толку, я тут же постарался забыть эту историю — и правильно сделал, потому что думать о таком, когда тебе всего одиннадцать лет, — это и с ума сойти недолго.

Что же произошло? Думаю, событие воссоздавалось следующим образом. Брехун упал в бассейн. Аримбург убежал. Почему убежал Аримбург? Испугался. Чего? Ну ясное дело, того, что столкнул Брехуна в бассейн. И вот в памяти пацанов складывается ясная чёткая картина — одна на всех: Аримбург идёт по стенке и двумя руками изо всех сил толкает в спину Брехуна. Допрашивай их с пристрастием, сличай показания — факт очевиден.

Понадобилось прожить жизнь, чтобы понять: любое наше воспоминание — о чём бы оно ни было — строится именно по приведённому выше образцу. Полагаю, что люди вообще гораздо искренней, чем о них принято думать. Они почти никогда не лгут, просто случившееся отпечатывается у каждого по-своему. И если бы только по-своему! И если бы только случившееся!

Однажды я спросил Сергея Синякина:

— Серёжа, а вот, скажем, выезжаешь ты на труп. У тебя пять свидетелей. И все они слово в слово показывают одно и то же...

Начальник убойного отдела задумался, но лишь на секунду.

— Ну, значит, успели уже друг с другом переговорить, — с уверенностью профессионала заключил он.

Страшное это дело — коллективная память.

Но и индивидуальная тоже хороша.

Недавно я с умилением напомнил Марине Дяченко, как любовался её дочкой в колыбельке: вся такая розовая, крохотная...

— А ты разве у нас в девяносто пятом был?

— Да, — отвечаю с гордостью. — Восьмого марта.

— Позволь, но Стаска родилась позже.

Секундное остолбенение.

— Минутку, минутку... — ошалело бормочу я. — Как же... Восьмое марта... девяносто пятый...

Это что же получается? Это получается, что в Киеве восьмого марта девяносто пятого года Маринка в упоении рассказывала мне о том, как прекрасен любой новорождённый младенчик, а у меня, стало быть, из её слов сложилась иллюзия, будто бы... Да нет же, нет! Я ведь не только Стаску — я и кроватку запомнил, и комнату. Хотя это-то как раз просто: счастливые Серёжа с Мариной могли показать мне заранее подготовленную колыбельку и прочее.

И сам собой возникает вопрос: а вдруг меня и с Брехуном память подвела? Были же случаи, когда преступник, ужаснувшись содеянному, забывал всё напрочь!

Хорошая версия. Остроумная. Но, к сожалению, кое-что в ней представляется сомнительным. Вернёмся в Севастополь.

В том же году я преподнёс родителям ещё один подарочек — нечаянно поджёг строящийся жилой дом, уронив горящую спичку на тюк сухой прессованой пакли. Хорошо — без жертв обошлось. Из подвала нас вынесло с опалёнными бровями. Пожар тушили чуть ли не полдня. И всё помню. Помню, как, плача от раскаяния, выхватывал из-за пазухи и швырял оземь спичечные коробки и прочую пиротехнику, как умолял пацанов никому ничего не говорить, а они, обезумев, радостно вопили: «Раля Аримбургу!»

Что такое раля? «Раля» (она же «ролянка») представляла собой сколоченную из дощечек тележку на четырёх подшипниках — самодельный, оглушительно визжащий по асфальту

прообраз нынешнего скейта. Бились мы на них немилосердно. Возможно, поэтому слово «раля» в нашем дворе употреблялось также в значении «хана», «амба», «капут»...

Видите, даже вопли пацанов могу дословно воспроизвести.

Поэтому как-то, знаете, маловероятно, что сбрасывание Вовки Брехуна в бассейн я с перепугу забыл, а поджог стройки запомнил в мельчайших подробностях, хотя для одиннадцатилетнего мальчишки он должен был представляться куда более грандиозным преступлением.

Обычно задумываться о таких вещах не позволяет инстинкт самосохранения. Нормальному обывателю прежде всего необходимо осознание собственной правоты, а какая к чёрту правота, если вдруг заподозришь, что все твои знания об окружающем мире не более чем миф, продукт коллективного или индивидуального творчества!

Легко предвидеть, многие (те самые, что видят в фантастике попытку разрушить привычный порядок вещей) огрызнутся примерно так: а может, ты просто с детства склеротик?

Возможно, возможно. Но тогда почему эти апологеты реальности, стоит ввязаться с ними спор, неизменно восхищаются (даже сейчас!) моей якобы изумительной памятью? И почему их собственные воспоминания разительно меняются с годами?

Так в брежневские времена дедушки моих знакомых поголовно гибли в боях с белогвардейцами, а дяди — защищая Советскую Родину от фашизма. Однако стоило начаться перестройке, как те же самые дедушки оказались расстрелянными ЧК, а дяди сгинули в недрах ГУЛАГа. И ведь не врут — хоть на детекторе лжи проверяй. Видимо, всё это вместе и называется альтернативной историей.

Собственно, история другой и не бывает.

Как выразился персонаж того же Достоевского, «враньё всегда простить можно; враньё дело милое, потому что к прав-

де ведёт. Нет, то досадно, что врут, да ещё собственному вранью поклоняются».

Кстати, хорошее определение литературного приёма, именуемого фантастикой: враньё, ведущее к правде. Однако обаятельнейший персонаж Фёдора Михайловича несколько смягчил выражения: когда речь заходит о правоте, а тем более о целостности мира и рассудка, собственному вранью не просто поклоняются — ему верят, самозабвенно и безоглядно. До возникновения зрительных и звуковых образов.

Боюсь, моя неотцентрованная аргументация зацепила рикошетом не только противников, но и некоторых любителей фантастики — из тех, что искренне полагают её выдумкой, созданной исключительно для их развлечения: «Позвольте, позвольте! Мы ж не в позапрошлом веке живём. Истинность или ложность свидетельств легко установить с помощью... да хотя бы камер слежения!»

Увы, камеры слежения лгут сплошь и рядом. Говорю вам это как поклонник бокса (наименее лицемерного из человеческих занятий). Одна камера при повторе эпизода утверждает, что удар пришёлся вскользь, другая — что в самую точку, третья — что удара не было вообще. Поэтому судьи и полагаются по старинке на собственные опыт и интуицию.

Как тут не вспомнить древнюю притчу о трёх слепцах, ощупывавших слона! Но ведь и зрячие ведут себя подобно слепым: один видит только ногу, другой — только хвост, третий — только хобот. И каждый готов ради правды взойти на эшафот.

Скажете, преувеличиваю? Как это можно, имея глаза, не увидеть?

А вот как.

Шли два приятеля, два взрослых человека мимо кинотеатра, где крутят старые фильмы, — и заметили на афише нестерпимо знакомое название. Картину эту они смотрели в детстве не раз и не два. Захватывающая была картина. Осо-

бенно заставлял содрогаться эпизод, когда из тумана выползало орудие величиной с фабричную трубу, выстрелом из которого злодей собирался разом уничтожить человечество. Перемигнулись приятели — и решили зайти поглядеть, над чем же это они обмирали от сладкого ужаса лет двадцать назад. Честно сказать, ждали разочарования. Однако после сеанса вывалились оба на улицу в полном восторге, изнемогая от хохота. То, что они по ребячьей наивности принимали за боевик, на поверку обернулось пародией. Причём самыми уморительными оказались именно те кадры, когда выезжала из тумана жуткая пушка. По стволу её, как теперь выяснилось, шествовал дворник с метлой — и подметал. К выстрелу готовил. А то, знаете, стояла в бункере, запылилась. Иными словами, пушку приятели в детстве — видели, дворника — нет. Не вписывался он в мировую катастрофу.

И обратите внимание, с какой восхитительной точностью укладывается приведённый случай в систему образов притчи: хобот — пушка, дворник — хвост, а слон — это фильм в целом.

Давно известно, что человек воспринимает окружающий мир в большей степени мозгом, нежели органами чувств. Вот почему мы столь часто слышим не то, что нам сказал собеседник, а то, что ожидали от него услышать.

Ещё одна тонкость. Возьмите любую анонимку. Если её автор не является потенциальным клиентом психушки, особого разгула фантазии в тексте вы не найдёте. Изложенные факты имели место быть, просто истолкованы они не в пользу жертвы. Механизм прост: каждый наш поступок непременно вызван не одной, а многими причинами. Иные из них достойны уважения, иные постыдны. Аноним всего-навсего перечисляет (с искренним, учтите, возмущением!) исключительно причины второго рода, и никакими камерами слежения вы его не опровергнете.

Полагаю, что в свете сказанного клевету вполне можно приравнять к альтернативной реальности.

* * *

Чем дальше в прошлое отодвигается событие, тем фантастичнее оно становится. И чем большее количество людей принимало в нём участие, тем грандиознее вымысел.

Известно, что история бывает двух видов: мифологическая (её мы знаем по школьным учебникам) и, условно говоря, фактическая (с ней можно встретиться в трудах профессиональных исследователей). Обе то и дело решительно противоречат друг другу. Исходя из того, что большинство населения знакомо только с мифом, харьковский фантаст Андрей Валентинов (Шмалько) предложил следующий рецепт: напиши всё, как было, и получится альтернативная история. На худой конец — криптоистория.

К сожалению, остроумный совет запоздал века этак на полтора. В конце шестидесятых годов девятнадцатого столетия увидела свет эпопея Льва Толстого «Война и мир», где автор, отрицая принцип изложения «с пошлой европейской, героичной точки зрения» и пытаясь восстановить истинный ход событий, по сути, покусился на продукт коллективного творчества, чем до глубины души возмутил ветеранов. «Я сам был участником Бородинской битвы и близким очевидцем картин, так неверно изображённых графом Толстым, и переубедить меня в том, что я доказываю, никто не в силах, — бушевал А. С. Норов. — Оставшийся в живых свидетель Отечественной войны, я без оскорблённого патриотического чувства не мог дочитать этого романа, имеющего претензию быть историческим».

И ветерана можно понять. Дело даже не в том, что автор с маниакальной скрупулёзностью рушит одну за другой милые русскому сердцу легенды, — он ещё и подводит под это философскую базу.

«Когда человек находится в движении, — пишет граф, — он всегда придумывает себе цель этого движения».

Если же движение (читай: поступок) почему-либо не нравится человеку, он задним числом перекраивает его в своей памяти:

«Полковому командиру так хотелось сделать это, так он жалел, что не успел этого сделать, что ему казалось, что всё это точно было. Да, может быть, и в самом деле было? Разве можно было разобрать в этой путанице, что было и чего не было?»

Не зря же один из персонажей романа «знал по собственному опыту, что, рассказывая военные происшествия, всегда врут».

Допустим, так оно и есть, но придать войне смысл возможно только с помощью вранья. Иначе станет обидно за державу. Однако граф беспощаден. История, совершенно справедливо заключает он, не соответствует описываемым событиям, поскольку основывается на ложных донесениях (см. выше):

«Ежели в описаниях историков, в особенности французских, мы находим, что у них войны и сражения исполняются по вперёд определённому плану, то единственный вывод, который мы можем сделать из этого, состоит в том, что описания эти не верны».

Достаётся и нашим:

«Русские военные историки должны невольно признаться, что отступление французов из Москвы есть ряд побед Наполеона и поражений Кутузова».

И неизбежный вывод:

«Выигранное сражение не только не есть причина завоевания, но даже и не постоянный признак завоевания».

Логика графа безжалостна: если все донесения хотя бы наполовину лживы, то любой военачальник, будь он семи пядей во лбу, командует химерами и живёт в фантастическом мире.

«Не только гения и каких-нибудь качеств особенных не нужно хорошему полководцу, — утверждает Толстой, — но,

напротив, ему нужно отсутствие самых лучших, высших, человеческих качеств — любви, поэзии, нежности, философского пытливого сомнения».

А в первой редакции романа — ещё круче:

«Чтобы быть полководцем, нужно быть ничтожеством».

Всяк корпевший в школе над сочинением по «Войне и миру» знает, что главное ничтожество среди полководцев — это, конечно, Бонапарт. Ибо относится к себе всерьёз. В отличие от своего ветхого годами противника, ухитрившегося в разговоре с Растопчиным запамятовать о том, что уже сдал Москву французам. Очевидно, таким и должен быть идеальный стратег, поскольку главное его достоинство, в понимании автора, не путаться под ногами исторического процесса:

«Очевидно было, что Кутузов презирал ум, и знание, и даже патриотическое чувство... Он презирал их своей старостью, своей опытностью жизни».

Как выясняется, правильно делал, поскольку, по мнению графа, любая попытка умышленно повлиять на происходящее обречена изначально:

«Только одна бессознательная деятельность приносит плоды, и человек, играющий роль в историческом событии, никогда не понимает его значения. Ежели он пытается понять его, он поражается бесплодностью».

И, разумеется, в первую очередь бесплодностью поражаются адепты воинского искусства. Уж лучше невежество в чистом виде:

«Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, и твёрже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина».

Подвергаются сомнению самые азы науки побеждать:

«Тактическое правило о том, что надо действовать массами при наступлении и разрозненно при отступлении, бессознательно подтверждает только ту истину, что сила войска зависит от его духа».

Иными словами, получили по шее и разбежались — всего-то делов! А упомянутое тактическое правило — не более чем попытка «натянуть факты на правила истории».

Предвижу обиду бесчисленных наших поклонников самурайщины, однако в первой редакции романа Болконский накануне Бородинской битвы говорит Пьеру буквально следующее:

«Головин, адмирал, рассказывает, что в Японии всё искусство военное основано на том, что рисуют картины... ужасов и сами наряжаются в медведей на крепостных валах. Это глупо для нас... но мы делаем то же самое... Вся цель моя завтра не в том, чтобы колоть и бить, а только в том, чтобы помешать моим солдатам разбежаться от страха, который будет у них и у меня».

Хочешь не хочешь, бывшему артиллерийскому офицеру приходится разрушить ещё один миф — о благородстве ратного дела:

«Цель войны — убийство, орудия войны — шпионство, измена и поощрение её, разорение жителей, ограбление их или воровство для продовольствия армии; обман и ложь, называемые военными хитростями; нравы военного сословия — отсутствие свободы, то есть дисциплина, праздность, невежество, жестокость, разврат, пьянство».

И если бы речь шла об одних французах! Склонность героического православного воинства к насилию и грабежу признаётся в романе даже русскими дипломатами.

Жутковата и сама концепция произведения, совершенно естественно проистекающая из вышеприведённых посылок:

«Для истории признание свободы людей как силы, могущей влиять на исторические события, есть то же, что для

астрономии признание свободной силы движения небесных тел».

Немудрено, что автор сплошь и рядом оказывается по ту сторону того, что мы, в силу косности, привыкли именовать добром и злом:

«Про деятельность Александра и Наполеона нельзя сказать, чтобы она была полезна или вредна, ибо мы не можем сказать, для чего она полезна и для чего вредна».

Такая вот, милостивые государи, безжалостная криптоистория, то бишь реконструкция исторических событий. Можно принимать её, можно не принимать, но в последовательности графу Толстому отказать трудно. Не зря же накинулись на него с такой яростью все кому не лень, стоило роману появиться в печати! Стыдили, кивали на «Бородино» Лермонтова, один сатирик даже изложил не без сарказма содержание «Войны и мира» лермонтовскими семистишиями. Причём никто не вспомнил, что сам-то Михаил Юрьевич повествует от лица старого солдата, а уж как умеют ветераны проводить патриотически-воспитательную работу с молодёжью — дело известное. Одна гибель полковника чего стоит!

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой...»

Любопытно сравнить это со строками из более позднего стихотворения Лермонтова «Валерик», в основе которого лежат уже не рассказы успевших переговорить друг с другом очевидцев, а личные впечатления. Там тоже есть сцена гибели старшего офицера:

...взоры
Бродили страшно, он шептал...
«Спасите, братцы. — Тащат в горы.
Постойте — ранен генерал...»

Как видим, никаких орлиных очей, никаких громких слов — предсмертный бред и ужас оказаться в плену у чеченцев.

Да и само сражение подано чуть ли не с отвращением:

И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть
(И зной, и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

Не знаю, как насчёт гоголевской «Шинели», а у меня такое впечатление, что баталист Толстой вышел целиком из этого восьмистишия.

Вернёмся, однако, к «Войне и миру». Посягательство на миф о кампании 1812 года сыграло с графом дурную шутку. Поставьте себя на место наших шкрабов: с одной стороны, идеи романа непедагогичны и разрушительны (причём для любого государства, в том числе и советского); с другой стороны, автор — «матёрый человечище» и «зеркало русской революции».

Как быть?

Очень просто: взять Льва Толстого и тоже превратить в миф. Объявить крамольное произведение патриотическим, рамолика Кутузова — гением, истеричку Наташу Ростову — идеалом, и самим в это поверить.

Дайте нам две любые строки любого автора — и мы включим его в школьную программу. Даже этого графа, что ради честного словца не жалел ни матери, ни отца и в таком признавался, от чего добрый россиянин может в падучей забиться:

«Вспоминая теперь всё то зло, которое я делал, испытал и видел вследствие вражды народов, мне ясно, что причиной всего был грубый обман, называемый патриотизмом и любовью к отечеству».

А теперь для сравнения выдержка из энциклопедии: «показал патриотич. порыв рус. народа, обусловивший победу России в Отечеств. войне 1812».

Так выковываются истинные патриоты.

Когда мифоборец сам становится мифом, случаются порой презабавнейшие недоразумения. Жертвой школьного учебника пал, к примеру, мой хороший друг Святослав Логинов, автор нашумевшей статьи «Графы и графоманы». Обнаружив противоречие между текстами Льва Толстого и тем, что говорилось о них на уроках, Святослав почему-то обрушился не на учителей, даже не на криминальную субкультуру литературоведов, а на самого графа. Возможно, по наивности, а возможно, и потому, что когда-то был преподавателем. На своих рука не поднялась.

Самозабвенно ломясь в открытую дверь, новый мифоборец объявил произведения Толстого непедагогичными. Однако граф и сам не скрывал своей неприязни к любой официальной идеологии, в то время как педагогика, насколько я помню, до сих пор находится на содержании у государства. Если вчитаться, пресловутая назидательность детских книжек яснополянского мудреца не то чтобы носит подрывной характер — нет, она зачастую просто отсутствует (см. статью «Графы и графоманы»).

Ещё очаровательнее выглядят упрёки Святослава Владимировича в отношении неряшливой стилистики Льва Николаевича. Граф опять-таки и сам признавал, что повествования его весьма корявы. Легенда о языке Толстого как образчике русской литературной речи целиком и полностью выдумана теми же литературоведами и педагогами. (Кто не верит, пусть перечтёт приведённые выше цитаты из «Войны и мира».)

Вот будет смеху, если правдолюбец Святослав Логинов сам со временем обрастёт бородой легенд, превратится в миф — и в свою очередь подвергнется буйному набегу новых мифоборцев!

* * *

Как видите, для простоты я ограничился бытовыми и наиболее общеизвестными литературно-историческими примерами.

Пора подбивать итоги.

Окружающая жизнь воспринимается нами настолько искажённо, что её можно смело приравнять к выдумке, а реализм — к одному из направлений фантастики. Нельзя доверять даже увиденному своими глазами. Чем безоглядднее убеждён человек в достоверности собственного восприятия, тем сильнее он ошибается. Сверяя наши заблуждения с заблуждениями ближних, мы пускаем процесс по нарастающей: происшедшее оформляется сначала в ряд легенд, противоречащих друг другу, потом, как правило, в единую легенду. Наиболее фантастичны исторические события, поскольку в дело вступает ещё и фактор времени. Попытки реставрации случившегося возмутительны уже тем, что разрушают сложившееся общее мнение.

К сожалению, миф можно ниспровергнуть лишь с помощью другого мифа, свидетельством чему служат идеологические кувырки и перевёртыши, наблюдаемые при смене общественного строя, когда вчерашнее добро объявляется сегодняшним злом, а зло, соответственно, добром. Ещё одно соображение: если некое явление и после подобного кувырка продолжает пользоваться неприязнью со стороны подавляющего большинства (а большинство всегда такое), стоит приглядеться к этому явлению повнимательней. Не исключено, что в нём-то и таится зёрнышко истины.

Поэтому на провокационный вопрос репортёра: «Чем, на ваш взгляд, фантастика отличается от журналистики?» — я, несколько сгущая краски, ответил: «Фантастика — правда, прикидывающаяся вымыслом. А журналистика — наоборот».

Итак, фантастикой мы можем назвать бегство или отступление из коллективно созданного и создаваемого поныне

мифа, именуемого реальной жизнью. Не берусь утверждать, будто чем дальше от вранья, тем ближе к правде (на самом деле, чем дальше от вранья, тем ближе к другому вранью), и всё-таки мне кажется, что мудрость данного манёвра несомненна: куда бы вы ни бежали (НФ, фэнтези, хоррор, и т. п.), всегда остаётся шанс нечаянно натолкнуться на относительно верное понимание действительности.

Даже если этого не случится, отбежав на достаточное расстояние, вы можете оглянуться и увидеть миф целиком — возможность, которой изначально лишён реализм, ограничивающийся, по словам Достоевского, кончиком своего носа.

Ничего нового я здесь не открыл. Похожие взгляды высказывались и прежде. Пресловутый турбореализм поначалу удивлял меня отсутствием внятной программы. Однако спустя некоторое время, когда данное движение стало тихо разваливаться, оставшийся в одиночестве Андрей Лазарчук коротко и ясно изложил суть дела:

«Реализм постулирует: мир вещественен, постигаем и описуем. Литература даёт картину этого мира.

Фантастика постулирует: мир вещественен, постигаем и описуем. Литература проводит над ним опыты.

Турбореализм постулирует: мир вещественен, однако постигается нами по большей части через описания, оставленные другими людьми. Мы не в состоянии отличить объективную истину от её искажений и преломлений. Литература даёт картину этого мира».

Формулировка настолько соответствовала моим собственным воззрениям, что я немедля прилепил «Ауре», над которой в ту пору корпел, бирку «турбофэнтези». Когда же озадаченные читатели попросили объяснить, с чем это едят, ответил примерно так:

«Как известно, турбореализм исходит из невозможности отличить правду от лжи. Турбофэнтези, напротив, настаива-

ет на том, что невозможно отличить ложь от правды. В этом вся разница».

Что же касается рецепта Андрея Валентинова, столь бестактно использованного Львом Толстым... Думаю, зря харьковский коллега ограничился всего двумя направлениями (альтернативная история и криптоистория). Наиболее полная формулировка, по-моему, должна звучать так: напиши всё, как есть, и получится фантастика.

Знать бы ещё, как оно есть...

2005

Генри Лайон Олди

ВЕЧНЫЕ ПЕСНИ О ГЛАВНОМ, или ФАНТЫ ДЛЯ ФЭНА

(семинар молодых авторов на «Звездном Мосту-2005»*)

...По правде сказать, я испытываю весьма мало уважения к дорогой публике, которую обречен ублажать, как ханжа Трэш в «Варфоломеевской ярмарке», трещотками и имбирными пряниками, и я был бы весьма неискренен перед теми, кому, быть может, случится прочесть мои признания, если бы написал, что публика, на мой взгляд, заслуживает внимания или что она способна оценить утонченные красоты произведения. Она взвешивает достоинства и недостатки фунтами. У тебя хорошая репутация — можешь писать любой вздор. У тебя плохая репутация — можешь писать как Гомер, ты все равно не понравишься ни одному читателю. Я, пожалуй, ребенок, испорченный успехом, но я прикован к столбу и должен волей-неволей стоять до конца...

Вальтер Скотт, дневники, 1829 г.

© Г.Л. Олди, 2006.

* От авторов: «Мы прекрасно понимаем разницу между публичным выступлением и текстом на бумаге. В первом случае огромную роль играют интонация, жест, пауза, контакт с аудиторией и пр. Но мы намеренно, редактируя стенограмму доклада, попытались сохранить характер устной речи, возможно, частично в ущерб «литературности» текста. Так или иначе, мы рады вновь увидеться с вами, друг-читатель! Поговорим о странном?»

Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели.

С. Маршак

Да, это — знамения ясные в груди тех, которым даровано знание; отрицают наши знамения только тираны!

Коран, сура «Паук»

Перед тем как начать наш очередной семинар для молодых, не очень молодых и совсем немолодых авторов, мы хотели бы предупредить: дело в том, что наши советы, а особенно следование им, зачастую снижают будущие тиражи. Поэтому слабонервных сразу просим удалиться.

Очень хорошо.

Те, кто остался, знают, чем рискуют.

Итак, краткая прелюдия.

Недавно в журнале «Реальность фантастики» вышла в свет наша статья «Сеанс магии с последующим разоблачением, или Секстет для эстета». Там мы попытались рассмотреть с точки зрения так называемого эстета — человека, фантастику не читающего и отвергающего принципиально, — основные тезисы, по которым эстет отрицательно оценивает фантастику. И попытаться доказать хотя бы для себя, что тезисы эти совершенно нелитературны — скажем, размер тиража или скорость письма, или что-нибудь в этом роде. Довольно быстро в журнале началась полемика, Владимир Пузий и Михаил Назаренко написали свою контрстатью, где возражали нам и спрашивали: где же Олди видели таких эстетов, если их в природе нет, и с кем в этом случае мы полемизируем?

Сообщаем: таких эстетов мы видели.

Во-первых, в Союзах писателей России и Украины, особенно в руководстве. Потому что под соусом указанных нами тезисов мы, Александр Зорич, Михаил Бабкин и ряд других

авторов в эти союзы приняты не были. Тезисы прозвучали, фантастам отказали.

Во-вторых, таких эстетов мы видели в Литературном институте им. Горького. Обычно это профессора, заведующие кафедрами, деканы и ректоры.

В-третьих, таких эстетов мы регулярно видим на телевидении в литературных передачах, в профильных высших учебных заведениях, на кухонных посиделках, на богемных тусовках и прочее-прочее-прочее.

Но!

Наш сегодняшний разговор не про эстетов, а про фэнов. Так что заранее готовьте вопросы, где Олди видели таких фэнов.

На самом деле коренной (или ортодоксальный) фэн и не к ночи вышеупомянутый эстет, как это ни парадоксально звучит, — две стороны одной медали. Во многом они сходятся, даже сами не очень это понимая. Особенно данная непонятливость видна со стороны фэнов, ибо эстеты аргументы фэнов умело используют в свою пользу. Это противоположности, которые, как известно, суть единство и борьба. И оказывается, что единства здесь куда больше, чем борьбы.

В чем же они схожи: эстет с фэном?

Первое: и те, и другие, как правило, не читают ту литературу, которую ругают. Эстеты не читают фантастику, а фэны-ортодоксы в большинстве не читают всю остальную литературу. При этом, практически ничего не зная о той области литературы, которую они, мягко говоря, критикуют, обе стороны берут на себя смелость отказывать ей в литературности, говорить, что это плохо по разным причинам и критериям, и утверждать это с совершенно невероятным апломбом.

Второе: как мы уже говорили, и те, и другие категорически уверены в своей правоте. Может быть только так, и никак иначе, а кто считает по-другому, тот дурак.

Третий момент, о чем, собственно, у нас и пойдет речь, заключается в следующем. И те, и другие, и заядлые фэны, и оголтелые эстеты (если хотите, поменяйте эпитеты местами, это не важно) предъявляют к литературе, причем в первую очередь к

критикуемой ими литературе, нелитературные критерии оценки. Оценивают не реальные литературные достоинства произведения, которые, кстати, тоже зачастую достаточно субъективны, а применяют некие внелитературные параметры, и согласно этим параметрам отказывают оппонентам в праве на литературу, достойную возвышенного или увлекательного чтения.

Поскольку речь сейчас в первую очередь о фантастике, а не, скажем, о дамском, историческом или детективном романе, поэтому разговор пойдет о критериях почтенного господина фэна, которые он предъявляет к своей любимой фантастике. Фэн априори фантастику любит, значит, он ее читал. Следовательно, выдвинутые им требования должны удовлетворять его вкус, объяснять, почему же ему, собственно, нравится именно это направление литературы. Итак, что же говорит фэн-ортодокс о фантастике?

Ибо то, что говорит фэн-ортодокс о всей остальной литературе, кроме фантастики, повторять в приличном обществе не рекомендуется.

ТЕЗИС 1. В фантастике главное — фантастическая идея. Все остальное (эстетика, язык, стиль писателя, характеры героев, антураж, лирические и психологические отступления, пейзажные зарисовки, портреты персонажей и т. д.) — второстепенно и служит только вспомогательными средствами для раскрытия фантастической идеи.

> *Так называемое произведение рассчитано исключительно на людей, не имеющих фундаментального образования и глубоких познаний в истории культуры, но нахватавшихся по верхам и испытывающих комплекс неполноценности от осознания своей ущербности. Вывод — книга рассчитана на представителей рабочего класса, сподобившихся окончить политех.*
>
> Говорят читатели

Раскрытие Великой Фантастической Идеи.

Казалось бы, все совершенно литературно.

Другое дело, что в последнее время, если вы следите за мутациями термина «фантастическая идея», в этом словосочетании слово «фантастическая» стали опускать. Теперь все чаще это просто называют ИДЕЕЙ. Спросите у любого правоверного фэна — и он вам объяснит, что это за зверь: фантастическая идея. Подводная лодка в «20 000 лье под водой» Жюля Верна, лазер в «Гиперболоиде инженера Гарина» Алексея Толстого, машина времени у Герберта Уэллса и так далее. Вроде бы все нормально и литературно: ну кто такой капитан Немо без «Наутилуса»?! Кто такой Гарин без своего замечательного гиперболоида и герой Уэллса без машины времени?! Кто такая, наконец, Баба Яга без помела и ступы?! За исключением малой детальки, без которой машина, как без двигателя, не ездит. Все вышеуказанное, может быть, штука и фантастическая, но никаким боком НЕ ИДЕЯ. Рядом не лежало.

Почему?

Давайте возьмем такую занудную вещь, как идейно-тематический анализ. Не спешите разбегаться, господа писатели, мы не собираемся грузить этим ваши впечатлительные натуры. Просто, на минуточку вспомнив свое режиссерско-актерское прошлое, хотим заметить в упрощенном варианте: тема — она всегда конкретна, а идея всегда абстрактна. Тема — это материал, на котором строится книга, а идея — то главное, что хочет сказать этой книгой автор.

Тема отвечает на вопрос: ЧТО? Идея: О ЧЕМ? Сверхзадача: ЗАЧЕМ? (чего я-писатель хочу от читателя: понимания, просветления, восхищения, денег — нужное подчеркнуть).

Если, скажем, режиссер ставит трагедию «Ромео и Джульетта», то темой является конфликт двух знатных семейств в Вероне такого-то века... Можете, если угодно, продолжить до победного конца. Понятный, конкретный материал. Два семейства поругались, возникли проблемы, четко указано время и место действия. Что-то вроде хорошей аннотации: прочитал — и уже в теме. Командуйте художнику и костюмеру, какой реквизит подбирать на складе.

А вот идея...

Мы с вами в ближайшее время, к счастью, не в состоянии обратиться к Шекспиру и спросить: какую идею, почтенный Вильям, вкладывали лично вы? Значит, при постановке спектакля идею режиссер формулирует сам, ставя свои задачи. Вы можете поставить спектакль о том, что, к примеру, любовь бессмертна и побеждает даже физическую смерть. Тогда вы расставите определенные акценты, подчеркивая эту идею. Или можете взять другую идею: допустим, наш жестокий век убивает все святое, особенно любовь, утопив чувство в нужнике реальности. Спектакль (или книга, если угодно) сразу заиграет иными гранями. Теперь мы говорим не о жизнеутверждающем начале, а, наоборот, о пессимистическом — все умерли, а оставшимся в живых очень плохо. Главный признак настоящей литературы, если верить специалистам.

Но в любом из приведенных примеров идея абстрактна. Она выражает какую-то общую мысль или концепцию.

ИДЕЮ, одним словом.

Скажите, пожалуйста: неужели в романе «Мир-кольцо» мир-кольцо способен являться идеей романа?! Честное слово, мы оба впадаем в депрессию, когда некоторые читатели нам рассказывают: «Олди, в вашем романе «Путь Меча» чудесная идея — *у вас мечи разговаривают!*»

То есть правоверный фэн берет некую сущность, которую называет сперва фантастической идеей, затем просто идеей книги, и постепенно, шаг за шагом выводит ее в ранг идеологии текста, главной мысли (чувства, мироощущения) автора. И зря. Лазер — это не идея. В книге «Гиперболоид инженера Гарина» может, скажем, звучать идея: «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». Может идти речь об идее ответственности изобретателя за свое изобретение в социальном смысле. Может быть прописан крах человека, возжелавшего стать сверхчеловеком. Мы меньше всего намерены сейчас вас просвещать — каждый прочтет книгу и сам выстроит себе идею.

Так что ж тогда означает для книги лазер?

Что берет фэн, называя это идеей?!

Это ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ДОПУЩЕНИЕ. Фантастический элемент, или, как говорят в театре, предлагаемое обстоятельство. Например, я командую: «Девушка, прочитайте мне монолог Катерины «Почему люди не летают?» из «Грозы» Островского». Девушка читает — люди, мол, не летают как птицы, потому что станут гадить друг другу на голову. Не нравится мне, как девушка читает монолог. Тускло, скверно, без огонька. Я и предлагаю: «Милая, вот представь себе, что ты сейчас взлетишь. Читаешь, а дыхание подкатывает, земля уходит из-под ног, начинаешь терять равновесие!..» Актриса пробует, представляет, пошел верный звук, монолог приобретает новые краски! Так вот, неужели идеей монолога является предложение режиссера: «Представь, что ты летаешь!»? Неужели ЛЕВИТАЦИЯ внезапно становится идеей монолога?

Нет. Это ПРЕДЛАГАЕМОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО.

Инструмент для достижения поставленной цели.

А правоверный фэн берет этот вспомогательный, технический элемент, задача которого подчеркнуть наиболее остро, под неожиданным углом, те или иные социальные, личностные, бог знает какие черты книги — и возводит в ранг ИДЕИ... «Милая, самое главное в тебе — левый глаз! И даже не собственно он, а то, как он косит...». Может, это и чудесно, что глаз косит, мы же не против. Но едва допущение, предлагаемое обстоятельство, оно же «фантастическая идея» ставится в центр восприятия, делается главным достоинством, становится «просто идеей», — книга начинает усыхать. Частности становятся основой, средство становится целью. От всего монолога остается лишь режиссерская задача актрисы — почувствуй, что ты летаешь. Все остальное исчезло, потеряло смысл. «У них мечи разговаривают», и баста. Хотелось поговорить об агрессии и путях ее «самоотвода», о феодальной утопии, о королях и капусте...

Нет, «мечи разговаривают»!

Все! Фэн приехал! Он четко знает идею произведения.

Когда писатель работает над книгой, он пьесу, которая у него в душе, сердце и голове, ставит «на бумаге» в виде моно-

спектакля. Сам себе актерская труппа и режиссер, осветитель и художник, рабочий сцены и директор театра. Понимаете, в чем смысл? Один за всех. Но когда книга попадает к читателю, читатель не получает в руки готового спектакля. Он заново получает пьесу (правда, вместе с частичной режиссерской экспликацией), которую обязан ставить на своем театре. Читатель теперь *сам себе* осветитель, художник, режиссер, дирижер, актер и так далее. Если этот театр бездарен, если этот театр в качестве идеи возьмет: «Ах, лазер! — смотри-ка, блин, автор предвидел развитие науки!» — то все восприятие книги для этого читателя сведется к одной-единственной мысли, как к центру Вселенной:

«Ишь, лазер предвидел! Подлодку изобрел!»

Сейчас появилось разоблачение: оказывается, не Жюль Верн первым описал подлодку, а до него кто-то об этом уже писал. Очень важно! Ну, чертовски важно, кто первым написал, какая штука плавает под водой, да?! И спектакль соответственный получился: вместо власти — сплошной гиперболоид. Дамы и господа, идея зависит не только от писателя. Она зависит и от читателя. Один вложил, а второй увидел или не увидел, или увидел совсем другое. Можно «Гамлета» поставить тысячью способов, и каждый раз с разной идеей. Помнится, существовала оригинальная постановка, где, согласно режиссерской концепции, Офелия была католическая церковь, а Гамлет был Спаситель — английская версия, религиозная насквозь. Провалилась с величайшим треском. Но — почему нет? Мы можем о Гамлете поставить спектакль, где месть ведет к гибели. А можем выдвинуть идею, что злодеяние должно быть наказано любой ценой. А теперь представьте, если мы в качестве идеологического зерна «Гамлета» выдвинем фантастическую идею:

«У НИХ ПРИЗРАКИ ПО ЕВРОПЕ ХОДЯТ!!!»

Какая замечательная идея! Представляете, весь спектакль об этом! В начале был призрак, все остальное — ерунда!

Итак, фантастическое допущение или фантастический элемент, или предлагаемое обстоятельство (назовите, как

хотите) не является литературным критерием и тем паче литературным достоинством произведения. Фантастика, оцененная по этому критерию, выходит за рамки литературы. КАК написано, уже не играет никакой роли: лазер достоверно изображен? — ну и слава богу, чудесная книжка!

Вы что, никогда не читали отклики: «У автора в книге все хорошо, но крепость описана неточно: донжон должен быть на три метра выше». Вот оно! — предлагаемые обстоятельства вылезли вперед. Ну, донжон. Ну, три метра. Для литературы невероятно важно. Тем самым фэн дает эстету сильный козырь: «Смотрите: они оценивают свою любимую фантастику по совершенно нелитературному критерию! Значит, какая же это литература? — а ни-ка-ка-я!».

А мы в качестве контраргумента — лазер с подлодкой...

Как жахнем прямой наводкой по эстетскому донжону!

ТЕЗИС 2. В фантастике главное — эмоциональность, сопереживание, тонкие чувства, «невидимые миру слезы». «Над вымыслом слезами обольюсь» — все остальное (см. тезис 1) вторично по отношению к главному.

Если герои живые, интересные, смышлёные — любая идея покатит.

Герои обязаны вызывать положительные эмоции разной степени интенсивности. Ведь в чём причины популярности футбола и непопулярности — водного пола? А в том, что в футбол многие играли, следовательно, считают этот вид деятельности достойным занятием, а значит, с симпатией в целом относятся к любому футболисту — «по умолчанию». Если герои вызывают более глубокие положительные эмоции, то тогда прощаются и штампованные сюжеты с кучей повторов, и достаточно тяжелый язык, через который приходится прямо-таки продираться.

Говорят читатели

Оно, конечно, да. Если герои смышленые, то все пучком.

А уж если вызывают положительные эмоции разной степени интенсивности...

Обратите внимание: о каких-либо других достоинствах, кроме героев и идеи, в приведенных цитатах не говорится вообще. Идея даже в данном случае отодвигается на второе место, а вперед вылезают герои.

Живые и смышленые.

В свое время Александр Галич пытался определить разницу между стихами и не-стихами. Вспоминал, как на московской кухне они с друзьями долго старались понять, чем отличается поэзия от псевдопоэзии. И в качестве примера привел четверостишие из Тютчева:

Вот иду я вдоль большой дороги,
В тихом свете гаснущего дня,
Тяжело мне, замирают ноги,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

А потом другое четверостишие, написанное в том же размере, с той же системой рифмовки:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой,
Входила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Александра Аркадьевича волновало: как объяснить человеку, не чувствующему поэзии, не воспринимающему поэтического слова, что первое — это стихи, а второе — «техническое стихосложение»? Ну, зарифмовал. И ни одного образа. Есть подробная картинка: яблони, груши, туманы, речка. Вот Катюша вышла на берег. Фотография в семейном альбоме. Образная система отсутствует, как класс. Но мы сейчас не об этом.

Эмоции слушателя налицо? Сколько угодно.

Может человек плакать под «Катюшу»? Безусловно!

Теперь вернемся к любимой фантастике, которая ждет нас, своих «сизых орлов», на крутом берегу.

Эмоциональность, конечно же, хороша. Сопереживание произведению, с нашей точки зрения, один из необходимых элементов восприятия. Книга, которая не вызывает сопри-

частности, становится абстрактной, умозрительной. Как бы чудесно она ни была написана высоким штилем и с лихо закрученным сюжетом, это тем не менее до конца не спасает — художественное произведение много теряет, если не трогает читателя за душу.

Все верно.

Но...

Эмоциональность — один из трех китов восприятия литературного художественного произведения. А именно: интеллектуальная, эстетическая и, собственно, эмоциональная составляющая, сопереживание. На этих трех китах держится и фантастика в том числе. Но среди троицы китов эмоциональность наиболее субъективна. Эмоциональный отклик может быть вызван совершенно нелитературным моментом в произведении. Грубо говоря, человек читает скверно написанную повесть с героями из картона и характерами из пластилина, вспоминает ситуацию, которая близка ему, похожа на ту, которая произошла в детстве с ним или с его родными... Естественно, у читателя пошла цепочка ассоциаций, переживаний, повесть запала в душу, стала любимой. Но мастерство писателя здесь ни при чем. Это случайное попадание в болевую точку конкретного человека.

И не имеет отношения к литературным достоинствам произведения.

В фантастике очень многие фэны, «заточенные» под эмоциональность в первую очередь, сводят сопереживание к отождествлению себя с героем произведения. В большей или меньшей степени. Молодые люди любят почувствовать себя Конаном-варваром и прочими мачо — отсюда и до Альфы Центавра. Юные леди, мы думаем, тоже найдут немало обожаемых прототипов в фэнтези: кошки-оборотни, элегантные вампирши... Эмоций — навалом! Грубый варвар всех обидчиков замочил, вот я бы тоже хотел, да что-то не получается. Зато имею обалденный всплеск чувств, когда это получается у книжного персонажа. На самом деле, вопреки приведенной выше цита-

те, для эмоционального отклика не обязательно в жизни испытать на личном опыте проблемы Конана или дамы-вамп.

Если взять ту же трагедию влюбленных в «Ромео и Джульетте», то вряд ли у многих, к большому счастью, имелся сходный личный опыт.

Но при этом забывается напрочь, что эмоциональное переживание — это не обязательно положительная эмоция. Если герой произведения, к примеру, маньяк-таксидермист и вызывает у читателя реальную ненависть, если ситуация гнусна и рождает омерзение — это тоже сопереживание. Тоже эмоциональное включение в книгу. Еще какое! Но далеко не всем по сердцу испытывать отрицательные чувства. Далеко не каждый может через трагедию прийти к катарсису, а не просто испортить на день пищеварение. И результат для «эмоциональника» налицо: мерзкий злодей, мерзкая ситуация, у меня отторжение — в итоге не нравится мне эта книжка! КНИЖКА ПЛОХАЯ. Читатель не понял, что он на самом деле мощно включился в эмоциональный слой книги, испытал именно те чувства, которые туда были заложены автором, что автор молодец и достиг своей цели. Все сделано правильно, книга написана талантливо, но мы имеем конфликт с установкой: «Сделайте мне приятно!».

Литература — она не для того, чтобы гладить человека по пузику и говорить, какой ты, брат, хороший, и как ты похож на Конана-варвара.

Три кита, о которых мы говорили — эмоциональность, эстетизм, интеллектуальность, — три ножки табурета. Три точки — устойчивая конструкция, всем известно. Человек, который пытается абсолютизировать или превознести над другими один из критериев, подобен человеку, который отпилил у табурета две ножки и пытается на оставшейся усидеть. Упал, ударился и обвинил писателя в отбитой заднице. К счастью, существует ряд умных и тонких читателей, которые могут оценить, что зачастую не книга плоха, а просто это, скажем, в области эмоций НЕ МОЯ книга. Мне лично она не

понравилась, вызвала отрицательные эмоции или оставила равнодушным, но я понимаю, что это талантливая книга, которая не вошла со мной в «сердечный резонанс». Так скажет в ряде случаев грамотный, умный, корректный читатель. К сожалению, такое случается нечасто.

В свое время Чарльз Дарвин (когда он уже был стар, около восьмидесяти лет, если не изменяет память) писал в дневниках, что его перестали эмоционально трогать произведения Вильяма Шекспира. Из этого сэр Чарльз не сделал вывод, что Шекспир плох, что я, наконец, стал старше и понял, какая это все ерунда, начиная с сонетов и заканчивая пьесами. Он написал: «Что же СО МНОЙ случилось, что с возрастом я очерствел и разучился воспринимать Шекспира?».

Эмоциональный читатель — самый трепетный, он возвел в абсолют личную субъективность. Джоконда некрасива — значит, картина непрофессиональна, правильно? Я ж люблю блондинок, а она не блондинка. Этот принцип фэн автоматически переносит... Нет, даже не на книгу. Хуже: на автора. Поскольку метод оценки строится на самоотождествлении (с героями, ситуациями книги) и на содрогании сердечной мышцы, то фэн автоматом, неосознанно приходит к самоотождествлению с автором, принимая или отторгая не конкретную книгу — конкретного писателя. Он делает нелитературный (личностный) критерий оценки — псевдолитературным, обобщающим творчество.

Он говорит: «Слушайте, я три года назад плакал над его книгами, а теперь плакать перестал. Автор — отстой, книжка — дрянь! Исписался, продался за гонорары!».

Дорогой наш, мало ли — может, автор тебя перерос, может, ты вырос из вчерашних штанов, изменился твой личный опыт. Тебя перестали трогать определенные вещи. Нас же не удивляет, что ребенок способен расплакаться, если вы не купили ему мороженое, а вы от такой драмы даже в затылке не почешете.

Фэн берет ряд субъективных моментов, вешает их на автора, как заслугу или недостаток... А эти эмоциональные

«ордена» замкнуты на читателя, и только на читателя. Давайте вспомним старый анекдот:

Грустный мужик заходит в магазин.
— Здравствуйте, я у вас вчера воздушные шарики покупал...
— Вам еще шариков?
— Нет. Я с жалобой: они бракованные...
— Воздух не держат?
— Держат.
— А что тогда?
— Не радуют они меня...

Звучит по радио «Шансон» абсолютно ерундовая песня — ну, скажем, псевдоблатная. Написана отвратительно, исполнение хуже некуда, музыка мимо кассы. А небритый дядя рыдает: у дяди, к примеру, магаданские воспоминания, грехи молодости или что-нибудь еще. Это связано с литературным, музыкальным, вокальным качеством песни? Нет. А дядя утирает слезы — эмоциональность и сопереживание обалденные!

Слушая треньканье ностальгической гитары, можно плакать. Но будет ли справедливым заявление, что это и есть настоящая, высокопрофессиональная музыка, а не концерт «Аранхуэс» Родриго? Вот на этой бравурной ноте мы и переходим к третьей позиции. Что же еще самое главное в фантастике?

ТЕЗИС 3. В фантастике главное — увлекательный сюжет. Все остальное (см. тезис 1) только отвлекает от «забойного» сюжета.

Почему-то во всех дискуссиях никто не вспомнил о таких хороших сериалах, как «Черный отряд» и «Приключения Гаретта» Глена Кука. По-моему, в обоих случаях с увеличением номера книги интерес только возрастает. Насчет языка и прочего не скажу — хороший сюжет держит и без этих изысков. Естественно, появляется тень сериальности. Гаррет книжке к 5-й стал довольно-таки утрированно-великим персонажем. Но сюжеты!!! Сюжеты!!!

Па моему чем старши оне ставоновятся тем больши извращаются. Ну ни дагнать им Стругацких па языку. Вот жывущий в паследний раз была книга а эта скушная.

Говорят читатели

Казалось бы, братцы-сестрицы, сюжет-то — литературная компонента! Значит, тут фэн — молодец.

А если задуматься, как в случае с фантастической идеей?

Первое: такой читатель читает очень много, очень быстро и практически никогда не перечитывает. А зачем? — сюжет-то он уже знает. Чего там перечитывать? Оно «и без этих изысков держит». Изыски не нужны. Мы бы сравнили такого фэна с бегуном-стайером. Бежит читатель из пункта А в пункт Б, страшно ему интересно, где этот пункт Б расположен, все силы отдает, лишь бы до финальной ленточки добежать, порвать ее грудью. Ни роща на обочине дороги, по которой он мчится, ни воздух свежий, ни речушка, которая течет за холмом, ни пейзажи вокруг дороги, цветочки-лепесточки, его абсолютно не интересуют — фэну позарез нужно добежать в пункт Б и сказать:

«Хорош сюжет! А сколько внезапных поворотов! В прошлой книге было шесть; в этой — целых восемь, значит, сюжет гораздо лучше. Кстати, два поворота были для меня непредвиденными...».

Это замечательно. Но дело в том, что к сюжету, как к литературному понятию, такое впечатление не имеет ни малейшего отношения. У сюжета — это скелет книги, цепь событий, меняющих психологическую мотивацию персонажей, — есть свои закономерности, своя структура, архитектоника. Вспомним страшные слова: ЭКСПОЗИЦИЯ (введение в ситуацию), ЗАВЯЗКА (зерно основного конфликта), РАЗВИТИЕ ДЕЙСТВИЯ (внутреннего и внешнего, то есть развитие конфликта в первую очередь), КУЛЬМИНАЦИЯ (максимальное напряжение сил конфликта, вызывающее у читателя катарсис) и РАЗВЯЗКА. И вот мы берем в руки книжку,

над которой тыщ двадцать фэнов пляшут ритуальные половецкие пляски и кричат: «Сюжет! Сюжет великий! Мы от этого сюжета балдеем с утра до вечера!!!». Начинаем смотреть: а кульминации-то нет!

Финала же, то бишь развязки, нет вообще!

Говоришь автору книги при встрече: «Брат-фантаст, как такое получилось?!». Отвечает брат-фантаст: «Ты знаешь, тут я толстую книжку писал, да не дописал. Меня и попросили будущую толстую книжку на два или три тома разбить. Я резанул, где объем позволяет...».

Вот он, сюжет. У скелета по просьбе директора морга часть верхних позвонков отрубили — красивейший скелет получился! Ладно, проехали. Дальше говоришь: «Хорошо, а с завязкой у тебя почему проблемы?»

Брат-фантаст удивляется: «Откуда проблемы? Они с первой страницы машутся...»

Завязка — это первое событие, где закладывается зерно основного конфликта текста. Ну, скажем, хотим мы показать в книге, что самые заклятые враги, попав в общую переделку, способны начать сотрудничество друг с другом и могут найти общий язык. Желаем, понимаете, писать о гуманизме и человечности. О том, что люди в силах договориться, какие бы их ни разделяли барьеры: расовые, языковые, ментальные, сословные... Хорошо, не люди, а эльфы, орки, инопланетяне, барабашки, вампиры — но могут. В любых комбинациях. Замечательно. Начинаем сочинять сюжет. Скажем, герой что-то украл, попал в тюрьму, в тюрьме с кем-то подрался, начали его расстреливать, вешать или рубить голову, не отрубили, куда-то повели — он еще побегал-побегал по крышам и подворотням, потом познакомился с будущим врагом, с которым пойдет куда-нибудь в квест, где мы и станем развивать основной конфликт и идею...

Вроде бы все понятно.

Но все, предшествующее первой встрече героев, сколько бы они ни бегали по крышам и ни рубились на трехручных

мечах, — это ЭКСПОЗИЦИЯ! Завязки еще не произошло! Зерно основного конфликта книги не было брошено в борозду! А герой уже полкниги бегает. А завязка не происходит. А он бегает и стреляет. А фэны аплодируют: «Какой сюжет!».

Нет сюжета, есть неумение автора книги создать гармоничную конструкцию. Автор не владеет ремеслом писателя. Нас же не удивляет, что пианист, если у него нет беглости пальцев и слуха, играет плохо? Сюжет — это целое искусство, плотный событийный ряд, умение подвести читателя к кульминации, где конфликт выйдет на высшую точку развития, где по идее — слышите? по идее! — должен произойти катарсис, самоочищение через соприкосновение с прекрасным. А писатель на конвенте, выпив сто граммов, хмурит бровь: «Да ну тебя, противный! Какая высшая точка, какой катарсис? Сделаем «промежуточный финал», а там посмотрим. Я тут думаю: может, это будет дилогия, а может, трилогия. Может, сериал забабахаю, если будет хорошо продаваться...»

Вот и вся кульминация! Вот и вся высшая точка напряжения конфликта. Писатель книжку уже издал, и гонорар потратил, и с читателями пять творческих встреч провел, но еще не решил вопрос композиции сюжета. А когда решит, тогда будет ему счастье.

В виде повышения тиража.

Мы понимаем, что сейчас говорим достаточно жестко. И еще раз фиксируем: подобные вещи указывают на неумение автора строить сюжет. Когда фэны вокруг него пляшут и припевают: «Какой дивный сюжет!», под сюжетом они понимают не фабулу, не цепь событий, даже не интригу — банальную последовательность физических действий и ситуаций. Пошел, побежал, украл, попался, вор должен сидеть в тюрьме, отсидел, встретил знакомого эльфа, улетели на Эпсилон Эридана... Это и есть ряд картинок, не меняющих мотивации персонажей, не развивающих основной конфликт, не работающих на идею, и так далее. Значит, когда говорят: «В книге главное — сюжет», мы отвечаем: «Врешь! Ты не в курсе, что такое сюжет. И любимый твой писатель тоже не в курсе».

Как итог, имеем полное преимущество «приключений тела» над «приключениями духа».

Литературное произведение — это сложный организм. Даже если беготню назвать сюжетом, то получится следующее. Из организма выдрали скелет и говорят: «Какой хороший организм! Все остальное не важно: ни мышцы, ни кожа, ни слизистая, ни желудок, ни печенка! С хорошим скелетом и без этих изысков покатит...» При таком подходе идеал — развернутый комикс.

Начинается цепная подмена понятий. Если мы понимаем кульминацию действительно как момент читательского катарсиса, как место сюжета, где конфликт достиг высшей точки — Ромео и Джульетта мертвы, над трупами братаются Монтекки с Капулетти, зрителя трясет: «Что ж вы поздно опомнились, гадюки?!» — то для фэна-«сюжетника» кульминацией является финальная драка. В финале подрались — значит, есть сюжет. Ну а развязка — это, значит, промежуточный финал, тонкие намеки на будущие книги и пауза на полгода перед тем, как автор напишет продолжение.

Виват сюжету!

Под бурные аплодисменты вспомним фрагмент интервью Станислава Лема:

«Чем меньше компетентен читатель, тем большее внимание он обращает на занимательную фабулу. Антек пнул в зад Маньку — больше ничего не происходит. Вопросы литературного мастерства, искусства повествования, языка их совершенно не интересуют. Существует молчаливое большинство читателей, о которых мне ничего не известно, но я имею некоторое представление о тех, кто на Западе пишет в любительских журналах и устраивает периодические конкурсы НФ. Вопросы литературы не существуют для них вообще! Вы понимаете, что это значит: не существуют?! Им, конечно, известно, что такое литературный вымысел, ведь это взрослые люди, но из этого ровно ничего не следует. Они вообще не слыхали о каком-то там Уэллсе! Как же, ведь это такая древность! Кому интересно читать книги с пожелтевшими стра-

ницами? Кому захочется носить брюки по моде 1947 года? Они не читают ничего, кроме фантастики. Знания о физике? Из НФ. О биологии? Из фантастики. Американские психологи попытались воссоздать психофизический тип таких читателей и авторов. И знаете, что оказалось? Чаще всего это молодые люди со множеством комплексов, страдающие от одиночества неудачники. Нередко им просто не везет с женщинами. Найдет такой субъект себе девушку — и очень скоро перестает издавать эти научно-фантастические журнальчики. Это просто средство приятельского общения».

В принципе четвертый тезис, к которому мы собираемся перейти, — это гипертрофированный третий, доведенный до абсурда. Клинический случай, имеющий своих рьяных приверженцев.

ТЕЗИС 4. В фантастике главное — драйв, экшн. Сложный язык, психология, пейзажи, описания, размышления и отступления — лишнее.

Уж я эту книгу читал-читал, и с начала читал, и с середины читал, и с конца, и в глазах рябило... Эту идею, по-моему, можно в куда меньший объем уложить... И еще постоянные вставки каких-то левых объяснений-рассуждений в самом действии, не идет на поддержание напряжения, еще немного почитаю, если не въеду — заброшу. Осталось ощущение, что все в этой книге такие умные, да и авторы тоже ничего — а вот я дураком уродился.

Книга читабельная, но тяжелая и нудная. Когда закончил читать, осталось странное чувство — то ли хотели из меня авторы идиота сделать, то ли я уже и есть готовый идиот. Не самое приятное чувство после чтения, правда?

Говорят читатели

Итак, любители экшена унд драйва. Это люди, которые испытывают острый адреналиновый голод. Чаще всего в реальной жизни они заняты какой-нибудь достаточно нудной сидячей работой. Реплику из зала: «Программисты!» мы от-

метем, как неорганизованную — не обязательно: офисные работники, клерки, книготорговцы, мало ли, кто еще. Они пытаются получить от книги то, чего им не хватает в реальной жизни — адреналинчику. Что для этого лучше всего, а главное, безопасно для любимого тела — порубиться в компьютерную игрушку, отстреливая монстров (что-нибудь DOOMоподобное), либо боевик по телевизору посмотреть, либо почитать соответствующую книжку, к примеру, новеллизацию того же DOOMа. Вот где экшена — завались.

Все, что снижает градус оного драйв-экшена, все, что делает литературу литературой, — подобные читатели считают лишним и вредным.

Да, сгущаем краски и доводим до абсурда.

Но приглядитесь: так ли сгущаем и так ли уж доводим?

Тут стоит поговорить о темпоритме. Дело в том, что темп — это частота, скорость развития ВНУТРЕННЕГО действия. Динамика изменения характеров персонажей, динамика развития взаимоотношений, идей, концепций; психологического напряжения в конце концов, если речь о триллере или хорроре. А ритм — это частота и скорость развития ВНЕШНЕГО действия. Тот самый экшн, о котором, собственно, идет речь: что герой сделал, куда побежал, с кем сразился, кого обманул... Сочетание этих двух параметров дает настоящее, истинное, объемное действие — когда оно идет и внутренним, и внешним курсом.

Если в результате внешнего действия меняются психохарактеристики героя — это, естественно, не может оставить его внутренний мир, характер, мировоззрение и отношения с людьми в прежнем виде. В то же время из-за того, что он меняется внутренне, герой начинает по-другому действовать внешне, меняется его реакция на внешние раздражители. Допустим, в начале книги он за косой взгляд готов был убить, а в финале понимает, что насилие — великий грех. Вот это и есть истинное действие, подлинный темпоритм книги: внутреннее и внешнее взаимосвязаны, перетекают и взаимообусловлены.

Однако любитель экшена темп не воспринимает ВООБЩЕ. Внутреннее действие проходит мимо него, оно ему в принципе неинтересно. Он говорит, что это отстой, герои слишком много шевелят извилинами и сердечной мышцей, да еще и любуются пейзажами — побежали-побежали!!! Мало ли, что герой там думает или меняется — мочить надо! А он задумался, дубина — щас самого замочат!

Руби!!!

Кстати, бывает очень быстрый темп и очень медленный ритм. Внешне действие может почти не двигаться — и быть крайне напряженным внутри. Хичкок говорил: положите молодоженов на кровать, заставьте заниматься любовью, а под кроватью разместите бомбу с часовым механизмом. Любовь, страсть, видеоряд самый чудесный, а зрителей трясет. Но напряженный темп при медленном ритме любителем экшена не воспринимается. У него этот аспект восприятия кастрирован. Ему главное дождаться, когда бомба наконец взорвется. А потом радостно наблюдать, как во все стороны будут лететь кишки.

Вот это да, это круто, это драйв!

Изменения темпа фэна-адреналинщика раздражают. Но ведь и любимый ритм — основа экшен, — как любой ритм, состоит из чередования слабых и сильных долей. Упирая на необходимость постоянного драйва, наш фэн из всего оркестра оставляет только военный барабан. И чем дальше, тем больше его психика требует «дозы».

Эй, барабанщик, будь добр «колбасить» без пауз!

Драйв и экшн — скорость смены внешних псевдособытий, скорость смены физических действий, скорость смены кадров, наконец. Это ритм, скорость развития внешней интриги — даже не сама интрига или сюжет. Естественно, это никак не может быть литературным критерием — сколько трупов приходится на единицу площади книги, сколько перестрелок, погонь и неожиданных явлений бога из машины или рояля из кустов. Но для определенного типа фэнов этот критерий является главным. Естественно, если фэн имеет

неосторожность высказать подобное мнение в присутствии эстета, уже поминавшегося нами незлым тихим словом, то эстет радостно закричит:

«Да-да-да! Ты прав, господин фэн! Вот это в фантастике главное — кто кого убьет и как быстро!».

Побыстрее доводить секс до оргазма и сразу засыпать. За столом мигом набивать брюхо до полной сытости, не вникая во вкус блюд. Пить вино исключительно ради скорейшего опьянения. Не смаковать, не ощущать букет, запах, любоваться оттенками, не соблюдать застольный ритуал, не произносить тосты, а хлобыстнуть залпом стакан-другой-третий, чтобы шарахнуло по башке. Для этого лучше подходит крепкое дешевое «жужло», а отнюдь не коллекционное вино или коньяк. Соответственно, любители драйва-экшена, как правило, люди непритязательные. Им подавай дешевенькие боевики — лишь бы в ассортименте бегали-стреляли.

Фантастический антураж — да, хорошо.

Лучше из бластера: из него больше народу замочить можно.

Добавим, что это самый агрессивный тип фэна. Если он не получает от книги желаемого, автор огребает по полной. И ко всему, снижающему драйв-экшн, этот читатель относится с наиболее яркой, громко декларируемой ненавистью. Остальные фэны могут лишь позавидовать неукротимой силе его духа.

ТЕЗИС 5. В фантастике главное — оригинальный мир (антураж), возможность хоть на час убежать от серой реальности, в которой нам выпало жить. Все остальное (см. тезис 1) только мешает.

Фэнтези как литературный жанр — это описание виртуальных миров с работающей в них магией. Причём миров с чёткими границами между тёмными и светлыми силами. Поэтому многие необоснованно относят к «фэнтези», например, Семенову или Олди. Это просто историческая фантастика, с вполне земной географией. В настоящем фэнтези так не бывает.

Взялся за рассказы Чехова. И так оно тяжело в меня идет... И не потому, что язык плохой или там недопонимаю чего, а уж больно безысходно он мир описывает, особливо людей. Так и маюсь с тоненькой книжицей вторую неделю, вдавливаю в себя по капле. Правильно говорят про эскапизм. Ну на фига мне при нашей поганой действительности еще и про чужую поганую действительность читать? Уж лучше я похождения очередного фанерного героя почитаю, при том, что в последнее время интересные авторы вовсю появляются.

Говорят читатели

Разумеется, чаще всего этот читатель — эскапист. Дайте мне другой мир: мне в этом неуютно. Мы не будем рассматривать деформацию психики — это к психоаналитику, там объяснят. Если ты, братец, в этом мире не устроился, кто тебе сказал, что ты устроишься в другом?! Тебя ближайший разбойник зарежет из-за твоих кроссовок на первом километре. Если не зарежет — будешь ты репу окучивать до пятидесяти восьми лет, потом умрешь от цинги, и на этом закончится вся твоя интересная жизнь.

Вернемся к литературе. Да простят нас господа миросозерцатели, но мы глубоко убеждены: принципиально новый мир придумать невозможно. Вообще. Вся европейская мифология не смогла придумать кенгуру. Кентавр — это человек плюс лошадь, химера — это коза-лев-змея. Все комбинации не выходят за рамки сочетания знакомых элементов! Хоть нарисуй восемь карт с комментариями, и напиши, что тут гора Скелетов, а здесь море Упырей, и назови область Амблздох-на-Тир-Манхэттене — именовать этот винегрет принципиально новым миром может только человек с очень ограниченным представлением о мироздании. Эскаписту, которому здесь плохо, и в Амблздохе жизнь медом не покажется.

И возникает вопрос: а с каких пор декорации стали главным в спектакле?!

Вынес художник, или вовсе рабочий сцены, станки, покрасил мешковину, налепил плюш, расставил пандусы с реквизитом — вот, вот он, истинный смысл спектакля! Уберите Ромео и Джульетту! Режиссер, пшел вон со своими мизансценами и сверхзадачами! Осветитель, сюда, сюда свети, чтоб лучше видно было! Вот оно — главное!

А потом удивляемся, почему зал пустой...

Здесь звенит первый звонок о нелитературности данного критерия. Попытка перевести литературное пространство книги в принципиально иное — пространство ИГРЫ. Мне здесь неуютно — книга, дай мне материал, чтобы я себе эрзац-жизнь придумал. Мне и полегчает. Книга нужна как инструмент для достижения цели особого толка, а вся ваша литература этому типу фэна не так и интересна. И после выхода книги набегают буйнопомешанные миро-творцы: давайте распределим расы и кланы, территории и майораты, найдем уютную нишу в песочнице, где я, скучный и толстый, буду герцог де Воляпюк или вампир Тилидракул из славного клана Чеснокоустойчивых... Фактически что делает любитель миров? Он берет книгу, читая, убивает ее и из трупа делает зомби-сценарий для своих дальнейших экзерсисов.

Сценарист он плохой, но это дело десятое.

Тут формируется цепь этапов смерти книги в процессе чтения. Путем такого подхода правоверный фэн выхолащивает книгу этап за этапом. Прочитал, проникся возвышенным духом и, главное, «оригинальным миром» — тряхануло человека! Хочу испытать еще раз! Хочу! Начинаю писать фанфики в изобилии, искать похожие книги (лучше сериал про этот мир), начинаю придумывать игры, переносить реалии книги в свою жизнь, сетевой ник себе придумываю соответствующий, одежду шью по выкройкам книги (см. страницу 112), зову себя эльфом, драконом или космодесантником Пупкиным. Что мы воспроизводим в данном случае? — дух книги? идею книги?

Ничего подобного.

МЫ ВОСПРОИЗВОДИМ РЯД ФАНТАСТИЧЕСКИХ ДОПУЩЕНИЙ!

А потом, обвешавшись этим делом с ног до головы, удивляемся: почему дух книги не нисходит на нас?! Или нисходит, но меньше, чем раньше.

Видимо, мало потрудились.

Раз получилось плохо, надо пробовать дальше. Фэн-миролюбец пытается заново воспроизвести ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ впечатление от книги. Путем, естественно, развития описанного мира вне книги. Опять что-то не так. Приходят самые кондовые любители оригинального антуража: «Это вы, друзья, неточно прониклись книгой. Не до конца выучили географию, этнографию, биографию, как кого зовут, кто у него папа, кто у него мама, на каком материке жил, кто у него был троюродный дедушка в восьмом колене. Щас выучим, и будет нам счастье, и дух книги возрадуется!»

А духа уже давно нет. Стоит ли удивляться, что он не появится? Всё выучили! Весь мир — назубок. У вас много возникает душевных переживаний от чтения энциклопедического словаря?! — у нас нет.

Тогда на пороге является следующий тип миролюбца и говорит: «Драйву мало! Щас! Двуручный меч, мочиловку — и дух снизойдет!» Дух книги кончается в страшных муках, книга в фанфиках, играх и вторичных мироконструкциях превращается в глухое квестовое мочало и мочило... В мире воцарились маньяки. И следом за маньяками приходят последние. Хохмачи. Приколисты. Они говорят: «Надо постебаться, тогда все будет классно! Введем эльфа Валокордина или космического императора Трицератопса, посмеемся, и баста!».

Все. Для кучи читателей книга умерла, не выдержав пыток фэнов-миролюбцев, похоронена, и на могиле установлен надгробный камень.

Умерли дух книги, идея книги и так далее.

Как только «мир» как антураж, как декорация вылезает на первый план, и это провозглашается основным содержа-

нием (достоинством) книги, со сцены уходят и актеры, и режиссеры, и музыканты из оркестровой ямы. Остаются пыльные декорации, которые без людей, без талантливых исполнителей гроша ломаного не стоят — мешковина, сусальная позолота. И на этой темной сцене правоверные фэны с горящим взглядом пытаются разыграть спектакль сами: «Сейчас мы в этих декорациях станем Олегами Табаковыми и Клодами Ван Даммами!» Нет, не становятся. В результате толпа вандалов разносит декорации вдребезги, а эстет, сидя в зале, говорит: «Ну, конечно, дрянь! Я же знал заранее! И декорации у них пыльные...»

Резюме: сам по себе отдельно взятый критерий прописанности и проработанности мира не является литературным критерием. Иной писатель десятью фразами и легкими вкраплениями в текст зарисовок буквально на одну-две строчки даст знать о мире больше — образ мира, ауру, ощущение, — чем тот, кто полкниги исписал географией и этнографией.

И вот теперь — тезис шестой.

Самый честный, но ничуть не более приятный для ценителей литературы.

ТЕЗИС 6. В фантастике главное — развлекательность, возможность расслабиться и отдохнуть после работы и семьи.

Как уже достали сверхзамороченные романы, построенные на ассоциациях, понять которые можно, только изучив основательно буддизм, индуизм, Ветхий Завет, историю, а также еще кучу прочей херомании, так как на протяжении всего повествования герои остроумно намекают на эти связки. Что меня раздражает, так это необходимость серьезной подготовки к чтению.

Говорят читатели

Дайте мне возможность расслабиться, отдохнуть после работы и семейных забот. Нечего меня грузить всяким умняком. Я хочу оттянуться. Да, совершенно не обязательно огромное количество экшена, но я хочу развлекательности.

Классика: ЧЕЛОВЕК РАЗВЛЕКАЕМЫЙ.

Это читатель, который не намерен прилагать никаких усилий, чтобы проникнуться духом книги, понять, что же, собственно, хотел сказать автор, получить удовольствие от языка, от ассоциативных связей, эмоционально пережить книгу, почерпнуть что-то новое в интеллектуальном плане. Ему нужна одна функция: мне скучно, я устал, мне облом, не грузите — развлеките меня.

В общем, это честный тип фэна. Он открыто декларирует свою позицию, четко прописывая место фантастики в своей жизни, отказывая ей в литературных составляющих искусства и оставляя только голую развлекательность. Тут, правда, неплохо бы понимать, что У-влекательность и РАЗ-влекательность — как говорят в Одессе, две большие разницы. УВЛЕКАТЕЛЬНО написанная книга, как правило, гармонична. В ней есть и интересный сюжет (настоящий сюжет, а не беготня и суматоха), и хорошо прописанные персонажи, есть развитие характеров, динамика внешнего и внутреннего действия, кульминация, идея, оригинальность...

УВЛЕЧЬ можно с собой в дорогу. Вместе.

А РАЗВЛЕЧЬ можно лежащего на диване или сидящего в кресле. Само слово так устроено. Если писатель УВЛЕК вас — вы вместе с ним идете в путешествие. А если он вас РАЗВЛЕК — то вас чиркают по пузику перышком. Похихикали, и славно. Очень существенный нюанс словообразования.

Читатель, который оставляет от всего спектра книги лишь развлекательность, лишает автора права пользоваться целым рядом литературных приемов, делающих книгу лучше. Фэну не надо лучше, ему надо отдохнуть. А «лучше» мешает отдыхать. Фэн не хочет толкнуть дверь, чтоб войти. А уж о том, чтоб подняться по ступенькам, не идет и речи. Зачем прилагать усилие, ежели мне надо оттянуться после трудового дня? Нет, мне дайте дверь нараспашку и ковер под ноги, а я еще посмотрю, ходить по нему или, может, прилечь поспать! Вдруг ковер недостаточно мягок и ворсист, вдруг там ступенька, споткнусь еще случайно...

Такой читатель сознательно кастрирует собственное восприятие, духовный мир, возможность сопереживания, эстетического удовольствия и т. д. Добровольно отсекает ряд параметров, ряд граней личности. Человеки развлекаемые (а имя им — легион!) провоцируют и писателя заняться самокастрацией: за право первородства тебе, брат-автор, нальют ба-альшое корыто чечевичной похлебки.

Прильнем и отхлебнем?

CODA

Не люди говорят языком, а язык говорит людям и людьми.

Мартин Хайдеггер

Одна печатаемая ерунда создает еще у двух убеждение, что и они могут написать не хуже. Эти двое, написав и будучи напечатанными, возбуждают зависть уже у четырех...

В. Маяковский

Проводили как-то на литературном форуме, посвященном фантастике, опрос:

«Что самое важное в книге?»

Первое место, совершенно точно следуя вышеизложенным тезисам, заняла Ее Величество Идея, под которой большинство, судя по комментариям, понимало ту самую фантастическую идею — лазер, Мир-кольцо, говорящие мечи (прим. 30% голосов). Второе место занял Его Величество Сюжет (около 25% голосов). Под сюжетом понималось сами знаете что, в качестве самых сюжетных книг приводились тексты без конца и начала. И участники опроса дружно радовались, что автор намерен еще несколько книг к этим огрызкам дописать, но сколько именно томов, пока не решил. Третье место заняла Принцесса Читабельность (около 20% голосов). Чувствуете кайф самого слова? ЧИТАБЕЛЬНОСТЬ... За ней на четвертом месте (около 13%) оказалась целая компания царедворцев под общим названием «Другое». Участники

опроса под этим понимали, опять же исходя из комментариев, «мочилово», юмор, отсутствие натурализма (народ раздражало слишком подробное описание быта, природы и пр.), эмоциональное сопереживание и т. д. Пятое место занял ненаследный Принц Мир, огорчив сторонников-эскапистов (5% голосов). Герои — живые и смышленые, с валом сопутствующих эмоций — заняли почетное шестое место (4%). Герцогиня Новизна (типа раньше этого не читал, а теперь прочел) набрала всего 3% голосов, заняв седьмое место.

А последние два места, восьмое и девятое (по жалкому 1% голосов на каждого), разделили бастарды, изгнанники, отребье: Достоверность и Язык.

Вдумайтесь, дамы и господа! ЯЗЫК, основное средство выразительности книги, единственный инструмент писателей — нет у нас другого инструмента! — нужен одному проценту читателей! Правоверным фэнам язык ни к чему! Как написана книга — абсолютно неинтересно!

Это говорит об одном. Вышеупомянутые шесть тезисов — и не только они, — выводя фантастику из литературы в какое-то совершенно другое пространство, сделали свое дело.

По этому поводу давным-давно с рек вавилонских раздается известный нам всем плач Ярославны: фантастика умирает, уже умерла, у фантастики кризис, все очень плохо. «Пишут один отстой; читать нечего; вокруг сплошные графоманы и халтурщики...» Полно, друзья, не стоит абсолютизировать! Как известно, по закону Старджона 90% чего угодно — полная дрянь; и фантастика — не исключение. Правда, плакальщики отчего-то полагают, что к фантастике это относится, а во всем остальном проценты шедевров много выше.

Мы бы сказали иначе. Засилья полного отстоя, торжества клинической графомании в нашей фантастике нет. И не спешите спорить. Сперва выслушайте до конца.

В фантастике имеет место засилье середнячков-ремесленников. Легионы «худо-бедно». Они худо-бедно владеют язы-

ком. Ну, по крайней мере падежи могут согласовывать. Они худо-бедно способны описать героя и даже добавить ему парочку индивидуальных черт. Они худо-бедно слепят сюжет — ну, не то чтобы сюжет, но историйку расскажут. Арсенал ремесленных навыков у них есть — может быть, и не шибко большой, но кое-что умеют. С фугами Баха проблемы, но на гитаре у костра получится.

Так вот, на страницах книг этих ремесленников средней руки воплощаются в жизнь все тезисы, о которых мы говорили. Деловитый литератор-фантаст, в худшей или лучшей степени владея азами литературного мастерства и не имея стимула (потребности?) это мастерство наращивать (вспомним «Мартина Идена» Лондона!), смотрит, что читает он сам, что читают его приятели, что популярно в интернете, на книжном лотке... Выясняет, к примеру: «Ага, забойный сюжет, как я это называю!» (с) Министр-администратор из «Обыкновенного чуда». И действует по знакомым внелитературным рецептам, пытаясь оформить свое творение, как произведение литературное. В итоге такой монстр в твердом переплете находит вполне вменяемый спрос среди той же группы, откуда литератор почерпнул знания о рецепте творчества.

Другие ведь точно такое же печатают? Ну, и я напишу — может, чуть хуже, а может, и не хуже.

Смотря с кем сравнивать.

Таким образом часть фэнов становится писателями. А они воспитаны, к сожалению (не все, но довольно многие), именно на «средней фантастике». Не на отстое, не на графомании — но и не на шедеврах. А остальную литературу и вовсе знать не хотят. Зачем? Большинство вокруг — середнячки, издают всякого фант-добра навалом, читаю я это в изобилии — значит, это норма. Раз все так пишут — норма, и зашибись! Это печатают, это издают, это популярно, это обсуждается, в этом находят разнообразные достоинства.

Я могу не хуже! — самовоспроизводство посредственности.

Мы с вами, господа писатели, одновременно являемся и читателями. И когда мы прощаем собратьям по перу (клавиатуре) плоский язык, картонных героев, отсутствие образности, развития характеров, когда ласково говорим: «А вообще-то неплохо! Прочел с интересом. Не шедевр, но вполне...» — мы поощряем коллег к написанию тонн лабуды. Вольно или невольно, сознательно или бессознательно подстраиваемся под общий средний уровень. Начинаем оценивать, вслед за читателем определенной категории, литературу — по нелитературным критериям.

И этим критериям следуем.

Проблема в том, что это СЕЙЧАС середнячки. Со временем, если так будет продолжаться, они благополучно станут для очень многих ЭТАЛОНАМИ, корифеями — теми, на кого будут равняться завтрашние инженеры душ человеческих.

Фэн, отвергающий остальную литературу, вооруженный четким знанием, что нужно «настоящей» фантастике, на наших глазах вышел из читателей и пришел в писатели. Дамы и господа, он здесь, он среди нас! И воспитан оный фэн не на Чехове, который в него «идет плохо», не на Ахматовой, даже не на Желязны и Стругацких, а на бесконечных похождениях — ведьма летает, вампир кусает, клан Белой магии против клана Алой магии, сюжет налево, идея направо. Он знает умные слова — «сюжет», «мир», «идея» — только они давно потеряли реальное значение. Конан-варвар пришел в литературу, массово, стройными колоннами, с развернутыми штандартами. Он так мощно пришел, что ряд умных, талантливых людей тихо шепчет в нетрезвой глуши конвентов:

«Блин, хорошо же продается, гадюка! А я что, так не смогу?»

Вы думаете, почему фантасты так часто спиваются?!

Беда ситуации в том, что средний класс-победитель получает массу удовольствия от прорыва и не подозревает, что

за ним идут следующие армады. Братец, они на пороге, они стучатся в твою дверь: читатели, воспитанные НА ТЕБЕ! Представил их? Содрогнулся?! В них уже не Чехов, в них ты трудно полезешь, если сделаешь хотя бы шаг в сторону... Тебя вышибут (не сейчас, так через десять лет) «с рынка» точно так же, как ты вышиб предыдущих. По главному критерию — ПО ТИ-РА-ЖУ. Потому что издатель уже сегодня хвастается: «У нас появился чудесный автор: очень быстро пишет. Он, конечно, пишет крайне скверно, но у нас к нему в пару есть хороший редактор — редактор перепишет!..»

Нате вам пять, шесть, семь книг в год — как с куста!

Кушайте-нахваливайте...

А чудесный автор еще и выскажется где-нибудь в сети:

«На фоне того, как некоторые «критики» вытаскивают из книг отдельные куски и искренне считают, что если они смогли найти в книге десяток кривых предложений, то книга дерьмо (это не про мою книгу, но про книгу одного моего друга). Хотя если уж и находятся такие предложения, то пинать надо редакторов!»

Однажды это и станет «нормальный средний уровень» — то, что сейчас считается вообще нечитабельным. И уже на этой «литературе» станет воспитываться следующее поколение читателей (и писателей!), считая такой уровень нормой.

Один вполне издающийся писатель X подтвердил это заявлением:

«Каюсь, стилистика и язык хромают, но со временем, если я буду стараться, они изменятся (и не надо сарказма:)). Ну и что, что мои книги не нравятся «взрослым» литераторам, которые любят разбирать книгу на предложения и рассматривать под микроскопом каждое слово? Но ведь книга — это не только правильный стиль и очень умная мысль, это еще и настроение, сюжет, смех...»

Средний класс, за вами придут люмпены! Вышибут, как тараном: пикнуть не успеете.

Проводился недавно еще один опрос: «Считаете ли вы себя писателем?» Началось поголовное кокетство, сбежалась куча фантастов, у большинства пять, шесть, десять изданных книг в твердом переплете. Все пишут слово «Писатель» с большой буквы и заявляют, что себя писателями ну никак не считают. Кем угодно — литераторами, авторами, фантастами, словесниками, беллетристами, текстовиками, лишь бы не писателями... Даже стыдно объяснять, что автор может быть только автором конкретной книги. Нет такой профессии — автор. Мы можем быть авторами этой статьи, и не более.

«Где вы работаете?» — «Я АВТОР!»

Надо понимать, тексты свои они литературой тоже не считают. Тогда — чем? Фантастикой? И почему, если ты не писатель, ты позволяешь своим книгам выходить в свет, продаваться, наконец?! Я не строитель — купите квартиру в возведенном мной доме! Я не стоматолог — заходите, я вам пломбу поставлю! Я не женщина — хотите, я вам мальчика рожу! Я не писатель, но имейте снисхождение: если я буду СТАРАТЬСЯ, то со временем, книге к тридцатой у меня будет ПРАВИЛЬНЫЙ стиль. А пока так почитайте, как есть... Переход количества в качество. Фэн во всеоружии главных тезисов стал активно издаваться, но писателем зваться стесняется. Книжные полки от глянцевых обложек с его фамилией ломятся, а он по-прежнему не писатель.

КТО ТЫ, МАСКА?!

Гонорары ты тоже не получаешь? Отказываешься?

А читатели твои — они читатели или нет? Может, и они стесняются...

Подвести итог под сегодняшним разговором нам хотелось бы двумя стихотворениями.

Мне плевать на хорей, амфибрахий и ямб,
Я бываю обкурен, бываю и пьян,
Мне по нраву распутство, по нраву бесчинства —
Я в натуре Омар и в натуре Хайям!

ПРО РАК

...и шестикрылый серафим...

А.С. Пушкин

Испив безденежья фиал,
На книжном рынке я влачился,
И шеститомный сериал
На перепутьи мне явился.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил денег звон:
И внял я евро колебанье,
И горний долларов полет,
Рублёвый полунощный ход,
И южной гривны прозябанье.
И он к устам моим приник
И вырвал русский мой язык,
Литературный, яркий, стильный, —
И клизму мудрыя попсы
Мне под кровавыя усы
Вложил десницей меркантильной,
Кишечный распоров мне тракт,
Он массу трепетную вынул
И долгий фьючерсный контракт
В кишки отверстые водвинул.
Как труп, на рынке я лежал,
И сериал ко мне воззвал:
«Восстань, чувак, как в ж...пу ранен,
Духовный свет в сердца пролей,
И от столицы до окраин
Руби бабло с читателéй!»

Содержание

Фантастика. Фантасты. Фантазия 5

ПРОСТО ФАНТАСТИКА!

Алексей Корепанов ПРОЛОГ 23
Михаил Борисов ИНТУИЦИЯ 33
Андрей Павлухин ТЕЛЕДРАЙВ 40
Карина Шаинян МОЙРА-СПОРТ 53
Ирина Сереброва ВЕСЬ МИР БУДЕТ ПЛАКАТЬ 68
Юрий Максимов ДВАДЦАТЬ МИНУТ 90

НЕ ПРОСТО ФАНТАСТИКА

Светлана Прокопчик НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ 103
Леонид Каганов НУЛЬГОРОД 144
Владимир Пирожников КАИНОВ КОМПЛЕКС 165

СОВСЕМ НЕ ФАНТАСТИКА!

Сергей Туманов СОЗДАТЕЛЬ ИГРУШЕК 223
Сергей Чекмаев СПАМЕЛЛА 234
Юрий Манов МОЛОКО ЗА ВРЕДНОСТЬ 249
Сергей Слюсаренко ВАМ — ВЗЛЕТ! 291

ФАНТАСТИКА?

Юлия Остапенко ЗНАЕТ ГОЛАЯ ВЕТЛА 319
Инна Живетьева Л-РЕЙ 331
Виктор Ночкин КОНСЕРВЫ 347

НАКОНЕЦ-ТО, ФАНТАСТИКА!
Сергей Лукьяненко НЕДОТЕПА 377

ТАК ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ?
Андрей Шмалько ФАНСТРИМ, ИЛИ ЗАВТРАК В ФОНТЕНБЛО 497
Евгений Лукин ВРАНЬЁ, ВЕДУЩЕЕ К ПРАВДЕ 512
Генри Лайон Олди ВЕСНЫЕ ПЕСНИ О ГЛАВНОМ, ИЛИ ФАНТЫ ДЛЯ ФЭНА 539

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ буква

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Фантастика 2006
Выпуск 2
Сборник

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: Л.О. Огнева
Технический редактор Т.В. Сафаришвили
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.06 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО « Типография издательско-полиграфического
объединения профсоюзов Профиздат»,
144003, г Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

ISBN 5-17-037615-4
9 785170 376155

Поклонники отечественной фантастики!

Перед вами — одиннадцатый выпуск популярного альманаха «Фантастика», с неизменным успехом выходящего уже шесть лет!

Новые рассказы, повести и статьи Сергея Лукьяненко и Евгения Лукина, Леонида Каганова и Юлии Остапенко, Сергея Чекмаева — и творческого дуэта Г.Л. Олди!

Все это — и многое, многое другое — в новом сборнике «Фантастика».

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ